PA 28
C-23
b 2

9-8
С 23

ЗАПИСКИ
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XLIV. 2.

РА
28
С-23

СБОРНИКЪ
ВЕЛИКОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ

АРХИВА
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Выпускъ II.

ИЗДАЛЪ

А. М. Смирновъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Россійской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1917.

Напечатано по распоряженію Русскаго Географическаго Общества, подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Сказочной Комиссіи, Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи д. чл. С. Ѳ. Ольденбурга и Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи д. чл. А. А. Шахматова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
537870

Текстъ напечатанъ въ типографіи А. В. Орлова, В. О. Средній пр. 6.
Заглавіе, предисловіе и обложка — въ типографіи Россійской Академіи Наукъ.

Отъ Сказочной Комиссіи.

Обстоятельства военнаго времени задержали выходъ настоящаго изданія, въ которомъ предположено было выпустить въ свѣтъ всѣ до сихъ поръ неизданныя великорусскія сказки изъ Архива Русскаго Географическаго Общества; тяжелыя типографскія условія, почти налагающія запретъ на печатаніе научныхъ трудовъ, естественно выпускаемыхъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не даютъ возможности напечатать уже готовыя въ рукописи части настоящаго труда, содержащія, во-первыхъ, введеніе, гдѣ подробно изложены начала, положенныя въ основаніе изданія, и гдѣ дано описаніе использованныхъ рукописей Архива съ указаніями, почему изъ нихъ не извлечены нѣкоторыя сказки, во-вторыхъ — подробный предметный указатель, составленный по плану, принятому уже въ другихъ изданіяхъ Сказочной Комиссіи, а именно въ Пермскомъ и Вятскомъ сборникахъ Д. К. Зеленина.

Находя желательнымъ скорѣйшее появленіе въ свѣтъ уже напечатаннаго нѣкоторое время тому назадъ текста сказокъ, расположенныхъ по губерніямъ, порядокъ слѣдованія которыхъ сообразованъ въ общихъ чертахъ съ областнымъ дѣленіемъ, принятымъ въ нѣкоторыхъ географическихъ изданіяхъ, Сказочная Комиссія рѣшила издать его въ двухъ выпускахъ, отнеся

введеніе и указатель къ третьему выпуску (примѣрно въ 10 печатныхъ листовъ), который будетъ выпущенъ въ свѣтъ по минованіи переживаемыхъ въ настоящее время типографскихъ затрудненій.

Работа по изданію сборника великорусскихъ сказокъ принадлежитъ А. М. Смирнову.

Типографскія затрудненія задерживаютъ выходъ въ свѣтъ и издаваемаго Отдѣленіемъ Русскаго Языка и Словесности Россійской Академіи Наукъ Орловскаго сборника сказокъ І. Ѳ. Калинникова, собранныхъ по почину Сказочной Комиссіи, которая по недостатку средствъ была лишена возможности ихъ печатать, такъ что исключительно благодаря отзывчивости Академіи этотъ сборникъ увидитъ свѣтъ.

Тѣ-же типографскія затрудненія мѣшаютъ изданію еще трехъ сборниковъ, собранныхъ по порученію Сказочной Комиссіи, по выработанному ею плану и лежащихъ въ рукописи уже нѣсколько лѣтъ въ распоряженіи Комиссіи: Тамбовскаго сборника Н. Ѳ. Познанскаго, Вологодскаго Сборника М. Б. Едемскаго и Псковскаго Сборника Н. Г. Козырева. Та-же причина не позволяетъ Комиссіи напечатать обширный сказочный матеріалъ по малорусскимъ сказкамъ, собранный И. Я. Рудченко и принадлежащій теперь Россійской Академіи Наукъ, которая, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ собирателя, П. И. Рудченко предоставила изданіе этого цѣннаго собранія сказокъ Сказочной Комиссіи.

Смоленская губернія.

Смоленская губерния.

181. Объ Иванѣ царевичѣ и водовозѣ Александрѣ Александровичѣ.

Быу царь Пахомъ, и у тóго царя Пахома быу малолѣтній сынъ Иванъ Пахомовичъ. У нихъ быу садъ съ хорошими яблоками и всѣми хруктами. Пишетъ Пахому царь Невидúмъ, чтò по воздуху летаетъ, письмо: „пришли мнѣ съ твойво саду яблоковъ“. А царь Пахомъ отписау ему въ отвѣтъ: „я тебѣ яблокоу ни за нѣсколько милліоновъ не прúшлю съ свойво саду“. — „Если ты мнѣ не прúшлешь яблокоу, то я твой садъ выломлю съ корéньемъ весь!“— Стау Невидимъ прилетать ночью и нѣсколько деревьеу сломау въ одну ночь. Потомъ караулъ назначили. Сынъ Иванъ подняуся съ батькой: „я пойду на караулъ съ рабочими, съ слугáми“. Пошеу, а царь Невидимъ напущау сонъ на служащихъ; что пойдѐть Иванъ царевичъ, про то не знау. Напустиу сонъ, давай деревà ломать. Иванъ Пахомычъ, какъ іонъ нагнулъ дерево, на макушку сѣуши, іонъ—цапъ его! И поймау царя Невидима. Дау знать отцу, что поймау царя Невидима. Царь, разумѣется, цѣлуетъ, милуетъ мальчишку, что поймау царя Невидима, а слуги ходили, не могли поймать. Взяли Невидима, осудили въ острогъ, подъ зáмокъ. Сидитъ іонъ годъ, можетъ и больше; мальчишечка бѣгаетъ кóло острога, а іонъ его подманиваетъ въ окно: „выпусти менé съ острогу, я буду тебѣ лучше батьки рóднаго, только вспомяни менé, я и заявлюсь къ тебѣ!“—„Какъ же я выпущу тебя? ключики у батюшки въ карманѣ!“ —„Вотъ какъ: придѐшь къ батюшкѣ съ гулянья, посóдитъ тебе батюшка на колѣни, начнéть тебе обнимать, цѣловать, а ты рýчики въ карманы, ключики и вынь!“.

Пришеу съ улицы, стау батька его обнимать, цѣловать, на колѣни посадёмши, тотъ ручики въ карманы, ключики и вынулъ.—„Какъ же мнѣ тебе выпустить?“—„А ты, какъ

батька тебе станетъ цѣловать, миловать, ты ему тихонько опять ключи въ карманы поло́жь, іонъ и не узнаетъ, что ты мене выпустилъ". Ма́лецъ такъ и сдѣлау. Батька цѣлуетъ его: „ахъ, ты мой сынокъ, какую оказію сдѣлау малолѣтный!" А іонъ ему ключи въ карманъ назадъ и сунув', Хватилися этого царя Невидима къ су́ду предавать, хватились—нѣтъ его! — „Кто выпустиу? У мене́ ключи въ карманѣ!" Судили, судили и разсудили, что опричи́ сына не́ кому! Что съ имъ дѣлать? Къ большому су́ду предать—еще малолѣтенъ, присудили его пустить по свѣту пострaнствовать. Собрали его, убрауся!.. Пройшоу, пройшоу малость, версты три, сѣу да и думаетъ: „что я йду въ царской одеждѣ; лягу, засну — оберéть кто-нибудь. Ворочусь, пойду къ батькѣ, попрошу съ собой слугу какую-нибудь, вдвоемъ все лучше, одинъ заснéть, другой будетъ караулить!"—Батька и говоритъ: „оно и впрямь, голову потеряетъ раньше, чѣмъ пострaнствуетъ; вотъ водовоза съ нимъ отправить Александра Александровича!" — Пройшли вдвоихъ, сѣли, обдумались опять: „что, говоритъ Иванъ царевичъ, я замýчусь ишомши, и слуга тоже, ляжемъ, заснéмь, насъ убьéть, зарѣжетъ кто-нибудь. Пойдить къ батькѣ, попросить по лошадёнкѣ какей-нибудь!"—„Ну, чтожъ, говоритъ царь Пахомъ на водовоза, ты возьми, на которой воду́ возиу, а ты себѣ какую ни на есь станковýю съ конюшни выбери". Осѣдлали онѣ пару ко́ней и отправились по свѣту вродѣ охотникоу.

Ѣхали, ѣхали, воды нейдé не на́йдутъ, пить хо́чутъ, пріѣхали на пустыню, на пустынѣ стои́тъ стая ворonóу черныхъ, дерутся, одинъ одного отгоняютъ. Подъѣхали, посмотрѣли—это колодезь, и вода не очень далеко.—„Что будемъ дѣлать таперь? А пить хо́чемъ, какъ бы это достать воды?" Водовозъ Александръ Александровичъ гово́ритъ: „вотъ надо лошадей разнуздать, обро́тья связать, за одинъ одного внизъ спустить!" — „Кого же впередъ спускать?"— „Надо царёнка: іонъ полегче будетъ; коли-жъ ловко будетъ, ты мене́ спустишь". Согласились спустить Ивана царевича. Допустиу до воды, смотритъ, въ этомъ колодезѣ блюдо плаваетъ, и на ёмъ подписано: „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ родила царица дочку, и въ этомъ блюдѣ ее обмывали, и это блюдо кинули въ море,

али въ воду, сказать проще; кто это блюдо найдéть, за того ее и замужъ отдавать!“ — „Ну, ты напиуся, какъ ни какъ, подай же и ты мнѣ водицы!“ Это Александръ Александровичъ водовозъ говоритъ. Іонъ ему лáдился, лáдился и это блюдо подáлъ съ водой. Этотъ напиуся, быу грамотный, прочитау, что написано, и говоритъ: „ну, братъ Иванъ царевичъ, я тебе не буду тащить, пущу!“—„Братъ, говоритъ, не пущай ты мене, пожалуйста, вытащи ты мене, отдамъ я тебѣ свою царскую одежду, ты будешь Иванъ царевичъ, а я твоя слуга!“—Онъ и вытащиу. Одѣу его въ свою одежду, посадиу на свою лошадь, а самъ стау слугою. Поѣхали. Пріѣзжаютъ въ тотъ городъ, гдѣ родила эта царица, показываютъ это блюдо, тутъ говорятъ народъ: „сваты, сваты пріѣхали!“

Сѣли за стоу. Княгиня эта усмотрѣлась въ эту слугу, такъ на жениха не глядитъ, какъ на его слугу. Стали кушать. Она ложечку уронила, ти можетъ нарочно, іонъ подскочиу ложку поднимать, а она его въ макýшку поцѣловала. Это женихъ разгнѣвауся: „взять его съ дому удалить, лошадей убирать!“ Сейчасъ княгиня жалѣетъ его, влюбилась въ его, стала ходить на конюшню смотрѣть. Прочіе короли разслышали, что эта дѣука замужъ йдéть. Тутъ пишутъ переписками: „мы, ближніе, за насъ замужъ нейдéть, а пріѣхау незнáмо кто, іона за йго замужъ йдéть. Открыть войну къ такому-то дню!“ — Потомъ у нихъ была крѣпость въ этомъ городý, вылáзивали жúхари городскіе смотрѣть на войну. Княгиня пришла въ конюшню и говоритъ на конюха: „у насъ завтра будетъ война, не спи крѣпко, а то и не увидишь ничего!“ А у его подáрена царя Невидима лошадь невидимка.—Въ старину болíше воевали богатыри. Собрáна сила была, началась война, іонъ прикинулся — спитъ. Іона заплакала и пошла на крѣпость. Іонъ вышеу за стѣнку и крикнулъ: „Сивчикъ-бурчикъ, вышній каурчикъ, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Лошадь сейчасъ заявляется и говоритъ Ивану царевичу: „Иванъ царевичъ, садись лёгенько, а держись крѣпенько!“ Іонъ сѣу верхомъ и подъѣзжаетъ къ крѣпости, гдѣ народъ на глядѣнье вышелъ. „Прощайте, друзьѐ моѐ, пріятели! Поѣду, потружусь за вѣру хрестьянскую, за всю жисть царскую!“ Подъѣзжаютъ навстрѣчу богатыри. Встрѣуся

съ богатыремъ, давай уговариваться на богатыря: „дуй своей мéчью, на сколько верстъ дунешь!“ Готъ дунув'ъ мéчью, нá версту только хватило; а Иванъ Царевичъ дýнулъ, на двѣ версты хватиу! Повели войну на рукопашную. Тотъ толканýв', Иванъ царевичъ не пошатнув'ся. А Иванъ царевичъ, какъ г'ýкнув'ъ, богатырь съ лошади долоу! Назначаютъ отбой до другого числа. Іонъ, какъ съ поля вернув'ся, лошадь пустиý, а самъ легъ на старое мѣсто. Прийшла княгиня, толканýла его подъ бокъ, іонъ вскочиу: „ахъ, что-то я крѣпко спау!“ —„А ты спау! А былó-то тутъ дѣлóу! Забрали-бы нашъ городъ, да подъѣхау такой парень, со всѣми поздраствовауся, со всѣми попрощауся и спобѣдиу богатыря! Завтра-же не спи! Завтра еше будетъ лишѣй!“ На завтра то же самое. Раньше объ одной головѣ богатырь быу, а назначено биться о двухъ головахъ богатырю. 'Пять тоѣ время, какъ открывать войну, Иванъ царевичъ легъ и закрыу морду свою. Подымается война, княгиня подошла къ Ивану царевичу, будила его, будила, не добудúлась, заплакала и пошла прочь. А іонъ вышеу за стѣнку и крикнув'ъ:—„Сивчикъ-бурчикъ, вышній каурчикъ, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Лошадь заявляется и говоритъ: „садись лёгенько, держись крѣпенько! Сегодня о двухъ головахъ будетъ богатырь, посмотримъ, что Богъ дáсь!“ Опять же такъ, подъѣзжаетъ подъ крѣпость, поздраствоауся и попрощауся у крѣпости, и сразилися своими мéчами. А Ивану-то царевичу была подарена мéча богатыря Невидима. Тотъ своей силой дунув'ъ мѣчью на двѣ версты, а Иванъ царевичъ на четыре. Стали бороться. Тотъ вдáриу этого, Иванъ царевичъ съ сѣдла свалиуся, а Иванъ царевичъ сразу сняу двѣ головы. Опять до будущаго раза. Сказано до трехъ разъ бороться. Онъ взяу свою лошадь, пустилъ ее, а самъ легъ, быдто спитъ. Съ крѣпости идутъ. Княгиня кинулась у конюшню бýдитъ его. —„Ахъ, какъ я крѣпко засну!“ — Да, вотъ ты спау, а какое тутъ смятеніе былó: богатырь выѣзжау о двухъ головахъ... Не спи-жъ завтра! Мы изъ-за молодого человѣка живы остались, а то весь бы городъ намъ раскололотили!“—„Не буду, не буду спать!“ Назаутра опять открылась война. Выѣзжаетъ богатырь объ трехъ головахъ. Опять также царевичъ Иванъ покликалъ свою лошадь, сѣу на ее,

подъѣхау къ крѣпости, помолиуся Богу: „за хрестьянскую вѣру послужу вѣрой и правдой!“ Выѣзжаетъ богатырь объ трехъ головахъ. Дунувъ мéчью на девять верстъ, а Иванъ царевичъ на восемь верстъ. Видитъ, что его силы не хватаетъ, тогда іонъ вздумау: „эхъ, кабы мой царь Невидимъ на это время подскочиу! Мы-бъ поправили тутъ дѣло!“ Только іонъ это слово сказау, сейчасъ слышитъ, что земля застóгла, заявляется царь Невидимъ на войну на лошади; у лошади съ глазъ искры сыпются, со рта дымъ валитъ. Пока ѣхау, а ужъ Иванъ царевича сбили, двѣ раны получиу. А тотъ, объ трехъ головахъ, выѣхау на маткѣ-вѣдьмѣ; какъ Иванъ царевичъ голову ссѣкéть, она и приживéть! Какъ заявился Невидимъ на войну, такъ сейчасъ этой вѣдьмѣ хвостъ прочь, какъ собьéть голову, такъ та и покóтится! Сбиу богатыря, силу притёръ, примяу своей лошадью. Утиши́лась война. Царь Невидимъ Ивана царевича въ городъ свезъ, въ комнатку положиу, положиу его ницъ, что его сра́нили, и написау росписку: „чтобъ этого человѣка такихъ-то часоу не будить“. Пришла княгиня его отвѣдывать, глядь, онъ въ крови весь, а на роспискѣ сказано: „вотъ кто васъ ми́ловалъ; не женихъ вашъ тотъ, а вотъ вашъ женихъ, кто за васъ кровь проливау“. Этого не будили до тѣхъ часоу, а въ роспискѣ написано, какъ дѣло было, какимъ манеромъ водовозъ въ женихи поступиу. Княгиня приказала своему отцу снять этому жениху голову долоу и замужъ зайшла за Ивана царевича, и завладѣли царство усе.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

182. Богатый купецъ.

Жилъ-быу богатый купецъ у городѣ, и было́ у его наслѣдникоу сынъ да дочь, дочь старша́я, а сынъ мéньшій. Только заболѣу батька, да и матка помёрла раньше, и сталъ іонъ умирая приказывать: „смотрите-жъ, останетесь безъ менé, уважайте другъ друга, и будетъ вамъ хорошо!“. Помёръ купецъ, остали́сь братъ съ сестрой на хозяйствѣ. Какъ братъ пойдéть въ лавочку торговать, попрощается съ сестрой; оттýль придéть — поздраствуется. Жили́ сколько

время, вздумалъ наконецъ братъ ожениться. Оженился. Прижила жена мальчика съ своимъ хозяиномъ, а все іонъ не кидаетъ сестру: „не могу, говоритъ, батькинаго слова смѣнить!“ А жена не взлюбила сестру. Вотъ какъ іонъ пошеу въ лауку, а жена взяла дворну́ю собаку, зарѣзала ее и дожидается мужа. Только идéть іонъ съ лауки, первымъ дѣломъ: „здраствуй, сестра!“ — „Здраствуй, братъ!“ Какъ торговау?“—„Слава Богу!“ — А жена выскочила, плачетъ слезно: „была такая любезная собачка, а іона взяла, да зарѣзала!“—„Богъ съ ей! Наживали вмѣстѣ, проживать будемъ вмѣстѣ!“ Назавтра пришеу съ лавочки, опять поздраствовался, какъ ни въ чемъ бы́ло. Погоди-жъ! Взяла жена жеребца на стойлѣ, зарѣзала жена эта! Дожидается его, не терпится, выскочила за ворота: „вотъ ты съ ей здраствуешься и прощаешься, а сестра твоя любезная жеребца зарѣзала!“ — „А зарѣзала — Богъ съ ей! Наживали вмѣстѣ, и проживать будемъ вмѣстѣ!“ — Обозлéла жена, что іонъ не унимается, не утѣшаетъ жену. Назаутра опять поздраствовался съ сестрой, придя съ лавочки. Что-жъ ей дѣлать? Не перебодéть іона эту статью, чтобъ мужика поворотить къ себѣ! Взяла іона свойво мальчика, зарѣзала, горюетъ, на дорогѣ мужа стрѣчаетъ, разливается: „вотъ сколько іона проказъ надѣлала! Нужно ее со двора гнать!“ Онъ ей ничего не сказалъ, ни женѣ, ни сестрѣ, самъ думау, думау, что съ ей дѣлать, взяу и предау сестру къ суду. Судъ присудили такъ, сказали: „отрѣзать ей руки по́ локоть!“ Взяу ей братъ отрѣзау руки по́ локоть, свезъ ее подъ оврагъ и забросилъ тамъ. Нѣсколько время іона повалялась тамъ, руки болятъ, гноятся, и приснилось ей во снѣхъ: „мочи́ по росамъ куксы эти, онѣ и заживутъ скоро“. Прауду, зажили́. Какъ руки полу́чшили, отправилась іона на уходъ къ нищей братіи. Только шла долго-ли, коротко-ли, пришла въ чужія земля́, и стоитъ садъ, обгороженъ желѣзнымъ тыномъ, запёртъ, и двери замка́ны. Садъ запрещёный быу, жили въ ёмъ отецъ съ сыномъ, и запретъ такой быу: „кто въ этотъ садъ влѣзетъ, того замужъ возьму“.— Ну подошла іона къ саду и взмолилась: „Господи, Господи! какъ бы этотъ садъ отвориуся, яблочки наклону́лись бы, я бы свою душу́ промочила!“ — И вотъ садъ растворицуся, яблочки наклону́лись, іона ходитъ по саду и ійсь эти

яблочки, какія тамъ народились. А батька съ сыномъ встаютъ утромъ рано, посмотрятъ—глядь, дѣука ходитъ въ саду безрукая! Что тутъ дѣлать? Сынъ батькѣ отвѣчаетъ: „кого Богъ дау, того надо и брать!“ Взяли ее, перевѣнчали съ сыномъ, и жили онѣ хорошо. Ѣздиу іонъ торговать по городамъ, купецъ былъ. Надо ему ѣхать, а жена забременѣла. А іонъ поѣхау по разнымъ городамъ и заѣхау въ тотъ городъ на братнину хватеру. Тамъ іонъ говоритъ брату: „у менѐ жена сухорукая“.—„Неужели это моя сестра туды запробрала? Она, чай, помёрла въ оврагѣ!“.—А жена безъ мужа родѝла мальчика въ золотѣ половину, половину въ серебрѣ. — „Ну, батька говоритъ, надо письмо отписать сыну, что жена родила такого и такого сына“. Написау письмо, нарядиу солдата-ходакá съ письмомъ въ городъ. Солдатъ ишеу, ищеу, пришеу, значитъ, къ имъ, а купцы въ лаукахъ торгуютъ. А жёнка брáтнина разобрала про письмо, дала солдату пообѣдать, винца поднесла, а іонъ положиу письмо въ божни́цу, а самъ легъ отдохнуть; тутъ іона взяла это письмо, разломала, прочитала да и отвѣтъ написала: „кого моя жена родила, мышь, аль лягушку, аль я́щерку, не дожидаясь менѐ, вы́гнуть ее вонъ съ города!“ Она солдату словами говорила одно, а мужу разсказала другое. А мужъ написау: „кого-бъ жена не родила, чтобъ ее не выгонять“, и самъ отправиуся опять въ лавочку. Солдату іона опять поднесла водочки и говоритъ: „ляжь, отдохни!“ А іона опять письмо вытащила и написала: „чтобъ до моего пріѣзду выгнуть ее вонъ, чтобъ ея и слы́ху не было́“. Солдатъ приходитъ домоу, показау письмо, такъ, говоритъ, хорошо, а по письму не ладно. Думау, думау батька, что̀ тутъ дѣлать? Справили ей хотомочку за плеча́, ребенка въ хотомочку, и денегъ ей дали, хошь люди достанутъ—покормятъ. Отправили ее въ ходъ. Іона и пойшла. „Пойду въ свой городъ, хошь по́ міру буду ходить, а все въ своёмъ городѣ!“ Ийшла, ийшла, приходитъ къ верхово́му колодцу, пить захотѣлось; іона подлаживалась, подлаживалась, какъ бы воды достать, перегнулась, а ребеночекъ и свались въ колодезь. Ну, іона сейчасъ сѣла и заплакала. „Что мнѣ теперь, бѣдной, дѣлать?“ Мальчика жалѣетъ! И говоритъ неизвѣстный человѣкъ: „сведи свои ку́ксы вмѣстѣ, у тебе сдѣлаются руки, ты возьмёшь ребенка и пой-

дѣшь! Іона пригнова́ла, пригнова́ла своё куксы, сдѣлались у ей руки, іона обрадовалась, взяла свойво ребенка и пришла.

Ийшла, ийшла, и прийшла въ свой городъ. Выпросилась у бобы́лочки на хватеру, и вдова у ей прислуживалась. Они приходили съ торговли, братъ да мужъ, винца выпили, и говоритъ мужъ подвыпимши: „ахъ, кто бы мнѣ сказку сказау теперь! Я бы, Богъ знаетъ, что дау, послушау бы на гулянкахъ!“—А бобылочка случилась при этомъ дѣлѣ и говоритъ: „у мене есть прохожа́лая женщина, она далёко, далеко была!“ — „Позовите ее ко мнѣ“! старухѣ этой. Позвали. Она и давай исторіи начинать съ конца. Они поговóрку ея признаютъ, а ее не признаютъ, что руки у ей есть. Женка братнина: „ну, говоритъ, навели болты́ болтать со стороны. Пора и перестать!“ А мужъ: „нѣтъ, говоритъ, говори! Я до смерти люблю слушать!“ Вотъ ей нужно опять начинать съ конца, опять переговаривать назадъ, какъ дѣло было.—„Я, говоритъ, много ходила по свѣту и видѣла чудесоу много! Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ быу купецъ богатый, и было́ у его пара дѣтей. Померъ батька съ маткой и, помирая, приказау жить хорошо“.—А невѣстка ее пересѣкаетъ, что либо чу́ла, либо видѣла.—„Братъ сестру уважау, въ лауку пойдетъ—спросится, съ лауки приде́тъ—скажется. Какъ не взлюбила невѣстка сестру, не хотѣла, чтобъ мужъ все пытау у сестры, взяла да пе́рво на́ перво зарѣзала собачку да на сестру сказала; а мужъ говоритъ: „Богъ съ ей! вмѣстѣ наживали, вмѣстѣ и проживатъ будемъ“. Потомъ зарѣзала жеребенка и опять на сестру налыга́етъ. А братъ опять: „Богъ съ ей! вмѣстѣ наживали, вмѣстѣ и проживать будемъ!“—На третій день, нечего дѣлать, взяла да ребенка зарѣзала свойво, расплакалась передъ мужемъ: „вотъ ты мнѣ все не вѣриу, а іона, гляди, что дѣлала“. Братъ назаутра собрау судъ, присудили ей отрѣзать руки по́ локоть. Взяли отняли руки, братъ свезъ ее подъ оврагъ да тамъ и бросиу“.

А невѣстка ейная не хочетъ слушать, что сестра совсѣмъ близко подговаривается къ дѣлу. А мужъ—„разсказывай, разсказывай!“—„Ну, валялась-ка та́мотка, руки болятъ, гноятся, видитъ іона во снѣхъ: „моч́и руки по росамъ“. Палучшали руки, и пошла Христовымъ именемъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ за-

прещёный садъ за желѣзнымъ тыномъ. Подойшла іона къ саду и говоритъ: „Господи, Господи! какъ-бы этотъ садъ отвориуся, яблочки наклонýлись бы, я бы свою душý промочила!“ Садъ отвориуся, яблочки наклонýлись, она по саду ходитъ и покушиваетъ. Похватился батька съ сыномъ: „ахъ, какое несчастье случилось! Дѣука по саду ходитъ безъ рукъ“!—Сынъ не погнѣвауся за это и говоритъ: „кого Богъ дау, тóго и возьмѐмъ“. Справили свадьбу, и жили хорошо. Іона забременѣла, хозяинъ ея уѣхау въ чужія земля́, іона роди́ла сына, половину въ золотѣ, половину въ серебрѣ. Отецъ сыну послау письмо, что невѣстка сына роди́ла, а іонъ оттýль пишетъ: „кого-ль не роди́ла, выгони вонъ съ города“. Онѣ собрали ее въ ходъ вы́гнуть, сшили хотóмочку, отпровадили съ ребеночкомъ, дали денегъ на дорогу, іона и пойшла. Найшла верховóй колодезь, согнулась водички испить да ребеночка въ водý уронила. Заплакала, и говоритъ неизвѣстный человѣкъ: „сведи своѐ куксы вмѣстѣ, у тебé сдѣлаются руки, и возьмéшь ребенка“. Іона свела куксы, сдѣлались руки, взяла ребенка, да вотъ сюды, другъ мой любезный, сюды и прийшла“. Что же наконецъ это? Взяли да разстрѣляли тоѐ невѣстку, что все писала да переписывала, и кончилось дѣло. Стали жить да поживать.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

183. Иванъ, кобылинъ сынъ.

Быу хуторъ, а въ хуторѣ были жи́хари: барыня дѣука, да кухарка дѣука, да третья-кобыла. Прослышали онѣ такія вещà, что есть такая рыба, что кто рыбы поись, тотъ будетъ родить. Привезли той рыбы, давай ее чистить да мыть; помыла кухарка, вылила помойки, кобыла подойшла, полизала тѣхъ помоевъ, та́я забременѣла. Кухарка готовила, покушала, и та́я забременѣла, барыня поѣла, и та́я забрюха́тѣла... Вздумали родить: пе́рва кобыла роди́ла сына Ивана, кухарка роди́ла сына, и барыня роди́ла сына. Собрало́сь ихъ три сына. Жили да жили, выросли большіе. Ивана,

кобылина сына, опредѣлили хозяиномъ, старшимъ братомъ. И вотъ говорятъ онѣ промежду себе: „что мы такъ живѣмъ, проживаемъ, ничего не наживаемъ! Надо намъ себѣ пріискивать жительство“. Нажи́ли по лошадёнкѣ, осѣдлали, отправились имѣніе себѣ разыскивать. Ѣхали, ѣхали, наѣхали рѣку́, на рѣкѣ мостъ, а за рѣкой стоитъ домъ, войшли онѣ въ домъ; въ томъ дому́ всякіе напитки да наѣдки стоятъ, а хозяевъ не видать. Имъ тутъ жисть понравилась, и согласились онѣ тутъ пожить. Настала ночь, надо караулъ имѣть на мосту: въ чужомъ дому́ безъ караула не ночуютъ. Стали пригадывать, кому на мосту ночевать: досталось пе́рво ма́лому брату. Взяу іонъ съ подъ сѣдла потникъ, отправиуся на мо́стъ, подъ мостомъ разстелиу потникъ и уклауся. А Ивану, кобылину сыну, не спится, не надѣется іонъ на брата. Вышелъ іонъ съ до́му, видитъ—братъ спитъ, іонъ подъ мостомъ схорониуся. Пришла полночь; выѣзжаетъ змѣй объ трехъ головахъ на лошади́ и съ собакой. Вскочиу песъ на мостъ; песъ зацви́риу, конь заржау. А змѣй отвѣчаетъ: „что это ты, песъ, зацви́риу; что ты, пёсье мясо, заржау?“ — „А у насъ въ дому́ непріятель есть, Иванъ кобылинъ сынъ“. — „Нѣтъ! его и воронъ костей не заносиу!“— „Не воронъ костей не заносиу, а самъ молодецъ въ гости заходитъ“, — отвѣчаетъ съ подъ мосту Иванъ, кобылинъ сынъ. — „Ну, вылазивай, коли заходишь!“ — Вылазиваетъ; змѣй мечью, а тотъ камнемъ дѣлается; ударитъ его мечью, а тотъ не шатается; ударитъ Иванъ камнемъ—голова прочь! Отбилъ всѣ три головы, коня въ конюшню повеу, самъ въ домъ пришеу, спать легъ. Поу́тру вернууся меньшо́й братъ.— „Что, ничего не чув'? не видау никого?“ спрашиваетъ Иванъ. — „Нѣтъ, не чув', не видѣлъ!“ На другую ночь надо идить кухаркину сыну. — „Ти строго ды караулилъ, братъ?“ — „А вотъ какъ строго: взяу потникъ, легъ подъ мостъ да всею́ ночь проспау!“.

И тотъ такъ. Не спится Ивану, кобылину сыну. Идётъ подъ мостъ. Выѣзжаетъ змѣй объ шести головахъ на коню и съ собакой. Собака на мосту зацви́рила, конь заржау.— „Что ты зацви́рила? что ты, песье мясо, заржау?“—„У насъ въ дому непріятель есть, Иванъ кобылинъ сынъ“.—„Врешь! его и воронъ костей не заносиу!“—„Воронъ костей не заносиу, а молодецъ самъ въ гости заходитъ!“—„Лѣзь сюды,

PA28
C23

коли зашеу!“ Стали биться. Какъ удариу его змѣй мечью, такъ онъ не пошатнув’ся, а онъ какъ камнемъ ударитъ,— голова долоу! Посбиу ему всѣ шесть голоу, пошеу въ домъ и легъ спать. На третью ночь стау Иванъ ѣхать собираться, въ чужомъ дому плохо оставаться. А братья ему: „нѣ, мы ночевали на мосту, а ты не хошь! Теперь твоя ночь идить!“— „Ну, если жъ я буду ночевать, я вамъ ножикъ у’торну у’ стѣнку да тарелку подстаулю. Вы не спите; а какъ кроу съ ножа начнеть капать, такъ вы сейчасъ ко мнѣ являйтесь!“ Они легли и заснули. Сидитъ Иванъ подъ мостомъ. Выѣзжаетъ змѣй объ двѣнадцати головахъ на кобылицѣ, на маткѣ. Биуся съ нимъ Иванъ, ничего не подѣлаетъ: какъ собьеть голову, такъ кобыла приживитъ, собьеть другую — опять приживитъ; биуся, биуся, совсѣмъ изъ силъ выбиуся; братей на подмогу нѣтъ; іонъ схватиу сапогъ съ ноги да прямо бросиу сапогомъ въ домъ; тѣ прохватились, а крови съ ножа полную тарелку набѣжало!—„Ахъ, что мы сдѣлали! Проспали!“ Кинулись на мостъ. Какъ прибѣжали на мостъ, такъ кобылицѣ первымъ дѣломъ хвостъ прочь; іона и не стала приживлять головы. Ну, добили онѣ змѣя. „Надо намъ съ этого дома выбираться!“ Выѣхали у’ поле; Иванъ останавливаетъ братьей и говоритъ: „вы мене здѣсь подождите, а я скинусь голубемъ, полечу къ тому дому, сяду на перекладинку и послухаю, что въ этомъ домѣ дѣется“. Скинулся голубемъ, прилетѣу, сѣу на окошечко и видитъ, что пріѣхали три барышни и промежду себе разговоръ ведутъ. Первая говоритъ: „ахъ, кабы я знала, кто моего пріятеля убиу, я бы зайшла впередъ, сдѣлалась бы кроватью, напустила бы на него сонъ и разорвала бы его“. Другая говоритъ: „ахъ, кабы я знала-вѣдала, кто моего пріятеля убиу, я сдѣлалась бы колодеземъ, пустила бы туды золотое блюдо, на него напустила бы жертву, какъ бы напиуся, такъ бы его и разорвало!“—Третья говоритъ: „кабы я знала, кто моего пріятеля убиу, я бы разинула пасть отъ нѣба до земли, чтобъ ему ни пройти, ни проѣхать, ни куды дѣться, и проглотила бы его!“ Вернулся Иванъ къ братьямъ. Поѣхали дальше. Доѣзжаютъ трехъ дорогъ. Иванъ говоритъ: „ты, братъ, поѣзжай по этому путю, а ты по этому, а я поѣду прямо. Будетъ тебѣ кровать, смотри не ложись на ее, а то тебе разорветь; а тебѣ будетъ колодезь, ты

воды не пей, а то и тебе разорвéть".—Разъѣхались. Поѣхау Иванъ прямо. Только поднимается вѣтеръ. Заходитъ облачúна и развѣвáетъ пасть отъ самаго нёба до земли. И думаетъ Иванъ: „куды ѣхать? Лучше я на коню съ размаху скрозь проскачý!" — Пасть разѣвается, все къ ему ближе надвигается, проглотить его хочетъ. Онъ разогнау лошадь, какъ скочиу лошадью наскрозь и прямо скочиу въ кузницу, а іона только лошадь проглотила. Кузнецъ захватиу двери, а іона къ дверямъ: „давай его! А то я его вмѣстѣ съ кузницей проглочу!" — „Ладно! А ты полижи горячія двери, какъ пролижешь, я тебѣ его на языкъ положу, ты его и съѣсú!" Она стала лизать двери, просунула языкъ, а кузнецъ взяу горячіе клéщи, ущемиу ей языкъ да прежде самъ ухаживау ее, покéда устау, потомъ Ивану передау клещи, и такъ онѣ ее уходили, пока кóло кузницы отъ нея однаѝ грязь осталáсь. Стали кузнецъ съ Иваномъ договоръ имѣть: „въ такомъ царствѣ, въ такомъ государствѣ есть княгиня; сходи, вы́сватай ее мнѣ и приведи". Пошеу Иванъ, кобылинъ сынъ, забрау съ собой капитáлишки. Ишеу, ишеу, истомиуся, присѣу на канавкѣ отдохнуть. Откуда ни бы́ло, взяуся волкъ.—„Иванъ, кобылинъ сынъ, покорми мене хлѣбцемъ, я тебѣ худымъ временъ пригожусь, только вспомни мене". Иванъ покормиу волка. Потомъ прилетѣла муха.—„Иванъ, кобылинъ сынъ, покорми мене, я тебѣ пригожусь". Покормиу и муху. Дальше идéть старикъ, старый, старый, сопли́вый, сопли, какъ съ крыши висятъ замёреши, съ носа висятъ.—„Иванъ, кобылинъ сынъ, покорми меня, я тебѣ худымъ временъ пригожусь". Покормиу старика, пошли дальше вмѣстя́хъ.

Подходя къ имѣнію, выскочили огромныя собаки, начали брехать, его рвать. Совсѣмъ бы съѣли, да выскочиу волкъ, ихъ поразогнау. Тогда сватовъ въ домъ приняли, только обманить захотѣли: вывели Ивану дѣвокъ, выбирать невѣсту, а муха прилетѣла и говоритъ Ивану:—„гляди, Иванъ, строго: онѣ будутъ подъ покры́вомъ; я какъ зашумлю у которой подъ покры́вомъ, тая рукавомъ отмахнѐтся, ту́ю и выбирай невѣсту". Нечего дѣлать. Стали подчевать ихъ баней. — „Съ дороги попáриться можно! Далеко ѣхали, отчего не пойтить!" Вытопили имъ баню, натопили жарко, что снаружу ясно стало, хотѣли попечь сватоу этихъ. Пошли онѣ въ

баню, ихъ позвали, что готова, значитъ. А старикъ сопе́ль оторвау отъ носа, какъ ударится сопель въ баню, а она разомъ и простыла.—„Эхъ, говоритъ, натопили баню, а она холодная совсѣмъ!“ Принуждены отдать княгиню. Повеу ее Иванъ, кобылинъ сынъ, наобратно къ кузнецу. Доро́гой онѣ поладили промижъ себе́. Пришли. Кузнецъ и спрашиваетъ: „ты мою хозяйку берёгъ? Коли берёгъ, перейди черезъ яму по стволу“. — А іонъ, значитъ, нажегъ яму угольями и перекинув' черезъ яму стволъ. А княгиня подложила подъ стволъ желѣзную палочку вѣсомъ пудовъ сорокъ. Иванъ перейшеу.—„Ну, а теперь ты!“ говоритъ кузнецу. Кузнецъ пойшелъ. А она палочку вынула, стволъ переломиуся, и кузнецъ въ яму ввалиуся. Тамъ и пропау. А онѣ остались на житьѣ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

184. Про сиротскихъ дѣтей безъ роду, безъ племени.

Быу старикъ со старухою; желали онѣ себѣ дѣтей, а имъ было́ обоимъ по семьдесять лѣтъ. Чѣмъ же іонъ кормиуся? Была у его желѣзная рога́тинка, крючокъ вверхъ и крючокъ внизъ; ходиу іонъ въ лѣсъ дичи́нки искать. Приходитъ къ ручейку; перейдить ему не́йдѣ; стоитъ посерединѣ этой рѣчки кустикъ.—„Пойду на этотъ кустикъ; навѣрно тутъ мелко“. Іонъ къ кустику, а кустикъ отъ его подаѐтся. Іонъ рогатинкой стараусь, стараусь, кустикъ этотъ захватиу, поддержау. Посмотрѣть—въ этомъ кустикѣ свито гнѣздышко, и десять яѐчекъ лежитъ. — „Возьму эти яѐчки въ припо́лъ, понесу старухѣ“. Приноситъ домоу, говоритъ своей старухѣ: „Богъ намъ благодать послау. Давай себѣ сидѣть да грѣть; дѣтокъ себѣ выведемъ“.—Беречь да беречь эти яѐчки, вышло десять мальчикоу: девять мальчикоу порядочныхъ, а десятый поменьше. Назвали онѣ его „Искорка-па́робокъ“. Росли ребята не по годамъ, а по часамъ; про́чимъ стали онѣ говорить да ходить: „что, батюшка мы сидимъ да глядимъ; надо къ чему-нибудь пріучаться ра-

бота́ть. Сходи-ка ты, батюшка, возьми игольное у́шко, сдѣлай намъ девять топороу побольше, а десятый маленькій". Пошеу старикъ, взяу игольныя у́шки, сдѣлау десять топороу, девять побольше и одинъ малый. Принесъ ихъ домой. Онѣ и говорятъ: „ну, батюшка, теперь мы пойдѣмъ въ хорошую работу; мы сильные плотники". Пошли. Пришли въ городъ, ійдѣ царь проживаетъ. Рядя́тъ дворецъ рубить. Доложили царю, что прійшли молодые плотники. Порядили́лъ, стали онѣ работать. Поработали такъ нѣсколько, оказалась работа хорошая, и все малый братъ ихъ перегоняетъ, братѣй своихъ. Бо́льшій братъ приходитъ къ царю и говоритъ: „вы еще объ моемъ братѣ не знаете, что іонъ проходе́цъ: нашъ братъ знаетъ, что въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ есть зеленые луга, и тамъ есть кобылица невидимка, и у ей двѣнадцать жеребятъ. Іонъ можетъ перваго жеребенка отыскать". Призываетъ его царь и говоритъ: „твой братъ сказывау, что ты знаешь зеленые луга, и на тѣхъ лугахъ кобылица невидимка, и у тѣй кобылицы двѣнадцать жеребятъ, и ты можешь мнѣ перваго жеребенка достать". — „Нѣтъ, говоритъ, не могу!" — „А не можешь, я тебѣ жисть прекращу!" Думалъ онъ, думалъ: „все равно мнѣ пропадать, пойду разыскивать!" Пойшелъ. Приходитъ въ ты́и луга. Видитъ кобылицу. Какъ ее́ поймать? Скинулся пчелой, влѣпиуся кобылицѣ въ гри́во, кобылица билась, билась, съ силъ выбилась, терѣтся объ землю, не задавитъ. „Искорка-па́робокъ! что ты мене мучаешь, за какую провинку? Что тебѣ отъ мене нужно?" — „Ничего, говоритъ, мнѣ не надо, отдай мнѣ перваго жеребенка, служить прикажи, какъ іонъ тебѣ служитъ". Созвала она своихъ жеребцовъ и говоритъ первому жеребенку: „иди, служи Искоркѣ-па́робку такъ, какъ и мнѣ". Взяла, съ тыхъ си́лки повы́нула да этому прибавила, чтобъ посильнѣй быу, приказала ему служить, какъ и мнѣ. Сѣу онъ верхомъ, отправился домоу, къ своему царю. Пріѣзжаетъ. Царь обрадовался, не знаетъ, чимъ его наградить. „Вотъ я, говоритъ, ему три царства откажу, чтобъ іонъ царствовалъ трет'ій частью". Братъ бо́льшій узнау, что іонъ пріѣхау, приходитъ къ царю, говоритъ: „это еще не служба, іонъ и не такія вещи́ знаетъ: въ нѣкоторомъ мѣстѣ есь лѣсъ, у лѣсу есь пустыня, у пу-

стынѣ проживаетъ заинька-сизо́къ: самъ играетъ на рожокъ, самъ играетъ, самъ и пляшетъ, самъ припѣуки припѣваетъ". Призываетъ царь Искорку-па́робка и говоритъ: „такъ и такъ, твой братъ указываетъ, что у нѣкоторомъ мѣстѣ есь лѣсъ, у лѣсу пустыня, у пустынѣ заинька-сизокъ, самъ играетъ, самъ и пляшетъ, самъ припѣуки припѣваетъ. Ты можешь его достать?" Пошеу на конюшню къ своймý коню, что привеу, и говоритъ: „такъ и такъ, загадываетъ царь загадки!".—„Проси у царя мене лошадь, проси мене съ собой, найдѐмъ, пыма́емъ!". Іонъ пришоу къ царю.—„Позволь мнѣ лошадь". — „Ну, возьми".—„Взяу, говоритъ конь Искоркѣ-па́робку, возьми же съ собой кулѐкъ съ рогожки, что возятъ товаръ".—Ну, и поѣхау. Ѣхали, ѣхали, пріѣзжаютъ въ тотъ лѣсъ, въ тоё пустыню, стоитъ посреди пустыни ракитовый кустъ, набита тамъ тропа̀, какъ заяцъ выходиу на лугъ обѣдать. Конь и говоритъ: „садись въ этомъ кусту и растопырь свой кулекъ съ рогожки, а я пойду загонять". Пошоу. Лошадь какъ захру́стала, заса́рпала, засви́стала, заяцъ спугауся, да по этой тропѣ, да прямо въ тотъ кустъ, въ кулекъ вскочиу, Искорка-паробокъ кулекъ захватиу, поймали, сѣли и поѣхали также въ своѐ царство. Пріѣзжаютъ къ царю, привозятъ зайчика, царь взрадовауся, опять его похвалилъ. — „Я тебѣ безъ вниманія не оставлю". Опять выходитъ Искорка на работу.—„Работайте, работайте, братцы!". А старшо́й опять на его ябеду со́дитъ царю. — „Мой братъ не все еще знаетъ: въ такомъ то мѣстѣ стоитъ изо́бка, а въ изо́бкѣ баба, у ей въ изо́бкѣ стоу, стоу покрытъ скатертью, на той скатерти напитки, наѣдки разные, музыка играетъ. Іонъ можетъ ее достать, скатерть эту". Опять іонъ пошоу къ коню, затошноваy. — „Не тошну́й, говоритъ, садись на мене, поѣдемъ, возьмемъ заиньку-сизка!". Сѣу на коня. Конь повѐу искать изо́бку съ бабой.

Пріѣхали близъ къ изобкѣ. Баба кошту́ется, сидитъ за столомъ, выпиваетъ разные ви́на, закусываетъ закуской. Іонъ взяу, коня поставиу и заиньку съ музыкой близъ избы. Заинька зайграетъ, самъ играетъ, самъ и пляшетъ, самъ припѣуки припѣваетъ. Баба это усмотрѣла. Гуляла тамъ, слушала, слушала заиньку, привалилась къ стѣнкѣ да и здремнула. Конь кричитъ: „заинька-сизокъ! скачь въ

избу, схватай за концы скатерть, сварни́ у'кучку, и садись скорѣй на мене!". Скочилъ заинька съ Искоркой, схватали эту скатерть со у'сей музыкой, а іона на стѣнку привалясь задремала да на коня! Прохватилась эта баба, скатерти нѣтъ! Сѣла на зелѣзную сту́пу да и у'догонъ! Догоняетъ близъ. И потому кричитъ лошадь: „Искорка-па́робокъ, слѣзи́ скорѣе, посмотри у мене у' хвостѣ золотая волоси́на и серебреная. Выдерни, положъ хресъ на́ хресъ, сдѣлается море, іона и останется". — Искорка-паробокъ соскочиу, выдернув' съ хвоста золотую волоси́ну и серебреную, положиу хресъ на́ хресъ, сдѣлалось синее море, іона и осталáсь. Пріѣхали домоу. Привозятъ эту скатерть, разворотили. Царь еще больше зарадовауся. „За эту услугу я тебѣ все царство остаулю". Заутра выходитъ на работу опять: „работайте, работайте, братцы!" Старшо́й братъ йдетъ опять къ царю. „Нашъ братъ еще не все перетягалъ; іонъ знаетъ еще исторію: есть на такомъ-то морѣ Елена Прекра́сица, на лодкѣ разгуливаетъ, золотая лодка, серебреными весла́ми гребе́ть. Іонъ можетъ ее достать". Царь призываетъ Искорку. „Твой братъ доказываетъ, что у такомъ то морѣ гуляетъ Елена Прекра́сица, въ золотой лодкѣ, серебреными весла́ми гребе́ть, достань ее!" Затошновау Искорка, пошоу къ коню.—„Не робѣй, бери мене, заиньку-сизка́ да скатерть, и поѣдемъ". Поѣхали. Пріѣхали на берегъ. Видятъ, только помúлькиваютъ весла, лодка гуляетъ. Поставили стоу, раскинули свою скатерть, заиньку поставили, тотъ самъ играетъ, самъ и пляшетъ, самъ припѣуки припѣваетъ, скатерть подыгрываетъ; а іона плыла ближе, ближе, ближе, къ музыкѣ, и захотѣлось ей послушать. Іона на бережокъ, за столикъ за тотъ, пила да гуляла да й задремала. Задремала, а Искорка-па́робокъ — цапъ ее за́ косу. Іона сдѣлалась звѣрями разными, птицами; какъ часы ея отойшли, іона сдѣлалась дѣвушкой. „Не пустишь ты мене?" — „Не пущу!" — „Будешь мене слушать?" — „Буду!" говоритъ. —„Не будешь жалѣть свою лошадь? Вали требухъ вонъ, съ лошади!" Парень мой голову поскоблиу. „Сядь въ ко́робъ (у нутро, значитъ, лошадиное), прилетитъ къ тебѣ во́ронъ и воронёнокъ; то старый воронъ долбане́ть да й отскочитъ, а воронёнокъ, какъ пристау, какъ пристау, ты йго сгреби да попаламъ и раздёрни!" Воронъ закричау: „каръ! На что ты мойво воро-

нёнка разодрау?“ Тотъ ему: „опустись на землю, я тебѣ привяжу къ плечóмъ два пузырька. Полети, отыщи два колодезя съ живой и мертвой водой“. Тотъ полетѣу. Прилетѣу, гдѣ вода живая и мертвая, тамъ два колодезя, и стоятъ солдаты на часахъ съ оружіями. Воронъ: „какъ это воды достать? Строго стоятъ сторожи́“. Сыскау воронъ лягушку, толстую, коростова́тую, которыя подъ поло́мъ живутъ, прилетѣу напротиву колодезя, какъ пустиу эту лягушку, всѣ солдаты прочь отъ колодезя. Отъ того колодезя воронъ вода́ почерпнув'ъ, потомъ вылетѣу къ то́му колодезю, тоже почерпнув' Ну, и прилетаетъ, гдѣ вороненокъ раздернутъ. Опустиуся на землю, пузырьки Елена Прекра́сица отвязала, сложила вороненка, мертвой водой помазала, воронёнокъ помертвѣу, живой водой помазала, вороненокъ полетѣу. Послѣ этого отправились домоу. Везе́ть Елену Прекра́сицу, и нѣсколько время пожили́ онѣ. Царь задумау этаку вещу́: „іона мене любить не будетъ, іона съ нимъ свыклась“. Взяу ему голову́ и отняу. Іона стала просить царя, что три дни не хоронить. Іона его взяла, натоми́ла, срядила его, взяла да мертвой водой помазала, іонъ помертвѣу, потомъ живой водой помазала, іонъ отжиу, лучше того стау молодецъ. Царь говоритъ: „ну-ка, мене такъ“. Іона взяла, голову царю отняла, три дни подержала да схоронила. Съ этимъ молодцомъ живутъ и посе́лѣ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

185. О бѣдномъ мужикѣ.

Быу бѣдный мужичекъ. Было́ у его ребятишекъ штукъ пятокъ, и задумау іонъ на своей дачѣ распря́дать лядо дли пшеницы. Лошаденка у его плохая, іонъ тамъ вы́корчуетъ, вздере́ть немного да и засѣетъ. Заявляется къ ему медвѣдь.—Что ты, мужичекъ, дѣлаешь?“ — „Лядо пря́даю“.— „Возьми мене въ пай, я буду караулить ниву, сберегать; когда Богъ наро́дитъ, мы и подѣлимъ“. Мужичекъ похитрѣе медвѣдя, іонъ и говоритъ: „давай сдѣлаемъ договоръ, кому комелькú, кому маку́шка“. Медвѣдь согласиуся на

макýшку, а мужикъ взяу да и посѣяу рѣпу. Рѣпа породилась дýже хорошо—убóру нѣтъ! Пришла в'осень. Время убирать рѣпу. Мужичекъ копаетъ да возитъ домоу, а медвѣдь верхýшки опредáеть да кладéть у копну. Зима прійшла, заморóзило ботвý медвѣжью. Медвѣдь оттуль да оттуль—не возьмéть ничего. Прийшла весна.—„Нѣтъ, мужичекъ, ты мене обманиý! Нóнѣчи я возьму комелóкъ, а тебѣ макýшки". Мужикъ, вспахауши, посѣяу п(а)шенúцы. Уродилась п(а)шеница дуже хорошо. Медвѣдь обстерегаетъ ее, каравулитъ. Прийшла в'осень, надо п(а)шеницу в'убирать. Мужичекъ п(а)шеницу сжау, снóпики убрау, медвѣдь жнивьё растягау да въ копна склау. Зима заморозила, медвѣдь оттуль и оттуль, походиу, походиу, не у'зять ничего! Взяу на мужика разсердиуся, что „іонъ мене обманув'" —„Вотъ какъ прiѣдетъ у лѣсъ, то я йво возьму кобылу и задеру!" А лисица это дѣло разузнала, похвалиуся ей медвѣдь, что я у мужика лошадь задеру. Іона это дѣло учýла, карав'улитъ лисица, какъ мужикъ прiѣдетъ у' лѣсъ, сострѣла его на дорогѣ:—„мужичекъ, тебѣ медвѣдь хочетъ кобылу задрать, что ты его два года обманув'ъ. Что ты мнѣ дашь за работу, я тебе нав'учу. Дашь ты мнѣ курочку, я тебѣ сдѣлаю, что будетъ тебѣ на хлѣбъ, на соль, и на подýшныя останется".

Мужичекъ прiѣзжаетъ у'лѣсъ. Заявляется ему медвѣдь.—„Я тебѣ, мужикъ, кобылу задеру, что ты мене два года обманув'ъ". А лисица его раньше подучúла: „какъ медвѣдь придéть къ тебѣ, я подкарав'улю да засвищу; іонъ скажетъ: „кто это такое?" А ты скажи: „это царскiе в'охотники в'охоту гоняютъ". Когда медвѣдь подошоу къ санёмъ, къ лошади его, лисица закричала: „мужичекъ, не видау ты лисицъ, куницъ, медвѣдевъ?" Медвѣдь стóючи: „скажи что не видау?"—„А что это у тебе кóло саней стоитъ?"—„Скажи, что кряжъ!"—„Кабы кряжъ быу, быу-бы на санёхъ".—„Положь мене на сани!" Положиу мужикъ на сани, а лисица сдáлека опять кричитъ: „мужичекъ, ти не видау лисицъ, куницъ, зайцеу, медвѣдеу?"—„Скажи, что не видау!"—„Что же у тебе на санёхъ лежитъ?" —„Скажи, что кряжъ".—„Кряжъ! кабы кряжъ, быу бы увязанъ".—„Возьми верёуку, привяжи мене!" Лисица опять: „мужичекъ, ти не видау лисицъ, куницъ, медвѣдеу?"—„Скажи, что не ви-

дау". — Не видау? А что у тебе на санёхъ лежитъ?„ — „Да кряжъ!"—„Кабы кряжъ, быу бы топоръ поторнутъ".—„Возьми топоръ, постау его мѝжу шерсти, у мене шерсть гу́стая, іонъ будетъ стоять". Мужикъ видитъ, что дѣло все на ходу, схватиу топоръ, какъ па́рснув'ъ, такъ требухъ съ медвѣдя и вонъ.

— „Говорила я тебѣ, что тебѣ будетъ на хлѣбъ, на соль, и на поду́шные останется. Поѣдемъ теперь домоу, дай мнѣ курочку". Поѣхали домоу. Пріѣхали. У мужика были подъ по́ломъ курочки. Іонъ открыу полоуни́чку, согнув'ся курочку доставать, а у его были портёнки худые, іонъ, какъ согнув'ся, а лисица: „ай, чтой-то такое у тебе?" А іонъ говоритъ: „да....." А ей покажись „щенята".—„Чтожъ ты мене обманув'ъ"! За двери да й уйшла. Іона съ досады выскочила за дереуню, на бывую дорогу; везёть мужичекъ селедки у' дереуню продавать. Іона была хи́тра, захотѣла селедокъ. У'перёдъ зайшла этого мужика, растянулась, легла, будто что не жи́ва. Этотъ сельдёуникъ слѣзъ. „Ахъ, штука какая попала хорошая, жёнкѣ на воротникъ на шубу го́дна будетъ". Какъ, значитъ, у этого, сельдёуника стояла бо́чечка, а санки были съ козырька́ми. Надо бросить ее за бочку, а самъ ѣдетъ на передкѣ, ѣдетъ, побуркиваетъ что, глядитъ на лошадь, тулупомъ закинув'ши; іона у'стала, донышко подняла, селёдки давай кидать да кидать, вы́кидала десятка два, можетъ, три. Подъѣзжаютъ къ дереунѣ. Іона съ саней—прыгъ долоу! „Спасибо, мужичекъ, за угощеніе!"—„Ахъ ты, стерва, мене обмани́ла!" Отскочила, давай съ дороги эти селедки подбирать въ подоу, пошла у' па́росникъ да давай эти селедки кушать. Ни откуль не быуши, къ ей воукъ.—„Что жъ ты, кума! что это ты кушаешь?"—„Да, куманёчекъ мой, во́ въ дереунѣ озеро стоитъ, я захотѣла рыбки, ўто́рнула хвосъ въ про́лубь, сидѣла долго, долго да всё говорила: „рыбка, рыбка, лѣзь на лисичкинъ хвосъ!" И ты долго сиди, скоро не выхватывай, пока станетъ тяжелый хвосъ". Раскушау воукъ, зайшелъ у'дереуню, дождауся, пока люди укла́лись, у'то́рнув'ъ хвосъ у' про́лубь, и говоритъ: „рыбка, рыбка, лѣзь на воучій хвосъ"! А была ночь холодная, хвосъ и замерзъ у его у' про́луби. Іонъ туды-сюды, хвосъ не вытащитъ. И досидѣуся іонъ, пока стало разсвѣтать. Хозяйки затопили избы, дѣло было

у'субботу, хозяйки всходились съ блинами. А лисица сейчасъ по дворамъ: „что вы сидите! Что вы глядите! У васъ воукъ замерзъ у' пролуби! Тыи сунулись на про́лубь, которыя съ кочергами, которыя съ помела́ми, давай этого воука бить! Воукъ вырвауся, хвосъ оторвау, а лисица тымъ часомъ по дворамъ, подобралась подъ мостки́, йдѣ съ де́жки наѣлась, йдѣ сковороды полизала, и съ послѣдняго двора—маршъ за дереуню. Вотъ ни откуль же быу, опять воукъ.—„Ну, кумушка, и поучила ты мене! Ужъ мене били, били, и хвосъ оторвали!"—„Я-жъ бѣгла тебе поми́ловать, думала, ты много рыбки наловиу. И мене-жъ били, били, ажъ голову́ проломили—и мо́зги текутъ! Хошь бы ты мене за работу провезъ немножко, я идить не могу, голова проломлена" (а в'ней голова въ тѣстѣ вымазана).—„Ну, садись, коли такъ!"—А іона сидитъ на ёмъ да и запѣла: „битый небитаго везе́ть!" А воукъ это разобрау. „Что йто ты говоришь?"—„Я говорю, что битый битаго везе́ть".—„Подпрауся на правый бочёкъ!" говоритъ воукъ. Іона опять, не ру́пится ей: „битый небитаго везе́ть!" А іонъ, какъ цапне́ть ее съ праваго бока, да объ землю, съ её и духъ вонъ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

186. **Про купецкаго сына.**

Остауся купецкій сынъ отъ батьки малолѣтный. Подросъ, жениуся. Жили́ іоны хорошо другъ съ другомъ. Жена отъ его забременѣла. Ходить да жить, стало пу́зо. рось. Пошла у' садъ гулять, покричау ребеночекъ во чревѣ: „я на маткѣ женюсь, а батьку съ ружья убью". Загоревали іоны, что̀ это къ чему, что и не слыхивано. Родила іона, относиуши время, дѣйствительно, мальчика. Іоны и задумали, что съ имъ дѣлать, если это прауда сойдѐтся. Между сами собой: „что-жъ намъ, говорятъ, дѣлать? Кстить не будемъ, нарекёмъ имя сами отъ себе Андрей Критскій (что прокричау въ чревѣ)". Вымыли его, одѣли и надумали іоны сами собой, разрѣзали ему пу́зичко, взяли до́сточку, обклали его подушечками, спустили на рѣку: „не тронь

плыв'еть, куды знаетъ". Ну, и поплыу. Сколько время, день, два, можетъ, три плыу, приплыу къ берегу: на берегу стоитъ намастырь; съ намастыря́ прачки мыли бѣлье, увидали іоны эту диковину — ребенка, остановили доску, посмотрятъ— ребеночекъ еще жиу. Доложились онѣ игуменшѣ своей; игуменша приказала его принесть на хватеру свою, взяли это пу́зечко зашили шелкови́ной, отыскали дохтора, позалечили, ребеночекъ все живе́ть. Приставила игуменша къ ему няньку за имъ ходить и у'спи́тывать. Ходила, у'спитала его, стали грамотѣ учить. Дуже стау хорошо понимать грамотѣ. У'зросъ у'годы порядочные, взяу погуливать, съ монашками поигрывать. Стали мона́шки жа́литься игуменшѣ. — „А что-жъ теперь дѣлать? У'споили, у'скормили, теперь можно выпустить отсе́лѣ вонъ, теперь же найдѣть хлѣбъ себѣ". Уволили его оттудова. Поблагодариу ихъ за́ хлѣбъ, за́ соль и отправиуся у'городъ. По виду́ молодецъ хорошій, и грамоту хорошо знаетъ, взяли́ его у'лавочку у' мальчики къ купцу. Іонъ слу́жиу сколько, малый, понравиуся купцу и у'симъ служащимъ. Послужиу іонъ сколько мало, залѣниуся мальчикомъ быть. Съ этого городу выѣхау, поѣхау у' другой городъ. Нанимаетъ его купецъ у'прикащики, пытаетъ отъ его удостовѣреніе, откуда и кто іонъ. „Я своёхъ ро́динъ не знаю, я съ намастыря такого, воспита́нъ у' намастырѣ". И наняу его. Какъ іоны другъ у' друга у' любились, и съ купцомъ и съ купчихой, и давай купецъ провѣрять его, какоу іонъ на дѣло, ти вѣренъ. „Иди, говоритъ, у' садъ ночевать на караулъ". Дау ему ружье. „Кого не увидишь, какъ три раза́ спросишь, не скажетъ,— стрѣляй съ ружья!"

Ходитъ, строго караулитъ. Захотѣлось купцу провѣрить свойво прикащика. Взыйшоу іонъ у'садъ, тотъ пытаетъ, кто йдѣть? Умоукъ! тотъ у'второй разъ: кто йдѣть? Опять моучитъ. У'третій разъ спросиу, кто йдѣть, тотъ хотѣу сказать: „я йду", а тотъ приложиуся — бацъ! и купца убиу! Ну, су́домъ опраудали его. Слѣдствіе наводили, сказали: „тебе можно держать хозя́йномъ", платить ему. Купчиха взяла да приняла его у'хозя́йны, пожила, пожила, другъ другу іоны понравились. „Что мы будемъ такъ жить!" Давай пер'вѣнчаемся, чимъ намъ такъ Богу грѣшить!" Взяли, да й пер'вѣнчались. Ну, на спокоѣ у'спальнѣ легли. У его

рубчикъ еще замѣтенъ быу, какъ сшивано на пу́зечкѣ. Іона повела рукой по пу́зу, нашла.—„Чтой-то? говоритъ, у тебе?“—Я й самъ не знаю, что; будто бы мене на рѣкѣ поймали мона́шки, зашили этотъ требушокъ мой и вспи́тали мене. Ну, вотъ я попау оттуда къ вамъ у'прикащики, изъ намастыря у'скормиуши“. Іона то и признала, то́й пѣсни не забыла, что іонъ прокричау у'пузѣ. Іона и призналась у'сѣмъ пре'священнымъ, что такъ вѣрно вышло, какъ мой ребеночекъ прокричау у'пузѣ. Осудили ихъ за эту прови́нку: выкопать двѣ ямы такъ, какъ козодези; взяли у'одинъ колодезь одного, у'другой другого, закрыли желѣзными дверями подъ за́мокъ: „когда эти коло́дези заростутъ да вы выйдете наружу, тогда васъ Богъ и проститъ“. Ключики эти кинули у'море, аль у'воду: „когда эти ключики найдутся, то ихъ Богъ проститъ“. Черезъ нѣсколько лѣтъ (говорится сказка скоро, а дѣло дѣлается не скоро) ловили рыболовы рыбы, поймали щуку, стали ее чистить, ключи нашли у'щукѣ. Стали разыскивать по о́писямъ, откуда эти ключи; у'спомянули, что у'колодезяхъ посо́жены мужъ съ женой, поку́ль Богъ проститъ. А тому дѣлу пройшло тридцать лѣтъ. Отомкнули колодези, а іоны и вышли оттуда, и ямки заросли.—Теперь говорится, что Бога нѣтъ; знать, тогда быу, что жи́выми ихъ тридцать лѣтъ сохраниу безъ питанія у'сякаго!

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 года.

---

187. Сколько я горя перелѣзъ.

У мене было́ горя много; было́ мнѣ жить нехорошо, вотъ какъ и теперь. Были́ у мене тройка ко́ней, заве́дено все хорошее положеніе. Были изво́зы сильные, въ Торопецъ пшеница йшла. Поѣхау я у' Вязьму, навалиу пшеницу по три куля на лошадь у' Торопецъ вес'ъ. Дѣло было́ на масляную. Люди повезли обозомъ, а я остауся, что́ мнѣ съ ими? Кони у мене хорошіе, останусь справить масляную. Ну, справиу я масляную, отгуляу, у' первый понедѣльникъ поѣхау я. А тулупъ у мене надѣтъ быу новый. Только

заѣхау за Бѣлую, бѣгúть бѣлка черезъ дорогу. А была погода понáстливая, понáстикъ быу. „Эхъ! штука хороша! Бѣгúть тихо, пойду я ее поймаю, у'городъ продамъ и погуляю тамъ, свѣзши пашенúцу“. Поставиу конéй тройку на дорогѣ, за ней отправиуся. Іона отъ мене не уходитъ, и поймать не поймаю. Іона у'лѣсъ, я за нею, іона бѣгла, бѣгла, стало мнѣ душно, я тулупъ скинув'ъ, назадъ пошедши да ее поймауши, возьму его. Іона съ лѣса на лядо на чистое, я все-таки за ей; я-то замучиуся да й іона то замучилась. Дѣться ей нейдѣ! Стоитъ толстая осина на лядѣ, іона на осину. „Погоди-жъ! я тебе поймаю теперь! Іона съ осины хошь свалится, убьéться, все-жъ моей будетъ!“ Я за ей на осину. Осина была двойчатка толстая; я до двойчатки долѣзъ, хотѣу мижъ сукоу стать, а іона дупля́стая; я у'тóе дупло провалиуся, до сáмаго корня. Тутъ то я и сознауся, что пропали моѐ кони, одёжа, а я самъ помру тутъ. Сижу тамъ день, свѣту не вижу никакого, и другой вылѣзть никою нельзя, надо помирать тамъ. На третій день рано подходитъ мужикъ къ этой осинѣ и съ топоромъ. „Ахъ, говоритъ, штука какая! Сколько можно осьмúнокъ надѣлать, сколько дупля́нокъ! Дай еé завалю!“ И начинаетъ сѣчь, раздѣуся парень и сѣкéть мнѣ прямо по горлу! Хошь и завалится осина, а голову́ мнѣ переломитъ! Посѣкъ крóмочки, видитъ, что сѣчь не стóитъ, вся гнилая, я гнуться, чтобъ шею не сломало, прижауся. Іона скоро и завалилась. Какъ стала валиться, я голову́ вы́торнулъ, да га!! со всей мóчи, мужикъ, какъ гля́нув'ъ, спужауся да й на уходъ оттуль, и одѣяніе свое оставиу. Я вылѣзъ, одёжу его надѣу: идúть не знаю куды. Пошёу прямою линіей лѣсомъ, куды-жъ-нибудь выйду на поле! А самъ не пиуши, не ѣуши третьи сутки. Хоть бы скорѣе у'деревню выйдить, самъ себѣ думаю. Вышеу на поле, стоитъ цéрква деревянная. Пойду на тою́ цéркву. А тамъ только попъ съ дьячкомъ построиуши, села нѣтъ. Надо ночевать, тёмно стало. Къ дьячку что̀ идить—іонъ бѣдный; надумау, пойду къ попу просить ночевать; можетъ, покормитъ. „Ночуй! лѣзь вонъ на палáти протиу печи“. А нѣтъ того, чтобъ мене покормить! По убогому дѣлу случилось, что родить пришлось попадьѣ; за бабкой сходить некому. „Ахъ, у'здумау попъ, у мене прохожій человѣкъ ночуетъ:

по прошу йво!“ А идить черезъ рѣку́. „У’стань, братъ, сходи за бабкой, вонъ дереуня на горкѣ стоитъ! Да іона пѣша́я не пойде́ть, возьми дѣтскую телѣжку“. Отдау мнѣ телѣжку, отправиуся я за бабкой. Пріѣзжаю я къ бабушкѣ. „Бабушка, попъ проситъ васъ, попадья тамъ му́чится“. Баба рада, сейчасъ сбирается, бабы охотники ба́бить. Выйшла, сѣла ў телѣжку, стау я подъ горой спускаться; я-жъ голодный, немолодой, спотыкнув’ся, телѣжка мимо мене подъ горку да съ бабой у’воду́. Стау я на берегу думать, что мнѣ теперь дѣлать? Ти къ попу йти, ти соусѣмъ у’войти. Надумау не пло́шь этой сказки, пойду къ попу опять, скажу, что мене не послушалась, не поѣхала, идите сами; у него хошь хлѣба край тѣмъ ча́сомъ украду да и у’войду! Прихожу къ попу. „Батюшка, мене старуха не послу́хала, потому незнакомый человѣкъ, проситъ васъ“.—„А йдѣ телѣжка?“—„Телѣжка у бабы остала́сь“. Іоны уже тутъ съ попадьей распорядились, неба́бинаго ребеночка положить передъ Богомъ за сто́ломъ на лаукѣ.—„Ну, вотъ тебѣ руби́ха (чимъ бабы бѣлье бьютъ), карав’уль ребенка, чтобъ котъ не унесъ, а попадья другое дѣло справитъ“. Я сидѣу, сидѣу, задремау; ниоткуль не быуши, йдеть котъ по ла́укѣ; я хотѣу кота, да по ребенку! забиу его до смерти! Поке́да я ребенка забиў, бѣги́тъ попъ, сердитый, кудла́ми трясе́ть, заорау: „ты мнѣ бабу залиу, ребенка забиу! Что съ тобой дѣлать?“ Сходиу за дьячкомъ, привёу дьячка. „Давай до свѣта свяжемъ его и представимъ у’судъ у’городъ; іонъ проли́га какой ходитъ!“ Ну, что дѣлать? Дождали́ся дня. „Я съ имъ пѣшо́й не пойду, запрягу лошадь“! Попъ сѣу на лошадь, а мене сзаду привязау на веревочку, веде́ть. Ѣхали мы, ѣхали. У’стрѣчается съ нами на хорошей лошади дворянинъ, командиринъ господскій. Лошадь у его полтораста рублей сто́итъ. Хотѣу отъ попа, отворотиу у’сторону, лошадь и утопиу. „Батюшка, постой, пособите мнѣ кобылу вы’простать, уто́пла!“—„Во́, проси мойво разбойника, а я не полѣзу у’воду мочиться“.—„Дядюшка, пособи́ мнѣ лошадь вы́простать, я тебѣ дамъ двѣ гри́венки за работу“. Я за́годя расчислилъ, что себѣ два хунта хлѣба куплю (двѣ гри́венки мѣдныхъ, это шесь копѣекъ по тому время). „Ну, взяу кобылу за хвосъ, подобрау его порядкомъ, какъ дернув’ъ сгоряча, хвосъ по самую сѣ-

дѣлку со шкурой ободрау.—„Какъ же мнѣ теперь къ барину показаться! Іонъ убьéть до смерти! Кобыла полтораста рублей стóитъ!“ Значитъ, и тотъ на мене жаловаться. Повели мене у'Бѣлую. Судьи поглядѣли одинъ на одного, усмихнýлись.—„Какъ же будемъ судить? Съ этого у'зять нечего, что привели“ (переговариваются сами собой). Говорятъ попу:—„съ виноуника пó сто рублей“. На попа: „ну жалуйся на свойво арестанта“.—„Какъ же не жаловаться на него! Попросиуся нá ночь, я его пустиу, у'сходилась моя хозяйка родить. Съѣзди за бабкой на дѣтской телѣжкѣ! Іонъ бабку у'зяу, посадиу, да у'рѣку и упустиу, да пришоу, мене обманиу, что со мной не ѣдетъ, иди самъ. Я пошоу, заставиу его ребенка карав'улить, чтобъ котъ не унесъ, онъ мнѣ ребенка забиу!“—„Ну, какъ же ты такъ сдѣлау, что ребенка забиу?“—„Я трое сутокъ не ѣуши, послау іонъ мене, я ослабши, ноги посклизнýлись, я бабу подъ горку и упустиу. Я хотѣу у его хлѣба украсть, а іонъ посадиу мене ребенка карав'улить. Хотѣу кота, да по ребенку и угодиу!“—Ну, попъ, ты и виноватъ выходишь, ты-бъ его накормиу, напоиу.. теперь сто рублей съ тебé“.—„А, нѣ! Я такъ не заплачý“.—„Не хошь платить, отдай ему попадью, пока іона съ имъ другово тебѣ ребенка приживéть“.—„А нѣ! я такъ не хочу!“—Вымáетъ сто рублей, кладéть на стоу.—„Ну, ты, господскій командúринъ, жалуйся!“—„Я такъ и такъ, ѣхау по свойму дѣлу, у'стрѣлъ попа этого сáмаго, свернув'ъ съ дороги да коня утопиу. Попросиу помочь коня выпростать. Іонъ, разбойникъ этотъ, за хвосъ какъ дернéть, хвосъ и оторвау. Нельзя къ барину ѣхать“.—„Ну, отдай кобылу ему, пока хвосъ отростéть“.—„Нѣ! мнѣ никакъ нельзя господскую лошадь отдать“. Ну, и тотъ сто рублей отдау. Отправили мене на рóдины, подѣлёмша деньги эти на три части. Ну, и кончилось дѣло на этомъ!

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

188. Солдатъ и Смерть.

Солдатъ стояу на воротáхъ у Бога. Богъ у'тоё время по землѣ ходиу, и Смерть приходила къ Ему кажный годъ спрашивать, какой народъ морить. Постýкалась у' двери. Солдатъ пытаетъ: „кто тутъ?"—„Я, Прекрасная Смерть, ишла къ Богу спросить, какой народъ морить". Солдатъ доходитъ къ Богу и говоритъ: „Господи! Смерть Прекрасная прийшла, спрашиваетъ, какой народъ морить!" — Богъ сказау: „солдатъ, скажи, чтобъ морила маленькихъ ребятъ". Іонъ вздумауся: „у моихъ дѣтей маленькія дѣтки есь, помóритъ ихъ!" — „Пошла, говоритъ, маленькій лѣсокъ гложи́!" Опять годъ отглодала лѣсъ, пришла. Стукнулась у' ворота. Солдатъ: „кто прийшёу?"—„Прекрасная Смерть пришла спросить у Бога, какой народъ морить".—„Старый, самый старый!" приказау Богъ. Іонъ у'здумалъ: „мой батька еще жиу, дѣдушка жиу, іона ихъ уморитъ!"—„Иди, старая, пéнья копай да ломай!" Отправилась Смерть, согнув'шись. На третій годъ опять пришла, годъ отслужиушись, постучалась у'дверя́. Солдатъ опять: „кто тамъ?"—„Я, Прекрасная Смерть, пришла спросить у Бога, какой народъ морить".—„Середній морить! сказалъ Господь.

— „Ахъ, что-жъ это? У мене сыны́ есь, у сыноу сыны есь, повыросли (солдатъ все урóдуетъ).—„Иди, середній лѣсокъ поломай!" Пошла согнув'шись.

Г'одъ отойшоу, приходитъ къ солдату, постýкалась.

— „Какъ хотите, доложите до Бога, чтобъ іонъ мене повидау у'глаза". Ну, свёу іонъ ее на глаза Богу.—„Господи! что-жъ вы надо мной дѣлаете! Измýчили мене чисто, что я чуть живая осталáсь".

— „Какъ же такъ, что измýчилась?

— „Первый годъ малый лѣсокъ глодала, хоть тóнокъ быу, да лóмокъ; во у'торой годъ заставили мене пéнья ломать, рыть старые, здоровые! Третій годъ заставили середній лѣсъ ломать да коверкать".

Богъ говоритъ солдату: „что-жъ ты не такъ сдѣлау, какъ я приказывау?„

— „Что́ сдѣлау? У мене большое потомство, іона-бы все мое потомство поморила, а я пожалѣу его!" говоритъ.—

„Ну, вотъ тебѣ за провúнку! Садись ему за плечи, чтобъ іонъ тебѣ три года проносиу за плечьми“. Его удалили отъ воротъ. Іонъ быу солдатъ разухабистый, сердитый, постарѣлый, долго служиу, нюхау табачекъ. Вышеу за городъ, шоу, шоу, черезъ рѣчку мосъ, сѣлъ на мосъ на перила.— „Ту́, Господи! куды мнѣ спѣшить теперь? Я у'довёнъ, говоритъ, понемножечку буду уходить да почаще отдыхать“. Вы́нюлъ табатерку, давай нюхать табачекъ. Смерть захотѣла узнать, что іонъ дѣлаетъ.

— „Солдатъ, что ты дѣлаешь?“

— „Да вотъ, захотѣлось позаутракать“.

— Что й ты кушаешь?“

Говоритъ: „медокъ“.

— „Дай-ка жъ мнѣ поку́шать!“

— „А вотъ лѣзь, доставай сама!“

Іона въ табатерку, іонъ табатерку захлопнув'ъ да у' карманъ. „Вотъ теперь скоро прохожу три года!“ Относиу три года. Приходитъ къ Богу. Богъ увидѣу солдата.

— „А йдѣ жъ твоя Смерть?“

— „При мнѣ!“ говоритъ. Выпустиу съ табатерки, іона чуть пищи́ть. Значитъ, удалиу его Богъ домойки со службы отъ воротъ, что проказничать много стау. Нѣсколько время дома побыу и заболѣу. Болѣу и у'здумауся:

„Господи! хошь бы мене Господь умориу поскорѣй!“ Богу донесли, что проситъ солдатъ тотъ смерти. Тотъ посылаетъ Смерть: „иди, солдата того умори!“ Пришла іона уморить, іонъ кидается руками и ногами, плохъ стау. Іона испугалась, йдéть къ Богу.

— „Испугалась, боюсь, говоритъ, іонъ мене опять у' табатерку у'содитъ!“

— „Иди, не бойсь, іонъ соусѣмъ чуть жиу, іонъ тобой не овладѣетъ!“

Пришла іона, іонъ чуть мотается. Кралась іона, кралась, кое-какъ косой ножки подрѣзала, перестау ногами мотать. Ну, что съ этимъ солдатомъ дѣлать на томъ свѣтѣ? Былъ адъ отпёртъ. И пытаютъ солдата: „куды ты хошь? Куды тебе опредѣлить?“ Привели у' рай. „Вотъ тебѣ, солдатъ, гдѣ мѣсто за твою службу всеё“.

— А есь тутъ водка?

— „Нѣту!“ говóрятъ.

— А табакъ?

— Нѣту! говóрятъ.

„Ну, такъ я тутъ не буду, такъ васъ да этакъ!“ строго такъ подступаетъ. Повели его въ адъ.

— „Водка есь?

— Есь, сколько в'годно!“

— Вотъ йдѣ мое мѣсто! табакъ есь?

— „Есь“, говорятъ.

— „Вотъ йдѣ мое мѣсто!“

Поворотиуся іонъ тутъ по-солдатски, похозяйничау; тутъ іонъ строго согрозиу: „чтобъ былá мнѣ здѣсь пóслана постéля, чтобъ не кричéть, не шумѣть!“ Жиу іонъ тамъ день, два, можетъ, и недѣлю прожúу, тыи и думаютъ, какъ бы его выжить отсюда, не то, что держать, а какъ бы вы́гнуть вонъ! Ниоткуда не быуши, солдать-барабанщикъ попау въ адъ. Іоны и стали жáлиться этому солдату, какъ бы вы́гнуть этого грубіяна, который не даéть имъ жить тамъ.

— „Если и мене съ имъ вы́пустите, тогда я выгоню!“

Вотъ іонъ успокоиуся, уклауся спать; этотъ солдать-барабанщикъ слушау, слушау да какъ ударитъ у'барабанъ: „у'походъ! у'походъ! у'походъ!“ Прохватиуся солдатъ старый: „что вы такіе, сякіе, не будили мене, мнѣ надо у' походъ!“

Сгребъ свою музыку да съ аду вонъ! Адъ запёрли. Его и прогнали съ аду вонъ!

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

189. О богачѣ Маркѣ.

Богачъ Мáрка имѣу заводы разные и всякое богачество. Ѣхау іонъ у'городъ, пріѣхау на постоялый дворъ, выпросиуся ночевать. Укладывается ночевать. Постелили ему постéлю подъ Богомъ за стóломъ. Много-ли, мало, заснули. У этого дворника ночевау старичекъ. Слышитъ, стýкаютъ у'рямку, у'вокно. Старичекъ пытаетъ, кто такой?—„Я, Господи!“ — „Что ты пришоу?“ — говоритъ. — „У'дереунѣ оуца

роди́ла сѣраго барана, надо ему судьбу написать". — „Напиши, чтобъ его воукъ съѣу". А этотъ купецъ все и чу́етъ. Тотъ пошоу и погодя опять стукается у'вокно. — „Кто тамъ?"—„Я, Господи!" — „Что ты пришоу?" — „Родила у'дереунѣ баба мальчика, какую ему судьбу написать?"— „Напиши ему этимъ имѣніемъ купца Марка у'ладѣть".

Чуетъ купецъ эти разсказы и говоритъ кучеру: „поѣдемъ у' тою́ дереуню, гдѣ барана окотила оуца". Поѣхали у' тою́ дереуню, отыскали, у кого бараномъ оуца окотилась у' такую-то ночь. Вотъ у такей-то удовѣ Марьѣ, скажемъ. „Погоди, думаетъ купецъ, спро́бу сдѣлаемъ, купимъ этого барана". Торговались, торговались, за деньгами мужикъ не постоитъ, что ему такей баранчикъ, недѣлька али двѣ. Купили, привезли домоу. Приказау купецъ работникамъ: „этого барана обдерите, сжарьте мнѣ его сегодня". Сжарили. „Готоуте мнѣ кушать". Стали ему обѣдъ подавать. Подаваютъ барана. „Узна́емъ, что почёмъ эта оговорка", любопытствуетъ. Пода́ли этого барана. Пода́ли виуки, ножикъ. А іоны наровятся разрѣзать этого барана, баранъ жа́рокъ, іоны такъ да этакъ, баранъ жарокъ. То что-жъ? Поставиу его на в'окно остудить, пока не оха́хнетъ, что̀ на́мъ руки оба́ривать? Поставили на в'окно. Ниоткуда быуши воукъ, пришоу, да этого барана, да съ в'окна, да и ла-та-ты! Купецъ тогда самъ себе за бороду́, а бороды и нѣтъ! Дѣло-то приходитъ, что дѣйствительно прауда. „Запрягай, кучеръ, лошадей, поѣдемъ въ тою́ дереуню, гдѣ мальчикъ ро́женъ, купимъ того мальчика. Сѣли, поѣхали искать тоѐ дереуню. Нашли. Давай торговать того мальчика. Его не продаютъ, жалѣютъ. Іонъ ихъ уговаривать: „Богъ знаетъ, либо выживе́ть, либо помре́ть, и даромъ!" Ну, договорились за двѣсти, ай за триста рублей, за сумму за порядочную. Уговорили матку: „я его вы́рощу, сдѣлаю человѣкомъ, но не пастухомъ". У'зяли этого мальчика, уворотили у' пелёночки и отправились у' пути́. Ѣхали, ѣхали, пріѣзжаютъ у'лѣсъ, взяли этого мальчика, занесли порядочно отъ дороги, подъ кустикъ положили. Дѣло было зимой. „Іонъ тутъ, говоритъ, сме́рьзне́ть". Сами уѣхали, бросиуши его. Черезъ нѣсколько время, черезъ день, а можетъ, черезъ три дни, ѣдетъ купецъ другой, видитъ, бѣлѣются пеленки. „Кучеръ, говоритъ, постой!" Кучеръ остановиуся. Подходитъ къ этому маль-

чику, сняжокъ ко́ло его растаялъ, и цвѣтики зацвѣли синенькіе. „Ахъ, говоритъ, это ребеночекъ лежитъ. И снѣжокъ обтаялъ, и цвѣтики цвѣтутъ, іонъ живой! Поди, возьми его!“ Кучеръ принесъ, у'зяли его съ собой, поѣхали домоу. Привезли мальчика, у'зрадовалась хозяйка, давай за имъ ходить да выхаживать! Выростили большого, обучили грамотѣ, купецъ этотъ съ хозяйкой помёрли, остауся іонъ одинъ. Хозяйствовать ему не́чѣмъ, іонъ пошоу мальчикомъ ходить, поке́ль научиуся, потомъ прикащикомъ и попау къ этому Маркѣ прикащикомъ. У этого купца была дочка. Какъ у'любилась дочка у'этаго прикащика и распросила: „кто ты и откуль ты?“—„Я своéхъ ро́динъ не знаю. Быдто-бы мене купецъ у'лѣсу нашоу маленькаго. Вотъ мене и воспитали, и обучили, сами помёрли. Я по прикащицкой части и пошоу и къ твойму батькѣ заставиуся“. Эта дочка свыклась съ этимъ прикащикомъ, батька узнау, что іонъ на́йденъ, задумауся, какъ-бы его све́рзить, дознауся, что это именно тотъ, которому послѣ его имѣніемъ влада́ть. Пошоу на заводъ, приказау рабочимъ: „какъ прійде́ть прикащикъ у'полночь, такъ схвата́йте его, да у' котёу, сварить его. Кто-ль бы ни лѣзъ, кто-ль бы не говориу, хватайте и у' котёу“. Ну, поужинали, укладаются спать. Прикащикъ и говоритъ дочкѣ: „ай, какая накидка сегодня! У'самые двѣнадцать часоу папа твой приказау у' заводъ идить“. Іона ему и разсудила: „не ходи, а мы ра́ненько у'станемъ и велимъ рабочимъ: скажите, что быу“. А тому-то купцу ру́пится. Какъ двѣнадцать часоу, схватиу шубу и побѣгъ. Стукнув'ъ у' заводъ.—„Кто такой?“ А его какъ хватили у дверей да у'котёу! Іонъ кричитъ: „я самъ Ма́рка! Я самъ Ма́рка!“—„Ну ладно, будешь тамъ!“ У'зяла́ дочка́ да й пер'вѣнчалась на томъ прикащикѣ и доста́лось это имѣніе мальчику то́му, кто быу назначенъ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

190. Дѣдъ и у'нукъ.

Жиу старый дѣдъ да у'нукъ малолѣтный. Жили іоны хорошо, одинъ одного почитали. Что́ дѣдъ скажетъ, этотъ слушаетъ. Было́ у ихъ хлѣбопашества много, на одинъ га-

рецъ гороху. Прийшла весна. Задумали іоны горохъ сѣять. Поѣхали у'поле, напахали на га́рецъ гороху. Прийшло время, понесли съ дѣдушкой у'мѣстѣ горохъ сѣять. Несли, несли да й завалились, горохъ этотъ разсы́пали. Дѣдъ загореваy: „что мы, у'нукъ, съ тобой сдѣлали! Одинъ быу га́рецъ гороху, и тотъ разсы́пали! Худо наше съ тобой будетъ дѣло!"—„Дѣдушка, отвѣчаетъ, не будетъ худо, а будетъ хорошо!" Давай этотъ горохъ подгребать. Гребли, гребли, нагребли два га́рца.—„Вотъ, дѣдушка, говоришь—худо! Было́ одинъ гарецъ—стало два!" Посѣяли этотъ горохъ. Этотъ горохъ взойшоy. Дѣдъ пошоy посмотрѣть: горохъ взойшоy рѣдко. Пришоy съ поля домоy и захлопотауся у'ну́ку: „худо наше дѣло будетъ, горохъ взойшоy рѣдокъ". У'нукъ дѣду отвѣчаетъ: „не будетъ дѣло худо, хоть будетъ рѣдокъ, да стручистъ". Ну, и народиуся горохъ рѣдкій, да стручистый. „Вотъ ты, дѣдушка, хлопотау, что будетъ мало гороху, сказываy, что будетъ наше дѣло худо, а вышло хорошо, гороху у насъ оказалось много!" Ни откуда бы́уши, пова́дились сосѣднія свиньи у'горохъ. Спохватиуся дѣдъ: „у'нукъ! наша дѣло худо: пова́дились сосѣднія свиньи у'горохъ! Вѣдь іонѣ вы́ядýть соусѣмъ!"—„Нѣтъ, не будетъ худо, а будетъ хорошо! Бери-ка, дѣдушка, щанъ да возьми ножикъ". Стали свиней этихъ ловить да рѣзать. Нарѣзали большой щанъ. „Вотъ ты сказау, что худо дѣло будетъ, теперь съ насъ на пять лѣтъ хватитъ скоро́мины".

Привезли свинину домоy, поставили у'какой ни быу амбару́шко. Наводились на эту скоро́мину кошки. Давай у'нукъ караулить; поймау кота здороваго, прездороваго.

„Куды́-жъ мы этого кота будемъ дѣвать?" отвѣчаетъ дѣдъ у'нуку.

— „А у насъ есь ржи́цы скирда́ (ко́ло печки столбикъ да брусокъ класть, рукавичку на пали́чку), поставимъ его на цѣпь, чтобъ іонъ стерегъ рожь, мышей ловиy". Приказали, какъ печь затопля́ть, такъ кота снимать, потому черная изо́бка задымится. Разъ сняли кота, какъ затопютъ, два сняли, а на третій день забыли, что котъ есь дли́ скирды́. Затопили іоны изобку, стало коту тому дымно, котъ глядѣy, глядѣy да какъ дернетъ! Скирду эту свалиy и ввалиy рожь у'посу́дину помойную, что ру́ки моютъ. Какъ засно-

вауся дѣдъ: „что мы сдѣлали? Было́ немножко хлѣбца, да и тотъ замочили! Теперь наше дѣло худо! Какъ будемъ жить?“—„Нѣтъ, не будетъ худо, а будетъ хорошо, отвѣчаетъ у'нукъ, это у насъ свой солодо́къ будетъ!“ Перемолотиу рожь эту, смолоу, сладкая стала. „Вотъ ты, дѣдушка, говориу, что мы дѣлать будемъ съ тобою! Солодо́къ у насъ есь, и скоро́минка у насъ есь, давай мы сдѣлаемъ съ тобой бау. Пиво надѣлаемъ, скоро́минки наваримъ, позове́мъ прочихъ людей; тебе, дѣдушка, помянутъ за жиуность, чтобъ ты помниу, а мене поздравятъ съ Ангеломъ моимъ“. Надѣлали пива, наварили скоро́мины, созвали сусѣдей. Сусѣди-ка йдутъ на бау, а у ихъ была су́чка у'сѣнёхъ, и щанъ стояу съ пивомъ у'сѣнёхъ; сусѣди какъ сунулись, іона забрехала, іоны какъ крикнули на её, іона спугалась; нейдѣ ей дѣваться, хотѣла за кадушку, да у'кадушку! Пиво это у'все у'су́чку у'вобралась. Дѣдъ захлопотауся: „что-жъ мы это сдѣлали! Чимъ мы будемъ людей потчивать?“ „Не хлопотай, дѣдушка, будетъ пива больше!“ Принесли масленный станъ, кошель, что масло бьютъ, да су́чку у'тотъ котёу! Поуставили два щана, одинъ подъ хры́калицу (подъ морду, значитъ) еще другой щанъ подъ с.....цу, давай клиньями загонять! Побѣгло съ хры́калицы пиво, съ с.....цы пол-пива. Нагнали два щана пива и пол-пива. „Вотъ же, сказау, дѣдушка, что худо наше дѣло! Вышло хорошо!“

Какъ стали угощать людей, дѣдушку помянули, а у'ну́ка поздравили, три дни и прогуляли!

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 года.

191. Про в'умнаго Ивана.

У'дова́ была; у ей быу сынъ большой, Иваномъ звали, и дочу́шка поменьше. Ну, жили да жили. Прежде были жо́рна, руками драли кру́пы. У'здумали іонѣ крупицъ продрать. Пошли кру́пы драть матка съ дочко́й. Сами крутятъ за палку (жо́ренъ ворочали у'старину). Драли, драли, подъ жо́ренъ портни́чка (что воро́чаетъ жо́ренъ) свалилась подъ по́дикъ, на земе́льку, матка обхватила дочку́ и завыла: „дочу́шка жъ ты моя! Ты жъ во́ вырастаешь, зай-

дѣшь ты замужъ, забрюхатѣешь, родишь мальчика, пойдѣшь ты крупку драть на кашку съ мальчикомъ, портничка вывалится, по мальчику попадѣть по голоукѣ, мальчика и убьѣть!“ Онѣ ужъ плачутъ по ёмъ, его и нѣтъ, еще іона у'дѣукахъ!

Ждау, ждау Иванъ „что̀ моѣхъ бабъ долго нѣтъ?“ прибѣгаетъ туды, йдѣ крупы дерутъ, а іонѣ плачутъ.

— „Чего вы плачете?“—„Да вотъ такъ и такъ. Свалилась портничка подъ по́дикъ. А что, когда-бъ сестра твоя замужъ зайшла, да забрюхатѣла, да родила-бы мальчика, да пойшла-бы крупы драть, съ мальчикомъ тымъ, да портничка свалилась-бы, да йво по голоукѣ,—убила-бы мальчика!“

— „Ахъ, вы дураки, дураки! Я васъ брошу, жить съ вами не бу́ду! Пойду в'умныхъ искать!“ Ну, й пошёу.—Шоу, шоу, обночле́жиуся. У'изобкѣ живе́ть старичокъ одинъ. У старика есь сапоги, надѣвать не умѣетъ! У'злѣзетъ на печку, на деревенскую, съ печки ско́кнетъ у'сапоги, не попаде́ть ногами. Сбиу ноги у'кроу, а у'сетаки не надѣнетъ.—„Дѣдушка, что й то ты дѣлаешь?“—„Да, батюшка, у мене сапоги есь, да надѣвать не умѣю“. Іонъ его посадиу на лауку, пе́рво̀ одну ногу́ обув'ъ, „а ты хотѣу разомъ обѣ обуть“, потомъ другую.—„Дядюшка, поживи ты со мной! Поучи ты мене!“—„Нѣ, дѣдушка, мнѣ и свое́ дураки надоѣли! Пойду дальше“. Перешоу нѣсколько, далеко, можетъ, у'другую землю: два брата срубили изобку, изобка то маленькая, чу́точная, сумѣли две́рцы просѣчь у'изобкѣ, а в'окошекъ не сообразятся, какъ просѣчь: то іоны, какъ отопрутъ дверцы, въ избѣ видно отъ солнца, іоны рѣшетомъ и заволáкиваютъ солнце въ и́збу; какъ запрутъ две́рцы, солнце в'ойшло; опять загоняютъ, дверцы открёмши. „Что вы, ребята, дѣлаете?“—„Батюшка, солнце загоняемъ въ и́збу, да не загонимъ!“—„Что вы мнѣ дадите, я вамъ солнце у'пущу въ и́збу?“—„Дяденька, что хошь дадимъ, только поучи ты насъ!“ Іонъ у'зяу, топоромъ просѣкъ в'окошки, въ избѣ стало видно.—„Такой, сякой, дяденька, поживи съ нами!“—„Нѣтъ, ребятушки, пойду дальше, мнѣ свое́ дураки надоѣли!“

А что́ йде́ть дальше́, то народъ дурнѣетъ. Приходитъ. Стоитъ баня, безъ ве́рха съ одне́мъ потолкомъ. Привели мужички́ бычка́-третьячка́, на баню тащутъ, трава тамъ выросла хороша.—„Что вы дѣлаете, мужички?“—„Вотъ в' насъ

выросла трава, бы́ка тащимъ; жалко — баню зато́пимъ, іона поблёкнетъ". — „Эхъ, говоритъ, дураки, дураки! Возьмите косу да скосите!" А іоны не понимаютъ, что за коса такая. Иванъ взяу косу, траву скосиу, бы́ку подложиу. „Видишь, іонъ съи́сь; чи́мъ-ся его смучили-бы и сами сму́чились!" — „Поживи, дядюшка, съ нами!" — „Нѣ, ребятки, мнѣ и свое́ дураки надоѣли! Пойду дальше". — Пошеу. Приходитъ у' такое помѣстье, что бабы жнутъ рожь долото́мъ; одна захватитъ двѣ, аль три соломинки, а другая долото́мъ пильне́ть, ну и жне́ть. Жали, жали, дѣло къ обѣду, пошли бабы обѣдать.

— „Что же тутъ дѣлать? Надо бабъ помиловать, поучить ихъ, а тамъ приде́тся воротиться домоу; умнѣе не на́йду". Взяу срѣзау прутóкъ ножичкомъ, загнув'ъ, какъ у насъ серпóкъ дѣлается, пошоу у'кузьню, сдѣлау серпъ, нажау 10 снопоу иржи, поставиу у'ба́бку, пото́рнув'ъ этотъ серпъ у'бабку. Прійшли бабы жать рожь, увидали эту диковину, а іонъ отъ ихъ схорониуся; закричали гвалтъ, закричали свое́мъ мужикамъ: „прилетѣу къ намъ змѣй, выѣдаетъ хлѣбъ!" — Собрали́сь мужики, бабы, толпа, обступили этотъ серпъ: „змѣй, говорятъ, выѣдаетъ, іонъ насъ разоритъ". Думаютъ, что́ съ имъ дѣлать? Какъ его вы́гнуть съ'отсюда. Одинъ бы́у парень такой удало́й: — „Поку́ль-же мы будемъ стоять да угадывать?"

Собрали длинные шесты; этотъ отважный парень крауся, крауся къ этой бабкѣ да этимъ шесто́мъ по черену́ какъ шмы́гнеть, іонъ у'верхъ да гу́къ! Іонъ на ни́зъ какъ поле́тѣу, одному мужику на шею сѣу, другой—какъ его шарпъ! голова прочь! Сейчасъ у'сѣ у'зяли, колами прижали его. „Попауся! попауся! Пропадай это одинъ человѣкъ, да не у'си́!" Думаютъ: „что съ имъ дѣлать? Убить-мы его не забье́мъ; надо привезть съ мельницы жо́ренъ. Привезть, навалить на й'го жоренъ, укрутить его и свезть у'рѣку". У'зяли, укрутили вереуками, и какъ-то іоны плохо глядѣли, мы́сикъ подъ камень не подобрали. Взяли, обмотали, привели коня съ дрога́ми; на дро́ги къ рѣкѣ, у'зяли на лодку его у'скатили. „Кто-жъ поѣдетъ? Сколько людей? Съ имъ не справишься; надо побольше". Сѣли восемь человѣкъ. У'сплыли́ на середку. „Давайте его зва́ливать, теперь не вы́рвешься!" Черезъ край какъ пихнули, іонъ кончикомъ

за лодку захватиу за край да лодку обернув'ъ, восемь человѣкъ и потонуло! Всѣ: „слава Богу, хошь девять человѣтъ загубиу, а все не у'сѣхъ, а то насъ смориу бы голодомъ!“ Задумауся Иванъ. „Пойду-ка я домоу! Видно, не найду умнѣй своихъ!“ Ну, и вернув'ся домой къ своéмъ бабамъ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

192. Объ царскомъ сынѣ.

Быу у царя сынъ. Научиу іонъ его грамотѣ, только грамота понимается плохо. Давай ему задачи задавать батька сыну; іонъ ничего не понимаетъ. „Что мнѣ теперь съ тобой дѣлать? Загадаю я тебѣ загадку одноё; если отгадаешь, будешь сынъ мнѣ, а не отгадаешь, пойди по свѣту, куды знаешь: „возьми мнѣ спрау обѣдъ съ барана, чтобъ быу хлѣбъ, соль, и потомъ, чтобъ была свѣжая баранина у мене, и чтобъ баранъ быу жиу“. Сынъ думау, думау, взяу одѣуся, и пошоу по деревнямъ. Ходиу, ходиу, доходиу до того, что ѝсь захотѣу. Приходитъ утромъ рано у'дереуню. Хозяйки топютъ хаты. Іонъ подъ одны ворóты подскочиу, подворóтень не было, у'скочиу въ ѝзбу, дѣвушка пекётъ блины у' однѣй сорочкѣ. Обратилась назадъ, глядь, по одѣянію видно, что человѣкъ хорошій. „Ахъ, говоритъ, голубчикъ, что̀ я сдѣлала! Не по хормѣ тебé у'стрéла'. Кабы у мене быу колокóу на воротахъ, тогда бы у менé были глáзы на в'окошкѣ“. — „Дѣвушка, дай мнѣ что́-нибудь поúсь. Я третій день не ѣмши!“

— „Кабы у менé быу колокоу на воротахъ, у менé были-бы глáзы на в'окошечкѣ, я-бъ тебé такъ не сострéла, я-бы убралàсь почище, одѣяніе получше-бы надѣла!“ — „Дай мнѣ поúсь чего-нибудь!“ — „Что-жъ тебѣ поúсь? С..... али драна́го, али, говоритъ, блева́наго, али прúбыли, али вы́были?“ — „Ничего я не хочу, чего-нибудь дай поúсь, я три дни не ѣу!“ Поставила іона ему блинкоу, того, сего, подкормила; подъѣли они, давай гу́торить. — „Что ты есь за человѣкъ?“ дѣвушка пытаетъ. — „А я человѣкъ — царскій сынъ!“ — „Зачимъ же это ты заблудиу?“ — „Вотъ такъ и такъ: загадау

мнѣ батюшка отвѣтъ: „сходи на скотный дворъ, возьми барана, сдѣлай мнѣ обѣдъ, чтобъ быу и хлѣбъ, и соль, и баранина свѣжая, и чтобъ баранъ быу цѣу. Я думау думау, и пошоу!“—„Ахъ, говоритъ, напрасно ты попоу!“—„А какъ же быть съ этимъ дѣломъ?“ — „Я тебе́ научу“. — „Научи, дѣвушка русская! Только ты разскажи мнѣ тою́ загадку, что́ мнѣ пообѣдать. Спросила ты мене, что́ мнѣ подать, блева́наго, аль дра́наго, али с....., али при́были, али вы́были?“— „Спросиу́ бы ты у меня блева́наго—я-бъ тебѣ медку́ подала; если-бъ сказау с.....—я-бъ тебѣ яе́ченку сдѣла(ла); а дра́наго — баранинки-бы поджарила, а при́были-бъ — молочка́ у'лила́, а вы́были—сальца-бъ подала. Иди домоу къ батькѣ; какъ я тебе́ научу, ты такъ и сдѣлай, и будетъ тебѣ покойно: приди домоу, отыщи коновала, вы́стау баранчика, ядрышки ты́и сжарь, батькѣ будетъ баранинка; во́лонку остриги́ (ру́нце сыми), во́лонку продай, купи хлѣбца, хошь четверть хунта, хошь осьмушку, да со́льцы, я'дрышки ты тыи сжарь, на тарело́чку поло́жь, со́льцы посыпь, хлѣбца поло́жь и подай батюшкѣ“. Іонъ это справиу, подау, какъ дѣвушка нав'чила. „Кто тебѣ научилъ?“ спрашиваетъ батька. Іонъ и туды и сюды, не говоритъ. Терпѣу, терпѣу: „мене́ деревенская дѣвушка нав'чила“.—„Разыскать тоё дѣвушку, какей дереуни тамъ“. Ну, разыскали эту дѣвушку, призвали эту дѣвушку Государю на лицо. „Ну что! Ты это па́рю нав'ча́ла?“ — „Я“ — говоритъ.—„Я вотъ желаю, чтобъ іонъ тебе замужъ взяу“.—„Никакъ нѣтъ! отвѣчаетъ, это не мой женихъ“.—„Почему такъ? Ты вотъ нав'чила его, будешь нав'чать, будешь споводи́ть его“.—„Я-то буду нав'чать, да іонъ мене слушать не будетъ. Какъ что скажу, а іонъ мнѣ: „мужи́чка, мужицкое и выпоуняетъ“.—„А что хошь съ имъ дѣлай; если іонъ тебе не будетъ слушать, имѣешь пра́ву его на гапвахту сажать“. Ну, взяла согласилась; свадьбу сыграли. Повёу іонъ ее по магазинамъ по своёмъ показывать, что́ есь. Приведетъ: „вотъ одѣянія у мене́ столько“. А іона ему отвѣтитъ: „это у'се хорошо, да за аржано́й крохо́й“. И другой магазинъ: „вотъ то-то и то-то у мене“. А іона опять: „это хорошо, хорошо, да за аржаной крохо́й!“ А іонъ: „вотъ была мужи́чка, мужи́чкой и па́хнеть!“ Іона сейчасъ къ свекру: „ти не прауду я сказала? Кричитъ, что мужи́чка, му́жичкой и па́хнеть“.—„Посадить

его на гапвахту, на три́ дни". Посадили. Сидитъ день, на другой день подае́ть слугѣ тамъ: „пусть жо́нка пришле́ть мнѣ хошь чего-нибудь пои́сь". Іона взяла ему съ перваго магазина матеріи, положила на тарелку, подаѣть. „Что́ іона мнѣ подае́ть? Что-нибудь пои́сь пусть пришле́ть". Съ другого магазина матеріи на тарелку у'зяла, посылаетъ. „Хушь іона мнѣ сухарь ссуши́, да аржаного хлѣба подай!"—Іона у'зяла́, сухарикъ ссушила, подложила подъ матерію, а ему некогда мочить, давай сухарь такъ жевать! Оголодалъ. Подъѣу, выпустили его. „Хорошо, говоритъ она, за матеріей аржаной крохи́ пои́сь?"—„Хорошо! говоритъ, за аржаной крохой все ясно да кра́сно".

Больше нечего тоуковать, сказка у'ся!

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

193. Дѣвичій вечеръ.

Собрались дѣуки на святки въ одну хату на и́грище. Собраушись, и давай одна одноё загоныть. Спорили, спорили. Одна дѣвушка-сиротка, у'ей мачеха была. „Кто, говорятъ дѣуки, сходитъ въ овинъ за колосникомъ у' двѣнадцать часоу?"—„Да что-жъ дѣлать?—сирота эта—я схожу". —Ну, й пошла. Приходитъ въ овинъ, только за колосники́, цапъ! ее за руку́! „Стой, дѣвушка! Что й то на 'ви́нѣ сидить?"—„Ленъ".—„А какъ это ленъ работа́ютъ?" И стала іона ему, шу́ту, указывать: „вотъ приде́ть весна, станутъ землю пахать; пашутъ долго, долго.... Ну, у'спашутъ.... тогды забороню́ютъ... боронуютъ, долго, долго.... (это іона нарочно тянетъ, чтобъ у'ремя протянуть). Забороню́ютъ, тады́ ленъ посѣютъ, тады́ опять заборонуютъ.... ленъ расте́ть долго, долго.... тогды у'ремя приде́ть, поспѣеть ленъ, станутъ его брать.... берутъ долго, долго... выберутъ, составятъ у' бабки.... іонъ долго выста́йвается.... Свезутъ тады́ на 'винъ, смолотятъ, постелютъ..., іонъ лежитъ долго, долго.... уложи́тся.... подымутъ йго, поставятъ у' куки́шки, іонъ сохнеть долго, долго, потомъ его посодютъ на 'винъ, начнутъ мять долго, долго... потомъ трепать... треплютъ долго, долго... (іона это у'се время проводитъ); помочутъ на мы́чкѣ... мочутъ долго, долго...

а потомъ прясть начнуть; соснуютъ крóсна, выткутъ крóсна, надѣлаютъ холстинъ, выбѣлютъ, бѣлютъ долго, долго... Тады́ рубашки станутъ шить, шьютъ долго, долго...“ — „Полно тебѣ говорить! Пойдéмъ!“—„Нѣтъ, погоди! Что-жъ я съ тобой пойду? Я теперь не бóдра, надо мнѣ прежде набодри́ться“. — „А что-жъ тебѣ бодриться?“ — „Надо мнѣ пéрво на́ перво самая хорошая рубашка“—Іонъ ей подаéть рубашку.— „А теперь надо мнѣ хорошій сарахванъ“. — Іонъ ей даéть сарахванъ. — „Теперь надо мнѣ хорошую подпоя́ску!“ Іонъ ей поясъ подáу. — „Погоди! теперь надо хорошій платокъ“. Принесъ. „Надо и другой....“ Іонъ и другой принесъ. — „Теперь же мнѣ надо полсапóжки“. Іонъ подаéть. „А потомъ чулки“. Іонъ все подаéть. „Дѣвушка, йди за мене замужъ!“ — „Тогда мнѣ надо перстень хорошій“. Іонъ несéть. — „А теперь мнѣ надо серёжки хорошія...“ Покýль іонъ серёжки разыскау, пѣтухъ и запѣу. Пришла сирота домоу, колосни́къ у’зяуши, дѣуки еще въ и́збѣ сидятъ. Мачеха и кричи́ть: „дура! А пришла барыней! Заутра моя дочкá пойдéть“. На другой вечеръ дочкá ейная собирается. „Йди, йди, эта дура, да прийшла, ты прийдешь лучше ея“. Прийшла въ овинъ одна, овинъ открыла, ее за рукý цапъ! „Стой, дѣвушка! Пойдешь-ли за мене замужъ?“— „Пойду!“—„Что й то на ’винѣ сидить?“—„Да ленъ!“ „Какъ же йго работа̀ть?“—„Да какъ-же? У’спашутъ, посѣютъ, выберутъ, помолотятъ, постелютъ, помнутъ, потреплютъ, спрядутъ, соткутъ“. Наговорила поскорѣй, заразъ у’се! „Пойдешь за мене замужъ?“ — „Да!“—„А что тебѣ надо-ть?“— „Рубашку, сарахванъ, подпояску, платокъ, полсапóжки, чулки, перстень, сережки“. Опять у’се заразъ сказала. Взяу, повёу ее шутъ, у’прóлубь засадиу у’верхъ ногами. Пришла матка, а іона у’прóлуби сидитъ, залилась. Увёу ее, значитъ, шутъ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

194. О попѣ.

Попъ сознауся съ постоя́льчихой, которая дворъ держитъ. Ну, и ходиу, и ходиу къ дворничихѣ къ этой. Никто про йво не знау. Ѣхау баринъ съ городу; захватила йго

погода сильная; пріѣзжаетъ на постоялый дворъ, постýкался: „хозяюшка, отопри, пожалуйста!“ — „Что вамъ нужно?“—„Нужно намъ поночевать“. —„Я сегодняшняго числа не пущу никóго ночевать; сегодня ко мнѣ потопъ подыйдéть“.—„Какъ-же нибудь надо дѣлаться; какая-жъ ты дворничиха, какъ не пускаешь!“ — „Ну, поѣзжай!“ Въѣхали на дворъ, выпрягли лошадей, баринъ и говоритъ: „какъ, кучеръ, будемъ, когда потопъ подыйдéть? Нѣтъ-ли корыта платяного? Подвѣсимъ его на верёвку; какъ потопъ подыйдéть, подрѣжемъ и поплывемъ“. Значитъ, баринъ дуже в'ýменъ быу! Пустили на ночь. Прихитряются онѣ, старое корыто разыскали, постромками подвязали, повѣсили барину постéлю подъ потолокъ—потому забояуся! Ни откуль не быуши, цыганъ просится ночевать. „Нельзя пускать. Сегодня потопъ подыйдéть“,—„Я хошь на печку заберусь, гдѣ-жъ мнѣ й дѣться?“ И того пустили. Заявляется арапъ. Просится ночевать. „Нельзя пускать: сегодня потопъ подыйдéть“. — „Я хушь у'печку у'лѣзу, дѣ-жъ мнѣ дѣться?“ А кучеръ: „я, говоритъ, ля́жу подъ в'окномъ, за столомъ, что Богъ дáсь!“ Видѣуши эту чýду, кучеръ смекнув'ъ, что что-то выходитъ неладно.

Только поуклались спать, стукъ! у'рямку, въ окно, протиу стола. Кучеръ, быдто на манеръ бабы: „кто тамъ?“—„Да я пришоу“.—„Кто ты?“—„Да попъ!“—„Мнѣ тебе сегодня принять нельзя, у мене много ночлежникоу!“—„Такъ какъ же быть? Я принесъ гуся жаренаго да сладкой водочки“.—„Ну, давай сюды!“ Кучеръ отвѣчаетъ, а баба й не чýетъ.—„Такъ какъ-же быть? это попъ-то, давай пощупаемся, подержимся“. А у кучера быу перочинный ножичекъ, попъ положиу на в'окно, а кучеръ ножичкомъ сарпъ! да отрѣзау! Попъ, какъ ошалѣу, да домоу! Кучеръ у'стау, у'потёмочкахъ давай выпивать да закусывать! А цыганъ на печкѣ чýетъ. „Кучеръ, грѣхъ тебѣ будетъ, я чув'ъ твои проказы! Дай и мнѣ закусить“.—„На́ вотъ тебѣ гусиную шейку!“ говоритъ. Тотъ грызь, грызь! „Да іона не доварена!“ А арапъ у'печи лежа, зубы оскалиу. „Вотъ, говоритъ, видишь, в'угли у'печкѣ, допеки!“ Цыганъ пошоу, а кучеръ не будь глупъ: „что ты домъ зажечь хочешь? Огонь раздув'ъ. Иди за водой, заливай!“ Тотъ хватиуся воды искать. Воды не найшоу.—„Заливай!.. на него! на огонь на этотъ!“ Цыганъ, какъ пу-

стиу ...., какъ закричитъ арапъ гвалтъ! баринъ подрѣзау постромки, какъ было корыто подвѣшено, оборвауся, ногу́ сломау. Кучеръ цыгана обвиниу, что виноватъ цыганъ, а кучеръ таки выправиуся, что кучеръ прау.

Ну, и разъѣхались по мѣстамъ.

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 года.

---

195. Какъ у'сваты ѣздютъ.

Ишоу воръ красъ, что Богъ дасъ! Шоу, шоу, нагоняетъ его мужичокъ.—„Здорово!“—„Здорово!“—„Ты кто?“—„А я вотъ йду красъ, что Богъ дасъ!“—А я Антонъ, дауно думаю о томъ!“—„Пойдемъ у'мѣстя́хъ!“ Дальше пройшли, у'стрѣчается мужичокъ. „Здорово!“—„Здорово!“—„Ты кто?“—„Я йду красъ, что Богъ дасъ!“—„А я Антонъ, дауно думаю о томъ“.—„А я У'ласъ, дауно ищу васъ“.—„Пойдемъ у'мѣстя́хъ“. Пошли. Ишли, ишли, пришли къ хорошему господскому дому. Баринъ гуляетъ, разогнау своéхъ лакееу. Іоны пришли къ тому дому, воры́-то эти. Какъ быть? Надо лѣсь у' кладовую. Сдѣлали лѣсницу съ веревокъ и уговариваются, ко́му лѣсь. „Лѣсь, не лѣсь—во́ру!“ Ну, воръ полѣзъ, у' в'окно, али у'трубу, куды ужъ тамъ лоуко лѣсь. Ну, и подаéть имъ у в'окно: „кладите на три части“. Іонъ подаéть, іоны раскладáютъ на три части. Остаéтся одна енотовая шуба, и не 'придѣлютъ они ее на три части. Воръ вылѣзъ. „Вотъ такъ и такъ, остаéться у насъ одна шуба, не знаемъ, куды ее положить“. — „Постойте, схожу къ барину, спрошусь, куды ее положить“. Приходитъ къ барину.—„Баринъ, хошь я тебѣ сказочку скажу?“—„Ахъ, братъ, дауно я искау, кто мнѣ сказочку скажеть“. —„Шоу воръ красъ, что Богъ дасъ. У'стрѣуся съ имъ Антонъ, что дауно думау о томъ, да У'ласъ, что дауно ждау васъ. Пришли къ барину. Давай прихитряться лѣсь у'кладовую. Воръ у'лѣзъ, все имъ у в'окно подау, іоны на три части подѣлили, а шубу не подѣлютъ. Кому, баринъ, приглашаешь ее дать?“—„Конечно, вору, который ла́зилъ“.

— „Слушайте, ребята!“

Одѣлись, имущество забрали и пошли. Пошли за свойво бѣднаго барина у'сваты. Далёко зашли, чтобъ и слы́ху не было́. Одѣяніе у ихъ теперь хорошее. „Ты сватай, я буду хвастать, а ты полыга́й". Сумлѣваютъ мижду сами собой, какъ же это хвастать, какъ-же это полыга́ть?—„А вотъ какъ я васъ научу, говоритъ воръ. Іонъ будетъ, баринъ-то, имѣніемъ свое́мъ хвалиться, посѣвомъ, огороднимъ; вы будете по́ разнымъ дереуня́мъ. Я буду къ вамъ присылать, ти прауда, что у нашего жениха такая капуста, горохъ, али тамъ что". Этотъ воръ сватаетъ богачку—невѣсту. Сказываютъ, что по одѣянію у'стрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Видютъ, что ра́з'дѣтъ хорошо. Ну, думаютъ по одѣянію, что, дѣйствительно, хорошій сватъ. Приняли его до чести, какъ добрымъ сватомъ. „Пойде́мъ, посмотри, какъ у мене посѣвы, какъ огороднее". Отправились у'поле.

— „Вотъ у мене горохъ какей!" И дѣйствительно,—хорошъ.

— „Нѣтъ, у нашего барина лучше!"—„А что?"

— „Да вотъ, когда Литву гнали у'военное дѣйствіе, припёрли ихъ къ рѣкѣ, у'зяли у нашего барина струкъ, распази́ли, на ка́жной половинкѣ по полку солдатъ перевозили черезъ рѣку́".—„Это, говоритъ, не можетъ быть!"—„А не можетъ быть, вонъ у насъ у' дереуни есь отту́ли портной, съѣздимъ, полюбопытствуй, когды неправда!" Пріѣзжаютъ у' тое́ дереуню. „Ти прауда, что у вашего барина такей горохъ, что на кажной половинкѣ по полку солдатъ перевозили?"

— „Я гороху не видау, а знаю, что у'такое то время одинъ струкъ распази́ли, по у'сей инперіи горохъ развозили, да й то не убрали весь".—„А! это дуже хорошо!" здивляется баринъ.

— „Ну, пойдемъ въ огородъ". Въ огородѣ капуста дуже хороша.—„Что, хороша капуста?"—„Хороша-то, хороша, да у нашего барина лучше!"—„А какъ?"—„Да такъ, что кажный кочанъ съ щанъ, да съ одного кочена́ два щана!" —„Не можетъ быть!"—„А не можетъ быть, поѣдемъ у дереуню, тамъ съ нашей стороны есь сапожникъ, іонъ тебѣ скажетъ".

Пріѣхали. „Ти, прауда, что у вашего барина кочанъ съ щанъ да съ одного кочена́ два щана?"—„Я, братъ, самъ

той капусты не видау, а видау, что какъ Литву перевозили черезъ рѣку́, захватиу дожъ, какъ литвиняка́ перевозили, значитъ, такъ подъ однимъ ли́стомъ хорониуся полкъ солдатъ".—„Ну, и прауда! капуста-же у вашего барина!"

Повёу свата домомъ хвастать. Хорошъ домъ выстроенъ, пяти этажо'у, здоровый.—„А у его хорошій домъ?" Сватъ и говоритъ: „не знаю, хорошъ-ли, а какъ строили его, плотникъ, какъ его рубили, домъ-то, топоръ уроniу съ угла. Плотникъ за имъ полѣзъ: прилетѣу дятелъ на тотъ уго́лъ, какъ плотникъ у'низъ полѣзъ, гнѣздо свиу, яецъ нанесъ, дѣтей вывеу, да выкормиу, да й улетѣу съ ими!"—„Тфу ты! говоритъ, неужели это прауда?"—„А вотъ съѣздимъ у такую-то дереуню, есть тамъ съ нашей стороны человѣчекъ, іонъ докажетъ тебѣ".

Іоны и поѣхали.—„Я этого не видау, какъ дятелъ прилетау, а шоу я ко́ло его дома, когда іонъ быу свершо́нъ, нарѣшеченъ подъ крышу. Тогда ку́ры ходили по слѣга́мъ, сыма́ли звѣзды, а голланскій пѣтухъ, такъ тотъ за мѣсяцъ хватиу да половину мѣсяца и отхватиу,—вонъ другая половина и посейчасъ на небѣ (у'то время было́ половина мѣсяца, какъ разъ). Ну, что-жъ? Отдау дочку, хорошее приданое, тройку лошадей, тарантасикъ, свадьбу сыграли, а у его, у жениха-то, изобка, глиной оббитая, и ко́ней приданныхъ поставить нейдѣ!

Во́ какъ у'сваты́ умѣючи ходютъ!

Бѣльскій у., с. Каменецъ. Зап. отъ крестьянина Ильи Багрова, 83-хъ лѣтъ. 1914 г.

---

196. Какъ солдатъ вѣдьму мѣдной пугвицей убиу.

(Рижская легенда).

У'ту пору́, дауно это было́, больше сто лѣтъ, когда нашъ русскій царь Петръ Ригу брау, была тамъ не царица, а у'родѣ какъ Королеуна природы швецкой. И была іона вѣдьма, потому семь лѣтъ никакими судьбами у'зять городъ русскіе не могли. И по сейчасъ зданіе ея, гдѣ она жила, видѣть можно, за у'ходъ туда 25 коп. заплатить

надо; я тамъ не быу у'середкѣ, ну, а разсказывали мнѣ, что тамъ у'се у́ сохранности, какъ она, вѣдьма, тамъ жила, и гдѣ она обѣдала, и столы, и гдѣ спала, и перины горой лежатъ, рѣшоткой отгоро́жены, чтобъ не трогали, потому, какъ этому больше сто лѣтъ—перстомъ ткне́шь—разсыпется! И ко́ни ея, значитъ, у'середкѣ стоятъ, мимо йде́шь, какъ на ступеньку сту́пишь, іоны и заржатъ у'сѣ ра́зомъ, ажно страшно! (а тамъ пружины такъ наве́дены, чтобъ, значитъ, иржали!). Только я самъ ко́ло ея зданія ходиу, у'родѣ церкви, стѣны толсте́нныя, у'три аршина, нештукатуренныя, краснаго камня, и сейчасъ видать, какъ у' стѣны эти пали́ли, такъ я́дра у' стѣну наполовину у'ти́снулись: которое по чайнику, которое по карто́шкѣ, а которое по вядру ядро, огрома́дное! Когда было забирать Ригу, подъ ей семь лѣтъ бились, у'сё забрать не могутъ. Тутъ отозва́уся солдатъ Алексѣй:

„Ваше Императорское Величество! Дозвольте мнѣ ее забра́ть, я знаю ея похожденія, я у' три часа ее́ заберу!“ Царь ему и говоритъ: „ежели можете—ваша слава, честь и память!

— „Только, Ваше Императорское Величество, коли́ я ее убью, тутъ и мнѣ самому́ конецъ приде́ть“.—„Я, говоритъ Царь, у' вашу чесь соборъ постро́ю и Алексѣеускимъ его назову, и кажный день на у́трени и на обѣднѣ васъ поминать будутъ, если вы ее заберете!“

Болты́ такъ йдутъ: поисповѣдауся, причастиуся солдатъ, а потомъ у' сраженіе съ ей пошоу. И убить іонъ ее могъ только съ мѣдной пу́гвицы съ мундёра; іонъ самъ знау чуть поменьше ея. И іона ему говорила (можетъ, знако́мъ іонъ быу съ нею, ужъ это не знаю): „мѣдь мене́ можетъ у'зять, а свинецъ и олово не возьмутъ“. Такъ іонъ скомкау пу́гвицу мѣдную съ мундёра, зарядиу ружье и в'биу ее. Какъ в'биу, такъ и самъ долго не жиу. И какъ на часа́хъ стоя́у, приходила іона къ ему и просила у его хреста́ съ шеи, а іонъ не дау, и іона сказала, что не одинъ разъ будетъ за хресто́мъ приходить, и у' послѣдній разъ приде́тъ черезъ сто лѣтъ.

Вотъ поэтому у часовыхъ у' Ригѣ во у'сѣхъ будкахъ на гвозде́чкѣ хрестикъ виситъ, чтобъ коли́ приде́ть, не съ шеи хресъ сыма́ть, а запасный дать. Я самъ эти хресты

видау, какъ у' первый разъ у' Риги быу, а теперь іона больше не показавается солдатикамъ, и хрéстики поникли.

Вотъ вы быдто не вѣрите, а видѣли у' Москвѣ ея воро́та? Большіе воро́та, на нихъ написано: „у' Москвѣ выпью—а у' Петербурхѣ закушу“. А наверху огромадный четверикъ, и сама стои́тъ у' колясквѣ и крендель у' рукахъ держитъ, значитъ: „у' Москвѣ выпью, у' Петербургѣ закушу́“. Ей што! Іона нечистымъ духомъ куды хошь слетаетъ!—Только коню одному́ хвосъ оторвали (у' забасто́уку, должно!) И у' Риги вѣдьма съ дочкой на плацу́ на пустомъ мѣстѣ стоитъ, и шприцъ надъ ей воду выбрасываетъ, а іона на одной ногѣ стоитъ. А Петру памятникъ на другомъ плацу, такъ іонъ у' лаптёхъ.

Бѣльскій у., д. Высокое Никольской волости. Зап. отъ крестьянина Андрея Никифорова, 50 лѣтъ. 1914 г.

---

197. Про вѣдьму.

Мой отецъ сказывау, что у' Кіеуской губерніи вѣдьмы природныя. Что́ ни хозяйка, то, гляди, и вѣдьма: обли́чье настоящее, а кому видѣть удавалось, говорятъ, что кажная женщина тамъ съ фо́стикомъ. Такъ вотъ приходютъ туды, значитъ, солдаты; кого вѣдьма не узлю́битъ, ѣду отымаетъ: сядетъ солдатъ за стоу, ѣсь не хочетъ, у'станетъ, пошоу—ѣсь охота! Сѣу за стоу—нѣтъ апекиту! Отецъ мой сказывалъ, биуся, биуся одинъ солдатикъ, пока его научили: „ты возьми ножикъ потòрни, какъ за стоу сядешь, никакая вѣдьма силы надъ тобой не возьме́ть“. Вотъ іонъ такъ и дѣлау: подто́рнетъ ножикъ у' голенище сапога, а нѣтъ—у' край стола́ снизу—ѣсъ у' волю! Какъ забудетъ пото́рнуть—голодный у'станетъ!

Да и съ отцомъ моимъ случа́й быу, онъ прауду говориу, такъ іоно и было: „служиу я солдатомъ у' Кіеуской губерніи, а тамъ солдаты ночевали лѣтомъ у' плетнѣ. Плетень глиной оббитъ, іоны тамъ и спятъ! Значитъ, не захотѣу я у' плетнѣ спать, забрауся у' землянку, в'окошечко отчиниу, жарко было, два сту́ла поставиу, двери́ну нало-

жиу, одѣ́жу сверху, подушку, легъ и заснув'ъ! Слышу, какъ цара́пнетъ мене́ кто за грудь, шинель съ мене́ долой снянув'ъ. Я это опомниуся, шинель на мнѣ — ни́кого нѣту-ти! Перекстился, сѣу, покуриу, легъ, прикрыу в'окно... лежу—ничего! Жарко стало —окно отвориу, задремау... Только опять менѣ кто-то сгрёбъ за шею за воротникъ, воротникъ прочь! Прохватиуся... только сдало́сь, быдто вда́лекѣ Федька-солдатъ пошоу, такъ по в'обращику вижу. На за́утра иду, жалуюсь, что Федоръ мене ночью пугау. А тотъ стау божиться: „никуды я не ходиу, съ солда̀тами у'сю ночь быу... А это тебѣ, Никифоръ, вѣдьма хватала". Только перестау я тутъ спать, а пошоу къ солдатамъ, и рѣшили мы ночью у'сё услыхать, у'сё увидать. Легли у' сараѣ, по́-трое къ стѣнѣ, шесь человѣкъ, головами у' розь, а ногами къ ногамъ, чтобъ не бо́язно было. Вижу—пришоу допрѣжъ человѣкъ, а тамъ теленокъ ко́ло плетня мордой тре́тся, а тамъ—кто-то хвать мене́ за грудь! Черезъ нѣсколько время слышу, храпитъ товарищъ, храпитъ, слоуно да́вютъ его. Разбудили его, а іонъ: „братцы, давиу мене кто-то! Не то собака, не то телёнокъ!" А старый солдатъ говоритъ: „это вѣдьма! Положь у' голову штыкъ, николи́ давить не станеть; а на хлѣбѣ не спи, краюху хлѣба подъ голову́ не клади; а то будетъ вѣдьма безпремѣнно давить".

А еще солдатъ мойму отцу про вѣдьму сказывау; тоже служиу іонъ у Кіеуской губерніи и не поладилъ съ хозяйкой, у которой на фатерѣ стоя́у. У'сё та ему ѣду отбивала. Соусѣмъ схуда́у солдатъ. „Дай, думаю, покарав'у́лю хозяйку; вечеромъ не вижу, йдѣ іона дѣется!" А іона спала у'чуланчикѣ 'ко́ло печки. Вотъ іонъ и подкараулилъ ее: отворяетъ баба сундукъ, зажигаетъ свѣчку (штраховую, али еще какую—неизвѣстно), вынула маленькій пузырекъ, умазалась съ него, не замѣтиу—носъ, али лысину, сундукъ закрыла, смотритъ—зайграла! только засло́на ляснула—у' трубу, значитъ, улетѣла! Іонъ товарищамъ разсказываетъ: „явственно подкараулиу, какъ помазалась—летаетъ у' трубу! Вѣрно вѣдьма!"—„Ты сдѣлай такъ: какъ іона в'летитъ, захрести́ хорошенько трубу, двери, в'о́кна, а самъ стой наружу: увидишь, какъ іона соро́кой будетъ ко́ло в'око́нъ биться, соро́кой защеко́четъ, ты ее съ ружья и стрѣли́".

Нев'дàлекѣ тамъ дубъ огромный стояу, такъ что четверымъ не обхватить, и весь голый, лúсту на ёмъ нѣтъ, усохъ, и на его слеталисъ стáи сорóкъ, цѣлыя тысячи—вѣдьмы, а подъ дубомъ тымъ убита земля, рóуно токъ...

Захрестиу солдатъ трубу, двери, в'окошки, самъ стоúтъ наружу, глядитъ: анъ сорóка бьѐтся у в'окошки, бьѐтся, стрекочетъ, попасть не можетъ!—„Видно, хозяйка моя прилетѣла, дай пущу ее у' серёдку, посмотрю, чтó дальше будетъ...—ну, полѣзай, вѣдьма!“—Глядитъ, а кòло пéчи старуха мечется, знáчитъ, вѣдьма и есь!..

Распросиу іонъ у того, у другого. „Я-бы, кажется отчáяуся, куда іонѣ летаютъ“, говоритъ.—„А ты ужъ покаравуль опять, попрóбуй помазаться, будешь тамъ!“ Іонъ замѣтив'ъ хорошенько, съ какого іона пузырька іона помазалась, да какъ в'летѣла іона у'трубу, іонъ раньше теленку, что тутъ привязанный стояу на спрóбу лысину помазау; не успѣу верёуку отвязать, а телёнокъ у'мѣстѣ съ верёукой ужъ залязготау у'трубу!—„Дай-ка теперь я самъ помáжусь!“ И самъ у'трубу, да прямо къ тóму дýбу. Смотрúтъ, а телёнку у'сѣ кúшки поразмотáуши по сучьямъ!...

А хозяйка къ ему: „вотъ ты хотѣу узнать—и тебѣ то же будетъ, что и теленку: нèзачѣмъ тебѣ за нами летать!“ Іонъ ее просить улéщивать, чтобъ воротила его назадъ. Іона ему: „дай зàклятье, что никому сказывать не будешь; èсли не дашь, все раунò пропадешь! У менé слово безъ замкá, а не влѣзешь!“ Онъ ее просиу, іона его обратила назадъ.

Проходитъ тому съ мѣсяцъ, солдатъ что-то озаботиуся, въ тоску вникаетъ. „Что, солдатъ, заскучау?“ пытаетъ его хозяйка.—„Дауно дóма не бывау, пятьнадцать годóу никакъ: хотѣу бы побывать, да начальство не увольняетъ!“—„Если 'сполнишь моé, въ одну ночь тамъ будешь и назадъ сворóчаешься“. Солдатъ это думаетъ: „соглашусь“. Отчаянный такой быу. „А мнѣ никакой шкóды, никакой болѣсти не будетъ?“ спрашиваетъ:—„Ничего; исполни, чтó я говорю“. Іонъ рѣшиуся.—„А спóлнишь?“—Спóлню“. Іона ему говоритъ: „у'двѣнадцать часоу приходи, я тебе уволю, и узнáешь у'сё, что тамъ есь на свѣтѣ“. А у солдата должóнъ быу братъ ожениться; безпремѣнно надо былó ему домóу.

У' двѣнадцать часоу выводитъ его за ворóта.

„Садись!“ говоритъ. А іонъ видау, что несла іона быдто кочергу. Оказалась ему лошадь.

—„Садись, говоритъ, только не какъ-нибудь, а взадъ лицомъ, и ничего тебѣ не будетъ, ни мостоу, ни воротецъ, ни переѣздоу, ни переходу; одно, говоритъ, не смѣй говорить „тпру!“ Лошадь сама, гдѣ надо, станетъ! Только помни: никакого божественнаго не твори, ни хорошаго, ни худого, только молчи! Будешь, йдѣ надо, и назадъ къ в'утру воротишься!“

А до дома его можетъ тысяча верстъ, можетъ сколько, за трое сутокъ не попасть.

Покатиу солдатъ. Только къ своемъ воротамъ подъѣхау, и скажи іонъ по привычкѣ „тпру“. Смотритъ, коня нѣтъ, одна кочерга стоитъ. Неужто такое привидѣніе? Приходитъ во дворъ: лошади, коровы, у'сё у'порядкѣ: у'сѣнёхъ пиво наварено, свадьбу спраулять. Вошоу въ избу; самъ у'сё видитъ, а его никто не видитъ. Разсмотрѣу все по порядку и по хозяйству; видитъ — отецъ и мать спятъ; у'спальнѣ жену увидау съ дѣтями, жалко только — говорить не смѣетъ, наказавала ему вѣдьма: „молчи! вотъ нѣмая стѣна, а ты будь нѣмѣе стяны.“ Жалко ему стало, хотѣу, чтобъ іоны повидали, что я здѣсь быу, „дай предметы отъ нихъ возьму“. Взяу по платочку, по серёжкамъ, склау у'мѣшочекъ, ай у'кошелекъ, отправиуся за ворота. Вышеу и загоревау. Коня нѣтъ—стоитъ кочерга. „Ага! опомниуся!“ говоритъ вѣдьма: ужъ іона за имъ прилетѣла. „У'сё сполниу, зачѣмъ проговориу? Теперь я-жъ наказавала тебѣ: не твори ни хорошаго, ни худого, ни благословеннаго креста; будь нѣма стѣна“. Опять у'змолиуся солдатъ: „къ сроку не поспѣю— пропала моя голова!“—„Ну, садись!“ Сѣу и къ положёнымъ часамъ явиуся. „Вотъ теперь ты можешь у'сё знать, что дома дѣется, а ты сказывау, ничего на свѣтѣ нельзя сдѣлать. А мы у'сё можемъ; куды захотимъ, туды и летимъ, хошь себѣ и за границу!“ Молва йдетъ, что вѣдьма!

Бѣльскій у., д. Высокое Никольской волости. Зап. отъ крестьянина Андрея Никифорова, 50 лѣтъ. 1914 г.

198. О дѣда́хъ и бабкахъ.

По вашему, по ученому, ничего нѣтъ—ни вѣдьмъ, ни другого прочаго, о по нашему, чего на свѣтѣ нѣтъ! Вотъ и дѣды́ у насъ, и бабки есь, что отъ какой угодно болѣсти отчитаваютъ, йдѣ дохтора́ и помо́чь не знаютъ.

А то недалеко отъ насъ жила баба 'Кули́на. Шесь годоу нашъ старый попъ, вы йво знаете, отецъ Иванъ, не до пускау ее до причастія: „покайся, что колдунья!“ — „Нѣтъ, батюшко, не колдунья я, отъ худого отчитаю,—а худа не накли́каю“.—„Колдунья ты!“ прогонитъ безъ покаянія. И что-жъ вы думали? Сдѣлали надъ попомъ худо. Напали на йво крысы, да такъ, что скотины у'сей до костей спину́ прогрызли, до клока́ у'сю шерсь повы́тягали! Пропадаетъ попъ во́усе!

„Позовите ко мнѣ 'Кули́ну! Пусть отчитаетъ; да подведите такъ, слоуно не я ее зову“.

Приплa 'Кули́на, почитала—кончились крысы. Такъ потомъ попъ до самой смерти все съ 'Кули́ной у' храмъ идѣть, съ Кули́ной съ храма, и попрекать колдоуствомъ перестау.

Худые люди спортить могутъ человѣка, а дѣды́ отчитаваютъ, на воду́ наговариваютъ, по огромной книгѣ читаютъ и худой глазъ отъ человѣка отво́дятъ. Это вотъ какъ вѣрно. Есть у менѣ племѣнникъ, но́нѣчи мы йво ожанили; у'пятьнадцать лѣтъ стало надъ имъ, у' тоску впадаетъ! Себя не помнитъ, бѣжитъ, куды́ не знайтъ, тоскуетъ, а то в'падѣть, начнѣть йво бить, корёжить; пробовали его къ попу отчитавать водить; отъ божественнаго ему слоуно хуже: у'церкви, бывало, какъ херувимску запоютъ, а іонъ объ землю, и лежитъ до конца обѣдни, какъ мертвый; попъ съ алтаря пелену вы́шлѣть лицо йму накрыть; и долго не опамятуется. И по намастырямъ возили, и у' Мининѣ были—нѣтъ помощи никакой! Вотъ повела его матка къ дѣду. Іонъ у' воду́ посмотрѣу, посмотрѣу и говоритъ: „тотъ человѣкъ, отъ котораго это ему сдѣлалось, пришоу къ вамъ, и лихо ему сейчасъ!“.. Почитау по большой книгѣ, дау наговорёной воды, налиу какого-то лѣкарствія и велѣу три дни́ ма́льца

съ и́збы никуды не пускать, чтобъ іонъ слѣда на дорогу не наложиу, а то слѣдъ вынуть могуть, и тоды́ помощи ма́льцу никакѣй не будетъ... Приходютъ іоны домоу. А тамъ съ ребятами баба оставалась. Матка и спрашиваетъ: „ти быу у насъ кто?“—„Какъ же! пришла Таня: „прибѣжала, говоритъ, хлѣбца у васъ печёнаго попросить, свойво не приспѣла“. А мнѣ чудно́: какъ это, кажись, богатый дворъ—хлѣба нѣту-ти! „Нѣ, говорю, Таня! Йде-же я тебѣ хлѣба возьму? хозяйки нѣтъ, безъ ея я не смѣю хлѣба дать!“ А іона, какъ стояла, на стоу руками опершúсь, такъ слоуно съ ней что сталось—какъ каменная! Молчитъ--и я молчу! У'сю́ упряжку простояла, какъ къ по́лу приросла,—потомъ вышла!“

„Видишь, дѣдъ-то прауду сказывау, значитъ, Таня мальцу у'редъ сдѣлала!“

А вы говорите, что́ дѣды́ да бабки! Нѣ, іоны много знаютъ!“—„Ну, а мальчикъ выздоровѣлъ?“ — „Не уберегли его три́ дни въ и́збѣ. Тосковау, у'сё просиуся вонъ съ и́збы: „тошно мнѣ, матка, дома-то! Пусти хошь на крылечко посидѣть!“

— „Что-жъ тебѣ дома тошно, родненькій?“

— „Тошно!“ А самъ руки такъ жа̀лосно ломаетъ.

Пусти! Слоуно мене кто силко̀мъ толкаетъ: иди да йди! „Пусти, матка!“

Не пустили йво, а іонъ убѣгъ какъ-то! Поймали за в'око́лицей! Ну, значитъ, помощи никакей не получилось! Потомъ отвезли его у' Смоленскъ и полтора года продержали у' больницѣ.

Теперь здороу, оженили, только иногда начинаетъ ему быдто пальцы сводить, а потомъ и отпу́ститъ; припадкоу больше не приключается.

Какъ хотите, а дѣды́ большую помощь народу оказываютъ, потому іоны худа не накликаютъ, а худое отводятъ.

Бѣльскій у., д. Высокое Никольской волости. Зап. отъ крестьянина Андрея Никифорова, 50 лѣтъ. 1914 г.

199. Солдатъ Сироткинъ.

(Побывальщина).

У'дреунее время одно было семейство; ихъ хвамилія была Сироткины. Потомъ родители по́мерли; ихъ было два брата, такъ что принужденъ быу остаться одинъ, и іонъ послѣдовау идти у'службу. Ихъ у'тѣ поры́ отдавали на двадцать пять лѣтъ. И къ этому послужило ему въ счастье. Попау іонъ у'штатъ у'Петербургъ; его Государь Императоръ очень любиу, такъ что іонъ его наусегда при себѣ остаулялъ: „родителев'ъ при тебѣ нѣтъ, я тебѣ великолѣпную должность дамъ". Но іонъ Государю Императору отвѣчау: „какой я есь необнаковенный человѣкъ! Писарю — перо съ рукъ, и хлѣбъ съ зубъ, а когда я поживу на свѣтѣ и пріучусь работа́ть у'сякую работу, тогда мнѣ не будетъ страшно жить на бѣломъ свѣтѣ. У насъ Петръ I быу преобразователь, и то работа́у, а я что! Нѣтъ, Ваше Императорское Величество, не останусь у'писаряхъ, поучусь работать, что тамъ понравится!" У'то время проводилась Ладожская канава. Когда іонъ выходиу со штабу у'домъ, то іонъ дау имъ три загадки сената́рамъ; но іонъ ихъ не объясниу у' то время, а пе́рво Государю Императору. Іонъ съ ихъ просиу сорокъ золотыхъ, съ сената́роу, тогда скажу. Тогда золотые были́ антере́съ, у кого золотые, тотъ и богачъ. Пошоу на Ладожскую канаву утромъ. Смотритъ, работаютъ грабаря́, лопатками землю́ копаютъ.—„Да что-жъ, самъ себѣ разсуждаетъ, работа простая, лопатками пошевеливать!" Потомъ подходитъ къ ему десятникъ хозяйскій и говоритъ:—„что, голубчикъ, жалаешь наняться, навѣрно?" — „Да чего не такъ! Сколько жалованья будетъ?"—„Жалованье будетъ такое же, какъ и прочимъ". — „Ну, всетаки, одна́че, сколько же?" — „У мене получаютъ на день четыре пятака". — „Куды же ихъ дѣвать, эти четыре пятака?" — „На одинъ пятакъ кормятся, другей пятакъ у'долгъ запущаютъ, третій пятакъ до́лгъ плотютъ, четвертый на вѣтеръ пущаютъ". — „Отлично!" Іонъ это твердо хорошо знау эту самую загадку.

Стау работа́ть. Ну-съ, у'другъ пріѣхау Государь Императоръ, осматривать прово́дъ канавы; увидау свойво любимаго Сироткина, весь у'грязи, мазаный.

— „Да развѣ вамъ здѣсь, говоритъ, лучше работать?“— „Очень хорошо. Я, говоритъ, здѣсь, какъ проворочаюсь на слобóдѣ, то я, говоритъ, щей какъ съ 'петитомъ покушаю, и говядины вмѣсто мёда. Тамъ надоѣло, пріѣлось у'се, на мѣстѣ хорошемъ сидѣуши, чаю выпьешь стаканъ, и у'се!“ Вотъ іонъ Государю и разсказау эту самую загадку.

— „Братъ! говоритъ, скажи мнѣ пожалуйста, вотъ тебѣ сорокъ золотыхъ!“ Государь отправиуся; іонъ деньги получиу. „Потомъ, говоритъ, смотри, не говори никóму, пока мене сорокъ разъ увидишь“.—„Слушаю, Ваше Императорское Величество!“ Пріѣзжаетъ у'сенатъ Государь Императоръ. Вотъ загадау іонъ сенатóрамъ эту самую загадку: „чтобъ, говоритъ, у'три часа узнать!“ Іоны и говорятъ: „Вѣдь эту загадку намъ Сироткинъ говориу, только потомъ не объясниу“. Сенатóры говорятъ денщику: „съѣзди, братъ, на Ладожскую канаву, привези Сироткина скорѣй!“ Привозятъ. „Братъ, скажи пожалуйста намъ тоё загадку, которую Вы намъ раньше объясняли. Вотъ тебѣ сорокъ золотыхъ“. Ну, іонъ получиу. Потомъ нѣсколько время тутъ побавиуся съ знакомыми своими ребятками, которые тутъ былú. Докладуютъ Государю Императору: „Узнали“. Только йдéть Государь Императоръ къ имъ у'кáмеръ. Нечаянно у'стрѣтиуся съ имъ Сироткинъ, и говоритъ: „ну, братъ, навѣрно, ты сказау имъ. Я тебѣ сказывалъ, пока мене увидишь сорокъ разъ, никóму не говори!“—„Ваше Императорское Величество, я васъ видау восемьдесятъ разъ“.—„Какъ же ты такъ могъ?“ Съ одного въ одну руку вытаскиваетъ сорокъ золотыхъ, съ другого кармана тоже. Тогда старшій сенатóръ: „это, говоритъ, все ничего. А давайте-ка подпишемся въ одно“.—„А что й то, говоритъ, въ одно?“—„Садитесь-ка за круглый столъ, тогда мы будемъ объяснять и подписываться“. Сѣли, книгу передъ собой положили посреди стóла, и Государю Императору пришлось сидѣть рядомъ съ Сироткинымъ. Іоны подписались. То старшій сенатóръ в'дарилъ наотмашь у'морду помошника, кто 'кóло него сидѣу.—„Братъ ты мой! что й то такое?“—„А заутра, говоритъ, твой день будетъ. Что надумаешь, то й дѣлай, не откажемся и мы“.—И думаютъ такъ: „ладно! Этотъ в'дарилъ еще свойво товарища!“ Ну, что-жъ, пришло дѣло — очередь до Сироткина в'дарить Государя Императора. Зна-

читъ, іоны лоуко подъ него подводили! — „Стой, говоритъ, братцы! не такъ“. „Ну, а какъ же?“—„А вотъ, говоритъ, какъ: когда я, говоритъ, быу небольшимъ мальчишкомъ в’отца, то, говоритъ, в’насъ конь быу большой, пребольшой. Поѣхали мы съ отцомъ у’лѣсъ, наклали возъ дроу, большой, пребольшой, заѣхали у’пе́нья; пѣредъ нельзя, и на́ бокъ нельзя, то я и крикнув’ъ на в’отца: „подавай назадъ!“—Бацъ! опять обратно у’морду, кто ко́ло него сидѣу. Государь Императоръ остауся неударенный. Тогда и говоритъ Государь Императоръ: „будь, братъ, старшимъ сената́ромъ у мене, довольно тебѣ грязь тамъ копать“.

Взяу листъ, вырвау, который быу подписанъ въ одно. И теперь съ бѣдности какъ здо́рово живе́ть! Имені́е куплено около Угры. Мы работали у нихъ. Теперь уже сивый стау Сироткинъ.

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника. 1914 г.

---

200. Какъ одинъ богачъ хотѣу свойво сына женить.

У одного богача сынъ быу съ порядочной ду́рью, но богачъ и быка женитъ, говорятъ наши старики, и вѣрно такъ. У’здумау богачъ сына женить свойво. Говоритъ своей старухѣ: „ну, какъ, баба, думаешь, надо при своёхъ гла́захъ женить!“ Тая очень рада была, что старикъ желаетъ сына женить, и давай его мать научать, какъ-бы покруглѣй слово говорить, получше. „Смотри же, говоритъ, когда съ отцомъ поѣдешь у’сваты́, попрово́рнѣ будь, слоуно какъ духоуски мужики“. И іонъ только это одно и знау, что не бояться и какъ-бы быть посмѣлѣй. Ну, что-жъ? Іоны пріѣзжаютъ къ одному тоже богачу. — „Ну что, говоритъ, братъ, долго намъ нечего калякать; надо говорить, объ чемъ пріѣхали“.—

— „Ну, говори!“—

Тотъ начау говорить: „вотъ, какъ я собственно знаю, что у васъ есь барышня, а у мене есь женихъ, не будете-ль согласны быть со мной сва́томъ?“—„Ну, отчего, говоритъ, мы вами не бре́зговаемъ!“.

— „Живе́мъ мы еще какъ по старинному, слава Богу, и сейчасъ," говоритъ. Иногда трапля́ется деньги мѣрками мѣрить. Слава Богу, имѣю шестерку рабочихъ лошадей". А товарищъ его, кумъ, который быу крёстный то́му жениху: „ну, что ты, говоритъ, у'решь! А жеребецъ-то на стойлѣ четвертый годъ стоитъ! Что-жъ ты не считаешь? Тотъ развѣ не лошадь?" Тотъ прибаулять начинаетъ: „семъ штукъ короу имѣемъ". А кумъ опять; „ну, что ты у'решь? А двѣ-то еще тёлки по третьему году, ты нѣшто за короу не считаешь?" — „Ну, вотъ что, говоритъ, садитесь, чего-либо заку́симъ".

Вотъ іоны сѣли за стоу, раньше самовароу, конечно, не бы́ло у мужикоу въ то́е время. Подаютъ кусокъ мяса. Ну, какъ женихъ, конечно, проворный: „вы, говоритъ, старики, погомони́те! Дай-ка я займусь крыши́ть мясо". Столько не кры́шитъ, сколько у'ротъ кладе́ть, а другимъ хошь ничего не будь! Потомъ говоритъ невѣстинъ отецъ: „нѣтъ, братъ, такъ мнѣ обсуди́лось, обождемъ до налѣтья отдавать". Поѣхали іоны домоу. И говоритъ женихъ матери: „ну, ма́мушка, и наклауся же́ я мясомъ у'два ряда́, хотя невѣсту и не засватау. Ужинать не хочу!" — „Какъ же это такъ?"—„А такъ, говоритъ, я какъ попроворнѣй, взяуся я мясо крышить, бо́льшая часть самъ поѣу!" — „Чимъ-же ты крошиу?" — „Вотъ еще чимъ! Да ножикомъ!" — „Эхъ ты, какъ я тебе научаю быть попроворнѣе! Ты-жъ бы спросиу вилки и ножикъ, а пальцы у'ротъ не позволяу-бы лизать при компаніи!"—„Ну, ладно! Буду знать впре́дъ".

Поѣхали къ другому. Пріѣзжаютъ тоже къ богатому. Богачъ, понятно, по богатому! Женихъ хорошо матернино слово помнитъ. То ихъ потчуютъ опять.

„Сядьте-ко, говорятъ, за столъ! Не жалаете-ли чего закусить?" — „Нѣтъ, мы только сейчасъ закусывали!" — „Ну, чимъ-же васъ угощать? Баба, принеси-ка орѣшко́у. Отъ не́ча дѣла займе́мся покусать". Приноситъ та у'тарелкѣ арѣхо́у. То проворный женихъ и говоритъ: „дайте-ка мнѣ ножикъ и вилку". Ножомъ какъ намѣрится рѣзать, да „стой! говоритъ, не такъ у'здумалъ, надо вилкой поддержать!" Держитъ вилкой орѣхъ во у'сей тарелкѣ, какой іонъ намѣрился задержать. Какъ съ розмаху рѣзане́ть ножомъ, орѣхи у'сѣ засы́пались не только съ тарелки, а ни одного

и на столѣ не осталóсь! Чуть и тарелку не разрубиу за одинъ замáхъ. То видитъ хозяинъ, что іонъ воусе дуракъ. „Нѣ, братъ, говоритъ, мы не отдадимъ нынче, не думаемъ отдавать!“—„Ну, что, говоритъ кумъ, ничего больше! Поѣдемъ домоу“. Пріѣзжаютъ домоу. „Ну, мамушка, орѣхóу насы́пали полную тарелку, кусать не пришлось!“ — „Какъ такъ?“ — „А такъ! Вы мнѣ сказывали дома, что надо брать вилку и ножикъ. Мнѣ это у'се былó подано; я вилкой поддержалъ, ножомъ какъ рѣзанув'ъ, такъ не только что у' тарелкѣ, на столѣ ничего не осталóсь, и тарелка чуть пополамъ не развалилась!“ — „Эхъ ты, говоритъ, дуракъ! Тыжъ бы у'зяу горсточку да у'другую рукý, одну бы ты себѣ у'карманъ положиу, а другую-бы невѣстѣ подáу, и сказаубы ей: на́-ка вотъ тебѣ горсточку, и эта мнѣ горсточка! Богъ знаетъ, можетъ, Господь дась, не пришлось-бы у'мѣстѣ жить!“

Онъ такъ и думаетъ: „ладно-жъ, мáмушка, теперь буду-жъ в'умнѣй!“ — „Ну, говоритъ дѣдъ, съѣздимъ еще у'село къ одному такому-то; если ужъ неудача, то ужъ нынче ѣздить не будемъ!“

Тотъ поѣхау съ кумомъ. Пріѣзжаютъ. Акуратъ попали, ужинать сѣли. Оно, значитъ, удача.

„Поѣхали отъ хлѣба-соли, думаютъ, пріѣхали акуратъ къ дѣлу, у'се собраніе за столомъ“.—„Ну, говоритъ, садитесь за стоу, Иванъ Похомоу, и ты, Василій Мартыноу, садись! Садись, братъ, молодой человѣкъ!“ Но тотъ хотя не хотѣу садиться. Столбомъ стоять не прилично; дѣлать нечего, навѣрно, по задачѣ пойдéть. Много кушанья перемѣняли, у'концѣ—только хотѣли іоны вылазивать изъ-за стола, хозяйка кричитъ: „подождите, братцы, молочка волью на закусочку“. Такъ приноситъ на стоу молоко съ киселемъ. Думаетъ женихъ: „ну, все не очень ѣу, ну, ужъ киселя прохвачу, силёнъ на молоко съ киселемъ!“ Да и у'здумалъ маткины слова. Какъ бы-жъ это попроворнѣе сдѣлать? У'сѣ ѣдятъ ложками, іонъ ложку положиу передъ собой на стоу и думаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не такъ!“ Потомъ у'другъ цапъ! горсть у'вóдну рукý, потомъ еще у'другую. Акуратъ напротиу сидѣла на скамьѣ невѣста. „На-ка! говоритъ, барышня! Можетъ, говоритъ, Господь дась намъ у'мѣстѣ жить — тебѣ горсточку, и мнѣ горсточку!“ Думаетъ, какъ

орѣшки. Самъ у'весь обрызгауся молокомъ и товарища свово кстати обмазау. Да и этотъ поняу, что іонъ соусѣмъ дуракъ. Съ тѣмъ и поѣхали домоу. Ну, что-жъ? И сейчасъ холостой ходитъ. У' Бѣломъ у Зарѣцкаго, мы видали, жиу; самъ іонъ это разсказываy.

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

201. Лгунъ и Полыгала.

Какъ это говорятъ Лгунъ и Полыга́ла? Что й то значитъ лгать?

А такъ. Одинъ изъ насъ надумауся идти по свѣту лгать, мірушко православное околпа̀чивать. Пріискиваy себѣ товарища. Приходитъ къ одному хозяину у'дереуню и говоритъ на хозяина: „когда это у васъ, говоритъ, мельницу снесли?“ Хозяину тому было́ шестьдесятъ пять лѣтъ, а Лгуну было двадцать пять.

— „Нѣтъ, говоритъ, братъ, я что-то такое не знаю!“

— „Ну, вотъ тебѣ! говоритъ. Ну, какъ же не знаю? Когда, говоритъ, плотину сломало, жернова плыли́ по рѣкѣ, народъ весь дивиуся, что й то значитъ“.

А в'этого старика тоже быу у'нукъ, очень спеціальный, могъ полыга́ть. Полыгала-мальчишка говоритъ: „нѣтъ, это не жернова плыли, а бича́йки рѣшета плыли“.

А іонъ говоритъ: „у'се можетъ быть!“ Тогда Лгунъ тихонько говоритъ: „ну-ка, братъ, пойде́мъ со мной у'мѣстя́, я тебѣ буду приличное жалованіе платить, только съ таѐмъ условіемъ, врозь ночевать будемъ, а зачѣмъ къ тебѣ приходить будутъ спрашивать, то смотри, у'разговорѣ не ошибайсь!“

— „Вы, говоритъ, сами только смотрите, покруглѣй говори́те, а я ужъ, говоритъ, догадаюсь, у'чемъ дѣло“.

Приходятъ на слѣдующую ночь въ одну дереуню. „Ну, говоритъ, братъ, ступай, ночуй, гдѣ Богъ дась“, Лгунъ на Полыга́лу говоритъ.

Заночевали. А Лгунъ, какъ пришоу у'домъ, раздѣуся и смотритъ на хозяина, ротъ разиня. Хозяинъ и говоритъ: „что й то ты ротъ разинувъ, дивишься на мене?“

— „Мнѣ это, говоритъ, очень чудно оказывается“.

— „Чимъ чудно?“ говоритъ.

— „Что у васъ точно хаты маленькія“.

— „Ну, вотъ! Этому нашеу дивиться, когда обнаковéнныя, такія-же, какъ и у васъ“.—„Нѣтъ, говоритъ, у насъ не такія?“

— „Ну, не мели! А какія-жъ?“—„Да у насъ хаты—въ одномъ углу крéсьбины, у'другомъ поминки, у'третьемъ свадьба; не слышно, не видно, говоритъ, нийдѣ одинъ одного“.

— „Ну, вотъ ужъ, братъ, это не повѣрю!“

— „А не вѣришь, сходи къ мальчику, спроси“.

Тотъ взяу шубу, пошоу къ сосѣду, къ мальчику,. его товарищу.—„Братъ ты мой! Что й то твой товарищъ тамъ какую чушь претъ? Говоритъ, что у васъ хаты очень велики“.

„Право, говоритъ Полыгало, нонѣшній годъ мнѣ только пришлось идíть къ барину за получкой, съ товарищами, пятьнадцати человѣкъ. А вотъ, говоритъ, дяденька, я не очень, положимъ себѣ, разсмотрѣу, только мы очень, говоритъ, подивились на ихнюю постройку; по тѣмъ больше, тогда онѣ по нашей дереунѣ съ отцомъ возили у'прошлымъ году лѣсъ, то мы съ отцомъ трое сутокъ стояли на крыльцѣ, іоны везли одно дерево... не дождались конца!“

— „Да, говоритъ, прауда, теперь и я повѣрю!“

Приходитъ домоу старикъ.—„Ну, говоритъ, братъ, вѣрно!“ И говоритъ на своé старуху: „бабка, собирай-ка в'ужинъ!“ Тáя собрала в'ужинъ. Сѣли за столъ у'сѣ у'мѣстѣ и ночлежникъ съ ими. У'зноситъ на столъ щи хозяйка.

— „Ну вотъ, говоритъ, хозяинъ! У насъ капуста тоже не такая!“—„А какая?“—„У насъ, братъ, съ одного кочена́ сéмь возоу капусты выходитъ, бѣлая, хорошая“. Тотъ опять побѣжау къ мальчику.

— „Мальчикъ, что-жъ это твой хозяинъ, товарищъ говоритъ, что съ одного кочена́ семь возоу?“

— „Я, говоритъ Полыгала, не видау, какí у ихъ кочáнья на грядáхъ. А когда ишли мы по ихъ дереунѣ съ товарищами къ барину, то смотрѣли на эту самую связь, думали, что бѣлымъ желѣзомъ покрыта, а получше разсмотрѣли, однимъ лúстомъ покрыта и карнизы выведены,

безъ у'сякихъ сшивокъ!“ (мальчикъ уже покрываетъ и лгуна).

Тотъ пошоу опять домоу. Ходитъ распрашиваетъ, а тѣ ужинаютъ. Приходитъ, а капуста у'чашкѣ чиста́. Старуха взнейсла на стоу горохъ. Такъ что старику за стоу садиться было́ не́коли, а только ходить спрашивать. Лгунъ опять говоритъ: „ну вотъ, братцы, у насъ горохъ опять же не такой, какъ у васъ!“

Старикъ стоитъ у'шубѣ у двери, ужъ не садится.

„А какой?“—„Съ одного струка десять мѣръ зерня́тъ выходитъ“—„Ну, братъ, послѣдній разъ пойду, спрошу“.

— „Ну, мальчикъ! скажи, братъ, по доброй совѣсти! А то такъ, что полный день моло́тиу сегодня, и ужинать, кажись, не приде́тся, не́чего будетъ! Ти прауда, что у васъ горохъ съ одного струка десять мѣръ выходитъ зернятъ?“

— „Прауда, говоритъ Полыгало, я раньше самъ не вѣриу, а когда мы подошли къ рѣкѣ, то кла̀ди были разо́рены по случа́ю большой воды. Намъ съ товарищемъ не на чемъ было переѣхать. Сараи стояли по горкѣ, ко́ло рѣкѣ, то мы пошли разыскивать, ка́къ бы намъ на чемъ прила̀диться черезъ рѣку переѣхать. Смотримъ, лежитъ одна половинка шкорлупы съ гороховаго стру́ка, то мы пятьнадцать человѣкъ ее стащили на рѣку́, сѣли, поѣхали и еще-бы могло съ нами сѣсть пять человѣкъ“.

У'стало утро. Пошли, набрались гороху, идутъ разговариваютъ, а Лгунъ и говоритъ на Полыгалу: „у насъ, говоритъ, дерево завалилось на семь верстъ сегодня“. Полыгала говоритъ: „я, говоритъ, вѣрю! А у насъ, говоритъ, женщина—у'лаптя́хъ мальчика родила и дѣвочку, двухъ; одного-то, говоритъ, правильно, а другого не такъ, не туды“.

„Врешь это, говоритъ. Непрауда!“

— „Какъ-же, говоритъ, непрауда? Я тебѣ повѣриу на семь верстъ, а ты мнѣ у'разстояніе на одинъ... не хошь!“ Бацъ его по затылку! Сбились у'кроу! Идутъ отъ Дорогобужа, ко́ло Михайлоускаго; мы у'стрѣлись съ ими. Оба у'крови. Значитъ дружба в'нихъ у'розь!

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

202. Бабка Мауруха.

Въ одномъ селеніи (это у'Малороссіи было, такъ что, говорятъ, тамъ у'старину были́ вѣдьмы, Кіеускія вѣдьмы) есть это подъ названіемъ у'дова Мауруха. Іона отъ мужа остамши сорока пяти лѣтъ и съ тремя сынáми. Іона никоуда у'храмъ не ходила; такъ что сыны́ ея выучились грамотѣ, и имъ стали смѣяться люди, даже и у'школахъ, что ваша мать никогда не ходитъ говѣть у'церковь; іона, говорятъ, навѣрно, вѣдьма. Но дѣтя́мъ это было очень слушать отъ товарищевъ такія непріятныя слова. Онѣ насильно мать провожали у'свое село говѣть. Село у ихъ было у'разстояніи пятънадцать верстъ. „Матка, ступай, какъ хоти́шь, ступай говѣть къ исповѣди!“ говорятъ сыны́. А если не пойдешь, то мы запрягёмъ лошадь у'сани, силко́мъ у'звалимъ на дроуни, свяжемъ и свезёмъ“.

— „Нѣтъ, дѣтки, навѣрно, надо сходить раскаяться у' своéхъ грѣхахъ“.

Собралась старуха, затю́хала, пошла. Идéть мимо одной дереуни; смотритъ, стоитъ вѣтренáя мельница и мелетъ. Мельникъ стояу ко́ло мельницы. Ну, іонъ эту старуху хорошо знау. — „Что, бабка-Мауруха! Не думаешь-ли поговѣть?“—„Да, батюшка!“—„Слышишь, говоритъ, какъ на тебе Царица Небесная разгнѣвалась?“ Но іона думала, что это церкоу. Іона отъ ро́ду жизни не была. Шумъ быу большой отъ крыльеу и скрипъ отъ шестерни. Іона это услышала, подыйшла поближе, разсматриваетъ. Спрашиваетъ у мельника: „что й то такое стучитъ такъ?“

— „А это Божья Матерь грозитъ на тебе“, тотъ отвѣчау ей. „Ступай, говоритъ, у середину, становись на колѣни и проси прощеніе!“

Іона у'зошла у'серёдку. — „У'скорѣ-жъ, спрашиваетъ, іона простить мнѣ моé тяжкіе грѣхи?“ — „Да, говоритъ, сейчасъ! Вотъ іона, говоритъ, теперь простила, сказала намъ: нужно, говоритъ, пріобщать васъ, бабка-Мауруха“.

— „Да, надо, батюшка! Да я ужъ истомилась молёмши“. Взяу мельникъ съ подъ колёсъ дегтярку съ дёгтемъ.

— „Кстись, бабка! станемъ пріобщать!“

Та́я перекстилась. Тотъ у'зяу у'руку ква́чъ и говоритъ: „Пріобщается рабъ Божій Мауруха отъ .... до в'уха! Ступай, бабка, домой. Это, говоритъ, только даютъ посто́лько причастій, которые долго не ходятъ говѣть. Да смотри, чтобъ кто не оттёръ".

Іона ходила трое сутокъ такъ, пришла домоу. Сыны́ и говорятъ: „дура ты старая!" У'зяу кнутъ у'руки бо́льшій сынъ. „А вотъ теперь станемъ причасть отмаливать, чтобъ іона никогда не оттёрлась".

А теперь, значитъ, живутъ хорошо—старуха померла́.

Дорогобужскій у, Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

203. Перегонъ солдатскій.

Ишли три солдата со старшимъ разводящимъ. Путь ихъ быу пѣшій на полтораста верстъ. Приходютъ ночевать въ одно селеніе солдаты. Старшій на стѣнѣ, идéть по дереунѣ, пишеть: „столько-то человѣкъ такому-то". А въ одномъ хорошемъ дворѣ приходилось одному ночевать, которому хозяйка очень любила солдатамъ повсеуга загадки загадывать. И говоритъ на старшо́го:—„я, говоритъ, не только одного пущать ночевать, а съ такимъ условіемъ даже троихъ и больше никогда мы не отказываемъ. Только чтобъ три загадки мнѣ узнать. Будетъ ужинъ у'первомъ видѣ, и чаемъ у'сѣхъ напою́. А если не отгадаютъ, за кажную загадку съ такемъ условіемъ по двадцать пять розогъ!"

— „Ну, братъ, говоритъ старшо́й, Шали́моу, оставаться тебѣ одному здѣсь. Ты у менѣ солдатъ не робкій. И таки намъ приходилось съ тобой вопросы рѣшать, когда шли подъ Севастополь, а это пустяки!"

— „Ладно, братъ Стехванёнокъ, я не забоюсь".

— „Раздѣвайсь, голубчикъ! Истомились!" Тотъ раздѣуся.

— „Пожалуй, покушать не желаешь-ли чего?

— „Да это, благодарю васъ, не мѣшаетъ!"

— „Я не знаю, будешь-ли кушать нашу пищу?"

— „Ну, солдатская душа тоже не балалайка! Нашему міркушу все подавай на душу́. Что есь у'печи́—у'се на столъ мечи!"

— „Ну, у'сетаки, говоритъ, первоначально прѝбыли тебѣ подавать, али у́были? Али съ подъ .... вы́хлебки?“ Вотъ этимъ іона ихъ стращала, но попау солдатъ не робкій. „Подавай рядомъ все!“ крикнулъ тотъ. Несе́ть кринку молока. (Корову какъ подо́ишь—прѝбыль у'се!), потомъ несе́ть сала кусокъ (сало, какъ у'зяу, такъ и нѣтъ, вотъ и у'быль), потомъ десятокъ тащи́тъ яе́цъ и жаритъ яе́шню (это съ подъ .... вы́хлебки). Многіе также уходили отъ этого са́маго. Поужинау, легъ спать. „Ну, думаетъ, молодецъ хозяйка, знаетъ, какъ солдатоу стращать ночлегомъ! Это-то я пережиу! Какъ-то мнѣ Господь дась на утро загадки кончить! Поужинауши, думаетъ, силы прибавилось, хошь и не отгадаю загадки—выдержу заутра!“ Лежитъ солдатъ спокойно, смотритъ, четыре часа у'стае́ть хозяйка и хозяинъ. Наклала дроу у'печь, принесли воды ушатъ, затопила печь и начала блины корёжить. Солдатъ думаетъ: „глазъ видитъ, да зубъ нейме́ть. Развѣ загадки побунтуютъ, а подъ блины подладиуся-бы!“ У'стау, умыуся, Богу молится и думаетъ: „какъ же мнѣ три бѣды этихъ пережить?“ Помолиуся Богу.

„Съ добрымъ утромъ, хозяйка!“

— „Спасибо! съ вами у'мѣстѣ!“

— „Ну, говори загадки!“ говоритъ солдатъ.

Та подводитъ его къ печи, в'казываетъ на огонь.

„Что й то у'печи?“ — Солдатъ отвѣчаетъ: „да огонь!“ — „Значитъ, не угадау: это—небесная красота!“

Тотъ думаетъ: „двадцать пять заработау!“

Указываетъ ушатъ воды. „А это что такое?“ — „Да, что-жъ ты, развѣ ко́са? Да это вода!“ — „Нѣтъ, не вода: это — Божья благодать!“ — „Ну, самъ себѣ, пятьдесятъ заработау!“ — А ужъ блины на умъ шабашъ идти!

Иде́ть кошка по полу́. — „Ну, отгадывай третью: это что такое?“ — „Да, кошка!“ Тотъ крикнув'ъ уже съ сердцемъ.

— „Нѣтъ, говоритъ, это дворова́я подчища́ла“.

Солдатъ видитъ, что смерть на носу, и думаетъ себѣ: „быу у' Севастополѣ, ныли такой не видау! А приде́тся отъ деревенской бабы потерпѣть, какъ надо!“

— „Ну, хозяинъ, пойдемъ-ка за розгами; ты посильнѣе, покрѣпче свяжешь!“

Тѣ пошли за розга́ми у'двоихъ, солдатъ думаетъ себѣ: „если у'войти такъ, все рауно отъ старшо́го получишь, и съ наградой даже! Нельзя, надо присягѣ повиноваться". Іонъ ухвати́у дворову́ю подчищалу, у'вязау ей у хвосъ голоуню съ огнемъ, вытащимши съ печи, вынесъ у'сѣни, поддау ее пру́томъ, та у'скочила на потолокъ, гдѣ лежау ленъ и подобныя вещá; домъ этотъ обязанъ загорѣться.

Въ эту минуту домъ загорѣуся. Солдатъ выскочиу на улицу и кричитъ: „хозяйка, смотри-ка: дворова́я подчищала взяла небесную красоту, подняла на высоту; скорѣй бери Божью благодать, а то домомъ не волода́ть!" Та́я стала своё вещá хватать, а этотъ — гла́зы гляди, ноги работа́й! Также къ старшо́му пришоу и говоритъ: „смотри-ка, я отгадау. Только, говоритъ, несчастье тамъ случилось!"

Ты́и выскочили на в'улицу. Смотрятъ — пожаръ! Іонѣ посмотрѣли, у'своѐ время у'зяли своѐ припасы и съ Богомъ!

И я тамъ быу, медъ, вино пиу.
По в'усамъ текло, а у'ротъ не попало.

Дорогобужскій у., Визюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

204. Лакей и баринъ.

Раньше у барина быу лакеемъ одинъ парень. Баринъ быу человѣкъ бездѣтный, богатый и очень любиу лакея своего, такъ что ему довѣрность была во у'семъ. Потомъ принужденъ быу этотъ его лакей идти у'службу. Хорошо. Какъ іонъ находиуся у' Петербургѣ, баринъ его не оставиу, а хлопотау его служить тамъ. Баринъ любитель быу по клу́бамъ ходи́ть, и лакей его очень хорошо знау, что́ йдѣ есь. Солдаты между собой столковались, какъ подла́диться денегъ на вы́пиуку раздобыть; солдаты смастерили подложное письмо и послали съ имъ лакея къ барину у'домъ. Потомъ приходитъ солдатъ, этотъ самый его лакей, у'клубъ, смотритъ — хозяинъ его находится у'клубѣ. Іонъ увидѣу своего лакея, оздоро́вауся съ имъ. Больше ничего, разговороу особыхъ в' нихъ не было. Солдатъ подумау себѣ идти къ богатому барину и у'зять подладиться двѣнадцать тысячъ. У этого барина была птица попугай. Лакей довольно

хорошо знаю этого попку. Одѣуся у'цивильную одёжду, приходитъ къ барину у'домъ и съ письмомъ. Что-же? Письмо читать некому, такъ что кухарка читать не умѣла. Попка сидѣу на шка́фѣ, довольно хорошо знаю, гдѣ ключи отъ шкатулки отъ денегъ. Показываетъ попкѣ письмо, солдатъ говоритъ: „вотъ мене хозяйнъ съ такой-то гостинницы прислау денегъ у'зять". Попка говоритъ: „а на что ему деньги?"—„Рублей пятьдесятъ задолжау хозяину гостинницы, а тотъ спрашиваетъ ихъ у барина: „а что́ тому бываетъ, что напье́ть рублей пятьдесятъ, и денегъ не плотитъ?" Служа́щіе тогда съ хозяиномъ гостинницы отвѣчаютъ ему: „шейнаго пластыря—и съ лѣстницы!" Баринъ уробѣу, значитъ, что йво прибьютъ, послалъ свойво довѣреннаго за деньга́ми (а его не пущаютъ)". Попка ему указаю ключи. — „Бери, говоритъ, деньги—во́ йдѣ лежатъ. Давай, говоритъ, росписку отъ себе". Тотъ ему начередиу что-й то такое карандашомъ. „Я, говоритъ, солдатъ, служу здѣсь у'Петербургѣ, такъ что менѐ хозяинъ довольно хорошо знаетъ—затѣмъ прислау". Попка отвѣчаетъ: „ну, ладно! Я вижу, какой ты. Я, говоритъ, у'случаѣ чего тебе коснётся, и такъ тебе узна́ю". Солдатъ у'зяу деньги, поблагодариу попку за то, что іонъ указаю ключи. „Ну, говоритъ, понесу теперь деньги хозяину". Приноситъ солдатъ у'казармы деньги къ своёмъ товарищамъ. „Пойдемте-ка, братцы, у'солдтское собраніе у'бухветъ; слава Богу, до дня хватитъ съ насъ погудѣть!" Товарищи посмѣялись его лоукости. Пріѣзжаетъ баринъ домоу, смотритъ, денежный ящикъ потревоженъ. — Попка, кто здѣсь быу?" — „Быу вашъ повѣренный солдатъ. Вы прислали съ письмомъ". — „Узнаёшь ты его?" — „Узна́ю". Баринъ легъ спать, спитъ да думаетъ: „вотъ дакъ такъ!"

Наутро отправиуся ближайшія казармы, къ свойму командѐру полка. Командеръ полка спрашиваетъ у него: „что вы, Иванъ Николаевичъ, пріѣхали къ намъ, разскажите о чемъ?" — „Да вотъ, братъ, у'чемъ дѣло: ваши солдаты подладились какой-то, в'тащили денегъ двѣнадцать тысячъ рублей. Будьте настолько любезны, нельзя-ли какъ сдѣлать обыскъ!" Командеръ полка отвѣчаетъ свойму хорошему товарищу: „Сожалѣю. Хорошо, говоритъ, мы сейчасъ постараемся обыскать". Тотъ приказау выйти съ казармъ на плацъ, постановили во фрунтъ. Баринъ у'зяу свою попку на

рукú, пошоу рядомъ кóло у'сѣхъ солдатъ.—„Ну, узнавай, попочка!“ Тутъ попка смотрѣу, смотрѣу: „я не могу, говоритъ, у'шапкахъ узнать. Іонъ у насъ у домѣ быу безъ шапки“. Командеръ полка скомандовау: „шапки долов'ъ!“ Шапки скинули долов'ъ. Попка опять смотрúтъ рядомъ, да отвѣчаетъ своймý барину: „а чортъ его узнаетъ! Я думау, что іонъ одинъ стрыженый. А теперь вижу, что онѣ у'сѣ стрыженые“. Такъ и не узнау. Командеръ полка посмѣяуся довольно: „положь, говоритъ, братъ, на тоé мѣсто еще столько денегъ!“

Затѣмъ баринъ поѣхау не солоно-хлѣбауши. В'солдата, какъ не былó ни чóрта, такъ и сейчасъ мы видáли—сумкой трясéть. У хорошаго барина, какъ былú деньги, и по сіе время живéть слава Богу!

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

205. Какъ хохоу задумау продать вòла и корзину киршункоу.

„А, баба, заутра поѣдемъ на базаръ! Я поведу волив'ъ продавать, а ты вези киршункóу десять штукъ“. Повезли. Повёу хохоу вóла, хозяйка его киршункóу корзину нагрузила. Пріѣзжаютъ на базаръ. Приказываетъ своей хозяйкѣ: „смотри, жúнца, киршункоу продашь, а грòши ховай подальше, а то куршунки твоé какъ-бы не пошли задаромъ“. Быдто-бы его душу предвѣщало. Хозяйка ему отвѣчаетъ: „не бойсь, чиловикъ, кабы ты такъ ховау, какъ я ховáю!“ Тотъ повёу вола на скотный рынокъ, баба осталáсь продавать куръ. Въ это время одинъ пришоу жуликъ, в'умную хозяйку баснями заговариваетъ, а другой подхватиу киршункóу съ корзины и утащиу. Хозяйка оглянулась назадъ, киршункоу немá. Сидитъ и плачетъ. „Вотъ дакъ сховала, какъ бы не сховау и чиловикъ мой такъ“. А третій ихній товарищъ пиóдали выслушиваетъ, что баба говоритъ плакауши. Побѣжау къ своéмъ товарищамъ: „ступайте, братцы, постарайтесь прибрать; у этой хозяйки продаéтъ вóла ея хозяинъ. Не меньше возьмéть сто рублей, старайтесь какъ ни можно, чтобъ ихъ съ этой бабой запречь у'порожніе санки“.

Тѣ прибѣгаютъ на скотный рынокъ, какъ разъ хохоу у'стрѣтиуся съ во́ломъ; онѣ смотрятъ на него. Ну, покараулили его, между собой разговариваютъ. Хохоу продау цѣною за девяноста пять рублей. „Вотъ эти девяноста сховаю у боковой карманъ, подальше, а пять рублей возьму себѣ, зайду у'корчму, горѣлцы выпью, продамши; попью чайку; такъ моя хозяйка не узнаетъ, что я пропью пять рублей, а ей принесу девяноста".

Народу очень много у'трактирѣ. Жулики изда́лека слѣдятъ за имъ. Сѣу за стоу хохоу, у'зяу полбутылки столовой, изрядно выпиу. Тѣ между собой жулики говорятъ: „повеселѣу, какъ надо". Одинъ изъ ихъ тихонечко между народу подъ стоу и сидитъ подъ ла́укой, напроти хохла. Хохоу у'здумалъ про своѐ деньги. „Дай-ка сховаю подальше". Вытащиу изъ бокового кармана, положиу у'широкіе плисовые штаны. „Вотъ тутъ таперь никто не достанетъ". Жуликъ видитъ—дѣло хорошо. У'зяу тихонько перочинный ножикъ, штаны ему тихонько прорѣзау, карманъ прочь, вылѣзъ изъ подъ сто́ла, такъ что хохоу его не замѣтиу. Подходитъ къ товарищамъ. „Вотъ тапе́ря дѣло, говоритъ, ладно, есть за что выпить!" Тѣ говорятъ: „ну, слава Богу!" У'зяли бытылку, сѣли за стоу и пьютъ. Хохоу вытащиу съ другого кармана обозначенную пятерку, расчелся съ хозяиномъ, пошоу себѣ спокойно, думаетъ: „ладно! Какъ это Богъ дась моей хозяйкѣ киршункоу продать, а я уладиу!" Приходитъ къ хозяйкѣ. Тая сидитъ, плачетъ. „Чего ты плачешь?" — „А не знаю, кто подладиуся киршункоу в'тащить!"—„Ты-жъ такъ хова́ла, якъ я!" Цапъ! въ одинъ карманъ—пусто! „Такъ хо-ва-а-й, якъ я хо-ва-а-ю!" хвать у'другой, и тамъ пусто! Потомъ: „ахъ, я забыу! Я ихъ подальше прибрау!" Хватиуся за штаны, и тамъ пусто! — „Что-жъ, чиловикъ!" баба говоритъ, навѣрно в'оба сховали равно!" Сѣли на коломажку, отправились домо́у, такъ что и дѣтя́мъ гостинца не за что было́ у'зять!

Дорогобужскій у., Визюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

206. Мужикъ и цыганъ.

Пошоу мужикъ у'городъ за полу́чкой у'банкъ, получать про́центъ. Говоритъ своей хозяйкѣ: „баба, давай-ка зарѣжемъ поросенка и сжарь его на дорогу и пирожокъ спеки́!“ Хозяйка такъ и сдѣлала. Іонъ зарѣзау поросенка, та́я пирого́у напекла. Наклау мужикъ кошель провьянту. Баба говоритъ: „смотри-жъ ты не пьянствуй!“—„Ну, вотъ, глупая! Да развѣ на дѣло пошёдши, съ деньгами мыслимо пьянствовать!“ Идѣть дорогой по одной дере́унѣ, у'другъ выбѣгаетъ цыганъ, тоже съ хото́мкой за плечьми.—„А ну, что̀, батька! Здраствуй!“—„Да здраствуй, братъ цыганъ:“—„Далеко-ль путь держишь?“

— „Да не такъ слишкомъ дале́че, до свойво города“.

— „А за чѣмъ, за хорошимъ?“—„Надо-бы съ кассы получить деньжо́нокъ“.

— „Неужли в'тебе дома денегъ нѣту?“

— „Да нѣту, братъ, обѣднялъ! То, братъ, тройку лошадей угнали, то сына жаниу!“—„Да, это, говоритъ, убытокъ порядочный! А много-ли получать?“ — „Да вотъ ужъ два года не брау. Ру́бликоу пятьдесятъ надо получить. А вы зачѣмъ?“—„А я, братъ, иду, спрашиваетъ слѣдователь насчетъ одной покражи. Только моя душа ничего не знаетъ!“ Іонъ ему сказау у'се откровенно.—„Ну, что-жъ, братъ, пойдемъ; будемъ товарищи“.—Пойдемъ. Веселѣе идти будетъ!“—Пошли. „Братъ ты мой, говоритъ цыганъ, что й то у тебе такъ тяжело у'кошелѣ?“

— „Пирогъ. Старуха сжарила поросеночка“. — „Вотъ охота тебѣ тащить!“—Мужикъ говоритъ: „не я его тащу, а іонъ мене несе́ть.“—„Ну, думаетъ, ты себѣ! Мнѣ твое́хъ плечъ не жалко!“

Надо подла́диться цыгану мужику у'каппанію, какъ-бы у'мѣстѣ поросеночка стеребить! Ну, мужикъ тоже быу не прома́хъ. Пришли у'городъ. Время было склонно къ вечеру.—„Что-жъ братъ! таперь надо на постоялый дворъ. Пока чайку попьемъ да заку́симъ, и тёмно станетъ. Сегодня ужъ дѣлоу намъ не получать? Заночевали. Цыганъ и говоритъ мужику:—„что-жъ ты поросеночка не ѣшь?“ — „А, братъ, попи́у чаю и ужинать не хочу!“ Цыганъ думаетъ:

„ну, это ладно! А что, братъ мужикъ, я хочу сказать тебѣ!“—„Говори!“—„Давай, кто лучше во снѣхъ увидитъ, тому поросенка и́сь“.—„Ну, давай!“ говоритъ мужикъ. Легли спать. Цыганъ какъ-то и заснув'ъ скоро. Мужикъ слышитъ, что цыганъ заснув'ъ.—„Ну-ка, если я засну на грѣхъ, цыганъ у'станетъ, в'тащитъ мойво поросенка и сьись! Лучше дай-ка жъ я его, пока еще не заснув'ъ, доберу къ мѣсту“.

Мужикъ поросенка съ'ѣу, тогда легъ смѣло спать. Спау, спау цыганъ, проснув'ся, будитъ мужика.—„Эй, товарищъ, ты спишь?“—„А, братъ, крѣпко заснув'ъ!“—„Ну-ка, скажи, что ты во снѣхъ видау?“—„Такъ себѣ, пустяки! А ты что, братъ цыганъ, видау?“—„Я, братъ, хорошо видау!“—„Ну, что-жъ?“—„А, братъ, стоитъ лѣсьница отъ земли до нѣбы. Я полѣзъ по этой лѣсьницы, у'злазиваю на нѣбу.“—„А я за тобой!—говоритъ мужикъ. У'злѣзъ на нѣбу, а Боженька садится в'ужинать и приглашаетъ цыгана! Я вижу, что тебе Боженька посадиу съ собою ужинать; и смотрю: поваръ много приноситъ мяса жаренаго. Я завернув'ъ оглобли да назадъ, да очень бояуся сла́зивать, выпугауся! Разсе́рдиуся на тебе, взяу, открыу свой кошель, поросеночка съѣу!“ Цыганъ говоритъ: „а нев'же́ли ты сожрау?“—„А кто несе́ть, тотъ и ѣсь!“—„А чтобъ тебе разорвало. Во что-жъ ты это такъ жрау! Полнаго поросенка одинъ съѣу заразъ!“

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

207. Алхирей.

Богатый попъ заспориу съ бѣднымъ попомъ объ одномъ селѣ. Іонѣ принуждены были жа́литься правосвященному. Вызываетъ лично къ себѣ бѣднаго и богатаго алхирей. Гѣ пріѣзжаютъ у' Смоленскъ. Такъ что алхирей былъ у'то время у'соборѣ. Іонѣ подходятъ къ нему. Алхирей и говоритъ:—„изъ попоу-то есь дураки! Нашли объ чемъ спорить!“ Спрашиваетъ у богатаго: „какой часъ?“

Тотъ вытаскиваетъ часы съ кармана, Алхирей говоритъ: — „двадцать лѣтъ ты в'учёнъ, оказываешься дуракомъ!“.

— „А у'чемъ дѣло?".

— „Должо́нъ бы посмотрѣть на сегоднешнее число и это время, что нужно начинать пѣть, какой часъ поётся: гласъ первый, али гласъ восьмой! Ну-ка ты, на бѣднаго попа говоритъ алхирей—отвѣчай, голубчикъ, когда умѣешь съ богатыми судиться!"

— „Говорите, Ваше Правосвященное владыко!"

— „А что сегодня Богъ дѣлаетъ?"—„А мнѣ сказали, что йво дома нѣтъ, когда я быу у него".—„А гдѣ-жъ іонъ сегодня?"

— „Поѣхау у'степъ!"—„Зачимъ?—„Пеньку скупать".

— „На что-жъ ему пенька?"—„А кнутъ вить!"

— „На что?" — „А васъ долгогривыхъ дураковъ бить, зачимъ не были спрашивать".

— „Молодецъ! сказау алхирей, село остаётся за тобой!"

И сейчасъ служитъ у'селѣ Бизяко́вѣ. Значитъ, дѣло тѣмъ кончилось, живе́тъ богато.

Дорогобужскій у. Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Иванашорника.

---

208. Какъ наша Хруза думаетъ молитву у'зять.

Собирается Хру́за у'церковь. Свекра́ говоритъ: „ужъ тебѣ дауно надо бы быть у'церквы. Ты придѣшь подъ шапочный разборъ".

— „Ладно! Что-жъ, когда за дѣлами никогда не выберешься". Пошла. У'стрѣчается съ ей одна молодуха, и та была рождена на Ду́ха.—„Гдѣ-жъ ты была?"—спрашиваетъ.

— „Я, было, пошла у'церкву, смотрю ужъ выходютъ изъ церквы. — „Да, что-жъ, можетъ, только у́треня отошла?"

— „Я этого не понимаю, утреня али обѣдня; а вижу, что йдутъ съ церквы". — „Во́, чудачка!"

Только приходитъ у'притворѣ на порогъ, кура́тъ ей наустрѣчу псаломщикъ. Ей радость—сметана и творогъ!

— „Молодецъ, что пришла: тебѣ бы нужно у'то воскресенье приходить!" говоритъ дьячекъ.

— „Я, было, соусѣмъ собра́лась, потомъ свекоръ говоритъ: сегодня у'церкву некогда ходить: надо итить снопы уби-

рать“.—„Ну, вотъ сноны тебе́, навѣрно, оставятъ безъ молитвы“.—„Какъ такъ?—„А такъ: послѣднюю молитву Пётрина молодуха у'Гло́товку у'зяла. Приходи пораньше у'то́ воскресенье. Надѣлаемъ съ попомъ новыхъ. Только смотри пораньше“.

— „Что-же мнѣ назадъ итить?“ говоритъ молодуха.

— „Чего-жъ назадъ итить? Пошла, помолись Богу, еще только обѣдня началась“.

Та приходитъ у'церкву. И пойде́ть ей по грѣху. Въ это время попъ нача́у кадить, по у'сей церкви къ Святымъ подходитъ. У'другъ у'валился за голенищу уга́ль. Попъ у'то время кадиу, а ногой во у'сѣ лопатки водиу. И говориу: „Миромъ Господу помолимся.—Ну, теперь колѣнопреклоненіе“. Только управились стать на колѣни, попъ задрау ноги кверху и говоритъ народу: „но́жное трясѐни отошло. Начинаютъ бры́канцы!“ Затрясли у'сѣ ногами. Молодуха эта с'пугалась, какъ тра́хнетъ домоу. Приходитъ не во у'рѐмя. Говоритъ свекоръ: „что-жъ ты скоро прибѣгла?“—„Что скоро? Молитвы у'сѣ разобраны, приказывали приходить раньше, будущее воскресенье. Я, бы́ло, войшла у'храмъ. Смотрю, тамъ идѐть но́жное трясенье; я стою, смотрю, что й то такое. Потомъ какъ повалились у'сѣ! И пошли бры́каицы! Такъ я и войшла, и молитвы не получила, ничего!

Тотъ и сейчасъ маленькій ходитъ безъ молитвы.

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Иванашорника.

---

209. Почему Москоускіе—жулики.

Сошлись на вокзалѣ будто-бы два хорошихъ приличныхъ купца. 'Аршаускій у Москоускаго замѣтиу очень хорошіе часы, стоимостью въ пятьсотъ рублей. Думаетъ: „хорошо! — Братъ, далёко ли ѣдешь?“ говоритъ Аршаускій на Москоускаго.

— „Да такъ, говоритъ, по довѣренности хозяйна поѣду у'Лодзю за Аршаву“, говоритъ Москоускій. — „А за чимъ за хорошимъ?“—„Недоста́ча товара у насъ на фабрику. У'зять магазинъ надо намъ, тысчёнокъ на пятьнадцать разнаго товару“. — „Ну, братъ, поѣдемъ; и мнѣ тоже нужно

туды".—„Что, братъ, у'третьемъ классѣ намъ будетъ очень досадно ѣхать!"—„Ну, а какъ-же будемъ?"—„Спальный вагонъ откупимъ перваго класса".—Сѣли, поѣхали у первомъ классѣ. А Аршаускій ему не объясниу съ откудова іонъ, а сказау, что „я Нижегороцкій". Москоускій дауно смѣтиу, откудова тотъ, и думаетъ себѣ: „положимъ себѣ, и Аршава такая-жъ столица, какъ и Москва".

— „Давай, братъ, ложиться спать!" говоритъ Аршаускій.—„Ну, говоритъ, давай! Поспимъ!" Взяу часы, сняу съ шеи, Москоускій, вѣшаетъ на стѣнку на гвоздикъ. А Аршаускій смотритъ, куды іонъ часы повѣсиу. „Ладно, часы теперь будутъ моé". Подходитъ къ постели, огонь быу прикрытъ, и водитъ лапами по стѣнѣ. „Что за чортъ возьми! разсуждаетъ съ собой Аршаускій. А тотъ не спитъ, все слышитъ. У'то время часы былѝ сняты у'потемкахъ хозяиномъ тѣмъ-же, чіѝ часы, и положены у'карманъ у' штаны. Думаетъ: „ладно, я тебе чтó дальше, а ужъ до Бреста потомлю!" И у'сю дорогу Аршаускій такимъ способомъ часы искау. Только іонъ отыйдéтъ отъ его прочь, іонъ у'потьмахъ часы повѣситъ на стѣнку, потомъ эту же минуту вытираетъ спичку: „надо посмотрѣть, сколько время". Аршаускій смотритъ, что часы опять, какъ висѣли, такъ и висятъ. Огонь загасъ, и часы у хозяйна у'карманѣ опять. А тотъ смотритъ; этотъ лежитъ, смѣéтся, а тóму не терпится, какъ-бы часы у'зять.

Но все таки іонъ, подѣзжая къ Бресту, отъ смѣха не вытерпѣу. — „А вотъ, братъ, говоритъ, ты не съ Нижняго, а ужъ какъ я вижу, ты Аршаускій!"—„Да, братъ, вѣрно!"—„Скажи, чего ты мнѣ не сказау, когда я тебé спрашиваy у'Москвѣ?"—„Оттого я не сказау, что часы у тебе хорошіе увидау". — „Значитъ, ты Аршаускій?" — „Такъ точно, Аршаускій".—„У насъ подъ названіемъ вы „лóбузы". Ну, гдѣ-жъ ты видау образованнаго москоускаго человѣка? Можетъ вы слышали, что Москоускіе жулики во у'сей Яуропѣ у' заглавіи. Только ихъ гряшно называть жуликами. Это такъ по губерніямъ только прозваніе. Онѣ преобразователи у'сей Россѐи, а васъ можно у'глаза называть, что вы—лóбузы! Москва не подчиняется Аршавѣ, а Аршава у' рукахъ Москвѣ. Значитъ, ты не кончиу курсъ на полнаго лóбуза, а только в'учишься!".

— „Ну, братъ, молодецъ! Стóишь свойво названія!“ сказау Аршаускій.—„А что жъ вы своѐхъ часоу не показали? Теперь мы крась не будемъ! говоритъ Москоускій, будемъ пріятели. Поѣдемъ, братъ, до Лодзи, погомони́мъ, братъ, въ аппекитъ. А вотъ, братъ, смотри-ка, какъ Москоускіе сдѣлаютъ, не у'погашеніи огня, а просто днемъ при публикѣ“.

Тотъ думаетъ себѣ: „что такое?“.

Часы висѣли у Аршаускаго днемъ на пальтѣ, на крючку́, какъ это обнаковенно вѣшаютъ. У'другъ приходютъ къ Лодзю. Въ эту минуту подня́уся небольшой вѣтерокъ. Моментально съ откуда не возьмись, полетѣу большой сильный пухъ: Москоускій не жалѣу своего пальта́, что пухомъ весь опылило. А Аршаускому стало очень жалко пальта́. — „Братъ, что будемъ дѣлать?“—„Ну, ужъ не жалѣй, я ужъ не буду оббиваться“. Заскакиваютъ у' магазинъ. — „Дайте, пожалуйста, щетку“. Прикащикъ подаѐть щетку. Москоускій давай его обчищать щеткой. Чистиу, чистиу, и не усмотрѣу Аршаускій, какъ и часики у него очистиу.

Москоускій спрашиваетъ: „братъ ты мой, а йдѣ жъ ваши часы?“ Тотъ и не къ чему! Хвать, часоу и нѣтъ!—„Братъ ты мой, да какъ-же я ихъ потеряу?“ — „Нѣтъ, не потеряу; ты в'мене, за полторы сутокъ ѣхауши, не могъ счистить, а Москоускій за часъ счистиу!“.

Вотъ дакъ молодцы Москоускіе. Вѣкъ никады не повя́жусь къ Московскимъ, и будутъ наусегда пріятели.

Дорогобужскій у., Визюковская волость. Зап. отъ крестьянина Иванашорника.

---

210. Попоу работникъ.

У попа жиу работникъ. Іонъ никогда у'пети́тъ не позаутракау. У'стаѐть утромъ, сѣу, поѣу; потомъ позаутракау, съ собою у'зяу, вынесть приказау, къ обѣду къ дво́ру прибѣгъ, хлѣбъ быу приготоуленъ, іонъ у' зяу у' руки этотъ хлѣбъ; у' мѣсто мягкаго хлѣба, оказывается два сухаря; хотѣу ихъ размочить — онѣ у' ведёрку не полѣзли, очень ма́леньки были; іонъ у' сетаки подладиуся, размочивъ, позаутракау, у' зяу трубку у' зубы порожную, кисетъ

лежау на по́лкѣ. Пока къ кисету подыйшоу, про трубку забыу, что іона во рту, трубку потеряу, искау у' продолженіе не меньше часу. Хорошо позаутракамши, что-жъ, проискау трубку очень долго и думаетъ себѣ: „неужели это шутъ у'зяу?“ Моментально съ маленькаго заутрика, дѣло доходитъ не до трубки, надо бѣжать на дворъ до вѣтру. Побѣжау, сѣу до себя (чего іонъ бѣжау—извѣстно). Тропъ-лопъ! съ такого заутрика тутъ, конечно, добра́ не выйде́ть. Іонъ думау, что у попа понафи́днику не фа́титъ! фа́титъ! Двѣ шматины по хомути́нѣ, и дребезги́ рѣшета два! Думаетъ себѣ: „навѣрно́е, брюхомъ упопа́ у'сего не загребе́шь, и отъ менѣ останется!“.

И прауда! У людей какъ было́, такъ и будетъ: не даромъ мужика называютъ хамъ, сѣрый! И такъ сѣръ, думается, сѣрѣе во́ука на два́ вершка! Съ тыхъ поръ работникъ шаба́шъ чужого добра по много ѣсь. Сколько чужого не хватать—и свойво никогда не будешь имѣть у'дово́ль.

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Иванашорника.

---

211. Солдатъ и смерть.

Одинъ солдатъ служиу у'военной службы двадцать пять лѣтъ. Отслужиуся, пришоу домоу на ро́дины, такъ что у йго у'домѣ семья у'ся помёрши была. Куды-жъ ему нужно было́ опредѣлиться? Но Господь милосердный сожалѣуся надъ солдатомъ, что іонъ очень быу хорошій человѣкъ, у'зяу его къ себѣ, предста́виу его у' рай часовымъ съ такемъ условіемъ, чтобы не пропущать никого. Іонъ стоитъ на воротáхъ у'раю. Морозъ сильно быу жестокій во время зимы. У йго ноги сильно стыли, стоямши на часахъ. Иде́ть одинъ старичекъ съ ра́ю. Іонъ у йго и спрашиваетъ: „кто вы такіе?“ — „Я, говоритъ, Миколай Чудотворецъ!“ — „Дѣдушка, нельзя ли взойти мнѣ у' середину помѣщенія немножко обогрѣться?“ — „Можно, можно, голубчикъ!“ У'зашелъ іонъ у'середину рая. Подходитъ къ одному какому-то старичку, который сидѣу у' бухве́тѣ райскомъ, и говоритъ: „нѣтъ-ли, не разживусь-ли я у васъ чашечкой винца?“ — „Что ты! и́здѣсь рай! Нельзя“. Подходитъ къ другому:

„нѣтъ-ли табачку́ на папиросочку?“ — Тотъ отвѣчаетъ: „ишь, солдатъ какой смѣлый! Привыкъ на службѣ колядовать, и у' рай пришоу, думаешъ, что такъ, какъ на службѣ. Вы́гнуть его съ отсюдова!“—„Что-жъ за важность! вы́гнуть, дакъ вы́гнутъ! Я и самъ пойду... по нашему смыслу это не рай, что ни табаку, ни водки, что человѣку ни пить, ни ѣсь—самъ себе заморо́зишь!“—„Ну, пошоу, братъ, пошоу на своё дѣло, становись опять на ворота́“.

Разговариваютъ мижду собою святые старички: „бядо̀вый солдатъ! Смѣну даѐть! Какъ разъ у'пуститъ, кого не надо!“ Постояу солдатъ нѣсколько время; летитъ Смерть; хотѣла мимо его прямо у'скальзну́ть у'рай.—„Ты куды, баба Резанская?“ крикнув'ъ солдатъ. — „Что такое, служивый?“ — „Нельзя, Господь приказау никого не пропущать безъ мойво про́су! Тебе Господь приказау летѣть три года старый дубъ глодать сухой!“—Той, конечно́, не хотѣлось такъ. Іона думала себѣ: „покладусь у'ношѣшнемъ году со старикомъ“.

А дѣло то пришлось по указанію солдата. Однѣмъ дубомъ наѣлась за три года, и третья часть остала́сь: уже зубы в'ней заболѣли. Думаетъ себѣ: „ладно, теперь не покажусь солдату!“ Хотѣла пролетѣть мимо, солдатъ укараулиу, не могла пролетѣть, чтобъ іонъ не увидау. „Стой, нельзя мимо!“ крикнув'ъ солдатъ. Смерть принуждена 'становиться. „Вѣлено три года сырой дубъ глодать!“ Оттрудилась іона три года еще. Дѣло, видитъ, не полоса! Давай придумывать, какъ отъ солдата в'хитриться пролетѣть къ Богу лично. „А то вѣдь, пожалуй, думаетъ, какъ бы еще годика на три не запрятау солдатъ у'капка́ны у'такіе!“ И что-же іона надумала! Скинулась мухой, пролетѣла къ Богу такъ, что солдатъ не увидау. „Трехлѣтній срокъ пройшоу, думаетъ солдатъ, а Смерти нѣту“. Думаетъ себѣ: „навѣрно, іона подколѣла! Довольно-жъ ей людей морить!“

Прилетаетъ Смерть къ Богу, худая, сухомо́слая сдѣлалась такая! Господь разсѐрдиуся на солдата за то, что іонъ три года положиу на нее такую тягость безъ позволенія. Говоритъ солдату Господь: „вотъ тебѣ за это, за твои посту́пки: іона глодала три года дубъ понапрасну, а ты, голубчикъ мой, относи ее за плечами три года“. — „Ну, это что, Господи! Я ранцы-то носиу не такіе у'военной слу̀жбы! А эту-то мнѣ сухомо́слую бабу ничего не значитъ поносить!“

А между тѣмъ іона ему сѣла за́ плечи, какъ быдто на старую лошадь верхомъ. Попрощаўся солдатъ съ Богомъ и пошоу себѣ у'путь, куды́ было́ ему нужно. Шоу, шоу дорогой, у'другъ найшоу рогъ табаку нюхательнаго. Подняу этотъ рогъ и говоритъ себѣ: „ну, Смерть, я в'стомиуся; надо посидѣть да табачку понюхать! Слава Богу, хоть табаку нашоу!“ Вытаскиваетъ рогъ съ кармана и говоритъ: „надо зарядить“. А Смерть говоритъ: „а что й то значитъ— зарядить?“

— „Да такъ, мы по-солдатски постоянно заряжаемъ двустволку съ табаку; а то здѣсь мѣсто в'опасное“. Смерть говоритъ:—„что, ты зарядиу?“—Да, зарядиу!“—„Къ чему-жъ ты это заряжаешь?“ — „Къ тому, что вотъ стрѣнутъ насъ на кустахъ разбойники, я отобьюсь, а тебе в'убьютъ!“—„Братъ, дай мнѣ зарядить!“ — „Эка ты какая лоукая! Ты когда посо́жена, то й сиди за плечами, а то — найди заряду и дай тебѣ! Вотъ я тебе принесу на расправу!“ Та пристала съ не короткими. — „Ну, что съ тобой дѣлать? То'ко мы военные своéми руками не любимъ чужія ружья заряжать! А можешь сама!“ — „Я не умѣю!“ — „Какъ же ты не умѣешь? то умѣла пролетѣть къ Богу мухой, то ружья не можешь зарядить. Скинься мухой и лѣзь въ этотъ пороховой ящикъ, и бери снарядоу сколько хошь!“—„Отворяй, братъ, ящикъ!“— Солдатъ отложиу пробку у'рогу́, іона этой же минутой мухой скальзы́ль! у'рогъ! Шшолкъ! Іонъ пробочку заложиу, и рожокъ у'карманъ положиу. Пошоу... Та́я ужъ тамъ бры́кала, бры́кала... Солдатъ говоритъ: „бери больше снаряду, еще рано выпускать!“ Устоми́лась такъ, какъ муха на зимоуку, шабашъ кричѣть!

Относиу три года солдатъ, приходитъ къ Богу.

— „Ну что, братъ, пришоу?“—„Да, пришоу!“—„А Смерть игдѣ? Навѣрно, ты ее убиу?“—„Никакъ нѣтъ!“—„А йдѣ-жъ іона?“—„Да вотъ, Господи, у'карманѣ!“—„Зачимъ?“—„А у'сей у мене находки было́ за три года, только нашоу рогъ табаку; и то эта обжо́рина хотѣла в'мене́ отнять табакъ! Я ей дау разъ понюхать, іона этимъ недовольна остала́сь, а у'доба́вокъ у'зяла у'рогъ забрала́сь и одна у'се пожрала, мнѣ не даéть!“— Приказау ей солдатъ вылѣзть вонъ: — „что-жъ тебѣ мало людей, что ты табаку такъ черезъ силу захотѣла! Вылазивай!“

Смерть вылазиваетъ, худая, сухая, ни на что́ не похожа. Однѣ кости! Богъ ужаснув'ся даже: „вотъ дакъ такъ! Попалась у'своé руки! Это не такъ, какъ со стариками тебѣ обращаться!“ У'сетаки Господь опять разгнѣвауся на солдата за то, что іонъ Смерть такъ вы́мориу. И говоритъ на Смерть: „умори́ йво!“

Та приноситъ гробъ: „ложись, солдатъ, у'гробъ!“ Солдатъ отвѣчаетъ: „я не 'шалѣу у'гробъ ложиться! Мнѣ сто годоу не скоро! Я не видау-то, какъ и ложатся!“ Іона издàлека в'учитъ: „вотъ такъ, вотъ такъ!“ — „Ничего я не понимаю на разсказѣ! сказау солдатъ, а ты ляжь сама, я буду видѣть! Такимъ манеромъ тогда и я ляжу!“ Іона — бацъ! у'гробъ, руки сощепи́ла... Іонъ моментально хвать крышку гроба, накрыу и держи́тъ крѣпко. Потомъ взяу гвозди и молотокъ, прибиу крышку крѣпко-на́-крѣпко, у'зяу на плечо гробъ, понесъ на в'озеро, пустиу на воду́. Идéть мимо Господневу дому. Господь увидау и думаетъ: „приказывау уморить, — іонъ ходитъ живой! У'зойди-ка сюды, солдатъ!“

Богъ спрашиваетъ его: „а Смерть ийдѣ?“—Іонъ указываетъ: „во-онъ іона, Господи! на в'озерѣ плаваетъ!“ — Зачѣмъ?“—„Іона легла сама у'гробъ, стала в'учить менѐ, какъ ложиться. Ну, мнѣ еще не захотѣлось у'моихъ го́дахъ ложиться у'гробъ! Я моментально ухватиу крышку, накрыу, гвоздями прибиу и спросиу у её: „а что, хорошо тебѣ здѣсь?“ Іона мнѣ говоритъ: „да ну, не балуйсь, открой!“ — „Какое тутъ балоуство? со мной бы ты тоже не баловалась-бы, когда-бы я легъ у'гробъ!“ Вотъ я ее и снесъ на рѣку́“. — „Пошоу, достань ее!“ сказау Господь. Принесъ солдатъ. Тогда Господь поблагодариу его за него лоукость.—„Теперь я увольняю тебе, пошоу, пріобрѣтай себѣ домъ и живи съ Богомъ!“

Іонъ пошоу. „Слава тé, Господи! 'владиу-то я служа́щимъ быть у Бога, и Смерть в'лаживау обманя́ть. А здѣсь-то я в'лажу, какъ на свѣтѣ жить! На мой вѣкъ дуракоу не мало еще: полный тристѣнъ не почина́тъ!“

Стау жить, стау хлѣбъ сѣять и стау большимъ богачемъ. Бога іонъ наусегда благодариу.

Какъ-то разъ по в'ошибкѣ пришлось ему на Ильни́нъ день работа́ть. А по Мико́ламъ никогда не работау. То Ми-

колай Чудотворецъ и говоритъ Ильи Пророку: „а вотъ мнѣ, братъ, почёту больше, чимъ тебѣ, несмотря что ты грозный!“ — „Какъ такъ?“ — „А не бойсь же самъ видау, какъ солдатъ на твой день праздника сѣно убирау!“ — „Ладно, я йво в'убью!“ — „Нѣтъ, его не бей, онъ в'очень любопытный человѣкъ, пущай поживѐть на свѣтѣ!“ — „А, ну вотъ такъ хорошо: у его есь десятина иржи, али двѣ — побью!“

Является къ солдату Миколай Чудотворецъ —„Солдатъ, бѣжи́ скорѣй, продавай рожь барину!“ Баринъ быу сильно богатый человѣкъ. Съ двухъ слоу купиу эту рожь. На у'торы́е сутки моментально зашла туча, побила эту у'сю́ рожь. И думаетъ Илья Пророкъ: „вотъ теперь съѣшь хлѣбушка!“ Да это время какъ разъ Миколай Чудотворецъ. Вотъ іонъ и говоритъ Ильи: „хорошо ты сдѣлау, да не в'очень!“ — „Какъ не в'очень?“ — „А вотъ нагда́сь солдатъ прода́у рожь барину!“ — „Хорошо, барину я пожалѣю, говоритъ Илья Пророкъ, баринъ в'очень хорошій, іонъ много людей кормитъ и за́работки даѐть людя́мъ. У'четверо сутокъ подыму́ рожь“. Пошли хорошія зо̀ри и прекрасная роса съ теплымъ воздухомъ. Рожь моментально поднела́сь. Яуляется Миколай Чудотворецъ къ солдату: „пошоу, братъ, къ барину, а то іонъ на тебе́ обижается: чисто какъ на грѣхъ ты прода́у рожь. Іонъ тебѣ сброситъ третью копейку, и купи у его сейчасъ-же, чтобъ іонъ не горева̀у“.

Солдатъ пришоу къ барину; баринъ быу очень радъ. Моментально купи́у, пришоу домо́у. Миколай Чудотворецъ ожидаетъ йво. — „Что, купи́у?“ — „Купиу!“ — „Та́къ, какъ я говори́у?“ — „Да, такъ, вѣрно!“

Миколай Чудотворецъ пошоу. Приходитъ къ Ильи Пророку:—„ты, братъ, что знаешь?“ — „Ну, что?“ — „Вѣдь солдатъ рожь купи́у у барина! Пожау и домоу повозиу!“ — Илья говоритъ: „ладно, вы́ходу не будетъ! (не вы́ходна будетъ!) Будетъ съ кажнаго 'ви'на выходить по четыре мѣрки“.

Миколай Чудотворецъ приходитъ къ солдату: „послушайка, солдатъ, иржи у тебе много, какъ тебѣ извѣстно. Разживайся дро́у больше, не жалѣй, смотри, дро́у; сади на 'винъ четыре сно́па, въ ка́жный уго́лъ по сно́пу“. Тотъ посади́у четыре сно́па и думаетъ: „ну, ладно; хошь и дровъ

жалко, посмотрю, что́ будетъ!“ Ста́у молотить, намолоти́у четыре мѣрки. „Ну, думаетъ, надо анбаръ строить другой, а то хлѣба будетъ дѣвать не́куда!“ Насыпау два анбара битко́мъ хлѣба. Миколай Чудотворецъ пришоу къ Ильи. „Посмотри-ка, говоритъ, солдатъ! Въ одинъ анбаръ не могъ умѣстить хлѣба, а другой высто́иу, и тотъ полный! Съ четырехъ снопо́у намолачиваy по осьми́нѣ!“ Илья Пророкъ сильно разгнѣвауся. „У'будущее воскресенье какъ у'церковь будетъ идти — грозой в'убью!“ Яуляется опять Миколай Чудотворецъ къ солдату. „Вотъ что, братъ солдатъ! Пошоу-ка сегодня, возьми двѣ свѣчки, и смотри, бери одну за пять копѣекъ свѣчку, а другую за двѣ копѣечки“. Іонъ пошоу, такъ и сдѣлау. Приноситъ домоу. Миколай Чудотворецъ еще тутъ. „Ты, братъ, вотъ что сдѣлай: вотъ эту большую свѣчку заверни у'хорошее полотенце, когда пойде́шь у'храмъ въ воскресенье, и неси ее у'рукахъ, а маленькую свѣчку пото́рни за́ поясъ. Будетъ съ тобой стрѣваться старичекъ, и будетъ у тебе́ спрашивать: „кому ты эту большую свѣчку несе́шь?“ А ты ему скажи: „это—батюшкѣ Ильи—милосливому!“—„А эта, скажетъ, маленькая ко́му?“ А ты ему скажи: „а это—Миколаю“.

Тотъ йде́ть у'храмъ въ воскресенье. 'Куратъ такъ и есь: у'стрѣчается ему старичекъ: „здраствуй, дѣдушка!“—„Здраствуй, братъ! А что-же, у'храмъ йде́шь?“ — „Да, иду, батюшка у'храмъ и думаю по обѣщанью отслужить молебенъ“.— „Кому?“ — „А батюшкѣ Ильи—Милосливому. Вотъ и свѣчечку ему по обѣщанію побольше думаю поставить: іонъ нашъ скорый помошникъ!“ — „А эту маленькую кому несе́шь?“—„А эту кстати Миколаю поставлю“.

Такъ Илья простиу у'сѣ его грѣхи, и по сейчасъ жив'е́ть-отъ (такъ!) хорошо солдатъ, у'сего достаточно. Кажный годъ ильна́ продаетъ рублей на пятьсотъ и шорникамъ доходу дае́ть у'годъ не менѣе двадцать пять, тридцать рублей.

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

212. Водка и горохъ.

При бѣдности одинъ мужикъ жи́у. Послѣ отца іонъ капитау прожи́у у'скоромъ времени черезъ водку, и получи́у такую скуку, что съ рукъ вонъ! Капитау прожи́у, а горохъ оста́уся. Къ ему, когда іонъ быу богатъ, то приходили: безъ угощенія ни одного человѣка не выпущалъ съ дому, а когда стау бѣденъ, тогда и друзья его прочь. То іонъ поня́у старинную при́казку: „когда есь одинъ ру́пъ, то одинъ умъ!“ Прауда старики говорили. У одного человѣка іонъ поня́у эти слова, какъ можно гостя сажать за сто̀у для угощенія и вразъ отказать ему. Приходитъ одинъ сусѣдъ къ ему. Іонъ за̀утракау. — „Здраствуйте вамъ! Хлѣбъ-соль вашей милости!“ Ну, что-жъ? „пожалуйте къ намъ за̀утракать“, нужно было́ сказать такъ, когда іонъ быу богатъ; когда іонъ ста̀у бѣденъ, то не сказа̀у: „милости прошу къ намъ за́утра̀кать“, а говоритъ: „милости прошу съ своѐмъ пятакомъ къ нашему грошу́, хлебать куляшу́“ (горохъ мо́лоный). Гость его отвѣчаетъ: „братъ, у мене отъ свойво́ куляшу́ во снѣхъ стало грѐзиться. Спасибо, кушайте на здоровье!“ Гость къ случаю ему и говоритъ: „я, братъ, нынче видау, какъ самый этотъ горохъ спориу съ водкой: иду съ села по дорогѣ, и стоитъ водка ко́ло гороха. Горохъ быу посѣянъ на нивѣ, водка стои́тъ ко́ло гороха. Я разслышау, что онѣ говорятъ между собою: — „здраствуй, Щипа́никъ!“ говоритъ Водка. — Горохъ отвѣчаетъ: „здраствуй, Грязная Морда!“ Вотъ іона его и спрашиваетъ: „а можешь ли ты мене называть Гразной Мордой?“—А горохъ говоритъ: „а можешь-ли ты мене называть Щипа̀никомъ? В'насъ только по городамъ Щипа́никомъ называютъ ирва̀нь, которые живутъ по городамъ пять-шесть лѣтъ, а отцу ничего нѣтъ, а я не Щипа̀никъ, а горохъ, сѣюсь ко́ло дорогъ, чтобъ кажный хорошій человѣкъ во врѐмя сорвау горсточку, двѣ и съ апекитомъ скушау“. — „А почему же я Грязная Морда?“ — „А потому ты Грязная Морда, я тебѣ скажу́: который человѣкъ нѣсколько годо̀у не потребляетъ тебе, буваютъ такіе случа̀и, что по необходимости, можетъ быть, когда по нездоровью, али еще по какому случа̀ю приходится выпить; и можетъ быть на ёмъ

то время буваетъ приличная одёжда. Когда іонъ выпьѐть рюмку, почув'ствуетъ себе что-й-то такое веселѣйше, думаетъ себѣ: „нужно-жъ другую". Смотришь, рюмка по рюмкѣ, выпиу штукъ семь, у'зяу къ стѣночкѣ сѣу! Хорошо-ль, какъ есь, ийдѣ къ стѣнкѣ сѣсь, а то буваетъ такъ: съ дому уходитъ отъ совѣсти, думается: „иду домоу", смотришь середи́ дороги осла́бъ; погода буваетъ у'сякая; мокрая, грязная, принужденъ валиться у'приличной одёждѣ у'грязь, вымазау одёжду, вдобавокъ и морду тоже".

Проспа́уся, думаетъ себѣ: „проклѧтая эта водка, нѐ пиу я ее сколько годо́у, и никогда не надо пить. Нѣтъ того молодца́, чтобы обмани́ть винца́. Вотъ такъ-то по этому и Грязная Морда!" — „Да, водка подумала, вѣдь пра́уда мнѣ горохъ говоритъ: кто менѐ раньше не пивау, тотъ и горя не видау". И думаетъ себѣ человѣкъ: „вотъ дакъ такъ! Стаканчики да рюмочки доведутъ до сумочки. Не пиу я сколько годо́у, конецъ! Пить ня буду! Пожалуй, черезъ нее проклятую нийдѣ не могу получить должности!" Водку бро́сиу пить, стау жить по старому положенію; живѐть сичасъ очень хорошо, купиу хуторокъ себѣ, мы работали у его. Не позволяетъ себѣ у'семействѣ своѐмъ табакуренія и разныхъ водочныхъ напиткоу. Ужъ какъ водку бросиу пить, такъ проздравили его съ чиномъ: старостой ходитъ уже 15 лѣтъ: „такъ и вы, дѣтки, не сознака́мливайтесь съ водкой; водка доведѐть до у'сего, прів'учаетъ ко у'сему, до того досту́каешься, недолго и у'тюрьмѣ побыть". Вотъ и дѣти его говорятъ: „ну, милый папка, никогда и мы не будемъ водку пить!"

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

213. Про Яуре́я, какъ іонъ ночевау у мужика.

Ишоу Яурей у'городъ, гля самовароу купить разной тамъ принадлежности; такія принадлежности, что іонъ лудильщикъ быу, самовары лу́дитъ. Зашоу въ одно селеніе, заходитъ въ одинъ домъ къ крестьянину посидѣть тамъ, потомъ закусить чего. Мужикъ: „далѐко-ль путь держи́шь?"—„И ты, чуешь, господинъ хозяинъ, я хочу у'городъ

сходить, провьянту купить, набрать кой-чего для своёй работы".—„А чимъ же ты занимаешься?"—„Я ла́нпы паю́, гребески́ нарѣзаю, и самовары лужу, бритвы, ножницы точу".—„Ахъ, братъ, вотъ когда-бъ быу матерьялъ у тебе́, в'мене есь самоваръ вы́лудить!"—„Но чуешь, господинъ хозяинъ, далёко-ли здѣсь до города?"—„Да такъ еще будетъ верстъ тридцать пять. Въ особенности я-то сегодня думаю у'городъ сходить". Другой говоритъ: „а, братъ, пойдемъ пожалуйста, веселѣй будетъ итти у'мѣстя́" — „Ну, что жъ пойдемъ! Только обожди, немножко пообѣдаю! Садись братъ, старый законъ! (названіе жи́да), со мной у'мѣстя́ обѣдать". — „Это спасибо, господинъ хозяинъ, только что-жъ у васъ изготовлено, такъ что можетъ быть ѣсь мнѣ нечего?"—„Да что-жъ у насъ? Щи съ свининой, потомъ похлёбка съ саломъ, картошки есь жареныя, тоже пома́слены саломъ".—„Такъ я этого ѣсь не могу! Вотъ кабы было́ молочка́, я кружечку съѣу бы!" — „Нѣтъ, братъ, этаго в'насъ нѣту!" Мужикъ собрауся съ яуреемъ, пошли. Такъ что, куды онѣ ни заходили, яурею не пришлось нійдѣ пообѣдать. Приходютъ тоже у'дереуню вблизи городу. Мужикъ говоритъ яурею: „а вѣдь до города не дойдемъ, такъ что больше деревень таперь до города нѣту. Нужно намъ съ тобой, братъ, ночевать!"—„Чуешь, братъ, какъ привыкъ я къ тебѣ, ознакомились за дорогу, такъ пойдемъ ужо́ съ тобой у'мѣстя́ ночевать."—„Ну, пойдемъ".

Заходитъ мужикъ у'домъ, вразъ его пустиу хозяинъ ночевать. Кличетъ мужикъ свово́ товарища: „ступай, братъ Ха́йбусъ!" На этотъ случай у то́го мужика тотъ день были́ по́минки: у'хатѣ столоу много было́ настаулено. Мужикъ говоритъ хозяину: „что й то у васъ столоу много настаулено?"—„А это, братъ, у мене была по отцу годоуща́на, по́минки". Думаетъ мужикъ: „дѣло ничего! Пов'ужинать есь что!" Семья в'этого хозяина была в'очень большая. Спрашиваетъ хозяинъ: „небось вы, братъ, съ яуреемъ ужинать хо́чете?" Мужику-то было́ еще какъ ли ништо́, а яурей думаетъ: „ужъ теперь хошь и свинина попаде́тся—не спущу!" Очень радъ быу яурей, что ихъ приглашаютъ ужинать.

„А чуешь, братъ товарищъ! говоритъ яурей свойму товарищу, не забауля́й разными разговорами хозяина, а хлопочи́, какъ бы в'ужинъ поскорѣй, я ѣсь хо́чу!" Мужикъ

говоритъ: „а что, братъ хозяинъ, прауда, подв'ужинать мы хо́чемъ".—„Братъ, пожалуйста, садитесь!" Два товарища говорятъ хозяину: „что жъ вы съ нами не садитесь?"—„Братъ, мы полный день сегодня обѣдаемъ и в'ужинаемъ, в'ужинайте, в'ужинайте, на насъ не смотри́те!"

Подавали в'ужинъ все на яурейскую руку; ни въ одномъ кушаньѣ не оказалось сала, а у'се свѣжая баранина! Яурей думаетъ: „ну, слава Богу!"

Мужикъ управиуся скорѣе налупи́ться, выла́зиваетъ съ-за сто́ла, потому мужикъ быу посытѣе, яурей кушаетъ, значитъ, сидитъ опосля́. Мужикъ благодаритъ хозяина: „благодарю, дядя, за вечѐрю и за баранину". Яурей слушаетъ, какъ мужикъ говоритъ; отъ совѣсти хотя немножко и не доѣу, но за сто́ломъ одному не приходится сидѣть, разсосу́ливать; выскочиу вгорача́хъ съ-за сто́ла и не выговорилъ такъ, какъ мужикъ: „благодарю, дядюшка, завертѣли и забура́вило!" — „А лучше-жъ тебе заверти́ за моѐ до́брое!" отвѣчаетъ хозяинъ. Дѣтишки спали по у'сѣмъ угламъ, кто йдѣ! Ужъ съ по́минокъ, конечно, онѣ были́ него́лодны.

В'этого хозяина была еще бабушка. Яурей спрашиваетъ: „а кто здѣсь у васъ на ла́укѣ спитъ?"—„Да тутъ в'насъ никто не спитъ. Можешь ложиться". Лягли спать, яурей на одной ла́укѣ, товарищъ на другой. Старухѣ бы нѐйдѣ ложиться; іона у'зяла у'ногахъ яурея поставила скамью (ноги къ ногамъ). На яурея напала какая-то безсонница. Смотритъ, спичку вытеръ—клопы сильно. „Ну, думаетъ, какъ-ли нибудь ночь проведу!" Всѣ позаснули, у'кажнымъ в'углу только было̀ слышно: „ту-у-у! на жи́-и-да!" Ему такъ это подало̀сь, что на его кричатъ. А это не голоса̀, а ребятишки храпятъ.

— „Господи! что жъ это такое? В'ходить одному—боюсь! Нѣтъ, ужъ какъ ли будь—буду молчать!".

И слышитъ голосъ отъ той же старухи, которая спа́ла на одной ла́укѣ у'ногахъ. Тая только и говоритъ: „потиш-ш-ш-а-а!" ему послышалось. И думаетъ, что если-бы не эта старуха, пришлось бы в'ходить! Проводиу ночь, подходитъ къ старухѣ: „вотъ тебѣ, бабушка, десять копѣекъ на чай".—„Да за что-жъ ты мнѣ даѐшь? Мы, голубчикъ, ни съ ко́го не беремъ за ночлегъ!" — „А тебѣ стоитъ дать за то, что

ты своѐхъ у'ну́коу смиряла. А то іоны мене́ чисто зату́кали. Быдто-бы, какъ я имъ насмѣхъ доста́уся!".

Тѣ посмѣялись въ апекитъ! У'чемъ дѣло, іонъ имъ разсказау. Дѣло ока́зается, что яурей мужицкаго духу боится. На томъ дѣло кончилось. Пришли у'городъ, кому что нужно было̀, набрали и у'розь пошли!

У'стрѣчались мы съ этимъ яуреемъ. Іонъ разсказывау намъ про такую страшную ночь. Мы у'тотъ домъ никогда не заходимъ, знаемъ тотъ дворъ, такъ что боимся, не пришлось-бы ув'айти, какъ яурею.

Дорогобужскій у., Бизюковская волость. Зап. отъ крестьянина Ивана-шорника.

---

214. Грязна̀ука.

Бала́ (такъ!) барашня у купца. Іона не ймѣла никакого горя сабѣ. Потомъ говоритъ: „что й то есь за горе на свѣтѣ? Пойду 'спытать, что есь горе на свѣтѣ".

Іона забра́ла сабѣ одёжды, и денегъ много, и у'сей продухты, сколько ей требовалось для себя. Приходитъ на большую дорогу. Стоитъ столбъ, на столбу надпись: „въ одну сторону пойду—богатство найду, во у'тору́ю пойду — сытъ буду, а по третей пойду — горе себѣ найду!" Вотъ іона и пошла по третей дороги. Ишла іона лѣсомъ, болота́ми, обтрепала она всеё одёжду на сабѣ и харчи у'си пріѣла, продовольствіе свое́, нѣтъ у ей ничо́го. Деньги есь, купить не́йдѣ ничо́го, но всетаки Господь ее вынесъ; приходитъ на одну палестину, значитъ, стоитъ домъ. Стукнула іона у'двери, дверь не отворяется. Сидѣла она почки́ до самаго заката со́нца, потомъ зышла іона къ заднему крыльцу, смотри́тъ—отворилась дверь. Іона у'ходитъ въ этотъ домъ, стоитъ комодъ; посмотри́тъ у'этотъ комодъ, а женско одѣяніе есть и мужеско; ну, тамъ у'сякое продовольствіе было́ для нее приготовлено, закусить, значитъ, и у'сё такое. При освѣщеніи разсмотрѣла—лежитъ книга—пасалтырь. Іона и говоритъ: „дай пройдить у' залъ (это съ при́ходу еще). У'ходитъ у' залъ, стоитъ гропъ съ жалѣзнами обручами, у гробу человѣкъ, а на гробу надпись: „если только кто бу-

детъ пасалтырь по мнѣ три года читать, если мущинскаго пола да равенъ годами, то мнѣ братъ будетъ, коли старше—то отецъ будетъ. А если съ женска по́ла будетъ пасалтырь читать, то если ра́уна годами, то будетъ супруга мнѣ, а если старше—то сестра". Потомъ на за́втраво іона помолилась Богу и у'зяла́ читать іона пасалтырь-книгу. Читала іона годъ, ни одна птица тамъ даже не пролетала. Читала другой годъ... Ведутъ двѣ женщины дѣуку - грязна́уку продавать у'городъ. Іона и спрашиваетъ: „куды вы йдѐте?" — „Идемъ мы, гово́рятъ, у'городъ". — „Зачи́мъ за хорошимъ?" — „Да вотъ веде́мъ дѣуку-грязна̀уку продавать". — „Вы, говоритъ, продайтя мнѣ, для скуки, я какъ здѣся одна!"—„Пожалуй, говорятъ, купите!"--„Много-ль-жа вамъ за ее?" — „Да, конешно, сколько дадитя!" — „Можетъ быть, я жъ-ба дала вамъ рупъ!" — „Вы-жа давайтя намъ, ба̀раня, тридцать рублей!" говорятъ. Вынимаетъ іона деньги, отдае́ть, готовитъ для ней баню, умыла ее, одѣла какъ слѣдуетъ.

Потомъ, значитъ, читала эта ба̀раня пасалтырь-книгу уже два съ полови́най года, іона и истомилась и говоритъ: „я ля́жу, поляжу и счихну́, а то я очень, говоритъ, истомилась, а вы, пожа́ласта, дѣука-грязна́ука̀, гуля́йте; только, говоритъ, эту книгу ня трявóжьтя, которая поло̀жена". Іона, конешно, лягла, сама себе споко́итъ, и проспа́ла іона тамъ почки́ полгода; истомилась за два года и съ половиной; іона у'зяла у'вниманіе, чтобъ ею оживить; сколько ей было антересно, прауда-ли это будетъ!

Потомъ эта грязна́ука ходила, ходила, іона ее и буди́тъ, не у'стае́тъ ба̀рашня. У'зяла іона эту книгу, развярну́ла, и листы рвать съ ней [іона была неграмотна]; листы эти рвать и бросать; до послѣдней страницы доходитъ, вы́рвала, обручи́ поло́пали, гробница у'скравается, и тѣло у'стаѐтъ. Тогда и говоритъ: „что, вы́ по мнѣ пасалтырь читали?" — „Да, говоритъ, я!" — „Такъ это вы читали?"—„Я". У'третій разъ спрашиваетъ: „вы читали?"—„Я!" А ба́рашня у'тотъ жа разъ у'стала, да мо́лчитъ. „Ну, если вы, говоритъ, то будьте супругой моей!" говоритъ. „А это имянно кто у васъ?"—„А это прислуга".—„Ну, дакъ если прислуга, спроси́те у ей, чимъ ее ублаготворить нужно?".

Приходитъ грязна́ука, и спрашаваетъ: „что вамъ нужно? Вотъ мой супругъ хочетъ ублаготворить васъ, что какъ това́ришка бы́шая“.

— „А чимъ мене ублаготворить? говоритъ. Мнѣ ничáво ня нужно; нужно только три куклы, и три тарелки, и три вилки, и три ножа, и три ложки“.

Конешно, іона имъ сготовила кушанье, подаётъ обѣдъ имъ; своихъ ку́калокъ разставила ко́ло перебо́рочки у' куфнѣ, и ножи, и вилочки, и тарелочки разставила. А это былъ государскій сынъ закля́тъ вѣдьмой (тогда были́ колдуны разные у'старину-то!). Іонъ и думау нѣсколько время: „что это ничавò ня нужно? а нужно три куклы, три тарелки, три ножа, три вилки, три ложки! Чѣмъ нибудь на деньги, на капиталъ польстилась-бы“. Все думау, у'сё смышляу іонъ, потомъ съ-за стòла вонъ, подбѣжау къ куфнѣ и смотри́тъ, что іона будетъ дѣлать надъ куклами. Вотъ іона кукламъ разсказываетъ: „вы, ку́калки, кушайтя, мое горя слушайтя! Пошла я горя искать. Выхожу я на большую дорогу, стоитъ столбъ, на тымъ столбу́ надпись (Вы, кукалки, кушайте, мое горя слушайтя): „по одной дорогѣ пойдёшь—богатство найдешь. По другой пойдѐшь—голоду не найдѐшь; по третей пойдѐшь—нужду найдѐшь“. (А вы, кукалки, кушайтя, мое горе слушайтя!). Такъ, дѣйствительно, я пошла лѣсомъ, болота́ми, изорвала я на себѣ у'сё платья; есь у мене деньги, и купить нейдѣ ничего. Такъ и хотя съ голоду заходи́сь! (А вы, кукалки, кушайте, мое горе слушайте!). Прихожу на одноё палестину, стоитъ домъ. (Вы, кукалки, кушайтя, мое горе слушайтя). Посидѣла я съ утра до вечера, думала: вотъ тутъ што со мной будетъ, одному Богу извѣсно! Потомъ у'зошла я тамъ, двери растворились. (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Вхожу у'домъ, стоитъ комодъ, висятъ платья женскія и мущинскія. Конешно, закусила я тамъ, отдыхнула (Вы, куколки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Потомъ, дай пройдить у' залъ. Прихожу у' залъ, стоитъ гробъ съ жалѣзнами обручами. (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). На гробу стои́тъ надпись. Посмотрѣла эту надпись, кто по этому тѣлу будетъ три года пасалтырь читать (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Я читала по ёмъ годъ пасалтырь. Потомъ ведутъ дѣуку—

грязна́уку двѣ женщаны продавать (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Заводютъ ко мнѣ. Я у ихъ спросила: „куда васъ Богъ несе́тъ?“—„Бараня, дѣуку-грязнауку продавать!“ — „Какъ, пожалуй, продайте мнѣ!“ — „А если ку́пится — купи́тя!“ (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!).—„А сколько-жъ одна́че про́ситя?“—„30 рублей!“—(Вы, кукалки, кушайтя, мое горе слушайтя!). — Я заплатила 30 рублей, приготовила баню, обмыла деревенскую ей гря́сть, одѣла, обула. (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Читала я годъ пасалтырь по этому тѣлу, читала два съ половиной, истомилась я горько, легла я отдыхать и говорю: „ня бери ты эту книгу, не воро́чай ее!“ (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Конечно, много-ли, мало я тамъ проспала. (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Такъ іона у'зяла эту книгу воро́чать и листы ирвать, и на землю́ бросать (Вы, кукалки, кушайтя, мое горе слушайтя!). До послѣдняго страни́ца дошла, вырвала, (Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!). Потомъ вырвала она эту страницу, обручи́ поло́пались, поднимается гробница, и тѣло у'стае́тъ.—„Ахъ, какъ я крѣпко спау!“ говоритъ. – „Да, говоритъ, крѣпко, дѣйствительно, крѣпко!“ — „Какъ-жа это вы, барашня, сядитя на диванѣ и молчитя?“—(Вы, кукалки, кушайтя, мое горя слушайтя!).

Спрашиваетъ это тѣло: „что, вы́ по мнѣ пасалтырь читали?“—„Да, говоритъ, я!“—Вы?“—„Я“. Три раза́ спросиу, она отвѣчаетъ: „я“. (Вы кукалки, кушайтя, мое горе слушайтя!).

Тутъ этотъ государскій сынъ у'ходитъ къ ей на куфню.

— „А что, вы́ по мнѣ пасалтырь читали?“

— „Такъ точно, я!“—Три разъ у ей спросиу.

— „Ну, если вы, ну будьте супруга моя! А вы, говоритъ, грязна́ука, неправильно поступили. Вотъ васъ къ лошадиному хвосту привяжу и на поле пущу, чтобъ вашихъ костей на свѣтѣ не было. Не умѣетя вы у'пра́вилахъ поступать, напроти́у закону“.

Дорогобужскій у., Кокошкинская волость. Зап. отъ крестьянина Устина, 50-ти лѣтъ.

215. Сказка про священническаго сына.

Конечно, кончиу ученье свое священническій сынъ, даже на богослова сдау этотъ самый экзаментъ, ну, сильный пьяница и картежникъ быу. Какъ только что попадётъ, взовьётъ, пропьётъ, у'карты прогуляетъ. Іоны ужъ его у'куфню выселили, чтобъ у'домѣ не быу; іонъ и скотъ убирау, и свиньямъ мѣсиу съ куфаркой—что съ имъ дѣлать было? Вдругъ его на призыу. Священникъ и говоритъ: „Господи! хошь-ба у'зяли! Хошь-ба ослобониу мою жисть! Малъ-маленько оправиуся ба!“ Ну, конешно, его и сдали. „Слава Богу, говоритъ батюшка, таперь хошь нямножко наши руки ослобонить!“ Конечно, послужиу іонъ тама много-ль, мало-ль, пишетъ отцу письмо: „папа мой дорогой! посылаю вамъ поклонъ, что жиу, здороу! Производитъ мене начальникъ, получаю я чинишко хотя небольшой. Пришлитя мнѣ денегъ по осмогѣ своей, сколько можатя!“ Посылаетъ ему отецъ десять рублей денегъ.

Прослужиу іонъ тама еще мѣсяцъ. Ну, конечно, вретъ: „производятъ тамъ въ унтеръ-'фицеры младшіе, пришлитя денегъ“. Ну, надо послать двадцать рублей. Еще тамъ нѣсколько послужиу: „фитьфебелемъ становятъ, пришлите полсотни; деньги надо, поздравляютъ съ чиномъ!“ Конечно, пойдётъ тамъ у'клубъ съ господами, пройграетъ, пропьётъ деньги и опять ходитъ такимъ, какъ рядовымъ. „Дорогой папаша! Пришлите денегъ, подпоручика получаю“...

„Дорогой папаша! Посылаю вамъ письмо, благодарю васъ, пришлите — прапорщика получаю—не менѣе сотни!“. Убивается бѣдный свещельникъ, посылаетъ ему, сыну своему. „Папа дорогой! Получаю подполкоуника“.—„Слава тебѣ, Господи! Нашаму сынку все чины йдутъ! Теперь мы, слава Богу, образуемся!“ говоритъ свещельникъ матушкѣ. Выслали сотню.

„Благодарю за ваше письмо, получиу ваши деньги. Нельзя, конешно, начальство не угощемши, безъ этого нельзя какъ у'дереунѣ, такъ на службѣ тѣмъ болѣе. Какъ младшіе чины старшимъ, надо поклоняться и угостить!“.

— „Дорогой папа! Отдали у'приказѣ — на полкóуника сдáу экзаментъ (какъ бы́у рядовой, такъ и есь!). Благодарю за вашу присылку (двѣстя рублей ужъ прислали ему). Ну, такъ я думаю, у'скоромъ рáзъ енерала получить. И прошу васъ, папа дорогой, пришлитя мнѣ ня менѣе пятьсотъ рублей". Присылаютъ. Іонъ и эти деньги проиграу у'клубѣ съ господами и пропи́у.

„Получи́у я енерала. Скоро ожидайте менé у'гости, у'побы́уку".

Свещельникъ радъ этому дѣлу. „Слава Богу, получи́у! Теперь досту́кауся до начальства!" Насколько это тамъ правильно будетъ, а стянув'ъ у себе до нитки, и съ дому стянув'ъ, а самъ стоитъ на днявальствѣ у'ротѣ.—„Дай поиспытать, сколько я получив'ъ съ папы денегъ съ нижняго чина... не меньше тысячи!" Ста́у считать эти деньги. Пишу на дверяхъ, — идéтъ ротный командеръ. Крикнув'ъ я: „смирно по ротѣ! Здравія желаемъ, Ваше Высокородіе!"— „Здрастуй, Волочкóу!".

— „У'се по ротѣ, Ваше Высокородіе, слава Богу, тихо, смирно!" — „А это что такое написано? Ахъ, это вы нижнямъ чиномъ были, сколько вы съ вашего папы денегъ получили, это вашъ учетъ... да... да... да... Ахъ, братецъ, вѣдь это вы получили енерала уже?" Взяу я подъ казырекъ. „Никакъ нѣтъ-съ!.. Не высылау папа денегъ, дыкъ я его съ обма́ну проси́у".

— „Унтеръ-офицеръ 1-го у'звода! пожалуйте сюды!".

— „Что вамъ угодно, Ваше Высокородіе?".

— „Сейчасъ... Смянитя енерала съ дяжурства, енерала у'дяжурствѣ ня бываетъ днявальнымъ".

— „Сею минуту!".

Поставили второго днявальнаго. Объ енералѣ объ Волочковомъ отда́ли у'приказѣ: „къ чорту отослать яго́ домой, что іонъ будетъ морочить отца. Это вить и намъ будетъ няхорошо черезъ это самое". Отправиуся енераломъ домой Волочкóу къ отцу на побы́уку. Идéтъ, заходитъ на постоялый дворъ ночявать къ яурею.

— „Ну, яурей, давай ночлегъ!".—„Ну, вже иди къ куфаркѣ у'куфню, тамъ вже ноцуй!"—„Ну, а ужинъ будетъ, куфарка, солдату?" — „Я ня знаю, пойду спрошу у хо-

зяина".—„Такъ идитя, а то я морду у'сѣмъ вамъ наколочу, и табѣ и жидамъ твоѣмъ!".

— „Хозяинъ, солдатъ послау, будетъ-ли ужинъ? А то съ в'угрозами: переколочу у'сѣхъ!".

— „А вже и покормите яво та́ма!".

Покормили, легъ солдатъ спокойно, ляжитъ. „Какъ папашѣ показаться съ этакими продѣуками?" думаетъ. У'другъ пріѣзжаетъ одинъ енералъ на этотъ-жа постоялый дворъ. Снимаетъ сабѣ номеръ.

— „Что, хозяинъ, нѣтъ-ли у васъ охотника у'карты погуля́ть" — „Нѣтъ, у насъ не указавается. Есь у насъ солдатъ, ня знаю, можетъ-ли гулять!".

— „Пойдитя, спроситя у яво; пойдетъ-ли іонъ?".

— „Да чаво у'карты ня гулять, если-ба капитау быу! Спрашаваетъ еще!".

— „Ваша Превосходительство, мо́жатя играть, только капиталу у яво́ нѣтъ".

— „Пазвать яво́ сюды!" Бере́тъ руку подъ козырекъ.

— „Здравія жалаю, Ваша Превосходительство!" восходя́ къ енералу.

„Здраствуй, братецъ! Руки вольно по швамъ! Вы можатя у'карты гулять?"—„Могу, Ваша Превосходительство, только капиталу нѣтъ". — „Садитесь со мной. Вотъ вамъ четвертной билетъ. Выиграете—счастье ваше! Проиграете—ничаво спрашавать ня буду. Ну что, солдатъ, водку пьётя?" — „Да выпиу-ба, Ваша Превосходительство, для смѣлости кружало, чтобъ сердце ня дрожало".—„Ну, давай играть!".

Стали играть. Солдатъ обыграу яво́, у'сѣ деньги выигралъ, одёжду выиграу, енеральскую тройку лошадей и кучера. Енералъ и скры́уся, отдау и деньги у'сѣ до копѣйки и одёжду, и лошадей съ кучеромъ. Одѣваетъ солдатъ одёжды, и ѣдетъ съ кучеромъ на тройкѣ лошадяхъ. Занимаетъ ночь ночевать енералу этому, солдату. Спрашаваетъ у'дере́унѣ: „есь-ли у васъ йдѣ-нибудь постоялый дворъ?".—„Нѣтъ, нѣту, говорятъ, а есь тутъ на по́лѣ енералъ отстауной". Пріѣзжаютъ къ енералу у'домъ. Входютъ. — „Здраствуйтя, Ваша Превосходительство!" — „Здраствуйтя!" — „Жала́лъ-бы я, Ваша Превосходительство, переночевать!" — „Можно, отчаво ня такъ-ба!". Ну, потомъ, значитъ, спрашаваетъ этотъ енерау отстауной яво́: „какъ вы мла́ды могли енерала получить?".

„Такъ, Ваша Превосходительство, ваканціи, наука, вотъ, слава Богу, получиу у'нóнѣшнемъ году. Думаю у'нонѣшнемъ году пріѣхать къ папѣ ожаниться".—„Такъ что, вотъ что, господинъ енералъ, я вамъ предлагаю: ня нравится-ли вамъ моя дочка, я предлагаю, если вы жалаете жаниться".

— „Да, я, дѣйствительно, жалаю, осмотрѣть можно".

Позвау дочку сюды на свиданіе молодого енерала. Стали ужъ, дѣйствительно, о сватоуствѣ говорить.

— „Ну, какъ, дочка, вамъ наравится молодой человѣкъ енераломъ?"

— „Воля ваша, папаша, какъ хотитя".

— „Да однáче, у'сетаки моя воля ужъ какая, вамъ жить-то! Ну, а у'сётаки скажите слово — нарáвится вамъ?"

— „А за этого не идить, за кого-же идить! (барашня-то).

— „Ну, давай Богъ часъ!"—Свадьбу стали играть. Сыграли свадьбу, послау отцу письмо этотъ енерау попоускій. „Папаша дорогой, ожидайтя менé у'гости. Ѣду енераломъ. Я ожениуся".

Ждетъ свещельникъ свойво сына любимаго енераломъ. А тотъ: „ну, я, говоритъ, ѣду!" А супруга говоритъ: „и я съ вами поѣду!"—„Нѣтъ, вы пожалуйста, ня ѣздитя пока; я послау папѣ письмо, что одинъ буду. Вотъ вамъ мой адресъ, и что это отстаука моя, вы, конечно, видитя, и вѣритя, кто я такой. Неужели я буду васъ обманавать! Я вамъ письмо пришлю сейчасъ и буду васъ у'стрѣчать". Онъ поѣхау. Жена остáлася здѣсь. Заѣзжаетъ на постоялый дворъ ночевать, какъ и тотъ енерау. Снимаетъ также номеръ. Спрашаваетъ: „нѣтъ-ли у васъ охотника у'карты погулять?" Яурей отказавается: „я ня могу. Развѣ жанá моя могётъ съ вами поиграть".—„Ну, все равно, что-жъ такое!"

Садится жана съ имъ играть у'карты, съ енераломъ. Обыграла яу'рейка его, выиграла и деньги, и одёжду, и у'сё, и тройку лошадей, и кучера.—„Такъ давайте мнѣ какой ни на есь пинжачи́шко, я и такъ пойду".

Ожидаетъ папаша сына у'гости. Идётъ енерау у'худомъ пинжаку́ рваномъ, прямо къ свещельнику у'домъ. Издали́ замѣтиу свещельникъ, что сынъ идётъ яво́. „Ну, говоритъ, матушка, здѣсь нищимъ быу, опять идётъ нищимъ къ намъ". Подходитъ и къ дому. „Здраствуйтя, папаша!" —

„Ну, братъ, убирайся ты къ чорту на куфню къ куфаркѣ; вотъ табѣ и строку до заутра — свиней пастить!“ У'стаетъ бѣдный сынъ; приказаваетъ куфарка: „папа велѣу свиней пастить гнать!“ Гонитъ свиней у'поле, пасетъ.

А тутъ жана собралась ѣхать яво искать, ни письма, ничаво! — „Ѣду, папа, мужа искать!“ — „Ну, дыкъ поѣзжай, давай Богъ часъ!“ Дали тройку лошадей. Поѣхали. Заѣзжаетъ въ этотъ жа постоялый дворъ ночевать жена яво. Видитъ яво тройку лошадей, яво и кучера и спрашиваетъ: „что это съ вами случилось?“ — „Ваша Превосходительство, проиграу вашъ супругъ деньги у'сѣ, и одёжду, и лошадей, и мене подъ залогъ оставиу“.

— „А съ кимъ имянно играли?“ — „Съ яурейкой“. — „Хозяинъ, есь-ли у васъ охотники у'карты поиграть?“ — „Нѣтъ, ужъ я ня могу, а вотъ жана!“ Сѣли у'карты играть онѣ, опять двѣ дамы, енеральша и яурейка. Конечно, выиграла у'сѣ деньги енеральскія, и одёжду, и тройку, и кучера назадъ енеральша. Поѣхала на двухъ тройкахъ къ мужу своему.

Отъ этого двора немного было разстоянія до села-то.

„Эй, братецъ, подойдитя ко мнѣ, пожалуйста!“

— „Что вамъ угодно?“ — „Покажитя, пожалуйста, гдѣ село находится такое-то!“ — „А поѣзжайтя, такъ найдете!“ — „У'се таки, пожалуйста, я васъ винцомъ угощу и заплачу!“

— „А такъ, дыкъ пожалуйтя, довязу“. Приводитъ къ дому. „Вотъ іонъ дворъ отца Волочкова“. — Посылаетъ кучера: „попроситя батюшку, нальзя-ли отдохнуть, поквартерничать!“ — „Батюшка, нальзя-ли у васъ, вонъ бараня прислала, постоять сутки“. — „Можатя, можатя, пожалуйста!“ Посмотрѣу у в'окно — двѣ тройки стоятъ. — „А нѣтъ, говоритъ, нейдѣ съ лошадями дѣться!“ — „Пожалуйста, батюшка, лошади будутъ подъ в'окномъ стоять, а намъ отдыхнуть только!“ — „Ну, дыкъ такъ, такъ можно, оставайтесь!“ Сѣли, дѣйствительно, за стоу, пригласили батюшку къ себѣ, бараня эта самая. „Разскажитя, пожалуйста, есь-ли у васъ сынъ?“ — „Я ужъ про свойво сына и говорить ня хочу! Пьяница горькій, служиу у'солдатахъ, пришоу оборваный; заставиу свиней пастить, я вамъ и говорить совѣстно! ничего не сдѣлаешь!“ — „Кучеръ, сходитя, пожалуйста, позовитя свинопаса этого!“ приказаваетъ бараня.

„Пожалуйста, спрашаваетъ васъ ба̀раня къ сабѣ“.

„Да ну васъ къ чорту съ бараней-то. Я устау-то, да пойду къ баранѣ!“

— „Бараня вамъ обѣщалась винца́ поднѐсь и заплатить“.

— „А ра́збѣ такъ, дыкъ сейчасъ“, говоритъ.

— „Здраствуйтя, ба́раня! — „Здраствуйтя, здраствуйтя! Неужели вы менѐ не узнали-то?“—„Нѣтъ!“—„Не супруга-ли я ваша?“—„Не могу й знать!—„Полно вамъ отпираться, пожалуйста! Коротко знаетя: кучеръ вашъ, и лошадя́ ваши, и я ваша!“—„Да, такъ точно, бараня! Да, я виноватъ передъ вами!“—„Ну, дыкъ ужъ не отпирайтесь! Ну, пойди, братецъ, умойся!“ Пошоу, умыуся, причасауся, приходитъ, садится, одѣваетъ опять свою одѐжду енеральскую. Спрашиваютъ свещельника сюды. „Ну, что, папа, призна́ете этого человѣка?“—„Да какъ сказать? сынъ мой!“

— „А такой-ли іонъ быу?“ — „Да нѣтъ!“ — „А что надъ человѣкомъ можетъ случиться — няизвѣстно никому“, жена стала говорить.

Конешно, мы у’сѣ тамъ радовались, выпивали, что іонъ ненарочно писау свещельнику. Ну, погостевали, распрощевались и поѣхали къ енералу, къ жѐниному отцу.

Вдругъ война, только пріѣхали къ отцу! Спрашаваютъ верхнихъ чиноу и нижнихъ, чтобъ явились такого-то числа Надо ѣхать на войну.

Супруга говоритъ: „я васъ однѣхъ ня отпущу таперь. Я съ вами поѣду!“—„Нѣтъ, вотъ что я вамъ предлагаю: пожалуйста, останьтесь дома; йдѣ мене опредѣлятъ, какого полка̀, а тогда я вамъ письмо при́шлю“.

— „Нѣтъ! не отстанусь, ѣду!“ Молодой енералъ къ старшаму обращается свояму тстю́: „послушайте, папа́ня, хоти́тъ и жана́ со мной ѣхать, а куды я ее возьму сейчасъ? Вѣдь вы сами служили, знаете, куды тамъ загóнятъ!“—„Дыкъ вы прауда, нѣтъ, отстаньтесь, дочка, отстаньтесь! Письмомъ увѣдомятъ, тогда можетя ѣхать!“ — „Ну дыкъ такъ, папа, васъ слушаю. Поѣзжайтя, давай Богъ благополучно вамъ, у’сего хорошаго! Только, пожалуйста, письма́ми не забывайтя!“—„Нѣтъ, нѣтъ, сею минуту, какъ только куды опредѣлютъ, такъ сейчасъ вамъ письмо, чтобъ бы́ли ко мнѣ“. ’Предѣлили яво у’Колыванскій полкъ, у’первой

ротѣ, перваго у'звода. Пишетъ письмо, что я жиу, здороу, слава Богу. Енералъ такой-то Волочковъ.

А тамъ ужъ на почтѣ почтальону, чтобъ рядовому такому-то Волочкову письма передавали. „Увѣдомляю, что я жиу, здоровъ", а ня пишетъ, чтобъ ѣхать туды жанѣ.

— „Папаша дорогой! ѣду искать свойво супруга, увижу, какъ іонъ тамъ кумандуетъ дѣлами у'сѣми!"—„Поѣзжай!" Хошь бы у'Смоленскъ. У'Колыванскій полкъ, на ученье. Всѣ господа и рядовые солдаты. Подходитъ іона, дѣйствительно, къ господамъ енераламъ и полкоуникамъ. Смотрѣла—нѣтъ ея енерала!

— „А что, господа, есь у васъ такой енералъ, господинъ Волочкоу?"

— „Нѣтъ, нѣту!" — „Пожалуйста, выстройтя рядовыхъ солдатъ!"

— „Стройся!" — Выстроились. Пошла іона кòло рядоу солдатъ смотрѣть. Стоитъ ей енералъ во фрунтѣ рядовыхъ.

— „Почему вы это, господинъ енералъ, такъ попали у'рядовые?"—„Потому, какъ отпускали менѐ въ отпускъ, быу енераломъ, а таперь рядовымъ!"

Стало разсказывать іона тутъ енераламъ, какъ судьба ея случилась. Тогда взяли его, уволили енераломъ, и сейчасъ енераломъ. Я съ имъ служиу съ одного года съ восьмидесятаго!

Дорогобужскій у., Кокошкинская волость. Зап. отъ крестьянина Устина, 50-ти лѣтъ.

Тульская губернія.

216. [Жидъ, покупающій иконы].

Пріѣхалъ жидъ на ярмарку. Возъ оставилъ на базарѣ, а самъ пошелъ по рядамъ. Стоитъ мужикъ съ иконами и на самомъ видномъ мѣстѣ у него Георгій Побѣдоносецъ. Жидъ спрашиваетъ: — „что этотъ молодецъ съ конемъ стóитъ?“

— „100 рублей“.

— „А отъ чего онъ помогаетъ?“

— „Отъ разбойниковъ, отъ воровъ и отъ другихъ бѣдъ“. Жидъ заплатилъ деньги и унесъ икону къ себѣ на возъ и говоритъ: — „ну, ты смотри тутъ за всѣмъ, а я пойду по ярмаркѣ“. Идетъ мимо мужика, что съ иконами, а тотъ на это мѣсто уже поставилъ Св. Николая. Жидъ спрашиваетъ:— „что этотъ старичокъ стóитъ?“

— „100 рублей“.

— „А отъ какихъ бѣдъ помогаетъ?“

— „На морѣ спасаетъ и въ другихъ бѣдахъ“.

Жидъ купилъ и эту икону, пошелъ къ своему возу и говоритъ: — „ну вотъ васъ теперь двое, смотрите хорошенько“, а самъ опять отправился по ярмаркѣ и опять видитъ у мужика Божію Матерь.—„Что стоитъ старушка?“

— „100 рублей“.

— „Отъ чего помогаетъ?“

— „Отъ пожара и отъ другихъ бѣдъ“. Купилъ и Богоматерь, опять пошелъ къ своему возу и говоритъ:—„теперь васъ трое, смотрите хорошенько, у меня въ возу деньги, если что случится, я васъ запорю“. Весь этотъ разговоръ слышалъ одинъ мошенникъ, и какъ только жидъ ушелъ, онъ выбралъ всѣ деньги. Чрезъ нѣкоторое время приходитъ жидъ, денегъ нѣтъ, онъ взялъ плеть и хочетъ ихъ бить, говоритъ:—„Георгій, ты гдѣ былъ, что не караулилъ деньги, эти хоть старые, а ты гдѣ былъ на конѣ?“

Георгій отвѣчаетъ:—„я ѣздилъ спасать твоего сына, на него въ дорогѣ напали двѣнадцать разбойниковъ“.

Жидъ спрашиваетъ Николая:—„а ты гдѣ былъ?“

— „А я ходилъ спасать твоего сына, на морѣ корабль совсѣмъ было потопило".

Спрашиваетъ Божію Матерь:—„а ты гдѣ была?"

— „Въ твоемъ городѣ былъ пожаръ, я заливала твой домъ".

Когда жидъ подъѣхалъ къ своему городу, то видитъ, что весь городъ выгорѣлъ, только остался его домъ. Спрашиваетъ жену:

— „Какъ уцѣлѣлъ домъ?"

— „Да пришла какая то старушка и залила нашъ домъ".

— „А узнаешь ты её?"

— „Узнаю".

Жидъ принесъ икону Божіей Матери, и она узнала въ ней ту старуху, что заливала. Сынъ пріѣхалъ и тоже самое разсказалъ и узналъ Св. Николая и Георгія Побѣдоносца. Жидъ крестился съ семействомъ.

(Богородицкій у). Ломовка. Зап. отъ Козлова.

---

217. [Лихо одноглазое].

Жили три брата: одинъ кузнецъ, другой плотникъ, третій портной. Жили они, жили и не видали, какая есть нужда. Кто къ нимъ изъ закасчиковъ не придетъ, всѣ говорятъ: „эхъ, кабы не нужда, то бы сдѣлалъ и другое". Разъ братья собрались и говорятъ: „всѣ говорятъ про нужду, а мы не знаемъ, какая нужда. Пойдемте искать нужду". Взяли денегъ и отправились. Шли, шли, зашли въ лѣсъ, встрѣчается имъ старикъ. — „Здорово!" — „Здорово".—„Куда Богъ несетъ?"—„Да вотъ такъ и такъ, всѣ говорятъ про нужду, а мы никогда не видали, не знаешь ли, гдѣ найти нужду?"

— „Знаю. Давайте по рублю съ человѣка. Я укажу".

— „Возьми хоть больше, только доведи". Взялъ деньги и говоритъ:

„Вотъ выйдите изъ лѣсу, будетъ стежка, идите по ней, потомъ будетъ другая—влѣво будетъ и вправо, вы и идите по послѣдней". Они такъ и пошли, и выходятъ на поляну,

а тамъ стоитъ престрашный домъ (т. е., очень большой). Входятъ и видятъ старика здороваго, большаго, съ однимъ глазомъ.

— „Здорово!“

— „Здорово. Что за люди?“

— „Да вотъ, дѣдушка, ищемъ нужду“.

— „Это самая я и есть Нужда. Кто вы такіе?“

— „Да мы братья: одинъ портной, другой плотникъ, третій кузнецъ“.

— „Ну, ладно“. Вечеромъ приходитъ Нужда; приноситъ сукна тонкаго, претонкаго и говоритъ: „кто изъ васъ портной?“ Портной отвѣчаетъ.

— „Вотъ тебѣ сукно, сшей къ утру сюртукъ, не снимая мѣрки, не мѣривши, да чтобы было хорошо, а то я расправлюсь посвоему“, и ушелъ. Портной всю ночь шилъ, утромъ идетъ Нужда.—„Ну что, готово?“

— „Готово“. Надѣлъ Нужда сюртукъ, ловко сшитъ, все бы глядѣлъ, только немного спереди морщило.—„А это что?“

Портной говоритъ: „это сейчасъ можно поправить“, взялъ было ножницы. Нужда говоритъ: „долго ждать“, и съѣлъ портного. На другой вечеръ приходитъ Нужда и говоритъ: „кто изъ васъ плотникъ?“ Плотникъ отвѣчаетъ: „я!“

— „Сдѣлай мнѣ въ нынѣшнюю ночь шкафъ, чтобы онъ самъ изъ угла въ уголъ ходилъ и отворялся и затворялся“. Всю ночь плотникъ работалъ и сдѣлалъ шкафъ, какъ нужно. На другой день приходитъ Нужда, и шкафъ ему гдѣ-то не понравился. Плотникъ хотѣлъ былоострогать, а Нужда и его съѣлъ. На третій день приходитъ къ кузнецу и спрашиваетъ: „можешь ли ты сковать мнѣ глазъ?“

— „Могу, только ты сначала врой два дерева и прикуй себя къ этимъ деревьямъ“. Нужда такъ и сдѣлалъ. Кузнецъ растопилъ олово да и говоритъ Нуждѣ: „ты закрой здоровый глазъ, какъ бы его не повредить“. Нужда закрылъ Кузнецъ вылилъ олово въ здоровый глазъ. Нужда какъ привскочетъ, и деревья вырвалъ съ корнемъ, да не можетъ найти кузнеца. Кузнецъ ходилъ, ходилъ, не можетъ выйти, да и на. Дворъ и ворота—все было волшебное. Нужда говоритъ: „не уйдешь ты живой“, а у него на дворѣ были быки. Кузнецъ и прилѣпился къ быку подъ брюхо, а быка

давай толкать да тыкать; быкъ размахнулся да въ Нужду, Нужда осердился да и говоритъ быку: „смотри я тебя перекину черезъ заборъ“. Кузнецъ давай опять быка толкать, а тотъ опять на Нужду наскочилъ. Нужда и перекинулъ быка съ кузнецомъ; хвать, кузнеца нѣтъ. Нужда говоритъ воротамъ: „держите!“ а ворота отвѣчаютъ: „да ты его перекинулъ съ быкомъ“. Нужда и бросилъ за заборъ конецъ цѣпи да топоръ золотые. Кузнецъ позавидовалъ: хотѣлъ утащить цѣпь, побоялся и приложилъ одинъ палецъ, палецъ то и приросъ къ цѣпи. Кузнецъ видитъ—дѣло плохо, вынулъ ножикъ да и отрѣзалъ палецъ и ушелъ домой. Съ тѣхъ поръ всѣ кузнецы стали знать нужду, а портные съ плотниками до сихъ поръ не знаютъ нужды.

(Богородицкій у.) Ломовка. Записано отъ Козлова.

---

218. **Сказка о Донѣ Ивановичѣ и Шатѣ Ивановичѣ.**

„Были два сына у озера Ивана: старшаго звали Дономъ, а младшаго Шатомъ. Подросли сынки у батюшки, и просятся они странствовать по бѣлу-свѣту, посмотрѣть матушку Русь православную, поучиться уму-разуму. Донъ Ивановичь былъ храберъ и разуменъ и пустился онъ на гору, да на полдень (представляется, что Донъ течетъ на возвышенное мѣсто). А Шатъ-то Ивановичь былъ батюшкинъ сынокъ, нѣжёнка; не захотѣлъ онъ съ братцемъ своимъ итить въ дальній путь, а пошелъ онъ по гладкой лощинкѣ, — по зеленной муравкѣ. (NB. Другіе о Шатѣ разсказываютъ иначе: что онъ былъ непокорный сынъ, самовольно отправился *шататься* по свѣту; но не долго нагулялъ: шаталъ, шаталъ, да какъ разъ въ Упу и попалъ. Отсюда будто бы его названіе: „*Шатъ*“. Теченіе его слишкомъ извилисто). Вотъ Донъ Ивановичь катился, катился да и подошелъ къ синему морю и задумалъ онъ, молодецъ, обойтить весь бѣлый свѣтъ. Вотъ сталъ онъ кликать къ себѣ чернаго ворона, чтобъ велъ онъ его черезъ синее море. Самъ пошолъ подо дно моря да и приказалъ онъ ворону: „лишь перелетишь широкое море, каркни мнѣ изо всей мочушки“. Летитъ воронъ, и только

взлетѣлъ посерёдъ моря, — злой коршунъ напалъ на него и принялся его бить и щипать. Что́ дѣлать? Поневолѣ каркнулъ черный воронъ. Вынырнулъ Донъ Ивановичь и думаетъ: „знать пришло чистое поле“, анъ глядь: онъ посерёдъ моря; поздно было ужъ ворочàться, и принялся Донъ Ивановичь рвать на себѣ волосы, и теперь всё рвется и плачетъ посерёдъ моря и не даетъ прохода басурманскимъ кораблямъ.

Веневскій у., с. Бороздино. 1850 г.

---

219. [Наказаніе за жадность].

Изъ одной степной деревни былъ отправленъ съ мѣшкомъ денегъ къ барину, въ Москву, старикъ. Вечеромъ, онъ остановился для ночлега на постояломъ дворѣ, очень чистенькомъ и хорошо обстроенномъ. Усталый старикъ, войдя въ избу, бросилъ мѣшокъ съ деньгами въ передній уголъ, а самъ легъ на печь согрѣться и нѣсколько отдохнуть. Была зима. Старуха-хозяйка, замѣтя это, говоритъ: „на чтоже ты, батюшка, деньги-то бросилъ; вѣдь деньгами такъ не швыряютъ“.—„Ну, ктожъ ихъ возметъ“, былъ его отвѣтъ. Немного полежавъ, слезъ съ печи и сѣлъ за столъ ужинать. Послѣ ужина, помолясь Богу и поблагодаривъ хозяйку, опять легъ на печь. Немного спустя, входитъ въ избу старикъ-хозяинъ съ огромнымъ пукомъ лыкъ. Старуха, шепнувъ ему на ухо, показала въ уголъ на деньги. Ну, это будетъ наше! Входятъ еще шесть молодыхъ парней—кровь съ молокомъ, каждый съ пукомъ лыкъ. Садятся за столъ ужинать. За ужиномъ намеками завели рѣчь о деньгахъ. Между тѣмъ старикъ на печи притворился спящимъ. Сначала говорили вполголоса, а послѣ и громко. Дѣти говорятъ: „Богъ кого-нибудь накажетъ изъ насъ за твои грѣхи, чего у тебя нѣтъ; насъ шестеро добытчиковъ; деньги есть, лошади также; домъ кольцо-кольцомъ; пора бы, батюшка, и вспокаяться“.—„Не ваше дѣло!“—„Ну, какъ знаешь!“—Поужинавъ, вышли изъ-за стола и, помолясь Богу, полеглись спать. Не прошло и

четверти часа, какъ старикъ-путешественникъ, вставъ съ печи, потребовалъ у хозяйки расчета. „И... Богъ съ тобой, куда такъ рано собрался, мои только улеглись", сказала хозяйка.—„А что?"—„Не равно обидятъ, пожалуй и деньги-то отнимутъ". — „А, Богъ-то! Онъ защититъ, не дастъ злодѣю надо мною посмѣяться; у меня есть руки, хоть и стариковскіе, а все таки побарахтаюсь". По расчету пришлось съ него три гривны. Старикъ, отдавая деньги, говоритъ: „ты, старуха, за правду мнѣ полюбилась, вотъ тебѣ рубль въ подарокъ". — „И, батюшка, на что мнѣ; у меня и такъ слава Богу, есть". — „Возьми! теперь у меня деньги есть; а на возвратномъ пути, можетъ быть, и не будетъ; тогда и такъ покормишь, а я, Богъ поможетъ, оттуда зайду". Старикъ, положа деньги, ушолъ.

Сполчаса спустя послѣ его ухода, старикъ-хозяинъ, осѣдлавъ лошадь, пустился за нимъ въ погоню. Догнавъ его подъ горкой, сказалъ: „Богъ на помочь!"—„Спасибо, добрый человѣкъ". Завязался между ними разговоръ: куда идешь, зачѣмъ?—„Несу оброкъ барину". — „Ну, если деньги отнимутъ?" — „Я не дамся въ обиду". — „Да что много толковать—подай деньги!" — „Ты не шутя говоришь?" — „Какая тутъ шутка, подай, не то силой отыму!" — „Вспокайся, у тебя шесть сыновъ; деньги есть; чего-жъ тебѣ надо; не гнѣви Бога; вспомни смерть!" Старикъ отъ этихъ словъ пришолъ-было въ себя; но послѣ опять принялся за свое— отдай деньги! „Когда не дѣйствуютъ на тебя мои слова, пусть будетъ по твоему. Долой съ лошади и садись на этотъ столбъ", указывая на валявшійся тутъ верстовой столбъ. Старикъ слезъ съ лошади, пустилъ ее, а самъ сѣлъ на столбъ. Путешественникъ, вынувъ изъ мѣшка щипчики, повытаскалъ ими оставшіеся у него зубы и пошолъ далѣе. Лошадь, прибѣжавъ домой, заржала. Дѣти поняли, что съ ихъ отцомъ случилось что-нибудь не доброе. Осѣдлавъ коней, пустились его искать. Нашли его сидящимъ на столбу. „Ну, батюшка, вставай, поѣдемъ!" — „Не могу привстать съ мѣста, приросъ къ дереву". Дѣти и такъ и сякъ, какъ ни бились, не могли поднять. — „Что-жъ теперь дѣлать?" — „Догоните старика, попросите у него прощенія". Нагнавъ старика въ ближайшей деревнѣ, стали вымаливать прощеніе ихъ отцу. „Хорошо, только съ уговоромъ, чтобъ каждый

изъ васъ ударилъ этимъ коломъ его по спинѣ три раза, а послѣдній чтобъ сшибъ его съ мѣста". — „Этимъ можно убить!"—„Нѣтъ, не убьете, а только приведете его въ раскаяніе". Дѣти такъ и сдѣлали. Послѣднимъ ударомъ сбивъ его съ мѣста, чуть живаго повезли домой. Старикъ, сдавъ оброкъ барину, прожилъ полгода на барскомъ дворѣ и съ награжденіемъ отправился домой. По дорогѣ опять зашелъ на знакомый ему постоялый дворъ, находитъ хозяина-старика здоровымъ. Тотъ его принялъ съ радостію, называлъ своимъ избавителемъ, оставилъ у себя погостить и отпустилъ во путь-дорогу, подаривъ въ знакъ благодарности 500 рублей.

Г. Чернь. 1853 г.

Рязанская губернія.

220. [Еруслань Лазаревиць].

Лазарь Лазаревиць,а у нево сынъ, Еруслань Лазаревиць. У Лазаря Лазаревица двѣнадцать баhатырёвъ. Еруслана Лазаревица о́тдалъ онъ сына въ уцы́лишша, и сталъ въ уцылишши шутки шутить, шутки немалыя: каво ухватитъ за руку — рука процъ, каво ухватитъ за́ голову—голова́ процъ. Лазарь Лазаревиць и говоритъ: „ахъ, дитё маё милая, я у Боhа просилъ: дай мнѣ, Господи, дитя при младости на пагледѣнье, а при старости на призрѣнья, при послѣднемъ каньцѐ на паминъ душы. А ты, маё дитё милая, урадилася ни при младости на погледѣнье, ни при старости на призрѣнья, ни при паслѣднемъ каньцé на паминъ душы“. Еруслань Лазаревиць и говоритъ сваму атцу: „ну, дай мнѣ, папаша, каня не ѣжженава, седло́ не надёваная, плётку не хлыщеную, я паѣду себѣ мѣсто искать, а ты аставайся съ двѣнадцатьми баhатырями. А Лазарь Лазаревиць ему говоритъ: „ну, ступай, дитё, въ маю стаду канёвую, выбирай себѣ каня такова, знаиш, у меня па́стырь тамъ, у каней пастырь — звать ево Ива́шкой. Ну, спроси ево, какова онъ тебѣ каня падаритъ“. Прихо́дя Еруслань Лазаревиць къ Ивашки пастырю. „Ну, пастырь Ивашка, дай ты мнѣ каня, каторый можетъ на меня па гропъ жыжни маей служыть“.—„Ну, патходи, говоритъ, въ двѣнадцать цасофъ къ рѣкѣ, я приго́ню канёй. Ну, выбирай каня, каторый подайдётъ къ рѣкѣ и станетъ на колѣни, припадё на колѣни и будитъ онъ пить, атъ нево вална пайдё“. Ну, онъ, Ивашка, падашолъ и хлыснулъ каня сваей плёткай. „Стой, кляцъ! невѣжа! Дай доброму мо́лотцу тея аседлать“. Еруслань Лазаревиць падашолъ и асѣдлалъ ево, ну и сѣлъ на каня, сѣлъ на каня и паѣхалъ. Пастушокъ крицытъ ему взатъ: „що жъ ты, Еруслань Лазаревиць, ѣдишь, не спрашиваешь ты меня, далёка-ль ты атправляисси“. — „Я ѣду, Ивашка, себѣ родъ жыжни, мѣста иска́ть“. — „Ну, γде же вы ѣдите?“ — “Куды, говоритъ, Господь докацнё“.—„Ну, говоритъ, ты куды задумалъ? Здесь тибе не праѣхать: тамъ стоитъ змѣй аб двѣнатцати галофъ, онъ тебя не прапустя, а онъ за три версты свистамъ побивая“.—„Ну, кагже мнѣ, говоритъ, Ивашка, праѣхать?“—

„Ну, на, говоритъ, маю плетку. Онъ свиснитъ, а ты скажы ему: ахъ пьёсъ (такъ), невѣжа, са свисту тваво, ну дай мнѣ свиснуть“. Взялъ онъ этай плёткай свиснулъ, Ивашкинай, и снёсъ съ нево всѣ двѣнатцать галофъ змѣинавыхъ и паложылъ ихъ въ чимаданъ и вынулъ изъ нево жолуць (такъ) и взялъ опеть убралъ въ чимаданъ и паехалъ. Лежитъ Расланѣева галава, ну онъ къ ней слѣсъ и сѣлъ на неё и говоритъ: „какая же эта галава лежитъ?“ Ана ему атвѣцяитъ: „эта я Расланѣева галава. Ну, ты далёка ли ѣдишь?“—„Я ѣду себѣ родъ жыжни, мѣста искать“.—„Ну, ступай, говоритъ, ты, гдѣ задумалъ, тамъ тебя ажгутъ агнёмъ, тамъ тебѣ не праѣхать. Ты припади на калѣни, и яны увидютъ, што ты покарилси и примутъ тебья. Ты съ нимъ пойдешь фъ садъ гулять, у нево прикрасная дѣвушка. Ты съ нимъ обращайси вниманіи, дабромъ служы на нэво, ну онъ тебья буде зъ зятемъ принимать, на тэбья онъ испаложытця. Ты въ саду пагуляишь съ нимъ и вазми мѣць складенёць, и бей ево сразу, ну, онъ будитъ гаварить: бей меня до двухъ расъ, а ты ему атвецяй: маладёцка рука, ана бьётъ аднава. Ну, вазми эту голову ево къ сеѣ въ чимаданъ, ну, и паежжай апеть назатъ“. Ѣде назатъ Расланѣева галава и останавила ево. „Ну, кагже, Еруслань Лазаревиць, тваи дѣла? испалнялись ли?“—„Расланѣева галава, що мнѣ тебя ажывить?“—А ана ему и говоритъ: „если я буду памирать апеть, то меня не ажывай, а если я буду вѣшна жыть, то меня ажыви“.—„Нѣтъ, Расланѣева галава будишь памирать, лучше не ажывай меня апеть“. Пріѣжая въ сваё царсво. Ево царсво всё разбитая, двѣнатцать баγатырёвъ всѣ забратыя, глаза јимъ пакалотыя, и Лазарь Лазаревиць тожъ забратай, ево атэць, и глаза выкаланы. Онъ подъѣжжая, гдѣ они забратыя, и сталъ онъ замки ламать. „Здрасвуйти, двѣнадцать баγатырёфъ!“ Баγатыри ему атвецяютъ: „хто же эта будя?“ Онъ говорить: „я, Еруслань Лазаревиць!“—„Если бы Еруслань Лазаревиць, то онъ отсэда насъ отпустилъ, вывелъ бы хоть“. Взялъ, растварилъ онъ дьвери и распецяталъ чимаданъ. Вынимая жолуць и памазалъ имъ глаза, и стали аны видѣть. — Ну, спросилъ онъ пра сваво Лазаря Лазаревиця: „гдѣ шъ мой папаша, Лазарь Лазаревиць?“ — „Онъ тоже въ сталбу, говорятъ, завоёваный“. Патходитъ къ этаму столбу, гдѣ онъ завоёваный, и атпирая апеть замки. —

„Здраствуй, папаша, Лазарь Лазаревиць!“ Онъ ему не увѣряя. „Если бы былъ мой сынъ, Ерусланъ Лазаревиць, то онъ меня бы отсэда бы вывелъ“. Взялъ чимаданъ, аткрылъ и памазалъ ему жолцемъ глаза́, и привёлъ јихъ въ сваё царсво всѣхъ.

Егорьевскій у., Лѣка. Записано отъ старухи. 1913 г.

---

221. [Ванюшка-дурацокъ].

Былъ у старушки Ванюшка-дурацокъ, и ни въ какую онъ работу не идётъ, играитъ онъ всё по улицы. Идётъ старицокъ. „Што ты, добрай моладецъ, играишь?“—„Я не умѣю работать“. Онъ ребятишки и спрашиватъ: „цей же э̂тотъ маладе̂цъ?“—„Это, говорятъ, вдаво́й стару́шки“.—„Гдѣ же, говоритъ, онъ живьё?“. Оны ему даказали. Онъ приходя къ старушки. „Старушка, твой щё-ль сынъ играя па улицы?“ — „Да, говоритъ, мой“. — „Щожъ ты ево не апредѣляишь?“—„Онъ, говоритъ, у меня малаумнай“.—„Ну, аддай, говоритъ, ты мнѣ ево. Я ево абуцу“. Ну, ана и аддала ево. Онъ сутки ведётъ ево. Ванюшка хоца паесть. Онъ ему не даё. Ну, пришли другіи сутки. Онъ ево опеть ведё. Ну, онъ опеть проситъ: „дѣдушка, дай мнѣ паесь“.—„Ну, говоритъ, пагади“. Трётьи сутки пришли. Ну, онъ говоритъ: „дай мнѣ, дѣдъ, паесть, я есть хацу“. — Стаитъ роща аграматная. „Давай, говоритъ, Ва́нюшка, мы эту рощу вырубимъ и завалимъ этотъ вотъ камень“. Завалили камин̀ь и подажгли. Старикъ говоритъ: „этотъ камень абгарѣлъ“. И здымаютъ ево ва̀гой. „Ну, лѣзь, Ванюшка въ эту яму“. Ванюшка баитца, не лѣзетъ.—„Полезай, а то я тебѣ ѣсть не дамъ“. Онъ взялъ и полѣзъ. Въ эвтой ямѣ всякое тамъ ращеніе все, що на свѣтѣ есть: ягода, яблака, всё, всё. Онъ трои сутки аттэда не вылазитъ. Старикъ ему крицытъ: „вылась, Ванюшка“, а онъ не выла́зя. Другóреть кринýлъ: „если ты не вылизишь, то я те камнемъ завалю́“. Онъ сё не выла́зитъ. Онъ взялъ, каминь апустилъ, и здѣлалась тамъ тёмно, не можетъ онъ аттэда вылесть. Падходитъ къ акошку, тамъ о́кны. Накнѣ нашолъ залатой перстинь и тронулъ этотъ залатой перстинь, и вышли ему три мо́латца. „Што

тебѣ, Иванъ Аладьинъ, надо?“ — „Щобы меня атцэда высадить и давести до двара́“. И пріѣхаль онъ къ деревнѣ сваей и этимъ опеть малатцамъ отдалъ лошеть, щобъ нѣ было её, а самъ надѣлъ худую адёжу, идё къ матери. Мать ево стрецая и заплакала.—„Ну, никуды ты, дѣтишша маё, негадно́, знать“. Ну, онъ и посылая: „матушка, ступай къ цэрю за доць сватайси“. Пашла, её не допускаютъ до цэря.— „Куды ты, такая старуха, идёшь?“—„Нѣтъ, батюшки, допустите, говоритъ, меня“. Патходитъ къ цэрю. Царь её спрашиватъ: „ис цаво ты, старушка, идёшь?“ — „Ваша Царско Велицество, я за вашу доц сватать иду“. — „За каво?“ — „За сваво Ва́нюшку“. Царь ей отвѣцяе: „ну“, ступай, старуха, дамо́ю. Ну, како́й у меня дварэць, такой ты састрой дварэ̂ць. Если ты это не выстроишь, то васъ завтра съ сынамъ на висѣлицу“. Старуха приходитъ, заплакала. „Щожъ ты эта здѣлалъ: намъ зафтра съ табой на висѣлицу“. Иванушка говоритъ: „лажысь, матушка, утра мудрѣй вецера“. Тронулъ свой перстинь, праявились три молотца ему. „Што тебѣ, Иванъ Аладьинъ, надо?“ — „Такъ мнѣ надо, какой у цэря дворэць, такой былъ у меня бы“. Въ томъ же рази явилси у нево дворъ, какъ царскай. Патомъ Ванюшка опеть посылаитъ за царску доц сватать. Ну, приходитъ старуха апеть къ цэрю. „Що жъ ты, старушка, пришла, исполнила ли маё дело?“—„Исполнила, Ваше Царское Велицество, все исполнила“. — „Вотъ що, старушка, скажы тваму сыну, щобы завтра какіи у меня кани́ и павоски, щобы были у васъ такіи то, и какъ за маей цэрицей ходятъ слуги, такъ щобъ за тваей матирью хади́ли бы. Ну, а если вы не исполняите, то завтра васъ опеть на виселицу съ сынамъ“. Приходя мать къ сыну и говоритъ: „насъ завтра на виселицу апеть, если не исполняемъ“. Онъ и говоритъ: „лажысь, матушка, утро мудрѣя вэцера“. Тронулъ перстинь, проявились ему 12 малатцовъ. „Што тебѣ, Иванъ Аладьинъ, надо“? — „Какія у hасударя кани́, такіи были бы у меня кани́; какія у hасударя павоски, тарантасы тамъ, такія и у меня бы были; какъ за цэрицей ходятъ нянюшки, такъ бы и за маей матирью хадили“. Ну, всё эта ему явилася, всё испалнялася. И посылаитъ апеть мать сватать. Ну, царь и говоритъ: „ну, вотъ цево, баушка, стоитъ эта вотъ рошша, щобъ её за́ ноцъ всю вырубить, и спахать э̂то мѣсто

и пасѣить, и узрѣть, и памалатить, и въ сусѣкъ пасыпать. Если вы эта не абдѣлате, то васъ завтра на виселицу". Приходя мать, плацытъ апеть. „Ну, сынъ, намъ съ табой завтра на виселицу, знать". Сынъ атвецяя: „лажысь, матушка, утра мудрѣе вэцера". По утру́ тронулъ свой перстинь, проявилась ему опеть 12 мо́лотцафъ: хто рубитъ, хто пашытъ, хто сѣитъ, хто зрѣитъ, хто малотитъ, хто въ сусѣки сыпитъ,—всё абдѣлали. Царь выходя и гля́нулъ на площадь, на эту далинку, и отдалъ за Ивана-дурацка сваю доцъ и оддалъ ему всё царсво сваё.

Егорьевскій у., Лѣка. Записано отъ старухи. 1913 г.

222. Иванушка.

Было у родителей три сына: два умныхъ, а третій дурацокъ, Ванюшка. Ну, сталъ помирать атѣцъ. „Ну, дѣти, говоритъ, помру и хто къ могилѣ маей придё, постоитъ па мнѣ?". Бальшой сынъ говоритъ: „я, батюшка, пастаю", втарой сынъ говоритъ: „и я, батюшка, пастаю". И Ванюшка дурацокъ: „и я, батюшка, говоритъ, постаю". Приходитъ бальшому сыну стаять нѣцъ перъву, ну онъ и забоялся итить, и говоритъ: „Ванюшка, сходи за меня, пастой". — „Ишь ты, братицъ, ты баишси, и я баюсь". — „Ну, я тибѣ калацъ куплю, схади". Ну, Ванюша за калацъ согласилси. Выходитъ къ нему атѣцъ и спрашыватъ: „ты, говоритъ, бальшой сынъ, стаишь?" — „Нѣтъ, бачюшка". — „Ты, середній?" — „Нѣтъ, говоритъ, бачюшка". — „Ну, ты, Ванюшка дурацокъ"? — „Я, говоритъ, бачюшка". Ну, и пашолъ этта атѣцъ куда надо, а сынъ дамой. Падходитъ другая нѣцъ. Приходитси середнему сыну итить, и этатъ говоритъ: „баюсь", Ва́нюшку сталъ прасить. Ванюшка опеть пашолъ за нево. Падходя третя ноцъ. Ну, Ванюшкѣ итить за сея. Онъ сталъ братевъ просить. Братя не согласились за нево итить; самъ ы пашолъ опеть. Атѣцъ выходитъ къ нему. „Ты бальшой, говоритъ, сынъ, стаишь?"—„Нѣтъ, бачюшка", говоритъ. — „Ты, середній?"—"Нѣтъ, бачюшка". — „Ты, говоритъ, Ваня дурацокъ?" — „Ну я, говоритъ, бачюшка".—„Ну на, говоритъ, тебѣ, сынъ, алена залтарогава

и свинку залатую щетинку, кабылицу абъ семидесятъ семи жеребёнкафъ". Ну, патомъ онъ пашолъ дамой. У цэря невѣста и не выбрала себѣ жениха никакова. — „Ну, выйду, говоритъ, я на крыльцо, и какой женихъ мнѣ пондравитца, таво я наклемлю ево (клемомъ сваимъ)". Ну и стали тамъ сабирацца наротъ и женихи харошыя. Ну, Ванюшка вышелъ на луга и крыцитъ свою лошать: „кабылица-латица абъ семидесятъ семи жеребёнкафъ, стань переда мною, какъ листъ передъ травою". Въ права ухо влѣсъ, а въ другое вылѣзъ. Иванушко дурацокъ сталъ прекраснай, добрай моладецъ и паехалъ мима јихава дварца цэрёва. Летитъ, що пыль пылитъ, и ѣта невѣста ево наклемила, Ванюшку дурацка. Ну, стали сабирать, а онъ, Ванюшка дурацокъ, завезалъ платокъ и лёкъ на пецку. Снохи собираютъ абѣдать и просють ево абѣдать, онъ не слазитъ.—„Я ходилъ по грибы, глазъ себѣ напоролъ", говоритъ Ваня.—Ну, ани говорятъ: „слась", а онъ не слазя. Патомъ стала схотка сбирацца гледѣть, которава жениха, кто наклемлёный. Ну, всѣ собрались, а Ванюшка дурацокъ не идё. Стали братевъ спрашивать: „що вашъ братъ не идё?"—„Онъ, говоритъ, ходилъ въ лѣсъ, глазъ напарблъ".—„Не можетъ быть, а всё таки выведите ево сюды". Вывели—у нево клемо на лбу, царской дбцери клемо. Ну, быть потому этой невѣстѣ за нимъ. Стала невѣста плакать, видитъ—дѣло неустойкя. Стали прочава жениха искать ещо, ну стали искать, а Ванюшка дурацокъ приходя сватать опеть её. Ну, ана взяла харошава апеть жениха и Ванюшку дурака взяла опеть за жениха и аднаво въ спальню палажыла и другова палажыла. Энтатъ сталъ падушки класть, харошый жэнихъ. „А гусина, говоритъ, за лебедина перо завалилась. Надо выкинуть ево". А Ванюшка: „а, говоритъ, кленова за дубова завалилась, надо выкинуть ево". А невѣста слушатъ, патомъ и говоритъ: „ну, папаша, этатъ женихъ вотъ какіи рѣцы отвѣцаитъ, у нево паленями швыряитъ". Ну, атёцъ и говоритъ: „вотъ што, женихи, я васъ пошлю, хто бы изъ васъ алёна мнѣ залтарогава привели, тотъ будетъ и женихъ маей невѣсти". Ну, другая нбцъ падходя, а онъ и говоритъ апеть: „ну, хто мнѣ свинку залатую щетинку приведё, тотъ мой жэнихъ, а ещо кабылицу латицу апъ семидесятъ семи жеребёнкафъ, тотъ мой и жэнихъ". Ванюша пашолъ на луга и сталъ—„алёнъ зала-

тарогай евúся ка мнѣ", и аленъ залтарогай явился къ нему. Ванюшка идё и алёна ведё. Харошый женихъ настрѣчу ему идё. „А, добрый мóладецъ, прадай мнѣ алена залтарогова"— „Онъ у меня, говоритъ, не прадажный, а такъ аддажный".— „Що стоитъ, говоритъ, за нево?" — „Вырежь, говоритъ, изъ спины у себя ремень, мнѣ и дай ево, я тебѣ, говоритъ, аддамъ алена". Тотъ ратъ, взялъ и вырѣзалъ и далъ ему. Патомъ апять приходя къ государю дурацокъ апять безо всево, а этотъ ведё алёна харошый женихъ. Патомъ на другой день говоритъ: „ну, ступайте, женихи, приведите свинку залатую щетинку: хто изъ васъ приведё?" Пашолъ дурацокъ, вышелъ на луга. „Свинка залатая щетинка, пазволь ка мнѣ". Свинка евúлася, онъ и ведётъ её апеть по лугамъ, Ванюшка дурацокъ, а настрѣцу этотъ харошый женихъ апеть идётъ ему. „Ванюша, говоритъ, аддай мнѣ свинку залатую щетинку".— „Ана, говоритъ, у меня не прадажна, а такъ аддажна".— „Ну, атришъ отъ наги мизúницъ палецъ, я тебѣ и аддамъ свинку залатую щетинку". Ну, приводитъ къ нему, государю, свинку залатую щетинку, а э̀нтатъ налавилъ га́лакъ, сарóкъ и ещо кой какую птицу. Ну, и гаворитъ харошый женихъ: „я привелъ свинку залатую щетинку", а Ванюша: „а я вотъ, Ваше Царьское Величество, всякой штуки вамъ привёзъ".—„Ну, ступайте, говоритъ, на третíй день, приведите мнѣ кабылицу-латицу, хто изъ васъ приведё?" — Ну, и пашли апеть аны на луга. Ванюша апеть: „сивка-бурка, вѣчная каурка, встань переда мной, кака листъ передъ травой". Въ адно ухо влѣсъ, а въ другое вылѣзъ. Сталъ Иванушка дурацокъ добрай мóладецъ и ѣдетъ по лугамъ. Добрай женихъ на стрѣцу идё ему и не узналъ ево.—„Ну, добрый молодецъ, говоритъ, продай мнѣ эту кабылицку-латицку и апъ сямидесятъ семи жеребёнкафъ". Тотъ и говоритъ: „ана у меня не прадажна, а аддажна".—„Атрѣшъ мнѣ отъ правай руки палецъ мизинецъ, ну я тагда тебѣ аддамъ". Ну, тотъ атрѣзалъ палецъ и ведётъ ее къ цэрю. А этотъ опеть налавилъ тамъ галокъ и птицы всякой, сарокъ. Патомъ приходитъ къ цэрю женихъ харошый и приводитъ кабы́лицу-латицу апъ семидесятъ семи жеребёнкафъ, а Ванюша приноситъ всякую птицу. Ну, вотъ царь и говоритъ: „ну, Ванюша, ты ступай дамой теперь". Ванюша атвѣцаитъ: „хто же, Ваше Царська Величество, хто же вамъ доставилъ

алена залтарогава? Ну-ка, харошый женихъ, сыми-ка съ себя рубашку". Ну да! Онъ ы снялъ, мялся, мялся, снялъ. Онъ вынаитъ изъ кармана этотъ ремень, который изъ спины вырѣзаный. „Ну на-те, говоритъ, встафьте, вотъ хто ево добылъ, алéна залтарогава. Патомъ свинку апеть. „Ну-ка, ваше благороде, сымите съ правой ногѣ сапокъ съ нево", а самъ изъ кармана вынае палецъ. „Ну, на-те, говоритъ, вотъ пристафьте ево". „Ну, вотъ хто вамъ свинку залатую щетинку даставилъ. Ну, вотъ гледите у нево на правай рукѣ палецъ мизиницъ". Вынаитъ изъ сваво кармана и приставляя. „Ну вотъ, говоритъ, вамъ и кабылицу хто даставилъ". Взялъ царь вниманя и павенцялъ доц на нёмъ, на Иванушки дурацки, и царство ему своё отдалъ.

Егорьевскій у. Лѣка. Записано отъ старухи. 1913 г.

---

223. [Ершъ].

Былъ ершышка-ябедницишка и спрасилси въ сине море гулять рыбѣ-бѣлугѣ, судье праведной.—„Рыба-белуга, судья праведна, пусти меня въ сине море, погулять". Рыба-белуга согласи́лася, пустила. Ершышка разросся, сталъ великъ да и сталъ онъ рыбу абижать; ну и рыба стала жалавацца на нево рыбе-белуге.—„Ахъ, рыба, говоритъ, белу́га, судья правидная, каковъ же ты намъ ершышка коловатава въ море пу́стилъ, мы атъ нево мѣста не находимъ, онъ насъ, гытъ, ко́ля". Рыба белуга сабрала схотку: „ну, поди, говоритъ, Баганъ, лави ершышку". Ну, Баганъ атказывацца. „Ну, говоритъ, пади ты, щука". Щука атказываеца: „мнѣ, говоритъ, ево не ащупать".—„Ну, пади, говоритъ, линь!" А линь: „я, говоритъ, я линь талевой, а умъ прастой, мнѣ, говоритъ, ево не паймать".—„Ну, ступай, говоритъ, ты, платица!" Платиця отказываеца: „я, говоритъ, рѣзка, мнѣ ево не паймать, ершышка коловатъ". „Ну, пошолъ, говоритъ, Никанъ". Никанъ и сталъ по озеру колья тыкать. Ну, пашолъ за нимъ Баганъ; ему ерша Бохъ далъ. Пришолъ Сава и надралъ изъ нево палтара пуда сала. Пришолъ Вавилъ, паднялъ ерша на вилы. Пришла баба дура, развалила ерша на цатыря блюда. Всево ево ерша и вздула. И вся.

Егорьевскій у. Записано отъ старухи. 1913 г.

---

224. [Лисичка-сестричка и волкъ].

Стукнули хоть тутъ, у Гришкиныхъ, подъ акошкамъ и говорятъ: „пустити нацевать“.—„А, говоритъ, у насъ тѣсно́“.—„Да,—дѣ тѣсно, сюды меня унесло́. Сама ляжу на лавацку, хвостикъ падъ лавацку, руцки въ пецурацку, ношки на гарнушецку. Ну, на-те, маи лапатки, атнесите ку́рацкамъ спать“. Ну, утрамъ паспала́, стаётъ. „Ну, хазяйкя, говоритъ, несити маи ла́патки. Ну, тамъ ихъ, гваритъ, нѣту“.—„Нѣту, гваритъ; ну, несити куроцку мнѣ“.—„Ну, гваритъ, я апеть пойду па лугамъ съ этай курацкай“. Ну, приходитъ ка мнѣ, ст́у́цитъ въ акошка, ну и апеть гваритъ: „пустити нацэвать“. Ну, несогласна. Говоритъ. „Несити маю курацку, ну, несити её къ гуски́ю нацэвать“. Ана гваритъ: „у насъ гуськя нѣту“.—„Ну, теперь несити г барану, г бара́ньцику“. Ана гваритъ апеть: „у насъ бараньцика нѣту“.—„Ну, теперь несити г быцку“. Ну, ана взела этава быцка́ и патомъ пашла къ папу. Ну, украла у нево вожжи, украла у нево дугу, ну и хаму́тъ, седёлку и запрегла́ и пайехала и зыграла пѣсню, зыграла: „па лапаткамъ курятъ, па курятамъ гусятъ, па гусятамъ бара́нъ, па барану быцокъ, Радаманофъ шлыцокъ. Ну, пру, не стой, хамутъ не свой, вожжи крадины, дуга крашена“. Ну, теперь эта фся скаска.

Егорьевскій у., Лѣка. Записано отъ Арины Михайловой. 1913 г.

---

225. [Лисичка-сестричка и волкъ].

Была лиса́ кума́. Ну, пабѣгла въ лѣсъ. Патомъ два во́лка.—Лиса кума рыбки налавила. Ну, ана и э̂та лиса кума къ нимъ идётъ. „Ну, вы, сѣры волки, гдѣ-были?“—„Въ лѣсу“.—„Ну, я васъ адма́ну“.—„Ну, какъ ты насъ адма́нишь?“.—„Я ф̂перётъ васъ рыпьки налавлю́“. И рыпьки налавила, влѣзла на стажо̂къ, ѣстъ рыбку; ну, патомъ и гаваритъ. Аны абратились къ ней: „лиса кума, дай рыпку“. Ана имъ атвеца́итъ: „ишъ ты, глаткай, краснай, ступай, самъ налави́“. Ну, патомъ и говоритъ jимъ апеть: „нати

вамъ, красны, глатки", и брóсила јимъ рыпку. Аны съѣли, патомъ аны ей говорятъ: „лиса кума, какъ ты налавила?"— „Да я вотъ какъ налавила. Идити, я васъ паýцу". Ну и пашли. Ана јимъ привезала кашолоцку. Ну, патомъ пашли, и пабѣгла, и они пошли съ ней, она јимъ путь указыватъ въ озера. Привезала къ хвостамъ кашолку, и аны пашли лавить. Ана ходитъ крукъ берега, а аны батáицутъ. Ну, патомъ ана имъ говоритъ: „маросъ, маросъ, я́сни, у волка, у медвѣдя хвуостъ замерьзни". Патомъ оны ей говорятъ: „лиса кума, ты цаво гавариш?" Ана јимъ говоритъ: „да я малю́: лавись, рыбка крупниньká и мѣлинькá". Да трёхъ разъ. Она опять: „маросъ, маросъ, я́сни (будь сильнѣе), у волка, у медвѣдя хвуостъ замерьзни". Ну, патомъ у волка, у медвѣдя хвостъ замéрсъ. Она пабѣгла въ деревню, лиса кума, и крицытъ: „бáбы, идити, идити, какую я вамъ пабáсинку скажý". Ну, бабы вышли. Ана сказала: „идити, идити, пагледити, у васъ нá зери какая вешшинка". Бабы пабѣгли. „А вы бегити съ тапарами, съ валькями и съ малатками, тамъ два волка замерьзли, рыпку лавили, лиса кума јихъ адманула". Патомъ аны пабѣгли, лиса кума асталась въ деревни. Ну, патомъ аны ушли, была маслина, бабы пекли блины, лиса кума—у нихъ стаяла на сталѣ малакó—ана у нихъ лись-пались. Патомъ аны аттуда идутъ съ озира. Патомъ аны гаварятъ. А лиса кума нá голову тѣсто налепила себѣ. Ана јимъ говоритъ: „бабы, какая у васъ праклáта деревня, фсю меня избили, голову дó мазгу фсю разбили". Патомъ лиса кума побѣгла въ лѣсъ, сарвалá лыцка, ну патомъ и гаваритъ—идётъ апеть въ другуй деревню. Ну пришла:—„Бабы пустити нацавать". Ну да, патомъ аны говарятъ: „мы бы тя пýстили, радима, нацавать, у насъ хлѣпъ квашня да ребятъ казнá". Ну, пабѣгла лиса кума дальшы въ другой дворъ. Ну, патомъ въ другомъ дварѣ выпрасилась: „пустити нацавать", и выпрасилася. „Ну, вотъ цаво. На вотъ тебѣ лыцка вамъ. А лыцка прападётъ, аддадити мнѣ ремёшыкъ". Ну, нóц пирнацавала и говаритъ: „бáбы, дайти маё лыцка". Бабы искали, искали, не нашли её лыцка. Она скаранила лы́цка. „Ну, давайти мнѣ, када лыцка прапала, давайти ремёшыкъ мнѣ". Ремёшыкъ ей дали. Патомъ ана пабѣгла въ другуй деревню на третью нóц. Въ третью деревню прибѣгла, стуцытъ въ

акошка: „пустити нацавать!“ Ну, патомъ она нацавала у нихъ, аны пу́стили её. Ремёшыкъ аддала́ јимъ. „Нати вамъ ремёшыкъ на саблюденья. Ремёшыкъ прападётъ, аддадити курыцку за ремёшыкъ“. Патомъ этатъ ремёшыкъ тожы прибрала́. Ну, хвать, похвать! аны утрамъ встаютъ, она и гваритъ: „ба́бы, аддайти мой ремёшыкъ“. Ну, бабы искали, искали, ремёшка не нашли, оддали ей курацку за ремёшыкъ. Ну, патомъ и побѣгла съ этай курацкой въ деревню, апеть тожа проситца нацавать и курыцку аддала. „Нати вамъ, бабы, курыцку, а курыцка прападётъ, аддадити мнѣ гуськя“, а сама ноцью фстала и курыцку эту съѣла, а пёрышки подъ навосъ скаранила. Ну, патомъ аны утрамъ встали, ищутъ её курыцку. „Давайти мнѣ, бабы, курыцку“. Бабы ищутъ, не нашли и оддали ей гуськя́ за курыцку. Ну, патомъ зъ гуськёмъ апеть пабѣгла въ лѣсъ. И адумала лиса кума: „какъ бы мнѣ сдѣлать луччи. Если мнѣ ево, гуськя, съѣсть, у меня ницаво и не выйдя“. Патомъ она обдума́ла планъ на эти жа абароты: какъ хадила въ деревни, такъ она апеть пашла въ деревни.—„Ну, бабы, пустити нацавать!“ Да бабы адны атказали, ана въ другой дворъ.—„Бабы, пустити нацавать!“ Бабы пу́стили.—„Пати маво гуськя. Гусёкъ у меня прападётъ, аддадити мнѣ быцка́“. Ну, патомъ и нацавала у нихъ. Ну, гуськя сваво добрава ноцью съѣла. Ну, патомъ и утромъ фстаётъ и баитъ: „бабы, давайти маво гуськя́“. Бабы туды, бабы суды, гуськя нѣту. Патомъ бились, бились, оддали лисицы быцка за гу́ся. Ну, патомъ она этава быцка взела, павела въ лѣсъ. Запрегла ево ф санки, патомъ и ѣдитъ. Дѣ ни взелись во́лки.—„Лиса кума, пасади насъ“. Ана и говоритъ: „ахъ ты, глаткай, краснай, ступай самъ потрудись. Я сколька хадила, трудилась“. Ну фсётки лиса кума јихъ пасадила на санки. У лисѣ кумѣ сламалась аглобля. Ана ево послала, волка, загло́блей. Ну, онъ срубилъ аглоблю, несётъ то́лстуй аглоблю, ну да!—„Що ты, глаткай, краснай, несёшь такую та, ввернёмъ ли её, она толста́ больна“. Патомъ бежитъ заицъ. Проситъ у лисѣ кумѣ сѣсть на сани.—„Ну, лиса кума, пасади меня!“ Ана гваритъ: „ишъ ты касой заицъ, ступай самъ патрудись. Я сама трудилася“. Патомъ ана ево сужалѣла, касова зайца, и пасадила. Ну, патомъ аны поѣхали дальшы. Патомъ аны ѣхали, ѣхали, сламалась у нихъ аглобля. Ну да, ана имъ

и говоритъ: „ну, ступай ты теперьца, касой заицъ, ступай ты, сруби". Ну да, онъ пашолъ; несётъ тоненькяй пру́тикъ. Ана ему и гваритъ: „ну, куды ты, касой заицъ, такой пру́тикъ несёшь? Онъ больна тонакъ, ни гадиццыть". Ну, патомъ и говоритъ: „аставайтись, стойти тутъ, я пайду сама, стойти у быцка". Ну, патомъ ана пашла въ лѣсъ. Пака тамъ прарубила, праходила, волки съѣли этава быцка и ей этава быцка апчикатурили и набили саломкай. Она идё, несё аглоблю, а аны дёржутъ. Стали запрегать быцка этава абадра́тава, а онъ не идё; ана запрегла ево, лиса кума, а онъ не идё. Ну, патомъ ана и гаворитъ: „но! но!" а онъ не идё, быцокъ этатъ. Патомъ и павалилси этатъ быцокъ и упалъ. Лиса кума—во́лки всѣ, какія были при лисѣ кумѣ—и разбежались, и зайцыкъ былъ, и онъ убѣкъ. И асталась лиса кума адна и думатъ: „цаво мнѣ буди дѣлать. Я асталась адна. Давай я какой ни на буть рукамесло буду апеть дѣлать". И пащла лиса кума — бабы жнутъ. Стаитъ у баби кушыньцыкъ. Патомъ ана, лиса кума, ататкнула кушыньцыкъ съ малацкомъ. Лиса кума нацала ла́пацкой выгребать сперва́. Ну, ей не показалась. — „Да-ка я скарей нали́жусь, всуну ф кушыньцыкъ го̀лову". Ф кушыньцыкъ голову вдѣла, а вынуть,—пабаталась, пабаталась, некакъ не вынитъ. Патомъ пабѣгла лиса кума на реку́. „Дай я тамъ ево утаплю". Патомъ влѣзла съ кушыньцыкомъ въ озера. Думала она ево, кушыньцыкъ, утапить, а кушыньцыкъ её утапилъ.

Егорьевскій у., Лѣка. Записано отъ Прасковьи (Плони). 1913 г.

---

226. [Мужикъ, медвѣдь и лиса].

Пахалъ мужыкъ сѣцу [новь]. Волкъ идётъ. „Я у тя, мужыкъ, кабылу съѣмъ". А онъ говоритъ: „лажысь въ мёжу. Я сѣцу дапа́шу, самъ её аддамъ". Ну, волкъ лёкъ, лежытъ въ межѣ. Ну, лиса выбигла и гваритъ: „мужыкъ, цаво у тибя въ межѣ лежытъ?" А онъ говоритъ: „пенёкъ". Ана говоритъ ему, лиса: „какъ былъ бы пенёкъ, былъ бы тапоръ ваткнутъ. А онъ говоритъ, волкъ: „мужыкъ, ваткни мнѣ, гово-

ритъ, тапор-атъ". Ана апеть вышла, лиса, къ нему. „Ежли бы пенёкъ бы былъ и верёвкай бы былъ завязанъ". Мужыкъ свезалъ ево и засёкъ ево. Лиса патомъ говоритъ: „мужыкъ, ты цаво мнѣ дашь за это?" — „Иди, говоритъ, я тебѣ пару куръ дамъ за это бѣлыхъ". Ну, онъ привёлъ лису, завезалъ двухъ сабакъ, въ мешокъ пасадилъ. Ну, лиса шла, шла съ сабаками и развезала мешокъ, и вышли двѣ сабаки за ней, пабѣгли за лисой. Ну, ана атъ ихъ бѣгла, бѣгла, фсётки забѣгла фъ сваю кануру, гдѣ ана находицца, ну и спрашыватъ: „вы, глаза, цаво дѣлали?"—„Мы гледѣли, какъ бы намъ атъ сабакъ убѣцъ бы паскарей".—„А уши, вы цаво дѣлали?"—„Мы слушали, далёко ли сабаки бегутъ".—„А вы, ноги, цаво дѣлали", спрашыватъ лиса апеть.—„Мы бѣжали, тарапилися апеть фсё атъ сабаки".—А ты, хфостъ, цаво дѣлалъ"" — „А я мешалси, щобы ты упалъ и сабаки разарвали". Ана и думала, що сабакъ нѣтъ, Ана и высынула сюды фостъ. „Нати вамъ, сабаки, хфостъ". Оны и вытащили её и разарвали.

Егорьевскій у. Дер. Ефремовская. 1913 г.

---

227. [Расправа съ любовниками].

Была село, была три папа. Ну и ходили они къ маладой баби фсѣ къ адной. Ну, пришолъ адинъ попъ. Ево хазяинъ убилъ да фъ пóтпалъ. Немного пагадя другой идётъ суды-жа. Онъ и этава убилъ, другова, также фъ пóтпалъ. Ну, маленькя пагадя и третій приходя суды-жа. Ну, уш куды папоф девать-та. Взялъ завалилъ аднаво на плецо и панёсъ въ рекý. Ну, идё мóстомъ. Сторошъ и спрашыватъ ево: „ты далёко идёшь, цево несёшь?"—„На рекý, говоритъ, а несý шутá".—„Ну, брасай ево". Онъ ево чибурáхъ въ рекý. Ну, другова взялъ и другова туды-жа панёсъ апеть. Ну и другова сторашъ спрашыватъ: „куда идешь?" —„На реку", говоритъ.—„А цево несёшъ?"—„Шутá". Да и за третьимъ пришолъ. Третьива панёсъ. Апеть фсё сторошъ спрашыватъ: „куды идёшь?"—„На реку", говоритъ. — „Цево несёшь?" — „Шута". Ну, ввалилъ въ рекý. Ну, патомъ зазвонили г за-

утрини. Папофъ ищутъ, а папофъ нѣту. Ну, сторошъ говоритъ: ноцью тутъ хадилъ адинъ мушшина и фсё кидалъ, говоритъ, шутофъ фсё. Ну, кинулись искать и наловили, фсѣхъ папофъ и паймали.

Егорьевскій у. Дер. Ефремовская. 1913 г.

---

228. [Петръ I и разбойники].

Шли двое: царь Петръ Алексѣевичъ и солдатъ (онъ не узналъ царя). Настала ночь, а ночевать имъ негдѣ: кругомъ лѣсъ. Царь говоритъ: „служивый, полѣзай на дерево, погляди, не виднѣется-ли гдѣ огонь". Солдатъ влѣзъ на дерево и увидалъ въ сторонѣ огонекъ. Они пошли на огонь и пришли къ разбойникамъ; ихъ не было дома, а оставалась одна старуха. Солдатъ говоритъ ей: „давай намъ ѣсть, бабушка; что̀ есть въ печи, все на столъ мечи".—„И-и, батюшка, у меня ничего нѣтъ". Солдатъ полѣзъ въ печь, а тамъ не вѣсть чего наставлено, всякаго жаренаго и паренаго. Наѣлись они съ царемъ и пошли на сѣновалъ спать. Пріѣзжаютъ разбойники; старуха разсказала имъ о гостяхъ. Вотъ атаманъ посылаетъ одного разбойника, чтобы онъ убилъ ихъ. Только разбойникъ подлѣзъ къ окну, какъ солдатъ взялъ саблю и отрубилъ голову. Пождалъ, пождалъ атаманъ и посылаетъ другого разбойника. Солдатъ и его убилъ. Сколько атаманъ ни посылалъ, тотъ всѣхъ убивалъ. Наконецъ, онъ пошелъ самъ, полѣзъ по лѣстницѣ на сѣновалъ.—Солдатъ отмахнулъ ему голову, а тѣло покатилось внизъ по ступенькамъ. На утро царь съ солдатомъ нашли у разбойниковъ много денегъ, забрали ихъ и распростились. Когда солдатъ пришелъ на ученье, царь увидалъ и наградилъ его.

Зарайскій у., д. Чурилково. 1897 года. Записано по памяти.

---

229. [Звѣриное молоко].

Жили-были дѣдъ съ бабой. Было у нихъ трое дѣтей: два сына и дочь. Старшій сынъ былъ умный, а младшій, Иванъ—дуракъ; зато сила у него была немалая: онъ часто

ходилъ на охоту и билъ много звѣрей. Когда онъ занимался охотой, умерла его мать, а потомъ и отецъ, и оставилъ онъ все свое хозяйство старшему сыну, а младшему съ дочерью—одну баню. Недолго прожили вмѣстѣ; старшій братъ прогналъ Ивана и сестру. Разрѣзали хлѣбъ, взялъ Иванъ половину и пошелъ съ сестрой въ свою баню. Скоро вышелъ у нихъ весь хлѣбъ, а ѣсть хочется,—что дѣлать? Взялъ дуракъ ружье и пошелъ на охоту. Принесъ онъ дичи и говоритъ: „вотъ тебѣ, сестра, жарь-парь!“ Скоро надоѣла имъ дичь. Иванъ и тутъ не сплоховалъ: настрѣлялъ много дичи, продалъ ее и накупилъ посуды и разныхъ нужныхъ вещей. Надоѣло ему все стрѣлять да стрѣлять, пошелъ онъ по грибы. Долго онъ шелъ, а грибовъ все нѣтъ; наконецъ лѣсъ сталъ такой частый, что пробраться черезъ него нельзя. Тутъ дуракъ сталъ вырывать съ корнями кусты и бросать ихъ въ сторону. Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ большому дому; кругомъ него дворъ, садъ, и все обведёно стѣною.

Онъ постучалъ въ ворота—никто не откликнулся; надавилъ онъ плечомъ—они и слетѣли съ петель. Постучался Иванъ въ дверь—опять никого не слышно. „Что за оказія!“ подумалъ онъ, „какой хорошій домъ, а никого нѣтъ“. Увидѣлъ онъ лѣстницу и полѣзъ по ней къ окну; оно было заперто. Дуракъ влѣзъ въ домъ, ходилъ, ходилъ; захотѣлось ему попить. Увидалъ онъ чанъ съ водой, а съ боку привѣшенъ ковшикъ. Хлебнулъ онъ ковшомъ—ему понравилось, онъ—другой, третій, да такъ цѣлый десятокъ и выпилъ. А въ чану-то была водка; онъ и охмѣлѣлъ. Сѣлъ онъ у окна и запѣлъ пѣсню. Вдругъ пріѣхали разбойники, съ атаманомъ 36 человѣкъ. Услышали они, что кто-то распѣваетъ у нихъ во дворцѣ. Вотъ атаманъ посылаетъ трехъ молодцовъ: „пойдите, говоритъ, уймите этого пѣвуна“. А дуракъ совсѣмъ разохмѣлѣлъ, пустился въ плясъ. Пришли разбойники, и одинъ сталъ ему наколачивать. Иванъ говоритъ: „отстань, чего лѣзешь? смотри, худо будетъ!“ Разбойникъ все бьетъ его. Тогда онъ какъ схватитъ его за волосы да какъ ударитъ объ полъ, такъ изъ него духъ и вышелъ. Подошелъ къ нему другой разбойникъ, а онъ схватилъ его за ноги да пустилъ имъ въ третьяго—сразу обоихъ прикончилъ. Подождалъ атаманъ и говоритъ: „чего

они такъ долго съ нимъ болтаютъ? пойдите, прикончите его". Сколько онъ ни посылалъ разбойниковъ, дуракъ всѣхъ побилъ. Видитъ атаманъ, что дѣло плохо, спрятался въ саду. А Иванъ вырылъ среди двора большую яму, закопалъ въ нее всѣхъ разбойниковъ и разровнялъ землю, какъ будто ничего и не бывало. Потомъ сталъ онъ ходить по дому и нашелъ много серебра и золота. Наложилъ онъ золотомъ полное лукошко; другому бы и не поднять, а онъ идетъ, словно грибы несетъ. Пришелъ домой ужъ поздно вечеромъ, показалъ сестрѣ золото; она такъ и ахнула. „Долго мы съ тобой жили въ этой лачужкѣ, надоѣло мнѣ; я домъ купилъ, пойдемъ туда!" На другой день дуракъ купилъ все нужное, самое лучшее, и зоветъ брата къ себѣ въ гости. Братъ говоритъ: „ну, что мнѣ у тебя дѣлать? вонъ пускай старуха идетъ". Какъ пришла его жена да какъ увидѣла золото и какъ у нихъ все богато, сейчасъ же домой побѣжала и стала бранить мужа: „дуракъ, ты дуракъ! взялъ въ наслѣдство однѣ гнилушки, а вонъ у дурака цѣлое лукошко золота". Старшій братъ пошелъ къ Ивану да какъ увидѣлъ все богатство его, такъ и ѣсть ничего не сталъ. Говоритъ онъ дураку: „вотъ сколько у тебя золота, а у меня однѣ гнилушки, подѣлись со мной": Дуракъ говоритъ: „бери, говоритъ, все лукошко, только больше ко мнѣ не ходи". Тотъ сталъ поднимать лукошко, анъ не тутъ-то было. Вотъ онъ сталъ просить дурака, чтобы онъ снесъ ему лукошко, а онъ говоритъ: „завтра я уѣду, тогда все и возьмешь". На слѣдующій день дуракъ съ сестрой пошли къ дому разбойниковъ. Прошелъ дуракъ версту, глядитъ—сестра-то отстала на полъ-версты. Взялъ онъ ее подъ мышку и понесъ. Пришли они къ тому мѣсту, гдѣ онъ тропинку прочищалъ; сестра спрашиваетъ, кто это прочистилъ; дуракъ разсказалъ, что прочистилъ онъ. Пришли они во дворецъ. Сестрѣ сначала жутко показалось, а потомъ ничего, обошлось, и стали они жить да поживать. Соскучился дуракъ безъ охоты, а сестра не пускаетъ его изъ дому. Наконецъ пустила его, а сама пошла въ садъ погулять. Вдругъ ей встрѣчается атаманъ; она отъ страху такъ и присѣла, а онъ самъ испугался, всталъ передъ ней на колѣни и проситъ, чтобы она не говорила брату, что онъ здѣсь.

Долго они разговаривали и очень другъ другу полюбились; она стала носить ему ѣсть и пить. Черезъ нѣсколько дней она отвела атамана въ комнату и заперла его, чтобы братъ не видалъ. Одинъ разъ, когда Иванъ ушелъ на охоту, сестра говоритъ атаману: „намъ братъ очень мѣшаетъ; извести бы его, да не знаю какъ: ужъ очень онъ силенъ“. А атаманъ отвѣчаетъ: „ты, говоритъ, притворись больной, а когда онъ будетъ спрашивать, какъ тебѣ помочь, ты и скажи: „приснилось, молъ, тебѣ во снѣ, что за сто верстъ отсюда есть дворецъ, около него садъ, а въ саду заграничныя яблоки; такъ чтобы онъ принесъ тебѣ этихъ яблоковъ для здоровья; тамъ живетъ много разбойниковъ,—отъ нихъ онъ не уйдетъ“. Она такъ и сдѣлала. Воротился братъ съ охоты, а она легла въ постель и сказала все, какъ атаманъ ее научилъ. Что дѣлать? дуракъ пошелъ, а ходьбы ему взадъ-назадъ три дня. Пришелъ онъ къ дому: стоитъ огромный домъ, еще лучше перваго, и весь кругомъ запертъ. Сломалъ онъ калитку, вошелъ въ домъ и увидѣлъ, что одна комната заперта. Нашелъ онъ ключъ, отперъ одну дверь, а за ней другая; рядомъ другой ключъ виситъ. Онъ отперъ дверь и увидѣлъ тамъ красну дѣвицу-душу. Она говоритъ ему: „зачѣмъ ты, добрый молодецъ, сюда зашелъ? убьютъ тебя разбойники! Я — царская дочь, и взяли они меня на тринадцатомъ году, а съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ“. Поговорили они, и говоритъ ему царевна: „запри меня опять и уходи отсюда поскорѣе“. Дуракъ заперъ ее и пошелъ въ садъ, а тамъ стоитъ заграничная яблоня; вотъ онъ и думаетъ: „нарвать мнѣ яблоковъ, или всю яблоню изъ-подъ корня вырвать?“ Схватилъ онъ яблоню и вырвалъ съ корнемъ. Только это онъ несетъ ее по двору, а навстрѣчу ему—разбойниковъ триста человѣкъ. Завидѣли его разбойники и говорятъ: „экой шутъ, цѣлую яблоню унести хочетъ“. Стали они его затрогивать, а онъ говоритъ: „что вы меня, братцы, бьете?“ Прошелъ онъ бочкомъ къ воротамъ, вынулъ большой желѣзный засовъ и давай ихъ крошить. Всѣхъ покрошилъ. Потомъ вырылъ на дворѣ яму, свалилъ ихъ туда, засыпалъ, заровнялъ и пошелъ во дворецъ. Пришелъ онъ во дворецъ, отперъ царевну и пошелъ съ ней назадъ. Она все отставала; тогда онъ взялъ ее подъ мышку и принесъ къ себѣ. Увидала его сестра и притво-

рилась больной; онъ далъ ей яблоковъ, и ей пришлось встать съ постели. Прошло нѣсколько дней—дуракъ опять отправился на охоту. Сестра названная отговаривала его, говорила, что ей страшно будетъ безъ него, а потомъ пустила на часъ и дала ему часы. Онъ сроду не видалъ часовъ, а всетаки она ему растолковала, и онъ понялъ. Идетъ онъ, и все на часы смотритъ, чтобы, значитъ, не пропустить время; такъ все смотрѣлъ и ничего не поймалъ. Разъ онъ ушелъ на охоту; сестра говоритъ царевнѣ: „ты бы пошла, погуляла въ саду“. Царевна еще раньше замѣтила, что та все посылаетъ ее изъ дому, когда дуракъ уходитъ на охоту. Вотъ она и спряталась около той комнаты, гдѣ былъ разбойникъ. Сестра пошла къ атаману и говоритъ ему: „какъ бы мнѣ похитить брата?“ А тотъ говоритъ: „научи его, говоритъ, въ карты играть, и сдѣлай такой уговоръ, что если ты его введешь въ дураки, такъ ему въ первый разъ завязать руки простымъ канатомъ, во второй разъ — смолянымъ, а въ третій—волосянымъ, а ежели онъ тебя въ дуры введетъ, такъ тебѣ вязать руки платочкомъ“. А царевна-то сидитъ въ другой комнатѣ и все слышитъ. Пришелъ дуракъ съ охоты, сестра и говоритъ ему: „что ты все охотишься? Не хочешь-ли въ карты поиграть?“—„Да я, говоритъ, не умѣю“.—„А вотъ давай, я тебя научу“, и научила его. Стали они играть въ дураки, а царевна не стала стала спрашивать ее сестра: „что же ты, сестра названная, не играешь?“ — „Что-то у меня, говоритъ, животъ болитъ; привыкла я у батюшки носить ременный поясъ; такъ дай мнѣ саблю поиграть“. Дали ей саблю, и она привѣсила себѣ. Въ первый разъ сестра осталась дурой; вотъ связалъ ей дуракъ руки платкомъ, а она и платокъ разорвать не можетъ. Другой разъ она ввела его въ дураки и связала ему руки канатомъ. Онъ какъ понатужился—такъ канатъ и лопнулъ. Опять сѣли они играть; опять онъ дуракомъ остался; скрутила ему сестра руки смолянымъ канатомъ, а онъ опять разорвалъ его. Еще разъ сѣли играть; опять дуракъ остался; связала она его волосянымъ канатомъ, не могъ онъ разорвать. Тутъ она пошла къ атаману и позвала его. Только онъ всунулъ голову въ дверь, какъ царевна выхватила саблю и отсѣкла ему голову. Увидалъ это дуракъ, разсердился, рванулъ канатъ — онъ

и лопнулъ. Тутъ схватилъ дуракъ сестру за голову да за плечи и разорвалъ ее пополамъ.

Сталъ дуракъ жить съ царевной. Разъ она говоритъ ему: „теперь ты мнѣ не братъ будешь, а женихъ, и потому хочу я тебѣ грамотѣ учить“. Сейчасъ же она начала его учить и скоро выучила. Потомъ пошли они къ царю, свадьбу сыграли, и теперь все живутъ въ мирѣ да въ согласіи.

Зарайскій у., д. Новое Батурино. 1897 г. Зап. вслѣдъ за разсказомъ крестьянина.

---

230. О купцѣ.

Былъ-жилъ одинъ купецъ. У него было двое дѣтей: сынъ да дочь; и онъ ужасно дочь не любилъ, просто не могъ ее видѣть. Послалъ сына зарѣзать ее, а изъ ней принесть сердце. Ну, братъ пожалѣлъ ее, взялъ, зарѣзалъ собаку, вынулъ изъ собаки сердце, принесъ его, а самъ ее пустилъ на Божью волю, — куда она хочетъ, туда и идетъ. И пошла она, бѣдная, наплакалась—залилась!—куда глаза глядятъ. Пошла въ поле, попалась къ пастуху, нанялась къ нему стадо стеречь. Годъ стерегла и два стерегла; на третій годъ ей надоѣло, она ушла. Ну, зашла въ лѣсъ, нашла себѣ въ деревѣ дуплё такое, влѣзла въ дуплё и жила тамъ. Вдругъ напали на нее собаки, начали лаять на дуплё. Вдругъ наѣхали охотники, спрашиваютъ, кто живетъ тамъ. Она имъ отвѣчаетъ: „я не могу къ вамъ выйтить: я нагая и босая“. Вылѣзла она оттэля; одѣли ее, обули. А отецъ ея этимъ охотникамъ былъ знакомый ближній. И вотъ они нарядили ее въ мужскую одежу; собирались къ нему въ гости и взяли дочерю съ собою. Тамъ пили, ѣли, гуляли, и изъ нихъ одинъ, охотниковъ, говоритъ: „я люблю очень сказки сказывать; не угодно ли кому-нибудь послушать?“ Ну, а этомъ купецъ говоритъ: — „я люблю сказки слушать“. А онъ говоритъ: „кто если поперечитъ, тому глазъ вонъ“. Ну, вотъ онъ началъ разсказывать. Сказалъ одинъ разъ и другой разъ; а купецъ понялъ, что про него онъ сказываетъ, только перечить нельзя.

Зарайскій у., д. Чурилково. 1897 г.

---

231. Про Хихилюшку и Бабу-Ягу.

Жили-были котъ да Хихилюшка. Однажды котъ пошелъ на промыселъ, а Хихилюшку посадилъ на яблоню, играть золотыми яблочками. Вотъ приходитъ къ яблони Баба-Яга и говоритъ Хихилюшкѣ:

Хихилюшка,
Мой батюшка!
Дай яблочко изъ ручки въ ручку"

Только онъ протянулъ руку, какъ Баба-Яга схватила его и потащила. Тутъ Хихилюшка закричалъ: „котику-братику, выручи меня!" Услыхалъ котъ, догналъ Бабу-Ягу и отнялъ у нея Хихилюшку. Другой разъ котъ пошелъ на промыселъ и посадилъ Хихилюшку на яблоню выше прежняго. Опять утащила его Баба-Яга", но котъ его снова выручилъ. Третій разъ, уходя на промыселъ, онъ посадилъ Хихилюшку на самую верхушку яблони. Опять Хихилюшка попалъ къ Бабѣ-Ягѣ въ руки и закричалъ: „котику-братику, выручи меня!" Но котъ уже такъ далеко ушелъ, что не слыхалъ его голоса. Баба-Яга принесла Хихилюшку къ себѣ домой и велѣла своей дочери его изжарить, а сама ушла. Та поставила на шестокъ лопату, какой въ печь хлѣбы сажаютъ, и сказала Хихилюшкѣ: „садись на лопату". — „Покажи мнѣ, какъ сѣсть: я не умѣю". Она сѣла, а Хихилюшка взялъ да всунулъ ее въ печь; такъ она тамъ и сгорѣла. Послѣ этого онъ пошелъ на чердакъ. Идетъ Баба-Яга и поетъ:

„Покатаюся,
Поваляюся,
По Хихилюшкинымъ костямъ".

А Хихилюшка ей съ чердака отвѣчаетъ:

— Покатайся-поваляйся
По дочернимъ костямъ! —

Она полѣзла на чердакъ, а онъ столкнулъ ее съ лѣстницы; она упала и убилась до смерти. А Хихилюшка пришелъ домой, и стали они съ котомъ жить, поживать да добра наживать.

Зарайскій у., д. Чурилково. 1897 г. Записана по памяти.

232. [Солдатъ и баринъ].

Говорилъ баринъ съ солдатомъ; солдатъ сталъ хвалить свою шинель: „когда мнѣ нужно спать, постелю я шинель и въ голова положу шинель и покроюсь шинелью“. Баринъ сталъ просить солдата продать ему шинель; вотъ они сторговались за 25 рублей. Пришелъ баринъ домой и говоритъ женѣ: „какую я вещь-то купилъ! Теперь не нужно мнѣ ни перины, ни подушекъ, ни одѣяла; мою шинель постелить, въ голова положить и одѣться шинелью“. Жена стала его бранить: ну, какъ же ты будешь спать? — И точно, баринъ постелилъ шинель, а въ голова положить и одѣться нечѣмъ; да и лежать-то на ней жестко. Пошелъ баринъ къ полковому командиру жаловаться на солдата. Командиръ велѣлъ фельдфебелю позвать его. Привели солдата. „Что же ты, братъ, говоритъ командиръ обманулъ барина?“ „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе“ сказалъ солдатъ; взялъ разстелилъ шинель, голову положилъ на рукавъ и накрылся полою. Полковой командиръ еще наградилъ солдата, далъ ему на выпивку.

[Вотъ какъ поработаешь да долго не спишь, такъ и на камнѣ заснешь; а кто ничего не дѣлаетъ, тотъ и на перинѣ не уснетъ.]

Зарайскій у., д. Новое Батурино. 1897 г.

---

233. [Оклеветанная сестра].

Жылъ-былъ мушъ ж жаной, и у нихъ детей—отъ энтай жены двоя и отъ этай пашли дѣти. Отъ атецъ и говоритъ: „давайте, дѣти, поѣдимъ въ лѣсъ, я—драва рубить, а вы—яготки сабирать“. Дальше—больше. Атецъ у нихъ уѣхалъ изъ слухо̀въ вонъ, оны и остались адни, не знають, куды патить. Шли, шли по́ лѣсу, и вышла имъ дарошка. Оны па этой дорошки пошли, шли, шли па этай дарошки — старошка стаить. Ну, и вашли въ эту старошку — сидить старушка. „Аткель васъ γаспоть несе́?“ Оны ей расказывать

стали. „Насъ папаша атвёсъ насъ въ лѣсъ, а самъ уѣхалъ атъ насъ. Мы не знаемъ, куды и γаспоть насъ вынесъ". Ну, жыли аны до возрасъ-лѣтъ у этой бабушки. Вазрасли аны, и говоритъ братъ: „ну какъ, сестра, тибя ли вперётъ замужъ аддавать, или мнѣ женицца". Ана атвѣцаетъ: „нѣтъ, братецъ, женись ты вперётъ". Онъ жанѝлси, прижылъ тамъ дитя, ана, эта снаха, попалась такая подлая, и задумала свою заловку сагнать, известь её. И пойдёть братъ на работу, къ вечеру приходитъ, она, эта жена, своё дитя возмёть и за окошка бросить и ему говорить брату: „вотъ твоя какая сестра, дитьми нашыми измываитца, бросила дитя за окошка!" Ну, братъ перетерпѣлъ, ницаво не сказалъ до другова дня. Апеть братъ на другой день ушолъ, приходить дамоя, (такъ), ана взела, на ногу стала на сваё дитя и раздёрнула и бросила. Приходить апеть, идёть братъ дамоя. Она ему апеть: „вотъ твая сестра дитя наше какъ раздёрнула ево попаламъ". Ну, братъ говорить сестрѣ: „ну, сестрица, поѣдимъ съ табой въ лѣсъ драва рубить", и завёсъ её въ лѣсъ гу́стый, непрохадимый. И говорить: „ну, сестра, цаво мнѣ тибѣ рубить, голову али руки по́лакать". Ана и говорить: „братецъ мой милай, сѣки мнѣ руки по́ лакать." Она и пошла, куды жъ её апять Господь вынесить. Приходить къ рѣкѣ; пирявошшикъ—жанихъ харо́шый, и ана—дѣвица харошая изъ себя, и пандравилась этаму малатцу ана, пандравилась, и гаварить маладецъ: „ну, папаша, я на ней женюсь". Аны ево и уговаривать: „куды ты сухорукую, за те любая пайдѣть". А онъ: „вазьму и вазьму", ницаво не гледё, и повѣнцалися. Стали жыть съ нимъ и апеть дитя прижыли, и идѣть её мужъ самый на работу дальнюю. Ана—время ей пришло радить. А онъ приказалъ: „милыи маи радитили, цаво жена не́ радить, вы её са двара не сби́вайтя". Ну, ана радила́ сына—ва лбу мѣсицъ, на затылки солнышко, по вискамъ часты звѣзды. Ну, аны написали письмо мужу, што такова такова дитишша радила́ харошыва. Ну, эта ей письмо попади этой самой снахѣ. Ну, ана процитала и написала пасвоему, што сабацья морда, свининая шерсть на нёмъ. Ну, до мужа письмо эта дошло снохѣ этой. И онъ апеть атьвѣтъ отдалъ: „чаво бы не радила́, до моево прихода не сбивать, штобы жыла у меня". Ну, эта снаха апеть слышыть эти дѣла. Пришла къ ней и написала, штобы до маво прихода

не была её, этай жанѣ, на дому́ штопъ нѐ была. Ну, свѐкаръ и гаворить: „ну, малотка, мушъ написалъ—убирайси, куды хошь иди“, а у ней рукъ нѣту. Ана—взяли ей запаясали младеньца, и ана взяла да пашла. Дашла да рѣкѣ, захатѣла пить, стала нагинацца пить да малава упустила́ въ рѣку. И ей гласть—не видить никаво—а ей гласть: „подыми, женьщина, младеньца“. Она атвѣцаеть. „γосподи, чѣмъ же я падыму: у миня рукъ то нѣтъ“.—„Да ты протенись, протенись!“ Ана стала нагинацца, ей γосподь руки то и далъ. Ана и взела младеньца. Ну, взела и пошла и пошла съ этимъ младеньцемъ. И приходить апеть къ сваей, къ этай самай къ снахѣ, а у этай снахѣ стала быть тамъ мушъ работалъ и рабочіи. Ана и гаварить, закинула: „дайтя я вамъ какую сказку раскажу—она угадала сноху и брата, а оны еѐ нѣтъ — и говорить: „я буду сказывать сказку, штобы не перебивать, а если хто перебьѐть, то и́зъ спины ремень вырѣзать у этава человѣка“. И давай казать пра сваё пахажденіе. „Ну, мы и зъ братомъ жыли; у атца двое, братъ и сестра, жыли, атецъ насъ атвёзъ въ лѣсъ и уѣхалъ атъ насъ, и мы не знали, какой лѣсъ, и мы пашли и пашли, куды Госпоть вынесеть. Ишла дарошка, и мы по дарошки этай пошли, стаить старошка, мы въ эту старошку зашли, тамъ стàренька старушка сидить, и стала насъ спрашывать, гдѣ васъ Госпоть несѐть. Аны атвѣцяютъ: „насъ атечь атвёзъ въ лѣсъ, а самъ отъ насъ уѣхалъ“. И эта старушка ихъ вывадила да возраста-лѣтъ. Братъ и говоритъ: „кому намъ женица вперётъ, тея ли женить вперётъ или мнѣ вперёдъ женицци“.—„Нѣтъ братъ, сестра говорить, женись, братецъ, вперётъ“. Жанился братъ, взялъ такую лихую жену, прижылъ дитя, ана и стала, залофка, измывацца. Пайдѐть братъ на работу, а она возьмѐть сваё дитя, за акошко бросить, и братъ перьтерпѣлъ расъ, ницево не сказалъ. Другой расъ пошолъ братъ, идѐть оттуда, она взяла сваё дитя, на ногу встала и раздёрнула попаламъ ево“. И снаха эта дагадалась: „ну, эта хвасты, штобы сваво дитя тахта сдѣлать“.—„Ну вотъ, ана меня перебила, штобы ей и́зъ спины ремень вырѣзать“. И братъ—и жалко сестру и говорить: „паѣдимъ съ табой, сестра, въ лѣсъ драва рубить“. И заѣхалъ братъ въ лѣсъ непрахадимый и говорить сястрѣ: „што мнѣ у тебя рубить, голову или руки по́ лакать?“ Ана

атвѣцяить: „милый мой братецъ, не сѣки мнѣ голову, сѣки мнѣ руки по́ локоть“. И уѣхалъ отъ ней, и она осталась одна опеть. И пошла, куда её Гасподь вынисить. И приходить къ рѣкѣ. Пирявощикъ, паринь маладой, влюбился въ неё. „Хараша дѣвица, вазьму её замушъ“, отчю съ матирью говорить. Оны ему атвѣчають: „милый мой сынъ, за тея любая пойдеть, косорукая на што намъ“. Ну, онъ не послушалъ, што „же́нюсь на ней“. Жанилси́, пожыли тамъ сколько, брюхо прижыла, и пошолъ на работу, и говорить атцу-матири: „милые маи радители, чево мая жена не радить, до маво приходу не збивайтя ея“. Ну, радила́ сына, ва лбу мѣсицъ, въ затылки солнышка, по вискамъ часты звѣздочки. Ну, радитили рады, посылають сыну письмо, пишуть, што жена твая родила сына, по́ локоть руки въ золоти, во лбу мѣсицъ, по вискамъ часты звѣзды. Ну, и эта письмо пошло и папади это письмо къ снохѣ къ этой, къ лихой, и она взела и такъ и написала, што эта сабачья морда, шерсть свининая, и принесли это письмо мужу; „чаво бы Бохъ не далъ, до моево приходу не сбивайтя“. Апеть эта письмо къ снахѣ попала. Она написала, штобы до маво приходу, штобы ей не было. Аны и говорять: „куды хошь иди, мужъ прислалъ, штобы тебя не было до маво приходу“. И взяли и завернули ей шушпаньце, ребенка завернули, запаясали, ана и пошла. Приходить къ рѣкѣ. Захатѣла напицца. Нагнулась пить, и у ней ребенокъ изъ пазухи выпалъ, выпалъ ребёнокъ въ ряку. Слышить гласть: „падыми дитя“. Ана атвѣцаить: „Господи, Господи, чѣмъ? я упаду: у меня рукъ то нѣту“.—„Ну, ты, говорить, ты нагнись, ты нагнись, тебѣ Господь руки дасть“. Она нагнулась, ей Господь руки далъ. Она и взяла своё дитя и пашла, съ нимъ, зашла опять къ сваей снахѣ лютой. Тамъ мужъ работаить, и мужъ ее призналъ. „Эта моя жена“, и пряма этой сваей снахѣ говорить: „што она меня перебила, штобы у ней и́зъ спины ремень вырѣзать“. Ну, ей вырѣзали. Аны съ мужемъ признались, другъ съ дружкой признались и пашли къ атцу къ матери на домъ.

Спасскій у., с. Бѣльское. 1913 г.

234. [По колѣна ноги въ золотѣ...].

Жылъ царь съ царичай, и цариця брюхата стала. У нево, царя, ащо другая была, и ана радила сына. Ана, эта полюбовница, и данесла царю: „що твая супруга родила такова и на всѣхъ звѣрей паходя“. И онъ, чарь, не стерпѣлъ и говорить: „засмалить ево въ боцку и пустить ево въ ряку́“. И онъ съ ней тамъ сколько время, сынъ. Онъ росъ не по годамъ, а по часамъ, съ матирью въ бочки и прѝплыли хъ краю, и онъ говорить: „мамаша, мнѣ тѣсна тутъ“.—„Ну, ты, говорить, дитя, надуйся и не вышыбишь ли дно у бочки“. Онъ прямо надулся, талканулъ, дно вылетѣло, и аны вылѣзли съ сваей матирью на свѣтъ. Вылѣзли на свѣтъ и пашли. Стаить домъ, и оны въ этотъ домъ взашли и стали жыть. И говорить: „какъ, мамаша, намъ чаво прижыть къ дому? Ну, испики мнѣ, мамаша, пышечку и баслави меня по острову пагулять“. Онъ тамъ и задумалъ: „э, говорить, Господи, кабы мнѣ Господь далъ домъ-та трёхэтажный“. Идёть аттэля, и домъ у нево стаить трёхэтажный. Онъ идёть къ матери сваей, и стали жыть. Идуть старьци. „Што это тутъ за мо́лодецъ живёть“. Ну, онъ сичасъ: „падёмъ, чарю данесёмъ“. И пришли около чарёва дома и запѣли. Выходитъ къ нимъ чарь. „Што вы за старьци, што вы за нищи? Ни пьете, не еди́те, адну пѣсню пае́те“. Ну, этотъ самый маладецъ сабаку-блошку паслалъ, чево тамъ этотъ чарь будетъ гаварить. „Чарь нашъ бѣлый, старьци атвѣчають, не дай намъ голову отрубить, дай намъ рѣчь пагаварить“. Онъ апеть имъ чарь атвѣчаить: „гавари скарѣй“.—„У эткава мо̀латца по́ локать руки въ золоти, ва лбу мѣсяцъ, въ затылки красное солнышко, по вискамъ часты звѣздочки“. Ну, чарь этотъ смы́кался поглядѣть этово молотца, а ево са́мая эта супруга: „ну, у насъ это садъ есть, а въ саду яблаки висять“. Ну, сабачка-блошка къ этаму млатшему прибѣгла. Онъ ево спрашиваить: „ну, што тамъ говорять!“ Ну, онъ савсѣмъ хатѣлъ ѣхать, да супруга атгаварила: „у насъ, говорить, садъ, а въ саду яблаки висять“.—„Ну, апять испеки пышечку, блаγаслави по острову пагулять“. Тамъ задумалъ: „Господи, кабы мнѣ Господь послалъ такой то садъ, въ саду бы яблаки висѣли“. Приходить апеть аттэля къ мамашы сваей, у нево

стаить сатъ, и въ саду яблаки висять. И апеть идуть старьци. „Што, говорять, за мóлодецъ такой, надо чарю данесть“. Они пошли чарю данасить, а онъ апеть сабачку-блошку паслалъ за ними; аны апеть пришли ка двору, запéли, выходить чарь къ нимъ: „што вы за старьци, што вы за нищи, ни пьете, ни ядите, адну пѣсню паётя?“ Аны и говорять: „чарь нашъ бѣлай, не дай намъ голову атрубить, дай намъ рѣчь пагаварить“. — „Гавари, скарѣй!“ Ну, она петь вышла эта хазяйкя чарёва. „Э! эта што! У насъ въ саду ходить кабылица-табуница, двѣначать жеряпцовъ, жеребецъ жеряпца лучшы“.—Ну, сабачка-блошка апеть къ малатцу: „ну, цяво тамъ, гаварять?“—„Ну, говорить, онъ апеть бы ѣхать къ нему, да жена атьвѣчаить, што у насъ тахъ-та въ саду кабылица-табуница, она всё расказываить“. Она расказала, а онъ: „ну, мамаша, испяки мнѣ пышечку и блаγаслави па острову пагулять“. И апеть тамъ гулялъ онъ и задумалъ: „кабы Господь мнѣ далъ—по саду кабылица-табуница ходила и двѣначать жерепцовъ, жеребецъ жерябца лучша“. Ну, апеть идёть къ мамашы сваей въ домъ, у нево ходить по саду кабылица-табуница и двѣначать жеребцовъ. Апеть старьчи къ нему пришли, онъ милостыню подалъ, а они говорять: „што эта за мóлодецъ, падёмъ чарю донесёмъ“, а онъ послалъ апеть сабачку-блошку атбирать рѣчь. Опеть пришли къ чарю, къ дому, и заслужыли апеть. Чарь выходить апеть къ нимъ. „Що вы за старьци, що вы за нищи, ни пьёте, ни ядите, адну пѣсню паёте?“ Аны ему атвѣчають: „чарь нашъ бѣлай, не дай намъ голову атрубить, дай рѣчи пагаварить, у этакава молотца руки пó локоть въ золотѣ, во лбу мѣсяцъ, въ затылки солнышко, по вискамъ часты звѣздышки“. Чарь хоть бы ѣхать апеть и гледѣть, какой такой маладéцъ. И выходить апеть его жена и говорить: „э! эта што! а у насъ по саду ходить быкъ двѣнадчать раговъ, на всякамъ рагу по двѣнадчать стаговъ носить“. Чарь апеть атдумалъ. Апеть, сабачка-блошка къ энтаму и побѣгла. Онъ апеть: „ну, мамаша, испеки мнѣ апеть пышечки, блаγаслави по острову пагулять“. Онъ апеть пашолъ погулять и задумалъ тамъ: „кабы мнѣ Господь далъ—быкъ хóдить, 12 рогъ, на всякамъ рогу носить 12 стагофъ“. Ну, апеть онъ аттэль къ мамашы сваей идёть. У нево ходить по саду быкъ 12 рогъ, на всякамъ рагу

12 стагофъ. И апеть старьци эти къ нему прихо́дють. Ну, онъ апеть имъ подносить милостыню. Аны апеть: „падёмъ, чарю данесёмъ“. Ну, аны пришли апеть къ чарю и запели, и выходить къ нимъ апеть чарь и говорить апеть: имъ: „што вы за старьци, што вы за нищи, не пьёте, не ядите, адну пѣсню паёте?“ Аны говорять: „чарь нашъ бѣлый, не дай намъ голову атрубить, дай намъ рѣцъ пагаварить: у этакава малатца руки по́ локоть въ золотѣ, ва лбу мѣсицъ, въ затылки солнышко, въ вискахъ часты звѣздушки, и домъ у нево трёхетажный, окола́ дому садъ, въ саду яблоки висять, и по́ саду ходить кабылица-табуница, 12 жеребцовъ, и ходить быкъ 12 роговъ, на всякомъ рогу носить 12 стогофъ“. Ну, и сичасъ чарь смыкался ѣхать: надо паглядѣть, што эта такой за мо́ладецъ. И выходить ево апеть эта супруга и говорить: „э! эта што! У насъ въ саду лятать (такъ) птици жарскіи, стихи чарскіи, каты заморскіи“. Ну, сичасъ сабачка-блошка, апеть къ этому молотцу. „Што тамъ говорять?“ — „Савсемъ бы ѣхать, но жена апеть адбила и говорить, што у насъ въ саду лятать птици жарскіи, стихи чарскіи, каты заморскіи“.—„Ну, мамаша, бласлави меня по острову погулять“. Онъ пашолъ, апять задумалъ: „э, кабы мнѣ Господь послалъ—въ саду лятать птици жарскіи, стихи чарскіи, каты заморскіи“, и идёть апеть къ сваей матири—у нево въ саду лятать птици жарскіи, стихи чарскіи, каты заморскіи. И апеть старьчи къ нимъ въ домъ, имъ миластыню подали и пашли апеть къ чарю данесть, што такой за моладецъ. Ну, чарь къ нимъ выходить апеть. „Што жъ вы за старьци, што жъ вы за нищи, ни пьёте, ни ядите, адну пѣсню паёте?“ Аны ему атвѣчають: „чарь нашъ бѣлай, не дай намъ голову атрубить, дай намъ рѣчи пагаварить. У эткава молатца по́ лакать руки въ золотѣ, во лбу мѣсицъ, въ затылки солнышко, по вискамъ часты звѣздушки.... Атгаварила жена: „эта што! У насъ мостъ хоть на шастёрки ѣхай“... Онъ апеть: „испеки мнѣ пышечку, бласлави меня по острову пагулять“. И апеть задумалъ: „э! кабы мнѣ Господь послалъ мостъ на шастёрки праѣхать“. Ну, идёть, пришолъ къ мамашѣ — у нево мостъ уже остроенъ, на шастёрки ѣхать. Ну, старьчи опеть пришли. „Къ чарю подёмъ, данесёмъ чарю“... Запѣли, сабачка-блошка апеть за ними рѣчь атбирать. Пришли, запѣли, онъ, чарь, вышелъ; „што вы за старьчи, што вы

за нищи, ни пьёте, ни ѣдите, адну пѣсню паёте?“ — „Чарь нашъ бѣлай, не дай намъ голову атрубить, дай намъ рѣчъ пагаварить!“—„Гавари скарѣй!“—„У эткава мóлатца по колѣна руки въ золотѣ, во лбу мѣсицъ, въ затылки соньце, по вискамъ часты звѣзды“. Онъ, чарь, и говорить: „надо ѣхать, запрегайте лашадей“. Сицасъ эта блошка-сабачка къ этому млатшему.—„Што тамъ говорять?“ А та атвѣчать: „сичасъ ѣдуть, ѣдуть сичасъ“. Ана, эта самая мамаша говорить: „эхъ, дитя, куды бы мнѣ тебя схоронить“. Взяла ево въ сундукъ запёрла бальшой. И запрёхъ чарь своихъ тройкю лашадей и жану сваю пасадилъ. Ничѣмъ жена не атбилась. Пріѣжжаить къ ней на хватёру и говорить бѣлай чарь: „какой тутъ такой молодецъ, мнѣ доносили, живёть, што у нево руки по лóкоть въ золотѣ, ва лбу мѣсицъ, въ затылки солнце, по вискамъ часты звѣзды“. И призналъ онъ сваю жену — эта бабка ево жена. „Гдѣ-жъ онъ у тея находитца, этотъ маладецъ?“ Ну, ана его атперлà изъ сундука. Онъ весь какъ жаръ весь, на нёмъ всё гарить. И онъ призналъ, що „эта мая супруга и дѣтища моё“, и эту сваю самую палюбовницу—ихъ всѣхъ пасадилъ, а её привязалъ за карету и всю её размыкали. Какъ она ни атбивалась, и всеё размыкали. И типерь паживаетъ этотъ бѣлый чарь съ женой сваёй съ законной.

Спасскій у., с. Бѣльское. Зап. отъ Лукерьи Трофимовны. 1913 г.

---

235. [Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка].

Вотъ тахъ таγды были нерадныи дѣти: дѣвоцка и мальцикъ, и пошли аны въ лѣсъ, и братецъ напицца захатѣлъ, этотъ мальцикъ. „Ты, братецъ, не пей: это лашадиная капытца, ты будишь казельцикъ“. И онъ не стерпѣньемъ: „Нѣтъ, сестрица, я оцень захатѣлъ напицца водицы“, и напилси, и йдеть за ней, бякаить. „Вотъ, братецъ, я гварила: не пей—будишь козельцикъ — эта вѣрна“, а гледь, царёфъ сынъ ѣдить и говорить: „дѣвушка-красавица, ты за меня замужъ пайдѐшь?“—„Да у меня братъ казёлъ, а то бы я первенцалась“. — „Ну, онъ, говорить, у насъ сай-

дѐть“, и первенцелись ани. Ну, и задумалъ царёвъ сынъ ѣхать въ Резань, а сваю Алёнушку оставляить адну. Ну, ани, ее подруги, изистожыли её, ево жену. Ну, и взела ее подруга въ её платье всё убралàся. И пріѣжжаить изъ Резани этотъ царёвъ сынъ, и ана ему говорить: „давай казельцикъ рѣзать“. Онъ пасматрѣлъ, што эта сестра выдумала надъ нимъ — брата жалка, а то рѣзать хоцетъ. Онъ: „пагади меня рѣзать, а пойду на рѣку́, схо́дю“. Они энту жану изистожыли, онъ и ходить, кричить на рѣку́, онъ кричить: „сестрица мая, тебѣ тошна, а мнѣ ташнѣе тваво. Нажы тацять, и катлы кипять, и рѣзать меня хотять“. Ина ему кричить: „братецъ ты мой, тебѣ тошно, а мнѣ ташнѣе тваво, горюцъ камень ка дну тянетъ“. Ну, онъ опеть приходить братецъ на̀ домъ, апеть ему говорить: „давай казла рѣзать“, а онъ говорить: „пойду на рѣку кишоцки абмою“. Ну и онъ пашолъ апеть къ сестрѣ сваей на рѣку́, и царёвъ сынъ пошолъ за нимъ досмотрить, зацѣмъ на рѣку ходить. И онъ приходить, и она къ нему вылазіить, ево сестра, и́зъ моря. Ну, и онъ, царёвъ сынъ, апустилъ руки и угадалъ свою жену Алёнушку. Ну, и незля ему её взеть, и приходить онъ дамой, сваво казла пусти́лъ на вольную волю и самъ рашылъ сваю жысть.

Спасскій у., д. Дорофеевка (близъ с. Бѣльскаго). Запис. отъ Авдотьи Акимовны. 1913 г.

---

236. [Морской царь]...

Оддали въ салдаты, асталась жена берѐменна, и онъ и́деть изъ салдатовъ, служылъ двацать лѣтъ, не знаить, што жена тутъ радила, што жывы ли или нѣтъ. И онъ шолъ, упрѣлъ и хоцетъ въ рѣку приклониться, въ рѣкѣ напитца. И онъ ево паймалъ за бороду. „Ты цёво не знаешь въ доми, аддашь мнѣ, а то самъ тутъ астанесся, не пушшу тебе“. Онъ думалъ, думалъ, говоритъ: „аддамъ“. Не знаить, цево въ доми, всё знаить, а этава не знаить, цё тутъ есть. И приходить ка двору, онъ ево встрѣцеить: „папинькя, папинькя“, а онъ ему говорить: „сынокъ, сынокъ, я те про́далъ, и въ этотъ вотъ день велѣлъ тебѣ выхади́ть“. Патходять

эти цясы, и онъ пашолъ, пашолъ и приходить—въ балоти стаитъ домъ страшенный, гледить—и этатъ дедъ ево выходить, слязаить съ приступокъ, и у нево упала изъ кармàна шашка. Онъ, мальцикъ, падымаить и говорить: „дѣдушка, дѣдушка, я тваю патерю нашолъ!“—„Ахъ, внуцка милай, эта ты ка мнѣ пришолъ, заевúлси. Надо тея, Ванюша, жанить, я те ждалъ, на--тея женить. Ты вазросъ, въ гадахъ сталъ, надо тея жанить“. Ну, атвецеить: „выбирай себѣ невѣсту“. И онъ аблюбавалъ у ватца себѣ невѣсту. Онъ ляхъ и думаить: „какъ мнѣ невѣсту узнать“, и ана ему приснилась ва снѣ, и говорить: „я буду плясать, платоцькамъ махать, ты узнавай меня“.—„Ну, Ванюша, я те жéню, если ты—сострой мнѣ нынѣшню ноць церкву, тада я тебе жéню“. И онъ ляхъ и призадумалси: „кабы мнѣ это въ ноць састроить церкву“. И ана къ нему нацью приходить: „не забуться, Ванюша, утро мудренѣе вецера“. Глеть, ставаить Ванюша, и этатъ дѣтъ къ нему приходитъ. Ну, и спрашываить: „што церква мнѣ зготовилъ?“ И онъ говорить: „гатова!“ — „Ну, типерь я тебѣ скàжу: вырай калодесь въ ноць, тады я тебе жéню“. Ну, апеть ляхъ и призадумался: „какъ мнѣ въ ноць её здѣлать“. И ана апеть къ нему, Алёнушка, приходить въ ноць и говорить: „утро мудренѣе вéцера“. И ставаить Иванушка, у нево калодесь гатова, и дѣдъ къ нему приходить: „Ну, сгатовилъ, Ванюша?“ И онъ говорить: „згатовилъ“.—„Ну, типерь я тибѣ, Ванюша—пасѣй мнѣ нынѣшней нацú рошь, и бмылати и намели, и мнѣ пирохъ испеки“. И онъ опеть ляхъ и призадумалса, и къ нему апеть Алёнушка приходить: „не забуться, Ванюша, утро мудренѣе вецера“. Онъ ставать, у нево всё испецено и намолóто. Дѣдушка къ нему приходить: „Згатовилъ, Ванюша?“ И онъ ему говорить: „гатóво“. И онъ ему атвѣцеить. Дѣтъ какíи уроки ни задавалъ, и всѣ згатовилъ, а ему не хоцца на этай невѣстѣ ево жанить, и онъ приходить и говорить: „ну, теперь выбирай сеѣ невѣсту, и я тебе жéню“. Ну, и онъ апеть призадумалса: „кабы мнѣ Алёнушку узрѣть“. И она апеть къ нему нацью приходить: „не забуться, Ванюша, утро мудренѣе вецера, и я буду плясать, ношку аткидывать, а ты меня узнавай“. И они пашли плясать, и онъ апеть узналъ сваю невѣсту. И онъ говорить: „ну, Иванушка, нашолъ себѣ невѣсту“. Ну, и онъ говорить: „нашолъ“. — „Нашолъ

себѣ невѣсту, теперь тебе надо жанить". Ну и сталъ ево жанить, пожанилъ. Пожанили и полажыли ево спать, ихъ маладыхъ спать. Ну, Алёнушка ему говорить: „давай съ тобой, Иванушка, удѐмъ атъ нихъ, убѣжымъ атъ нихъ".— „Ну, какъ они насъ дагонють". — „Ну, Иванушка, плюй ты на кошку, они насъ не дагонють". Аны приходють будить маладыхъ, и они ужъ убегли́. Они будить маладыхъ: „ставайтя". Имъ слюны эти загаваривають: „пагади́тя". Када всѣ пересохли, гаварить не стали. А эти бѣгуть маладыи и гаварять: „Иванушка, прилажысь къ сырой землѣ, не бѣгить ли за нами вся си́ла?" И онъ приложылса, — ницево не по́нялъ и говорить: „приложись сама: я ницево не понимаю". Ну, приложилась и говорить: „Иванушка, бѣгить за нами вся си́ла". Ну, ана ему говорить: „обратись ты избушкай, а я старай старушкай". И ани приходють въ эту старошку и спрашывають эту старушку: „не видали ли вы, тутъ голупъ съ галупкой прашолъ".—„Нѣтъ, я, милая, не видала, я сидю́ слѣпая". И ани назатъ варатились, и приходють дамой. „Вы бы старушки вели, а избушка тутъ была́ бы". Ну, аны и пашли за этай за старушкай; и ана опеть говорить: „лажысь, Иванушка, къ сырой гъ землѣ, не бягить ли за нами вся сила?" Онъ и говорить: „приложился я и ницево не понялъ". Алёнушка прилажылась и говорить: „бѣгить за нами вся сила". И онъ абратился пастушкомъ, а она аве́цькой. Ну, ани спрашывають: „ты не видалъ, пастушокъ, тутъ прошолъ го́лупъ съ галупкай?" Онъ говорить: „не видалъ". Ани варатились, пашли назатъ и пришли и говарять: „тамъ стирiгеть пастухъ адну авецьку".—„Вы бы, говорить, пастушка бы вели, а авца сама пришла бы". И посылають ихъ за пастушкомъ апеть. Ана апеть ему говорить: „приложысь, Иванушка, къ сырой къ землѣ, не бѣгить ли за нами вся сила?" И онъ приложылся. „Нѣтъ, Алёнушка, ницево я па этай цасти не понимаю". Ана прилажылась и говорить: „бѣгить за нами вся сила". Ана говорить ему: „я абаро́тюсь синей мо̀рей, а вы селезнёмъ". И аны подошли къ этому морю и никакъ ани не прашли и варатились назатъ. И приходють и гаварять: „тамъ синяя моря, плаваить на ней селезень". Ну, они гаварять: „вы лавили бы селезня и моря тутъ бы была бы". Ну, ушли они, Алёнушка и говорить ему: „полетимъ съ табою на своя-

ство". Прилетѣли они на сваяство и угадали сваво радителя. Они къ нему бросились и γоворять: „вотъ мы те давно не видали". И онъ бросилъ свою γалупку и забылъ пра неё, и они: „давай теперь тея жанить", а онъ пра свою γалупку имъ не кажеть, и онъ её сафсѣмъ забылъ, и они ево сабрались жанить. Пасадили на пасадъ, и ана, эта γалупка, прилетѣла и проть ево сѣла. И онъ гля́нулъ и узри́лъ её. [Ну, она ему атвѣцяетъ: „ты меня забылъ; табѣ радныхъ видать, а я буду какушкай кукавать".]

Спасскій у., д. Дорофеевка (близъ с. Бѣльскаго). Записано отъ Авдотьи Анисимовны. 1913 г.

---

237. [Дѣвица и разбойники].

Дѣвацка и мальцикъ пашли въ лѣсъ за γрыбами и кружылись и не знають, гдѣ ходъ дамой. Глеть — избушецка стаить. Они зашли въ эту избушецку, сидить тамъ маладецъ. „Ну, дайти намъ тутъ наслѣхъ".—„Мы, гаварить, наслѣхъ тутъ дадимъ, ты за меня замушъ пайдёшь?"—„Мнѣ дѣвацата некуда, зъ γолоду не умрѣшь". Ну, онъ въ этай избушецки имъ расталкавалъ: „прихади къ намъ мой домъ γледѣть". Ана съ братомъ переγварила и и́деть ево домъ γледѣть. Да онъ, ей братъ, атвѣцяѣть: „спраси жъ, сестра, гдѣ жъ ты будишь домъ искать?" И онъ ей атвѣцееть: „нѣсколькя прайдёшь, при́деть хъ табѣ красный холстъ, и ты па этаму халсту иди прямо въ паратная крыльцо". Ана приходить, а онъ ужъ пересваталъ инуя, и йна паходить и взайтить въ ево не знаеть гдѣ. И сунулась ана въ крыльцо, заперта она свѣжай (целавѣцьей) рукой. И падашла ана къ варатамъ, и запертá адно́ и тожа. Входить ана въ ызбу, гля́нула въ акошко, и ѣдить её женихъ, перевенцялся. Ана глянула, вжашла въ ызбу и сустрашылась. „Игдѣ мнѣ притулица". Гля́нула подъ кравать—адны руки съ вѣнцельнымъ съ кальцомъ, и ана думаить: „дай я въ эти въ руки завалюсь, можеть, жыва буду". И ана завалилась, и ани въѣхали въ ызбу, пришли въ ызбу. И спасадились ани за столъ потцевать маладую сваю жану. „Ѣшь, малотка, ѣшь, касатка!" Ана γледить на нихъ и думаить: „цево такоя они дѣлають". Ну, и ана палѣзла съ

лошкай, и всю кисть ей атсѣкли, и ана сидить и плацеть. Глять—вылазить изъ стала. „Ну, касатка, ляжысь, сицасъ ɣа́лава твая далой“, а энта лежить невѣста подъ краватью въ рукахъ. И ани ɣоворять: „поѣжжай за энтай за невѣстай, какую сасватали фперёдъ“. Ани уѣжжають, и она вылазіить изъ-подъ кравати. И они уѣжжають къ ней на домъ, и она вылѣзла, махнула залатымъ крыломъ и оцютилась передъ јихъ. И ани пріѣжжають и ɣоварять: „мы ждали тебя, не даждались, а мы за тобой пріѣхали“. И ана ɣаворить: „первѣнцяюсь я на сваёмъ бра́ту, а вы пусть какую привезли, ɣо́лову ей итсѣкли; и вотъ её залатыи два кольца; и даведу я васъ да канца, и мноɣо вы людей побѣдили“.

Спасскій у., д. Дорофеевка (близъ с. Бѣльскаго). Записано отъ Авдотьи Анисимовны.

---

238. [Баба-яга].

Пашли сестра з братомъ въ лѣсъ па яɣады, и ани и пакружылись. Стаить избушецька; они къ ней патходють. „Ибратись къ намъ, избушка, передомъ, а къ лѣсу за́дамъ“. И йна и ибратилась къ нимъ передомъ, и ани взаходють въ эту въ ызбушку, и сидить тамъ страшная старуха. „Ну, што ты, дѣвица красавица, крыцишь?“—„И оцень я устала, и спяклись маи уста“. — „Ну, кацай мово дитя, я васъ на-ко́рмлю“. Ана ка́цала её дитя, и выходить на траву и крыцить. И́дить быкъ-рявунъ. „Ты што, дѣвица, крыци́шь?“—„Да я крыцу, меня вотъ бапка старая заставила сваимъ съ дитёмъ сидѣть“. Ну, онъ, быкъ, ɣоворить: „садись, я тее свезу“. И ана сѣла и поѣхала. Бапка эта вставаить, няньки её нѣтъ. Ана садитца на стулъ и ɣоворить: „ступъ, ска́ць, талкацца, паɣади“, и даɣаняить ана быка-ревуна́, и ударила ана ево бальшымъ абухо́мъ, дыгнала́ и сваю дѣфку итняла́.

Спасскій у., д. Дорофеевка (близъ с. Бѣльскаго). Записано отъ Авдотьи Анисимовны.

---

239. Каждому своя доля.

Плохо мужику жилось въ своей деревнѣ. Вотъ онъ и пошелъ по бѣлу свѣту искать счастія. Долго онъ шелъ и видитъ—на дорогѣ сидитъ человѣкъ, строгаетъ палочки. Одни кладетъ парами и палочки неровныя, а другія ровныя, а которыя по одной отдѣльно. Подошелъ мужикъ къ этому человѣку и говоритъ: „Богъ на помощь! Чего это ты дѣлаешь?“—„А вотъ судьбу строю“.—„Зачѣмъ же ты одни палочки кладешь ровныя, а другія не ровныя?“—„А ты, чай, знаешь, что бываютъ жены хорошія, мужья плохія, мужья хорошіе, такъ жоны плохія, а бываютъ и тотъ и другой хорошы, тогда я и палочки кладу ровныя“.—„А зачѣмъ же тѣ по одиночкѣ кладешь?“—„Это значитъ, этому человѣку не быть женатымъ или не выйдти замужъ. А тебя куда Богъ несетъ?“—„Я ищу счастье, да негдѣ его отыскать не могу“.—„Пойдемъ, я тебѣ укажу твою долю!“—„Пойдемъ“. Долго-ли, коротко-ли шли, но только пришли они къ большому дому, а въ томъ домѣ все мѣшки наставлены. „Ну, говоритъ человѣкъ, вотъ это все доли; выбирай себѣ, какую хочешь, какая тебѣ по силамъ“. Мужикъ перепробовалъ много мѣшковъ и не одного поднять не могъ. Потомъ увидалъ красивый и большой мѣшокъ, хотѣлъ его поднять, но не могъ и съ мѣста своротить. „Это самая трудная, тяжелая доля, сказалъ человѣкъ, доля царская“. Долго мужикъ искалъ себѣ мѣшокъ и наконецъ поднялъ одинъ и говоритъ: „вотъ это мнѣ по силѣ“.—„Это и есть твоя доля, сказалъ человѣкъ, ступай дѣлай то, что прежде дѣлалъ, а другой доли для тебя нѣтъ“. Мужикъ воротился домой, сталъ работать по прежнему и больше на долю не жаловался.

1879 г.

---

240. О медвѣдѣ.

Сидитъ старикъ съ внукомъ на печи. Внукъ ему и говоритъ: „разскажи, дѣдушка, откудо медвѣдь взялся“.—„Ну слушай, да только не перебивай, я тебѣ разскажу“.

Пахалъ мужикъ на полѣ, усталъ и остановился. „Эхъ, жисть моя самая плохая. Сколько времени я работаю, а все довольства нѣтъ. Другіе не работаютъ, да хорошо живутъ“. Загорѣвалъ мужикъ. Видитъ вдали—ѣдитъ барыня. Подъѣзжаетъ она къ нему и спрашиваетъ: „что, мужикъ, горюешь?“—„Какъ не горевать, когда участь то моя горькая“.—„Чего-же ты хочешь?“—„Да я хочу быть бариномъ.“—„Хорошо, будь бариномъ“. Мужикъ сдѣлался бариномъ, а все не доволенъ. Барыня-то эта была судьба. Приходитъ она къ мужику-барину и спрашиваетъ: „ну, чѣмъ теперь ты недоволенъ“.—„Да что бариномъ-то быть: начальниковъ много, всякому послужи, всякаго бойся, не хорошо быть бариномъ“.—„Чего-же тебѣ надо“?— „Да я бы хотѣлъ быть царемъ“. Разсердилась судьба на мужика и говоритъ: „ты всегда будешь не доволенъ. Будь-же за это медвѣдемъ“. Вотъ откудо взялся медвѣдь“.

1879 г.

Словарь къ сказкамъ Рязанской губерніи.

Батайцутъ — плывутъ.
Лись-палась — полизала.
Сѣца — новь.

Орловская губернія.

241. „Сказаніе о птицѣ небесной о двухъ тѣлесной“.

Гусь говоритъ: „я у Бога былъ!“... Журавль молвитъ: „эхъ, ты гусь—слабогусъ, я повыше тебя, повыше твово летаю, и то у Бога не бываю, хоть и перушкомъ-то по наряднѣй тебя“. Сорока говоритъ: „я у Бога была и съ Богомъ говорила!“ Воронъ сидитъ и молвитъ,—проситъ Царя-Орла: „батюшка Царь-Орелъ, могутъ-ли птицы сіи этакими именами похвалятся, я прошу тебя ихъ судить, рядить“. Царь-Орелъ крикнулъ: „Сучья-рячья, Московски подъячья! собрать этихъ людеи и судить ихъ за то, что они не могутъ этакими именами похвалятся“! Воробей десятскій собралъ всѣхъ людей и самъ прилетѣлъ. Воробью овсянка на суду молвить: „вы воробьи проклятые, когда Исуса-Христа распинали, вы вокругъ летали, когда Исусъ-Христосъ умеръ, вы кричали: „живъ-живъ-живъ“. За то васъ Исусъ-Христосъ проклялъ“. Воробей молвитъ: „овсянка, ты овсянка, побойся Господа Бога,—хоть не много, наши дѣды и прадѣды вмѣстѣ живали, въ поле летали, за одно конопельку клевали“. Журавль молвитъ: виноваты мы, батюшка, Царь-Орелъ, прости насъ за наши непотребныя слова!“ Орелъ молвитъ: „я васъ прощаю, вы у меня опять будете люди хорошіе!“ Журавлю говоритъ: „у тебя ноги длинные, платье короткое, будь ты бариномъ!“ Сорокѣ говоритъ: „у тебя платье длинное, ты будь барыней!“ Ворона молвитъ: „батюшка Царь-Орелъ! разсуди-ты меня съ воробьемъ, онъ мнѣ житья не даетъ; коли сяду я гдѣ на колышекъ или на плетень, онъ злодѣй-воробей, то въ горбъ меня, то въ голову долбанётъ!“ Воробей молвитъ: „батюшка Царь-Орелъ, она, ворона, старая колдунья, вѣщунья, распуститъ свою пропасть, ожидай—погода перемѣнится,—либо дождь, либо снѣгъ“. Курица молвитъ: „батюшка Царь-Орелъ! чѣмъ я у Бога не птаха?“ Голубокъ молвитъ: „батюшка Царь-Орелъ: не курица, а я у Бога птаха! — я за лѣто двое дѣтокъ выведу, по зернышку сбираю, своихъ дѣтокъ питаю! а она, курица, выведетъ свою ораву, распуститъ въ огородѣ,—взроетъ, вскопаетъ, за нее

брань и драка бываетъ!“ Кобчикъ молвитъ: „батюшка Царь-Орелъ! поставь меня засѣдателемъ; на запяткахъ стоять, гонцомъ гонять; у меня подштанники желтенькіи, сапожки остренькіи“. Жавороночекъ молвитъ: „батюшка Царь-Орелъ! не дѣлай ты его засѣдателемъ, онъ тогда намъ назрится не дастъ;—хочу я зорьку пропѣть, поднимусь на воздуся или на комочекъ, а онъ тутъ какъ тутъ, нашъ погубитель,—вашъ мечъ съ насъ голова съ плечъ!“ Сидитъ на старомъ дубу птица тетерь и бормочетъ: „батюшка Царь-Орелъ! Мы не хочемъ не въ какіе начальники, а въ чемъ Богу согрѣшимъ, то сами и отвѣтимъ“...

Малоархангельскій у., с. Куликово-Ржавецъ. Запис. отъ крестьянина С. С. Климченкова. 1903 г.

Воронежская губернія.

242. Мѣстная сказка.

Жилъ и былъ у насъ братъ съ сестрою, братъ говоритъ сестрѣ. „що табѣ межъ нами жить, мы тебѣ хатимъ отдѣлить“. Сестра брату говоритъ: „спасиба табѣ, братецъ, мнѣ одной жить спакойна и весела, не будя у насъ ни кутъ, ни смутъ“. Братъ, отдѣля сестру на особникъ, сталъ торгъ торговать: лѣнты, яхонты и изумруды закупать, по ярманкамъ разъѣзжать, а когда поѣдя на ярмонку, зайде къ сестрѣ, скажа ей: „прощай, сестра, пожелай мнѣ добра“. Сестра скажа яму въ отвѣтъ сладкай привѣтъ: „спасиба и табѣ, братецъ, за посещеніе твое и угощеніе, дай тебѣ Богъ торгъ таргавать, золота-серебра наживать“. Жена брата узная о томъ, що мужъ ея заходя на прощенье къ заловкѣ; по злости своей къ ней, возме споря лошадь. Мушъ, пріѣхавъ съ торга, увидя въ домѣ бѣду, скажа женѣ, отъ чего эдакъ случилась? Жена мужу въ атвѣтъ, що эта сдѣлала твая сестра за твой привѣтъ. Братъ жалѣя сестру, не скажа женѣ ни слова. Послѣ апять отправясь торгъ торговать, добра наживать. Жена болѣе азлилась на мужа и заловку, взяла убила ребёнка; мужъ пріѣжая съ торга, находя жену ва слезахъ, спрошая ее: „що такое знача, що за Божій гнѣвъ, що за наказанье; ты со двора, а на дворъ бѣда“. Жена мужу атвѣчая: „эта все твоя сестра, а моя заловка строя, она калдунья-чародѣйка, змѣя подколодная, не желая намъ добра, отъ ней вся намъ бѣда“. Мушъ, выслухавъ женины слова, съ ярымъ гнѣвомъ пошелъ къ сестрѣ и сказалъ ей: „ты змѣя подколодная, чародѣйка захалустная, за хлѣбъ, за соль плотишъ мнѣ бѣдою. Нѣтъ житья мнѣ отъ тебя на бялóмъ свѣтя. Не мило мнѣ ни золото ни сéребро, ни по душѣ дорогія камни, ни по сердцу борзые кони,—и бѣлокаменные палаты, ты сгубила меня на вѣки-вѣчные, на муки безконечные, отняла отъ меня единороднаго дѣтища на мученье мнѣ, на погибель сабѣ, онъ былъ мнѣ подъ старость—радость и полная надёжа, а ты, вѣдьма, убила его. Теперь за тобою очередь; не увидишь

завтра ни Божьяго свѣта, ни бѣлаго дня". Съ этимъ словомъ хотѣлъ ей голову срубить, но сестра со слезами стала говорить: „не убивай меня, братецъ, я невинна предъ тобою, какъ Богъ Святой, лутше отсеки мнѣ руку и пусти на свѣтъ". Братъ, сжалясь надъ сестрою, отрубилъ ей руку, прицѣпилъ сумку и проводилъ ее изъ жилища, куда глаза глядя. Долго ли, коротко ли шаталась она по бѣлу свѣту, наконецъ приходя къ одному дому, що ни глазомъ окинуть, ни канемъ объѣхать. Она кое какъ перебралась черезъ тынъ прямо въ садъ, гдѣ яблаки сыченые, разсыпчатые, що ни пяромъ описать, ни вздумать, ни взгадать, ни въ скаскѣ сказать. Взяла ихъ порвала, въ сумку поклала. Караульщикъ, увидя ее такую безрукую, схватилъ ее и закричалъ: „ахъ ты, ведьма, ахъ ты, оборотень, ты видна сорокой обернулась и перелѣтѣла въ садъ; ихъ отроду никто не ѣлъ, ни я, ни жена моя, акромѣ только барина и молодаго барича; вотъ ужъ караулю 39 лѣтъ, не видалъ на сабѣ такой бѣды, какъ нынѣ; пойдемъ, простоволосый уродъ, къ барину, онъ тѣ угаститъ садовой ягодкой-малинкой". И повелъ ее къ барину. Въ акно увидя баричъ, що караульный веде незнакомую дѣву неописанной красоты, но безрукую, закипѣла въ немъ кровь, забилось ретивое, зарумянилось личико: „во що бы то ни стало, а возьму въ жену себѣ". Припечальнай, прикручиннай пошолъ въ атеримъ (такъ) къ батюшкѣ своему, у ногъ яго сталъ плакать и рыдать: „позволь мнѣ, батюшка, вѣстачку сказать нерадостну и не кручинну, хачу жениться на твоей пленницѣ, милей ее не нашолъ въ бѣломъ свѣтя, ана такъ прекрасна, какъ твае садовое яблочко; бѣла ана, какъ снѣгъ, а румяна, какъ маковый твѣтъ". Отецъ подумалъ, покачалъ головою и сказалъ сыну: „есть прекраще и милѣй на бѣломъ свѣтя, а также и богаче, а эта уродъ безърукая — съ одной сумкой, що ты будешь съ ней дѣлать? Впрочемъ воля твоя, я не воленъ въ твоемъ сердцѣ". Сынъ отъ радости, бросясь на шею къ отцу, сталъ миловать и цѣловать; послѣ эвтава и женился на ней. Долго ли коротко ли, а жили хорошо. Только внезапна барича позвали къ царю на службу; собираясь туда, баричъ приказалъ своимъ челядинцамъ, если жена после него родитъ сына, тотъчасъ дать яму знать. Спустя не много времяни, жена яго родила сына прекраснаго

и назвала имя яму „Разлука“. Челядинцы послали съ нарочнымъ письмо къ баричу о таковой радости. На дарогѣ какимъ то поботомъ (случаемъ) посланный попался къ злой снахѣ барининой, которая распросила посланнаго, чей ты, и откуда, куда идешь и за чемъ? Посланный расказалъ ей всю подноготную и даже дай письмо. Злая сноха, щобъ не догадался посланный, подала яму зеленую чару съ виномъ: „на, выпей и закуси, потомъ отдохни“. Онъ послушался ея словъ, пообѣдалъ и легъ атдахнуть, а забылъ про письмо, що ано осталось въ рукахъ ея. Злая снаха распечатала письмо, прочла и, видя въ ней, що ея заловка радила сына прекраснаго, по имяни „Разлуку“, отъ злобы взяла написала, що твая жена родила не ребенка, а чуцкова парасенка. Подложное письмо вложила въ настоящую обертку, а подлинное вынула, отдала посланному, который проснулся и собирался въ путь. Тотъ не догадаясь, що сдѣлала эта женщина, спакойно отправился въ путь; блиска ли, далеко ли, а дотащился посланный до барича, служащаго при царѣ. Пришелъ къ нему въ палаты, повалясь въ ноги, закричалъ: „съ радостію тебѣ, баричь! жена твоя, а наша мать-барыня, родила тебѣ сына, вотъ и письмо въ достовѣрья“. Баричь отъ радости распечаталъ письмо и находить въ ней не то, що сказалъ посланный. Завопилъ баричь сильнымъ голосомъ: „о, я несчастный, за що такой Божій гнѣвъ, за що наказанье! Бѣги ты скарѣй атъ меня до дому и скажи челяди, по приходѣ твоемъ щобъ не было въ домѣ моей жены, а вашей барыни, сганите ее, пускай идя, куда глаза глядя“. Посланный, вернувшись назадъ, сказалъ челяди баричевъ приказъ. Всѣ завопили и залились горькими слезами: „за що на насъ такой гнѣвъ, що за не милость, чѣмъ мы прогнѣвали отца-барича, за що мы лишаемся сокровища своего—барыни-матери; та, услыхавъ вопль милыхъ ей челядинцевъ, распросила обо всемъ. Наконецъ, узнала, що за причина слезъ, взяла що нужна для ребенка и себя, поблагодарила всѣхъ челядинцевъ за ихъ вѣрныя услуги, отправилась, куда глаза глядя. Долга, долга шаталась ана, горемышная, по бѣлу свѣту съ сыномъ своимъ, многа ана видѣла гарюшечка съ своею крахоточкою горя и печали. Богъ умилостивляя несчастныхъ, сынъ ея сталъ большой, любя душкой свою мать, слухалъ ее во всемъ. Аднава

пришлось имъ быть въ одномъ городѣ, гдѣ по царскому вѣленью кличь скликають, салдатиковъ набирають на заклятаго басурмана. Сынъ, узнавъ, що за толкотня-суетня, закипела въ немъ кровь, забилось ретивое: „позволь мнѣ, матушка въ чисто поле погулять, рать невѣрну побивать“. Мать не соглашалась единороднаго дѣтища своего отпустить отъ себя; но сильныя прозьбы и слезы сына умягчили ее, ана согласилась. Що у ней было денегъ, на тѣ купила каня, сѣдло, саблю и панцырь, съ благословеніемъ Божіимъ проводила его въ путь, а сама стала молить Бога, щобъ онъ далъ яму щастія, благополучія и здоровья. Храбрыя войны, выѣхавъ въ чисто поле, увидали несмѣтну рать — бусурманъ. Забушевала кровь, разъярилось сердечко; заблистали пики, зазвѣнели сабли—бросились на враговъ, побили, поколотили тьму тьмущую. Вожатый (полководецъ), увидя, що въ яго полчище нѣтъ такого храбреца, какъ одинъ юноша, що не махне саблею — десятокъ, гдѣ не повѣрня канемъ—сотни; „эта чуда-богатырь“, сказалъ онъ,—и приказалъ своему служакѣ (Адьютанту) по окончаніи побоища позвать юнаго богатыря къ себѣ; сталъ яго распрашивать: „чей ты и откуда, какъ тебѣ звать? Есть ли у тѣ отецъ и мать? Кто они и гдѣ поживають?“ Юноша залился горючими слезами, сталъ разсказывать: „що у меня отца нѣтъ, и кто онъ былъ—не помню, а жилище яго такъ же не скажу, я остался птенечкомъ въ рукахъ матернихъ, мать моя много время шаталась со мною изъ стороны въ сторону, земля ея была ложе, а небо покровъ; были добрые люди, которыя насъ пріяютъ, таму спасиба, а гдѣ нѣтъ, таму Богъ съ нимъ“. Когда сталъ говорить пра матерь, еще болѣе залился слезою, „ей, гарюше, болѣе горя, она притомъ еще безрукая“. Важатый, услыхавъ эта, сильно заплакалъ, приказалъ служакѣ своему, що-бы близъ яго шатра разбилъ шатеръ для юноши храбреца, и приказалъ юношѣ итти слѣдомъ за служакою, но вспомнилъ и спросилъ: „гдѣ твоя мать?“ Юноша отвѣчалъ: „таперь не знаю, а когда я поѣхалъ на войну, она осталась въ такомъ городѣ“. Вожатый сказалъ: „ну, таперь ступай, мы съ тобой увидимся послѣ“. Коли окончилась война, вожатый послалъ вапредь розыскъ—отыскивать безрукую женщину, искали ее вездѣ—и не нашли. Ана же,

щобъ болѣе не тосковать по сынѣ и не гаревать по немъ, взяла одѣлась въ мужское платье, такъ же отправилась на войну, ухаживать за больными и рубленными (ранеными) и видѣть сына своего на глазахъ, а которомъ молила Богу, що бы онъ былъ живъ и здоровъ; когда служаки сказали вожатому, що нигдѣ не нашли безрукой женщины, онъ впалъ въ огорченье, призвалъ храбраго юношу и сказалъ яму: „будь всегда при мнѣ и живи у мене, ты будешь мнѣ въ сына, а я во отца, а мать твою мы найдемъ, кали жива“. Не много позгодя, по повѣленію Цареву, всѣхъ стали жаловать и награждать каму що: капитанамъ—быть енераламъ, поручикамъ-галубчикамъ быть сѣкунамъ-мајорами. Всѣхъ—всѣхъ вѣлелъ царь наградить по чину и по пряннику. Пришла очередь и до храбреца-юношу. Царь узналъ вопредь отъ вожаки, що онъ дѣлалъ чудеса на войнѣ, вѣлелъ яму всегда быть при себѣ и первымъ по рагли (по рангу) изъ всѣхъ храбрецовъ наградилъ яго щедра золотомъ и сѐребромъ, всѣми дорогими камнями и вотчинами. Важатый долго думалъ, какъ бы не оставить каго безъ царской милости и награды; наконецъ вспомнилъ о тѣхъ, которые ходили за больными и рубленными (ранеными), приказалъ служакѣ своему, щобъ немедленно явились и больничные; кали сталъ раздавать царскія милости, вдругъ увидя и безрукаго, вѣлелъ остановить яго и отвѣсть въ свои палаты; кали акончилъ расдачу, вѣрнулся въ свои палаты, сталъ распрашивать безрукаго, то о семъ — то о другомъ, то о войнѣ, то о побоищѣ; наконецъ, разными закидками сталъ спрашивать, кто онъ и откуду? чей родомъ? Долга безрукой отвиливалъ, не говоря правды, наконецъ вспомнилъ, кто спрашивая яго и предъ кѣмъ отвѣчая, сознался во всемъ. Тутъ-то вожатый залился слезой, бросился въ ноги безрукому, сталъ умалять и упрашивать, щобы онъ прастилъ яго въ глупомъ разумѣ. Открылось щожъ? безрукой—жена, а вожатый—мужъ ея, а храбрый юноша—сынъ. Вотъ що строится на свѣтѣ по произволенію Небеснаго Отца. Стали они послѣ сяго жить, поживать да добра наживать; у Бога они за претерпѣнье—во благодати, а у Царя—въ милостяхъ.

Бобровскій у., с. Ясырки. 1855 г.

Тамбовская губернія.

243. Иванъ, дѣвичій сынъ.

Жилъ мужъ съ женою; у нихъ было два сына, третья дочь. Мужъ отправился въ иныя земли и приказалъ сосѣду, чтобы за его дочерью смотрѣлъ. Вотъ сосѣдъ приходитъ и говоритъ ей: „отопрись!“ Она не отпираетъ. Онъ послалъ къ ея отцу письмо. Отецъ оттуда прислалъ своего сына, чтобы ее убить. Сынъ пріѣхалъ и сказалъ сестрѣ: „пойдемъ съ тобой“. Она и говоритъ: „какое мнѣ платье надѣвать?“ Онъ ей въ отвѣтъ: „печальное“. Она убралась и поѣхали вмѣстѣ. Сынъ и говоритъ: „сестра, я тебя убью“. Она ему сказала: „чѣмъ меня бить, лучше убей эту собаку; потомъ я сниму платье, а ты окровяни его“. Онъ убилъ собаку, окровянилъ платье и пустилъ ее. Она пошла въ лѣсъ — тамъ стоитъ изба; взошла въ нее — въ этой избѣ печь; влѣзла въ печь — тамъ стоятъ три сковороды; со всякой сковороды взяла по кусочку и залѣзла за трубу. Вотъ въ эту избу приходятъ охотники и лѣзутъ въ печь. Старшій братъ говоритъ: „на моей сковородѣ куска нѣтъ“; второй говоритъ: „и на моей куска нѣтъ“, и третій братъ говоритъ: „и на моей куска нѣтъ“. Стали они ѣсть, и говорятъ: „если старикъ, мы будетъ его звать отцомъ; если старуха, станемъ звать матерью, а если дѣвица, станемъ звать сестрой“. Она оттуда откликнулась: „я — дѣвица. Дайте мнѣ платье: я нага“. Они ей дали платье; она вышла. Вечеромъ ставитъ блины, утромъ встаетъ и печётъ. Они только съѣли три блина, солнышко встало и убѣжали изъ избы. Змѣй прилетаетъ и говоритъ: „ага, я тебя съѣмъ“. Она говоритъ: „сядь, съѣшь блинокъ“, и дала горячій блинъ. Онъ съѣлъ и подавился; она его убила, изрубила и бросила въ подполье. На другой день опять печетъ блины. Братья ей говорятъ: „скорѣй пеки, а то опять змѣй прилетитъ и съѣстъ насъ“. Она имъ говоритъ: „нѣтъ, я его убила; вонъ онъ въ подпольѣ“. Они поѣли какъ слѣдуетъ и пошли на охоту.

Она всё время не ходила, потомъ пошла. Видитъ—бѣжитъ ключъ воды. Она напилась и стала брюхата, и родила сына. Они назвали его: „Иванъ, дѣвичій сынъ“. Онъ росъ не по годамъ, а по часамъ; выросъ большой и говоритъ матери своей: „пойдемъ отсюда“. Пошли. Она пришла къ отцу и нанялась въ стряпухи. Сынъ опять ей говоритъ: „пойдемъ отсюда“. Идутъ они по полю: захотѣли ѣсть. Сѣли и стали ѣсть. Вдругъ ѣдитъ богатырь Обжора. Сталъ богатырь и говоритъ: „я убью васъ“. Иванъ, дѣвичій сынъ, какъ размахнулся своей дубинкою, такъ и убилъ богатыря; взялъ съ собою коня и пріѣхалъ къ дому. Стали тамъ жить. Онъ на охоту ходилъ; идетъ и видитъ: стоитъ домъ; входитъ—тамъ сидитъ красная дѣвица; онъ сказалъ ей: „что ты тутъ сидишь?“ — „Меня отецъ привезъ на съѣдѣніе змѣю“. — „Поищи мнѣ вшей, а какъ займется туманъ, ты меня буди“. Вотъ туманъ занимается, а будить стало жалко; она со страху заплакала; слеза упала ему прямо на лицо. Онъ вскочилъ, змѣй прилетѣлъ. Онъ ему сказалъ: „ты зачѣмъ сюда змѣй прилетѣлъ?“ да какъ хватилъ его и убилъ; вынулъ изъ него печень и сердце и принесъ матери своей. Мать взяла четверть вина и одну ковригу хлѣба и понесла тому богатырю, который въ тинѣ лежалъ. Богатырь поѣлъ, выпилъ и пошелъ въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Иванъ, дѣвичій сынъ; потомъ сказалъ: „эти бабы, какъ твой сынъ. Принесено сердце и печень. Ты мнѣ донесешь, и его убью“. Пошелъ въ тотъ домъ, тамъ другая сидитъ. — „Что ты тутъ сидишь?“ — „Меня отецъ на съѣденіе звѣрю привезъ“. Онъ и говоритъ: „какъ туманъ займется, ты меня скорѣе буди“. Змѣй прилетѣлъ. Онъ ему—слово, тотъ—ничего; какъ онъ хватитъ — ему пять головъ отсѣкъ; выросли еще пять — ссѣкъ одну еще; новыя двѣнадцать схватили его; онъ шумнулъ своему коню; тотъ сейчасъ прибѣжалъ и откусилъ змѣю голову. Богатырь завязалъ руку и прилегъ спать; только влѣзаетъ Иванъ; онъ проснулся, вскочилъ и сказалъ: „ты зачѣмъ сюда идешь: бить?“ —„Чѣмъ тутъ бить, лучше пойдемъ въ чистое поле: кто кого убьетъ, тотъ богатырь“. Иванъ какъ дастъ ему; убилъ, взялъ его, изрубилъ, а коня взялъ съ собою.

Кирсановскій у. 1890 г.

244. Незнакомый кузнецъ, передѣлывающій старыхъ людей на молодыхъ.

Одинъ кузнецъ ничего хорошаго не понималъ — билъ желѣзо и только; потомъ къ нему пришелъ незнакомый человѣкъ и говоритъ: „давай мы съ тобою сдѣлаемъ кузницу“. Сдѣлали, прибили къ ней вывѣску, а на вывѣскѣ написали: „передѣлка старыхъ людей на молодыхъ“. Вотъ ѣдетъ баринъ на тройкѣ, подъѣзжаетъ къ кузницѣ, глядитъ на выписку и посылаетъ своего кучера. Подходитъ кучеръ и выкликаетъ кузнеца. Баринъ говоритъ: „можете-ли вы меня передѣлать на молодаго?“ Работникъ отвѣчаетъ: „можимъ“. Баринъ велѣлъ отпречь лошадей у кузницы. Работникъ подошолъ, схватилъ его прямо за волосы, вытащилъ изъ берлина и началъ таскать и ногами топтать, и до тѣхъ поръ таскалъ, сколько хватило его силы. Когда съ барина слетѣла вся сѣдина, работникъ схватилъ его, положилъ въ печку, заклалъ углями и заставилъ хозяина раздувать мѣхи. И до тѣхъ поръ его жегъ, когда онъ весь покраснѣлъ какъ желѣзо; потомъ положилъ его на наковальню и начали бить его молотками, какъ желѣзо; затѣмъ положили въ кадку молока и покрыли на три часа. Открываютъ, послѣ этого времени, кадку; глядь—вылѣзаетъ оттуда баринъ молодой и лицомъ бравый, и говоритъ кузнецамъ: „сколько вамъ за работу?“ Они положили съ него двѣ тысячи рублей. Онъ имъ даетъ три тысячи и говоритъ: „почему вы берете за работу мало?“ И поѣхалъ баринъ, остался кузнецами очень доволенъ. Началъ незнакомый работникъ дѣлить съ хозяиномъ деньги и раздѣлили по полторы тысячи; при этомъ завели споръ; хозяинъ расчелъ работника и началъ дѣлать тоже самое одинъ. Пріѣзжаетъ къ нему другой баринъ на тройкѣ, старый и посылаетъ своего кучера выкликать. Кузнецъ позвалъ свою жену, подошелъ къ старому барину, схватилъ его за волосы и началъ таскать по прежнему; потомъ положилъ его въ печку, засыпалъ углями и заставилъ жену раздувать мѣхи; началъ жечь; до того времени жегъ, когда онъ весь почернѣлъ; положили на наковальню и начали бить молот-

ками. Какъ ни ударятъ, молотокъ проходитъ сквозь барина. Затѣмъ положили его въ кадку молока на три часа. Послѣ этого времени, открыли кадку, смотрятъ—онъ весь размокъ и выплылъ на верхъ весь клочками. Кучеръ испугался, побѣжалъ и началъ булгачить весь народъ. Сбѣжался народъ; сковали кузнеца въ желѣзо и отправили въ ссылку.— Работникъ былъ чертъ и онъ передѣлывалъ черта-же.

Кирсановскій у. 1890 г.

---

245. Жуликъ Московскій.

Идетъ жуликъ по дорогѣ; ѣдитъ баринъ и разговариваетъ съ нимъ. — „Однако, ты, баринъ, нездоровъ“, говоритъ жуликъ.—„Да, есть; а много-ли ты съ меня возьмешь за работу, чтобы вылѣчить меня?“ спрашиваетъ баринъ.— „Только лишь пять рублей“.—„Давай лекарство“. Жуликъ положилъ глины въ полбутылку, размѣшалъ съ водой, далъ ему и говоритъ: „пей ты лишь только по утрамъ“. Баринъ поѣхалъ отъ него, взялъ дома батрака и говоритъ: „на, покушай“. Кучеръ говоритъ: „это, баринъ, глина“. Баринъ сказалъ кучеру: „онъ насъ обманулъ“, и ну нагонять жулика. Тотъ видитъ, что его нагоняютъ, — а тамъ стояла кривая береза, — подсѣлъ подъ березу и сидитъ. Они ѣдутъ и шумятъ ему. Жуликъ говоритъ: „мнѣ нельзя отойти: береза упадетъ, гречиху помнетъ“. Они подошли къ нему и спрашиваютъ: „не видалъ-ли ты жулика Московскаго?“. Онъ сказалъ: „я видѣлъ и знаю, гдѣ живетъ“. Тѣ стали умолять; онъ сѣлъ на тройку и поѣхалъ туда, гдѣ баринъ живетъ. Ходитъ свинья пестрая. Онъ и ну ей кланяться. Вышла барыня и говоритъ: „что ты, мужичекъ, кланяешься?“ Онъ отвѣчаетъ ей: „твоя свинья пестрая—моему сынку мать крестная. Я сына женю и ее на свадьбу зову со всѣми поросятами. Еще давай денегъ рублей десять“. Она дала ему денегъ; онъ и поѣхалъ домой. Глядь идутъ баринъ съ кучеромъ. Барыня вышла за ворота. Они подходятъ къ ней. Она и говоритъ имъ: „что, нагулялись?“ Баринъ говоритъ: „хорошо насъ обманулъ

жуликъ". Она тутъ затужила и сказала, что отдала деньги и свинью съ поросятами. И ну его отыскивать. Онъ видитъ, что за нимъ ѣдутъ, наклалъ глины, закрылъ шляпой и сидитъ—держитъ. Они подъѣхали къ нему и спрашиваютъ: „не видалъ ли ты жулика Московскаго?" Онъ сказалъ имъ: „видѣлъ, вонъ гдѣ поѣхалъ". Баринъ проситъ: „нагони намъ его". Жуликъ сѣлъ на тройку и поѣхалъ домой. Они держатъ шляпу съ глиной. Баринъ и говоритъ кучеру: „давай съ тобою поглядимъ". А баринъ полѣзъ подъ шляпу будто за птичкой, попалъ въ глину и ну рукой мотать; моталъ, моталъ, стукнулъ объ дубъ рукой и отшибъ ее.

Кирсановскій у. 1890 г.

---

246. Ненасытный волкъ.

Жилъ жилецъ; у него было пять овецъ, шестой жеребецъ, седьмая коза и та—оловянныя глаза. Повадился къ нимъ волкъ ходить; сядетъ у окна и поетъ: „жилъ жилецъ; у него было пять овецъ". Они ему выкинутъ овцу; волкъ съѣстъ, опять подойдетъ къ окну, споетъ, ему еще дадутъ. Онъ всѣхъ перетаскалъ и опять идетъ. Жилецъ положилъ чанъ на гряды. Волкъ подошелъ къ окошку и началъ пѣть: „жилъ жилецъ; у него было пять овецъ, шестой жеребецъ, седьмая коза и та—оловянныя глаза". Жилецъ говоритъ: „пойди сюда, въ избу". Волкъ подошелъ къ рядамъ, а старикъ какъ сунетъ на него чанъ... Овца зашумѣла „бля", лошадь заржала, коза заблеяла, собачка залаяла, и убѣжали всѣ врознь.

Кирсановскій у. 1890 г.

---

247. Иванъ, медвѣжье ушко.

Жилъ старикъ съ старухой; пошли они въ лѣсъ за грибами. Кустикъ за кустикъ и раздружились. Старикъ аукнетъ, старуха аукнетъ; аукались, аукались, а вмѣстѣ не сходились. Старуха и запѣла: „солнышко-ведрышко, на закатъ пошло, а я, млада, одна въ лѣсу". Мѣдьвѣдь услы-

халъ и запѣлъ толстымъ голосомъ: „солнышко-ведрышко, на закатъ пошло, а я, млада, одна въ лѣсу“. Пѣли, пѣли медьвѣдь и старуха и сошлись вмѣстѣ. Медвѣдь взялъ ее и понесъ къ себѣ въ берлогу. Пожили они въ берлогѣ, и родился у нихъ сынъ; они дали ему имя Иванъ, медвѣжье ушко. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, выросъ и говоритъ: „пойдемъ къ своему батюшкѣ родимому: не нашъ этотъ батюшка, а у насъ есть батюшка иной. Садись, говоритъ онъ матери, ко мнѣ на спину и пойдемъ“. Побѣжали они, а на встрѣчу имъ идетъ медьвѣдь. Иванъ убилъ его. Подошли они къ избушкѣ; тамъ сидитъ старикъ, лапти плететъ. Они стукъ, стукъ у окошка. Старикъ и спрашиваетъ: „кто тутъ?“ Они говорятъ: „мы, пусти насъ ночевать“. Пустилъ. Иванъ, медвѣжье ушко, и говоритъ отцу: „сдѣлай мнѣ дубиночку пудовую“. Отецъ сдѣлалъ ему дубиночку пудовую. Иванъ кинулъ—она переломилась; сказалъ онъ отцу: „сдѣлай мнѣ дубиночку двухпудовую“. Отецъ сдѣлалъ. Кинулъ онъ разъ, кинулъ два, въ третій она переломилась; опять говоритъ отцу: „сдѣлай мнѣ дубиночку трехпудовую“. Отецъ сдѣлалъ дубиночку трехпудовую. Иванъ, медвѣжье ушко, кинулъ разъ, кинулъ два, кинулъ три—она не переломилась; онъ и говоритъ отцу: „я не буду съ вами жить, пойду въ лѣсъ на охоту“. И пошелъ. Идетъ онъ по лѣсу и играетъ въ скрипку. Выбѣжалъ изъ тростника заяцъ, пляшетъ и говоритъ: „Иванъ, медвѣжье ушко, прими меня съ собой“.—„Приставай“. И пошли они вмѣстѣ. Идутъ, а навстрѣчу имъ лиса пляшетъ, хвостомъ разметаетъ и говоритъ: „Иванъ, медвѣжье ушко, прими меня съ собой“.—„Приставай“. Идутъ они вмѣстѣ, а на встрѣчу имъ волкъ пляшетъ, лапами разметаетъ.—„Иванъ, медвѣжье ушко, прими меня съ собою“.—„Приставай“. Идутъ они по лѣсу, а на встрѣчу имъ медвѣдь, хворостъ ломаетъ и пляшетъ.—„Иванъ, медвѣжье ушко, прими меня съ собой“.—„Приставай“. И пошли они вмѣстѣ. Пришли они къ озеру и сдѣлали себѣ избушку. Иванъ, медьвѣжье ушко, разослалъ ихъ: зайца—въ поле къ мужикамъ за хлѣбомъ и ветчиной, лису—за курятами, волка—за коровами, медвѣдя—за мёдомъ. И принесли: заяцъ—хлѣба и ветчины, лиса—куръ, волкъ—коровъ, медвѣдь—улей меду. Они поѣли, остался медъ и говорятъ: „давай озеро насытимъ“.

Насытили озеро, и стала у нихъ вода пропадать. Иванъ, медвѣжье ушко, послалъ зайца караулить. Заяцъ пошелъ и сѣлъ подъ кустъ. Ѣдетъ баба Яга на желѣзной ступѣ, толкачемъ упирается и говоритъ: „ѣду, ѣду, сыченую воду пить“. А заяцъ говоритъ: „сычена, сычена, да не про тебя“.—„О, это ты, заяцъ“. Взяла Яга желѣзный толкачъ, била, била имъ зайца и на другую сторону озера перекинула. Заяцъ пришелъ и говоритъ: „головка болитъ“. На другую ночь была очередь лисы: она пошла. Ѣдетъ баба Яга на желѣзной ступѣ, толкачемъ упирается и ворчитъ: „Ѣду, ѣду, сыченую воду пить“. А лиса говоритъ: „сычена, сычена, да не про тебя“.—„А, это ты, лисица, долгая хвостица“. Подошла Яга, била, била и на другую сторону перекинула. Лиса пришла домой и говоритъ: „головка болитъ“. На третью ночь пошелъ волкъ караулить; сидитъ онъ. Ѣдетъ баба Яга на желѣзной ступѣ, толкачемъ упирается и говоритъ: „ѣду, ѣду, сыченую воду пить“. А волкъ изъ подъ куста говоритъ: „сычена, да не про тебя“.—„А, это ты, волчище, большіе лапищи“. Подошла Яга, толкачемъ била, била. Волкъ пришелъ домой и говоритъ: „головка болитъ“. На четвертую ночь медвѣдь пошелъ; сидитъ и караулитъ. Баба Яга ѣдетъ на желѣзной ступѣ, толкачемъ упирается и говоритъ: „ѣду, ѣду, сычену воду пить“. А медвѣдь говоритъ: „сычена, да не про тебя“.—„О, это ты, медвѣдище, большіе лапищи“. Подошла, его толкачемъ лопъ, лопъ, избила. Медвѣдь пришелъ домой и говоритъ: „головка болитъ“. Иванъ, медвѣжье ушко и говоритъ: „что такое тамъ у нихъ дѣлается“; на пятую ночь пошелъ самъ. Ѣдетъ баба Яга на желѣзной ступѣ, толкачемъ упирается и говоритъ: „Ѣду, ѣду, сычену воду пить“. Иванъ, медвѣжье ушко, и говоритъ: „сычена, сычена, да не про тебя“. — „А, это ты — Иванъ, медвѣжье ушко“. Подошла, а Иванъ, медвѣжье ушко, дубинкой ее такъ избилъ, что она чуть жива осталась.

Кирсановскій у. 1890 г.

248. Лисица и заяцъ.

Жили-были лиса и заяцъ, построили дома: лиса сложила ледяную, а заяцъ—тростяную. Пришла весна; у лисы растаяла, а у зайца нѣтъ. Она выгнала зайца. Заяцъ сѣлъ подъ березою и плачетъ. Бирюкъ идетъ.—„Заяцъ, что ты плачешь?“ — „Какъ же мнѣ не плакать“... — „Пойдемъ, ее выгонимъ“. Пошли. Бирюкъ говоритъ: ты зачѣмъ сюда, лиса, пришла?“—„Это ты—волчище, большіе лапищи“. Схватила рогачъ, за нимъ. Волкъ убѣжалъ. Заяцъ опять ушелъ, сѣлъ подъ березу и плачетъ. Глядь — идетъ лисица и говоритъ: „зайчикъ, что ты плачешь?“ — „Какъ же мнѣ не плакать: меня лиса выгнала“. — „Пойдемъ ее выгонимъ“. Заяцъ говоритъ: „бирюкъ выгонялъ, не выгналъ, а ты вовсе не выгонишь“. — „Пойдемъ“. Пошли. Лиса говоритъ: „ты зачѣмъ сюда, лиса, пришла?“—„Это ты, лисица, долгій твой хвостище“. Взяла халудину (трость), за ней... Она убѣжала. Заяцъ опять ушелъ, сѣлъ подъ березку и плачетъ. Идетъ заяцъ и говоритъ: „зайчикъ, что ты плачешь?“—„Какъ-же мнѣ не плакать: меня лиса выгнала“.—„Пойдемъ, ее выгонимъ“.—„Бирюкъ выгонялъ—не выгналъ, лиса выгоняла — не выгнала, а тебя она вовсе не побоится“.—„Пойдемъ“. Пошли. Заяцъ говоритъ: „ты зачѣмъ сюда, лиса, пришла?“ — „Это ты, зайчище“. Съ кочергою за нимъ... И этотъ заяцъ убѣжалъ. Онъ опять ушелъ, сѣлъ подъ березку и плачетъ. Идетъ кочетокъ. — „Кукуреку! Зайчикъ, зайчикъ, что плачешь?“ — „Какъ-же мнѣ не плакать: меня лиса выгнала изъ дома“. — „Пойдемъ, ее выгонимъ“. Пошли. Кочетокъ пришелъ. — „Кукуреку! Выну косичку, зарѣжу лисичку“. Какъ она сигнетъ на заднюю лавку!—„Кукуреку! Выну косичку, зарѣжу лисичку“. Какъ она сигнетъ на коникъ (порогъ)! Онъ опять: „кукуреку! Выну косичку, зарѣжу лисичку“. Какъ она сигнетъ и убѣжала. И сталъ зайчикъ съ пѣтухомъ вмѣстѣ жить, и нажили себѣ жернова (приборъ старинный для перемола въ небольшомъ количествѣ хлѣба). Глядь—ихъ баринъ унесъ. Кочетокъ пошелъ къ нему просить жернова. Пришелъ.—„Кукуреку! Баринъ, отдай мои жернова“.—„Бросьте его въ лошадей“. Онъ вылетѣлъ.—„Баринъ, отдай мои жернова“.—

„Киньте его въ коровъ“. Онъ вылетѣлъ изъ коровъ. — „Кукуреку! Баринъ, отдай мои жернова“.—„Бросьте его въ свиней“. Онъ вылетѣлъ изъ свиней. — „Кукуреку! Баринъ, отдай мои жернова“.—„Бросьте его въ колодезь“. Онъ выпилъ воды и вылетѣлъ. — „Кукуреку! Баринъ, отдай мои жернова“. — „Бросьте его въ печь“.—Онъ вылетѣлъ и изъ огня.—„Кукуреку! Баринъ, отдай мои жернова“.—„Зарѣжьте мнѣ его: я съѣмъ его“.

Кирсановскій у. 1890 г.

---

249. Антонъ Запрутскій.

Царь собиралъ кличъ: „кто можетъ достать солнце, луну и звѣзды“. Никто не выбрался ни изъ господъ, ни изъ генераловъ, ни изъ мѣщанъ; только выбрался Антонъ Запрутскій: взялъ онъ у царя самаго лучшаго коня и поѣхалъ съ своимъ братцемъ Иванушкою. Ѣдутъ. Пріѣхали къ избушѣ; избушка стоитъ, повертывается на веретенныхъ пяткахъ, на куриныхъ лапкахъ. Антонъ Запрутскій сказалъ: „стань по старому, какъ Богъ тебя поставилъ“. Избушка стала по старому, какъ ее Богъ поставилъ. Антонъ Запрутскій вошелъ въ избушку, посадилъ своего братца Иванушку и приказалъ ему: „какъ эта чашка полна крови набѣжитъ, то самъ выбѣгай и коня выпускай“. Глядь—ѣдетъ трехголовый змѣй. Антонъ Запрутскій выходитъ; конь спотыкнулся. Змѣй говоритъ: „не робѣй, конь: на насъ не выбрался ни изъ господъ, ни изъ купцовъ, ни изъ генераловъ, ни изъ мѣщанъ, а только выбрался изъ крестьянъ Антонъ Запрутскій. Дай-ка мы его въ ногахъ стопчемъ. На мировую или на воевую?“ Антонъ Запрутскій говоритъ: „не за тѣмъ сидѣлъ, чтобы на мировую, а за тѣмъ сидѣлъ, чтобы на воевую“. Какъ Антонъ Запрутскій хватитъ — у змѣя всѣ три головы отлетѣли; онъ посадилъ его на коня и приходитъ въ избушку, а тамъ полна крови чашка.—„Братецъ, ты меня загубилъ!“ А братецъ уснулъ. Выходитъ Антонъ Запрутскій. Ѣдетъ шестиголовый змѣй. Собачка: „тяфъ, тяфъ“. Конь спотыкнулся. Змѣй говоритъ:

„не робѣй, конь: на насъ никто не выбрался ни изъ господъ, ни изъ купцовъ, ни изъ генераловъ, ни изъ мѣщанъ; только выбрался изъ простыхъ крестьянъ Антонъ Запрутскій, да и того мы въ ногахъ стопчемъ. На мировую или на воевую?“ — „Не за тѣмъ сидѣлъ, чтобы на мировую, а затѣмъ сидѣлъ, чтобы на воевую“. — „На току или на лугу?—„На току“. Антонъ Запрутскій хватилъ—у змѣя всѣ шесть головъ отлетѣли; онъ идетъ въ избушку, а тамъ полна чашка крови налита.—„Братецъ, ты меня загубилъ!“ А братецъ уснулъ. Ѣдетъ двѣнадцатиголовый змѣй. Собачка: „тяфъ, тяфъ“. Конь спотыкнулся.—„Не робѣй, конь: на насъ никто не выбирался ни изъ господъ, ни изъ купцовъ; только выбрался изъ простыхъ крестьянъ Антонъ Запрутскій, да и его мы въ ногахъ стопчемъ“. Выходитъ Антонъ Запрутскій. Змѣй говоритъ: „на мировую или на воевую?“—„Не затѣмъ сидѣлъ, чтобы на мировую, а затѣмъ, чтобы на воевую“. Змѣй какъ хватитъ Антона Запрутскаго—тотъ едва всталъ и говоритъ: „погоди, змѣй лютой, что-то сапогъ тѣснитъ“; снялъ сапогъ, какъ хватитъ въ дверь, да не попалъ. А змѣй какъ хватилъ его, Антонъ едва живъ остался и сказалъ: „погоди, змѣй лютой, что-то и другой сапогъ гнѣтетъ (тѣснитъ)“; снялъ сапогъ да какъ бросилъ въ дверь—дверь отворилась, конь выбѣжалъ и всѣ двѣнадцать головъ у змѣя пооткусилъ. Антонъ вынулъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды и побѣжалъ къ первой женѣ, а затѣмъ къ царю, который его наградилъ.

Кирсановскій у. 1890 г.

---

250. Бурая Яга, костяная нога.

Жили-были дѣдъ да баба; были у нихъ сынокъ Ванюшка да садъ хорошій. Пошли они жать, а Ванюшку посадили караулить яблоки. Пришла Бурая просить у Ванюшки яблочекъ. — „Ванюшка, дай изъ ручки въ ручку яблочко“.—„Нѣтъ, мнѣ папаша и мамаша не велѣли изъ ручки въ ручку яблочки давати“. Яга схватила его и потащила; онъ закричалъ: „гдѣ папаша, гдѣ мамаша, унесла меня Бурая за крутыя горы, за высокіе лѣса“. Отецъ и мать услыхали,

нагнали Бурую, отняли у ней сыночка Ванюшку, принесли домой, посадили въ садъ и сказали: „Ванюшка, сыночикъ, придетъ Бурая, ты не давай ей яблокъ изъ ручки въ ручку. Мы теперь пойдемъ еще дальше. А ты не давай Бурой яблокъ“. Бурая пришла и проситъ: „Ванюшка, дай мнѣ изъ ручки въ ручку яблочко“. — „Мнѣ мамаша и папаша не велѣли. Ты зачѣмъ меня вчера утащила“.—„Я такъ, съ тобой пошутить захотѣла. Ванюшка, дай изъ ручки въ ручку яблочко“. Онъ далъ ей одно яблоко. Бурая опять проситъ: „Ванюшка, дай изъ ручки въ ручку, всё равно, другое яблочко“. — „Мнѣ папаша и мамаша не велѣли давать яблочки“. Она схватила его и потащила. Онъ закричалъ: „гдѣ папаша, гдѣ мамаша, унесла меня Бурая за крутыя горы, за темныя лѣса“. Отецъ и мать услыхали, нагнали Бурую, отбили своего сыночка, принесли домой, посадили въ садъ и приказали: „ну, Ванюшка, сыночикъ, мы еще дальше пойдемъ и теперь не услышимъ. Бурая придетъ, не давай ей яблокъ“. Они ушли далеко. Бурая приходитъ и проситъ: „Ванюшка, дай изъ ручки въ ручку яблочко“. — „Мнѣ мамаша и папаша не велѣли давать яблокъ. Ты зачѣмъ меня вчера утащила?“ — „Это я такъ, пошутить захотѣла. Ванюшка, дай изъ ручки въ ручку яблочко“.—„Мнѣ мамаша и папаша не велѣли“. Она опять проситъ: „Ваничка, дай изъ ручки яблочко“. Онъ ей одно далъ. Она проситъ Ванюшку: „дай изъ ручки въ ручку, всё равно, другое яблочко“. — „Мнѣ мамаша и папаша не велѣли. Ты на кой меня вчера утащила?“ — „Это я такъ, съ тобою пошутить захотѣла“. Просила, просила, онъ ей не далъ. Бурая схватила его и потащила. Онъ закричалъ: „гдѣ папаша, гдѣ мамаша, унесла меня Бурая за крутыя горы, за темные лѣса“. Онъ кричалъ, кричалъ, отецъ и мать не услыхали. Бурая притащила его домой и шумитъ: „дочери мои, хорошія дочери, мои пригожія, отворяйте дверь; дочери мои, пригожія дочери, откутайте коникъ; дочери мои, хорошія дочери, мои пригожія, несите ему мѣру овса“. Они принесли. Три дня прошло. Бурая шумитъ: „дочери мои, хорошія дочери, мои пригожія, отрѣжьте ему пальчикъ-мизинецъ“.—„Нѣтъ, мама, онъ не жиренъ“. Вотъ пришелъ годовой праздникъ. Она сама пошла къ обѣдни и приказала: „дочери мои, хорошія дочери, пригожія мои,

выньте его изъ коника и положите въ печь". Дочери говорятъ: „Ваня, лѣзь на загнѣтку". — „А, ну ка вы". Дочь туда сѣла, Ваня всѣхъ ихъ въ печь посадилъ, а самъ убѣжалъ. Бурая приходитъ отъ обѣдни. — „Дочери мои, хорошія дочери, пригожія мои, отворите дверь. Иду Ванюшку ѣсть". Она кой-какъ сама отворила дверь, походила, поискала дочерей, не нашла; кинулась въ печку — думала Ванюшка, а тамъ ея дочери зажарились.

Кирсановскій у., 1890 г.

---

251. Изъ зернышка ветла.

Жили были старикъ съ старухой, старуха слѣпая. Они намочили себѣ горошку да и уронили зернышко въ подполье. Это зернышко выросло большое: подперло полъ — они раскутали подполье; она выросла еще больше и подперло потолокъ—они эту доску приняли; она выросла еще больше и подперло крышу—они крышу раскрыли; она выросла еще больше и расцвѣла разными цвѣтами; прилетали разныя пташки и пѣли на разныя голоса. Вышла старуха на дворъ и говоритъ: „старикъ, что-то ужъ очень хорошо въ нашемъ садочкѣ пташки поютъ". — „Старуха, говоритъ старикъ, тащи меня на потолокъ: я послушаю, какъ пташки поютъ". Посадилъ старикъ старуху въ мѣшокъ и потащилъ на потолокъ. Старуха говоритъ: „еще". Старикъ: „далеко". Она упала и зубы выщерила (показала на свѣтъ). А старикъ надъ ней засмѣялся. — „Ахъ ты, старая хрѣновка, чего ты обрадовалась, зубы-то выщерила". Онъ подошелъ, думалъ, она смѣется, а она лежитъ мертвая. Старикъ пошелъ въ поле кричальщицу искать. Идетъ онъ, а на встрѣчу попадается бирюкъ и спрашиваетъ: „дѣдушка, куда идешь?"—„Кричальщицу искать".—„На кой тебѣ?"—„Старуха померла".—„Возьми меня".—Старикъ его взялъ. Бирюкъ сталъ кричать: „ой ты, бабушка, ты Варварушка, тонка, пряма, часть прибита".

Кирсановскій у. 1890 г.

Пензенская губернія.

252. [Отецъ и дочь].

Жилъ-былъ король, у него была неописанной красоты дочь. Королева у него умерла, и онъ остался одинъ, съ своей дочерью. Король вздумалъ жениться на своей дочери и говоритъ ей: „дочь моя милая и разумная, пойдешъ ли ты за меня замужъ? Я хочу жениться на тебѣ“. — „Помилуй, батюшка, нѣтъ примѣровъ, чтобы отцы женились на своихъ дочеряхъ“. Онъ же напоминая ей объ этомъ неоднократно, и она не могла ничѣмъ отговориться, сказала: „ну, батюшка, прикажи сдѣлать обручальное кольцо и потайный столбъ съ потайными дверями“. Когда же все сіе было сдѣлано, то она приказала принести ей столбъ въ комнату и поставить его въ оной. Когда же она осталась въ своей комнатѣ одна, тогда, взявъ свое обручальное кольцо, и затворилась въ потайномъ столбѣ. Послѣ сего отецъ входитъ въ комнату и видитъ, что ее нѣтъ. Сейчасъ подумалъ, что она затворилась въ столбѣ, въ выдуманномъ ею. Отворить и отпереть потайныя двери было нѣчимъ: то отецъ приказалъ позвать всѣхъ столяровъ и кузнецовъ, которые бы могли, если можно, отпереть или разрубить; но сдѣлать того и другого было нельзя. Если же положить оный на огонь; то она въ ономъ сгоритъ. Чѣмъ же отецъ рѣшилъ судьбу своей дочери? Приказалъ этотъ столбъ пустить на воду. Когда пустили, то онъ плылъ нѣсколько дней и нѣсколько ночей, и приплылъ въ другое королевство. Иванъ Королевичъ въ это время ходилъ за охотой съ своимъ дятькой и увидѣлъ плавающій столбъ въ водѣ. Говоритъ дятькѣ: „если бы этотъ столбъ приплылъ къ берегу, то мы взяли бы его“. Столбъ плыветъ къ нимъ ближе и ближе, и когда приплылъ къ берегу, то Иванъ Королевичъ говоритъ: „вѣрно въ этомъ столбѣ хранится какое нибудь сокровище“. Приказалъ вытащить и взять къ себѣ въ комнату, чтобы никто не видалъ. Когда Иванъ Королевичъ отлучался изъ своей комнаты, то сталъ запирать оную. Три же сестры его начали подозрѣвать въ ономъ. Иванъ Королевичъ послѣ своего ужина началъ оставлять каждаго ку-

шанья по полной тарелки: а самъ ляжетъ спать. Эта особа стала выходить и ѣсть каждаго кушанья и по окончаніи пищи Ивана Королевича цѣловала. Это дѣлала она нѣсколько разъ. Послѣ сна своего онъ осматривалъ на столѣ кушаньи, которыя находилъ съѣденными. Сомнѣвался въ оныхъ и началъ догадываться, что въ этомъ столбѣ непремѣнно долженъ кто-нибудь быть. Оставивъ и въ другое время кушанья на столѣ, она опять попрежнему выходитъ и ѣстъ. Потомъ цѣлуетъ его. Когда она подошла цѣловать его, то онъ, схвативъ ее за руку, и началъ спрашивать, кто она и откуда. Она ему расказала, что одного короля дочь. Плѣнившись ее умомъ и красотой, обѣщался ее за себя взять; а она выдти за него. Въ одно время Иванъ Королевичъ уѣхалъ на охоту и запиръ свою комнату; то сестры его подобрали ключъ и отперли его комнату. Взошедши въ оную, смотрятъ ее красоту; вознегодали на оную. Приказываютъ своему человѣку взять ее зарѣзать и принести имъ ее крови, которой желали умыться, дабы сдѣлаться такими же красавицами, какъ и она. Человѣка она умоляла, чтобы онъ ее отъ смерти освободилъ. Человѣкъ не соглашался. Подъ ее же счастіе бѣжитъ зайчикъ, котораго она проситъ поймать и зарѣзать (его) и понести королевамъ его крови; а меня отъ смерти освободить. Онъ согласился. Зарѣзавъ зайца, взялъ его крови въ пузырекъ и понесъ своимъ королевамъ. Когда онъ принесъ, то они обрадовались и начали умываться этой кровію. Послѣ сего они стали обрастать мохомъ. Несчастная Королева, пущенная на свободу, въ одну въ лѣсу зашла хижину, въ которой жилъ старичекъ, и въ эту хижину всегда заходилъ Иванъ Королевичъ погрѣваться съ охоты. Пріѣхавши съ охоты домой, и не находитъ своей обрученной невѣсты; то онъ разослалъ сейчасъ искать ее по всѣмъ королевствамъ, городамъ, деревнямъ, сёламъ, и самъ отправился на конѣ искать её. Ѣздивши много времени, утомился оной и заѣхалъ въ лѣсъ къ старичку въ хижину, въ которую онъ и прежде заѣзжалъ. Разговаривая въ этой хижинѣ съ старичкомъ, и увидѣлъ, что-то съ печи свѣтится, говоритъ ему: „что это у тебя на печкѣ такъ свѣтло?“ Старикъ отвѣчаетъ: „чему у меня свѣтиться, батюшка, Иванъ Королевичъ. Я живу одинъ, у меня ничего и никого нѣтъ“. Лю-

бопытство завлекло его влѣзть на печь, и онъ тамъ находитъ свою нареченную невѣсту. Возблагодаривъ провидѣніе, пошелъ съ ней домой. По приходѣ своемъ приказалъ заложить золотую карету и отправился съ ней къ вѣнцу. Послѣ вѣнца стали жить да добро наживать.

Саранскій у., с. Богородицкое-Голицыно. 1854 г.

Саратовская губернія.

253. Сказка о Иванѣ Царевичѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею, у нихъ было три сына, младшій назывался Иванъ Цыревичь. Онъ былъ красавицъ сабою и весьма умнай. Случилась, што къ сусѣдниму царству потступили нипріятели и сусѣдній царь съ мальбою и просьбаю пріѣхалъ къ атцу Ивана Царевича. Царь царю снарядилъ войска, каторая послалъ въ сусѣдняя царство; старшыя сынавья стали праситца у атца: „атпусти насъ, царь-батюшка, въ чистая по́ля паратыватца“. Атецъ ихъ пустилъ; а Иванъ Цыревичь сколька ни прасился, онъ ево ни пустилъ, пажалѣлъ ево моладасть. Кагда старшія братья уѣхали, то и онъ ни сказался ни матери ни атцу, патихоньку асѣдлалъ себѣ каня́ рѣтивава и атправился въ по̀ля чистая, гдѣ сражаютца, а штобы не узнали ево братья, надѣлъ на себя уродливую маску и прискакалъ на сраженья въ ту самую пору, кагда нипріятели савсѣмъ пачти паланили сасѣднява царя, каторай сматрѣлъ съ сваяво высокава царскава крыльца съ сваею дочирью, красавицаю въ цѣламъ свѣти, каторая абливалась гарючими слязами, видя разарѣнія царства и свой ниминучай палонъ. Взглянувъ на ніё, нашъ Иванъ Цыревичь плинилса ея красатою. Онъ съ громкимъ голасамъ бросился на паганая войска, атъ магучихъ ударавъ ево нипріятили разбижалися, гдѣ праскачитъ онъ на барзомъ канѣ сваёмъ, тамъ валятца тысичи. Царь и цыревна дивятца сили багатырскай и ево храбрасти. Въ два часа ни стала нипріятиля. И всѣ воины приглашаютца на пиръ къ царю въ высокъ теримъ, первыя гости были два старшія брата Ивана Цыревича, а Иванъ Цыревичь изрубилъ силу паганую, падскакалъ на канѣ сваёмъ къ крыльцу цыревнину и припаднялъ лигонька сваю маску, паздравилъ её съ пабѣдаю. Въ эта мгнавенья цыревна успѣла прилажить ка лбу яво пичать, свой залотъ перстинь, атъ чево у нево ва весь вѣкъ свитилась ва лбу звязда яркая. Иванъ Цыревичь паспѣлъ пацѣлавать её въ уста саха́рныя и уле-

тѣлъ на канѣ сваёмъ въ сваё царства. Пріѣхалъ дамой, завязалъ себѣ голаву и сказалъ, шта ахотилса за звѣрями па лѣсу и ацарапалъ себѣ голаву сучькомъ. Два брата Цыревича паслѣ пира царскава, на каторамъ цыревна красавица жадными ачами искала за трипезою храбрава рыцаря и, не видя ево, кручинилась, стали прасить у цыря за сваю службу вѣрнаю руки прикраснай цыревни. За услуги ихъ царь саглашаитца и пративъ воли цыревнинай уступаитъ имъ ея руку бѣлую. Но хто долженъ быть счисливицъ изъ цыревичей и каму далжна была принадлижать красавица, то укажитъ воля ихъ цыря-батюшки. Па ниволи снаридилася въ путь дальній-дарожиньку прикрасная цыревна, пиридавыя прискакали и извистили царя-батюшку, шта багатыри цыревичи пабидили рать, силу паганую, и визутъ къ сибѣ нивѣсту прикрасную цыревну. Абрадывался царь съ цырицію и вышли ани встричать на широкай дворъ дарагихъ гастей, а Иванъ Цыревичь сидитъ въ сваей высокай свѣтлицы и смотритъ въ касящита акошичька на прикраснаю цыревну. Началось веселья царская и патѣхи гасударскія, и цыревичи стали прасить радитиля, каво онъ ихъ благаславитъ прикраснаю нивѣстаю. За трипезаю царскаю всё пируютъ гости знатныя, въ радасти радительскай царь абищаитъ нивѣсту старшиму сыну, но въ етатъ самый часъ-минутачьку входитъ храбрай витясь нашъ, Иванъ Цыревичь, съ галавой сваей завязаннай. Увидавъ яво цыревна-свѣтъ атъ сирдешнай радасти васкрикнула и за царскимъ сталомъ пала замертва. Всѣ тутъ гости спахватилися, засуятились, всѣ забѣгались, а цыревна на зиркальнамъ палу лижитъ мертваю, и баятца всѣ приступитца къ ней; но Иванъ Цыревичь силай мо́чнаю биретъ въ руки багатырскія свѣтъ-цыревну пирикра́снаю и уноситъ её въ свитли́цу свѣтлую и кладетъ на кравать царскаю. Спитъ цыревна ни прабуднымъ сномъ троя сутакъ, кубыть мертвая, на читверты прабуждаитца и видитъ окала кравати сваево любимава рыцаря. Распрасивъ яво, кто онъ такой, и заветъ къ себѣ цыря съ цырицею, абьявляитъ имъ а сили-храбрасти сына ихъ, Иванъ Цыревича, и а то́мъ, какъ пабилъ онъ рать паганую, спасъ царства атца ея батюшки и што перстнимъ залатымъ сваимъ палажила на главѣ ево звѣзду яркаю блистящію. Тутъ Иванъ Цыревичь въ радасти са

сваей буйнай галовушки сыкидаитъ платокъ шолкавай, и сіяитъ у нево ва лбу звѣзда свѣтлая, блистащая. Благаславляютъ ихъ радитили, и свиршаитца ихъ царскай бракъ, на каторамъ гастей множиства, толька нѣту двухъ царевичей; атъ стыда ани сакрылися, на пиръ царскай ни явилися, а Иванъ Цыревичь съ маладой жаной и па нынѣ живутъ щáслива.

Балашовскій у., с. Тростянки. 1855 г.

---

254. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и о Царевнѣ въ свиной шкурѣ.

Въ нѣвкаторамъ царстви, въ нѣвкаторамъ государстви жилъ-былъ царь съ цырицаю, у нихъ была адна дочь, прикрасная сабою. Прашло нѣсколька времяни, цырица умерла, но умирая атказала мужу цырю съ руки сваей залатое кальцо съ такимъ условіемъ, што если онъ вздумаитъ жинитца, то жинился бы толька на той, каму кальцо ея будитъ въ пору, а дочири атказала самакатъ калясачкю. Долга ли, каратко ли, царь вздумалъ жинитца и ѣздилъ па всѣмъ царствамъ и гасударствамъ, но кальцо ни каму ни пришлась въ пору. Аднажды онъ выѣхалъ изъ дварца, а цыревна забавляясь аткрыла ящикъ, увидала тамъ кальцо, взяла яво, надѣла, и ана пришлась ей въ пору. Кагда пріѣхалъ царь дамой и увидалъ кальцо на рукѣ цыревны, сказалъ ей: „ну, дочка, сабирайся за меня замужъ“. Сколька цыревна ни гаварила яму, што атцы нигдѣ на дочеряхъ ни женютца, но воли яво пириспорить ни магла. Послѣ таво ана прасила схадить на магилу матири цырицы и праститца съ ней. Долга цыревна ночью плакала на магили и заснула... Приходитъ цырица мать и гаваритъ ей: „вяли атцу сшить табѣ платья къ вянцу—мѣсицъ сы звяздами“. Тотчасъ платья была гатова. На другую ночь царь позволилъ ей итти апять на магилу, гдѣ ана апять долга плакала и уснула.... Явилась ей мать и сказала: „праси у атца

платья соньца сы лучьями". Па царскаму слову платья была жи́ва здѣлана. На третью ночь—въ паслѣдній расъ атпрасилась цыревна на магилу матири и, наплакавшись да сыта, уснула... Мать ей гаваритъ: „скажи атцу, штабы онъ вилѣлъ зарѣзать самую бальшую свинью, снять съ ніё цѣлаю шкуру и палажить іё на крыльцо, а сама сабяри сваи платьи и ночью надѣнь на сибя эту свиную шкуру и ступай атъ атца куда хочишь". Па слову ея царь всё исполнилъ, и ана, какъ наступила ночь, сабравъ сваи платья, надѣла шкуру и ушла са двара. Царь гнѣвалси и спрашивалъ чисавыхъ, ни видалъ ли кто цыревну; но всѣ гаварили, шта ни видали, а видили толька свинью, каторая пашла сы двара. Долга брадила прикрасная цыревна въ такомъ жалкамъ наряди. Прашла нѣскалька царствъ, нѣскалька гасударствъ, наканецъ приходитъ въ адно царства, падходитъ къ царскаму дварцу, кланіитца часавымъ и гаваритъ: „далажитя Ивану Цыривичу, не пуститъ ли онъ миня къ сибѣ начевать?" Иванъ Цырівичь былъ ище халастой и жилъ съ старушкаю царицай, сваей матерью. Когда далажили ему а нислыханнымъ чуди, што свинья проситца къ нему начивать, онъ вилѣлъ призвать іё; ана взашла и пакланилась. Цырица, мать Ивана Цыревича, приказала паслать ей за печкой войлачикъ, на што ана атвѣчала: „я ни привыкла спать на войлачки, а пастилите мнѣ пиринку". Па утру встаетъ Иванъ Цыревичь, ана падаетъ яму умытца изъ чайника,. Иванъ Цыревичъ въ то время былъ што-та гнѣвинъ, сказалъ ей: „атайди атъ миня, свинья, ты и такъ мнѣ надаѣла", и ударилъ ёё легонька чайникамъ па галавѣ, послѣ чево уѣхалъ къ абѣдни. Цыревна, аставшись въ ево комнатахъ адна, надѣла платья мѣсицъ сы звяздами, вышла на крыльцо, сказала: „самакатъ-каляcычка, прикатись ка мнѣ!" Каляска въ тужа минуту явилась. Цыревна сѣла и паѣхала. Входитъ ана въ церкву, и всѣ ни надивуютца красатѣ ея и наряду, самъ Иванъ Цыревичь столька Богу ни малилси, сколька глидѣлъ на низнакомую красавицу, и пасылаитъ челавѣка спраситъ іё, кто ана такава, цыревна или каралевна и исъ какова города? Ана атвичаитъ: „я исъ такова горада, шта чайникамъ въ голаву". Думалъ, думалъ Иванъ Цыревичь и ни мохъ придумать, атъкуда эта красавица. Па атходи абѣдни, ана

уизжаитъ дамой. Иванъ Цыревичь силитца дагнать іё, но самакатъ-калясычка прапала исъ гласъ яво... Ана пріѣхала, раздѣлась, надѣла свиную шкуру и ходитъ въ ней, а Иванъ Цыревичь все думаитъ а прикраснай низнакомки. Цырица спрасила яво, што онъ такъ призадумался? Онъ атвичаитъ: „такъ ничево“. Въ другоя время Иванъ Цыревичь апять сабиралси къ абѣдни, и ана принесла яму умыватца и падала тасъ. Иванъ Цыревичь съ гнѣвамъ крикнулъ на ніё и ударилъ тазамъ въ голаву. Кагда онъ уѣхалъ, царевна надѣла платья соньца сы лучами, сѣла па прежниму въ сваю калясычку и паѣхала въ церкву. Входитъ въ церкву, и всѣ люди съ диву даютца красатѣ ея и наряду. Иванъ Цыревичь больши прежнива тревожитца и ни сводитъ гласъ съ ніё, пасылаитъ къ ней челавѣка и приказываетъ пакланитца ей и спрасить, кто ана такава и исъ какова горада? Цыревна атвѣчаитъ: „я изъ такова города, шта тазамъ въ голаву“. Думалъ, думалъ Иванъ Цыревичь, што ета за горатъ и, неатыскавъ въ памити такова горада, паслалъ ей въ падаракъ съ сибя часы. Ана взяла ихъ и па атходи абѣдни умчалась изъ гласъ Ивана Цыревича па прежниму. Пріѣхала, раздѣлась, надѣла шкуру, пашла къ паварамъ и изгатовила пирокъ. Пріѣхалъ Иванъ Цыревичь печальный и угрюмай. Цырица спрасила яво: „што ета ты, радной мой, въ день имянинъ сваихъ такъ кручинишься?“— „Ничево“, гаваритъ Иванъ Цыревичь. Многа съѣхалась князей и баяръ паздравить дарагова амянинника. Наступилъ часъ обѣда, подали павара пираги сваи, но изъ нихъ ни адинъ ни гадился. Наканецъ, цыревна въ свиной шкури падаетъ Ивану Цыревичу свой пирокъ, а онъ съ гнѣвамъ крикнувъ, атталкнулъ іё. Посли чево цырица мать яму сказала: „што ты, Иванъ Цыревичь, етатъ пирогъ лутча всѣхъ“; взяла яво и разрѣзала, всѣ ни надивились, какъ зашли туды залатыя часы, и Иванъ Цыревичь сказалъ: „я падарилъ ихъ прикраснай низнакомки, а ани ачутились у свиньи?“ Пака атъ удивленья всѣ гости такъ судили и рядили, цыревна вышла, сбросила съ сибя шкуру, надѣла платья соньца сы лучами, вышла къ пирующимъ, падашла къ Ивану Цыревичу и расказала яму, кто ана такава и атъкуда. Иванъ Цыревичь ни сталъ долга думать, съ благаславенья сваей матушки цырицы абьивилъ цыревни, што

онъ гатовъ быть жинихомъ ія, на што прикрасная цыревна сагласилася, и тутъ же началси у нихъ пиръ гарой. И съ тѣхъ поръ Иванъ Цыревичь нашъ са младой сваей Цырицаю живутъ счáслива.

Балашовскій у., с. Тростянки. 1855 г.

Астраханская губернія

255. Богъ далъ.

Безъ Бога не до порога.

Нѣто что въ нѣкоторомъ царствѣ и въ нѣкоторомъ государствѣ, а просто въ нѣкоторой губерніи два крестьянина А. и Б., назвавшись товарищами, пошли въ другую губернію на заработки. Изыскавъ богатую деревню или селеніе, они принялись трудиться, но обстоятельства имъ не дозволяли работать вмѣстѣ, а у разныхъ хозяевъ. Поработавши одну недѣлю, они свидѣлись, такъ сказать, въ воскресный день. А. спросилъ: „ну, ты, братъ, сколько заработалъ?“. Б. отвѣчалъ: „мнѣ Богъ далъ столько то“, а А. говоритъ: „а я заработалъ столько-то; потомъ сталъ думать: „какъ Богъ дастъ, если самъ не заработаешъ?“ и началъ спрашивать объ этомъ у Б., а сей послѣдній всѣ утверждалъ, что Богъ далъ; ибо безъ Его помощи ничего не сдѣлаешъ и не получишъ. Наконецъ произошелъ мѣжду ими споръ, и оба рѣшили такъ: „пойдемъ и кто перьвый съ нами встретится и скажетъ, чья правда, тому и заработанныя деньги съ противной стороны“. Только немного отошли, встречается имъ нечистый духъ въ человѣческомъ образѣ, они къ нему съ вопросомъ, въ особенности А., начто онъ имъ отвѣчалъ: „какъ Богъ дастъ, если самъ не заработаешъ“. Нечего дѣлать—Б. отдалъ А. всѣ деньги и опять отправились на работу. Спустя еще недѣлю, они опять свидѣлись и произвели тотъ же споръ. Б. говоритъ: „вотъ ты отъ меня деньги взялъ, а мнѣ Богъ далъ еще болѣе“. А. отвѣчалъ: „ну, если ты утверждаешъ, что тебѣ Богъ далъ, а не самъ ты заработалъ, такъ давай опять пойдемъ до перьвой встречи, съ тѣмъ, что если кто останется не правъ, у того отобрать деньги и отрезать правую руку“. Б. согласился и на это. Пошли, встречается имъ тотъ же посредственникъ, который на ихъ вопросъ отвѣчалъ тоже, что и преждѣ. Почему А. взялъ у Б. деньги и, отрубивши руку, оставилъ одного. Б. думалъ долго: „что безъ руки дѣлать? и переночевать никто не пуститъ; впрочемъ, Богъ милостивъ!“ Пошелъ на бѣрегъ рѣки и легъ спать подъ лодку.

Во время полуночи на эту лодку собралось множество нечистыхъ духовъ и начали мѣжду себя разговаривать, кто чемъ занимался и что сдѣлалъ въ тѣченіи дня. Одинъ говоритъ: „я мѣжду двумя мужиками рѣшилъ споръ въ противную сторону, и удного отрезали руку“. Другой отвѣчалъ: „это пустое! стоитъ только три раза покататься по росѣ, и она приростетъ“. Третій: „а я у такого-то барина единственную дочь изсушилъ, такъ что чуть жива“. Четвертый: „если кто пожалѣетъ барина, то вылѣчитъ дочку; пустое средство: взять такой-то травы, сварить и отваромъ этимъ искупать ея—она выздоровѣетъ“. Пятый: „а я чудо строю! въ одномъ пруду мужикъ поставилъ водяную мельницу и уже несколько лѣтъ хлопочетъ, а все безъ пользы: только что запрудитъ плотину, а я прокопаю и пущу воду, и онъ хочетъ уже бросить“. Шестый: „дуракъ мужикъ, онъ бы загатилъ получше плотину, и когда бы стала вода прорываться, бросилъ бы туда соломы снопъ, то и ты тамъ бы сгибъ“. Несчастный Б. всё это слышалъ и на другой день отправился по словамъ нечистыхъ духовъ, и съ Божіею помощію съ начала самъ сдѣлался сдоровъ и съ рукою, потомъ вылечилъ дочь у барина и наконецъ поправилъ у мужика плотину, за что Богъ ему далъ много щедростей. Чрезъ нѣсколько времяни случилось ему встретиться съ прежнимъ товарищемъ А., который, увидѣвши его здравымъ, удивился и сталъ спрашивать, какъ онъ могъ приростить руку и поправить состояніе. Онъ ему расказалъ всё подробно съ начала до конца. А. выслушавши думалъ самъ съ собою: „постой, и я это сдѣлаю и такъ же разбогатею“. Чрезъ несколько времяни отправился туда, гдѣ ночевалъ Б. и легъ подъ лодку. Въ полночь собрались тѣже духи и перьвый изъ нихъ началъ говорить: „а что, друзья, должно быть въ прежнѣе наше заседаніе кто нибудь подслушивалъ сдесь?“—„А что“, крикнули другіе.—„Вотъ что: у мужика рука то приросла; у барина дочь вылечилась, и у мельника плотина пошла въ ходъ“. По этимъ словамъ бросились всѣ подъ лодку и, нашедши А., разтерзали его. Вотъ тебѣ самъ заработалъ!

Черноярскій у. 1857 г.

256. Два брата умныхъ, а третій дуракъ.

При матери было три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Первыя двоя занимались разною работой и ловили звѣрей капканами и другими орудіями. Въ одно время они привезли множество звѣрей. Дуракъ, слѣзая съ печи, закричалъ: „братцы, и я лису поймалъ!“ „Гдѣ?“ спросили они. — „А вонъ, въ хлеву“. Они пошли и что же! Мать ихъ сидитъ въ капканѣ уже мертвою. Братья его, хотя и ругали, но съ дурака взятки гладки. Послѣ того старшія братья куда то отлучились, дуракъ взялъ мертвую мать, вывезъ на улицу и посадилъ за прялку. Въ это время кто-то скакалъ на лошади и задѣлъ ея, за что дорого поплатился дураку, по прозьбѣ, что онъ мать его задавилъ. Чрезъ нѣсколько времяни они вздумали женить старшаго брата и послали дурака на базаръ въ сосѣднюю деревню искупить всѣ нужное для свадьбы, что̀ онъ и исполнилъ, купивъ соли, горшковъ, ложекъ, столъ, говядины и проч. На обратномъ пути онъ увидѣлъ, что собака въ озерѣ пила воду; онъ вскричалъ: „у! родная моя, не соленую воду пьетъ“, и всю соль туда высыпалъ. Далѣе ѣдетъ. Вороны, увидѣвши говядину, начали кричать: карръ! карръ! Ему показалось, что они его величаютъ Карпомъ; онъ всю говядину имъ раскидалъ. Потомъ, увидевши верстовыя столбы, дуракъ сказалъ: „вотъ, мои братцы безъ шапокъ стоятъ!“ И надѣлъ на нихъ горшки. Еще идучи у него въ карманѣ загремѣли ложки. Дуракъ подумалъ, что они сговариваются его зарезать, и разбросалъ ихъ. Далѣе, неся столъ, ему показалось тяжело; онъ говоритъ: „да! у тебя четыре ноги, а у меня двѣ, и то я тебя несу“; бросилъ его. Прибывъ домой, дуракъ разсказалъ братьямъ, что онъ сдѣлалъ, и они вынуждены были послать одного изъ среды себя собрать всѣ разбросанное имъ. Потомъ, когда всѣ было готово къ венцу, и молодыхъ (жениха съ невѣстою) повели вѣнчать, оставивъ одного дурака, онъ что же сдѣлалъ? Выпустилъ бочьку квасу, селъ въ лотокъ, взялъ весёлку и плаваетъ по горницѣ, приговаривая: „ѣду, ѣду, до берегу не доѣду“. Когда же пришли отъ вѣнца и начали стучаться въ дверь, то услышали голосъ дурака: „постойтѣ! дайтѣ до берега доѣхать“. И когда дверь отворили, то жидкость хлынула въ дверь и сбила съ ногъ новобрачныхъ.

Что тутъ дѣлать? Умныя братья начали мыслить, какъ бы бѣжать отъ дурака; насушили рогожныя мешки сухарей и предположили на слѣдующей день отправиться. Дуракъ, смѣтивши это, пошелъ въ амбаръ и изъ одного мешка высыпавъ сухари, самъ влесъ въ него и завязался. Братья, видя, что дурака нѣтъ, взяли мешки на плеча и отправились въ путь. Отошедъ несколько верстъ, они услышали голосъ: „братцы, постойтѣ!“... съ начала они думали, что это имъ такъ послышалось; наконецъ голосъ сталъ явственнѣе; они положили, что дуракъ узналъ объ ихъ уходѣ и гонится за ними, почему, своротивъ съ дороги въ глухую сторону, сбросили мешки для отдыха. Въ это время дуракъ закричалъ: „охъ, братцы, что вы делаитѣ! вить вы мнѣ все печенки отшибли!“ Братья, видя невозможность избавиться отъ дурака, рѣшились жить вмѣстѣ.

Спустя много времяни, отправились они на сенокосъ, гдѣ, поработавъ до вечера, вздумали варить ужинъ, но огня при себѣ не имѣли. Увидевши огонь въ далекѣ, они покаались, кому преждѣ итти за огнемъ. Досталось преждѣ старшему, потомъ среднему, далѣе младшему дураку. Старшій отправился за огнемъ. Приходитъ къ огню, около его сидитъ старикъ, онъ просилъ его дать огня, тотъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы за это вырезать изъ спины два ремня, или сказать небылицу; и какъ старшій братъ не зналъ небылицы, то отдалъ старику изъ спины два ремня и, взявши огня, отправился; дорогою огонь у него потухъ. Пришлось итти за огнемъ среднему брату и сей такъ же исполнилъ, какъ и старшій, несказавъ старику небылицы, отдалъ изъ спины два ремня. Отправился наконецъ дуракъ. Приходитъ къ старику и получаетъ те же условія, какія были даны старшимъ братьямъ. Дуракъ началъ небылицу съ тѣмъ, чтобы старикъ ему не перебивалъ, а если перебьетъ, то дать огня и возвратить вырезанныя изъ спины братьевъ ремни. „Слушай, дедушка: „шедши я къ тебѣ, увидѣлъ въ дуплѣ жареныхъ перепелятъ, я сунулъ руку—не лезетъ, сунулъ ногу—не лезетъ, самъ согнулся—пролѣзъ. Поѣвши перепелятъ, сталъ вылазить: суну руку—нелезетъ, суну ногу, — нелезетъ, и самъ согнулся, непролезъ; нечего дѣлать, я сходилъ домой за топоромъ и вырубился. Потомъ, шедши мимо озера, я заснулъ. Сонной почувствовалъ боль въ головѣ—тотъ часъ проснулся и что же! Черепа на головѣ не было, я осмотревшись увидалъ, что оный плаваетъ по середи озера, и въ немъ утка яицъ нанесла; что тутъ дѣлать? Сунулся въ воду—глубоко; кинулъ топоромъ—топорище потонуло, а топоръ плаваетъ. Вотъ я зажегъ съ конца озеро, оно трещитъ да горитъ, трещитъ да горитъ, и когда догорѣло до яицъ — то оныя испеклись, и я ихъ поѣлъ“. Тутъ старикъ спросилъ: „какъ же ты живъ былъ безъ черепа?“ Дуракъ закричалъ: „вотъ ты меня перебилъ!“ Нечего дѣлать, старикъ далъ дураку огня и, возвративъ братнины ремни, отпустилъ его, и онъ благополучно явился къ братьямъ съ огнемъ. Съ тѣхъ поръ они опять начали жить ладно. Молодецъ Карпо! если его такъ звали.

Черноярскій у. 1857 г.

Самарская губернія.

257. [Козьма Сарафанычь].

Былъ одинъ сапожникъ, по имени Козьма Сарафанычь. Въ одно время сидѣлъ онъ за работой, а какъ у сапожниковъ всегда бываетъ клейстеръ въ горшечкѣ, такъ былъ и у него. Въ этотъ горшокъ налѣтело множество мухъ, можетъ быть, болѣе, полагая, съ тысячи. Онъ взялъ голицу, хлопнулъ по горшку и всѣхъ мухъ убилъ. Видя такую удачу, задумалъ нашъ Сарафанычь ѣхать на войну воевать, велѣлъ женѣ своей насушить сухарей, взялъ съ собою косу и косырь да женнинъ старый сарафанъ, сѣлъ на пегую кобылёнку и отправился. Ѣдитъ нашъ Сарафанычь дорогой и никому не кланяется, держа на плечѣ косу, привѣсивъ къ боку косырь и усердно погрызывая сухарики. Вдругъ на пути попадаются ему два богатыря, которые, замѣтя въ немъ отважную храбрость, сдѣлали ему почтеніе и просили взять ихъ съ собою. Сарафанычь съ радостію на это согласился. Богатыри ѣхали шагомъ, а Сарафанычь за ними вскачь, и наконецъ умучалъ свою кобылу и остановился у Великой горы отдыхать. Богатыри разставили свои шатры и пошли гулять въ персидскихъ халатахъ, а сильный богатырь, Козьма Сарафанычь, надѣлъ на себя женнинъ сарафанъ съ заплатами и ходитъ съ ними также врядъ; на ночь же, вмѣсто шатра, сплелъ себѣ шалашъ изъ камыша. По утру рано всталъ Сарафанычь, взошелъ на гору и увидалъ не подалеку городъ, весь серебряный; потомъ сошолъ съ горы и спрашивалъ богатырей объ этомъ городѣ. Они ему на то отвѣчали, что тутъ живетъ принцъ Сила. Козьма же Сарафанычь зналъ, что у этого принца есть дочь, почему и послалъ одного богатыря сватать её за себя замужъ, съ тѣмъ условіемъ, что если онъ согласится отдать безъ ссоры, то онъ пріѣдетъ самъ, а если не согласится, то выставлялъ бы войско на сраженіе. На это принцъ не согласился, а захотѣлъ сражаться. Въ первый разъ послалъ Сарафанычь богатыря, который все войско побѣдилъ; на другой день отправилъ втораго, и тотъ также побѣдилъ. Дошла очередь и до Козьмы Сарафаныча. Онъ не хотѣлъ было

ѣхать, но богатыри его принуждали, говоря, что мы свою очередь отправили. Дѣлать было нечего. Сарафанычь осѣдлалъ свою пѣгую кобылёнку, сѣлъ и полѣтелъ, какъ стрѣла; на всемъ скаку задѣлъ какъ-то за дубъ стременемъ, вырвалъ дубъ изъ корня и скакалъ безъ оглядки. Вотъ наконецъ Сарафанычь наѣзжаетъ на богатыря, который, увидя его, не хотѣлъ было съ нимъ марать своихъ рукъ, но Козьма Сарафанычь, какъ червякъ, задѣлъ косой богатыря за шею и снесъ ему голову, какъ снопъ, а самъ своею силою и срѣзанной головы приподнять не могъ. Тогда принцъ Сила вынужденъ былъ съ Сарафанычемъ примириться и отдать ему свою дочь, которая была необыковенной силы, и, видя передъ собою таковаго комара, пошла съ нимъ прогуливатся въ садъ и вздумала надъ нимъ пошутить. Она нагнула кедровое дерево и попросила Сарафаныча самыми нѣжными словами: „подержи-ка, душенька, дерево за вершинку, а я порву орѣшковъ для себя и для тебя“. Нашъ богатырь обомлѣлъ отъ такихъ нѣжностей, схватился всею силою за вершину дерева, а его дорогая невѣста опустила дерево, которымъ откинуло Сарафаныча за рѣчку; со всего розмаху онъ упалъ на зайца и задавилъ его. Затѣмъ нашъ Сарафанычь принужденъ былъ зайца взять и отправиться къ своей супругѣ съ дорогимъ гостинцемъ, съ задавленнымъ зайцемъ, который послужилъ ему оправданіемъ, что онъ путешествовалъ за зайцемъ, но потерялъ пѣгую кобылицу и женнинъ сарафанъ. Жена посердилась да послѣ примирилась, и стали жить да поживать.

Самарское удѣльное имѣніе. 1854 г.

---

258. [Не любо—не слушай].

Жили Анашка съ дѣдушкой богаты, и такъ были тороваты, что выходили драться въ кулачки на двѣнадцать курушенковъ да на семь цыпленковъ. Всѣхъ побивали, ни одного не оставляли. У нихъ было пчелъ много, сто пеньковъ; а летала одна пчела. У нихъ была изба большая, сажень съ локтемъ, сосновая. Въ печи ленъ сѣяли, а на

шесткѣ конопли; въ подпечкѣ траву косили, на полатяхъ стога мѣтали. На печномъ столбѣ была кладь складена, сверчки пахали, лишъ крылашками махали. Комары бороновали, а клопы ходили на Волгу въ бурлаки, имъ съ дѣдушкой денегъ промышлять, въ подушны отдавать. Дѣдушка пошелъ на базаръ, купилъ горшечикъ больше грошеваго; а Анашка купилъ ложекъ; и купили они крупинку и положили въ горшокъ, и за этой крупинкой они бѣгали съ дубинкой, и стали они обѣдать, а Анашка и не видитъ, что кошка ворвалась и столкнула у нихъ со столба кладь. Вотъ какъ они были тороваты, то скоро подскочили да ложечкой и подперли. Вотъ Анашка какой былъ догадливый, дѣдушкину-то ложечку подставилъ, а свою-то оставилъ. Дѣдушки хлѣбать стало нечемъ. Какъ же имъ съ дѣдушкой быть? Надо кладь молотить. Кладь обмолотили, семь переваловъ солоду наростили, а дѣло-то было въ сѣвъ, а они остались съ работниками послѣ всѣхъ. Вотъ они пива наварили. Народъ созвали, пашню отпахали, сохи въ сѣняхъ выпрягали. Двора-то ни кола, а по ту сторону за уголъ лошадей привязывали, начали они гулять. Вотъ они съ дѣдушкой пиво разносили, а у нихъ народъ ни пѣсенъ, ни басенъ. Ну, какъ же народъ развеселить? Взяли дѣдушка шестъ, а Анашка пестъ, ну-ка ихъ гвоздить. Тутъ и зашумѣлъ народъ, и больше того набѣжало, и хотѣли они народъ сбыть. Дѣдушка взялъ кнутъ, а Анашка прутъ, и весь народъ у нихъ повалилъ съ двора, а лошади испугались и избу ту у нихъ растащили по бревну. Анашка сталъ собирать ее и началъ конекъ класть, увидалъ въ лѣсу дымъ, точно его пчельникъ горитъ, и такъ онъ испугался, самъ бѣжалъ, спотыкался, а ноги не бѣгутъ. Прибѣжалъ на пчельникъ; его пчельникъ горитъ; а дѣдушка по пчельнику не ходитъ. Вбѣжалъ въ избенку, вытащилъ дѣдушкину требушкину [требушинку?]. Вотъ какъ Анашки быть, и съ кѣмъ ему будетъ жить? И одумался, и пошолъ опять на свое жилище, и поѣхалъ въ поле, проѣхалъ бороздку и посѣялъ горошку пудовку, на локоть не полну, чуть на донышкѣ. Уродился его горохъ стручистъ, и повадились на его горохъ журавли лѣтать, весь горохъ поѣдать, такъ его и зобаютъ и Анашкѣ не покидаютъ. Ну-ка онъ миръ просить. Приказали ему старики купить вина три ведра. Принесъ Анашка вина на загонъ, поставилъ два ведра, а третье

поставить было негдѣ. И навилъ онъ петелокъ. Журавли прилѣтели, вина напились и всѣ попадали. Вотъ онъ въ петельки ногами ихъ и посовалъ и понесъ на сходъ. Эти журавли стали просыпаться и съ Анашкой стали подниматься и подняли его къ облакамъ. Какъ ему быть?—Взялъ Анашка обрѣзалъ петли и съ однимъ только журавлемъ остался, и онъ его сталъ спущать; потому и этому обрѣзалъ петлю. Сорвался молодецъ и лѣтелъ вверьхъ и внизъ головою, и упалъ въ тину, только головка осталась наружи. На его же головѣ свила утка гнѣздо, нанесла яицъ, и повадился волкъ ѣсть яицы, яицы съѣлъ да и Анашку хотѣлъ. Онъ уцѣпился волку за хвостъ, да какъ закричалъ: ту, ту, ту! онъ его и вытащилъ. И до нынѣ Анашка живетъ одинъ, безъ дѣдушки, бѣдняшка!

Самарское Удѣльное Имѣніе. 1854 г.

---

259. [Набитый дуракъ].

Жилъ-былъ старикъ со старухой, у нихъ былъ сынъ дурачекъ. Они его женили. Онъ пошелъ путемъ-дорогой. Случилось ему увидѣть, что мужикъ сѣитъ пшеницу.—Онъ спросилъ его: „что ты сѣишь?“ — „Пшеницу“, отвѣчалъ крестьянинъ.—„Дай тебѣ, Господи, чтобъ ничего не родилось; съ одного-то конца ни колоска, а съ другова-то голая лебеда, а въ домѣ прибыла бы бѣда“. Мужикъ взялъ волокушу да дулъ, дулъ и отпустилъ его. Дуракъ заплакалъ и пошелъ домой.—„Мать, увидавши его, спросила: что ты плачешь, дуракъ?“—„Я пошелъ въ поле, тамъ мужикъ сѣитъ пшеницу; я ему сказалъ: „дай тебѣ Господи, чтобъ ничего неродилось. Онъ меня за это и побилъ“.—„Дуракъ! дурацкая стать! ты бы лучше сказалъ: дай тебѣ Господи, носомъ не сносить; возомъ не свозить“.—„Я пойду скажу ему, чай еще онъ тутъ“.—„Ну пошелъ!“ Дуракъ, отправился, а на пути ему изъ переулка мертвеца несутъ. Встрѣтясь съ провожавшими покойника, онъ сказалъ: „дай вамъ, Господи, носомъ не сносить и возомъ не свозить“. Провожавшіе поставили мертвеца на землю и ну дурака колотить. Онъ опять заплакалъ и воротился домой. Мать спра-

шиваетъ его: „что ты плачешь“? — „Я пошелъ сказывать тому мужику-та, а тутъ мертвеца несутъ; я имъ и сказалъ: дай вамъ, Господи, чтобы носомъ не сносить и возомъ не перевозить, а они меня же избили, да и домой проводили“.— „А ты бы, дуракъ, дурацка стать, сказалъ: царство небесное!“—„Я пойду, скажу: чай они еще тутъ“. И пошелъ дуракъ въ церкву, а въ церквѣ сватьбу вѣнчаютъ. Онъ имъ и сказалъ: „дай вамъ, Господи, царство небесное“.—Дружка за это избилъ его плетью. Дуракъ снова возвратился домой, заплаканный. Мать его встрѣтила и спросила: „что ты, дуракъ, плачешь?“—„Я пошелъ и сказалъ: царство небесное, а тутъ вѣнчаютъ сватьбу, я имъ и сказалъ эдакъ, меня дружка плѣтью и побилъ“.—„А ты поди надѣнь халатъ да и поиграй въ балалайку, они тебя и похвалятъ“.— „Я пойду, чай еще они тамъ“. Дуракъ пошелъ, а у попа овинъ горитъ. Онъ подошелъ къ овину да и ну играть въ балалайку и попрыгиваетъ. Попа взяло горе, тушить было не съ кѣмъ; онъ и отколотилъ дурака порядкомъ. Дуракъ пошолъ домой со слезами. Мать его опять встрѣтила и спросила: „что ты, дуракъ, плачешь?“—„Поглядика, матушка, у меня халатъ-то весь выпачкали. Я пошелъ на сватьбу, а у попа овинъ горитъ, я тутъ и ну играть въ балалайку; попъ меня за это и побилъ“.—„Дуракъ, дурацкая стать! а ты бы взялъ ведерко съ водою да и заливалъ огонь“.—„Я пойду, чай еще онъ горитъ“. Пошолъ дуракъ, а тутъ на рѣкѣ мужикъ расклалъ огня свинью палить. Онъ только что навѣсилъ свинью, а дуракъ взялъ изъ проруби ведро воды да и залилъ у него огонь. Мужикъ избилъ его за это. Дуракъ пошелъ домой и заплакалъ. Мать его встрѣтила съ вопросомъ: „что ты, дуракъ, плачешь?“—„Я пошолъ туда заливать-то къ попу овинъ, а тутъ мужикъ свинью палитъ, огонь разложилъ, а я его залилъ“.—„Дуракъ, дурацка стать! а ты бы сказалъ: дай тебѣ, Господи, на свѣтло Христово Воскресенье этимъ кусочкомъ разговѣтся“.

Самарское удѣльное имѣніе. 1854 г.

260. [У бабы-Яги].

Жилъ купецъ въ одномъ городѣ, у него было три дочери. Время пришло;—купца спрашиваетъ на службу волшебница, Яга-Баба. Купецъ говоритъ дочерямъ: „вы, мои умныя и разумныя дочери, если бы которая нибудь изъ васъ съѣздила послужить Ягой-Бабѣ за меня, то бы я вамъ, которая поѣдитъ ,отдалъ бы половину своего имѣнія“. Большая дочь говоритъ: „благослови меня, батюшка, я поѣду и за тебя послужу“. Онъ её благословилъ, она взяла лошадь и поѣхала. Отцу сжалилось дочь. А отецъ былъ чародѣй, и онъ, оборотясь въ великаго медвѣдя, забѣжалъ на дорогу впередъ. Когда дочь его ѣхала, то онъ вышелъ изъ лѣсу и хотѣлъ её съѣсть. Дочь его сильно испуга, лась, заворотила лошадь и поѣхала домой обратно, а отецъ её успѣлъ уже быть дома. Стала она подъѣзжать ко двору, отецъ, увидя её, спрашивать: „что дочька, отслужила ты или нѣтъ?“ Она ему отвѣчала, что на дорогѣ лѣсомъ выбѣжалъ къ ней со стороны на встрѣчу медвѣдь, что она его испугалась и воротилась домой. Средняя дочь говорила отцу своему: „благословика меня, батюшка!“ Онъ ей сказалъ: „гдѣ тебѣ, дитятко, пущатся въ таксй путь, когда большая сестра недоѣхала, а ты и подавно недоѣдешь“. Но по неотступной просьбѣ, онъ и её благословилъ, и она поѣхала. Отцу было жалко и этой дочери; а потому онъ побѣжалъ опять въ тотъ же лѣсъ, также испугалъ и её. Она, воротившись назадъ, сказала отцу то же самое, что и большая. Послѣ того и малая дочь стала просить благословенія у отца, говоря: „развѣ я за тебя послужу“. А онъ ей отвѣчалъ: „гдѣ тебѣ, дititko, послужить за меня: большая и средняя сестры твои недоѣхали, а ты и подавно недоѣдешь“.—„Ну, батюшка, попробую“. Онъ благословилъ её-далъ ей коня неѣзжанаго, сѣдло не сиженое, плѣтку не хлыстанную и стрѣлу не стрѣленную. Она взяла все это, сѣла и поѣхала. Отцу и этой дочери стало жалко, забѣжалъ впередъ и сѣлъ подъ мостъ. Дочь его ѣдитъ, а онъ, обратясь львомъ, хотѣлъ её съѣсть. Она, не убоясь этого, натянула свою стрѣлу и пустила ему прямо въ правой глазъ и вышибла его вонъ. Слѣзла съ лошади, взяла звѣриный глазъ, положила его въ карманъ и продолжала свой

путь. Доѣзжая до мѣста, гдѣ ей достанется служить, одѣлась въ мужскую одежду и пошла, гдѣ слѣдуетъ. Ей досталось служить въ одномъ селѣ у Ягой-Бабы. Нѣсколько времени она у ней служила безъ всякихъ приключеній. Надобно сказать, что у Ягой-Бабы былъ сынъ Василій Васильевичъ. Однажды была приготовлена баня, и Яга-Баба съ сыномъ между собою разговаривали, чтобы имъ въ баню идти вмѣстѣ. Дѣвка, именуемая служивымъ, тотчасъ пошла въ баню и вымылась. Возвращается отътуда, а сынъ Ягой-Бабы ей на встрѣчу, и спрашиваетъ её, что ты служивой скоро вымылся? Она ему отвѣчала: „я моюсь по салдатски“.— Баба-Яга замѣтила, что на службѣ у неё не мужчина, а дѣвка, а еще болѣе заботилась о томъ, что она спала съ ея сыномъ вмѣстѣ. Но сынъ не зналъ, что это дѣвка. Легли они вмѣстѣ и на другую ночь, а Яга-Баба тайно надъ ними повѣсила на ниточкѣ по красному цвѣтку, говоря себѣ, если этотъ служивый человѣкъ дѣвка, то цвѣтокъ надъ нимъ завянетъ. Дѣвка проснулась на разсвѣтѣ и увидѣла, что повѣшенный надъ нею цвѣтокъ завялъ. Она была смѣтлива: свой цвѣтокъ подвѣсила надъ сыномъ Ягой-Бабы, а его цвѣтокъ надъ собою. Настало полное утро. Заботливая мать, Яга-Баба пришла къ сыну, когда онъ еще спалъ, и, увидѣвъ перемѣну надъ нимъ повѣшеннаго цвѣтка, удивилась и изумилась, думая сама съ собою: „неужели мой сынъ дѣвка“? И объ этомъ никому несказала, а только завсѣмъ строго примѣчала, да ничего не узнала. Срокъ службы окончился. Сталъ служивый собираться домой и сказалъ сыну Бабы-Яги: „ну, братецъ, проводи же меня чрезъ вашу рѣку“. Онъ пошелъ провожать служиваго и дошелъ съ нимъ до берегу рѣки, отдѣляющей владѣніе Ягой-Бабы отъ другихъ. Дѣвка перешла на свою сторону и кричала чрезъ рѣку сыну Ягой-Бабы: „ахъ ты, Василій Васильевичь, не умѣлъ ты у себя удержать Василису Васильевну“. Сама сѣла на лошадь и уѣхала къ отцу; а сынъ пришелъ къ матери и все ей разсказалъ, что ему говорилъ служивый. Василиса застала отца живаго, но криваго, который во всемъ ей признался, и за её мужество и преданность къ нему наградилъ обѣщаннымъ имуществомъ.

Самарское удѣльное имѣніе. 1854 г.

261. [Загадки].

Переѣзжалъ царь изъ города въ городъ, увидалъ на дорогѣ пастуха и сказалъ ему: „Богъ помочь тебѣ! По скольку тебѣ въ день, мужичокъ, приходитъ за труды?“— „По 12 коп. въ сутки“.—„Куда ты эти деньги дѣваешь?“— „По три копѣйки плачу долгу, три копѣйки въ долгъ даю, три копѣйки въ царскую подать вношу, а три копѣйки себѣ на пропитаніе беру“. Царь поѣхалъ отъ него; ѣхалъ, ѣхалъ да призадумался: „что такое мужикъ мнѣ это сказалъ? Дай ворочусь и спрошу его“. Крестьянинъ разгадалъ ему загадку такъ: „долгъ плачу — отца и мать кормлю; въ долгъ даю—дѣтей кормлю; три копѣйки въ царскую подать отдаю, а остальныя себѣ на содержаніе“. Царь велѣлъ ему никому этого не сказывать, а самъ тоже ему загадалъ: „если прилѣтятъ съ Руси гуси, то ихъ пощипать“. Поѣхалъ царь въ сенатъ и загадалъ сенаторамъ: что значитъ такое долгъ плачу и что въ долгъ даю? Они не могли растолковать и не одинъ не отгадалъ. Сенаторы допрашивались царя, гдѣ взяты имъ этакія загадки? Царь имъ сказалъ, что слышалъ ихъ отъ мужика пастуха. Сенаторы тотчасъ поѣхали къ этому мужику; начали требовать отъ него объясненія загадки; но пастухъ имъ не сказывалъ, исполняя царскій наказъ. Изъ нихъ четверо дали ему по пятьсотъ рублей. Тогда пастухъ велѣлъ имъ списать царской портретъ и принести къ нему. Когда сенаторы исполнили его требованіе, то онъ сталъ передъ портретомъ и сказалъ: „не вамъ сказываю, а царскому лицу“. И разъяснилъ загадку. Съ радостію поѣхали сенаторы въ обратный путь и, пріѣхавши, разгадали царю загадку. Царь призываетъ мужика къ себѣ и говоритъ: „какъ ты смѣлъ сказать тайну, когда я тебѣ запретилъ“. Мужикъ отвѣчалъ: „я не имъ сказалъ; а Вашему лицу“.—„Что ты съ нихъ взялъ?“—„По пятьсотъ руб. съ четверыхъ, и тѣмъ исполнилъ твой приказъ и твою загадку разгадалъ“. Царь его за это похвалилъ и еще отъ себя наградилъ.

Самарское удѣльное имѣніе. 1854 г.

Уфимская губернія.

262. [Богатый мужикъ].

Разъ шли полемъ три апостола: Михаилъ Архангелъ, Никола Святитель, Іисусъ Христосъ, и видятъ — пашетъ богатый мужикъ, и все у него хорошо: лошади справныя (3 лошади, двѣ отдыхаютъ, а на одной пашетъ) сбруя хорошая. Господь и говоритъ ему: „Богъ на помочь“. Потомъ доходитъ до бѣднаго мужика. Все у него бѣдно да старо: и лошаденка одна, да и то плохонькая. Господь ему ничего не сказалъ. Никола и спрашиваетъ:—„Господи, отчего ты ему ничего не сказалъ? И какъ-бы его сдѣлать богатымъ“. Христосъ говоритъ: „если его сдѣлать богатымъ, то онъ насъ прибьетъ“. Никола не вѣритъ и все проситъ Бога сдѣлать его богатымъ. Господь сдѣлалъ богатымъ, а Николѣ не сказалъ. Пошли они всѣ втроемъ къ этому мужику. Изба у него богатая, скота и хлѣба много. Господь послалъ Николу: „иди проситься ночевать“. Никола пошелъ: „Пусти насъ, страничковъ, ночевать“. „Много васъ шатается“. Такъ три раза толкались, мужику надоѣли; онъ пустилъ ихъ. Пришли три странника, сѣли на печь. А у мужика гости. Всѣхъ ихъ угощаетъ. А Никола: „Господи, Господи, что это онъ насъ не позоветъ, не покормитъ?“ Господь послалъ его просить. Никола всталъ: „покорми насъ, хозяинъ“. Хозяинъ промолчалъ. Во второй разъ закричалъ, въ третій: — ступайте въ другу избу, баба тамъ покормитъ“. Они сходили, поѣли, полегли спать. Іисусъ говоритъ Николѣ: „ты ложись съ краю“. Никола легъ. На утро мужикъ рано всталъ, собирается молотить, давай будить, они спятъ. Мужикъ и началъ кнутомъ Николу хлестать. А Іисусъ Христосъ смѣется: „что, я тебѣ говорилъ, что будетъ богатъ, такъ побьетъ насъ“. Послѣ трехъ разъ Іисусъ Христосъ сдѣлалъ мужика бѣднѣе прежняго.

Белебеевск. у., м. Буланка. (Запись поздняго времени).

---

263. [Бѣдный мужикъ просвирку съѣлъ].

Жилъ-былъ одинъ бѣдный мужикъ. Ни въ чемъ ему счастья не было: ни въ хлѣбѣ, ни въ скотинѣ. Только ребятъ было много. Онъ разсердился: „вотъ, говорятъ, Богъ есть на свѣтѣ, какъ его ни прошу, ничего не даетъ; пойду Бога бить“. Попадается мужикъ (Христосъ); „куда ты?“ — „Иду Бога бить“—„И я тоже“.—„Пойдемъ вмѣстѣ“. Пошли. Дошли до рѣчки. Ночь ужъ пришла. Разрѣзалъ старикъ просвирку, поѣли, водой запили, полегли спать. А мужикъ-то былъ жадный. Проснулся да просвирку и укралъ. Съѣлъ. На другой день встали. Старикъ хотѣлъ закусить — нѣтъ просвирки. Ну, дѣлать нечего. „Ты взялъ просвирку?“ Забожился, заклялся. Тотъ повѣрилъ. Пришли въ городъ къ одной вдовѣ. Она покормила. Разсказываетъ: у нихъ въ городѣ у царя сынъ умираетъ, дорого-бы царь далъ тому, кто сына его вылечить-бы смогъ. Старикъ: — „Я вылечу“. Пошла она, сказала. Прислалъ царь карету. Старикъ изрѣзалъ больного на куски, промылъ, сложилъ, вспрыснулъ водой. Тотъ ожилъ. Царь радъ. Наградилъ его щедро. Старикъ деньги раздѣлилъ. Мужикъ позавидовалъ, захотѣлось ему еще больше. Онъ одинъ тихонько взялъ лечить. Ушелъ къ богатому человѣку. Изрѣзалъ, перемылъ, сложилъ. Сталъ прыскать, не воскресаетъ. Бился-бился, ничего не можетъ сдѣлать. Донесли въ судъ, приговорили къ висѣлицѣ. Старикъ пришелъ: „ты съѣлъ просвирку?“ — „Нѣтъ“. — „Ну ладно, я вылечу, вызволю тебя“. Воскресилъ. Наградили старика много. Подѣлилъ Богъ на три кучи. „Зачѣмъ третью?“—„А это тому, кто просвирку съѣлъ“.—„Я съѣлъ“.—„Ну, бери“. Мужикъ принесъ деньги домой, и обратились деньги въ камень.

Белебеевскій у., м. Буланка. (Запись поздняго времени).

Пермская губернія.

264. Ѳома и Ерема.

Ерема жилъ на горкѣ,
А Ѳома—подъ горой.
Ерема ѣлъ мякину,
Ѳома—колосокъ;
Станемъ-ко, Еремушка,
Пашенку пахать.
Ерема купилъ лошадь,
Ѳома—жеребца;
У Еремы-то не ѣдетъ,
У Ѳомы-то не везетъ.
Ну, къ черту, Ерема!
Лучше торги торговать.
Ерема купилъ луку,
Ѳома—чесноку;
Ерема сѣлъ на печку,
Ѳома—на шестокъ.
У Еремы-то не купятъ,
У Ѳомы не берутъ.
Ну, къ черту, Ерема!
Лучше за охотою ходить.
Ерема купилъ сучку,
Ѳома—кобелька;
У Еремы-то не лаетъ,
У Ѳомы-то не ворчитъ.
Ну, къ черту, Ерема!
Лучше рыбку ловить.
Ерема купилъ лодку
Ѳома—веслочекъ;
У Еремы-то безъ боку,
У Ѳомы-то безо дна.
Ерема сталъ тонуть,
Ѳома за ногу тянуть.
Ерема говоритъ:
„На петровъ день быть“;
А Ѳома говоритъ:
„Когда чертъ велитъ“.—

Екатеринбургскій у., 1848 г.

---

265. Быкъ, баранъ, боровъ, гусь и пѣтухъ.

У старика со старухой было много скотины: быкъ, баранъ, боровъ, гусь и пѣтухъ. Задумали старики быка колоть. Провѣдалъ объ этомъ быкъ и убѣжалъ въ лѣсъ. Старикъ со старухой погоревали, погоревали и, вмѣсто быка, рѣшили барана колоть. Узналъ баранъ, что его колоть хотятъ, и тоже въ лѣсъ убѣжалъ. Дошла очередь до борова, но и боровъ не промахъ: отъ бѣды такой и онъ убѣжалъ въ лѣсъ. Собираются наконецъ старики птицу рѣзать; глядь, а ни гуся, ни пѣтуха уже нѣтъ дома,—оба въ лѣсъ улетѣли.

Въ лѣсу быкъ, баранъ, боровъ, гусь и пѣтухъ сошлись вмѣстѣ и стали судить и рядить, какъ имъ жизнь проводить. Подходила зима. „Давайте-ка, братцы, избушку строить да хозяйство заводить, чтобы намъ зимой не замерзнуть и съ голода не пропасть“, говоритъ быкъ. Но избушку строить никому неохота. Баранъ говоритъ: „у меня шуба теплая, я и такъ прозимую“. А боровъ: „я, говоритъ, жирнѣй всѣхъ—не замерзну“. Гусь: „я въ лѣса улечу“. А пѣтухъ: „я подъ елью просижу“. И всѣ разошлись, кто куда хотѣлъ. Быкъ одинъ построилъ избушку, затопилъ печку и лежитъ себѣ, грѣется. Пришла зима студеная да вьюжная. Вотъ приходитъ сначала баранъ и просится къ быку въ избушку.—„Не пущу“, говоритъ быкъ: „избушку мнѣ строить не помогъ, да у тебя-жъ и шуба теплая“.—„Не пустишь, такъ я твою избушку рогами разворочаю“, отвѣчаетъ баранъ. Побоялся быкъ за избушку и пустилъ барана. Немного погодя, идетъ боровъ и просится къ быку въ избушку. А быкъ сердитъ на борова, что не пособилъ избушку строить, и не пускаетъ. „Не пустишь“, говоритъ боровъ, „такъ я землю подрою и избушку уроню“. Нечего дѣлать, пустилъ быкъ и борова къ себѣ. Потомъ прилетѣлъ гусь, а за нимъ и пѣтухъ. „Пусти, куманекъ, въ избушку жить!“—„Нѣтъ, вы мнѣ избушку строить не помогали, не пущу“.—„Не пустишь, говоритъ гусь, я мохъ изъ пазовъ выщиплю“. А пѣтухъ: „я землю съ потолка срою“. Нечего дѣлать, пустилъ быкъ и гуся и пѣтуха.

Стали жить всѣ вмѣстѣ: быкъ, баранъ, боровъ, гусь и пѣтухъ. Вотъ сидятъ они разъ вечеркомъ, сумерничаютъ: разговоры ведутъ, сказки сказываютъ. Вдругъ гдѣ-то завыли волки. „А что, братцы, если волки на насъ нападутъ, что мы станемъ дѣлать?“ Стали думать и гадать, какъ отъ волковъ обороняться. Быкъ говоритъ: „я, братцы, лягу у дверей, боровъ подъ лавку, баранъ на лавку, пѣтухъ на полицу, а гусь на божницу“. Вотъ пришла ночь, и всѣ легли по своимъ мѣстамъ: быкъ у дверей, боровъ подъ лавку, пѣтухъ на полицу, а гусь на божницу.

Идутъ мимо волки и видятъ избушку. „Что это, братцы, за избушка“, говоритъ старшóй волкъ: „дай-ка я загляну, нѣтъ-ли чѣмъ поживиться?“ Заглянулъ волкъ въ избушку и разбудилъ быка; а тотъ его такъ хватитъ рогами, что

чуть кишки не выпустилъ; боровъ его клыками, баранъ рогами, гусь шерсть щиплетъ, а пѣтухъ ходитъ по полицѣ, крыльями машетъ и кричитъ во все горло: „куты́, куты́, куты́! подайте-ка сюды, я его такъ хвачу, что кишки выпущу!“ Кое-какъ волкъ вырвался изъ избушки и давай Богъ ноги! побѣжалъ безъ оглядки, а за нимъ и вся стая волковъ. Бѣжали, бѣжали и остановились духъ перевести. „Что съ тобой!“ спрашиваютъ волки старшо́го.—„Бѣда, братцы! разбойники бока намяли: кто вилами, кто ломкомъ, досталось и щипцами; а старшо́й, атаманъ, должно, ходитъ по полицѣ да кричитъ: „куты, куты, куты! подайте-ка сюды, я его такъ хвачу, что кишки выпущу!“

Съ той поры волки далеко стали обходить разбойничью избушку, а жильцы ея со страху рѣшили домой воротиться. Старикъ и старуха обрадовались, что скотина назадъ пришла, и стали опять всѣхъ держать, кормить и поить.

Екатеринбургскій у. Запис. ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

266. Макаръ дуракъ.

Жилъ-былъ парень Макаръ дуракъ. Разъ онъ сидитъ на печи, въ трубѣ сажу перегребаетъ и спрашиваетъ у матери: „мама, отчего это сегодня печка-то не грѣетъ?“—„Оттого, что не топлена“, отвѣчаетъ мать: „ты-бы, Макарушка, съѣздилъ въ лѣсъ, привезъ хоть волочужку дровъ“. Макаръ слѣзъ съ печи, запрягъ лошадь и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Въ лѣсу онъ выбралъ суковатое дерево, влѣзъ на него, сѣлъ на сукъ и ну его рубить. Ѣдетъ мимо мужикъ, тоже за дровами, и кричитъ: „эй, Макарка, падешь!“ Макарка огрызнулся на мужика: „проваливай, говоритъ, мимо, не твое дѣло!“ Но только что подрубилъ сукъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ хрясь на землю!—„Должно быть, колдунъ мужикъ-то“, думаетъ Макаръ: „вишь впередъ узналъ, что я паду. Эй, постой, дядюшка!“ кричитъ онъ въ слѣдъ мужику. Мужикъ остановился. „Скажи, почтенный, скоро-ли я умру?“—„А вотъ какъ нарубишь дровъ да поѣдешь домой, такъ и умрешь“, отвѣчаетъ ему мужикъ въ шутку. Макаръ нарубилъ дровъ и поѣхалъ домой.

ѣдетъ и думаетъ: „колдунъ сказалъ, что умру дорогой; чѣмъ смерти ждать, лучше заживо умереть“; слѣзъ съ саней и растянулся, какъ мертвый. Вотъ мужикъ ѣдетъ съ дровами обратно и видитъ—Макаръ лежитъ, ни рукой, ни ногой не шевелитъ, глаза закрылъ и дышать пересталъ. „Что, Макаръ, аль умеръ?“—„Умеръ, дядюшка!“ отвѣчаетъ тотъ: „довези мои дровишки до дому, а мамѣ скажи: пусть ѣдетъ хоронить меня да хлѣба привезетъ, я ѣсть хочу“.

Посмѣялся мужикъ надъ дуракомъ и поѣхалъ своей дорогой. Въ деревнѣ сказалъ Макаровой матери, чтобъ ѣхала хоронить сына да хлѣба везла больше. Мать пріѣхала и кое-какъ уговорила Макара домой увезти. Но и дома то же самое: „мама, хорони меня!“ Никакъ не могла старуха урезонить дурака и стащила въ погребъ. Настала ночь; вдругъ приходятъ воры, но не воровать, а краденное прятать; много всякаго добра нанесли они въ погребъ, разсовали, гдѣ попало, и ушли. А Макаръ притворился—будто ничего не видитъ и не слышитъ, лежитъ и думаетъ: видно, я въ царство небесное попалъ... На другую ночь воры опять пришли и стали забирать воровское добро. Макаръ видитъ, что дѣло плохо, ничего ему не останется. Какъ вскочитъ да крикнетъ во все горло: „ахъ, вы, разбойники! на бѣломъ свѣтѣ обидѣли—и на этомъ тоже!“ Воры испугались, побросали все и убѣжали. Наконецъ голодъ заставилъ Макара выйти на бѣлый свѣтъ. Собралъ онъ воровское добро, завязалъ въ мѣшокъ и понесъ въ лѣсъ прятать отъ людей. Въ лѣсу онъ нашелъ гнилой пень и сталъ его подрывать; рылъ, рылъ и докопался до клада, видитъ—котелъ съ золотомъ и серебромъ. Набралъ себѣ Макаръ золота и серебра въ мѣшокъ, сколько унести можно, и пошелъ домой. Попадается ему на встрѣчу мужикъ и спрашиваетъ: „что, Макарка, несешь?“—„Деньги“, отвѣчаетъ тотъ. „Ну-ка, Макарушка, я посмотрю“. Макаръ развязалъ мѣшокъ. „А ну-ка, Макарушка, голубчикъ, я посчитаю денежки“. Макаръ далъ. Мужикъ сталъ считать и наклалъ себѣ денегъ въ карманы, въ пазуху и сапоги. Хоть и дуракъ Макаръ, а видитъ, что его мужикъ обкрадываетъ, и осерчалъ. „Вотъ я тебѣ, плуту, задамъ!“ да такъ хватилъ его топоромъ по шеѣ, что мужикъ не пикнулъ, палъ, и голова прочь отлетѣла. Макаръ высыпалъ изъ мѣшка деньги,

завязалъ въ него голову и пошелъ домой. Мать увидала голову и догадалась, что Макарка убилъ человѣка. Каковъ-бы ни былъ, все-же сынъ родной; жаль ей стало Макара. Вотъ она зарѣзала козла и завязала въ мѣшокъ козлиную голову, а человѣческую зарыла въ землю. Мѣшокъ унесла въ погребъ. Стали искать убійцу и добрались до Макара. „Ты, Макаръ, мужика убилъ?“—„Я“, говоритъ онъ: „вонъ и голова въ мѣшкѣ на погребѣ“. Достали мѣшокъ изъ погреба, точно—голова въ немъ, развязали—анъ, голова, да козлиная! Посмѣялись надъ дуракомъ и ушли: что-де съ дурака возьмешь?

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

267. Солдатская школа.

Шелъ солдатъ изъ деревни въ городъ на службу и остановился ночевать у одной старухи. Много онъ насказалъ ей всякаго вздора, а та—извѣстное дѣло—въ лѣсу родилась, пню молилась, дальше поскотины не бывала и ничего не видала, слушаетъ, развѣся уши, всему вѣритъ и дивится. „Гдѣ же васъ, служивый, учатъ такъ мудрости“, наконецъ спрашиваетъ старуха солдата.—„У насъ, бабушка, въ полку есть такая школа, гдѣ не только человѣка, но и скотину выучатъ такъ, что и не узнаешь, какъ есть человѣкомъ сдѣлаютъ“. — „Вотъ-бы мнѣ, родимый, своего бычка отдать въ вашу школу“. — „И то дѣло! собирайся и веди его въ городъ; не бойся — я его пристрою къ дѣлу, спасибо скажешь“. Старуха бычка на веревочку и повела въ городъ. Пришли съ солдатомъ въ казармы. „Вотъ, бабушка, и школа наша“, говоритъ солдатъ, „оставь бычка да денегъ дай на кормъ и за ученье“. Старуха раскошелилась, дала денегъ, оставила бычка и ушла домой. А солдаты бычка на бойню и зарѣзали, мясо съѣли, шкуру продали и деньги пропили.

Прошло времени около года. Вотъ старуха опять бредетъ въ городъ; пришла въ казармы и спрашиваетъ про

бычка: что онъ, каково учится, здоровъ-ли?—„Эхъ, бабушка, отвѣчаютъ ей солдаты, ты опоздала, твой бычекъ ужъ давно выучился и въ купцы произведенъ; вонъ домъ-то каменный — это его; сходи, повидай, можетъ и признаетъ тебя или ты его“. Старуха пришла къ каменному дому и спрашиваетъ у дворника: „не здѣсь-ли, почтенный, бычекъ живетъ?“ — „Бычковъ? купецъ Бычковъ? здѣсь, бабушка, здѣсь; коли дѣло есть, заходи въ домъ!“ Старуха зашла въ домъ; вышелъ къ ней хозяинъ и спрашиваетъ: „чего тебѣ надобно, бабушка?“ Старуха смотритъ на Бычкова и глазамъ не вѣритъ: какъ есть человѣкъ. „Ахъ, ты, мой батюшка! скотинушка благословленая!“ вымолвила наконецъ старуха и принялась Бычкова гладить и ласкать, приговаривая: „вишь ты, какъ выправился, и не узнать, что скотина... прусь! прусь!... пойдемъ-ка въ деревню!“ И старуха хотѣла уже на Бычкова накинуть оботку, чтобы вести въ деревню, но тотъ ее оттолкнулъ и прогналъ отъ себя.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго у. 1887 г.

---

268. Красная головка.

Жили-были старикъ да старуха. Сдумалъ старикъ на банѣ рѣпу посѣять; посѣялъ — и рѣпа уродилась большая да сладкая. Только кто-то сталъ у нихъ эту рѣпу по ночамъ воровать: что ночь, то и нѣтъ рѣпки. Жалко старику и старухѣ рѣпы. Собрался старикъ рѣпу караулить; дождавшись ночи, пошелъ, притаился у бани и ждетъ вора. Вдругъ слышитъ — кто-то ему говоритъ: „ты меня не видишь, а я тебя вижу“.—„Кто ты?“ спрашиваетъ старикъ.— „Я — Красная головка, твой сродный братъ“. — „Ну, коли сродный братъ, свой человѣкъ, бери больше рѣпы“. Утромъ пришелъ старикъ къ старухѣ и разсказалъ (старухѣ) ей, что слышалъ ночью. Забранила старика старуха, ухватомъ прибила и посылаетъ къ Красной головкѣ просить расчета за рѣпу. Дождавшись ночи, пришелъ старикъ къ Красной головкѣ, поклонился и говоритъ: „смилуйся, братецъ, Крас-

ная головка, прибила меня старуха, проситъ платы за рѣпу; вишь ты — жить-то у насъ весело, да пить, ѣсть нечего, а у тебя, можетъ, и жить-то весело, да и ѣсть, пить есть чего".

„Надо уважить старика", говоритъ Красная головка: „вотъ тебѣ скатерть самобраная; придешь домой, положь на столъ и скажи: скатерочка, развернись и попотчуй старика!"

Поблагодарилъ старикъ Красную головку, взялъ скатерть и пошелъ домой. Пришелъ и стучится у воротъ: „старуха, отопри!" А старухѣ неохота съ печи слѣзать: „пойди, говоритъ, къ кумѣ за рѣку!"

Дѣлать нечего, пошелъ старикъ къ кумѣ за рѣку, пришелъ и говоритъ: „садись-ка, кумушка, за столъ, поснѣдаемъ, что Богъ послалъ!"—„Да у меня, куманекъ, сегодня ничего не стряпано, печка не топлена, хлѣбы не печены и щечки не варены". — „Не твое дѣло, кума, садись знай!" Кума сѣла. Вотъ старикъ положилъ на столъ скатерть самобраную и говоритъ: „скатерочка, развернись и попотчуй старика!" Скатерочка развернулась, а въ ней всякихъ яствъ и питій, сколько душѣ угодно. Наѣлись и напились старикъ съ кумой, какъ оба сроду не ѣдали и не пивали. Позавидовала кума старику и задумала завлалѣть его чудной скатерочкой. „Не хочешь-ли", говоритъ, „куманекъ, въ банькѣ помыться, старыя кости распарить?" Старикъ пошелъ въ баню, а скатерку кумѣ оставилъ. Кума спрятала самобраную скатерочку, подмѣнила другой и завернула въ нее сухихъ корокъ да оглоданныхъ костей. Вымылся старикъ въ банѣ, взялъ у кумы скатерку и пошелъ домой. Пришелъ и говоритъ: „садись, старуха, за столъ, поснѣдаемъ гусятинки, поросятинки!"—„Аль ты, старый, съ ума сошелъ? Какая тебѣ гусятинка, поросятинка; самъ знаешь, что кромѣ рѣпы ничего нѣтъ, да и ту травишь какой-то Красной головкѣ". — „Не твое дѣло, старуха, садись знай!" Сѣла старуха за столъ. Старикъ положилъ скатерку и говоритъ: „скатерочка, развернись и попотчуй старика!" Скатерка не развертывается. Старикъ повторилъ: „скатерочка, развернись!" Но сколько разъ не повторялъ, скатерка не развертывается. Тогда онъ развернулъ ее самъ, а въ скатеркѣ сухія корки да голыя кости. Старуха опять прибила

старика ухватомъ. Дождался старикъ ночи и пошелъ къ Красной головкѣ просить милости.—„Ну, ладно“, говоритъ Красная головка: „дамъ я тебѣ, вмѣсто скатерти самобраной, корзинку нерукодѣльную; только ты смотри — иди да не говори: корзиночка, отопрись! а то худо будетъ“.

Вотъ пошелъ старикъ домой; но какъ ни крѣпился, не могъ утерпѣть, — очень ужъ хотѣлось знать, что въ корзинкѣ нерукодѣльной, — и тихонько промолвилъ: „корзиночка, отопрись!“ Только что сказалъ онъ эти слова, какъ вдругъ корзинка открылась, вылетѣли двѣ плети и ну старика хлестать, по чему попало. Свистятъ и приговариваютъ: „не ходи къ кумѣ за рѣку! не ходи къ кумѣ въ баню!“ Избили старика до полусмерти, и только тогда перестали хлестать, когда онъ догадался сказать: „корзиночка, запрись!“ Пришелъ старикъ домой и просится у старухи: „пусти, старуха!“ А той лѣнь съ печи сойти, она и говоритъ опять: „иди къ кумѣ за рѣку!“

Пришелъ старикъ къ кумѣ зарѣчной, а та его опять въ баню посылаетъ: „не хочешь-ли“, говоритъ, „куманекъ, въ банькѣ помыться, нарочно топила, тебя поджидая“. Пошелъ старикъ въ баню, а корзинку кумѣ оставилъ и наказываетъ: „смотри, кума, не говори этой корзинкѣ: корзиночка, отопрись, а то худо будетъ“. Только что старикъ ушелъ въ баню, какъ кума за корзиночку, вертитъ ее такъ и сякъ, корзинка никакъ не открывается, а кумѣ очень хочется знать, что въ кумовой корзинкѣ; вотъ она тихонько и промолвила: „корзиночка, отопрись!“ Корзинка открылась, вылетѣли двѣ казацкія плети и ну куму бить. Свистятъ и приговариваютъ: „вотъ тебѣ за кумову скатерку! у кума скатерки не мѣняй! кумову скатерку отдай!“ Били до тѣхъ поръ, пока старикъ не воротился изъ бани и не сказалъ: „корзиночка, запрись!“

Наконецъ пришелъ старикъ домой, корзинку отдалъ старухѣ, а самъ опять собирается изъ дому; пошелъ и говоритъ: „смотри, старуха, не говори этой корзинкѣ: корзиночка, отопрись! а то худо будетъ“. Ушелъ старикъ изъ дому, а старуха за корзинку, вертитъ ее такъ и сякъ, корзинка не открывается; вотъ она и промолвила чуть слышно: „корзиночка, отопрись!“ Корзинка открылась, вылетѣли двѣ казацкія плети и ну старуху дубасить, по чему попало;

бьютъ и приговариваютъ: „мужа-старика за рѣку не посылай! за рѣку не посылай, за воротами встрѣчай!“ Били до тѣхъ поръ, пока старикъ не воротился и не сказалъ: „корзиночка, запрись!“

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

269. Дѣдушка-школьникъ.

Жилъ-былъ дѣдъ, а у него двое внучатъ. Дѣдъ пасъ скотъ, а дѣти въ школѣ учились. Вотъ разъ дѣти просятъ дѣда: „дѣдушка родимый, сходи за насъ въ школу, а мы за тебя скотину попасемъ“. Дѣдушка согласился побаловать внучатъ, взялъ книжки и указку и пошелъ въ школу, а дѣти скотъ въ лѣсъ погнали. Отучились ребята въ школѣ и домой побѣжали, поплелся и дѣдъ. Идетъ и видитъ — мѣшокъ съ деньгами. Взялъ старикъ находку и принесъ домой. На другой день стали по селу искать и спрашивать: не нашелъ-ли кто мѣшокъ съ деньгами?— „Я нашелъ“, говоритъ дѣдъ.—„Какъ? когда? гдѣ?“ — „Да вотъ когда еще въ школѣ учился“... началъ-было дѣдъ, но ему не дали докончить (разсказа). „Это, говорятъ, было давно, коли *ты еще въ школѣ учился:* владѣй своей находкой, то не наша потеря“...

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища 1887 г.

---

270. Сказка о попѣ и странникѣ.

Жилъ-былъ священникъ; приходъ у него былъ бѣдный и священникъ жилъ въ скудости. Вотъ онъ собрался искать себѣ другаго мѣста, помолился Спасу и Николѣ и пошелъ въ дорогу. Идетъ и нагоняетъ странника; у странника кожаная сумочка чрезъ плечо, а въ ней крестъ и три просвирки. „Здравствуй, старче! куда Богъ несетъ?“ — „Въ Кіевъ, батьшко, на богомолье“.—„Возьми меня съ собой!“— „Пойдемъ“.

Пошли вмѣстѣ попъ и странникъ. Пришли они къ рѣкѣ и остановились ночевать. Странникъ досталъ изъ сумочки

двѣ просвирки, одну самъ съѣлъ, а другую попу отдалъ. Но попъ не наѣлся одной просвиркой, и какъ только старецъ уснулъ, онъ досталъ у него изъ сумки третью просвирку и съѣлъ. Проснулся старецъ и видитъ, что нѣтъ просвирки. „Ты, батьшко, съѣлъ просвирку?“ — „Нѣтъ, старче, не ѣлъ я просвирки“. — „Ну, ладно; садись вотъ на камень и поплывемъ за рѣку!“ Попъ сѣлъ на камень, а старецъ на другой и поплыли. Доплыли до середины рѣки, вдругъ попъ сталъ тонуть и взмолился старцу: „спаси, старче! скажу, кто просвирку съѣлъ“. Старецъ вызволилъ попа и спрашиваетъ: „ну, говори, кто просвирку съѣлъ?“— „Не я, старче, и не знаю—кто“.—„Ну, ладно“.

Переправившись за рѣку, попъ и странникъ пришли въ домъ къ одному богатому старику. „Хочешь-ли быть молодымъ?“ спрашиваетъ его странникъ.—„Какъ не хотѣть“, отвѣчаетъ тотъ, „да гдѣ это видано или слыхано, чтобы старикъ да молодымъ сталъ?“—„Неси корыто“, говоритъ странникъ, „а ты, батьшко, за водой сходи, три раза отпахни, три раза перекрестись, почерпни съ молитвой и неси, не плещи!“

Принесъ старикъ корыто, а попъ за водой ушелъ. „Ложись, старче, въ корыто!“ говоритъ странникъ. Старикъ легъ, а странникъ взялъ топоръ и изрубилъ его на мелкія части. Попъ принесъ воды; странникъ спрыснулъ ею изрубленное тѣло, — стала пѣна; онъ въ другой разъ спрыснулъ, — стало мертвое тѣло; въ третій разъ спрыснулъ, — сталъ молодой человѣкъ.

„Вотъ спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, что сдѣлалъ изъ старика молодца, за это я тебя награжу“, говоритъ хозяинъ: „вотъ золото, что накопилъ, вѣкъ живя, возьми его себѣ!“

Странникъ взялъ золото и раздѣлилъ его на три кучки. „Кому же третью кучку?“ спросилъ его попъ.—„Одну мнѣ, другую тебѣ, а третью тому, кто просвирку съѣлъ“.—„Я, я, старче, просвирку съѣлъ!“—„Ну, коли ты, то возьми себѣ всѣ три и ступай домой, служи Богу и Николѣ и не ходи изъ прихода болѣ“. Попъ не успѣлъ и спасибо сказать, какъ странника не стало. Тогда-то только онъ догадался, что это былъ не простой человѣкъ, а Никола Угодникъ.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

271. Солдатъ и старуха.

Зашелъ солдатъ ночевать къ старухѣ. „А что, служивый, не видалъ-ли ты моего Дороню“, спрашиваетъ его старуха.—„Видѣлъ, бабушка! Твой Дороня у царя боронитъ“.—„Чай, обносился болѣзный?“ — „Совсѣмъ босъ и нагъ, бабушка!“ — „Не снесешь-ли ты ему, служивый, денегъ немного да вотъ холста трубочку?“ — „Отчего не снести? мы съ Дороней почитай что братья, на одномъ солнышкѣ онучи сушимъ“... — „Ну, инъ ладно, унеси, служивый!“ — „Безпремѣнно доставлю. Прощай, старая! Поминай, какъ звали!“

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

272. Какъ мужикъ бабу голосить училъ.

Жили-были мужикъ и баба, Иванъ да Марья. Умеръ у нихъ сосѣдъ, а жена его и не думаетъ плакать и голосить по мужѣ. Марья и говоритъ Ивану: „вотъ если бы ты, хозяинъ, умеръ, то я бы по тебѣ на всю деревню заголосила“. — „Врешь, баба?“ — „Нѣтъ, не вру: попытай умри!“ Мужъ не вѣритъ женѣ и думаетъ: „дай, и въ самомъ дѣлѣ испытаю, любитъ-ли меня жена“. На другой день мужикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, воротился и кое-какъ идетъ въ избу и стонетъ: „ой, батюшки! ой, смерть пришла!“...—„Что ты? что съ тобой?“ спрашивала жена. — „Деревомъ пришибло“, едва промолвилъ мужикъ, самъ легъ, глаза закрылъ и дышать пересталъ, какъ есть мертвый. Вотъ, думаетъ, заголоситъ баба. Не тутъ-то было! Баба рада, что мужъ умеръ. Не обмывши, не обрядивши покойника, побѣжала за кумушками, за подруженьками, купила вина, блиновъ напекла—и ну, гулять, дымъ коромысломъ! Чужіе люди обмыли, обрядили покойника, въ гробъ положили и понесли въ церковь. А нести надо было за рѣку; остановились на берегу и стали спорить: чрезъ мостъ нести или по льду?—„Несите по льду!“ крикнулъ имъ Иванъ: „я вчера съ дровами проѣхалъ, да не обломился“. Тутъ всѣ испу-

гались и бросили покойника, а онъ взялъ хворостину и пошелъ домой; пришелъ и ну учить хозяйку; та ревѣть, а онъ бьетъ и приговариваетъ: „вотъ такъ голосятъ! вотъ такъ голосятъ!“

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

273. Какъ старуха замужъ выходила.

Жила-была старуха съ сыномъ и со снохой. Старуха отъ старости уже слаба умомъ стала и все замужъ собиралась. Вотъ однажды сынъ и сноха уѣхали куда-то. Приходитъ къ старухѣ солдатъ и просится ночевать. Старуха пустила, накормила, напоила солдата, и стали они бесѣду вести.—„А что, родимый, много-ль тебѣ жалованья идетъ“, спрашиваетъ солдата старуха.—„Немного, отвѣчаетъ тотъ: рубль въ годъ“.—„Ишь ты—немного, проживешь сто годовъ—вотъ тебѣ и сто рублей“.—„А ты, бабушка, давно-ли вдовѣешь? поддерживаетъ солдатъ разговоръ“.—„Не очень давно, а такъ-то-ли скучно безъ хозяина, что хоть-бы сейчасъ замужъ“.—„А есть-ли приданое-то?“—„На вотъ! какъ не быть. Чай вѣкъ жила: вотъ два сундука съ одёжей да пара лошадей на дворѣ“.—„Пойдешь-ли за меня?“—„Коли милость будетъ, возьми!“—„Ну, такъ собирайся, старая! А я пойду лошадей запрягать“. Запрягъ солдатъ пару старухиныхъ лошадей въ кошеву, сложилъ въ нее приданое, сѣли и поѣхали. Ѣхали-ѣхали; солдатъ ищетъ глазами, гдѣ-бы ему старуху высадить, и видитъ—недалеко отъ дороги лѣсная избушка, поворотилъ къ ней и говоритъ: „вотъ, моя милая, и пріѣхали! Это вотъ мои палаты-то бѣлокаменныя, иди да печку топи, пироги пеки, а я гостей позову да попа привезу, сыграемъ свадебку!“ Старуха вышла изъ кошевой, а солдатъ ударилъ по лошадямъ и былъ таковъ!

Старуха чуть не околѣла въ нежилой избушкѣ, стала кричать и звать на помощь. Къ счастію, на ту пору возвращались домой ея сынъ и сноха, и они-то вызволили старуху.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

274. Сказка о глупыхъ людяхъ.

Жили-были старикъ да старуха, у нихъ было двое дѣтей, сынъ Иванушка да дочь Аннушка. Старуха пришла разъ на рѣку съ бѣльемъ и плачетъ. Подошелъ къ ней старикъ и спрашиваетъ: „о чемъ, старуха, плачешь?“—„Да какъ мнѣ не плакать, отвѣчаетъ старуха, выростетъ наша милая дочь Аннушка, отдадимъ мы ее за рѣку замужъ; она родитъ сына Иванушку, а тотъ пойдетъ къ намъ за рѣку въ гости да и утонетъ“. И старикъ тоже давай плакать. Подошелъ къ нимъ сынъ Иванушка и спрашиваетъ: „о чемъ, батюшка и матушка, плачете?“—„Какъ намъ не плакать“, отвѣчаютъ старики: „выростетъ наша милая дочь Аннушка, отдадимъ мы ее за рѣку замужъ, она родитъ сына Иванушку, а тотъ пойдетъ къ намъ за рѣку въ гости, да и утонетъ“. Не вытерпѣлъ Иванъ и говоритъ: „пойду я отъ васъ, батюшка и матушка, если найду васъ глупѣе на свѣтѣ, то назадъ ворочусь, а не найду—не ворочусь“.

Вотъ идетъ Иванъ и видитъ: два мужика надъ бревномъ трудятся, что есть силы, за концы тянутъ. „Что вы это, братцы, дѣлаете?“—„Да вотъ“, говорятъ, „бревно коротко—вытянуть хочемъ“. Посмѣялся Иванъ надъ глупыми людьми и пошелъ дальше.

Идетъ и видитъ: баба что-то рѣшетомъ въ избу носитъ. „Что это ты, тетушка, рѣшетомъ носишь?“—„Свѣтъ, родимый, ношу, свѣтъ!“ отвѣчаетъ баба, „чтобы по ночамъ лучины не жечь“. Посмѣялся Иванъ надъ глупой бабой и пошелъ дальше.

Идетъ и видитъ: баба надъ курицей что-то хлопочетъ. „Что это ты, тетушка, съ курицей дѣлаешь?“ спрашиваетъ Иванъ.—„Да вотъ, родимый, у курицы соски ищу, молочка подоить, цыплятъ покормить“.

„Ну, думаетъ Иванъ, много есть на свѣтѣ дураковъ“. И воротился къ отцу съ матерью.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

275. Иванъ дуракъ.

Жили-были старикъ да старуха, а у нихъ три сына: старшій умный былъ дѣтина, средній—такъ и сякъ, а младшій вовсе былъ дуракъ. Стали старики женить старшаго сына и послали Иванушку дурака звать гостей на свадьбу. „Зови, говорятъ, всѣхъ—стараго и малаго, мужей съ женами, а матерей съ ребятами!“ Обошелъ дуракъ всю деревню; придетъ въ избу и говоритъ: „идите, мужики, къ намъ на свадьбу, а бабъ не берите—не велѣли!“ Собрались одни мужики безъ бабъ. Ну, а безъ бабъ что за свадьба. Побранили дурака и опять послали звать бабъ и наказали, чтобы бабы шли съ ребятами вмѣстѣ. А Иванъ зоветъ бабъ: „идите, бабы, къ намъ на свадьбу, а ребятъ не берите—не велѣли!“ Собрались бабы безъ ребятъ, немного посидѣли и торопятся домой къ дѣтямъ. Послали Ивана за дѣтьми. Запрягъ дуракъ лошадь въ коробъ и поѣхалъ за ребятами, собралъ всѣхъ ребятъ въ деревнѣ, сложилъ въ коробъ и сверху бастрыгомъ придавилъ, чтобъ дорогой не разсыпать. Пріѣхалъ и зоветъ матерей разбирать дѣтей, а они ужъ мертвые... Бабы подняли вой, а дурака мужики прибили.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

276. Страда.

Жили-были старикъ да старуха. Вотъ разъ старуха проситъ у старика денегъ на сарафанъ. А старикъ не даетъ: „подожди, говоритъ, до страды“. Стала старуха страды ждать; ждетъ—не дождется, когда страда придетъ.

Вотъ разъ старикъ отлучился изъ дому, старуха одна осталась дома. Приходитъ воръ и говоритъ: „старуха, давай деньги!“ Старуха повалилась въ ноги и говоритъ: „подожди, родимый, до страды, страда придетъ, тогда и деньги будутъ“.—„Да вѣдь Страда-то я и есть самый“, говоритъ воръ: „подавай деньги!“ Старуха обрадовалась, что дождалась страды, и отдала деньги.

Воротился домой старикъ, а старуха ему: „говори, старикъ: слава Богу!“—„Что такое? ну, слава Богу!“ — „Вѣдь Страда-то былъ ужъ у насъ, я ему и деньги отдала“. Выбранилъ старикъ старуху и хотѣлъ побить, да некогда было: надо вора догонять да деньги выручать. Запрягъ старикъ пѣганка и поѣхалъ по слѣдамъ вора. Вотъ онъ догналъ мужика, но не знаетъ, воръ или нѣтъ. Объѣхалъ его сторонкой, привязалъ пѣганка къ дереву, а самъ спрятался и ждетъ, что будетъ дѣлать мужикъ. „Если воръ, думаетъ старикъ, то что нибудь украдетъ, а коли добрый человѣкъ, то ничего не возьметъ“. Подошелъ воръ къ телѣгѣ, видитъ — никого нѣтъ, отвязалъ лошадь, сѣлъ въ телѣгу, ударилъ по лошади—и былъ таковъ! Старикъ только въ слѣдъ посмотрѣлъ, въ головѣ почесалъ и воротился къ своей старухѣ безъ денегъ и безъ пѣганки.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

277. Пѣтуханъ Куриханычъ.

Жила-была старуха, а нея сынъ Иванъ. Разъ Иванъ уѣхалъ въ городъ, а старуха одна осталась дома. Зашли къ ней два солдата и просятъ чего-нибудь поѣсть горяченькаго. А старуха скупа была и говоритъ: „ничего у меня нѣтъ горяченькаго, печка не топлена и щечки не варены“. А у самой въ печкѣ пѣтухъ варился. Провѣдали это солдаты и говорятъ между собой: „погоди, старая! мы тебя научимъ, какъ служилыхъ людей обманывать“. Вышли во дворъ, выпустили скотину, пришли и говорятъ: „бабушка! скотина-то на улицу вышла“. Старуха заохала и выбѣжала скотину загонять. Солдаты между тѣмъ достали изъ печки горшокъ съ похлебкой, пѣтуха вынули и положили въ ранецъ, а вмѣсто него въ горшокъ сунули лапоть. Старуха загнала скотину, пришла въ избу и говоритъ: „загадаю я вамъ, служивые, загадку“.—„Загадай, бабушка!“ — „Слушайте: въ Печинскѣ-Горшечинскѣ, подъ Сковородинскимъ сидитъ Пѣтуханъ Куриханычъ“. — „Эхъ, старая! поздно хватилась: въ Печинскѣ-Горшечинскѣ былъ

Пѣтуханъ Куриханычъ, да переведенъ въ Суму-Заплеченску, а теперь тамъ Заплетай Расплетаичъ; отгадай-ка вотъ, бабушка, нашу загадку!“ Но старуха не поняла солдатской загадки. Солдаты посидѣли, поѣли черствой корочки съ кислымъ кваскомъ, пошутили съ старухой, посмѣялись надъ ея загадкой, простились и ушли.

Пріѣхалъ изъ города сынъ и проситъ у матери обѣдать. Старуха собрала на столъ, достала изъ печи горшокъ, ткнула въ лапоть вилкой и не можетъ вытащить. „Ай-да пѣтушокъ!“ думаетъ про себя: „вишь какъ разварился — достать не могу“. Достала, анъ... лапоть!

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

278. Дешевый работникъ.

Жилъ-былъ купецъ; умерла у него жена, оставивъ дѣтей — сына Луку да дочь Анисью. Купецъ былъ скупой и, кромѣ работника, не держалъ никого въ домѣ; работникъ служилъ за стряпку, за няньку и за приказчика. Житье работнику было плохое, работы много, а платы никакой: служи изъ-за хлѣба. Вотъ приходитъ къ купцу наниматься въ работники Иванъ дуракъ. Купецъ взялъ его въ работники. Живетъ дуракъ день — ничего, и другой прожилъ — ладно. На третій день позвалъ его хозяинъ и говоритъ: „мнѣ сегодня надобно изъ дому отлучиться, на тебя оставляю домъ и дѣтей, а пуще всего сторожи двери у лавки: тамъ всѣ мои товары и капиталы“. — „Слушаю, хозяинъ!“ говоритъ Иванъ, „и буду стараться“. — „Да вотъ еще что: приготовь-ка ты къ вечеру пельмени, выбери въ стадѣ барана получше, мясо изруби помельче да прибавь въ него луку да анису!“—„Какого-же барана зарѣзать?“— „Рѣжь— который на тебя взглянетъ, вотъ и все!“

Уѣхалъ хозяинъ, а дуракъ за работу принялся — все прибралъ, вымелъ, вычистилъ, дѣтей обрядилъ, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ. Пора въ гуртъ за бараномъ итти, но какъ же двери у лавки? Хозяинъ строго приказалъ двери сторожить, съ глазъ не спускать; вотъ онъ

изловчился, двери съ петель снялъ, взвалилъ на плечи и понесъ съ собой въ гуртъ.

Народъ видитъ, что лавка отворена и никого въ ней нѣтъ, такъ валомъ и валитъ въ лавку и кому что любо, то и тащитъ. Въ короткое время все растащили до макова зернышка.

Между тѣмъ дуракъ пришелъ въ стадо барановъ, досталъ кусокъ хлѣба и манитъ овецъ: мась! мась! мась! Овцы какъ увидѣли хлѣбъ, такъ и кинулись всѣ къ Ивану, всѣ на него глаза уставили, ждутъ хлѣба. Что дѣлать? думаетъ Иванъ: хозяинъ сказалъ — который баранъ на тебя взглянетъ, того и рѣжь, а они, глупые, всѣ на меня глаза вытаращили... аль всѣхъ рѣзать? Досталъ топоръ изъ-за пояса — и ну овцамъ головы сѣчь. Все стадо искрошилъ. Потомъ набралъ въ подолъ мяса, принесъ домой и принялся пельмени готовить. Мясо нарубилъ, тѣсто замѣсилъ, наскалъ сочней и сталъ было пельмени щипать, да вспомнилъ, что хозяинъ велѣлъ покрошить въ пельмени луку да анису. Вотъ онъ позвалъ Луку да Анисью; хоть и жаль ребятъ, да дѣлать нечего, отцу не жаль, а батраку что велѣно, то и дѣлай: отрубилъ пальцы у Луки и Анисьи, искрошилъ мелко-на-мелко и защипалъ въ пельмени.

Воротился хозяинъ: лавка расхищена, стадо перерѣзано, дѣти безъ пальцевъ, за то двери цѣлы и пельмени готовы... Вотъ такъ дешевый работникъ!

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

279. Воронъ Вороновичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У того царя было три сына и дочь красавица.

Однажды лѣтомъ царская дочь пошла купаться. Вдругъ налетѣлъ на нее Воронъ Вороновичъ и унесъ къ себѣ въ домъ. Этотъ Воронъ Вороновичъ былъ страшный людоѣдъ и никого не щадилъ — ни стараго, ни малаго, ни бѣднаго, ни богатаго; кто-бы ни попалъ ему въ когти — съѣстъ и

костей не оставитъ. Но царскую дочь-красавицу онъ не съѣлъ, а за себя замужъ взялъ.

Прошло три мѣсяца, а о пропавшей царевнѣ нѣтъ никакихъ вѣстей, ни слуху, ни духу. Вотъ старшій царевичъ сталъ проситься у родителей итти на поиски за сестрой. Родители его благословили и въ путь-дорогу снарядили. Идетъ царевичъ день, идетъ другой, на третій день пришелъ къ избушкѣ бабы-Яги, избушка на курьихъ ножкахъ повертывается. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставилъ, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“ сказалъ царевичъ. Избушка повернулась и стала по старому, какъ мать поставила. Вошелъ въ нее царевичъ; баба-Яга услыхала и говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ, русская костка на дворъ пришла. Куда, молодецъ, путь держишь?“ — „Бабушка-сударушка, напой, накорми, тогда вѣсти разспроси!“ Баба-Яга напоила, накормила царевича и опять спрашиваетъ: „далеко-ли ты, дитятко, въ путь собрался?“ — „Пошелъ я, бабушка, на поиски за сестрой, Марьей царевной“, отвѣчалъ царевичъ. — „Ага! знаю, гдѣ она; молись Спасу да ложись спать, утро вечера мудренѣе“. Царевичъ помолился Богу и легъ спать. Утромъ баба-яга его разбудила, дала клубочекъ и говоритъ: „иди за клубочкомъ — куда онъ, туда и ты!“ Царевичъ поблагодарилъ бабу-Ягу и пошелъ; клубочекъ покатился по горамъ, по лѣсамъ, по сыпучимъ пескамъ; царевичъ за нимъ идетъ, ни на шагъ не отстаетъ. Привелъ наконецъ клубочекъ царевича къ жилью Ворона людоѣда. По счастью, того дома не было, и царевичъ зашелъ въ домъ. Какъ увидала его Марья царевна, ухватила за шею и горько заплакала, стала жаловаться на свою горе-горькую жизнь. Но вотъ зашумѣлъ вѣтеръ,—то Воронъ съ добычи домой летѣлъ. Испугалась Марья царевна и спрятала брата въ голбецъ. Воронъ прилетѣлъ и говоритъ: „фу-фу! русскимъ духомъ пахнетъ, выходи, кто тамъ есть!“ Царевичъ вышелъ. — „А, шуринъ!“ говоритъ Воронъ: „садись за столъ, гостемъ будешь!“ Царевичъ сѣлъ за столъ; подали всякихъ кушаній и напитковъ—и все изъ человѣческаго мяса и крови. Воронъ ѣстъ и пьетъ и шурина угощаетъ; а тому кусокъ въ горло нейдетъ. Наѣлся Воронъ и говоритъ: „ну, теперь, шуринъ, въ баню пойдемъ!“ Нечего дѣлать, пошелъ царе-

вичъ въ баню; а баня-то у Ворона вся изъ желѣза и натоплена такъ жарко, что испечься можно. Какъ только зашелъ царевичъ въ баню, Воронъ его заперъ и ждетъ, когда тотъ изжарится. Царевичъ изжарился, и Воронъ его съѣлъ, костей не оставилъ.

Черезъ мѣсяцъ пошелъ искать сестру средній братъ. Вотъ онъ пришелъ къ бабѣ-ягѣ, а та дала ему клубочекъ. Клубочекъ покатился по горамъ, по лѣсамъ, по сыпучимъ пескамъ и привелъ царевича къ жилью Ворона Вороновича. Какъ увидала брата Марья царевна, ухватилась за шею и горько заплакала; не успѣла оплакать старшаго брата, какъ второй на дворъ, на вѣрную смерть. Прилетѣлъ Воронъ и говоритъ: „а! любезный шуринъ, добро пожаловать! садись за столъ хлѣба-соли кушать“. Хоть и не до ѣды царевичу, но дѣлать нечего—сѣлъ за столъ, а у самого отъ страху кусокъ въ горлѣ стоитъ. Наѣлся Воронъ и говоритъ: „ну, теперь, любезный шуринъ, въ баню пойдемъ!“ Пришли въ баню, а Воронъ двери на запоръ и ждетъ, когда царевичъ изжарится; царевичъ изжарился, и Воронъ его съѣлъ, костей не оставилъ.

Чрезъ мѣсяцъ пришла очередь младшему царевичу за сестрой итти. Зашелъ онъ къ бабѣ-ягѣ, а та дала ему клубочекъ; клубочекъ покатился чрезъ горы, чрезъ долы, по полямъ, по лугамъ, по сыпучимъ пескамъ и привелъ царевича къ терему Ворона Вороновича. Какъ увидала его сестра, пуще прежняго заплакала: двухъ братьевъ лишилась, вотъ и третій на дворъ, на вѣрную смерть. Зашумѣлъ вѣтеръ, и прилетѣлъ Воронъ. Царевичъ не только не спрятался, а самъ вышелъ навстрѣчу Ворону и говоритъ: „а! почтенный затюшка, добро пожаловать!“ Воронъ смутился: никогда онъ не видалъ такого чуда, чтобы кто изъ людей отъ него не бѣжалъ, иль не прятался. — „Не худо-бы закусить чего-нибудь съ дороги“, продолжаетъ царевичъ. Подали на столъ; царевичъ ѣстъ и пьетъ и Ворона угощаетъ: „кушай, зятюшка! кто зѣваетъ, тотъ воду хлебаетъ“. А Ворону кусокъ въ горло не катится, чуетъ поганый бѣду себѣ на голову. Наѣлся царевичъ и говоритъ: „хорошо-бы теперь въ банѣ помыться“. Воронъ повелъ царевича въ баню. „А ну-ка, зятюшка, провѣдай, хорошо-ли натоплена?“ говоритъ царевичъ. Воронъ зашелъ въ баню, а царевичъ

его на запоръ и говоритъ: „вотъ тебѣ поганому и лютая смерть!“ Воронъ побился, побился, но вырваться не могъ, такъ и сгорѣлъ въ банѣ, только смрадъ пошелъ. Царевичъ взялъ съ собой сестру и воротился домой, а жилье Ворона Вороновича подарилъ бабѣ-ягѣ.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

280. **Мужикъ и водяной.**

У одного бѣднаго мужика была жена рукодѣльница. Вотъ она вышила ширинку и послала мужа продавать. Мужъ продалъ ширинку и идетъ по мосту. Вдругъ водяной: „мужикъ, давай деньги!“ Отдалъ мужикъ водяному деньги, пришелъ домой и разсказалъ женѣ про свое горе. „Не печалься, милый мужъ“, говоритъ жена: „я вышью другую ширинку, лучше прежней“.

Вышила жена рукодѣльница ширинку лучше прежней и послала мужа продавать. Продалъ мужикъ ширинку дороже прежняго. Идетъ черезъ рѣку; а водяной опять: „мужикъ, подавай деньги!“ Жаль мужику денегъ, но дѣлать нечего, отдалъ водяному, а тотъ ушелъ въ воду, только вода закружилась и запѣнилась. Жена опять утѣшаетъ мужа: „не печалься, милый мужъ, я вышью новую ширинку, лучше и краше первыхъ двухъ“.

Вышила рукодѣльница третью ширинку лучше и краше первыхъ двухъ, расшила ее цвѣтами и узорами, шелками и гарусомъ и послала мужа продавать. Продалъ мужикъ ширинку и взялъ много денегъ. Идти надо было чрезъ рѣку, миновать нельзя, и только зашелъ онъ на мостъ, какъ водяной опять: „подавай, мужикъ, деньги!“ Не посмѣлъ мужикъ перечить водяному и отдалъ деньги. Пришелъ домой и говоритъ женѣ: „не житье намъ здѣсь, водяной обидитъ .. Прощай, жена! пойду за море таланъ-счастье искать; разживусь — назадъ ворочусь иль тебя достану, а не разживусь — не поминай лихомъ!“

Пришелъ мужикъ къ морю и видитъ—корабль готовится къ отправкѣ; выпросился онъ въ кочегары и поплылъ за море. Плывутъ день — ладно, и другой день проплыли —

ничего; на третій день корабль словно наткнулся на что, сталъ и ни съ мѣста, а мѣсто глубокое — ни камней, ни мелей, и вѣтеръ попутный.)— „Вѣрно, водяной держитъ“, думаютъ корабельщики. Думали, гадали, какъ отъ бѣды такой избавиться, и рѣшили кого нибудь кинуть въ море на выкупъ водяному. Бросили жребій, и жребій палъ на бѣднаго мужика-кочегара. Дѣлать нечего, приготовился мужикъ къ смерти и — бухъ въ воду! только вода закружилась и запѣнилась, глубже и глубже идетъ ко дну; вдругъ слышитъ — кто-то его подхватилъ и держитъ. „Это я — водяной“, слышитъ онъ голосъ: „я и корабль держу, ходу не даю, а за тебя и твои деньги отпущу корабль и тебя награжу“. Съ этими словами водяной далъ мужику камень и приподнялъ вверхъ. Корабельщики увидали мужика поверхъ воды и достали на палубу. Корабль тотчасъ же тронулся съ мѣста и поплылъ дальше. Наконецъ онъ присталъ къ берегу иноземнаго царства. Царь той страны потребовалъ къ себѣ корабельщиковъ на поклонъ. Пошли корабельщики къ царю во дворецъ—кто съ серебромъ, кто съ золотомъ, съ дорогими мѣхами и тканями. У одного бѣднаго мужика не нашлось никакихъ даровъ, взялъ онъ камешокъ отъ водяного, сѣрый и невзрачный, какъ булыжникъ, и пошелъ съ нимъ.

Царь заморскій, веселый и ласковый, принималъ дары съ благодарностью. Послѣднимъ подошелъ бѣдный мужикъ и поднесъ свой сѣрый камешокъ. Разгнѣвался царь, сталъ грозный, немилостивый за то, что осмѣлился мужикъ бубыжникъ поднести, бросилъ камень о полъ — и что-же? — какъ слетѣла скорлупка, такъ всѣхъ и освѣтило, какъ солнечнымъ лучемъ: то былъ такой рѣдкій алмазъ, какого не сыскать по всей землѣ, ни въ одномъ царствѣ иль концѣ, только у русскаго царя въ вѣнцѣ. Царь вдругъ переложилъ гнѣвъ на милость и говоритъ мужику: „будь въ моемъ царствѣ важнымъ бояриномъ!“ Но мужикъ не пожелалъ боярской чести и сталъ проситься домой къ женѣ рукодѣльницѣ. Царь его отпустилъ и въ награду далъ корабль съ разными товарами и подарками.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

281. Водяной царь.

Жилъ-былъ богатый торговецъ. Разъ онъ уѣхалъ по торговымъ дѣламъ за море и цѣлыхъ 15 лѣтъ не возвращался домой. Покончивъ дѣла, наконецъ, онъ поѣхалъ на родину. Дорогой ему очень захотѣлось пить; подъѣхали къ озеру, и купецъ, не перекрестившись, сталъ пить прямо изъ озера нападкой. Вдругъ его кто-то поймалъ за бороду и говоритъ: „не отпущу, если не отдашь мнѣ, кого ты дома не знаешь!“—„Кто ты?“ спрашиваетъ купецъ.—„Я царь водяной“, отвѣчаетъ голосъ изъ воды. Дѣлать нечего, посулилъ купецъ отдать царю водяному—кого дома не знаетъ. Пріѣхалъ купецъ домой. Вышла на встрѣчу жена, а съ ней мальчикъ лѣтъ 15.—„Кто это?“ спрашиваетъ мужъ.—„Сынъ твой родной“, отвѣчаетъ жена. Обрадовался отецъ сыну, но больше того опечалился. „Вотъ кого я дома не зналъ и отсулилъ водяному царю—сына родного:“.. Крѣпко обнялъ его отецъ и горько заплакалъ.

Прошло времени около года; купецъ призываетъ къ себѣ сына и говоритъ: „сынъ мой, я обѣщалъ тебя отдать царю морскому; собирайся въ дорогу и иди съ Богомъ!“—„Дѣлать нечего, батюшка! слово данное свято и его назадъ не воротишь; Богъ милостивъ, авось не погину и назадъ ворочусь“.

Собрался Иванъ, купеческій сынъ, въ дорогу, помолился Богу, благословился у отца, матери и пошелъ. Шелъ, шелъ, стало смеркаться, видитъ Иванъ—стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывается. — „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“ сказалъ Иванъ. Избушка повернулась и стала по старому, какъ мать поставила. Иванъ зашелъ въ избушку, а въ ней баба-яга костяная нога, морда глиняная... „А! русская костка на дворъ пришла; куда, молодецъ, путь держишь?“ —„Бабушка-сударушка, напой, накорми, тогда вѣсти разспроси!“ Баба-яга накормила, напоила его и опять спрашиваетъ: „далеко-ли ты, дитятко, въ путь собрался?“—„Пошелъ я, бабушка, къ Водяному царю въ услуженіе“.—„А, знаю“, говоритъ баба-яга: „молись Спасу да ложись

спать, утро вечера мудренѣе". Утромъ баба-яга разбудила Ивана и говоритъ: „сходи-ка, Иванушка, на охоту, пострѣляй гусей, лебедей, сѣрыхъ уточекъ. Иванъ взялъ тугой лукъ, калены стрѣлы и пошелъ на охоту въ ближній лѣсъ; настрѣлялъ много гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ.—„Вотъ спасибо-те, Иванушка!" говоритъ баба-яга, „за это дамъ я тебѣ добрый совѣтъ: иди отъ меня на восточную сторону, придешь ты къ озеру большому и свѣтлому, прилетятъ тутъ 12 уточекъ, ударятся о земь и станутъ красны-дѣвушками, поскидаютъ сорочки и станутъ купаться; съумѣешь скрасть сорочку у той, что прилетитъ позже всѣхъ, и сорочку положитъ дальше всѣхъ,—бѣги безъ оглядки ко мнѣ!"

Пошелъ Иванъ отъ бабы-яги на восточную сторону, пришелъ къ озеру большому и свѣтлому и спрятался за ракитовъ кустъ. Прилетѣли къ озеру 12 уточекъ, одна изъ нихъ позже всѣхъ, ударились о земь и стали красны-дѣвушками, а послѣдняя краше всѣхъ, поскидали сорочки и стали купаться, играть и плескаться. Иванъ подкрался къ сорочкѣ, что была дальше всѣхъ, схватилъ и побѣжалъ къ бабѣ-ягѣ; та его похвалила за ловкость, что умѣлъ сорочку скрасть, и спрятала за печкой. Вотъ идетъ къ бабѣ-ягѣ красна дѣвица и спрашиваетъ: „бабушка-сударушка, не знаешь-ли, кто мою сорочку взялъ?" — „А ты, дѣвушка, скажи", говоритъ ей баба-яга: „коли взялъ мою сорочку старъ человѣкъ—будь мнѣ дѣдушкой, коль въ порѣ человѣкъ—будь мнѣ дядюшкой, коль удалъ молодецъ — будь мнѣ милымъ ладушкой!" Какъ только сказала дѣвица таковы слова, вышелъ изъ-за печи удалой молодецъ и отдалъ ей сорочку.—„Будь-же ты мнѣ милымъ ладушкой!" сказала красавица: „умѣлъ сорочку скрасть, съумѣй и за себя замужъ взять; у морскаго царя насъ 12 сестеръ, одна я незамужняя; приведутъ насъ къ тебѣ на показъ, будутъ всѣ какъ одна—ростомъ и лицомъ, русымъ волосомъ, цвѣтнымъ платьецемъ; выбирай—не зѣвай ту, которая платочкомъ махнетъ!" Затѣмъ, обернулась дѣвица уточкой и улетѣла къ Морскому царю—своему отцу.

Вотъ пришелъ наконецъ Иванъ, купеческій сынъ, къ Водяному царю, поклонился покорно и молвилъ учтиво и вѣжливо: „пришелъ-де къ тебѣ, повелитель морской, въ

„услуженіе“. Царь морской на ту пору былъ веселый и ласковый, посадилъ Ивана съ собой за столъ и подчуетъ; а Иванъ не ѣстъ и не пьетъ, закручинился. „Что, молодецъ, запечалился, не ѣшь и не пьешь—не жениться-ли хошь?“ спрашиваетъ его царь морской. Иванъ палъ ему въ ноги и говоритъ: „не вели казнить, дай слово вымолвить!“— „Говори! аль въ чемъ виноватъ предо мной?“ — „Виноватъ: полюбилась мнѣ твоя меньшая дочь—Марья царевна; коль отдашь за меня—буду вѣчно рабомъ“. Царь морской велѣлъ привести всѣхъ своихъ дочерей. „Выбирай, говоритъ незамужнюю; выборомъ потрафишь—счастье твое, а не потрафишь—горе твое“.

Долго искалъ Иванъ свою ладушку,—всѣ какъ одна—ростомъ и лицомъ, русымъ волосомъ, цвѣтнымъ платьецемъ; никакъ не можетъ узнать, которая изъ дѣвицъ Марья царевна; вдругъ одна изъ нихъ чуть-чуть платочкомъ махнула. „Вотъ она—незамужняя!“ указалъ Иванъ.—„Молодецъ! угадалъ; умѣлъ выборомъ потрафить — умѣй и службу справить“, говоритъ царь: „сдѣлай колымагу—такую, чтобъ безъ пару, безъ дыму, сама везла, (сама везла)-сама ѣхала; сдѣлаешь—добро, а не сдѣлаешь—худо“.

Закручинился молодецъ, запечалился, думаетъ: „не сдѣлать мнѣ телѣги, пропаду совсѣмъ“. Но вотъ Марья царевна шепнула на ухо: „не печалься, ладушка! молись Спасу да ложись спать, утро вечера мудренѣе“. Иванъ помолился Богу и легъ спать. Въ самую полночь будитъ его Марья царевна и говоритъ: „вставай, ладушка, не теряй поры, поѣдемъ къ твоему отцу—батюшкѣ!“ Иванъ всталъ, одѣлся и вышелъ на дворъ, а во дворѣ уже кони готовы, ржутъ и ногами бьютъ; сѣли и понеслись, какъ птицы. Ѣхали до утра; вдругъ Марья церевна заслышала погоню и остановилась. Какъ только стали гонцы приближаться, Марья царевна коней оборотила въ колодецъ, Ивана въ воду, а сама обернулась серебрянымъ ковшичкомъ. Слуги царскіе подъѣхали къ колодцу, напились воды изъ серебрянаго ковшичка и поѣхали назадъ. Какъ узналъ морской царь, что послы напились воды изъ колодца серебрянымъ ковшичкомъ, строго ихъ наказалъ. „Это, говоритъ, они самые и были“. Потомъ онъ самъ обернулся чернымъ ворономъ и полетѣлъ въ погоню за дочерью. Марья царевна

услыхала, что воронъ летитъ, каркаетъ, — „это, говоритъ, самъ батюшка летитъ!“—коней обернула прудикомъ, Ивана камешкомъ, а сама обернулась золотою рыбкой. Воронъ увидалъ рыбку и кинулся за ней въ воду—хотѣлъ поймать, но вмѣсто того захлебнулся и издохъ. Какъ прошла опасность, Марья царевна опять оборотила всѣхъ по старому и поѣхали дальше. Пріѣхали къ отцу, матери Ивана, купеческаго сына; тѣ обрадовались сыну и невѣстѣ, сыграли свадьбу и задали пиръ на весь міръ; кто на немъ былъ—поднесли по бокалу, а кому не достало—тому дали шлыкъ—онъ въ подворотню и шмыгъ.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

282. Братъ и сестра.

Жили-были братъ Иванушка да сестра Аннушка. Остались они отъ отца и матери круглыми сиротами. Какъ сталъ Иванушка на возрастѣ, изъ дому сталъ отлучаться почасту, съ друзьями да пріятелями ночи прогуливать. Сестра видитъ, что братъ ведетъ себя нехорошо, и говоритъ ему: „братецъ, не пора-ли тебѣ жениться?“—„Что-жъ, сестрица, я не прочь жениться“, отвѣчаетъ братъ. Посовѣтовавшись съ добрыми людьми, выбрали невѣсту и послали сватовъ съ добрымъ словомъ — со сватаньемъ. Сыграли свадьбу и стали жить втроемъ: братъ Иванушка съ женой да сестрица Аннушка. Но жена попала Иванушкѣ недобрая, своенравная и завистливая. Больше всѣхъ она не взлюбила золовки; только и норовитъ, какъ-бы ее съ братомъ поссорить и изъ дому выгнать, но никакъ не можетъ. Разъ она извела зельемъ любимую собаку мужа и сказала на золовку: но мужъ только промолвилъ: „ну, собакѣ собачья и смерть!“ Въ другой разъ она отравила любимаго коня мужа—подарокъ тестя и опять вину взвела на золовку; а мужъ только головой покачалъ и сказалъ: „что дѣлать, не куплена скотина—въ дому не животина“. Прошелъ годъ послѣ свадьбы; жена родила Иванушкѣ сына—ясна сокола. Но зло ее разбираетъ пуще прежняго, что не можетъ поссорить золовку

съ мужемъ. Злая баба хуже бѣса; вотъ она рѣшилась на такое дѣло—задушила собственнаго сына и сказала на золовку. Иванъ хотя и зналъ, что его обманывала жена, но на этотъ разъ ей повѣрилъ, — статочное-ли дѣло, родной матери извести дитя? — а повѣривши, прогналъ изъ дома родную сестру.

Пошла Аннушка, куда глаза глядятъ, и пришла къ царскому саду. Здѣсь застигла ее темная ночь. Вотъ она зашла въ садъ и спряталась, чтобъ царскія слуги не нашли ее и не выгнали; помолилась Спасу и легла спать. Утромъ хотѣла также незамѣтно выйти изъ сада, но вдругъ ей навстрѣчу царскій сынъ. „Кто ты, красавица, и зачѣмъ здѣсь?“ Аннушка пала ему въ ноги и разсказала о своемъ горѣ. Жалко стало царевичу бѣдную дѣвушку, онъ взялъ ее съ собой и повелъ во дворецъ. Царь и царица сироту привѣтили и оставили въ царской свѣтлицѣ жить. Живетъ она мѣсяцъ, живетъ и другой, никому не перечитъ и всѣмъ угождаетъ, за то привѣтъ ей и ласка отъ всякаго. Полюбилась скромница дѣвушка царю и царицѣ, но всѣхъ больше молодому царевичу; чѣмъ дальше, тѣмъ больше сталъ крушиться по ней удалой молодецъ, наконецъ—не вытерпѣло сердце—и признался онъ отцу, матери, что любитъ сироту Аннушку. Царь и царица не стали перечить и благословили царевича на бракъ съ Аннушкой. Отпраздновали свадьбу пиромъ на весь міръ и стали молодые жить да поживать въ любви и согласіи добрымъ на радость, а злымъ на зависть. Прошелъ годъ послѣ свадьбы; случилось молодому царевичу отлучиться на чужую сторону, а безъ него царевна родила сына—ясна сокола. Снарядили пословъ ѣхать къ царевичу съ грамотой, съ радостной вѣсточкой, и ту грамоту вручили шурину царевича свѣтъ-Иванушкѣ; узнала про то его злая жена и подмѣнила грамоту, написала въ ней, что царевна-де родила не дочь и не сына, а слѣпого щенка. Какъ узналъ то царевичъ, разгнѣвался и отписалъ отцу, матери, чтобъ держали жену въ заточеніи, а сына-бы бросили въ воду. Но царь и царица не сдѣлали такъ, а стали дожидаться возврата царевича: за что-де такая немилость на жену и дитя? Наконецъ возвратился царевичъ на родину и, увидѣвъ дитя — ясна сокола, обнялъ жену крѣпко-на-крѣпко и сына ласкалъ, миловалъ поотечески;

потомъ нарядилъ дѣло развѣдать, кто подмѣнилъ ему грамоту? Дѣло развѣдали, виновницу нашли и къ царю привели: повели-де казнить или миловать? Царь хоть и милостивъ былъ, но больше всего правду любилъ и по правдѣ надъ ней приговоръ учинилъ: сослать-де на островъ, куда воронъ костей не носилъ и Макаръ-де телятъ не гонялъ.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

283. Сказка объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ.

У старухи былъ сынъ Иванъ—не то, чтобы дуракъ, но и не совсѣмъ умный. Въ селѣ была ярмарка. Вотъ Иванъ просится у матери: „пойду, говоритъ, на базаръ людей посмотрѣть, себя показать и купить, что по мысли прійдется“. Мать отпустила и денегъ дала. Пошелъ Иванъ на базаръ, проходилъ цѣлый день, но не нашелъ по себѣ товару. Идетъ назадъ, а навстрѣчу ему мужикъ — ведетъ пса на веревочкѣ, а та веревочка псу удавочка. „Продай собаку“! — „Купи!“ — „Сколько возьмешь?“ — „Сколько дашь“. Иванъ отдалъ всѣ свои деньги, взялъ у мужика собаку и привелъ домой.

На другой день Иванъ опять просится у матери итти на базаръ, людей посмотрѣть и себя показать. Мать отпустила и дала денегъ. Иванъ цѣлый день проходилъ и ничего не купилъ. Пошелъ домой и видитъ — баба кошку бьетъ. „Продай кошку!“—„Купи!“—„Сколько возьмешь?“—„Сколько дашь“. Иванъ отдалъ всѣ свои деньги, взялъ у бабы кошку и принесъ домой.

И на третій день тоже самое: цѣлый день промотался Иванъ на базарѣ, ничего не купилъ и пошелъ домой; идетъ и видитъ — подъ ногами, какъ искорочка, перстенекъ золотой съ самоцвѣтнымъ камешкомъ. Взялъ его Иванъ и принесъ (его) домой. „Это, видно, Богъ тебѣ послалъ, Иванушка, за твою простоту“, сказала мать и, посмотрѣвши перстень, отдала его Ивану, а тотъ бросилъ перстень въ лукошко, самъ залѣзъ на печь.

Прошло времени не много, не мало; Иванъ какъ-то, сидя на печи, вспомнилъ о перстнѣ, досталъ изъ лукошка и сталъ играть. Играя, перебросилъ съ руки на руку, вдругъ предъ нимъ духъ: „что, Иванъ, крестьянскій сынъ, приказать изволишь?“ Иванъ испугался и долго не зналъ, что сказать, наконецъ выдумалъ: „новые лапти-бы надо!“ Вмигъ предъ нимъ очутились новые лапти.

Пришла мать. Иванъ и говоритъ: „мама, я жениться хочу; иди къ царю и сватай царскую дочь!“ Мать испугалась, думая, что Иванъ совсѣмъ ума рехнулся. А Иванъ все свое: „иди, мать, къ царю и сватай царскую дочь!“

Нечего дѣлать, пошла старуха къ царю, пала въ ноги и заплакала: „сынъ-де мой Иванушка не со всѣмъ умомъ, послалъ у вашего величества сватать дочь“. Царь засмѣялся и говоритъ: „хорошо, отдамъ я за Иванушку свою милую дочь, если твой Иванушка въ эту ночь проведетъ рѣку около дворца, и эта-бы рѣка была виномъ полна, а не сдѣлаетъ того— съ плечъ голова!“

Пуще прежняго запечалилась старуха, пришла домой и разсказала сыну, какую задачу ему задалъ царь.—„Не печалься, матушка!“ говоритъ Иванъ: „молись Спасу да ложись спать, утро вечера мудренѣе“.

Настала ночь. Иванушка вышелъ на дворъ, перекинулъ съ руки на руку перстенекъ золотой, вдругъ предъ нимъ духъ: „что, Иванъ, крестьянскій сынъ, приказать изволишь?“—„Провести рѣку вокругъ царскаго дворца, и чтобъ эта рѣка была виномъ полна!“ — „Хорошо, будетъ исполнено!“ отвѣтилъ духъ и скрылся.

На другое утро царь проснулся и слышитъ около дворца пѣсни, шумъ, крики и брань... Что такое? А то бабы пьяныя кричатъ, поютъ и ссорятся. Увидѣли рѣку и пришли за водой съ ведрами, анъ — въ рѣчкѣ-то вино течетъ; бабы напились вина — зашумѣло въ головахъ, затрещали, какъ сороки, и пѣсни запѣли.

Призываетъ царь старуху, Иванову мать, и говоритъ: „отдамъ я за Иванушку свою милую дочь, если твой Иванушка въ эту ночь сдѣлаетъ дворецъ красоты такой, чтобъ не было въ свѣтѣ краше его ни у царей, ни у королей, ни у знатныхъ бояръ и вельможъ!“

Пришла домой старуха печальная и разсказала Ивану про царскую задачу. Иванъ ее успокоилъ, а ночью вышелъ во дворъ, перекинулъ перстень съ руки на руки, вдругъ предъ нимъ духъ: „что приказать изволишь, Иванъ, крестьянскій сынъ?“ — „Сдѣлать дворецъ красоты такой, чтобъ не было на свѣтѣ краше его!“—„Будетъ готово!“ отвѣтилъ духъ и скрылся.

На другое утро царь проснулся, посмотрѣлъ въ окно и видитъ—дворецъ красоты невиданной. Посылаютъ опять за старухой. „Слушай, бабушка!“ говоритъ ей царская дочь: „пойду я замужъ за твово сына Ванюшку, если въ эту ночь онъ сдѣлаетъ мнѣ платьеце такое, чтобъ не было шито, кроено и рѣзано“.

Воротилась старуха домой и разсказала Ивану о приказѣ царевны. „Ну, эта задача не труднѣе другихъ“, отвѣтилъ Иванъ, самъ вышелъ во дворъ, перекинулъ колечко съ руки на руку, явился духъ, и онъ ему приказалъ исполнить волю царевны. Утромъ Иванъ проснулся, а платье ужъ готово, на столѣ лежитъ. Старуха завязала его въ старую шаль и понесла царевнѣ. Какъ увидала царевна платьеце не шито, не кроено и не рѣзано, только ахнула...

— „Ну“, говорятъ, „посылай къ намъ свово сына Иванушку!“ Иванъ надѣлъ свои новые лапти, натянулъ кафтанъ и шапку рваные и пошелъ во дворецъ. Хорошъ, вѣрно, былъ молодецъ, что собаки-де чуть не разорвали, кое-какъ добрался до царскихъ палатъ. Царь допустилъ и такову рѣчь говорилъ: „просваталъ-де я царевну за Карла-принца заморскаго, но видно счастье твое быть ея мужемъ и зятемъ моимъ; быть по сему!“ Царскія слуги жениха подхватили, умыли, одѣли и къ вѣнцу подвели. Обвѣнчали Иванушку съ царскою дочерью и въ новый дворецъ отвели.

Но какъ чернаго кобеля не отмоешь до бѣла, такъ и Иванушка — каковъ былъ, такимъ и остался — сиволапымъ принцемъ. Царевна его не любитъ и все вспоминаетъ о прежнемъ женихѣ, королевичѣ заморскомъ. Вотъ разъ она приласкалась къ мужу и говоритъ: „скажи мнѣ, Ванюша, въ чемъ у те сила, что можешь ты сдѣлать все, что захочешь?“ Долго крѣпился Иванъ и не сказывалъ

женѣ про силу перстенька, наконецъ поддался ея ласкамъ и хитрости, далъ перстенекъ и научилъ перебросить его съ руки на руку. Царевна перебросила; вдругъ предъ ней духъ: „что приказать изволишь, царская дочь, крестьянская жена?“—„Быть мнѣ замужемъ за королевичемъ Карломъ заморскимъ!“ Въ одинъ мигъ не стало ни царевны, ни перстенька. Какъ узналъ о томъ царь, сильно разгнѣвался, зятя въ тюрьму посадилъ и говоритъ: „даю тебѣ мѣсячный срокъ, если чрезъ мѣсяцъ жены не воротишь, то худо тебѣ!“ Но какъ онъ воротитъ жену, сидя въ тюрьмѣ, перстенька-же съ нимъ нѣтъ... „Вотъ перстенекъ-бы достать!“ промолвилъ Иванъ. „Достанемъ тебѣ перстенекъ“ — вдругъ слышитъ Иванъ — „за твою добродѣтель, и за выкупъ отъ бѣдъ“,—то были собаки и кошки слова.

Побѣжали они за море искать царскую дочь, прибѣжали ко двору принца заморскаго, собака — на дворъ, а кошка—въ хоромы и стали жить. Живутъ день, живутъ и другой, прожили недѣлю и больше, а скрасть завѣтное колечко никакъ не могутъ: днемъ оно на рукѣ у царевны, спать-же ложится — за щеку беретъ. А время идетъ да идетъ. Вотъ разъ поймала кошка мышку. „Пусти!“ молитъ ее мышка: „я тебѣ пригожусь“.—„Пущу“, отвѣчаетъ кошка: „помоги лишь выручить колечко, что у царевны днемъ на рукѣ, а ночью за щекой“. Мышка посулилась помочь кошкѣ, и та ее отпустила. Пришла ночь; царевна сняла съ руки золотое колечко, положила за щеку и легла спать. Какъ только уснула, мышка на кровать къ ней вскочила, съ кровати на подушку и стала хвостикомъ щекотать у царевны въ носу. Царевна чихнула и колечко уронила, мышка схватила и убѣжала въ щель. Кликнула мышка кошку и отдала колечко. Кошка кликнула жучку и побѣжали въ обратный путь. Бѣгутъ безъ отдыха, не пьютъ не ѣдятъ, времени— одинъ день впереди, не поспѣютъ — прости, Иванушка, крестьянскій сынъ, вздернетъ тесть на висѣлицу! Прибѣжали, а ужъ народъ на площади толпится въ ожиданіи казни царскаго зятя. Однако поспѣли за время, отдали колечко Иванушкѣ, а тотъ перекинулъ съ руки на руку, вдругъ предъ нимъ духъ: „приказать что изволишь?“ — „Воротить ко мнѣ жену изъ-за моря!“ Вмигъ

явилася предъ нимъ измѣнница и пала въ ноги, прося милости. Иванъ жену простилъ, но порядочно отмстилъ за ея измѣну.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 г.

---

284. Костерко.

Жилъ-былъ мужикъ, по прозвищу Костерко, дѣтей у него была шестерка. Работать онъ былъ лѣнивъ, воровать боязливъ, думалъ-думалъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ, а на встрѣчу ему Кама-Камыка, пошелъ по лыка, но лыка драть тяжело, а лапти плесть не умѣетъ. Вотъ они сговорились и пошли вмѣстѣ искать, гдѣ что плохо лежитъ. Пришли къ барину въ усадьбу, слугъ связали и домъ обокрали, стали дѣлить добычу, да заспорили о шубѣ.

Баринъ, ничего не зная, сидитъ на диванѣ и куритъ трубку. „Эй, слуга! явись сюда и сказывай сказку!“ зоветъ онъ слугу. Явился Костерка, сталъ у дверей и говоритъ: „слушай, баринъ, сказку! Жилъ-былъ Костерко, дѣтей у него была шестерка. Работать онъ былъ лѣнивъ, воровать боязливъ, думалъ-думалъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ, а на встрѣчу ему Кама-Камыка, пошелъ по лыка, но лыка драть тяжело, а лапти плесть не умѣетъ. Вотъ они сговорились и пошли къ барину воровать, слугъ связали и домъ обокрали, да заспорили о шубѣ, шуба лисья, да она-жъ и лишня. Скажи, баринъ, кому шубу?“— „Костерку!“ крикнулъ баринъ. Костерко выбѣжалъ и взялъ себѣ шубу: „мнѣ, говоритъ, баринъ шубу подарилъ“.

Екатеринбургскій у. Записана ученикомъ Уткинскаго училища. 1887 года.

---

285. [Семилѣтка].

Сказка.

Ѣхали два брата, и у обѣихъ по лошади, одинъ бѣдной, другой имѣнитый, у бѣднаго кобыла, у имѣнитаго меринъ. Они остановились на ночлегъ рядомъ; у бѣднаго

кобыла принесла ночью жеребенка. Жеребенокъ этотъ подкатился подъ телѣгу богатаго, онъ на утрѣ будитъ бѣднаго брата: „вставай, братъ, телѣга у меня ночью жеребенка родила“. Потомъ братъ встаетъ и говоритъ: „какъ это можно, чтобы твоя телѣга родила жеребенка, кобыла моя родила“. Богатой говоритъ: „кабы твоя кобыла родила, то жеребенокъ у кобылы-бы былъ?“ Потомъ они пошли до начальства между собою и дошли до губернатора. Имѣнитой даритъ судей деньгами, а бѣдный правдается своими словами. Губернаторъ говоритъ бѣдному: „кто тебя научаетъ рѣчи говорить?“ Онъ отвѣчаетъ ему: „у меня есть дочь дѣвица, она научаетъ меня рѣчи говорить“. Губернаторъ говоритъ: „когда твоя дочь мудра, на тебѣ ниточку шелковую, чтобы она изъ нее соткала мнѣ полотенце“. Бѣдный мужикъ приходитъ къ дочери своей кручинный, приноситъ нитку и говоритъ: „вотъ тебѣ ниточку, губернаторъ велѣлъ изъ нее соткать полотенце“. Дочь говоритъ: „не кручинься, батюшка! Я сама отвѣчу ему“; потомъ взяла вичку изъ виника и даетъ отцу: „на, батюшка, отдай губернатору, чтобы онъ нашелъ мастера, который-бы состроилъ всю снасть красенную, которою надобно полотенце ткать“. Когда отдалъ вичку губернатору, то онъ сказалъ: „если такъ мудра твоя дочь, пусть побываетъ ко мнѣ, я посмотрю на нее и поговорю“. Дочь приходитъ къ губернатору, онъ говоритъ ей: „когда вы бѣдны, то чѣмъ пропитываетесь?“ Она ему отвѣчаетъ: „мой отецъ рыболовъ, а рыбу ловилъ по сухому бѣрегу, лоушки въ воду не становитъ; а рыбу кладетъ въ кучи, а я ношу приполомъ“. Отвѣчаетъ губернаторъ ей самой: „что, ты глупа? Когда рыба на сухомъ берегу живетъ, — рыба живетъ въ водѣ“. Ему дѣвица говоритъ: „развѣ вы глупы, а не я: когда же телѣга родитъ жеребенка; кобыла родитъ“.

Кунгурскій у. 1848 г.

---

286. [Правда и кривда].

Сказка.

Были два брата, одинъ богатой, другой бѣдный. Богатой сдѣлалъ пирушку, позвалъ гостей и брата; братъ при-

шелъ всѣхъ наперво, послѣ него начали собираться гости. Когда ихъ набралось много, хозяинъ своего брата началъ подвигать ниже, говоритъ: „поди-ка ты, братъ, пониже“. Братъ подвигается и додвинулся до дверей, такъ что больше уже нѣтъ мѣста; а гостей все больше и больше прибываетъ. Братъ наконецъ говоритъ ему: „нака-ты, поди къ черту, дай другимъ мѣсто“. Бѣдной братъ и вышелъ на улицу, тамъ ходитъ мельникъ по берегу, онъ спрашиваетъ у него, гдѣ чертъ живетъ. Тотъ отвѣчаетъ: „вонъ поди скочи въ бучило—тутъ чертъ“. Вотъ онъ туда скочилъ, и объявился въ избѣ, въ ней никого нѣтъ. Онъ запалъ тутъ, чтобы невидно было его, вскорѣ послѣ того въ избу собрались бѣсенки, и когда пришли, то всѣ стали хвалиться между собою; одинъ говоритъ: „я мельницу промылъ, ни зачто ее не укрѣпить“; другой; „я сомустилъ человѣка убить“. На это одни изъ нихъ говорятъ: „какъ не укрѣпить? мельникъ укрѣпитъ“.—„Чѣмъ онъ укрѣпитъ?“—„Онъ накладетъ терновнику, шипичнику и тѣмъ устроитъ“. Мужикъ слушаетъ ихъ рѣчи; когда бѣси убѣжали изъ избы, мужикъ остался одинъ, выскочилъ изъ нее, вынырнулъ изъ-подъ воды и очутился на верху. Мельникъ все по берегу ходитъ, не знаетъ, чѣмъ укрѣпить. Мужикъ говоритъ: „что отъ добра, я твою мельницу укрѣплю“.—„Что тебѣ угодно? Я тебѣ возъ монетъ отдамъ. Укрѣпи“. Онъ разсказалъ: „вотъ какъ укрѣпи: натаскай терновника, шиповника и тѣмъ укрѣпишь“. Мельникъ началъ бросать терновникъ и шиповникъ, потомъ бросать земли, забивать сваи и укрѣпилъ мельницу. Мужику мельникъ за это и отдалъ возъ монетъ. Мужикъ увезъ монету домой, и когда нѣчемъ было носить ее въ кладовыя, посылаетъ къ брату богатому сына своего просить четуху. Братъ спрашиваетъ: „на что четуху?“ Мальчикъ говоритъ: „деньги носить изъ телѣги“. Богатой братъ удивился и говоритъ: „какія деньги, вы бѣдны, смѣетесь надо мной“, и не далъ четухи. Мальчикъ ушелъ безъ всего и отцу говоритъ: „дядя не далъ четухи; говоритъ, на что вамъ?“ Отецъ сыну говоритъ: „поди, еще попроси“. Мальчикъ въ другой разъ пошелъ къ дядѣ, приходитъ и говоритъ ему: „отецъ опять къ тебѣ посылаетъ за четухой“. Богатой братъ пришелъ въ удивленіе и сказалъ: „я самъ принесу“. Приноситъ и въ самомъ дѣлѣ видитъ груду монетъ, и спра-

шиваетъ: „гдѣ ты, братъ, взялъ монету? Глядика, ее у тебя, какъ льду, набросано“. Тотъ отвѣчаетъ: „а помнишъ, ты меня послалъ къ черту, онъ мнѣ и далъ“. Ему забѣдно стало, и пошелъ черта искать. Выходитъ, а мельникъ ходитъ по берегу въ радости, что укрѣпилъ мельницу. Богатой спрашиваетъ его: „гдѣ чертъ живетъ“.—„Вонъ поди въ бучило“. Онъ бросился туда и очутился въ избѣ. Бѣсенки начали послѣ того опять собираться въ избу и разговариваютъ между собою: „вотъ мельникъ укрѣпилъ мельницу терновникомъ и шиповникомъ, теперь не разломать“. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „да не подслушиваетъ-ли здѣсь кто наши рѣчи? давай искать вездѣ“. И нашли брата въ углу, куда онъ запалъ. Стали ему говорить: „а, такъ ты наши рѣчи и переносишъ!“ Взяли его задавили и выбросили изъ избы. Тѣмъ онъ и кончилъ свою жизнь, а бѣдный братъ жить пошелъ (т. е. сталъ богатѣть).

Кунгурскій у. 1848 г.

---

287. [Приключенія солдата].

Сказка.

Было у старичка три сына, середній изъ нихъ готовился въ солдаты, а потому не занимался работою, а когда отдали въ солдаты, онъ сколько послужилъ царю, служба показалась та тяжела, и говоритъ: „что мнѣ служить царю, пойду лучше бродяжить“. Онъ былъ притомъ пьяница и уговорилъ себѣ пять такихъ же товарищей—солдатъ, одинъ изъ нихъ былъ унтеръ-офицеръ. Пошли они бродяжить; много прошли селъ и городовъ, и дошло до того, что имъ нечего ѣсть; говорятъ между собою: „унтеръ-офицеръ былъ надъ нами въ полкахъ большій и теперь пусть будетъ большимъ“. Послѣ того унтеръ-офицеръ надъ ними началъ распоряжаться и говоритъ одному солдату: „лѣзь на это дерево, и смотри, нѣтъ ли какого села или пригородку“. Тотъ взлѣзъ на дерево и увидѣлъ—стоитъ келья, они пошли туда, и когда вошли въ нее, увидѣли, что тутъ живутъ шесть монашекъ. Эти монашки говорятъ солдатамъ: „не-

угодно-ли вамъ проживать у насъ, чтобы шесть ночей нагимъ при томъ быть". Они пять ночей ночевали, а чтобъ хрѣха (такъ!) съ ними не поимѣть, одежда съ нихъ спала солдатская и очутилась хорошая дворянская, они сказали, монашенькамъ: „нѣтъ, намъ у васъ не прожить, очень тяжело". И пошли отъ нихъ; между тѣмъ одна монашка подарила унтеръ-офицеру халатъ невидимъ, другая бродягѣ пьяницѣ кисетъ съ золотомъ, третья монашка подарила третьему солдату тросточку. Они пришли въ городъ, унтеръ-офицеръ распоряжается, чтобъ стать въ трактиръ на квартиру, они тутъ и стали; пировали. Пьяница бродяга пошелъ къ обѣднѣ, вынимаетъ горсть золотыхъ, прикладываетъ Богу, завидѣлъ его князь: „кто это за человѣкъ, прикладываетъ Богу золотыхъ?" Обѣдня отошла, князь посылаетъ къ нему спросить, какой это человѣкъ? Бродяга отвѣчаетъ: „я иноземской прынязь". Князь проситъ его къ себѣ пообѣдать Онъ наобѣдался у него, а у князя этаго была дочь, Мареа царевна; она всякихъ князей, всякихъ королей въ карты поигрываетъ. „Неугодно-ли тебѣ, иноземный прынязь, въ карточки поиграть?" Сколько она не выигрывала денегъ, у него все не убываетъ. Она говоритъ: „вѣрно, ты, иноземной прынязь, деньги самъ дѣлаешь". Проситъ у него: „дайка мнѣ свой кисетъ, вытряхну-ли я изъ кисета всѣ деньги?" Онъ ей отдаетъ кисетъ, а она, получивши его, вскричала лакеямъ: „возьмите этого подлеца и изъ окна фуркните, онъ насильно ко мнѣ лезетъ". Его фуркнули изъ окна, онъ пошелъ у унтера-офицера халата просить, пришелъ и говоритъ: „дай мнѣ халата невидима". Накинувъ халатъ, пошелъ опять къ Марѳѣ царевнѣ. Она спитъ, разметалась, услыхавши соскочила, но не видитъ никого и спрашиваетъ: „это иноземный прынецъ?" Тотъ отвѣчаетъ: „я". Она вскричала лакейкамъ своимъ: „несите всякихъ напитковъ". Когда принесли, она давай его поить, напоила и говоритъ ему: „дай мнѣ, прынецъ, халатъ, я надѣну его, увидишь-ли ты меня?" Онъ отдалъ ей, и говоритъ: „видишь меня теперь, или нѣтъ?" Онъ говоритъ: „нѣтъ, не вижу". Она опять вскричала: „возмите этаго подлеца, онъ насильно ко мнѣ лезетъ". Его опять фуркнули изъ окна, онъ пошелъ опять въ трактиръ, выпросилъ у третьяго солдата тросточку, а эта тросточка, не знаетъ, къ чему дѣйствуетъ, бросаетъ ее

къ верху и чрезъ колѣно ломаетъ, потомъ увидѣлъ у нея накостышекъ, свернулъ его, выскочили три арапа и спрашиваютъ: „что, иноземской прынязь, прикажете дѣлать?“— „Пустите кругъ этаго города воду и по водѣ чтобъ были солдаты со всей орудіей, изъ пушекъ палили и изъ ружей стрѣляли, а мнѣ подлѣ Марѳы царевны сдѣлайте колыбель и чтобъ на этой колыбели были двѣнадцать пѣсенниковъ и двѣнадцать музыкантовъ и чтобъ меня мимо Марѳы царевны прокатывали“. Послѣ того онъ лежитъ въ колыбели, и его прокатываютъ. Та испугалась и говоритъ: „что это сдѣлалось, никогда не бывало, чтобъ вокругъ города вода, по водѣ бѣжатъ корабли и на корабляхъ изъ пушекъ паляютъ и изъ ружей стрѣляютъ, вѣрно, свѣту представленіе, потомъ вышла на балконъ и говоритъ: „не ты ли, иноземной прынязь, дѣйствуешь?“ А онъ на колыбели хохочетъ: „я“, говоритъ. Она проситъ его къ себѣ на дворъ, онъ къ ней и залетѣлъ. Марѳа царевна говоритъ: „какъ ты сдѣлалъ это?“ Онъ отвѣчаетъ: „у меня вотъ есть тросточка; заверну накостычекъ и ничего не будетъ“. Марѳа царевна говоритъ: „дай-ка ее мнѣ, вверну-ли я этотъ накостычекъ?“ Онъ отдалъ ей, она свернула накостычекъ, опять выскочили три арапа и спрашиваютъ: „что, Марѳа царевна, прикажите дѣлать?“ Она говоритъ: „возмите этого подлеца, фуркните въ окно“. Когда его фуркнули, онъ выпалъ изъ окна, лѣжитъ на землѣ и говоритъ: „теперь все уходилъ свое имѣніе, пойду въ лѣсъ и задавлюсь“. Пришелъ въ лѣсъ, тамъ три чертенка между собою дѣлятъ коверъ самолетъ, сапоги скороходы и столикъ, на столикѣ скатерка-самолетка, онъ говоритъ чертятамъ: „сдѣлайте стрѣлу, я стрѣлю, и кто напередъ прибѣжитъ къ стрѣлѣ, тому что надобно и отдамъ“. Потомъ срѣлилъ въ лѣсъ, въ раменье густое. Когда они убѣжали за ней, онъ надѣлъ сапоги-скороходы и, сѣвъ на коверъ самолетъ, полетѣлъ въ городъ къ Марѳѣ царевнѣ и, увидавши тамъ, что люди собираются къ обѣднѣ, онъ къ рундуку прилетѣлъ и стоитъ на коврѣ-самолетѣ, какъ на воздухѣ; народъ говоритъ: „это Христосъ явился“, и прикладываютъ, кто грошъ, кто полтину, а Марѳа царевна горсть золотыхъ. Онъ поднялся повыше, а какъ увидалъ, что Марѳа царевна подняла выше руку, онъ схватилъ ее и удернулъ къ себѣ. Тогда она ему взмолилась: „теперь я

вся твоя". Тутъ началъ онъ съ ней пировать. Когда напился пьяной, она его спѣхнула съ ковра, онъ палъ съ ковра-самолета. Марѳа царевна улетѣла въ свое мѣсто, онъ пошелъ по край синяго моря и говоритъ: „я теперь утону". Тутъ попались ему ягоды: „дай я поѣмъ передъ смертію этихъ ягодъ". Когда поѣлъ, сдѣлался молодецъ хорошій. „Дай еще пойду впередъ". Стоятъ черныя ягоды, „дай еще этихъ поѣмъ, съѣлъ этихъ ягодъ, и сдѣлался весь въ шерсти на лбу рогъ и на .... рогъ, говоритъ: „теперь я самъ сатана, пошто скакать стану въ воду". Еще пошелъ впередъ, третьихъ нашелъ ягодъ: „дай еще этихъ ягодъ поѣмъ". Когда поѣлъ, то спали съ него рога и шерсть, сдѣлался старикомъ. Дойдя до такой крайности, пришелъ къ берегу, выбралъ крутой яръ, скочилъ туда и утонулъ. Тѣмъ и кончилась его жизнь.

Кунгурскій у. 1848 г.

---

288. Воевода и мужикъ.

Съ самаго утра мужичекъ трудится на своей бороздѣ; усталъ бѣдный. Ѣдетъ воевода. Извѣстно, воеводы рано не встаютъ, ѣздить не ѣздятъ. Вотъ подъѣзжаетъ онъ; увидѣлъ мужичка, подозвалъ, началъ спрашивать, какъ его зовутъ, прибыльно ли работать, сколько получаетъ въ годъ.—„Ничего, слава Богу; сытъ, не голъ—и того будетъ. За большимъ не гоняюсь. Уродится—хорошо, не уродится—Божья воля. А въ годъ сбираю рублей на 80". Воевода опять спрашиваетъ: „куда же ты, мужичекъ, ихъ дѣваешь?" „Какъ куда? Извѣстно, по хозяйству развѣ мало надыть. Да вотъ, съ перваго раза, 20 рублями, значитъ, долгъ плачу, 20 рублей въ долгъ даю, 20 рублей за окно кидаю, да 20 рублей податей плачу". Воевода стоитъ, раздумываетъ, чтобы это значило: 20 руб. въ долгъ давать, 20 въ окно кидать да 20 въ долгъ отдавать. „Загадка трудная", смѣкаетъ; проситъ мужичка растолковать. Тотъ отказался. Воевода говоритъ: „ну, ладно. Ты не говори никому, кто бы

тебя не спрашивалъ. Вотъ тебѣ мой воеводскій приказъ". Пригрозилъ такъ воевода мужичку, „а то, говоритъ, тебѣ не сдобровать", и уѣхалъ. Пріѣзжаетъ домой, потребовалъ всѣхъ самыхъ именитыхъ бояръ. „Такъ и такъ, говоритъ. Попался мнѣ мужичекъ на дорогѣ; говоритъ, получаетъ всего въ годъ 80 рублей: 20 руб. долгу платитъ, 20 въ долгъ даетъ и 20 въ окно кидаетъ. Отгадайте, бояре, эту загадку. Кто отгадаетъ, награжу золотомъ и милостью". Бояре весь день думали, ничего не придумали, выпросили у воеводы мѣсяцъ сроку. Вотъ и мѣсяцъ приходитъ къ концу. Что дѣлать? А каждому выслужиться хочется. Вотъ одинъ поѣхалъ къ мужику. „Разскажи, говоритъ, братецъ, пожалуйста. Растолкуешь, пожалую тебя по царски, дамъ 1000 червонцевъ. Мужичекъ говоритъ: „20 рублей долгу плачу, то отца кормлю: онъ допрежь меня кормилъ, 20 руб. въ долгъ даю, то сына кормлю. Онъ меня будетъ кормить. Этимъ заплатитъ, стало быть. 20 руб. за окно кидаю, то дочь питаю. Это ужъ ни жилецъ, ни помощникъ, ни кормилецъ". Бояринъ подумалъ, подумалъ: „и это, вѣдь, правда", и далъ мужичку тысячу золотыхъ. Пріѣхалъ другой боярин и далъ мужичку двѣ тысячи золотыхъ. Тотъ разсказалъ опять задачу. Пріѣхалъ третій, далъ три тысячи. Мужикъ опять растолковалъ боярину. Мѣсяцъ кончился. Пора отдавать отчетъ воеводѣ. Всѣ пришли. Воевода началъ спрашивать, кто какъ надумалъ. Одинъ бояринъ сказалъ: „на 20 руб. отца кормитъ мужикъ, на 20 сына, на 20 дочь". Воевода обратился къ другому. Тотъ отвѣтилъ тоже. Конечно, и третій отвѣтилъ не иначе. Воевода себѣ на умѣ; это, дескать, что-то не даромъ. Послалъ гонца за мужикомъ, приказалъ немедленно явиться. Пріѣхалъ мужичекъ, сейчасъ его къ воеводѣ. — „Ахъ ты такой-сякой, осерчалъ воевода. Кому ты сказывалъ про загадку? Говори правду-истину, а не то—твоей головѣ не уцѣлѣть. Я хотѣлъ разузнать, какъ отгадаютъ мои бояре эту загадку, могутъ ли они моимъ воеводствомъ управлять. А ты мнѣ все дѣло изгадилъ. Знаешь, бояре должны быть всѣхъ умнѣе, всѣхъ догадливѣе?" Мужикъ не будь плохъ и говоритъ: „были у меня трое. Первый далъ перышко, другой — два, а третій цѣлыхъ три". Воевода и языкъ прикусилъ; началъ спрашивать, что это значитъ. А мужикъ усмѣхается,—знаетъ.—

„Вотъ ты, воевода, здѣшній царь, значитъ. Тебѣ, значитъ, надо быть всѣхъ смышленѣе. А ты вотъ у простаго мужика спрашиваешь“.

Оханскій у., с. Нытва.

---

289. Колобокъ.

Сказка.

Жили да были
Старикъ да старуха;
У нихъ не было
Ни хлѣба, ни соли
Ни кислыхъ щей.
Пошелъ старикъ по сосѣкамъ скрѣсти,
По лукошкамъ мѣсти.
Собравши немного муки,
Стали мѣсить колобокъ.
На маслѣ смѣсили,
На сковородѣ прегли
И на окнѣ студили.
Колобокъ скочилъ да и убѣжалъ,
И бѣжитъ вдоль по дорожкѣ.
Попадается ему
Заяцъ на встрѣчу,
И спрашиваетъ его:
„Куда бѣжишь, колобокъ?“
Колобокъ ему въ отвѣтъ:
„Я по коробамъ метенъ,
По сосѣкамъ скрѣбенъ,
Въ сыромъ маслѣ преженъ,
На окошкѣ стуженъ;
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ
И отъ тебя убѣжу“.
И побѣжалъ колобокъ.
Опять на встрѣчу ему
Сѣринькой волчекъ.
„Что, куда ты, колобокъ?“
Колобокъ ему въ отвѣтъ:
„Я по коробамъ метенъ,
По сосѣкамъ скрѣбенъ,
Въ сыромъ маслѣ преженъ,
На окошкѣ стуженъ,
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ зайца ушолъ
И отъ тебя, волкъ, убѣжу“.
Колобочикъ побѣжалъ.
Ему на встрѣчу попадается
Медвѣдь хохлатой
И спрашиваетъ его:
„Куда ты, колобокъ?“
Колобокъ ему въ отвѣтъ:
„Я по коробамъ метенъ,
По сосѣкамъ скрѣбенъ,
Въ сыромъ маслѣ преженъ,
На окошкѣ стуженъ;
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ зайца ушолъ,
Я отъ волка ушолъ,
И отъ тебя, медвѣдь, убѣжу“,
Колобочикъ побѣжалъ,
И опять ему на встрѣчу

Попадается черемная лисица,
Баять мастерица.
И спрашиваетъ,
Готовясь его слизнуть:
„Куда бѣжишъ, колобочикъ,
Скажи мнѣ, дружочикъ,
Мой милый свѣтъ!“
Колобокъ ей въ отвѣтъ:
„Я по коробамъ метенъ,
По сосѣкамъ скребенъ,
Въ сыромъ маслѣ преженъ,
На окошкѣ стуженъ;
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ зайца ушелъ,
Я отъ волка ушолъ,
Отъ медвѣдя ушолъ
И отъ тебя убѣжу“.
Лисица говоритъ ему:
„Я не чую, что ты баешь?
Сядь мнѣ на верхнюю губу!“
Колобочикъ сѣлъ,
Опять тоже онъ запѣлъ,
„Я еще ничего не слышу!
Сядь ко мнѣ на язычекъ“.
Онъ и на язычекъ ей сѣлъ.
Опять тоже онъ запѣлъ,
Она хамъ его! и съѣла.

Пермскій, Оханскій и Соликамскій у. (Рукопись 50-хъ годовъ).

---

290. [Теремъ мухи].

Ѣхалъ мужикъ съ рынку,
Да горшокъ потерялъ.
Прилетаетъ муха
Полетуха,
Его спрашиваетъ:
„Кто въ горшкѣ?“
Горшокъ отвѣчаетъ:
„Нѣтъ никого!“
Бѣжитъ мышка
И спрашиваетъ:
„Кто въ горшкѣ?“
— „Муха полетуха,
А ты кто?“
— „Я мышка погрызуха,
Пусти меня въ горшокъ?“
— „Ступай!“
Бѣжитъ заяцъ
И спрашиваетъ:
„Кто въ горшкѣ?“
— „Муха полетуха,
Да мышка погрызуха,
А ты кто?“
— „Я при горкѣ скокъ!
Пусти меня въ горшокъ?“
— „Лизь!“
Бѣжитъ лисица
И спрашиваетъ:
„Кто въ горшкѣ?“
— „Муха полетуха,
Мышка погрызуха,
Да при горкѣ скокъ.
А ты кто?“
— „Я при бѣсѣдѣ красота;
Пусти меня въ горшокъ?“
— „Бѣжи!“
Идетъ волкъ
И спрашиваетъ:
„Кто въ горшкѣ?“

— „Муха полетуха,
Мышка погрызуха,
При горкѣ скокъ
Да при бесѣдѣ красота.
А ты кто?“
— „Я при потемкахъ страхъ.
Пусти меня въ горшокъ?“
— „Айда!“
Идетъ медвѣдь,
И спрашиваетъ:
„Кто въ горшкѣ?“

— „Муха полетуха,
Мышка погрызуха,
При горкѣ скокъ,
При бесѣдѣ красота
И при потемкахъ страхъ;
А ты кто?“
— „Я Миша корчинъ,
Пришелъ васъ корчить“.
Съ этимъ словомъ медвѣдь
Началъ всѣхъ давить.

Пермскій, Оханскій и Соликамскій у. (Рукопись 50-хъ годовъ).

---

291. Ершъ.

Бѣднаго Першу
Заставили плесть вершу.
Пришелъ Богданъ,
Ерша Богъ далъ.
Пришелъ Нестеръ,
Положилъ Ерша въ пестерь.
Пришелъ Назаръ,
Понесъ Ерша на базаръ.
Пришелъ Мартынъ,
Купилъ Ерша за алтынъ,
Пришелъ Ерёма,
Принесъ дровъ беремя.
Пришолъ Ѳедулъ,
Огня вздулъ.
Пришолъ Корнилъ,
Печь затопилъ.
Пришолъ Якунька,
Принесъ чугунку.
Пришла Ненила,
Ерша обмыла.
Пришла Дунька,
Ерша положила въ чугунку.
Пришла Орина,
Ерша сварила.
Пришолъ Вавило,
Поддѣлъ Ерша на вилы.
Пришолъ Петруша,
Ерша разрушалъ.
Пришолъ Юда,
Расклалъ Ерша на блюда.
Заставили Луку
Накрошить луку.
Заставили Першу
Насыпать перцу.
Пришолъ Меркуша,
Ерша скушалъ.
Пришолъ Корнило,
Елизара толкнулъ въ рыло.
Ерема да Борисъ,
Объ ерше подрались.
Пришолъ Макаръ,
Шарбу лакалъ.

Пришолъ Оноха,
Объ ершѣ поохалъ.
Пришелъ Онисимъ,
Свою голову повѣсилъ.
Пришла Улита,
Съ поглядки сыта.

Пермскій, Оханскій и Соликамскій у. (Рукопись 50-хъ годовъ).

---

292. О лѣшакѣ.

Одинъ изъ лѣшихъ жилъ въ самомъ страшномъ и отдаленномъ отъ жительства людей бояракѣ; онъ былъ сильный и храбрый воинъ при сраженіяхъ. Однажды на войнѣ онъ лишился праваго глаза. Вотъ какъ это случилось. Бусарманъ напалъ на Русь и одолелъ было ее. Лѣшакъ этотъ, какъ снѣгъ на голову: напалъ на Бусармана и всю несмѣтную рать овалилъ дерномъ, камнемъ, валежникомъ; одинъ русской солдатъ видѣлъ, какъ Бусарманъ пустилъ въ него стрѣлу каленую и попалъ въ правой глазъ; стрѣла была съ зазубриной, лѣшакъ выдернулъ ее вмѣстѣ съ глазомъ; съ тѣхъ-поръ пропала у лѣшака охота воевать. Онъ имѣлъ сына такого же силача, какъ и самъ; когда сынъ еще былъ двѣнадцати лѣтъ, онъ могъ ломать безъ затрудненія самые матерые елки. Въ это время была опять война, лѣшій опять вздумалъ идти на войну; но жена и сынъ уговаривали его не ходить на войну; но не могли уговорить этого криваго старика: ему еще хотѣлось вспомнить свою прежнюю молодость. Онъ поспѣшно отправился на войну, а сынъ за нимъ погнался, и настигъ очень далеко. Отецъ, видя его, испугался и сказалъ: „куда ты, зачѣмъ?“ Онъ сказалъ: „батько родимый, я пойду съ тобой сражатся!“ — „Куда тебѣ, пошелъ домой!“. — „Нѣтъ, какъ хошъ, я пойду съ тобой, батько!“ Онъ взялъ сына поймалъ и къ самой величайшей, какая только въ свѣтѣ ростетъ, лѣсинѣ вязьями привязалъ, а самъ убѣжалъ скорѣе на войну. Привязанный у лѣсины лѣшаченокъ выбился изъ силъ, кричалъ такъ сильно, что чуть лѣсъ не валился; къ счастью, что не подалеку мужикъ рубилъ дрова, изъ любопытства пошолъ посмотрѣть, кто тамъ базанитъ; увидавъ молодаго великана, привязаннаго къ лѣсинѣ очень

высоко, мужичекъ испугался; но привязанный молилъ его отвязать. А какъ былъ очень высоко привязанъ, то мужикъ долженъ былъ полесть на дерево да тамъ отвязать его; онъ полѣзъ съ топоромъ; разрубилъ вязья, лѣшаченокъ—на землю и сказалъ мужику: „спасибо, братъ, я тебѣ услужу“, и только его стало, онъ убѣжалъ. Это было передъ солдатскимъ наборомъ. Крестьянинъ былъ схваченъ, увезенъ въ солдаты и былъ отданъ.

Долго ли, коротко ли это было, скоро сказка бается, а не скоро дѣло дѣлается. Отецъ и сынъ лѣшаки съ Русскими прогнали бусормана. Но не всегда бываетъ небо чисто, бываетъ и облачно: опять какой то бусорманъ изъ Турской земли приготовилъ самострѣлы упругіе да стрѣлы каленые и захотѣлъ попробовать силу съ Русскими; осыпалъ города, села и деревни стрѣлами каленными, и чуть было Русь наша матушка не попала подъ сугоненье нехристи. Да одинъ богатырь явился на бранное поле, побилъ и прогналъ нехристь бусурманскую. Когда же сраженіе утихло, Русскіе хвалили неизвѣстнаго богатыря: славно какой то молодецъ съ нехрисью поправился! и не находили словъ благодарить его.

Въ этой войнѣ и тотъ солдатъ былъ, который, нѣкогда бывши крестьяниномъ, отвязалъ лѣшаченка отъ дерева. Богатырь,—а это былъ тотъ самый лѣшаченокъ,—пришелъ тому солдату и сказалъ: „здравствуй, знакомой! не хочется ли домой?“ — „Хочется, да не можется“, отвѣчалъ служивый. „Пойдемъ прежде въ кабакъ да выпьемъ зелена вина по чаркѣ съ устатку, тамъ я скажу тебѣ, что дѣлать“. Вотъ и пошли они въ кабакъ; богатырь требуетъ вина, цюмакъ спрашиваетъ, мно[го] ли? — „Давай лей вѣдро!“ Солдатъ и цюмакъ изумились, на што ему столько вина. Цюмакъ налилъ ведро и подалъ ему; онъ взялъ за уши и на лобъ, лей еще! Цюмакъ не смѣлъ отпереться, налилъ еще, онъ и другое ведро тоже выдулъ и еще третье попросилъ; было налито и третье, онъ сказалъ: „пей, товарищь“.—„Нѣтъ, батюшка, у меня изъ ведра пить душа не принимаетъ“. Лѣшаченокъ сказалъ цюмаку: „дай ему стаканъ“. Цюмакъ далъ бокалъ, солдатъ выпилъ; а лѣшій и третье ведро осушилъ до капли, цюмаку бросилъ деньги и пошли изъ кабака. — „Знаешь ли ты, кто я?“ — „Нѣтъ, батюшка, со

страхомъ сказалъ солдатъ". — „Я тотъ, котораго ты отвязалъ, помнишъ, въ лѣсу". — „О, о, о! какой малинькой", сказалъ ему солдатъ: ты къ низу ростешъ?" — „Какимъ мнѣ хочется быть, я такимъ и могу быть. Знаешъ ли ты что дома дiется?" — „Нѣтъ!" — „А пиво въ печкѣ грѣется, а жена плачетъ за столомъ!". — „Оiё! пошто жо она плачетъ?„—„Она замужъ хочетъ идти, а тебя забыла". Солдатъ заплакалъ.—„Не плачь, любезный! я твоему горю пособлю, поди скорѣе и возми всю твою муницу; а я тебя дождусь сдѣсь; побѣжимъ скорѣй домой и, можетъ быть, застанемъ ее еще дома, у нее сегодня посиденокъ"... Солдатъ вѣритъ и не вѣритъ, побѣжалъ скорѣе къ своимъ друзьямъ, простился съ ними, взялъ шапку, рукавицы да военной кафтанъ со свѣтлыми поговицами и мигомъ вернулся къ товарищу своему, а тотъ взялъ его подъ-пазуху да и драла-задувала; полѣтѣли такъ скоро, что волосы изъ головы вырываетъ вѣтромъ! Солдатъ сказалъ: „ой, товаришъ, шапка спала съ головы!"—„О, о, гдѣ ужъ она теперь, за тысячами верстъ осталась; наплевать въ нее". Солдатъ опять закричалъ тошня-тово: „сапогъ сшибло прутомъ!" — „Наплюнь на него: онъ очень далеко остался". И такъ у солдата всю муницу прутьями оборвало, все стало въ лепетки. Они лѣтѣли такъ скоро, что горы и долы, лѣса и небеса мелькали. Вотъ они прибѣжали домой еще во время. Женихъ и невѣста сидѣли за столомъ, а колдуна, вежливца, забило худобой. Лѣшiй закричалъ: „ждали ли насъ, гостей?" Всѣ молчали. Лѣшакъ взялъ невѣсту за руку и вывелъ изъ-за стола, показывая своего товарища, сказалъ: „вотъ твой женихъ во второй разъ!" А отставному жениху баетъ: „здорово женился, да не съ кѣмъ спать". А колдуну сказалъ: „ты, братъ, поди домой, Данило, пока неизпроломано у тебя рыло; а мы станемъ брагу попивать да тебя поминать. Ого, какъ я усталъ, дайте-ко мнѣ глотку промочить?" Ему принесли бокалъ съ пивомъ.—„На что ты мнѣ подала, молодуха, въ этомъ наперсткѣ! Если нежаль, то дай со всѣмъ кадцу". Ему едва принесли большую кадцу съ пивомъ, онъ ее какъ опрокинулъ на лобъ, (т. е.) выпилъ до капли и охмѣлелъ съ устатку порядкомъ. Солдатъ давай играть кремнемъ на заслонкѣ: тринь, тринь, тринь... Васильевна, тринь, тринь, тринь, куды пошла!.. А лѣшiй подъ веселую

музыку такъ плясалъ, чуть и потолокъ не выломилъ головой, потомъ простясь ушолъ домой. А солдатъ сталъ жить, да поживать, да добра наживать. Я тамъ былъ да брагу пилъ; мнѣ дали синь кафтанъ, да колпакъ, да и давай меня толкать. А когда я шелъ домой въ синемъ кафтанѣ, синичка мнѣ и говоритъ: „синь-да-хорошъ, синь-да-хорошъ“, а я думалъ: „скинь да положъ“. Я скинулъ да и положилъ подъ кокору, только не знаю подъ котору.

Пермскій, Оханскій и Соликамскій у. (Рукопись 50-хъ годовъ).

---

293. Сказка о лисицѣ и волкѣ.

Одна лукавая лисица захотѣла поѣсть рыбки, а не знала, гдѣ взять; думала, думала, да и вздумала лечь на дорогу. Мужикъ ѣдетъ съ рыбой, вдругъ у мужика лошадь остановилась; мужикъ и говоритъ самъ про себя: „что бы это значило, что тамъ лежитъ“; пошелъ посмотрѣть; смотритъ, а лежитъ лисица; онъ ее пнулъ, а она будто околѣла, онъ ее взялъ и положилъ въ возъ съ рыбой да и закрылъ рогожей. Ѣдетъ мужикъ, радуется, что лисицу нашелъ славную, оттаетъ, такъ оснимаетъ. А лисица въ эту пору прогрызла дыру на саняхъ да и спускаетъ по рыбкѣ въ дыру, а мужикъ гонитъ и ничего не знаетъ. Вотъ лисица чуть не всю рыбу выудила изъ воза и выскочила изъ подъ рогожи да и драла въ лѣсъ. Мужикъ какъ-то остановился, посмотрѣлъ — лисицы нѣтъ, да и давай ревѣть; ревѣлъ-то онъ, ревѣлъ, чево сдѣлашъ. „Экая проклятая! Вѣть отогрѣлась, чертъ ее возми! Ну, а не дорого дана, не больно и жаль“. Онъ поѣзжай впередъ, а не хватится рыбы. А лисица пошла подбирать рыбку и сносила ее въ свою лачушку да и лакомится. Приходитъ волкъ да и говоритъ: „хлѣбъ-соль, кумушка!“ — „Въ хлѣвъ зашелъ, такъ двери ищи, куманекъ!“ — „Ой, милая кумушка, ты еще рыбку ѣшь?“ — „Какъ же. Сегодни маленько, Богъ далъ, наудила!“—„Ой-ли! Гдѣ ты удила?“—„Въ проруби, въ проруби, мой миленкой куманекъ!“ — „А какъ?“ — „Очень просто: только хвостотъ угрузи въ воду, да къ такіе палтухи ссарапаются, что любодва! Какъ дольше посидишъ, такъ больше наудишъ; не дергай скоро, дай заклёву; а если клевать не будетъ, то

заговоръ читай: „рыбка, клюнь—попади, меня за хвостъ потяни!“ Куманекъ опрометью кинулся на прорубь удить, пришелъ и запустилъ хвостъ свой въ воду, сидитъ, сидитъ, а клёву нѣтъ да и только! Въ это время у него такъ хвостъ замерзъ въ проруби, что и пятерымъ бы волкамъ его не вытащить. Вотъ идетъ баба за водой и видитъ нашего рыбаку, сперва гнала его словами, говоря: „пошелъ ты къ черту, прожора, видишь, нашелъ мѣсто, куда кастить! Потомъ она видитъ, что волкъ не съ мѣста, подошла къ нему и давай его коромысломъ зваривать. Волкъ сколько не ревѣлъ, не бился, не рвался, на всѣ стороны метался, покуда хвостъ не оторвался, баба ему такъ назудила бока, что онъ кое-какъ уплелся. А лисица въ это время прибѣжала въ избу, гдѣ жила баба, да и давай въ квашнѣ стряпать по своему. Маленькіе ребята убѣжали всѣ на печь да и говорятъ лисицѣ: „не тронь, не миси, собака, квашню! мамка сама пригуститъ ее!“ Но лиса свое стебенитъ, тѣпатъ тѣсто да и только; назюзгалась такъ, что бока прочь и рыло и уши, все сыто. Она успѣла отстряпаться до хозяйки, и пошла легла на дорогу, по которой кумоньку итти, лежитъ и стонетъ плутовка. Вотъ и идетъ волкъ и говоритъ ей: „нѣтъ, кумушка, плохой ловъ, слава Богу, только хвостъ проудилъ, а не голову!“—„Охъ, кумушка, по што-это у тебя голова-то испроломана?“ — „Молчи ужъ лучше, куманекъ, видишъ у меня голова вся испроломана коромысломъ и мозготъ вышелъ!“—„Ой бѣдная, нечего дѣлать, садись на меня, увезу до двора“. Волкъ думаетъ: „не мнѣ же одному досталось“. Лисица расхохоталась: „хи, хи, хи, битъ не битаго везетъ“. Волкъ привезъ лису домой и баетъ ей: „не нужно ли духовника, кумушка любезная?“ — „Нѣтъ, кумонекъ любезный, не проторься, я слышу теперь себѣ получше!“—„Тебѣ не дурно ли, мой другъ?“—„Не знаю, скоро ли кровь не будетъ капать изъ хвоста, всякое мѣсто што-то не такъ покойно!“ Лисица волку баетъ: „дайко я тебѣ заговору кровь, какъ рукой сниметъ!“—„Заговори, кумушка“. Она и давай заговаривать: „стань на камень, кровь не канетъ; стань на кирпичь, кровь закипитъ; у сороки боли, у вороны боли, у сыча всѣхъ шипча“.—„Ну, куманекъ, если не отвалится, такъ переболится“.

Пермскій, Оханскій и Соликамскій у. (Рукопись 50-хъ годовъ).

294. [Василиса Прекрасная].

Жилъ-былъ старикъ да старуха; у нихъ было дѣтей одна дочь. Однажды вечеромъ старуха нечаянно погасила огонь, тогда дочь ее пошла за огнемъ въ сосѣднюю деревню. Идучи дорогою, встрѣтилась она съ мужикомъ, ѣхавшимъ на красной лошади въ красномъ платьѣ. Этотъ спросилъ ее: „куда она пошла?“ Она сказала: „по огонь“, а мужикъ и сказалъ ей: „не ходи, хамъ съѣстъ тебя“. Дѣвушка сказала: „нѣтъ, не смѣетъ“. Отошедши, попался ей другой мужикъ, на бѣлой лошади, въ бѣломъ платьѣ; опять этотъ мужилъ спросилъ дѣвушку, куда она пошла. Она сказала ему: „по огонь!“—„Нѣтъ, неходи, хамъ съѣстъ тебя“, сказалъ мужикъ. Она говоритъ: „нѣтъ, не съѣстъ“. Пошла она отъ него, и попался ей на встрѣчу третій мужикъ на бурой лошади и въ буромъ платьѣ; и этотъ мужикъ спросилъ дѣвушку, куда она пошла. Она сказала: „по огонь“.—„Не ходи, хамъ съѣстъ тебя“, сказалъ мужикъ. „Нѣтъ, не съѣстъ“, сказала дѣвушка и пошла впередъ. Дошла до корыта съ водою, потомъ пошла дальше, увидѣла руки да ноги человѣчьи; зашла въ избу, видитъ человѣчьи головы. Тутъ жилъ хамъ; хамъ спрашиваетъ дѣвушку: что она видѣла дорогой? Она сказала: „мужика на красной лошади, въ красномъ платьѣ“. Хамъ сказалъ ей: „это мое солнышко. Еще что?“ — „Видѣла другого мужика, на бѣлой лошади и въ бѣломъ платьѣ“. Хамъ сказалъ ей: „это мой мѣсяцъ. Еще что?“ Дѣвушка сказала: „еще третьяго мужика на бурой лошади и въ буромъ платьѣ“.—„Это мой сынъ“, сказалъ хамъ. Что еще видѣла?“ — „Видѣла на улицѣ лежатъ руки да ноги человѣчьи!“—„Это мои вилы да грабли“, сказалъ хамъ. Еще что видѣла, дѣвушка?“—„Видѣла человѣчьи головы“.—„Это мои кринки“. Потомъ хамъ, хамъ, хамъ.... и съѣлъ дѣвушку.

Пермскій, Оханскій и Соликамскій у. (Рукопись 50-хъ годовъ).

---

295. Лисица и пѣтухъ.

Не искакова мѣста, из дальныя пустыни идоша лисица и узря пѣтуха на высокомъ древѣ: „пѣтонько, сидишъ ты высоко и видишъ далёко, сказала она ему, вижу я на тибѣ вельми грѣхи тяжки, если у тѣ, пѣтушко, зубы изъ просвиры мякки шшолкать орехи слатки, поидёмъ къ нашему архимандриту, ты въ пѣвчи, меня лисицу въ просвирни“. Пѣтухъ на древе призатумался, сталъ съ древа спускатися, с витья на витья, съ сучька на сучокъ. Кинулась лисица, какъ лукавая птица, и схватила пѣтуха вострымя коктями. Пѣтухъ лисицѣ взмолился: „мати моя лисица! не буди мной корысна, буть ты намъ всѣмъ звѣрямъ чесная бояроні“. Лисица стала и призадумалась, пѣтуха въ коктяхъ приослабила. Спорхнулъ пѣтухъ и на древо, сталъ проздравлять лисицу съ чиномъ: „здрастуй, госпожа просвирня, госпожа бояроня“. Пошла лисица въ лѣсъ, какъ облеванъ бѣсъ.

Шадринскій у., с. Иванишевское. 1859 г.

---

296. Живалко-бывалко.

Живалко-бывалко, на босу ногу топоръ надѣвалъ, топоришшомъ подпоясывался. Пошолъ на долы, на горы лыко драть, содралъ лычько, высѣкъ лотошку, побѣжалъ на одной ношкѣ, бѣжитъ—озеро на уткѣ плаватъ, онъ палкой бросилъ—не добросилъ, мочальникомъ бросилъ—перебросилъ, утка-то спорхнула, озеро-то улетѣло. Бѣжитъ—на мужикѣ сѣна возъ ѣдетъ; бѣжитъ—изъ-за собакъ заплотъ лаетъ; бѣжитъ—чесна квашня бабу мѣситъ; онъ сказалъ: „Бохъ-помочъ тибѣ, чесна квашня, бабу мисить“. Она осердилась, схватила изъ-за лопаты печь да тупай-ко за нимъ. Онъ испужался, побѣжалъ да изъ загостинца-то и порого-тъ урвалъ.

Шадринскій у., с. Иванишевское. 1859 г.

---

297. Загадки и Акирь премудрой.

Жилъ Акирь премудрой; дѣтей у нево небыло, взялъ онъ себѣ покормлёнка и сталъ поить-кормить ево замѣсто роднова сына. Только покормлёнокъ ево пошолъ одинова къ царю и сказалъ, што Акирь премудрой всяки зелья составлятъ и хочетъ ево, царя, истребить. Приказалъ царь казнить Акиря премудраго. Тогда Акирь премудрой сказалъ: „не споя, не скормя ворога не наживёшъ“, сталъ онъ палачей упрашивать: не казнить ево, а посадить въ темницу и тутъ станетъ онъ сидѣть, а имъ на нужно время пригодится. Палачи посадили Акиря премудраго въ темницу, и сидитъ онъ и годъ, и два, и три. Не какой инной король прислалъ въ это царство письмо отгадать загадку: „у насъ жеребцы ржутъ, а у васъ кобылы жеребятся“, ежели они не разгадаютъ загатку, грозилъ всѣхъ прибить и огнемъ сожечь. Стали толпы толпиться, совѣты собираться. Одинъ палачъ и идётъ мимо темницы; ево Акирь премудрой подозвалъ и спрашиватъ: „што у васъ толпы толпятся и совѣты совѣтуютъ?“—„Да некакой инной король прислалъ писмо загатку отгадать: у насъ де жеребцы ржутъ, а у васъ кобылы жеребятся, ежели жъ не отгадашъ, то хочетъ всѣхъ прибить и огнёмъ созжекчи“.—„Да неужли не знаетъ это мой сынъ?“—„Ой, у него было две тысячи солдатъ, а теперь только половина ужъ“.—„Поиди, скажи царю, што какой-то старичонко ихней съ нашой старушонкой женились и плот(д)ъ дали“. Вотъ и розгадали загатку. Черезъ нѣсколько годовъ опеть тотъ жо король послалъ деревинку выкрашенную, круглую и велѣлъ отгадать, коей конецъ у ней каменной, коей нѣтъ, а за неотгатку грозилъ всѣхъ побить и огнёмъ созжекчи. Стали опеть толпы толпиться, совѣты совѣтовать, а палачъ и идётъ мимо темницы. Акирь премудрой спрашиватъ ево: „што у васъ опеть толпы толпятся, совѣты совѣтуютъ?“—„Да чево, тотъ-жо король послалъ выкрашено деревцо и велитъ отгадать въ немъ, коей камень, коей нѣтъ“.—„Дакъ неужли мой сынъ не знатъ?“—„Ой, ой, у ево полкъ былъ, а теперь ужъ только половина“. — „Поди, говоритъ Акирь премудрой, скажи царю,

што бы наносили въ кать или въ тасъ воды, поставили посудину на ровномъ мистѣ, штобы не треслась, и отпуститѣ въ воду деревцо тихонько, дакъ, коей каменянной конецъ—утонѣтъ". Опеть отгадали загатку. Погодя сколько-то времени, тотъ жо король прислалъ письмо выстроить новъ горотъ, што бы былъ не на землѣ и за нёбо не задѣвалъ. Стали толпы толпиться, совѣты совѣтовать. Палачъ опеть и бѣжитъ къ темницѣ. Акирь премудрой спрашиватъ ево: „чево у васъ толпы толпятся, совѣты совѣтуютъ?"—„Да тотъ жо король прислалъ письмо и велитъ выстроить новъ горотъ не на землѣ, штобы на землѣ не стоялъ и за нёбо не хватался, еслижъ не сдѣламъ этова, грозитъ всѣхъ поморить голодомъ и смерти предать".—„Неужли мой сынъ этова не знатъ?"—„Ой, ой, онъ давно ужъ самъ сабой шатается".—„Ну, поди ты утрѣ ранѣ ко царю, вскакивай на крыльцо, стучи нечесно за кольцо. Царь выйдетъ, спроситъ, кто смѣлъ рано ко мнѣ ходить? ты скажи: тотъ, кто виноватъ, кто Акиря премудраго не сказнилъ". Палачъ утромъ рано вскочилъ на царско крыльцо и сталъ нечесно бить и стучать в кольцо. Царь вышолъ и спрашиватъ: „кто смѣлъ ко мнѣ рано ходить?"—„Я." — „Кто ты?" — „Виноватой". — „Кака вина?"—„Акиря премудраго не сказнилъ".—„Неужли" онъ живъ?"—„Живъ".—„Ну, коли Акирь премудрой живъ, то будемъ живы и мы". Выпустили Акиря премудраго изъ темницы, сталъ онъ съ царемъ записи составлять, што-бы на землѣ горотъ подготовить имъ и вверхъ подавать тѣмъ, отъ коихъ загатка прислана. Вотъ Акирь премудрой сѣлъ на много-птицу, взялъ шнуръ съ собою, поднялся вверхъ и сталъ основывать будто новъ горотъ, а тѣмъ сказалъ: „какъ запрошу лѣсу, велитѣ подавать мнѣ, какъ разъ, два крикну, понуждаите, а в третей крикъ—нечесно ихъ заставляите". Какъ сталъ крычать, а тѣмъ гдѣ лѣсъ подавать, выше церкви бы доводилось, давай-ко онѣ ихъ тулунить, бить, тѣ и говорятъ: „не строитѣ вы и новъ горотъ, не надо намъ". Вотъ какъ.

Шадринскій у., с. Иванишевское. 1859 г.

298. Булдакъ Борисовичъ.

У ласковова князя у Владимира былъ пиръ на бояръ, на князей, на могучихъ богатырей;—были тутъ Алешечька поповичъ и старой казакъ Илья Муромецъ. Провозговоритъ имъ ласковой князь Владимиръ: „кто изъ васъ, робята, сходитъ въ султанское царство, приведётъ оттуда коня бѣлогубова, суку съ уключиной, сокола со укрючиной и убьётъ кота-раскащика?“ Котъ этотъ былъ завсегда на грудѣ у султана и сказывалъ ему, гдѣ чево дѣлатся по всей земле. Отвѣчатъ старой казакъ Илья Муромецъ: „нѣтъ, ласковой князь Владимиръ, не сходить намъ ни кому и не снести твою службу, а есть на княжескихъ кабакахъ голъ-босъ Булдакъ Борисовичъ — пьенница, вина напивается, на печѣ валяется— онъ вотъ сходитъ.“— „Кто сбѣгатъ ино за Булдакомъ Борисовичомъ?“ спросилъ князь Владимиръ.—„Я, вызвался Алешочька поповичъ и побѣжалъ на княжески питеины.—„Нѣтъ ли здись Булдака Борисовича, спросилъ онъ у ярыжныхъ и голей кабатскихъ. — „Здись, отвитили они ему, на што тибѣ ево?“ — „Надо“. Булдакъ Борисовичъ лежалъ въ это время на печѣ и, увидѣвъ Алешочьку поповича, спросилъ: „што тебѣ надо отъ меня, доброй человѣкъ?“—„Да князь Владимиръ требуетъ тебя къ сибѣ“.—„Поиди, незваной, докуль не битъ, кому нужонъ я, тотъ самъ за мной придётъ“. Пошолъ Алешочька поповичъ и отрепортовалъ такъ князю Владимиру. Князь Владимиръ не знатъ, кто за нимъ поидётъ: „кто-жо, говоритъ онъ, за нимъ сходитъ?“ Отвѣчатъ старой казакъ Илья Муромецъ: „я схожу“. Пошолъ Илья Муромецъ на княжески питеины: „не здись ли, спрашиватъ онъ, Булдакъ Борисовичъ?“—„Здись, кричитъ съ печи Булдакъ Борисовичъ, куды, старичинушка, потащился?“—„Да къ тибѣ, Булдакъ Борисовичъ: ласковой князь Владимиръ накладывалъ на тебя службу сходить въ султанское царство и привести коня бѣлогубова, суку съ уключиной, сокола со укрючиной да убить кота раскашшика“. — „Хорошо, старой казакъ, Илья Муромецъ, я за тобой-жо буду“. Старой казакъ еще не въѣхалъ въ ограду къ ласковому князю Владимиру, а Булдакъ Борисовичъ пришолъ ужъ и заходилъ въ терема бо-

гатые, гдѣ встритилъ ево ласковой князь Владимиръ чарой зелена вина, потомъ другой и третей. Выпилъ Булдакъ Борисовичъ зелено вино и спрашиватъ: „на што звалъ меня, ласковой князь Владимиръ?“—„Да сходи ты въ султанское царство, приведи ты оттуда коня бѣлогубова, суку со уключиной, сокола со укрючиной и убей кота-раскашшика“.—„Ладно, ласковой князь Владимиръ, даите напередь набрать мнѣ тридцеть молотцовъ такихъ, што бы были ликъ въ ликъ и глазъ въ глазъ“. Набралъ онъ въ сколько-то времяни тритцеть молотцовъ ликъ въ ликъ и пошолъ съ ними въ султанское царство. Горами бѣжали онѣ горностаями, а синимъ моремъ сѣрыми утицами, дошли наконецъ до султанова царства и остановились гдѣ-то тамъ. Булдакъ Борисовичъ пошолъ отъ товаришшей и говоритъ имъ: „ну, робята, если я черезъ три часа не приду къ вамъ, то ужъ и не ждите меня: живой не буду“. Пришолъ онъ во дворецъ султанской, обвернулся мурашомъ, проползъ куда-то и засѣлъ сидѣть. Котъ-раскашшикъ тотчасъ разбудилъ султана и говоритъ: „Вашо султанско Величество! Булдакъ Борисовичъ зашолъ во дворецъ и хочотъ меня убить“. Добыли по султанскому приказу огня, стали вездѣ осматривать, искать Булдака, но наити нигдѣ не могли. „Што ты меня обманывашъ“, сказалъ султанъ коту и лёкъ опеть спать. Только спустя мало время, котъ опеть будитъ султана: „Вашо султанско Величество! пришолъ Булдакъ Борисовичъ и меня убьётъ“. Добыли въ другой разъ огонь и стали искать Булдака, искали, искали вездѣ по комнотамъ, а наити не могли. „Што ты меня обманывашъ, гнѣвно возговорилъ султанъ коту, если въ третей расъ ишшо меня ты разбудишь, толда самъ тебя убью“. Какъ только послѣ этова султанъ уснулъ, Булдакъ Борисовичъ выскочилъ изъ засады, схватилъ кота-раскашшика за хвостъ, бросилъ ево со всево розмаху о полъ и ушипъ до смерти. Потомъ взялъ коня бѣлогубова, суку со уключиной, сокола со укрючиной поспѣлъ къ товаришшамъ раньше трехъ часовъ и отправился съ ними въ своё мѣсто. Пришли онѣ къ ласковому князю Владимиру и отдали коня бѣлогубова, суку со уключиной и сокола со укрючиной. „Чѣмъ тебя я награждать буду, спросилъ ласковой князь Владимиръ Булдака Борисовича, чево тебѣ надо—золотой ли казны или городовъ съ

пригородками или селъ съ деревнями?“—„Ничево мнѣ не надо, ласковой князь Владимиръ, только прикажи ты мнѣ пить на твоихъ на княжескихъ кабакахъ безъ денекъ, безо всево“.—„Пей ты, Булдакъ Борисовичъ, вездѣ, гдѣ бы ты не захотѣлъ, благословляю“. Прошло сколько-то времени. Вдрукъ султанъ пишетъ ласковому князю Владимиру, што бы послалъ къ нему виноватова разгрѣживать. Собралъ ласковой князь бояръ и князей и могучихъ богатырей: „кто изъ васъ, робята, поидётъ къ султану разгрѣживать Булдакову грезу?“ спросилъ онъ ихъ. „Да кто загрезилъ, тотъ пускай и отгреживатъ“, отвѣчали онѣ. Поѣхалъ опеть старой казакъ Илья Муромецъ по Булдака Борисовича въ княжески кабаки: „не здись-ли, спрашиватъ онъ, Булдакъ Борисовичъ?“—„Здись, отвѣчатъ тотъ съ печи, куды ты опеть поташшился, старинушка?“—„Да къ тибѣ, Булдакъ Борисовичъ, ласковой князь Владимиръ зоветъ тебя“.—„Ладно, старой казакъ Илья Муромецъ, за тобой-жо буду“. Старой казакъ только доѣхалъ, а Булдакъ Борисовичъ ужъ пришолъ нагъ, босъ: „на што ты меня звалъ, ласковой князь Владимиръ, спросилъ онъ“.—„Да зоветъ опеть тебя султанъ въ гости грезу отгреживать“. — „Ладно. Даитѣ только наперёдь выбрать тритцеть молотцовъ такихъ, штобы молодецъ къ молодцу, ликъ въ ликъ, ростъ въ ростъ, глазъ въ глазъ и волосъ въ волосъ.“ — „Выбирай, выбирай, Булдакъ Борисовичъ“. Выбралъ онъ 30 молотцовъ ликъ въ ликъ, ростъ въ ростъ, глазъ въ глазъ, волосъ въ волосъ и пошолъ съ ними въ султанско царство. По приходѣ въ султаново царство раскинули они палатки и выкинули шлаги. Вотъ султанъ посылатъ большу дочь узнавать виноватова. „Ступай, говоритъ онъ, узнавай ево“. Булдакъ сказалъ своёй дружинѣ: „смотрите, какъ будутъ дѣвицы, вы берите все по дѣвице, а мнѣ оставляите султанову дочь“. Дѣвицы скоро пришли. Булдакъ взялъ султанову дочь, а товаришши взяли другихъ—прочихъ и развели ихъ по своимъ палаткамъ. Булдаку султанова дочь подарила рубашку и, колда собралась она съ подрушками идти, позвала Булдака и всѣхъ товаришшей ево хлѣбасоли кушать у батюшки ея султана. „Ладно, сказалъ въ слѣтъ имъ Булдакъ, хлѣбъ-соль султано-тъ зоветъ ись, да съ вѣтромъ вись; потомъ велѣлъ онъ всѣмъ товаришшамъ

умыться и показать рубашки, какими подарили ихъ дѣвицы. Колда онѣ умылись и раскинули рубашки, толда Булдакъ Борисовичъ трехнулъ своёй рубашкой (што султанова дочь подарила ему), и сдѣлались у всѣхъ рубашки схожи, какъ одна. Стали послѣ этова сбираться онѣ къ султану на обѣтъ Булдакъ и говоритъ имъ: „ну, робята, въ одне двери не входите, а въ разны: кто въ тѣ, кто въ други, кто въ окошко, кому куда попало, и ѣшъ-те не одно кушаньё, а разны: кто гуся, кто курицу, кто утку“. Вотъ пошли онѣ къ султану и полезли кто въ двери, кто въ окошко, кому какъ прилучилось, и ѣли такъ-жо хватовшиной вдрукъ, кто чево ухватилъ, тотъ то и ѣлъ. Послѣ обѣда вышла султанова больша дочь узнавать виноватова и прямо подошла къ Булдаку Борисовичу: „вотъ виноватой“, сказала она отцу. — „Какъ ты узнала меня, плюха, сваха“, спросилъ Булдакъ. — „По рубашкѣ“. — „Нуко, робята, разденьтесь“, сказалъ онъ товарищшамъ. Тѣ все раздѣлись, и рубашки были на всѣхъ, какъ одна; затруднилась опознать султанова дочь. Ушли наши удальцы въ свои палатки. На другой день пріѣзжатъ середня дочь султанова и такъжо подарила Булдаку Борисовичу рубашку, а подружки ея подарили по рубашкѣ товарищшамъ Булдаковымъ. Узнать однако виноватова по нимъ не могла она потому, што Булдакъ Борисовичъ сдѣлалъ рубашки по прежнему все, какъ одну. Третья малая дочь султанова перехитрила Булдака Борисовича и въ рубашку вшила ему въ како-тъ рубецъ булавку. Передъ тѣмъ временемъ, какъ идти имъ на обѣтъ къ султану, Булдакъ сказалъ дружинѣ: „смекаите, робята, какъ узнатъ меня дочь султанова, то станутъ меня казнить, и колда я затрублю въ турей рокъ, толда вы пластаите всѣхъ скраю“. Узнала на обѣдѣ Булдака Борисовича младша дочь султанова, и посадилъ ево султанъ въ темницу. Пришло потомъ время ево казни, разоставилъ султанъ воиска, вышолъ самъ, и повели потомъ Булдака Борисовича на казнь—на висилицу. Протрубилъ Булдакъ въ турей рокъ, стали молотцы ево пластать съ краю султанову силу и добралися подъ послѣтъ до самова султанушка. Палачъ хотѣлъ только Булдаку Борисовичу петлю надѣвать на шею, а вмѣсто тово подъ петлю чуть не угодилъ самъ султанъ. Сталъ онъ упрашивать Булдака Бори-

совича и товарищшей ево, что бы не тронули ево: „не троньте вы меня, вѣкъ повѣки не буду я на васъ находить“. Согласилась дружина на султаново слово и сдѣлала съ нимъ въ томъ записи, а потомъ домой отправилась. По пріѣздѣ къ ласковому князю Владимру сталъ тотъ спрашивать Булдака Борисовича: „чѣмъ мнѣ тебя наградить, Булдакъ Борисовичъ, толи золотой казной, толи тебѣ надобны города съ пригородами, толи села съ деревнями?“— „Ничево мнѣ не надобно, а вели только, князь Владимиръ, пить мнѣ на твоихъ на княжескихъ кабакахъ безъ денекъ, безо всево“.—„Пейты, Булдакъ Борисовичъ, вездѣ, гдѣ бы ты не захотѣлъ, сколько хочошь“. Ладно. Съ тѣмъ Булдакъ Борисовичъ и остался до смерти. Передъ смертью онъ сказалъ князю Владимиру, што хоть я и умру, а мёртвымъ соколомъ ишшо вы станите воронъ пужать“. Некто не зналъ толда, чево онъ это загадалъ. Прошло сколько-то годовъ со смерти Булдака Борисовича; услыхалъ султанъ, што онъ умеръ, и пришолъ онъ на князя Владимира съ несмѣтной силой. Што дѣлать князю Владимиру? Толда вотъ отгадалъ онъ загатку Булдака Борисовича. Приказалъ онъ вырыть ево изъ могилы и посадили потомъ ево на вершну на лошадь, дали въ руки записи да и послали къ султану. Лошать была, видно, учёна: довезла Булдака Борисовича до мѣста, до коёва слѣдовало. И какъ скоро султалъ увидѣлъ, што Булдакъ Борисовичъ живъ, то тотчасъ удалился со своёй силой несмѣтной въ свое царство и не смѣлъ больше подступать и подходить къ ласковому князю Владимиру.

Шадринскій у., с. Иванишевское. 1859 г.

---

299. Сказка о Ѳомѣ и Еремѣ.

Жили-были два брата, Ѳома да Ерема. Вздумали ребята, присовѣтовали пашенку пахать. Пашню распахали, ржи накидали; уродилась рожь хороша, ядрена, колосиста, волокниста. Колосъ отъ колосу—не слыхать голосу; снопъ отъ снопа—палками кидали; суслонъ отъ суслона—перегонами гоняли. Еще тутъ насъ, ребята, не повынесло, не повыдзынули. Вздумали ребята, присовѣтовали съ торгу торго-

вать. Ерема то сѣлъ съ лаптями да съ граблями, Ѳома то съ пшеницей да съ торицей. У Еремы-то не торгуютъ, у Ѳомы-то не берутъ. Еще тутъ насъ, ребята, не повынесло, не повыдздунуло. Вздумали ребята, присовѣтовали въ Божью церковь поѣхать. Ерема-то сталъ на крилосъ, Ѳома-то—въ алтарь. Ерема-то запѣлъ, а Ѳома-то заревѣлъ. Взглянутся, пріулыбнутся: „не бѣжитъ ли за нами лихой понамарь съ вязовымъ батогомъ?“—Еще тутъ-то насъ, ребята, не повынесло, не повыдздунуло. Вздумали ребята, присовѣтовали рыбаковничати. Ерема-то сѣлъ въ лодку, Ѳома-то въ ботникъ. Ерема-то утонулъ, а Ѳому-то чортъ утянулъ.

Пермекая губернія.

Словарь къ сказкамъ Пермской губерніи.

Вучило—мѣсто, гдѣ вода съ поливного моста выбиваетъ яму.
Бѣсенки — черти.
Забѣдно — завидно.
Запасть — спрятаться.
Именитый — богатый.
Иноземской прынязь — иноземный принцъ.
Лоушка — морда (рыболовная снасть).
Назюзгаться — наѣсться.
Наобѣдаться — отобѣдать.
Напитокъ — вино.
Объявиться — очутиться.
не повыздынуло (не повыздынуло?)— не понравилось.
Поимѣть — сдѣлать.
Поигрывать — обыгрывать.
не снести — не исполнить.
Суслонъ — скирды.
Тѣпать — ѣсть.
Торица — сортъ травы.
Фуркнуть — выбросить.
Хамъ — людоѣдъ, глотъ.
Четуха — четверикъ.
Шлаги — флаги.

Оренбургская губернія.

300. Смерть-крестная.

Жилъ мужикъ. Дѣтей у него много родилось, да все не жили. Всѣ отказывались быть кумами. Кумъ-то былъ. Пришлось искать встрѣчную куму. Идетъ, ищетъ. Встрѣчаетъ смерть.—„Матушка, сдѣлай милость, иди въ крестныя“—„Да вѣдь я смерть.“—„Тѣмъ лучше.“ Окрестили.—„Я, гритъ, явлюсь крестнику чрезъ 15 лѣтъ.“ Выросъ онъ. Смерть явилась.—„Иди, я тебя сдѣлаю счастливымъ. Берись лечить больныхъ.“—„Какъ-же? Я ничего не знаю.“—„Ничего, возьми водички, вспрысни и дай пить. Только смотри; если я буду стоять въ головахъ, то берись—выздоровѣетъ. Если въ ногахъ—то это мой“. Такъ и лечилъ. Слава прошла о немъ; составилъ капиталъ большой. Разъ у царя заболѣлъ сынъ. Много денегъ обѣщали. Онъ приходитъ, а смерть стоитъ у ногъ. Онъ велѣлъ перенести, на другую постель и перевернуть: гдѣ ноги были, тамъ головой положить. Царскій сынъ выздоровѣлъ. Смерть сердито взглянула на крестника. Въ другой разъ сдѣлалъ также съ другимъ человѣкомъ. Но тутъ ужъ крестная не пощадила его: онъ умеръ тутъ-же.

[По другому варіанту, онъ воскресилъ такъ любимую дѣвушку].

Оренбургскій у. с. Петровское.

СИБИРЬ.

Тобольская губернія.

301. Сказка объ Иванѣ Дуракѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ Иванъ Дуракъ съ матерью; отца не было. Жили они богато. И вздумалось Ивану жениться. Посылаетъ онъ свою мать къ царю свататься за царскую дочь. Мать не хотѣла идти. Но Иванъ ее уговорилъ, и она пошла. Царь сказалъ, чтобы женихъ досталъ царевнѣ платье, которое не шить, не кроить, а чтобы прямо для царевны слито было. Мать пришла и разсказала объ этомъ Ивану Дураку. Иванъ выпросилъ у матери сто рублей и пошелъ на базаръ, сказавши матери: „всего накуплю, чего только нѣтъ“. На базарѣ онъ увидѣлъ, что бьютъ собаку. Иванъ подошелъ и просилъ продать ему собаку. За собаку запросили 100 рублей, и Иванъ заплатилъ, а собаку взялъ себѣ, пришелъ домой и бросилъ ее на печку.

Въ другую субботу онъ опять взялъ у матери сто рублей и пошелъ на базаръ. Тутъ онъ увидѣлъ, что мужикъ несетъ въ мѣшкѣ убивать кошку. Иванъ подошелъ къ мужику и купилъ у него эту кошку за сто рублей и также принесъ домой и бросилъ на печку.

На третью субботу Иванъ снова взялъ у матери сто рублей и пошелъ на базаръ. На базарѣ онъ увидѣлъ, что мужикъ подъ колесомъ (телѣги) бьетъ змѣю. Иванъ сказалъ: „не бей, продай мнѣ“. Мужикъ запросилъ сто рублей, Иванъ отдалъ деньги, а змѣю положилъ въ карманъ и пошелъ домой. Дома онъ змѣю бросилъ на печку къ собакѣ и кошкѣ, залѣзъ туда самъ и позвалъ мать и говоритъ ей: „посмотри, какую скотинку я сталъ заводить“. Мать стала бранить Ивана за то, что онъ триста рублей на ничего извелъ. А Иванъ сталъ возиться со своей скотинкой на печкѣ. Потомъ слѣзъ съ печки, схватилъ собаку за хвостъ, сталъ бить ее и прогналъ. Тоже самое сдѣлалъ и съ кошкой.

Наконецъ, схватилъ змѣю, бросилъ на полъ и сказалъ: „станешь бить по серединѣ—раздавишь; станешь бить по головѣ—убьешь: лучше такъ отпустить“. И отпустилъ змѣю.

Черезъ нѣкоторое время собака и кошка вернулись къ Ивану и ничего не принесли, а змѣя припозла и принесла въ зубахъ колечко золотое. Иванъ надѣлъ кольцо, и чтобы оно сильно не горѣло, онъ обвязалъ кольцо тряпочкой.

Ночью въ 12 часовъ Иванъ передѣлъ колечко съ руки на руку, явилось двѣнадцать молодцовъ. Иванъ сказалъ имъ, чтобы они достали ему платье нешитое и некроеное, а какъ слитое. Платье въ одну минуту поспѣло. Утромъ Иванъ посылаетъ свою мать отнести подарокъ къ царю и проситъ, чтобы царская дочь вышла за него замужъ.

Царь сказалъ, чтобы Иванъ сослужилъ еще службу: въ одну ночь выстроилъ бы отъ царскаго дворца до церкви, отъ церкви до Иванова дома — хрустальный мостъ, чтобы на этомъ мосту росли и цвѣли яблони въ то время, какъ поѣдутъ къ вѣнцу; а когда поѣдутъ изъ церкви, чтобы на яблоняхъ созрѣли плоды; чтобы все время на мосту пѣли птицы. Старуха воротилась и разсказала объ этомъ Ивану. Ночью Иванъ передѣлъ колечко съ руки на руку, явились двѣнадцать молодцевъ, которымъ Иванъ приказалъ выстроить хрустальный мостъ. Тотчасъ поднялся стукъ и громъ, такъ что царь вышелъ на балконъ узнать, что такое случилось, и вспомнилъ про хрустальный мостъ.

На утро Иванъ посылаетъ свою мать къ царю. Царь опять не согласился отдать царевну и сказалъ, чтобы Иванъ сослужилъ ему еще одну службу: построилъ бы такую карету, которая бы летала по воздуху и которую бы не было видно. Иванъ съ помощью двѣнадцати молодцовъ скоро устроилъ и это. Царь согласился отдать за него царевну.

Въ назначенный день пошелъ во дворецъ Иванъ Дуракъ. Собака обратилась въ портнаго, кошка въ барышню, а змѣю Иванъ положилъ въ карманъ и привелъ ихъ всѣхъ во дворецъ. Когда царевна увидала Ивана, грязнаго, въ рваной одеждѣ, то сказала, что за него не пойдетъ. Тогда Ивану дали другую одежду и повезли къ вѣнцу. Въ церкви Иванъ впомнилъ, что змѣю онъ оставилъ въ карманѣ и побѣжалъ за ней во дворецъ.

Послѣ вѣнчанія царевна стала Ивана выспрашивать, какъ это онъ сдѣлалъ ей платье нешитое-нетканое, и хрустальный мость, и воздушную карету. Иванъ Дуракъ долго не хотѣлъ сказывать, но наконецъ открылъ, что вся сила его находится въ кольцѣ. Въ полночь, когда онъ уснулъ, царевна сняла съ его руки перстень, перевернула его съ руки на руку, явились двѣнадцать молодцовъ и унесли ее въ третье царство. Утромъ царь спросилъ у Ивана, гдѣ его дочь царевна, и когда узналъ, что ее нѣтъ, сталъ обвинять Ивана, что онъ убилъ царевну. Ивана схватили и посадили въ каменной столбъ, въ которомъ было только маленькое окошко. Кошка побѣжала во дворецъ, украла калачъ, подала Ивану въ окошечко и сказала, чтобы онъ ѣлъ понемногу этотъ калачъ, пока онѣ не достанутъ колечко.

Послѣ этого кошка, собака и змѣя отправились въ путь. Бѣжали, бѣжали и добѣжали до моря и стали переплывать его. Кошка устала и стала просить, чтобы та ей помогла переплыть. Собака сказала: „лѣзь на мой хвостъ“. И такъ онѣ переѣхали. Переплывши змѣя осталась отъ кошки и собаки и обвилась вокругъ куста; а кошка съ собакой стали другъ другу совѣтовать, какъ имъ быть, чтобы у царевны кольцо отнять. А царевна въ это время ужъ замужъ вышла. Кошка сказала, что собака будетъ во дворцѣ ко всѣмъ ласкаться и радостно лаять, а кошка въ свою очередь будетъ царевнѣ прислуживать. Если царевна скажетъ служанкамъ подать ей ковшъ,—кошка бросится и подастъ ковшъ впередъ всѣхъ; если царевна попроситъ полотенце, кошка и полотенце подастъ раньше другихъ. Пришли во дворецъ и стали дѣлать, какъ рѣшили: собака ласкалась, а кошка прислуживалась и раньше другихъ подала царевнѣ и ковшъ и полотенце. Царевнѣ кошка понравилась, она ласкала и кормила ее. Послѣ этого кошка стала проситься въ подполье мышей ловить. Царевна приказала впустить кошку въ подполье. Скоро кошка поймала мышь и сказала: „я тебя, мышка, отпущу на волю, только ты сослужи мнѣ службу. Иди къ царевнѣ и хвостомъ пощекотай у ней въ носу, царевна чихнетъ, у ней изъ ротуй выпадетъ колечко—ты схвати его и неси мнѣ“. Царевна берегла колечко, днемъ носила на рукѣ, а ночью

держала во рту. Мышка такъ и сдѣлала. Когда кошка получила колечко, она выскочила изъ подполья и стала проситься на улицу. Царевна похвалила кошку и приказала ее выпустить. Кошка съ собакой побѣжали къ Ивану Дураку. На дорогѣ опять имъ встрѣтилось море. На берегу кошка съ собакой заспорили: собака требовала колечко себѣ, кошка не отдавала. Собака говорила, что если кошка не отдастъ, то она ей не будетъ помогать переплывать черезъ море. Такъ онѣ спорили и уронили кольцо въ море. Когда стали переплывать, то кошка устала и стала просить собаку помочь ей. Собака опять помогла кошкѣ переплыть. Змѣя отъ нихъ тоже не отстаетъ. На этомъ берегу кошка поймала рака въ водѣ и сказала, что она его отпуститъ живымъ, если онъ найдетъ и принесетъ ей кольцо. А въ этомъ морѣ жилъ хромой ракъ и что не терялось въ морѣ, всё находилось у этого хромаго рака. Такъ и теперь ракъ отправился къ хромому. Колечко нашлось у него. Кошка получила кольцо и вмѣстѣ съ собакой и змѣей побѣжали къ Ивану Дураку и подали ему кольцо въ окошечко. Иванъ передѣлъ съ руки на руку, явилось двѣнадцать молодцовъ, Иванъ приказалъ имъ разобрать каменный столбъ и черезъ минуту столба не стало — разбросали. Потомъ Иванъ приказалъ подать себѣ всякихъ кушаньевъ и винъ. Молодцы подали всего, но Иванъ не сталъ ѣсть, а пошелъ къ царю спрашивать, за что онъ его, Ивана, такъ наказалъ. Царь испугался, палъ въ ноги къ Ивану и сталъ просить у него прощенья. Иванъ сказалъ: „я тебѣ дочь доставлю живую съ новымъ мужемъ на постели“. Передѣлъ съ руку на руку кольцо, явились молодцы, и черезъ минуту царевна съ мужемъ на постели были передъ царемъ и Иваномъ. Царь взялъ саблю и съ одного разу отсѣкъ обоимъ головы. А Иванъ сталъ жить да поживать, и теперь живетъ.

Г. Курганъ. 1891 г.

302. Сказка про Ивана Дурака.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жили-были дуракъ съ матерью. Дураку захотѣлось жениться. Онъ говоритъ: „мать, жени меня“. Она говоритъ: „гдѣ деньги то?“ — „А большу корову за рога“! Мать сказала: „веди, продавай“. Иванъ поймалъ корову. Ведетъ мимо попова двора. Собака выскочила: „тяфъ, тяфъ!“ Дуракъ подумалъ, что собака говоритъ: „продай корову“, и говоритъ: „купи“. Собака опять: „тяфъ, тяфъ!“ Дуракъ подумалъ, что собака спрашиваетъ: „много ли возьмешь?“ и сказалъ: „двадцать пять рублей“. Собака на это: „тяфъ, тяфъ“,—а дуракъ подумалъ, что она говоритъ: „недѣльку подожди деньги“, отпустилъ корову на дворъ — самъ пошелъ домой.

Дома мать спрашиваетъ: „что, продалъ корову?“ — Онъ говоритъ: „продалъ“.—„За сколько?“—„За 25 рублей“.—„Деньги гдѣ“ — Иванъ отвѣчалъ: „недѣльку велѣла подождать“. Мать разсмѣялась и ничего ему не сказала.

Черезъ недѣлю дуракъ пошелъ къ собакѣ. Собака выскочила: „тяфъ, тяфъ“ Дуракъ говоритъ: „я и такъ ужъ недѣлю ждалъ“ (онъ думалъ, что собака просила подождать), взялъ колъ и сталъ за собакой бѣгать. Собака убѣжала въ лѣсъ на болото и сѣла на кочку. Дуракъ ее убилъ тутъ коломъ и увидалъ, что подъ кочкой стоитъ котелъ съ золотомъ. Дуракъ отсчиталъ себѣ двадцать пять рублей и пошелъ домой. Дорогой ему попался навстрѣчу дядя и спросилъ: „куда, дуракъ, ходилъ“. Дуракъ отвѣчалъ: „къ собакѣ за деньгами, у ней полонъ котелъ денегъ,“ и показалъ дядѣ, гдѣ стоитъ этотъ котелъ, а самъ ушелъ домой.

Мать спрашиваетъ: „что, принесъ деньги?“ — „Принесъ, да она какая скупая: недѣлю не отдавала, а у ней полный котелъ денегъ, я показалъ дядѣ.“—„Ахъ ты, дуракъ, говоритъ мать, на мѣшокъ и иди скорѣе за деньгами“. Дуракъ пришелъ въ лѣсъ, а дядя сидитъ надъ котломъ выгребаетъ деньги. Дуракъ тѣмъ же коломъ убилъ и дядю, самъ нагребъ цѣлый мѣшокъ денегъ и пошелъ домой. Мать

спрашиваетъ: „что, не выгребъ дядя деньги?“—„Я его убилъ“, говоритъ дуракъ. — „Ахъ ты, дуракъ! говоритъ мать: на мѣшокъ, неси его“. Дуракъ принесъ дядю въ мѣшкѣ, а мать спрятала его на вышку, а потомъ кратче отъ дурака, положила въ мѣшокъ козла, а дядю закопала въ землю.

Сыновья дяди стали спрашивать у дурака: „не видалъ ли нашего отца?“ — „Я его убилъ“, говоритъ дуракъ. „Дуракъ, дакъ дурацкое и говоритъ“, сказали сыновья дяди. На другой день они опять спросили у дурака: „не видалъ ли нашего отца“? Дуракъ говоритъ: „я вамъ сказалъ, что я его убилъ“. Братья говорятъ: „покажи, гдѣ онъ?“ Дуракъ сказалъ: „а вотъ пойдемте: я покажу, онъ на вышкѣ лежитъ“. Братья пришли въ домъ, и дуракъ велитъ имъ лезти на вышку. „Лѣзь самъ“, говорили братья. Дуракъ полѣзъ и сталъ спрашивать примѣты ихъ отца: „у вашего отца была борода“?—„Была,“ говорятъ братья.—„Сизенькая, что ли“, спрашиваетъ дуракъ. „Да, сизенькая“, отвѣчали братья. „У вашего отца были рога?“ спрашивалъ Иванъ. „Дуракъ, дакъ дурацкое и говоритъ“, сказали братья. „У вашего отца четыре ноги было, что-ли?“ спрашивалъ дальше дуракъ. Старшій братъ сказалъ: „пойдемъ-те, братья.“ Дуракъ разсердился и бросилъ въ ихъ козла. Братья испугались и убѣжали со страха.

Г. Курганъ. 1891.

---

303. [Птица-помощникъ].

Сказка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У этого царя было четыре сына. Сыновья любили каждый день на охоту ходить. Одинъ разъ младшій сынъ нашелъ птицу, изъ гнѣзда выкатилась; онъ взялъ ее домой и привязалъ на двѣнадцать цѣпей и заперъ на двѣнадцать замковъ. Каждый день онъ давалъ птицѣ пудовку овса и ведро воды.

Разъ братья ушли на охоту. Царь говоритъ царицѣ: „что наши сыновья? они только и знаютъ, что на охоту

ходить, раздѣлимъ имъ половину царства". Царица сказала: „давай, зарядимъ каждому по пулѣ, велимъ выстрѣлить и заставимъ найти эти пули; если они не найдутъ—выгонимъ ихъ и заставимъ свиней пасти". Зарядили пули и на другой день послали выстрѣлить ихъ. Три сына выстрѣлили въ боръ, а младшій выстрѣлилъ въ домъ, и думаетъ: „бѣда мнѣ будетъ: кого-нибудь я застрѣлилъ". Три брата пошли искать свои пули; а младшій вернулся домой. Насыпалъ пудовку овса, ведро воды, подалъ птицѣ. Птица увидѣла, что онъ тоскливый, и спрашиваетъ: „почто ты такой тоскливый?" Онъ сказалъ: „какъ мнѣ не быть тоскливымъ",—и разсказалъ ей, какъ онъ стрѣлялъ съ братьями. Птица сказала ему: „не тоскуй, отпусти только меня на волю, я тебѣ пулю достану: подними только мое правое крыло". Царевичъ поднялъ крыло и, увидѣвши пулю, положилъ ее въ карманъ. Птица сказала ему: „ты не бери половину царства, а попроси тройку коней буйныхъ, вѣрнаго кучера да билетъ, чтобы по всему свѣту ѣздить, а когда будешь уѣзжать—меня отпусти".

Когда всѣ сыновья собрались, царь спросилъ перваго, втораго, третьяго сына, нашелъ-ли онъ пулю? Каждый сказалъ: „нѣтъ". Спросилъ младшаго, тотъ сказалъ, что нашелъ, и вынулъ пулю изъ кармана. Царь сказалъ: „тебѣ половина царства". Но младшій сынъ отказался отъ половины царства и попросилъ только себѣ тройку коней буйныхъ, вѣрнаго кучера да билетъ на всѣ четыре стороны, а полцарства велѣлъ отдать своимъ братьямъ.

Послѣ этого царскій сынъ отпустилъ птицу, она поднялась подъ небеса, а самъ сѣлъ на тройку и поѣхалъ. Ѣхалъ онъ долго, дорогой не было ни города, ни деревни, и захотѣлось ему сильно пить. Но вотъ они увидѣли колодецъ, царевичъ велѣлъ кучеру подъѣхать къ колодцу, развозжать коней. Кучеръ возжами обмотался около себя, а царевичъ спустилъ его въ колодецъ. Кучеръ напился и сказалъ: „вытаскивай". Послѣ этого обмотался возжами царя сынъ, кучеръ спустилъ его въ колодецъ. Царевичъ напился и говоритъ: „вытаскивай". Кучеръ говоритъ: „я тебя не вытащу, если ты не отдашь мнѣ свою одежду и билетъ". Царевичъ согласился отдать. Кучеръ вытащилъ его изъ колодца. Царя сынъ снялъ свою одежду, кучеръ свою, пере-

одѣлись; царскій сынъ сѣлъ на ко́зла, а кучеръ въ повозку, и поѣхали.

Ѣхали, ѣхали и остановились на лугу, около того городка, въ которомъ жилъ царь. Выпрягли коней. Царь съ балкона увидѣлъ, что на лугу какіе-то люди маленькіе, и послалъ двухъ богатырей, чтобы привести ихъ къ себѣ. Богатыри привезли къ царю этихъ людей, и царь сталъ спрашивать: кто они такіе. Тотъ, что былъ кучеромъ, подалъ билетъ, царь прочиталъ билетъ и позвалъ его къ себѣ, а царскій сынъ пошелъ выпрягать лошадей, а потомъ въ кухню къ кучерамъ.

Въ этотъ день у царя была дочь именинница, и по этому случаю былъ пиръ. Царская дочь увидѣла кучера (царевича), онъ былъ красивый, и влюбилась въ него. Она пошла на кухню вино подавать, всѣмъ подала и дошла до царевича, налила, онъ выпилъ. Царевна сѣла и стала съ нимъ говорить. Это замѣтилъ бывшій кучеръ, догадался, что царевна влюбилась въ царевича, пришелъ и сказалъ ему: „ты какъ смѣешь разговаривать съ такими особами“, и послалъ его въ тюрьму. Царевна стала каждый день хлѣбъ носить царевичу.

Однажды къ часовому прилетѣла птица и сказала: „пусти меня къ царевичу“. Часовой отказывалъ и говорилъ, что этого никакъ невозможно сдѣлать. Тогда птица сказала: „я однимъ крыломъ все царство разобью, а другимъ за́мокъ унесу“. Часовой впустилъ птицу къ царевичу. Птица стала уговаривать царевича, чтобы онъ не тосковалъ, и велѣла ему выдернуть изъ своего праваго крыла перо. Царевичъ выдернулъ перо, которое въ его рукахъ превратилось въ зеркало. И какъ только царевичъ взглянетъ въ это зеркало, сейчасъ разсмѣется и весело ему станетъ. Птица послѣ этого улетѣла.

На другой день пришла царевна. Она замѣтила перемѣну въ царевичѣ, замѣтила и зеркало, какого не было даже въ царскихъ палатахъ, и стала спрашивать часового, откуда у царевича такое зеркало. Часовой все разсказалъ.

Скоро опять прилетѣла птица и стала просить часового, чтобы онъ отпустилъ съ ней царевица на три часа. Но часовой не соглашался; тогда птица опять сказала, что если онъ не отпуститъ царевича, то она однимъ крыломъ царство разобьетъ, а на другомъ — тюрьму унесетъ. Часовой согласился. Птица посадила царевича на себя и понесла.

Принесла она его къ избушкѣ, которая была сдѣлана изъ одного камня. Въ этой избушкѣ стояли боченки съ виномъ. Птица налила изъ одного боченка и подала царевичу, тотъ выпилъ, а птица спросила: „какъ онъ себя чувствуетъ?“ Царевичъ сказалъ, что теперь ему веселѣе. „Не такъ ты мнѣ говоришь“, сказала птица и подала ему вина изъ другаго боченка, а сама спросила, какъ онъ себя чувствуетъ. Царевичъ сказалъ, что теперь ему еще веселѣе. Но птицѣ и этотъ отвѣтъ не понравился и она сказала: „все не то мнѣ говоришь“, и дала ему выпить изъ третьяго боченка. Царевичъ выпилъ и сказалъ, что онъ теперь чувствуетъ въ себѣ силу. Птица велѣла ему дунуть. Царевичъ дунулъ, и избушка изъ камня, какъ перышко, полетѣла на воздухъ. Тогда птица дала царевичу выпить изъ четвертаго боченка, царевичъ выпилъ, и сила оттого въ немъ поубавилась. Послѣ этого птица посадила его на себя и понесла. Дорогой она сказала: „впередъ несла какъ ворону, а теперь тяжело“. Принесла къ тюрьмѣ, навѣки съ нимъ распрощалась и улетѣла. Царевичъ вошелъ, и полы всѣ проломились, стѣны сломались, и окна повыпадали. Въ это время къ царству подступили двѣнадцать богатырей. (А царская дочь приходила въ тюрьму къ царевичу и отъ часового опять узнала, что онъ леталъ съ птицей на три часа и сдѣлался сильнымъ богатыремъ). Царская дочь сказала, что въ тюрьмѣ сидитъ богатырь. Тогда царь запрегъ коляску и отправился къ царевичу въ темницу. Когда онъ пришелъ, царевичъ сказалъ ему: „не подходи близко“, а самъ отвернулся и вздохнулъ въ сторону отъ царя. Послѣ этого царь уговорилъ его идти воевать съ богатырями. Царевичъ согласился. Ему дали конька-горбунка, онъ сѣлъ и поѣхалъ противъ 12 богатырей. Богатыри дунули и засыпали царевича каменьями. Но когда царевичъ дунулъ, то всѣ богатыри упали съ коней, ихъ засыпало каменьями, такъ что они съ земли встать не могли. Царевичъ пріѣхалъ, отрубилъ у всѣхъ головы, отсѣкъ языки и обвязалъ ихъ вокругъ себя. Потомъ пріѣхалъ къ царю во дворъ, а языки разбросалъ по двору.

Г. Курганъ, 1891 г.

304. Запечный Искръ.

Жилъ-былъ царь. Ему захотѣлось достать отъ солнца и отъ мѣсяца ключи. Для этого онъ сдѣлалъ обѣдъ и созвалъ на обѣдъ народъ со всего своего царства. Когда всѣ собрались, царь сталъ спрашивать: „не найдется-ли кто достать отъ солнца и мѣсяца ключи. Кто достанетъ ключи, за того отдадутъ царскую дочь". Но никто не вызывался достать тѣ ключи. У царя жилъ дворникъ, по прозванію Запечный Искръ, онъ сказалъ царю: „я достану ключи". Но царь ему не повѣрилъ и, спустя нѣкоторое время, опять сдѣлалъ обѣдъ, но и на этомъ обѣдѣ вызвался только Запечный Искръ. Послѣ этого царь въ третій разъ звалъ къ себѣ на обѣдъ со всего царства и предлагалъ достать ключи, но и въ третій разъ вызвался одинъ Запечный Искръ. Тогда царь сталъ посылать Запечнаго Искра за ключами къ солнцу и мѣсяцу. Искръ пошелъ на конюшню выбирать себѣ коня, но на какого коня руку не наложитъ, тотъ и къ землѣ припадетъ. Тогда Искръ пошелъ и купилъ себѣ своробливаго жеребенка и привелъ къ царю. Царь удивился и сказалъ ему: „кого это ты купилъ? Добрые кони не подходили, а на этомъ куда ты уѣдешь?" Запечный Искръ сказалъ: „его нужно отпустить на зеленые луга на три года, и изъ него выйдетъ хорошій конь", и отпустилъ жеребенка.

Черезъ три года Запечный Искръ поймалъ и привелъ къ царю. Царь увидалъ коня и говоритъ: „такихъ хорошихъ коней я еще никогда не видалъ", и отпустилъ Искра за ключами.

Запечный Искръ выбралъ себѣ двухъ помощниковъ, одного назвалъ младшимъ братомъ, другого среднимъ, а себя старшимъ, и поѣхали.

Ѣхали, ѣхали и пріѣхали къ одной избушкѣ около рѣчки. Привязали своихъ коней къ столбу, а сами пошли въ избу. Когда наступила ночь, то Запечный Искръ послалъ младшаго брата караулить коней, а самъ съ среднимъ братомъ остался въ избушкѣ. Младшій братъ на караулѣ заснулъ. Ночью Запечный Искръ вышелъ изъ избушки и увидѣлъ,

что младшій братъ спитъ. Тогда онъ самъ залѣзъ подъ мостъ и сталъ караулить коней. Вдругъ въ полночь прилетаетъ змѣй о трехъ головахъ и говоритъ: „что ты, злое мясо, спотыкаешься? нѣтъ здѣсь противника, есть одинъ на свѣтѣ Запечный Искръ, но того воронъ кости не занесетъ сюда". А Запечный Искръ выходитъ изъ-подъ мосту и говоритъ: „какъ воронъ кости не занесетъ—добрый молодецъ самъ придетъ". Змѣй спрашиваетъ: „зачѣмъ пришелъ—биться или мириться?" — „Не затѣмъ добрый молодецъ идетъ, чтобы мириться, а затѣмъ, чтобы биться", отвѣчалъ Запечный Искръ. „Ну, говоритъ Змѣй, дѣлай гумнёшко". — „Нѣтъ, ты дѣлай — у тебя три головы". — Змѣй дунулъ и сдѣлалъ гумнёшко на тридцать верстъ. Тогда Искръ съ Змѣемъ разъѣхались и съѣхались и ударились. Запечный Искръ ссѣкъ у Змѣя двѣ головы сразу, придавилъ ногой и спрашиваетъ: „гдѣ отъ солнца, отъ мѣсяца ключи?"—Змѣй сказалъ: „я не знаю, старшій братъ знаетъ". Искръ отрубилъ змѣю послѣднюю голову и бросилъ головы подъ мостъ, а самъ пошелъ къ избушкѣ и разбудилъ младшаго брата.

На другую ночь онъ посылаетъ средняго брата караулить коней. Тотъ также уснулъ. Запечный Искръ ночью вышелъ и замѣтилъ, что средній братъ спитъ, и сѣлъ подъ мостъ. Вдругъ прилетаетъ шестиглавый Змѣй и говоритъ: „что ты, злое мясо, спотыкаешься? Нѣтъ здѣсь противника, есть одинъ Запечный Искръ, но и того воронъ кости не занесетъ сюда". — „Какъ воронъ кости не занесетъ? Молодецъ самъ придетъ". Змѣй спрашиваетъ: „зачѣмъ пришелъ — биться или мириться?"— „Не затѣмъ добрый молодецъ идетъ, чтобы мириться, а затѣмъ чтобы биться", говоритъ Запечный Искръ. Змѣй говоритъ: „дѣлай гумнёшко".— „Нѣтъ, проклятый идолище, ты дѣлай — у тебя больше головъ". Змѣй дунулъ и сдѣлалъ гумнёшко на 60 верстъ. Они разъѣхались и ударились: Запечный Искръ сшибъ у змѣя пять головъ, приступилъ ногой и сталъ спрашивать: „гдѣ ключи отъ солнца и отъ мѣсяца?" Змѣй отвѣчалъ: „я знаю, да не вовсе, мой старшій братъ лучше знаетъ". Послѣ этого, Запечный Искръ отрубилъ и послѣднюю голову и головы сбросилъ подъ мостъ, разбудилъ средняго брата и не велѣлъ спать, а самъ пошелъ въ избу.

Наступила третья ночь. Пришла очередь идти на караулъ самому Запечному Искру. Онъ взялъ ножъ и воткнулъ въ стѣну, подъ нимъ на полъ поставилъ чашку, а младшимъ братьямъ сказалъ: „сегодня вы не спите, вотъ вамъ карты— сидите и играйте, какъ изъ ножа въ чашку капнетъ кровь, вы отвязывайте моего коня и отпустите его“. Только Запечный Искръ ушелъ и сѣлъ подъ мостъ, его братья заснули.

Въ полночь прилетаетъ двѣнадцатиглавый Змѣй и говоритъ: „что ты, злое мясо, спотыкаешься? нѣтъ тебѣ здѣсь противника, есть одинъ Запечный Искръ, но и того воронъ кости не занесетъ сюда“. Искръ вышелъ изъ-подъ мосту и говоритъ: „какъ воронъ кости не занесетъ, добрый молодецъ самъ придетъ“. Змѣй спрашиваетъ: „зачѣмъ сюда пришелъ — биться или мириться?“ — „Не затѣмъ добрый молодецъ идетъ, чтобы мириться, а затѣмъ чтобы биться“. Послѣ этого Змѣй взялъ въ ротъ воды, дунулъ и сдѣлалъ золотое гумёнышко на 100 верстъ. Разъѣхались и ударились. Искръ ударилъ и ни одной головы не сшибъ. Змѣй ударилъ, Запечный Искръ до колѣнъ въ землю ушелъ и говоритъ: „цари-короли дерутся, и тѣ отдыхъ даютъ“. Змѣй сказалъ: „отдыхай“. А между тѣмъ въ избушкѣ полная чашка крови накапала, братья все спятъ. Во второй разъ разъѣхались и ударились. Запечный Искръ ни одной головы не ссѣкъ, а Змѣй какъ ударилъ, Искръ до пояса въ землю ушелъ и говоритъ: „цари-короли дерутся и то отдыхъ даютъ“. Змѣй говоритъ: „отдыхай“. Запечный Искръ взялъ и бросилъ въ избушку, но братья не слыхали. А кровь изъ чашки черезъ край ужъ бѣжала. Въ третій разъ Искръ съ Змѣемъ разъѣхались и ударились. Искръ и въ третій разъ ни одной головы не сшибъ, а какъ ударилъ Змѣй, онъ по горло въ землю ушелъ и опять говоритъ: „цари-короли дерутся, и тѣ отдыхъ даютъ“. Когда отдыхали, Искръ снялъ сапогъ и бросилъ въ избушку: половина избушки слетѣла. Братья проснулись и увидѣли, что кровь черезъ край побѣжала, бросились къ коню, а конь бьется, по колѣно въ землю ушелъ. Когда коня отпустили, онъ бросился на змѣя, всего истопталъ, оставилъ еле-живаго. Тогда Запечный Искръ сталъ Змѣя спрашивать, гдѣ ключи отъ солнца, отъ мѣсяца.\ Змѣй сказалъ, что эти ключи у

его матери, Бабы-Яги, подъ переднимъ угломъ избушки. Послѣ этого Змѣя убили, и всѣ три брата отправились въ дорогу, къ Бабѣ-Ягѣ. Когда подъѣхали къ избушкѣ, Запечный Искръ послалъ поднимать уголъ младшаго брата, но тотъ поднималъ, поднималъ — ничего не могъ сдѣлать. Послѣ пошелъ средній братъ, но и тотъ не могъ поднять уголъ избушки. Наконецъ, пошелъ самъ Запечный Искръ, поднялъ уголъ избушки и взялъ ключи отъ солнца, отъ мѣсяца.

Баба-Яга была дома. У ней была бѣлая кошка. Запечный Искръ эту кошку убилъ, а самъ сдѣлался бѣлой кошкой, сѣлъ Бабѣ-Ягѣ на колѣни и сталъ ей разсказывать, что трехъ ея сыновей убилъ Запечный Искръ. Старуха позвала троихъ невѣстокъ и сказала имъ, что ихъ мужей убилъ Запечный Искръ. Младшая невѣстка сказала, что она на дорогѣ сдѣлаетъ садъ, въ которомъ будутъ рости яблоки. Баба-Яга сказала: „этимъ ты его не поймаешь“. Средняя невѣстка сказала: „я сдѣлаю на дорогѣ колодецъ, онъ будетъ пить и умретъ“. Старшая сказала: „я на дорогѣ поставлю кровать, онъ ляжетъ отдыхать и не встанетъ“.—„Нѣтъ, сказала Баба Яга, этимъ вы его не поймаете, а я его вотъ какъ поймаю: выйду на дорогу, раскрою ротъ — одна губа по землѣ, другая губа по поднебесью,— тогда онъ отъ меня не уйдетъ“. Запечный Искръ выслушалъ это и скорѣе бросился къ своимъ братьямъ, отдалъ имъ ключи и послалъ ихъ ѣхать къ царю, а самъ отправился другою дорогою.

Вдругъ видитъ онъ Бабу Ягу, идетъ она—одна губа по землѣ, другая губа по поднебесью. Запечный Искръ подскакалъ къ стогу сѣна, схватилъ его и бросилъ въ ротъ Бабѣ-Ягѣ. Пока та жевала, Искръ отскакалъ отъ нея. Но вотъ Баба-Яга снова его нагоняетъ. Запечный Искръ схватилъ полѣнницу дровъ и бросилъ въ ротъ Бабѣ-Ягѣ. Пока она проглатывала да выбрасывала изо рту дрова, Искръ подскакалъ къ кузницѣ, въ которой было 12 кузнецовъ, и сказалъ: „кузнецы, спасите меня отъ Бабы-Яги“. Кузнецы заперли Искра въ кузницѣ, потомъ накалили 12 щипцовъ. Прилетѣла Баба-Яга, сглотила коня и стала требовать отъ кузнецовъ Запечнаго Искра. Кузнецы сказали: „пролижи языкомъ дверь, тогда мы тебѣ выдадимъ Искра“. Баба-Яга

стала лизать, и дверей скоро не стало. Тогда кузнецы схватили ее за языкъ двѣнадцатью раскаленными щипцами, а Запечному Искру дали молотъ и заставили имъ бить Бабу-Ягу по языку, а сами стали приговаривать: „будь кобылицей“. Черезъ нѣкоторое время Баба-Яга обратилась въ кобылицу. Кузнецы посадили на нее Запечнаго Искра и велѣли ему проѣхать кругомъ кузницы. Искръ проѣхалъ. Кузнецы сказали: „нѣтъ, она еще не настоящая кобылица, въ ней дурь есть“, и снова стали держать ее за языкъ раскаленными щипцами, а Искра заставили по языку молотомъ бить, причемъ приговаривали: „будь кобылицей“. Били, били и заставили опять Искра проѣхать на кобылицѣ кругомъ кузницы. На этотъ разъ ужъ остались довольны и отправили Искра Запечнаго въ дорогу на этой кобылицѣ.

Запечный Искръ пріѣхалъ въ землю какого-то короля и увидѣлъ прекрасный садъ, въ которомъ росли яблоки. Искръ взялъ одно яблоко, но его схватили и привели къ королю. Король заставилъ Искра достать ему Елену Прекрасную.

Запечный Искръ пошелъ пѣшкомъ. Дорогой изъ-за куста выскочилъ мальчикъ въ синей рубахѣ, бѣлыхъ штанахъ и сказалъ Искру: „возьми меня съ собой“. — „На что я тебя возьму?“ сказалъ Искръ. Мальчикъ сказалъ: „тебя царь пошлетъ въ баню, въ которой будетъ сожжено двѣнадцать сажень дровъ и пошлетъ тебя въ эту баню; если не пойдешь, онъ тебя сказнитъ, а пойдешь одинъ, такъ сгоришь, а если со мной пойдешь, то тебѣ даже холодно будетъ“. Запечный Искръ взялъ этого мальчика съ собой. Дорогой изъ куста выскочилъ опять мальчикъ и сказалъ: „возьми меня съ собой“. Запечный Искръ спросилъ: „зачѣмъ мнѣ тебя брать?“ Мальчикъ сказалъ ему, что когда онъ придетъ изъ бани, то царь зажаритъ двѣнадцать быковъ и велитъ ему все съѣсть, а если не съѣстъ, то сказнитъ“. Запечный Искръ и этого мальчика взялъ съ собой. Дальше выскочилъ третій мальчикъ и напросился идти съ Запечнымъ Искромъ для того, чтобы показать ему, въ какой изъ двѣнадцати комнатъ живетъ Елена Прекрасная. Надъ этой комнатой мальчикъ хотѣлъ обернуться въ голубя, сидѣть надъ ней и ворковать. Послѣ

этого къ Запечному Искру сталъ проситься четвертый мальчикъ для того, чтобы показать Искру, которая изъ двѣнадцати похожихъ одна на другую дѣвицъ Елена Прекрасная. Мальчикъ хотѣлъ обернуться мухой и летать около Елены Прекрасной. Послѣ этого изъ-за куста еще выскочилъ мальчикъ, который просилъ Искра и его взять съ собой для того, чтобы построить по приказанію короля двѣнадцать кораблей для имѣнья Елены Прекрасной. Вмѣстѣ съ этими пятью мальчиками Запечный Искръ и явился къ Царю.

Царь приказалъ натопить жарко баню, было сожжено 12 саженъ дровъ, такъ что за 100 саженъ отъ нея нельзя было стоять. Искръ пошелъ въ баню съ первымъ мальчикомъ и вернулся оттуда цѣлъ и невредимъ. Царь удивился и сталъ угощать 12 жареными быками. Сначала всѣ шестеро ѣли, но пятеро скоро наѣлись, остальное доѣлъ второй мальчикъ и послѣ обѣда еще сказалъ царю: „какое это угощенье — голодокъ только заманили“. Затѣмъ царь предложилъ Искру указать комнату, въ которой живетъ Елена Прекрасная. Третій мальчикъ обернулся въ голубя и заворковалъ надъ одной изъ двѣнадцати комнатъ. Искръ указалъ на комнату Елены Прекрасной. Царь удивился, послѣ чего приказалъ изъ двѣнадцати похожихъ одна на другую дѣвицъ указать Елену Прекрасную. Четвертый мальчикъ оборотился въ муху и сталъ летать около лица Елены Прекрасной. Она вынула платокъ и стала обмахиваться. Искръ опять показалъ безошибочно. Послѣ этого царь приказалъ ему въ одну ночь построить двѣнадцать кораблей. Пятый мальчикъ корабельщикъ приготовилъ 12 кораблей.

Послѣ этого Запечный Искръ посадилъ на двѣнадцать кораблей съ Еленой Прекрасной пять мальчиковъ и отправилъ ихъ къ королю, а самъ пошелъ пѣшкомъ и сказалъ: „если я буду нуженъ, вы только вспомните меня“.

Дорогой Елена Прекрасная вышла погулять на кораблѣ и въ это время упала, ударилась о корабль, превратилась въ ласточку и улетѣла. Находившіеся на кораблѣ вспомнили о Запечномъ Искрѣ, и тотъ передъ ними явился: „что такое случилось?“ Корабельщики объяснили. Запечный Искръ ударился о корабль, сдѣлался орломъ и полетѣлъ.

Скоро онъ поймалъ ласточку, ударилъ ее о корабль, и снова стала Елена Прекрасная. Послѣ этого Искръ заказалъ, чтобы Елену Прекрасную изъ комнатъ наверхъ не пускали, и удалился. Но скоро Елена Прекрасная опять выпросилась наверхъ, ударилась о корабль и обратилась въ звѣздочку, а потомъ поднялась подъ небеса. Корабельщики опять вспомнили Искра. Искръ скоро явился и, когда узналъ, что Елена Прекрасная скрылась, вырубилъ талинку и сдѣлалъ изъ комелька стрѣлу, пустилъ ее вверхъ, но стрѣла до звѣзды не долетѣла. Потомъ онъ взялъ и сдѣлалъ изъ средней части талинки стрѣлу—стрѣла чуть-чуть не долетѣла до звѣздочки. Наконецъ Искръ сдѣлалъ стрѣлу изъ вершинки и пустилъ. Стрѣла попала прямо въ звѣздочку, звѣздочка упала на корабль и стала опять Еленой Прекрасной. Запечный Искръ отдалъ Елену Прекрасную королю, а самъ отправился на кобылицѣ въ свое государство. Двое его братьевъ пріѣхали раньше и насказали царю, что они достали ключи, а Запечный Искръ куда-то отъ нихъ уѣхалъ. Царь разсердился и приказалъ казнить Запечнаго Искра. Приготовили висѣлицу. Запечный Искръ сталъ просить, чтобы ему передъ смертью дали посмотрѣть на кобылицу. Кобылицу привели, и Искръ на нее посмотрѣлъ. Передъ тѣмъ какъ класть голову въ петлю, Запечный Искръ сталъ просить, чтобы ему разрѣшили шутку сшутить съ кобылицей. Ему разрѣшили. Искръ взялъ кнутъ и ударилъ имъ кобылицу, та превратилась въ страшную Бабу-ягу, весь народъ испугался и убѣжалъ со двора, остался только царь да Запечный Искръ съ Бабой-ягой. Запечный Искръ разсказалъ царю, какъ онъ досталъ ключи отъ солнца, отъ мѣсяца. Царь повѣрилъ ему, выдалъ за него свою дочь, а двухъ названныхъ младшихъ братьевъ Запечнаго Искра казнилъ.

Г. Курганъ. 1891 г.

305. Иванъ Купеческій сынъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ купецъ съ женой. Жили они вдвоемъ, дѣтей не имѣли. Была у нихъ кобыла, но и у ней дѣтей не было.

Разъ пришелъ къ нимъ нищій старикъ, спросилъ, какъ у нихъ нѣтъ дѣтей, и сказалъ купцу: „ты запряги лошадь и поѣзжай въ городъ на базаръ, купи яблоко: сколько за это яблоко запросятъ, ты столько и заплати“. Купецъ такъ и сдѣлалъ. Пріѣхалъ въ городъ на базаръ и спросилъ яблоко. Съ него запросили сто рублей. Купецъ заплатилъ сто рублей и уѣхалъ домой. Къ яблочному торговцу пришелъ сосѣдъ и спросилъ его: „за сколько ты продалъ яблоко?“ Тотъ сказалъ, что за сто рублей. Сосѣдъ сказалъ: „дешево, ступай догони его“. Торговецъ догналъ купца и говоритъ: „я тебѣ дешево яблоко продалъ, давай еще сто рублей“. Купецъ сказалъ: „лучше разрѣжемъ яблоко пополамъ: тебѣ половина и мнѣ половина“. Разрѣзали яблоко, купецъ взялъ половину и поѣхалъ домой, а яблочный торговецъ пошелъ въ городъ.

Дома купецъ половину яблока разрѣзалъ на двѣ части: одну часть отдалъ женѣ, а другую снесъ кобылѣ.

Черезъ нѣсколько времени жена его принесла сына, а кобыла—жеребца. Новорожденные росли не по годамъ и не по днямъ, а какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ. Черезъ два или три дня сына окрестили и назвали Иваномъ. Дня черезъ три послѣ крещенья отдали въ школу.

Мать Иванова жила со Змѣемъ. Какъ только Иванъ идетъ изъ школы, такъ заходитъ къ своему коню. Змѣю Иванъ не понравился, и онъ сказалъ Ивановой матери: „если ты сгубишь своего сына, то я буду съ тобой жить, а если не сгубишь—не буду“. Зашелъ разъ изъ школы Иванъ, Купеческій сынъ, къ своему коню въ конюшню и видитъ, что его конь стоитъ по колѣнъ въ слезахъ. Иванъ и спросилъ коня: „что же ты, мой конь, призадумался, призапечалился?“ А конь и говоритъ: „вотъ что, Иванъ, Купеческій сынъ, плачу я не о себѣ, а о тебѣ: хочетъ тебя твоя маменька сгубить, и потомъ сказалъ: она дастъ тебѣ пить молока, ты

не пей, а возьми да кошкѣ вылей". Когда Иванъ пришелъ домой, то нашелъ на столѣ приготовленный чай съ молокомъ. Мать приготовила, а сама ушла къ Змѣю. Иванъ не сталъ пить, а выплеснулъ кошкѣ. Кошку на мелкія дребезги разорвало. На другой день Иванъ, Купеческій сынъ, насыпалъ своему коню овса, налилъ воды, а самъ ушелъ въ училище. Вечеромъ изъ школы онъ опять зашелъ къ своему коню и увидѣлъ, что конь стоитъ по брюхо въ слезахъ. Иванъ спросилъ: „что же ты, конь, призадумался, призапечалился?" А конь ему опять и говоритъ: „вотъ что, Иванъ, Купеческій сынъ, плачу я не о себѣ, а по тебѣ: хочетъ тебя твоя мамонька сгубить: она дастъ тебѣ жаркого, ты это жаркое не ѣшь, а вели съѣсть кусочекъ бабѣ, которая пришла къ вамъ". Когда Иванъ пришелъ домой, онъ нашелъ тамъ жаркое и бабу. Иванъ сталъ давать бабѣ кусочекъ жаркого, баба отказывалась и говоритъ: „узнаетъ твоя мать, убьетъ меня". Иванъ говоритъ: „ѣшь, я не скажу". Баба съѣла и ее въ мелкія дребезги разорвало. Пришла мать и говоритъ: „что же ты сдѣлалъ съ бабой". Иванъ сказалъ: „я ничего не сдѣлалъ, я далъ только кусочекъ мяса, она съѣла и ее разорвало". Бабу по частямъ собрали и положили въ уголъ.

На слѣдующій день Иванъ, приготовивши коню овса и воды, ходилъ въ школу. Изъ школы зашелъ въ конюшню. Конь его стоялъ весь въ слезахъ, до головы. Иванъ опять спросилъ коня, почему онъ призадумался, призапечалился? Конь сказалъ: „вотъ что, Иванъ, Купеческій сынъ, плачу я не по тебѣ, а по себѣ: хочетъ меня твоя мамонька сгубить".

Между тѣмъ Иванова мать стала совѣтоваться съ волшебницей, какъ бы ей избыть коня. Волшебница посовѣтовала ей притворно захворать дня за два или за три до пріѣзда мужа. Мужа въ это время дома не было. Когда онъ пріѣхалъ, то нашелъ жену больной. Она сказала ему, что будетъ постоянно хворать, отъ ея болѣзни есть одно только лекарство—поѣсть сердца Иванова коня. Тогда купецъ послалъ за 12-ю разбойниками, чтобы тѣ пришли и убили коня. Тѣ пришли и стали точить 12 ножей, а потомъ вывели коня на дворъ, чтобы зарѣзать. Иванъ, по совѣту своего коня, вышелъ съ отцомъ и матерью на крыльцо и

сталъ просить со слезами, чтобы ему позволили сѣсть на коня и проѣхаться послѣдній разъ. Отецъ позволялъ, мать не позволяла. Иванъ долго и усердно просилъ, и мать наконецъ согласилась. Иванъ осѣдлалъ коня, проѣхалъ разъ, проѣхалъ другой, потомъ конь разбѣжался и перепрыгнулъ трехсаженный заборъ и ускакалъ съ Иваномъ. Разбойники бросились за нимъ, но пока они отворяли двѣнадцать замковъ на воротахъ, Иванъ далеко ускакалъ. Прискакалъ онъ въ лѣсъ къ дубу, снялъ съ коня сѣдло и уздечку, бросилъ ихъ въ дубъ, коня отпустилъ и залѣзъ самъ въ дубъ. Разбойники прискакали, осмотрѣли весь лѣсъ и, никого не нашедши, вернулись къ Иванову отцу.

Какъ только разбойники уѣхали, Иванъ сѣлъ на коня и поѣхалъ дальше. Видитъ онъ—старикъ пасетъ стадо овецъ. Снялъ Иванъ свою одежду и отдалъ старику, а старикову одежду надѣлъ на себя и поѣхалъ дальше. Между тѣмъ мать въ другой разъ послала разбойниковъ догонять Ивана. Тѣ нашли старика—пастуха въ Ивановой одеждѣ, старика убили, одежду привезли къ матери Ивана и сказали, что самого Ивана нигдѣ не нашли.

Когда Иванъ поскакалъ со двора отъ родителей, то сказалъ: „тебѣ, мамонька, черезъ три дня сквозь донное провалиться, а тебѣ, тятенька, всю жизнь овецъ пасти“. Черезъ три дня по отъѣздѣ Ивана такъ и случилось: мать провалилась сквозь донное, а отецъ сдѣлался пастухомъ.

Иванъ отпустилъ своего коня, а самъ пошелъ въ городъ—въ работники наймываться. Его наняли и послали за водой. Онъ взялъ двѣнадцать веревокъ, навязалъ на нихъ двѣнадцать боченковъ, зачерпнулъ и принесъ. Хозяева сказали: „нѣтъ, онъ для этой работы не годенъ“, и послали за дровами. Онъ пошелъ связалъ двѣнадцать полѣницъ и принесъ. „Нѣтъ, сказали хозяева, его нужно отправить къ царю садъ караулить.

Когда Иванъ пришелъ наниматься въ работники, его спрашивали: какъ тебя звать? откуда ты и пр., а онъ на всѣ эти вопросы отвѣчалъ: „не знаю“, оттого его прозвали Незнайкой.

Незнайка пошелъ къ царю садъ караулить. У этого царя было три дочери; двѣ изъ нихъ были замужемъ: одна за девятиглавымъ змѣемъ, а другая за шестиглавымъ,

третья дочь была въ дѣвкахъ. У первыхъ дочерей, кромѣ змѣевъ, были еще другіе мужья.

Однажды замужнія пошли къ своимъ змѣямъ, съ ними пошли и другіе ихъ мужья. Незнайка свистнулъ по соловьиному, крикнулъ по богатырскому, къ нему прибѣжалъ конь. Незнайка влѣзъ въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ и сталъ прежнимъ Иваномъ царевичемъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ поле за царскими дочерями. Нагналъ ихъ и спросилъ: „кто съ ними идетъ?“ Онѣ сказали: „это наши защитники“. Незнайка бросился на нихъ и избилъ ихъ до полу-смерти. А самъ положилъ голову на колѣни къ старшей и сказалъ: „если прилетитъ змѣй, ты уколи меня булавкой“.

Девятиглавый змѣй скоро прилетѣлъ. Старшая дочь уронила слезу на щеку Незнайкѣ, тотъ проснулся. Змѣй сказалъ: „есть закуска да еще и съ прикуской“.—„Врешь, поганое идолище, подавишься“!—„Зачѣмъ пришелъ: биться или мириться“—„Биться!“—„Дуй гумнешко: я въ травѣ не запутаюсь“. Незнайка приготовилъ гумнешко. Потомъ съѣхались и ударились. Незнайка сразу срубилъ 9 головъ у змѣя, туловище изрубилъ на куски и сложилъ подъ камень. На другой день Незнайка такимъ же образомъ справился и съ шестиглавымъ змѣемъ (въ сказкѣ подробно разсказывается только что описанное сраженіе безъ всякихъ измѣненій). На третій день Незнайка опять при такихъ же обстоятельствахъ сталъ драться съ трехглавымъ змѣемъ, который сватался за младшую царскую дочь. Незнайка срубилъ одну голову съ перваго раза — у змѣя ихъ стало шесть, потомъ восемнадцать. Незнайка свистнулъ, прибѣжалъ его конь и растопталъ змѣя. Незнайка, изрубивъ змѣя, и склалъ его подъ тотъ же камень. А когда воротился въ садъ, то заснулъ богатырскимъ сномъ на 12 сутокъ. Король сдѣлалъ пиръ. Незнайку стали искать, но не могли найти. Младшая королевская дочь ходила по саду и увидѣла его. Пришла домой и сказала королю, что Незнайка лежитъ въ саду. Король послалъ будить Незнайку. Слуги будили, будили, подбрасывали вверхъ, но разбудить не могли. Какъ 12 сутокъ прошло, Незнайка самъ всталъ. Младшая дочь увидѣла его сказала отцу: „вонъ Незнайка! Насъ защищали отъ змѣевъ не защитники, а Незнайка,

вонъ на рукѣ его мой платокъ". Этотъ платокъ королевна дала Незнайкѣ для перевязки ранъ послѣ сраженія съ трехглавымъ змѣемъ. Король послѣ этого защитниковъ посадилъ въ темницу, а за Незнайкой послалъ слугъ. Незнайка не хотѣлъ идти въ армякѣ къ королю. Король послалъ ему лучшее платье. Когда Незнайка пришелъ, король велѣлъ запречь тройку лошадей, посадилъ съ собой Незнайку и велѣлъ ѣхать къ тому мѣсту, гдѣ изрублены змѣи. Лошади не могли везти Незнайку; тогда онъ вызвалъ своего коня и поѣхалъ. Поднимать камень король призвалъ защитниковъ, но тѣ и съ мѣста сдвинуть его не могли. Король посадилъ ихъ въ темницу, а за Незнайку отдалъ младшую дочь.

Г. Курганъ. 1891 г.

---

306. [Мертвое тѣло].

Жили были трое братьевъ, двое умныхъ, а третій Иванъ дуракъ. У нихъ была слѣпая мать. Братья занимались звѣроловстомъ, а Иванъ дуракъ зналъ только по печи валяться.

Ушли разъ старшіе братья въ лѣсъ ставить капканы. Дуракъ слѣзъ съ печи и началъ около дверей дома рыть яму. Когда старуха мать пошла на улицу изъ дому, то свалилась въ эту яму и убилась. Вечеромъ пришли съ охоты братья и испугались, когда увидѣли, что мать убита. Они стали посылать дурака схоронить ее. Дуракъ долго отказывался и заставлялъ братьевъ хоронить мать, но наконецъ запрёгъ лошадь, посадилъ въ салазки мать, привязалъ ей къ груди дощечку на подобіе барабана, а въ руки далъ по палочкѣ и поѣхалъ въ лѣсъ.

Дорогой навстрѣчу ему попалась тройка—везли исправника. Кучеръ кричитъ дураку: „сворачивай съ дороги". Дуракъ не хочетъ. Тогда кучеръ ударилъ по лошадямъ, тѣ бросились и опрокинули Ивана вмѣстѣ съ матерью. Тогда Иванъ закричалъ: „вы мать у меня убили". Исправникъ черезъ кучера далъ Ивану сто рублей, велѣлъ какъ нибудь усадить мать и везти дальше. Иванъ такъ и сдѣлалъ.

Черезъ нѣсколько времени Ивану попадается губернаторъ въ повозкѣ. Кучеръ опять кричитъ, чтобы дорогу Иванъ давалъ. Но Иванъ не сворачивалъ. Повозка помчалась и снова выпрокинула Ивана вмѣстѣ съ матерью въ снѣгъ. Иванъ опять закричалъ: „вы мать у меня убили“. Губернаторъ далъ двѣсти рублей и велѣлъ какъ нибудь посадить мать и везти дальше.

Иванъ привезъ въ лѣсъ свою мать, выкопалъ яму, схоронилъ мать, а вернувшись домой, сталъ хвастаться передъ братьями, что мать свою на базарѣ онъ продалъ за триста рублей на мясо.

Тогда братья его тоже захотѣли разбогатѣть. Средній братъ убилъ свою жену, разрубилъ на куски и повезъ продавать. Но его схватили, но отпустили до рѣшенья суда. Онъ сказалъ старшему брату, что выгодно продалъ. Послѣ этого и старшій братъ изрубилъ свою жену и повезъ на базаръ: „купите человѣчьяго мяса“. Его тоже забрали, но отпустили домой до рѣшенья суда. Старшій братъ сталъ упрекать средняго за то, что тотъ его обманулъ. Средній говоритъ, что и его тоже обманули: такъ обоимъ не забѣдно.

Послѣ матери братьямъ досталось каждому по коровѣ. Иванъ дуракъ взялъ свою корову и повелъ въ лѣсъ къ тому мѣсту, гдѣ была схоронена мать. Привелъ и говоритъ: „мать, нужно тебѣ корову?“ — „Нужно, говоритъ мать, привязывай, за деньгами завтра пріѣдешь“. Когда братья узнали, что дуракъ продалъ свою корову, стали просить его, чтобы онъ продалъ и ихнихъ коровъ. Дуракъ свелъ братниныхъ коровъ. Голосъ сказалъ ему, чтобы онъ за деньгами пришелъ черезъ три дня.

Прошло три дня. Иванъ дуракъ поѣхалъ съ коробомъ за деньгами и сталъ просить у матери деньги. Мать сказала ему, чтобы онъ выворотилъ пень и грёбъ оттуда деньги. Иванъ нагребъ цѣлый коробъ и поѣхалъ домой.

Братья послали дурака къ попу за пудовкой — дѣлить золото и при этомъ сказали: „смотри, не сказывай попу, что деньги мѣрять будемъ; говори, что ярицу“. Когда Иванъ принесъ пудовку, братья стали дѣлить золото, а Ивана поставили караулить и сказали ему: „какъ увидишь кого нибудь, кто къ намъ идетъ, ты свисни“. Попа взяло

любопытство — зачѣмъ дуракъ взялъ пудовку. Онъ взялъ да и пошелъ посмотрѣть. Дуракъ какъ только замѣтилъ, что попъ идетъ къ нимъ, выбралъ полѣно и свистнулъ попа, тотъ только и жилъ. Тогда братья завернули попа въ козлиную шкуру и бросили на вышку. Когда смѣрили золото, пудовку послали попадьѣ. Попадья увидѣла, что къ пудовкѣ прильнули золотыя; догадалась, что пудовку брали дѣлить деньги, и пошла къ братьямъ. Тутъ она стала спрашивать, гдѣ попъ. Тѣ было не сказывали, но попадья стала искать, и попа скоро нашли, а братьевъ арестовали и посадили въ тюрьму.

Г. Курганъ. 1891 г.

---

307. Воробей.

Сидѣлъ воробей на воротахъ. Видитъ, идетъ кое-какъ собака и спрашиваетъ: „что же ты, кумушка, плохо идешь“?— „Другой день, куманекъ, не ѣдала“. Воробей сказалъ: „пойдемъ, я тебя накормлю“, и полетѣлъ на базаръ. Сначала онъ полетѣлъ въ мясную лавку, вскочилъ на прилавокъ и бросилъ собакѣ кусокъ мяса. Та съѣла и говоритъ: „надо хлѣба“. Воробей полетѣлъ въ хлѣбную лавку и бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба. Послѣ этого пошли въ молочную лавку, и воробей бросилъ собакѣ кринку молока. Собака вылакала молоко и отправилась вмѣстѣ съ воробьемъ къ воротамъ. Воробей сѣлъ на ворота, собака растянулась передъ воротами.

Ѣдетъ мужикъ на двухъ лошадяхъ и везетъ бочку вина: „собака, убирайся съ дороги, не то задавлю“. Воробей говоритъ: „смѣй только задавить моего друга! У тебя и трубка изо рту вылетитъ“. Мужикъ поѣхалъ и задавилъ собаку. Воробей сѣлъ на кранъ и выдернулъ. Вино выбѣжало. Мужикъ и сказалъ: „охъ ты, эдакой!“ Потомъ воробей на лошадь сѣлъ и сталъ клевать ее. Мужикъ топоръ взялъ и бросилъ въ воробья, но въ воробья промахнулся, а лошадь закололъ. Воробей пересѣлъ на другую и сталъ ее клевать. Мужикъ схвативъ опять топоръ и махнулъ въ воробья, но и другую лошадь убилъ, а воробей остался.

Мужику осталось не на комъ ѣхать и онъ пошелъ пѣш-

комъ. А воробей полетѣлъ и сѣлъ на поле къ мужику—рожь клевать. Мужикъ пришелъ домой, баба и спрашиваетъ его: „купилъ мнѣ платокъ, ребятамъ пряниковъ“.—„Уйди ты отъ меня, Дарья“.

Между тѣмъ прибѣжали ребятишки и сказали: „тятя, у насъ кто-то рожь клюетъ“. Онъ говоритъ: „а, это, поди, опять тотъ злодѣй“. Воробей прилетѣлъ на окно и говоритъ: „этого еще тебѣ мало, ты еще лишишься жизни за то, что моего друга убилъ“.

Воробья поймали. Мужикъ и говоритъ: „то ли колоть, то ли рѣзать, то ли съись, али проглотить“. Ребятишки говорятъ: „проглотить этого вредно“, и стали его колоть. Мужикъ сталъ держать, а баба топоромъ рубить и воробья не зарубила, а отрубила у мужика руку. Воробей улетѣлъ, а мужикъ умеръ.

Г. Курганъ, 1891 г.

---

308. [„Два изъ сумки“].

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Старуха старика заѣла: „ты, старикъ, такой-сякой, только на печи да на палатяхъ лежишь“. Пошелъ старикъ въ лѣсъ и поставилъ плѣницу. Попалъ жаравь, старикъ сталъ его вынимать изъ плѣницы, а жаравь и говоритъ: „отпусти меня, старикъ, я тебѣ службу сослужу“, и далъ жаравь старику сумку: „скажи только: два изъ сумки!“ Старикъ взялъ сумку и сказалъ: „два изъ сумки!“ Выскочили два молодца, разостлали скатерти бранныя, поставили яства сахарныя, потва медьяныя. Старикъ наѣлся и пошелъ домой. Старуха обрадовалась, что старикъ такую скатерть принесъ. Затопила старику баню, а когда тотъ ушелъ въ баню, старуха сказала: „два изъ сумки!“ Выскочили двое и давай старуху драть. Пока старикъ въ банѣ парился, старуху все драли. Пришелъ старикъ и сказалъ: „два изъ сумки“. Старуха стала жаловаться старику, что она натерпѣлась. „Я отъ тебя больше терпѣлъ“, сказалъ ей на это старикъ.

Г. Курганъ, 1891 г.

---

309. Побывальщина: „Чему быть, того не миновать“.

[Марко Богатый].

Жилъ на свѣтѣ въ одномъ городѣ богатый, пребогатый купецъ, а въ сосѣдней деревнѣ жилъ бѣдный крестьянинъ. У купца родилась дочь, а у крестьянина сынъ, въ одну ночь. Въ эту ночь въ той деревнѣ ночевали два странника; когда родился сынъ у крестьянина и дочь у купца, одинъ странникъ (онъ былъ Ангелъ) и спрашиваетъ у другого (Бога): „чѣмъ надѣлить двухъ новорожденныхъ младенцевъ?“ Старшій странникъ говоритъ: „пусть сынъ бѣднаго крестьянина женится на дочери богатаго купца“. Хозяйка того дома, гдѣ ночевали странники, слышала весь разговоръ и думаетъ: „надо идти спросить, правда-ли, что у богатаго купца родилась дочь?“ Пришла въ городъ къ купцу и спрашиваетъ: „кто родился у васъ въ эту ночь?“ Ей сказали, что родилась дочь. Она разсказала о томъ, что слышала отъ странниковъ. Купецъ поѣхалъ въ деревню вмѣстѣ со старухой, попросилъ указать ему ту избу, гдѣ родился мальчикъ. Старуха указала. Онъ вошелъ въ избу: на грязномъ полу сидятъ два маленькихъ мальчика, за столомъ двое побольше ѣдятъ что-то, а въ углу съ матерью лежитъ новорожденный, завернутый въ тряпки. Купецъ подумалъ: „я никогда не позволю, чтобы моя дочь была замужемъ за такимъ бѣднякомъ!“ и задумалъ взять мальчика къ себѣ. Мать была рада отдать мальчика, и купецъ поѣхалъ домой. Дѣло было зимой, онъ бросилъ мальчика въ снѣгъ и, воротясь домой, послалъ и денегъ и хлѣба бѣдному крестьянину. Той дорогой ѣхали приказчики, услышали плачъ ребенка, взяли его и стали вмѣстѣ воспитывать. Съ тѣхъ поръ имъ счастье полилось рѣкою: стали вмѣстѣ ѣздить на ярмарку, набирать товаръ. Когда сынъ у нихъ выросъ, они стали его возить съ собой на ярмарку. Разъ они поѣхали всѣ вмѣстѣ и стали на квартирѣ съ богатымъ купцомъ, который долженъ былъ отдать свою дочь за ихъ сына. Купецъ зналъ ихъ еще приказчиками и завелъ съ ними разговоръ о томъ, какъ они скоро разбогатѣли и стали такими же богатыми, какъ онъ. Купцы раз-

сказали ему, какъ они нашли мальчика, какъ воспитали и какъ теперь счастливо торгуютъ. Купецъ сталъ ихъ просить продать ему этого мальчика, напоилъ ихъ виномъ, и они согласились. Купецъ пріѣхалъ домой съ ярмарки и не знаетъ, чтобы ему сдѣлать съ этимъ молодцомъ, какъ-бы сжить его. Однажды поѣхали они на ярмарку; только отъѣхали они верстъ пять, купецъ и говоритъ приказчику: „ты воротись домой, а я поѣду одинъ". И далъ ему письмо, въ которомъ написалъ: „чтобы до моего пріѣзда непремѣнно въ салотопнѣ сварить приказчика, который принесъ письмо".

Идетъ онъ домой, и попадается ему навстрѣчу старичекъ и спрашиваетъ его: „куда ты идешь, добрый молодецъ?"

Приказчикъ ему разсказалъ, куда идетъ и зачѣмъ. Старичекъ опять и говоритъ: „дай-ко я посмотрю письмо-то", тотъ подалъ. Старикъ повертѣлъ его въ рукахъ и отдалъ назадъ. Приказчикъ приходитъ домой, подаетъ письмо хозяйкѣ, она прочитала письмо, а въ немъ написано: „до моего пріѣзда непремѣнно этого молодца свѣнчать съ моей дочерью". Созвала дочь, дала ей письмо, обѣ удивились. Но мѣшкать было некогда, сыграли свадьбу. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ купецъ. Какъ узналъ отъ жены, что дочь повѣнчали съ приказчикомъ, попросилъ письмо, прочиталъ— и глазамъ не вѣритъ, а самъ же думаетъ: „не быть же моей дочери женой этого негодяя!"

Разъ онъ и говоритъ своему зятю: „сходи сегодня ночью въ салотопню и покарауль, кто-то таскаетъ сало". А самъ напоилъ салотопщиковъ виномъ и сказалъ: „если придетъ сюда человѣкъ караулить сало, то толкайте его прямо въ котелъ, хоть онъ и будетъ кричать: „я хозяинъ, я хозяинъ!" Пришла ночь, и онъ опять повторилъ свое приказаніе зятю, но жена его не отпустила и спрятала. Купецъ пришелъ и спрашиваетъ у дочери про зятя: „ушелъ?" она говоритъ: „ушелъ давно." Вотъ купецъ ждалъ, ждалъ и говоритъ: „пойду самъ, теперь его уже нѣтъ въ живыхъ." Пошелъ, а салотопщики схватили и поволокли въ горячее сало. Онъ кричитъ: „я хозяинъ! я хозяинъ!" Но они не слушаютъ и спустили въ кипящее сало. А дочь его живутъ, поживаютъ и добра наживаютъ.

Г. Курганъ. 1892 г.

310. Чудо-чудное, диво-дивное.

(Сказка).

Жилъ на свѣтѣ купецъ, въ столичномъ городѣ, онъ торговалъ на три лавки и имѣлъ одного сына. Онъ умеръ и оставилъ наслѣдство сыну, и далъ ему завѣщаніе не пить вина и не курить табаку. Однажды сидитъ купеческій сынъ въ лавкѣ, проходитъ мимо его какой-то пьянчужка и горько плачетъ. Купеческій сынъ и спрашиваетъ его: „о чемъ ты плачешь?“ онъ говоритъ: „какъ мнѣ не плакать: хочется опохмѣлиться, да не на что: денегъ нѣтъ“. Купеческій сынъ далъ ему на бутылку. Пьянчужка купилъ вина, думаетъ: „развѣ идти къ купеческому сыну да поподчивать его винцемъ.“ Пришелъ и говоритъ: „выпей со мной рюмочку.“ Купеческій сынъ говоритъ: „нѣтъ, мнѣ отецъ не далъ благословенія пить вино!“ Но пьянчужка уговорилъ его и онъ выпилъ рюмку, потомъ другую и такъ до послѣдней капли выпили бутылку. Потомъ купеческій сынъ еще послалъ за бутылкой и стали они съ пьянчугой пить и пить, пропили всѣ деньги, добрались до товару, и сталъ купеческій сынъ „голъ, какъ соколъ.“ Послѣ этого пьянчужка ему и говоритъ: „теперь, братъ, прощай: я тебѣ не товарищъ!“ Купеческій сынъ пообидился, но дѣлать нечего: пьянчужка пошелъ налѣво, а онъ направо. Идетъ, а самъ думаетъ: „въ городѣ теперь меня знаютъ, какъ горькаго пьяницу, что-же мнѣ дѣлать, пойду, куда глаза глядятъ: авось счастье найду.“ Приходитъ онъ къ озеру, по берегамъ его ракиты, было тепло, и озеро блистало яркими звѣздочками подъ лучами солнца. Онъ спрятался за дерево и сидитъ. Вдругъ прилетаютъ семь селезней, стукнулись о сыру землю и стали красивыми молодцами, раздѣлись и стали купаться въ озерѣ. Только они улетѣли, прилетаютъ семь утокъ, стукнулись о землю и стали красными дѣвицами и стали въ озерѣ купаться. Купеческій сынъ укралъ платье одной дѣвицы и сидитъ. Вотъ они вышли изъ воды, стукнулись о землю и стали утками. Только одна бѣгаетъ да кричитъ: „гдѣ мое платье“. Утки улетѣли, она и говоритъ: „кто взялъ мое платье: если старъ - стари-

чекъ, будь отецъ мнѣ родной, если мужчина среднихъ лѣтъ—мужъ, если младъ человѣкъ—сынъ?“ Купеческій сынъ вышелъ, а дѣвица и говоритъ: „будь моимъ мужемъ“, а сама такая красавица, что не въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! (она была дочь короля, Анастасія прекрасная). Пошли они, она и говоритъ: „веди меня въ городъ, въ которомъ ты жилъ“. Пришли, попросились на квартиру къ тому купцу, которому онъ продалъ домъ. Анастасія прекрасная и говоритъ: „сходи, займи гдѣ нибудь рубль и купи мнѣ шелку и бисеру“. Купеческій сынъ пошелъ, а ему никто не вѣритъ дать рубль, наконецъ одинъ купецъ пожалѣлъ и далъ ему рубль. Купилъ шелку, гарусу и бисеру, идетъ домой. Анастасія прекрасная говоритъ ему: „ложись спать, утро вечера мудренѣе: будутъ и у насъ деньги“. Когда онъ заснулъ, она вышла на крыльцо: свиснула по-молодецки, гайкнула по-богатырски, и прилетѣли къ ней всѣ слуги ея сестеръ, стукнулись о сыру землю и стали дѣвицами. Анастасія прекрасная велѣла принести ей пяльцы и стала вышивать платокъ шелками, серебромъ и золотомъ. Утромъ пробудился купеческій сынъ и говоритъ: „что это, изба-то горитъ что-ли?“ Анастасія прекрасная подала ему платочекъ и говоритъ: „иди, продай его“. Купеческій сынъ пошелъ продавать, а купцы не покупаютъ: думаютъ, что онъ его укралъ. Онъ пошелъ дальше и продалъ его за сто рублей губернатору. Заплатилъ долгъ, опять купилъ шелку и бисеру, Анастасія прекрасная такимъ-же образомъ вышила два платка, и купеческій сынъ продалъ ихъ царю. Царь его полюбилъ и сказалъ: „ты будешь брать безъ денегъ у купцовъ все, что тебѣ надо“. Когда купеческій сынъ сталъ брать у купцовъ товаромъ и деньгами, они разсердились и донесли царю, что онъ хвастался приготовить ковры въ царскія палаты въ одну ночь. Царь созвалъ купеческаго сына и говоритъ: „ты, братецъ, хвастался приготовить ковры, такъ приготовь“. Купеческій сынъ сталъ было запираться, но царь и слушать ничего не хочетъ. Пришелъ домой печальный и говоритъ: „что мы будемъ дѣлать“. Она уложила его спать, вышла на крыльцо, созвала своихъ сестеръ. Прилетѣли утки, стукнулись о землю и стали красными дѣвицами. Утромъ купеческій сынъ отнесъ ковры, царь поблагодарилъ его, и онъ ушелъ. Когда

тамошніе купцы узнали, что онъ приготовилъ царю ковры, больше озлились на него, сказали царю, что онъ хвастался достать „гусли-самогутъ“. Позвалъ его царь къ себѣ, говоритъ: „гдѣ хочешь, бери, подай мнѣ „гусли-самогутъ“, а то твоя голова съ плечъ!“ Пришелъ купеческій сынъ домой и разсказалъ женѣ свое горе. Анастасія прекрасная и говоритъ: „есть о чемъ тужить, это горе не велико, будетъ оно, да впереди, иди ты къ царю, возьми самолучшаго коня, на, вотъ тебѣ клубочекъ и платокъ, куда этотъ клубокъ покатится, туда ты и иди, а придешь, утромъ утрись этимъ платкомъ и тебѣ скажутъ, гдѣ находятся „гусли-самогутъ“, и возьми еще 12 самыхъ знатныхъ купцовъ. Приходитъ онъ къ царю, взялъ коня, собралъ 12 купцовъ и поѣхалъ, а купцы идутъ. Вотъ клубочекъ остановился у большого дома, вошелъ въ домъ, его встрѣтила женщина и оставила ночевать. Утромъ онъ всталъ, умылся и утерся платочкомъ, хозяйка увидала платочекъ и спрашиваетъ: „кто тебѣ вышилъ этотъ платочекъ?“ Купеческій сынъ говоритъ: „моя жена, Анастасія прекрасная“.—„Она моя сестра! зачѣмъ же она послала ко мнѣ?“ Онъ разсказалъ. Женщина дала ему клубочекъ и говоритъ: „куда онъ тебя приведетъ, тамъ живетъ нашъ отецъ, онъ дастъ тебѣ „гусли-самогутъ“. Купеческій сынъ поѣхалъ, и купцы за нимъ, пріѣзжаютъ они къ огромному дому, клубочекъ остановился. Купеческій сынъ сошелъ съ коня, пришелъ къ королю и проситъ у него „гусли-самогутъ“. Король его и спрашиваетъ: „а есть съ тобой 12 купцовъ?“—„Есть“. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ темницу и говоритъ: „ты теперь сиди и не дремли, а то не получишь „гусли-самогутъ“. Сидитъ купеческій сынъ и видитъ: купцовъ, съ которыми онъ пріѣхалъ, по одному ведутъ мимо его и отрубаютъ головы, а трупы бросаютъ въ темницу, а они тамъ оживаютъ. Это-же самое повторилось на слѣдующій день, купеческій сынъ не спалъ, но на третій день уснулъ и палъ. Король разгнѣвался и велѣлъ подать ему умыться. Купеческій сынъ умылся и утерся платочкомъ. Король увидѣлъ платокъ и спрашиваетъ: „кто тебѣ вышилъ этотъ платокъ!“—„Анастасія прекрасная“.—„Она моя дочь! ты-бы давно сказалъ, дайте ему сейчасъ „гусли самогутъ“, которыми она играла“. Купеческій сынъ воротился домой, а купцовъ убили. Тамошніе

купцы, какъ узнали, что онъ досталъ гусли, и хотѣли его убить, но одинъ изъ нихъ и говоритъ: „скажемъ, что онъ хотѣлъ достать „чудо-чудное, диво-дивное“,—это ему уже не достать, и царь самъ срубитъ ему голову“. Сказали. Царь призвалъ его къ себѣ и велѣлъ безъ всякихъ разговоровъ достать „чудо-чудное, диво-дивное“. Купеческій сынъ пришелъ домой, разсказалъ это женѣ.—„Это я не знаю, но ложись спать... я подумаю“. Утромъ она дала ему клубочекъ и сказала: „иди за нимъ, онъ прикатится къ большому дому, ты войди въ него и жди, тамъ самъ узнаешь, что надо дѣлать“. Онъ шелъ, шелъ, пришелъ къ большому дому вошелъ: пусто. Залѣзъ за печку и ждетъ, что будетъ, и видитъ прилетаютъ 7 селезней и 6 утокъ, стукнулись о сыру землю и стали красными дѣвицами и молодцами. Сѣли за столъ, одинъ изъ нихъ и говоритъ: „Ивашка, въ бѣленькой рубашкѣ, сорочинскій колпачекъ съ кисточкой! накрой-ка намъ столъ на тринадцать персонъ!“ Явился Ивашка накрылъ столъ разными явствами, винами и закусками. Наѣлись, вышли изъ-за стола, ударились о сыру землю и стали утками и селезнями и улетѣли. А купеческому сыну ѣсть хочется, онъ и думаетъ: „дай крикну Ивашку“, и крикнулъ: „Ивашка, въ бѣленькой рубашкѣ, сарочинскій колпачекъ съ кисточкой! накрой мнѣ на двѣ персоны“. Ивашка явился, накрылъ столъ, купеческіи сынъ сѣлъ ѣсть и пригласилъ съ собой Ивашку. Тотъ былъ этому очень радъ и не знаетъ, чѣмъ его отблагодарить. Купеческій сынъ спросилъ Ивашку: „ты не знаешь-ли, гдѣ-бы мнѣ достать „чудо-чудное, диво-дивное?“—„Знаю, есть здѣсь недалеко деревня, небольшая, домовъ 40, и жители такіе бѣдные, что у нихъ нѣтъ хлѣба, и они голодаютъ нѣсколько сутокъ: я пойду съ тобой, ты продай имъ меня, а они тебѣ за это дадутъ „чудо-чудное, диво-дивное“, а когда пойдешь домой, скричи меня на дорогѣ я пойду съ тобой“. Купеческій сынъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ въ деревню и попросилъ ѣсть, ему отвѣчали, что ни въ одной избѣ не найдешь кусочка хлѣбца. Тутъ онъ скричалъ Ивашку, накормилъ ихъ и сталъ просить у нихъ „чудо-чудное, диво-дивное.“ Они согласились и просили у него взамѣнъ Ивашку. Купеческій сынъ взялъ „чудо-чудное и диво-дивное“ и пошелъ домой, на дорогѣ онъ вскричалъ

Ивашку, и онъ явился. Пришли домой. Царь былъ очень радъ „чуду-чудному, диву-дивному“, созвалъ народъ и показалъ его всему народу: это былъ ящичекъ, его открывали и смотрѣли въ немъ, какъ въ зеркалѣ было видно все, что дѣлается на землѣ и подъ землей. Царь не имѣлъ наслѣдниковъ и усыновилъ купеческаго сына. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ съ купцами въ ладу и жилъ спокойно до смерти.

Г. Курганъ. 1892 г.

---

311. Безстрашный дворянинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ дворянинъ, который не боялся не страстей, ни ужастей, а напротивъ старался увидѣть что-нибудь страшное. Разъ вздумалъ онъ эти страсти и ужасти искать, взялъ ямщика и поѣхалъ. Ночь застала ихъ на дорогѣ, а невдалекѣ видать „ледникъ“. Безстрашный дворянинъ и говоритъ ямщику: „остановись, переночуемъ здѣсь“. Мужикъ былъ боязливый и сталъ его уговаривать ѣхать дальше, но дворянинъ не соглашался. Ямщикъ остановился, дворянинъ ночевалъ въ ледникѣ, а мужикъ на дворѣ. Утромъ дворянинъ и говоритъ ямщику: „иди, затащи мнѣ въ телѣгу этого мертвеца“. Тотъ затащилъ, и поѣхали. Ѣдутъ мимо одной деревни, ямщикъ и говоритъ безстрашному дворянину: „скоро будетъ ночь, переночуемъ здѣсь“.—„Я поѣхалъ искать страсти и ужасти, а ты хочешь ночевать въ деревнѣ?!“ Поѣхали дальше, а ночь на дворѣ. Вотъ пріѣзжаютъ къ лачужкѣ, гдѣ живутъ разбойники. Дворянинъ велѣлъ остановиться и вошелъ въ избу: разбойники стоятъ у печи и варятъ кашу. „Пустите меня сварить кашу“?—„Милости просимъ!“ обрадовались разбойники добычѣ—„А ну-ка, притащи сюда повара-то?“ говоритъ онъ ямщику. Ямщикъ еле живой втащилъ мертвеца въ избу. Разбойники испугались и убѣжали. Путники переночевали и поѣхали дальше. Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ, нѣтъ ни жилья, ни какой избушки. Наконецъ пріѣзжаютъ ко дворцу, и вокругъ его стража. Безстрашный дворянинъ и спрашиваетъ: „что вы тутъ караулите?“ Ему отвѣчали, что здѣсь находится дочь царя,

молодая дѣвица, одерживаемая нечистой силой. Безстрашный дворянинъ и говоритъ: „позвольте мнѣ посмотрѣть ея!“ Послали гонца спросить царя. Царь пріѣхалъ самъ и говоритъ: „если думаешь остаться живымъ—ступай“. Дворянинъ пошелъ. Двери всѣ были затворены, онъ ихъ идетъ и ломаетъ. Изломалъ дверей 10—усталъ, а до дѣвицы не дошелъ. Сѣлъ въ одну комнату, досталъ восковую свѣчу, книгу и сталъ читать. Наступила полночь. Вдругъ кто-то запѣлъ, потомъ заплакалъ, дверь въ его комнату отворилась, и къ нему вышли 3 дѣвицы и говорятъ: „что тебѣ здѣсь нужно?“ Онъ ударилъ ихъ саблей, и никого не стало. Стало свѣтать, онъ вышелъ на улицу, часовые удивились, увидавъ его живого. Дали знать царю, онъ пріѣхалъ и спросилъ дворянина: „не можешь ли достать мою дочь, я отдамъ ее за тебя замужъ, если достанешь“.—„Могу“. Приходитъ ночь, безстрашный дворянинъ пошелъ во дворецъ и сѣлъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ вчера. Какъ наступила полночь, онъ пошелъ дальше и пришелъ въ просторную комнату: посреди ея стоялъ столбъ, и къ нему прикована молодая, но очень страшная дѣвушка, и около ея много такихъ-же съ распущенными волосами бѣгали и кричали. Дѣвушка эта была днемъ мертва, а ночью жива. Онъ подошелъ къ ней и сталъ надъ ней читать молитвы. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ ей молитвы, она приходила въ чувство. Потомъ онъ отковалъ ей правую руку и заставилъ креститься, потомъ лѣвую, потомъ ноги и повелъ ее. Когда онъ вышелъ, а тамъ царь ихъ вмѣстѣ съ женой ждутъ—не дождутся. Царь отдалъ свою дочь замужъ за безстрашнаго дворянина. Послѣ свадьбы онъ и говоритъ женѣ: „мнѣ опять хочется ѣхать смотрѣть страсти и ужасти“. Она разсказала это отцу, онъ испугался и нашелъ человѣка (знахаря), который сказалъ женѣ безстрашнаго дворянина: „ночью я подведу подъ васъ живую воду, ты распусти волосы и кричи: „ой, тонемъ, боюсь, тонемъ“! Настала ночь, онъ такъ и сдѣлалъ, царская дочь закричала: „тонемъ! тонемъ!“ Онъ испугался и не сталъ думать о поѣздкѣ.

Г. Курганъ. 1892 г.

312. [Мужикъ и Николай угодникъ].

Въ одной деревнѣ жилъ бѣдный мужикъ, онъ все просилъ Николая угодника, чтобы онъ далъ ему богатства. Но Богу это было не угодно, и онъ не отвѣчалъ на просьбы угодника дать ему богатства. Наконецъ Господь позволилъ Николаю угоднику помочь бѣдному мужику. Мужикъ сталъ богатѣть и богатѣть: построилъ домъ, амбары у него полны хлѣбомъ. Когда Господь ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ Николаемъ угодникомъ, Господь и говоритъ угоднику: „ну-ко, попросись ночевать у того мужика, за котораго ты меня просилъ, пуститъ ли онъ насъ“. Подошли къ окну и просятся, а хозяинъ и кричитъ: „здѣсь не постоялый дворъ, много васъ ходитъ, попроситесь у кого-нибудь другого“. Странники будто сходили и опять просятся у того мужика. „Ну, идите, только завтрѣ чуть свѣтъ на работу: хлѣбъ молотить“.—„Ладно“, говорятъ странники. Пошли въ избу, дали имъ кусочекъ хлѣбца, и они легли спать. Господь легъ къ стѣнкѣ, а Николай угодникъ на край. Утромъ ихъ хозяинъ и будитъ: „вставайте, пора работать“. Но Господь говоритъ: „не вставай, пока не скажу“. Вотъ хозяинъ приходитъ; думалъ, что они встали, а какъ увидѣлъ, что они еще лежатъ, взялъ плеть и сталъ бить ей Николая угодника, потомъ ушелъ. „Теперь вставай“, говоритъ Господь. Встали и пошли молотить. Господь и говоритъ: „вонъ какъ у васъ молотятъ!“ — „А какъ?“ говоритъ мужикъ. Господь взялъ свѣчку восковую, махнулъ ей, и она загорѣлась; наложилъ на „ладонь“ хлѣбъ и зажегъ его: хлѣбъ сыпался на одну сторону, а солома на другую. Такъ промолотили они часа два и пошли. Мужикъ сталъ просить ихъ, чтобы они помолотили еще, но Господь не согласился и говоритъ: „ты возьми свѣчку-то и дѣлай такъ, какъ я“. Мужикъ взялъ овѣчку, наслалъ на „ладонь“ хлѣбъ и зажегъ, у его стало также молотиться. Вотъ онъ и думаетъ: „дай я зажгу весь овинъ—скорѣе смолочу“. Зажегъ, но какъ загорѣло; и пошло и пошло, дошло до дому, домъ загорѣлся, хлѣбъ въ амбарахъ весь до тла сгорѣлъ. Мужикъ вспомнилъ объ стран-

никахъ и поѣхалъ въ догоню. На дорогѣ и спрашиваетъ встрѣчнаго мужика: „не видалъ-ли ты двухъ странниковъ?“ Тотъ показалъ, въ которую сторону ушли странники, рука у него околѣла. Мужикъ поѣхалъ въ ту сторону, догналъ странниковъ. Господь обернулъ его лошадью и говоритъ Николаю угоднику: „сведи эту лошадь къ бѣдному мужику, который живетъ на краю деревни, пусть онъ на этой лошади работаетъ три года и насыплетъ три амбара хлѣбомъ“. Николай угодникъ такъ и сдѣлалъ. Мужикъ очень обрадовался и сталъ на ней работать. Проработалъ на ней три года, насыпалъ три амбара хлѣбомъ и думаетъ: „какъ придутъ за лошадью, я скажу, что насыпалъ два амбара, и онъ дастъ мнѣ еще проработать годокъ“, и поставилъ третій амбаръ на сторонѣ. На третій годъ пришелъ Николай угодникъ за лошадью и спрашиваетъ: „что, насыпалъ хлѣбомъ три амбара?“—„Нѣтъ, батюшка“, отвѣчаетъ мужикъ, „я насыпалъ только два“.—„Покажи-ка, который амбаръ не насыпалъ?“ Мужикъ показалъ на третій амбаръ, онъ загорѣлся. Тогда мужикъ узналъ, что передъ нимъ стоитъ не простой мужикъ, палъ на колѣни. Николай угодникъ и говоритъ: „ну, успокойся, посмотри, амбаръ не горитъ“, и повелъ лошадь, покрылъ ее струпьями и пустилъ на дворъ къ ее дѣтямъ. Они, какъ увидали ее, и стали гнать ее со двора, лошадь стала старикомъ и говоритъ: „охъ, дѣтушки, вы еще меня бьете, я и такъ еле живъ: три года на мужика работалъ, охъ, не забывайте вы Господа Бога: это онъ за грѣхи насъ наказалъ!“ Вошелъ въ избу и умеръ.

Г. Курганъ. 1892 г.

---

313. [Сынъ купца].

Въ одномъ городѣ разрушился мостъ, и жившій въ томъ городѣ купецъ захотѣлъ построить мостъ на свои деньги. Всѣ приняли это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ знали, что купецъ не пожалѣетъ денегъ на постройку. Мостъ вскорѣ былъ готовъ. Купецъ послалъ своего работника, чтобы тотъ послушалъ, будутъ ли его хвалить. Работникъ пошелъ, сѣлъ подъ мостъ и слушаетъ. Проходило

много народу и всѣ хвалили купца. Но вотъ проходятъ два странника, одинъ и говоритъ: „этотъ человѣкъ хорошій и стоитъ похвалы, но богатство его еще будетъ больше: у него родится сынъ и что онъ у Бога не попроситъ, все ему будетъ дано“. Работникъ все слышалъ, пришелъ домой и разсказалъ купцу, что его всѣ хвалятъ, а про странниковъ ни слова. Купецъ уѣхалъ на ярмарку, жена безъ него родила сына. Работникъ укралъ ребенка и унесъ его въ деревню воспитывать. Когда онъ воротился домой, то сейчасъ-же пошелъ сказалъ сосѣдямъ, что его хозяйка родила мальчика и съѣла его въ припадкѣ болѣзни. Мать ребенка лишилась чувствъ, когда ей, на вопросъ: „гдѣ ребенокъ?“ отвѣчали, что она его съѣла. Дали знать полиціи и написали купцу, чтобы онъ, не медля ни минуты, ѣхалъ домой. Но какъ онъ не торопился, но не засталъ дома жены, она была въ замкѣ до рѣшенія дѣла. Прошло года четыре, работникъ взялъ назадъ мальчика изъ деревни и сталъ воспитывать. Когда мальчикъ сталъ все понимать, работникъ повелъ его въ садъ и говоритъ ему: „скажи, чтобы Богъ далъ тебѣ денегъ“. Небо разверзлось, и у ногъ мальчика блистала куча золота. Вскорѣ работникъ разбогатѣлъ, женился, но жена не давала ему покоя и все спрашивала, откуда у нихъ такое богатство. Сначала онъ обманывалъ ее, но жена не отставала съ женскимъ любопытствомъ, и разсказалъ все. Въ удостовѣреніе этого онъ обѣщалъ сводить ее въ садъ. Мальчикъ это слышалъ и думалъ наказать ихъ. Разъ они пошли въ садъ и ему сказали, чтобы онъ попросилъ денегъ, но мальчикъ подумалъ про себя: „Господи, сдѣлай ихъ псами!“ И тотчасъ жена и работникъ стали псами. Подумавъ, онъ пошелъ въ городъ, въ которомъ родился. Собаки бѣжали за нимъ. На площади была масса народу. Мальчикъ узналъ отъ толпы, что тутъ хочутъ казнить женщину, которая съѣла при родахъ сына. Онъ сталъ кричать, чтобы его пустили. Удивленный народъ смотрѣлъ на него, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Наконецъ онъ дошелъ до эшафота; онъ сказалъ громкимъ голосомъ: „и вы всѣ вѣрите, что женщина можетъ съѣсть своего ребенка!“ Велѣлъ принести огня и подалъ его собакамъ сказалъ: „лижите его! Вотъ они не могутъ лизать огня, значитъ не можетъ съѣсть мать ребенка!“ И

разсказалъ все подробно, кто эти собаки, повелъ ихъ въ садъ, сказалъ, чтобы Богъ сдѣлалъ ихъ людьми. Мать его освободили, а работнику отсѣкли голову, жену его посадили въ замокъ на время.

Г. Курганъ. 1892 г.

---

314. Безпечальный монастырь.

Много лѣтъ тому назадъ мимо одного небольшого городка проѣзжалъ государь. Ему очень понравился находящійся здѣсь монастырь. Видно было, что онъ не терпѣлъ нужды. Царь захотѣлъ посмотрѣть монастырь внутри, но и тутъ нашелъ все въ порядкѣ. Его встрѣтилъ игуменъ, и царь спросилъ его: „какъ называется вашъ монастырь“? Игуменъ отвѣчалъ: „нашему монастырю не совсѣмъ подходящее названіе, его называютъ „безпечальный“. Государь разсмѣялся и говоритъ: „если онъ называется безпечальнымъ, то я на него наложу печаль“.—„Какую“?—„Я поѣду дальше, а вамъ дамъ, до моего прибытія сюда къ вамъ, разгадать три загадки: такъ какъ вы къ Богу близки своими молитвами, то сосчитайте мнѣ всѣ звѣзды на небѣ; вторая: оцѣните меня, что я стою? третья: что я сейчасъ думаю“? Игуменъ повиновался. И послѣ отъѣзда царя иноки каждую ночь собирались въ одну комнату и старались разгадать загадки, но это имъ не удавалось. Однажды они сидятъ по обыкновенію въ комнатѣ, и приходитъ къ нимъ поваръ спросить у игумена, что готовить завтра. Получивъ отвѣтъ, онъ сказалъ: „я осмѣлюсь спросить васъ, братія, что вы такъ изнуряете себя каждую ночь“? Игуменъ разсказалъ ему все. Поваръ говоритъ: „я отгадаю эти загадки, если вы мнѣ позволите встрѣтить государя и надѣть вашу одежду“. Игуменъ согласился. Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ царь. И мнимый игуменъ вышелъ на встрѣчу.—„Что, отгадали загадки?“—„Да, отгадалъ“—„Что-же, сколько звѣздъ на небѣ“?—„Трилліонъ трилліоновъ, билліонъ-билліономъ (такъ) и милліонъ милліоновъ.“—„А вѣрно ли это?“—„Если вы не вѣрите, то потрудитесь пересчитать“!—„Вторая загадка: что я стою?“—„Вы нашъ зем-

ной царь, а у насъ есть еще небесный, и его продали за 30 сребренниковъ, то васъ можно продать за половину".—„Теперь, что я сейчасъ думаю?"—„Вы думаете, что говорите съ игуменомъ, а между тѣмъ съ поваромъ!" При этихъ словахъ онъ снялъ съ себя одежду. Царь наградилъ его и сдѣлалъ игуменомъ.

Г. Курганъ. 1892 г.

---

315. [Мужикъ обманьщикъ].

Сидитъ мужикъ и тёшетъ палку. Къ нему пришелъ попъ и спрашиваетъ: „что ты дѣлаешь?"—„А вотъ, батюшко, палку тешу, изъ пеньковъ пироги выколачивать".—„Продай мнѣ эту палку!"—„Нѣтъ, батюшко, нельзя: я только этой палкой и питаюсь".—„Дакъ что: вѣдь ты другую можешь сдѣлать".—„Ну, не то могу продать; если 200 руб. дашь, дакъ отдамъ". И продалъ эту палку, попъ отдалъ 200 рублей.

Мужикъ говоритъ своей женѣ: „ты стряпай пироговъ, я раскладу ихъ по пенькамъ".

Попъ приходитъ: „ну, мужикъ, укажи намъ, какъ выколачивать пироги". У мужика ужъ были раскладены пироги. Ударили въ пень. Выскочилъ пирогъ. Попъ взялъ, разломилъ: „Ахъ, роботникъ, возьми ко поѣшь—сладкой какой!" Наколотили мѣшокъ полонъ этихъ пироговъ. Привозятъ маткѣ. „Вотъ, матка, теперь не стряпай, будетъ намъ хлѣба, не пріисть готоваго".

На другое утро работникъ съ попомъ поѣхали за пирогами вдвоемъ. Работникъ колонулъ—пирога нѣтъ, другой разъ колонулъ—палка изломалась; взялъ палку попъ и колонулъ—палка совсѣмъ изломалась.

Пріѣзжаютъ домой. „Ну, говоритъ попъ, побѣгу я мужику пенять, что онъ обманулъ насъ?"

А мужикъ закололъ барана, начинилъ пузырь кровью и привязалъ старухѣ въ подпазуху. „Батько прибѣжитъ пенять—я будто ножикомъ тебя заколю, ты упади".

Только попъ въ двери—мужикъ хватилъ старуху подъ пазуху. Старуха упала. А мужикъ взялъ плетку и сталъ

старуху стегать: „плетка-живулька, оживи старуху!“ Стегнулъ разъ-два, старуха встала.

— „Что это, старикъ, уснула-ли чё-ли я?“

— „Нѣтъ, я закололъ тебя, да плетка-живулька оживила“. Попъ говоритъ:—„продай мнѣ эту плетку“. Мужикъ говоритъ: „нѣтъ, батюшко, безъ этого мнѣ нельзя жить. Ну, да ужъ если 20 руб. дашь—возьми“.

Попъ отдалъ деньги и сейчасъ приходитъ домой. „Матка, наставляй самоваръ!“

— „Что ты, говоритъ, сейчасъ только напился—опять самоваръ“. Попъ взялъ матку и закололъ. Взялъ плетку живульку. „Плетка-живулька, оживи мою матку!“

Она не встаетъ. Работникъ приходитъ. — „Что ты надѣлалъ? Вѣдь ты закололъ матку-ту?“

— „Побѣгу я этому мужику пенять, омманулъ онъ меня“ А мужикъ ужъ зналъ, что прибѣжитъ батько пенять. Запрёгъ лошадь, насыпалъ въ коробъ хлѣба и засыпалъ сверху деньгами. Потомъ вывелъ за ворота эту лошадь и опять заворотилъ въ ограду.

Вотъ батько бѣжитъ ужъ ему пенять.

— „Ты куда это, мужикъ ѣздилъ?“

— „Да вотъ тебѣ плетку-то продалъ, свою старуху закололъ, а оживить то нечѣмъ, дакъ я ѣздилъ, вѣсилъ на фунта“.

— „Да и я вѣдь матку-то закололъ, да не могъ оживить.“

— „Дакъ ты, батько, поѣзжай, продавай: вѣдь возьмутъ.“

Батько приходитъ: „ну, работникъ, запрягай — повеземъ матку на фунта вѣсить“.

Пріѣхали въ деревню. Работникъ подбѣжалъ подъ окно.

— „Не угодно ли вамъ мяса, сегодня только закололи, дакъ берите.“

Пришла женщина, открыла: у ихъ человѣкъ лежитъ:

— „Эдако мясо и возите, продаите?“

Работникъ говоритъ:

„Эдако?! Дакъ вѣдь люди-то возятъ, и мы повезли“.

— „А кто же у васъ колетъ?“—спросила женщина.

— „Да я закололъ“—говоритъ попъ.

Его взяли потащили въ полицу и засадили.

Г. Курганъ. 1893 г.

316. [Солдатъ].

У царя солдатъ служилъ во дворцѣ. У этого царя дочь была скрадена. Служивой и говоритъ:

— „Ваше Царско Величество, позвольте я вашу дочь розышшу, дайте мнѣ сколько нибудь денегъ на проходъ“.

Царь далъ, и солдатъ поплылъ на карабляхъ. Доплылъ до лѣсу и видитъ—тропинка. Сейчасъ слѣзъ съ карабля и пошелъ этой тропинкой.

Стоитъ въ лѣсу домъ, большущій домъ. Заходитъ въ этотъ домъ, видитъ золотые ключи, а одна комната заперта. Солдатъ взялъ и отворилъ этими ключами комнату. Въ этой комнатѣ царская дочь сидитъ. Служивой взялъ ее изъ той комнаты вывелъ.

Приходитъ нечистой духъ и говоритъ:

— „Ты зачѣмъ это сюда, солдатъ, зашелъ?“

Солдатъ и говоритъ нечистому духу:

— „Я пришелъ, говоритъ, за царской дочерью“.

Нечистый духъ и говоритъ:

— „Садись, попьемъ перво со мной вина“. Солдатъ не пьетъ вино, а нечистой пьетъ. Нечистой напился пьяной, солдатъ взялъ его и убилъ, а царску дочь повелъ на корабли.

Приводитъ къ царю его дочь, царь и говоритъ:

— „Мнѣ не нужно, Ваше Царско Величество, ни дочь, ни полцарства, а нужно мнѣ повидаться съ родителями. Дайте сколько нибудь денегъ на проходъ“.

Государь далъ ему денегъ на проходъ, а солдатъ всѣ эти деньги пропилъ и проѣлъ, потомъ пошелъ нишшенскимъ кошелемъ. Кто то ему подалъ грошикъ да краюшечку хлѣбца сухую.

Господь и посылаетъ къ нему андела:

— „Поди, андель, и спроси у служиваго — нѣтъ ли у его хлѣбца“.

Анделъ приходитъ и говоритъ:

— „Нѣтъ ли у тебя хлѣбца да денежекъ маленько?“

Солдатъ и говоритъ:

— „Есть маленько: краюшечка сухая да грошикъ—возьми вотъ послѣднее“.

Анделъ приноситъ Господу Богу:

— „Вотъ, служивый послѣднее отдалъ“.

Господь и говоритъ:

— „Поди, спроси у него, что ему надо: то ли муку вѣчную, али царство небесное?“

Солдатъ говоритъ:

„Не надо ни муки вѣчной, ни царства небеснаго, а дайте табачку да денежекъ на проходъ“.

Господь послалъ ему денегъ и табаку.

Доходитъ солдатъ до деревни, ходитъ часовой.

— „Пусти меня начевать“.

— „Я бы пустилъ тебя въ это помѣстье, дакъ самого купца нечистой духъ выгналъ отсюда“.

Солдатъ и говоритъ:

„Запусти меня, я никого не боюся“.

Часовой запустилъ. Вдругъ въ комнатѣ появился огонь. На столахъ были всякіе напитки, попиросы. Приходятъ нечистые и говорятъ.

— „Не тотъ попался, теперь мы тебя кончамъ!“

Солдатъ съ ними напился, и наѣлся, и накурился, и сѣлъ съ ними играть въ карты. Нечистой духъ всѣ деньги проигралъ и дѣтей, и самъ проигрался солдату. Солдатъ взялъ мѣшочекъ и говоритъ бисямъ:

— „Ну, лѣзьте въ мѣшочекъ“.

Они полѣзли. Которой мухой оввернется, которой какъ, и залѣзли.

Солдатъ выходитъ къ часовому и говоритъ:

— „Гоните суда двухъ человѣкъ съ молотами“.

Приходятъ два человѣка съ молотами. Солдатъ вынулъ мѣшочекъ и велѣлъ по нему бить молотами. Тѣ стали бить. Послѣ этого солдатъ развязалъ мѣшокъ и вытряхнулъ нечистыхъ. У котораго руки нѣтъ, у котораго ноги, глазу нѣтъ. Нечистые пошли. Солдатъ и говоритъ имъ:

— „Подите, да въ это помѣстье сроду не ходите да и не знайте его“.

Купецъ и говоритъ солдату:

— „Что тебѣ, служивой, за это? Возьми помѣстье и мою дочь замужъ“.

— „Ничего мнѣ не надо, говоритъ солдатъ, дай только табаку да денегъ на проходъ“. Доходитъ солдатъ до другого селенья, захворалъ и говоритъ хозяевамъ:

— „Я какъ помру, вы положите со мной трубку и табаку“ (а спичекъ забылъ сказать).

Онъ померъ. Съ нимъ положили табаку и трубку. Похоронили его. Онъ попалъ въ царство небесное и пришелъ отъ святыхъ закуривать.

Анделъ пришелъ и говоритъ: „вотъ, Истеной Христосъ, служивой отъ святыхъ закуриваетъ“. Истеной Христосъ говоритъ:

— „Сверзите его въ муку вѣчную“.

Его сверзили. Онъ бѣсямъ надоѣлъ, тѣ не рады стали ему и выбросили его въ царство небесное.

Анделъ пришелъ и говоритъ:

— „Истеной Христосъ, служивой опять у святыхъ закуриваетъ. Истеной Христосъ сказалъ: „поставьте его куда нибудь на караулъ“.

Солдата поставили на караулъ. Смотритъ онъ—бѣжитъ смерть.

— „Куда ты, горбатая, бѣжишь?“

— „Бѣгу къ Истеному Христу спрашивать—кого морить: малыхъ младенцевъ или старыхъ стариковъ?“

Солдатъ и думаетъ:—„если я ее пропощу, она у меня уморитъ отца и мать, такъ и не повидаюсь съ ними“. Идетъ солдатъ къ Истеному Христу и говоритъ:—„Истеной Христосъ, смерть пришла, спрашиваетъ, кого морить?“

— „Пушшай моритъ старыхъ стариковъ“.

Солдатъ приходитъ и говоритъ:

— „Истеной Христосъ тебѣ велитъ три года копать стары корешки изъ земли“.

Послѣ трехъ лѣтъ смерть приходитъ вдругорядь. „Ну, погоди, говоритъ солдатъ, я самъ схожу къ Истеному Христу“.—„Истеной Христосъ, смерть спрашиваетъ кого морить?“

— „Пусть моритъ малыхъ младенцевъ“.

Солдатъ приходитъ и говоритъ:

— „Тебѣ Истеной Христосъ велитъ три года стары ветлины копать“.

Смерть прибѣжала въ третій разъ. Солдатъ въ это время куда то отвернулся, она и пробѣжала къ Истеному Христу.

— „Гдѣ ты, смерть, была?“

— „Да вотъ мнѣ служивой велѣлъ копать три года корешки, да три года стары ветлины“.

— „Поди, сядь ему на плечи, пусть онъ тебя три года потаскаетъ“.

Она сѣла.

— „Ты, горбатая, зачѣмъ сѣла?“

Взялъ табакъ и сталъ нюхать.

— „Ты кого это нюхаешь?“

— „Табачокъ“.

— „Дай-ко я понюхаю“.

— „Оввернись мухой да сядь въ табатерку, — тогда дамъ понюхать“.

Смерть оввернулась мухой, а солдатъ и заперъ ее въ табатерку.

Г. Курганъ. 1893 г.

---

317. Сказка объ Иванѣ дуракѣ

Жилъ-былъ Иванъ, женился, взялъ себѣ жену Улиньку. Поѣхалъ Ва́нюшка къ тешшѣ въ гости. Наклала ему тешша яисъ. Онъ не зналъ, что съ ими дѣлать, разбросалъ ихъ въ стороны. Пріѣзжатъ домой. Улинька спрашиватъ:

— „Чѣмъ тебя, Ва́нюшка, тешша угошшала?“

Онъ говоритъ:

— „Чѣмъ то круглинькимъ, бѣлинькимъ, тверды́мъ—не могъ добыть и розбросалъ всѣ дорогой“.

— „Ахъ ты, Ва́нюшка! Это вѣдь она тебя угошшала еисами, а ты бы чистилъ да ѣлъ“.

— „Я теперь все буду, Улинька, такъ дѣлать“.

Вотъ опеть онъ поѣхалъ къ тешшѣ въ гости, она его посадила блины ись, онъ чиститъ да ѣстъ. Пріѣзжатъ домой. Улинька спрашиватъ его:

— „Чѣмъ тебя, Ва́нюшка, тешша подчивала?“

— „Она, говоритъ, меня чѣмъ то потчивала круглымъ да большимъ, я чистилъ да ѣлъ“.

— „Ахъ, ты бы, Ванюшка, свернулъ да бы въ масло макалъ, да ѣлъ: она вѣдь тобя потчивала блинами“.

— „Я теперь все, Улинька, буду такъ дѣлать“.

Опеть поѣхалъ къ тешшѣ въ гости Ва̀нюшка. Тешша ему дала полушубокъ. Онъ мачетъ въ масло да ѣстъ. Поѣхалъ домой. Жена Улинька у него спрашиватъ:

— „Чѣмъ тебя тешша потчивала?“

— „Меня, говоритъ, она потчивала бо̀льшимъ да мохнатымъ, я свёртѣлъ, макалъ въ масло да и ѣлъ“.

— „Ахъ ты, Ва́нюшка! ты бы привезъ да повѣсилъ на вѣшало, она вѣдь тебѣ шубу дала“.

— „Я, говоритъ Иванъ, все буду такъ дѣлать“.

Опеть поѣхалъ къ тешшѣ въ гости. Она ему дала о́всу. Онъ пріѣхалъ съ этой овсой домой, взялъ о̀всу, повѣсилъ на вѣшало вмѣсто шубы. Приходитъ его жена Улинька и спрашиватъ:

— „Чѣмъ тебя, Ва́нюшка, тешша подчивала?“

Онъ сказыватъ:

— „Меня потчивала тёшша бо̀льшимъ да мохнатымъ, я взялъ да на вѣшало повѣсилъ“.

Она говоритъ:

— „Ахъ ты, Ванюшка! Ты бы взялъ да въ пригонъ отпустилъ, да сѣна далъ“.

— „Я, Улинька, говоритъ, все такъ буду дѣлать“.

Вотъ онъ поѣхалъ опеть къ тёшшѣ въ гости. Тёшша посадила съ имъ госью. Онъ пріѣхалъ домой, взялъ госью отпустилъ въ пригонъ, далъ ей сѣна.

Пришла жена его Улинька, спрашиватъ:

— „Чѣмъ тебя, Ва́нюшка, тешша потчивала?“

— „Она, говоритъ, мнѣ дала красивую да модную“.

— „А гдѣ, говоритъ Улинька, она?“

— „А я ее отпустилъ въ пригонъ да сѣна далъ“.

— „Охъ ты, Ва́нюшка, ты взялъ бы ее да за столъ посадилъ, да чаемъ угошшалъ“.

— „Я, говоритъ, Улинька, все такъ теперь буду дѣлать“,

Вотъ поѣхалъ къ тешшѣ въ гости. Она ему дала свинью. Вотъ онъ пріѣзжаетъ домой, взялъ поставилъ самоваръ, посадилъ свинью за столъ. Онъ держитъ ее, а она вижжитъ да не сидитъ. Пришла его жена Улинька, спрашиватъ:

— „Чѣмъ тебя тешша угошшала?“

— „Мнѣ, (говоритъ) она дала большую, я ее привезъ да за столъ посадилъ, чаемъ угошшалъ, я ее держу, а она вижжитъ да не сидитъ“.

— „Охъ ты, Ва́нюшка, ты бы ее во хлѣвъ посадилъ да мѣшанину замѣшалъ...

Курганскій у., Саломатовская волость. Записано со словъ крестьянки. 1893 г.

---

318. [Солдатъ].

Сказка.

Шелъ солдатъ съ походу. Служилъ онъ 25 лѣтъ и заслужилъ 3 сухаря. Вотъ идетъ домой. Попадаетъ ему старикъ и говоритъ:

„Служивой! Накорми меня!“

Вотъ солдатъ далъ ему сухарь. Старикъ наѣлся, далъ ему карты и сказалъ:

„Вотъ тебѣ карты и ты хоть ково обыграешь“, и пошелъ. Опять идетъ солдатъ. Попался другой старикъ и опять проситъ ѣсть. Солдатъ и думаетъ: „дашь половину—мало!“ Далъ цѣлый сухарь. Старикъ съѣлъ и далъ солдату сапоги скороходы и пошелъ.

Идетъ солдатъ. Попался третій старикъ. Солдатъ отдалъ третій сухарь. Старикъ съѣлъ и далъ солдату сумку и сказалъ:

„Вотъ если чо захочешь, то скажи: „полѣзай въ сумку“, то и будетъ“.

Пришелъ солдатъ къ озеру. Увидалъ на озерѣ трехъ гусей и говоритъ: „ей вы, гуси! Полѣзайте въ сумку“.

Гуси залетѣли въ сумку. Солдатъ повѣсилъ черезъ плечо и пошелъ въ городъ. Пришелъ онъ въ городъ въ трактиръ и говоритъ: „Хозяйка! Вотъ тебѣ три гуся. Одного изжарь мнѣ, другого возьми себѣ, третьяго промѣняй на водку“.

Сидитъ солдатъ за столомъ, выпиваетъ и закусываетъ да въ окно глядитъ, и говоритъ хозяйкѣ:

„Что это, вотъ домъ, пусто что-ли, что у него все поломано“.

„Ой, голубчикъ, говоритъ хозяйка, тамъ нечистая сила живетъ“.

Вотъ пошелъ солдатъ къ царю и говоритъ: „Ваше благородье, позвольте мнѣ съ чертями ночь ночевать“.

Говоритъ царь: „ночуй!“

Пошолъ солдатъ въ домъ спать и легъ. Въ залѣ повѣсилъ сумку на стѣнку и сидитъ. Вдругъ въ самую полночь явилась нечистая сила и прямо къ солдату: „давай, солдатъ, въ карты играть!“—„Ладно, говоритъ солдатъ, только съ условіемъ—на мои карты“. Сѣли. Солдатъ у нихъ выигралъ золото и серебро. Черти разсердились и кричатъ: „давайте его разорвемъ“. А солдатъ и говоритъ: „а это что?“—„Сумка!“—„Ну, такъ лѣзьте въ нее!“ и полѣзла вся нечистая сила въ сумку. Солдатъ завязалъ и спать легъ. На утро всталъ и потомъ къ царю. Разсказалъ, какъ было дѣло, и велѣлъ позвать кузнецовъ и сказалъ кузнецамъ: „пріударьте по этой сумкѣ, кузнецы, тутъ, должно-быть, черти“.—„Мы, голубчикъ, мы“, отвѣчали черти. Когда околотили, солдатъ выпустилъ всѣхъ чертей. Одному ногу сломали, онъ тамъ и остался.

Вотъ разъ захворала у солдата жена. Солдатъ и спрашиваетъ черта: какъ лѣчить? Чортъ далъ ему стаканъ и говоритъ: „если смерть покажетъ голову въ стаканѣ,—то жива будетъ“. Услышалъ объ этомъ царь, позвалъ солдата и говоритъ: „вылечи меня“. Солдатъ посмотрѣлъ въ стаканъ и говоритъ: „нѣтъ, государь, нельзя, помрешь!“ Царь сказалъ: „если не вылечишь—казню“! Солдатъ сказалъ: „смерть, возьми лучше меня!“

Царь сталъ здоровъ, а смерть пришла домой къ солдату и говоритъ: „ну, собирайся!“ Взялъ сумку и говоритъ: „полѣзай въ сумку“, залѣзла смерть. Солдатъ повѣсилъ ее на сосну, и теперь она виситъ.

Г. Курганъ. 1894 г.

319. Сказка о трехъ братьяхъ.

Жили-были три брата, и жили они очень бѣдно. Вотъ разъ они пошли въ лѣсъ искать счастье и нашли гору сéребра. Старшій братъ нагребъ мѣшокъ сéребра и пошелъ домой, а средній и младшій пошли дальше искать счастье. И нашли гору золота. Средній братъ нагребъ мѣшокъ золота и пошелъ домой. А младшій пошелъ дальше и нашелъ на дорогѣ скатерть, которую потеряла колдунья. На скатерти было написано: „скажешь скатерти—скатерть! накройся напитками и наѣдками—такъ и будетъ“. Младшій братъ взялъ и испыталъ—правда-ли. И точно, была правда. Онъ взялъ эту скатерть и пошелъ дальше. Пришелъ онъ къ угольщику и проситъ у него поѣсть. Тотъ сказалъ, что у него есть только одна картофель. „Нѣтъ, сказалъ младшій братъ, я картофель не ѣмъ: не желаешь ли покушать у меня?“—„Съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ угольщикъ, покушаю“.—Тогда младшій братъ сказалъ: „скатерть, накройся!“ и вдругъ на столѣ появились напитки и наѣдки. Вотъ они поѣли, угольщикъ и говоритъ: „продай мнѣ эту скатерть!“—„Купи, а что же ты мнѣ за нее дашь?“—„Я дамъ тебѣ рожокъ, въ который какъ дунешь,—такъ сразу вылѣзутъ 9 молодцовъ одинъ другаго лучше“. Младшій братъ взялъ рожокъ, отдалъ скатерть и пошелъ дальше.

Вышелъ онъ въ чистое поле и дунулъ въ рожокъ. Вдругъ вылѣзли 9 молодцовъ: „что тебѣ надо“? Онъ сказалъ: „подите, отнимите скатерть у угольщика“. Они пошли и отняли. Онъ пошелъ дальше. Вотъ онъ приходитъ къ другому угольщику и говоритъ: „нѣтъ ли у тебя чего нибудь поѣсть?“ Тотъ говоритъ: „окромѣ картофели нѣтъ ничего“. Младшій братъ сказалъ: „покушай-ка у меня!“—„Съ удовольствіемъ“, говоритъ угольщикъ.—„Скатерть, накройся!“ Вдругъ на столѣ появились напитки и наѣдки. Поѣли, угольщикъ и говоритъ: „продай мнѣ эту скатерть“.—„Купи, что ты мнѣ дашь за нее?“—„А я тебѣ дамъ дудочку, въ которую если дунешь, то она все кругомъ унесетъ за 1000 верстъ“.

Младшій братъ взялъ дудочку, отдалъ скатерть и опять пошелъ дальше. Какъ только вышелъ въ чистое поле,

дунулъ въ рожокъ, и явилось 9 молодцовъ: „что тебѣ надо?“ Онъ сказалъ: „подите, отнимите скатерть отъ угольщика“. Они пошли и отняли. Онъ взялъ скатерть и пошелъ дальше.

Вотъ приходитъ онъ къ третьему угольщику и также проситъ у него ѣсть. Тотъ говоритъ, что кромѣ картофеля у него ничего нѣтъ.

— „Не желаешь ли покушать моего кушанья?“ Угольщикъ согласился. Скатерть по-прежнему накрылась напитками и наѣдками. Они сѣли, покушали, послѣ чего угольщикъ проситъ продать ему скатерть.

„Купи, говоритъ опять тотъ, что же ты мнѣ за нее дашь“?

Угольщикъ сказалъ: „я дамъ тебѣ шляпу, которая жжетъ на 1000 верстъ“.

Младшій братъ взялъ шляпу, отдалъ скатерть, но какъ только вышелъ въ чистое поле, дунулъ въ рожокъ и приказалъ 9 молодцамъ отнять скатерть у угольщика. Тѣ отняли; и онъ пошелъ съ ней домой. Въ это время братья его ужъ открыли торговлю и торговали одинъ другого лучше. Братьямъ было непріятно видѣть своего младшаго брата, что онъ такъ ни съ чѣмъ воротился, и они хотѣли его выдрать. Но онъ дунулъ въ рожокъ два раза, явилось 18 молодцовъ. Онъ приказалъ имъ принести розогъ. Тѣ ему принесли. Онъ сказалъ: „свѣшите ихъ и отдерите братьевъ моихъ“. 18 молодцевъ схватили братьевъ, отодрали ихъ и отпустили. Братья побѣжали жаловаться царю. Царь собралъ людей и хотѣлъ убить младшаго брата, но тотъ не стерпѣлъ, дунулъ въ дудочку и людей всѣхъ разнесло на 1000 верстъ, потомъ замахалъ шляпой и всѣхъ ихъ пережогъ.

Послѣ этого онъ пришелъ въ свой городъ и сталъ дуть въ рожокъ. Дунетъ—выскочитъ 9 молодцовъ, еще дунетъ—еще 9 молодцовъ, такъ надулъ онъ много народу и размѣстилъ его по домамъ, гдѣ раньше жили жители, которыхъ онъ сжегъ. Стали жить да поживать да добра наживать.

Г. Сургутъ. 1891 г.

---

320. Сказка о двухъ братьяхъ и сорока разбойникахъ.

(Народная сказка).

Жили-были два брата, Косима и Алибаба, и по смерти отца получили имѣнья поровну и должны бы имѣть его поровну, но случилось не такъ. Косима вскорѣ женился, и жена принесла ему богатое наслѣдство, и потому онъ сдѣлался богатымъ купцомъ. Алибаба женился на бѣдной дѣвушкѣ, и поэтому самъ жилъ бѣдно и прокармливалъ себя и семью свою тѣмъ, что возилъ изъ лѣсу дрова. Разъ Алибаба былъ въ лѣсу. Нарубивъ по обыкновенію дровъ, онъ сложилъ ихъ на своихъ ословъ и хотѣлъ отправиться домой. Но вдругъ онъ замѣтилъ вдали по дорогѣ пыль. Посмотрѣлъ онъ въ эту пыль и увидѣлъ множество всадниковъ, которые ѣхали прямо къ нему. Хотя въ той сторонѣ, гдѣ жилъ Алибаба, о разбойникахъ не было ни слуху ни духу, но Алибаба прямо подумалъ на нихъ. На него напала боязнь, такъ что онъ бросилъ ословъ и сталъ думать о томъ, какъ бы ему спастись. Онъ дрова рубилъ у скалы. У скалы же стояло большое и густое дерево, и онъ залѣзъ на это дерево, такъ что его было почти не видать. А всадники, между тѣмъ, подъѣхали къ скалѣ. Ихъ было сорокъ человѣкъ. По ихъ одеждѣ можно было сразу догадаться, что они были разбойники. Когда всѣ разбойники разнуздали лошадей, тогда стали снимать съ нихъ чемоданы, и тогда Алибаба замѣтилъ, что чемоданы были тяжелы и, навѣрное, набиты награбленнымъ золотомъ. Атаманъ разбойниковъ подошелъ къ скалѣ и сказалъ: „Кунжутъ, отворись!“ и дверь въ скалѣ незамѣтно отворилась. Дальше Алибаба этого не увидѣлъ: когда всѣ разбойники вошли въ скалу, за ними дверь заперлась. Пробывши нѣкоторое время въ скалѣ, разбойники вышли. Атаманъ опять остановился надъ дверью, произнесъ слова: „Кунжутъ, затворись“, и дверь въ скалѣ заперлась. Тогда разбойники сѣли на лошадей и поѣхали, а Алибаба всё сидѣлъ на деревѣ и смотрѣлъ. Когда они уѣхали изъ виду, Алибаба слѣзъ на землю и пошелъ отыскивать дверь въ скалѣ, и когда отыскалъ, то произнесъ слова: „Кунжутъ,

отворись!“ и дверь отворилась. Алибаба вошелъ туда и нашелъ много серебра и золота, взялъ нѣсколько мѣшковъ золота, нагрузилъ ими своихъ ословъ, а сверхъ золота дровъ положилъ и поѣхалъ домой. Дома онъ снялъ мѣшки съ золотомъ съ ословъ и принесъ ихъ въ комнату. Когда жена пощупала мѣшки, то узнала, что въ мѣшкахъ было золото; она испугалась, подумала: не укралъ ли гдѣ мужъ. И когда онъ пришелъ съ послѣднимъ мѣшкомъ, она не утерпѣла и спросила его: „гдѣ ты взялъ, Алибаба, это золото, не укралъ-ли гдѣ?“—„Полно, жена, я не воръ, потому что воромъ нельзя назвать того, кто беретъ краденое. Ты удивишься, когда я тебѣ разскажу“. И Алибаба всё разсказалъ, какъ и гдѣ золото досталъ. Жена, дѣйствительно, удивилась, а потомъ и сказала: „Алибаба! Я сосчитаю червонцы“. — „Этого нельзя дѣлать“ — „Ну свѣшаю?“ — „И этого нельзя, а впрочемъ дѣло твое: только не надо открывать эту тайну“. Женѣ сильно хотѣлось знать, сколько у нихъ золота, и она пошла къ брату Косиму просить вѣсовъ, но Косимы дома не застала и принуждена была просить у жены его и сказала: „одолжите мнѣ на нѣсколько минутъ вѣсовъ“.—„Извольте, только какіе вамъ надо, маленькіе? А на што вамъ ихъ?“—„Крупъ свѣсить“, и она, когда стала давать, помазала ихъ масломъ. Жена Алибабы взяла вѣсы и пошла домой скорыми шагами; и когда пришла домой, то стала вѣсить золото. Между тѣмъ, Алибаба вырылъ яму, туда и сложили все золото. Жена Алибабы поспѣшила отнести вѣсы и не замѣтила, что къ вѣсамъ прильнулъ червонецъ. „Вотъ твои вѣсы, благодарю за одолженіе“, и отдала ихъ женѣ Косимы. Только она вышла, какъ та обернула вѣсы, гдѣ прилипъ червонецъ, и удивилась: гдѣ могъ Алибаба взять золото, и ее стала мучить зависть, а Косимы въ это время дома не было, онъ былъ въ лавкѣ, и потому жена его принуждена была дожидаться. Когда Косима пришелъ домой, жена встрѣтила его и сказала: „ты считаешь себя богатымъ, а братъ богаче тебя, ты *считаешь* червонцы, а онъ *вѣшаетъ*“. Послѣ этого она стала разсказывать ему, какъ узнала, что братъ богатъ, и показала ему червонецъ, который такъ былъ старъ, что на немъ имя царя было не извѣстно. На другой день, до разсвѣту Косима всталъ и пошелъ къ брату. Когда пришелъ, то сказалъ: „Алибаба!

ты хорошо, видишь, притворялся бѣднымъ, а самъ золото вѣшаешь". Алибаба сказалъ: „объясни пожалуйста, братъ, я не понимаю".—„Не притворяйся", и показалъ ему червонецъ и сказалъ: „много ли у тебя эдакихъ червонцевъ? Это твой, вѣдь, червонецъ, что прилипъ къ вѣсамъ, къ тѣмъ вѣсамъ, которые твоя жена брала у моей? Разскажи, братъ, гдѣ ты взялъ эти червонцы". Алибаба разсказалъ брату, гдѣ хранится это сокровище, и назвалъ ему мѣсто. Косиму ничего больше не надо было знать, и онъ ушелъ отъ брата. На другой день онъ всталъ, взялъ съ собою десять лошадей, навьючилъ ихъ сундуками и поѣхалъ къ той скалѣ, гдѣ хранятся сокровища. Когда онъ пріѣхалъ къ этой скалѣ и отыскалъ дверь, то произнесъ слова: „Кунжутъ, отворись", дверь отперлась. Вошедши въ скалу, онъ нашелъ тамъ много серебра и золота. Потомъ онъ взялъ нѣсколько мѣшковъ съ золотомъ и пошелъ къ двери, но нашелъ дверь запертою. Онъ вспомнилъ, что для того, чтобы выйти, надо сказать какія-то слова, а какія, онъ не зналъ и вспомнить не могъ, и вмѣсто слова „Кунжутъ" говорилъ: „ячмень, отворись", и какъ онъ удивлялся, что дверь не отворялась. Такъ онъ перебралъ нѣсколько словъ, дверь все не отворялась. Такъ Косимъ и оставался въ скалѣ до полудня. Въ полдень этого дня разбойники ѣхали къ своему сокровишу, и когда увидѣли лошадей Косима, то встревожились и пустились во весь опоръ къ скалѣ. У скалы разбойники послѣзали съ лошадей и стали искать около скалы, а атаманъ съ нѣсколькими разбойниками, вооруженными саблями въ рукахъ, подошелъ къ скалѣ и сказалъ: „Кунжутъ, отворись", и дверь отворилась. А Косимъ за дверью приготовлялся бѣжать, и какъ только дверь отворилась, онъ бросился вонъ, сшибъ съ ногъ разбойниковъ, которые стояли около двери, но другіе разбойники, вооруженные саблями, схватили на сабли и умертвили его. А потомъ стали совѣтоваться: разрубить тѣло Косима на четыре части, и положили по двѣ части, около двери. Когда всё управили, то сѣли на лошадей и поѣхали.

Жена Косима ждала съ нетерпѣніемъ мужа. Когда наступила ночь, она не вытерпѣла и пришла къ Алибабѣ и говоритъ: „братецъ, ты знаешь, зачѣмъ уѣхалъ Косимъ, его всё то нѣтъ, не случилось ли чего-нибудь съ нимъ?" Алибаба

отвѣчалъ: „не безпокойтесь! Косимъ, видно, хочетъ войти въ городъ вечеромъ“. Когда пробила полночь, то жена Косима стала опять тревожиться и опять пришла къ брату Алибабѣ и стала просить его, чтобы онъ съѣздилъ въ лѣсъ, попровѣдалъ Косима. Алибаба взялъ запрегъ своихъословъ и поѣхалъ въ лѣсъ къ скалѣ. У скалы онъ нашелъ своего брата разрубленнаго, онъ подошелъ къ двери и сказалъ: „Кунжутъ, отворись“, и дверь отворилась, онъ вошелъ въ скалу, взялъ нѣсколько мѣшковъ золота, нагрузилъ ими двухъословъ, а на третьяго положилъ трупъ брата, а сверху его дровъ наложилъ и привезъ къ Косимовой женѣ и сказалъ: „надо схоронить его тайно“. На другой день схоронили, такъ что никто не видалъ. А послѣ того, какъ схоронили, Алибаба перешолъ въ домъ Косима съ своей женой и зажили они втроемъ по-семейному.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

321. **Сказка объ Иванѣ-Семистарцевѣ сынѣ.**

(Народная сказка).

Жилъ-былъ мужичокъ. Дожилъ онъ до большой старости, и у него не было дѣтей, а потомъ родился у него сынъ, котораго назвали Иваномъ. Мужичокъ пошелъ къ священнику и говоритъ: „окрести у меня сына“. Попъ отказался, не крестить. Въ какую деревню не пріѣдетъ, никакой попъ не крестить; вотъ онъ ѣдетъ назадъ. Ѣдетъ, а на встрѣчу ему семь старцевъ. „Куда ты поѣхалъ“, спрашиваютъ семь старцевъ у этого самаго мужика. Мужикъ и говоритъ: „вотъ какое у меня горе: не крестятъ нигдѣ моего сына“. А старцы и говорятъ: „давай мы его окрестимъ“. Посадилъ мужичокъ старцевъ и повезъ домой. Пріѣхали старцы и окрестили этого сына и назвали Иваномъ-Семистарцевымъ сыномъ. Вотъ живетъ Иванъ-Семистарцевъ сынъ. Когда ему исполнилось 10 лѣтъ, случилось въ мірѣ чудо. Солнце меркло три дня, три часа,

три минуты. Вотъ сталъ царь всѣхъ собирать и спрашивать, отчего это солнце меркло три дня, три часа, три минуты. Никто не могъ объяснить. Народъ и сказалъ: „надобыть, Иванъ-Семистарцевъ сынъ знаетъ“. Призвали Ивана-Семистарцева сына. Сталъ Царь спрашивать его и говоритъ: „не знаешь ли, отчего солнце меркло три дня, три часа, три минуты?“—„Я, говоритъ Иванъ Семистарцевъ сынъ, не Богъ, не могу этого знать“.—„Ну, поди да подумай, а если не придумаешь, то я тебѣ голову снесу“. Вотъ Иванъ пришелъ домой и разсказалъ о томъ, что ему царь велѣлъ придумать. „Ну, говоритъ, сынокъ нашъ любезный, вѣрно, смерть твоя пришла“. Вотъ Иванъ-Семистарцовъ сынъ и придумалъ, чтобы царь отпустилъ его странствовать и узнавать, отчего солнце меркло три дня, три часа, три минуты на три года. Пришелъ опять домой отъ царя и разсказалъ, мать напекла ему подорожниковъ, и отправился Иванъ-Семистарцевъ сынъ въ путь-дорогу. И шелъ, шелъ сколько времени, пришелъ онъ къ дубу и слышитъ, что кто то пищитъ. Залѣзъ онъ на дубъ и видитъ дѣтятъ Нагай-птицы, онѣ и пищали, потому что ихъ мочило дождемъ. Тогда Иванъ-Семистарцевъ сынъ взялъ да и накрылъ дѣтятъ своею шинелью, а самъ сталъ подъ дубъ. Вотъ прилетѣла Нагай-птица и говоритъ: „кто это дѣтей моихъ душитъ?“ А дѣтята и говорятъ матери: „нѣтъ, онъ насъ не душитъ, онъ насъ прикрылъ отъ дождя“. Нагай-птица спустилась внизъ и говоритъ: „куда тебя Богъ понесъ?“ — „А вотъ, матушка Ногай-птица, вотъ куда меня Богъ понесъ: пошелъ я разыскивать и распрашивать, отчего это солнце меркло 3 дня, 3 часа, 3 минуты“.—„Ну, говоритъ Нагай-птица, садись я тебя понесу—тамъ живутъ 3 сестры“. Несла, несла сколько времени и принесла къ одной избушкѣ и говоритъ: „ну, теперь поди туда“, а сама улетѣла... Пришелъ онъ къ одной сестрѣ, поздоровались, угостила она, и когда Иванъ-Семистарцевъ сынъ поѣлъ, сталъ говорить, разсказалъ ей всё, какъ и отчего онъ пошелъ. А она и говоритъ: „а вотъ сегодня братъ ко мнѣ придетъ“. Только подошелъ вечеръ, она взяла заткнула Ивана булавкой. Вотъ пришелъ братъ и говоритъ: „что то у тебя, сестрица, русскимъ духомъ пахнетъ“. — „Охъ, братецъ, ты, вѣрно, по Руси то катался да русскаго духу на-

хватался". А этотъ братъ и былъ самое Солнце. Вотъ сестра поднесла ему бокалъ вина и говоритъ: „ну, братъ, я давно хочу спросить у тебя, отчего это солнце меркло 3 дня, 3 часа, 3 минуты?"—„Тьфу пропасть", сказалъ братъ, изломалъ бокалъ, надѣлъ шапку и пошелъ. „Слышалъ" спросила сестра.—„Слышалъ", отвѣчаетъ Иванъ-Семистарцевъ сынъ.—„Ну, такъ поди къ другой сестрѣ, онъ можетъ ей скажетъ".

Пошелъ Иванъ-Семистарцевъ сынъ, шелъ, шелъ и пришелъ ко второй сестрѣ. Только сталъ говорить, а она: „я ужъ давно знаю; вотъ онъ сегодня вечеромъ ко мнѣ придетъ". Какъ только стало смеркаться, такъ она и приткнула на булавку въ колоду. Пришелъ братъ и говоритъ: „что-то у тебя сестрица русскимъ духомъ пахнетъ".—„Ахъ, братецъ, ты, вѣрно, по Руси-то катался да русскаго духу нахватался". Сѣли. Она поднесла брату бокалъ вина, онъ выпилъ этотъ бокалъ, а сестра ему другой поднесла и стала говорить: „вотъ, братецъ, вотъ что я хочу у тебя спросить: отчего это солнце меркло 3 дня, 3 часа, 3 минуты". — „Фу, чортъ! Словно онѣ сговорились". Изломалъ бокалъ, взялъ шапку и ушелъ. „Слышалъ?" говоритъ она. — „Слышалъ", отвѣчаетъ Иванъ-Семистарцевъ сынъ. „Ну, теперь поди къ третьей сестрѣ, онъ ее любитъ, ей и скажетъ".

Пошелъ Иванъ-Семистарцевъ сынъ къ третьей сестрѣ. Шелъ, шелъ, пришелъ къ ней и сталъ разсказывать, а она говоритъ: „я ужъ давно знаю. — А вотъ онъ сегодня ко мнѣ придетъ". Только что стало темнѣться, она взяла его да и приткнула булавкой къ колодѣ. Вотъ пришелъ братъ и говоритъ: „что-то, сестрица, у тебя русскимъ духомъ пахнетъ" — „Ахъ, братецъ, ты, вѣрно, по Руси то катался да русскаго духу нахватался". Стали они ѣсть и пить. Вотъ сестра и поднесла ему бокалъ вина, они выпили бокалъ и другой выпили, вотъ она ему подноситъ 3-й бокалъ. Стали только пить, она ему и сказала: „вотъ что, братецъ, я хочу у тебя спросить".—„Чего знаю, то и спрошу", отвѣчаетъ братъ. — „Отчего это солнце меркло три дня, три часа, три минуты?"—„А тебѣ это надо знать?"—„Да надо бы, братецъ". — „А вотъ почему солнце меркло: когда я гулялъ надъ моремъ-окіяномъ, выѣхала на море

Марья-Марьянка въ золотой шлюбкѣ, золотымъ весломъ погребаетъ. Красавица ни вздумать ни взгадать. А я захотѣлъ ее поцѣловать было, она меня ударила по лбу весломъ, я заболѣлъ и немогъ три дня, три часа, три минуты".—„Вотъ отчего!" Побесѣдовали, и потомъ братъ ушелъ. Иванъ-Семистарцевъ сынъ узналъ теперь, отчего солнце меркло три дня, три часа, три минуты, и пошелъ. Пришелъ къ Нагай-птицѣ, а она унесла его въ царство. Иванъ сначало зашелъ домой и все разсказалъ. Его обшили и обмыли; пошелъ онъ къ царю. Царь съ радостью встрѣчаетъ Ивана. Иванъ сталъ разсказывать царю, какъ узналъ онъ, отчего меркло солнце. „Живутъ, говоритъ, 3 сестры; у этихъ сестеръ есть братъ, онъ то и есть самое Солнце. Когда онъ выкатился надъ моремъ-окіаномъ, въ это время на морѣ плавала Марья-Марьянка въ золотой шлюбкѣ, золотымъ весломъ погребывала. Онъ хотѣлъ ее поцѣловать, а Марьянка ударила его по лбу весломъ, онъ занемогъ и немогъ три дня, три часа, три минуты".—„Нельзя ли достать ее?" — „Нѣтъ, говоритъ Иванъ, я этого не могу". — „Если не достанешь, я тебѣ голову снесу". Сталъ Иванъ думать. Думалъ, думалъ и придумалъ, чтобы царь ему сдѣлалъ корабль, который бы шелъ по сушѣ и по водѣ и чтобы играла на немъ музыка. Думалъ, думалъ царь, всѣхъ своихъ начальниковъ призвалъ, сдѣлали корабль, а Ивану клѣть на немъ. Сѣлъ Иванъ въ свою клѣть, и поѣхали на море-океанъ. А музыка играетъ такъ хорошо, что забылась Марья-Марьянка, подвязала свою шлюпку и стала плясать. Плясала, плясала сколько времени и заплясалась. Посадили ее на корабль и привезли въ ту столицу, гдѣ живетъ царь. Марья-Марьянка пошла разъискивать Ивана-Семистарцова сына. „Не прячься, ты меня доступилъ, такъ доступи мое подвѣнечное платье, которое подъ моремъ-океаномъ. Въ морѣ-океанѣ стоитъ церковь, въ этой церкви престолъ, подъ престоломъ сундукъ, въ томъ сундукѣ подвѣнечное платье". Когда пріѣхали къ царю, царь съ радостью встрѣтилъ ихъ, хотѣлъ ужъ вѣнчаться, да Марья-Марьянка сказала, что надо достать подвѣнечный нарядъ: въ морѣ церковь, въ церкви престолъ, подъ престоломъ въ сундукѣ подвѣнечный нарядъ. Царь сейчасъ за Иваномъ-Семистарцевымъ сыномъ. Привели. Царь ему: „вотъ что,

Иванъ, сослужи-ка мнѣ еще службу — тамъ въ морѣ-океанѣ стоитъ церковь, въ этой церкви подъ престоломъ въ ящикѣ весь подвѣнечный нарядъ. Принеси-ка его сюда". Пошелъ Иванъ домой, напекли ему подорожниковъ, на другой день отправился въ путь. Пришелъ къ Ногай птицѣ и кликнулъ ее. Вылетѣла Ногай-птица, она была въ это время въ гнѣздѣ, и говоритъ: „куда тебя Богъ понесъ?" Иванъ разсказалъ, куда его Богъ понесъ. Ногай птица посадила на себя и понесла. Когда они прилетѣли къ морю океану, она поднесла его къ небу, и быстро опустились оттуда, такъ что море раздвоилось и церковь изломалась и престолъ изломался, у ящика покрышка изломалась, и Иванъ-Семистарцевъ сынъ захватилъ весь подвѣнечный нарядъ. Только какъ вылетѣли, вода тотчасъ закрылась. „Ну, говоритъ, счастливъ ты, Иванъ-Семистарцевъ сынъ",—и понесла его въ царство. Царь съ радостью встрѣчаетъ его. Все, кажется, было готово, и царь хотѣлъ ужъ свѣнчаться, но Марья-Марьянка говоритъ: „нѣтъ, мы еще не свѣнчаемся: за моремъ-океаномъ живетъ моя сестра, у ней мое подвѣнечное кольцо". Сейчасъ за Иваномъ. Сказалъ царь Ивану: „ты поди за море-океанъ, найди тамъ ее сестру и возьми у ней подвѣнечное кольцо". Пришелъ Иванъ домой, набралъ подорожниковъ и отправился къ Ногай птицѣ. Разсказалъ ей. Она понесла его за море-океанъ прямо къ сестрѣ. Иванъ хотѣлъ говорить, а сестра— „знаю давно". Одѣла Ивана, дала ему кольцо и дала коврикъ. „Когда подойдешь къ морю, тряхни ковриком, черезъ море сдѣлается мостъ, ты мостъ соберешь", и дала ему клубокъ. „Этотъ клубокъ отпусти, куда онъ покатится, туда и иди". Иванъ такъ и сдѣлалъ. Перешелъ мостъ и пошелъ за клубкомъ. Шелъ, шелъ и зашелъ въ такую трущобу, что дальше нельзя идти. „Ахъ, гдѣ моя Ногай-птица!" А она тутъ и была. Подхватила и принесла къ царю. Царь съ радостью встрѣтилъ Ивана и просилъ Марьянку вѣнчаться. Она отказалась: „мы еще не можемъ вѣнчаться: ты старъ, я молода; я знаю средство сдѣлать тебя молодымъ: поставь на дворѣ два котла, одинъ съ козлинымъ молокомъ, другой съ водой; чтобы къ вечеру все было готово". Послалъ царь за Иваномъ и велитъ ему купаться. Иванъ не сталъ говорить. А Марьянка мигнула ему—„купайся".

Иванъ выкупался и сталъ такимъ молодцомъ, что нельзя и сказать, а царь тотъ въ котлахъ и сварился. Тогда Иванъ взялъ Марью-Марьянку за себя замужъ. Они и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ.

(90-егоды).

---

322. Отъ худа пошелъ, да хуже нашелъ.

(Съ умомъ горе, а безъ ума два горя).

Жили-были старикъ со старухой. У нихъ были дочь да сынъ. Пошла разъ дочь за водой. Попался ей старичекъ и говоритъ: „ты, дѣвица красная, уйдешь замужъ и принесешь сына Максима, онъ проживетъ три года и умретъ.“ Дѣвка бросила ведро и ну съ горя кататься по землѣ да ревѣть. Каталась, каталась, ревѣла, ревѣла, пришла домой, сказала матери да отцу. Отецъ съ матерью давай плакать надъ дѣвкинымъ горемъ, сына дома не было. Пришелъ домой сынъ, спросилъ, о чемъ они плачутъ. Тѣ разсказали ему. Сынъ разсердился и сказалъ: „прощайте, если я найду на свѣтѣ хуже васъ, буду вамъ и поилецъ и кормилецъ, а если нѣтъ, такъ не ждите!“ И ушелъ. Идетъ онъ деревней. Видитъ стоитъ новый домъ безъ трубы. Бабы затопили печь и дымъ лукошками на улицу таскаютъ. Подошелъ парень и говоритъ: „что же вы такъ маетесь? вы бы дымникъ сдѣлали“. Разсказалъ парень, какъ за работу приняться, выстроили хозяева дымникъ, и увидѣли бабы, что такъ лучше будетъ, и сказали ему спасибо. Идетъ парень другой деревней и видитъ, какъ мужики съ бабами лукошками носятъ свѣтъ въ новый домъ. Выйдетъ мужикъ или баба съ лукошкомъ, поведетъ имъ, чтобы больше свѣту забрать, закроетъ лукошко и въ избу, и въ избу. Посовѣтовалъ парень вырубить въ стѣнахъ окна, чтобы свѣтъ самъ заходилъ, и пошелъ дальше. Но чѣмъ онъ дальше шелъ, тѣмъ больше ему приходилось удивляться и совѣты давать, какъ что лучше сдѣлать и напрасныхъ трудовъ избѣжать. Въ одной деревнѣ мужикъ развѣсилъ на колья кафтанъ и съ разбѣгу старался одѣться въ него, въ другой—бабы положили на землю кокошники и становились въ нихъ головами.

Долго ходилъ парень по свѣту, наконецъ высваталъ себѣ невѣсту: пора и на родину ѣхать. Но домой не хотѣлось явиться съ пустыми руками. Зашелъ онъ къ попу на дворъ. По двору ходитъ свинья: хрю, хрю, хрю. Парень сталъ ходить за ней и гладить. Увидѣла это попадья изъ окна и говоритъ: „что тебѣ, молодецъ, нужно?“—„Да вотъ, матушка, отвѣчалъ парень, на чужой сторонѣ задумалъ жениться, некого въ свахи посадить?“—„Проси ее, можетъ она и пойдетъ“. Парень снова ходитъ за свиньей и говоритъ: „свинья пестра, будь мать-крёстна“. Свинья по-прежнему хрю, хрю, хрю. „Что она говоритъ?“, спрашиваетъ попадья. „Да она отвѣчаетъ, что у ней салопа приличнаго нѣтъ“.— „Я дамъ“, говоритъ попадья. Получивъ салопъ, свинья по-прежнему хрюкала, а парень ходилъ за нею. Такъ оказалось, что свинья не ѣдетъ, потому что и обуви нѣтъ у нея, и денегъ, и платьевъ, наконецъ пожелала имѣть тройку лошадей и карету. Попадья согласилась выдать на время и обуви, и платья, и тройку съ каретой. Снарядили свинью, посадили въ карету вмѣстѣ съ женихомъ и отправили. Уѣхалъ съ нареченной свахой. Прошелъ день, другой, третій—ни парня, ни свахи, ни кареты съ лошадьми и съ добромъ. А парень женился, съ невѣстой и добромъ воротился домой. Родители были рады, объявилъ роднымъ, что онъ будетъ ихъ поить и кормить.

(90-е годы).

---

323. Воронъ Вороневичъ и Коршунъ Коршуневичъ.

Жилъ-былъ царь. У него родилась дочь. Когда эта дочь выросла, то царю стали подкидывать часто записки. Въ этихъ запискахъ было велѣно никуда царевну не отпускать. Записки подкидывали три раза. Въ третьей запискѣ было написано, чтобы царевну посадить въ темницу, чтобы не унесъ Коршунъ-Коршуневичъ Воронъ-Вороневичъ. Царь посадилъ царевну въ темницу и посадилъ съ ней нянекъ, чтобы водились съ нею. Царь отдалъ приказъ нянькамъ,

чтобы онѣ царевну берегли, на улицу не отпускали, чтобы не унесъ Воронъ-Вороневичъ Коршунъ-Коршуневичъ. Однажды царь съ царицей ушелъ въ гости. Няньки съ царевной вышли погулять въ садъ. Вдругъ поднялась гроза, пошелъ дождь. Няньки хотѣли увести царевну въ темницу, а царевна не шла, говоритъ: „отродясь не видала дождя“. Загремѣлъ громъ, няньки говорятъ: „тебя громъ убьетъ“. Она тоже не шла: „я не слыхала отродясь грома“. Вдругъ, откуда ни возьмись, Коршунъ-Коршуневичъ Воронъ-Вороневичъ схватилъ царевну и унесъ. Когда царь пришелъ и узналъ, засадилъ нянекъ въ темницу. У этого царя были три сына. Сталъ младшій сынъ отца просить, чтобы онъ его отпустилъ сестру по бѣлому свѣту поискать. Царь отпустилъ своего младшаго сына. Долго времени царевичъ шелъ. Наконецъ онъ пришелъ къ тремъ избамъ. Зашелъ онъ въ первую избу и видитъ—сидитъ старуха. Онъ спросилъ ее: „гдѣ живетъ Воронъ-Вороневичъ Коршунъ-Коршуневичъ?“ Старуха сказала, что въ третьей избѣ отъ ея избы. Онъ зашелъ во вторую. Тамъ тоже сидѣла старуха. Онъ у ней тоже спросилъ. Она отвѣчала, что въ третьей избѣ. Иванъ Царевичъ пошелъ въ третью избу. Вошелъ и видитъ, что сидитъ его сестра. Онъ поздоровался съ ней и увидѣлъ, что изъ за печки выходитъ Коршунъ-Коршуневичъ Воронъ-Вороневичъ. Иванъ-Царевичъ и съ нимъ поздоровался. Коршунъ велѣлъ сестрѣ Ивана Царевича поставить орѣховъ на столъ. Она поставила, и они стали щелкать. Коршунъ-Коршуневичъ щелкалъ скоро, а Царевичъ не могъ расщелкнуть ни одного орѣха. Потомъ Коршунъ-Коршуневичъ приказалъ баню истопить. Царевна истопила. Коршунъ-Коршуневичъ пошли съ Иваномъ Царевичемъ въ баню. Коршунъ-Коршуневичъ съѣлъ Царевича въ банѣ, кости въ кучку сложилъ. Царь долго ждалъ Ивана Царевича и не могъ дождаться. Тогда сталъ проситься розыскивать сестру средній сынъ. Царь его отпустилъ. Долго онъ шелъ и дошелъ до трехъ избъ. Зашелъ въ первую избу, нашелъ старуху, потомъ во вторую—обѣ старухи сказали, что Коршунъ-Коршуневичъ живетъ въ третьей избѣ. Царевичъ пришелъ въ избу и поздоровался съ сестрой. Видитъ, что изъ-за печки выходитъ Коршунъ-Коршуневичъ Воронъ-Вороневичъ, онъ и съ нимъ поздоровался. Тогда Коршунъ-

Коршуневичъ приказалъ Царевнѣ поставить на столъ орѣховъ. Царевна поставила орѣховъ. Они стали щелкать. Коршунъ сталъ скоро щелкать, а Царевичъ не могъ расщелкнуть вовсе. Коршунъ велѣлъ Царевнѣ истопить баню. Она истопила. Коршунъ съ Царевичемъ пошли въ баню. Коршунъ съѣлъ Царевича въ банѣ и кости въ кучку склалъ. Царь ждалъ-ждалъ, не могъ дождаться средняго сына. Тогда сталъ старшій сынъ проситься. Царь его отпустилъ. Царевичъ пошелъ выбирать себѣ коней: на какого коня руку не наложитъ, тотъ и подсядетъ къ землѣ. Тогда царь велѣлъ выбрать ему изъ тѣхъ трехъ коней, которые у царя находились подъ двѣнадцатью цѣпями, подъ двѣнадцатью замками. И тѣ кони отъ руки Царевича по колѣно въ землю уходили. Тогда царевичъ сказалъ отцу своему: „дай мнѣ мечъ, и я пойду пѣшкомъ: нѣтъ по моей силѣ коней“. Царь далъ ему мечъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ. Долго онъ шелъ и пришелъ къ тремъ избушкамъ. Въ первой избушкѣ сидѣла старуха. Онъ разспросилъ ее, гдѣ живетъ Коршунъ-Коршуневичъ, и зашелъ во вторую, и во второй нашелъ старуху и тоже спросилъ. Пришелъ онъ въ третью. Поздоровался съ сестрой и видитъ—изъ-за печки выходитъ Коршунъ-Коршуневичъ, и поздоровался съ нимъ. Коршунъ велѣлъ Царевнѣ поставить орѣхи на столъ. Они стали щелкать. Царевичъ такъ сталъ щелкать, что Коршунъ-Коршуневичъ испугался и думаетъ про себя: „теперь мнѣ смерти не миновать“. Царевичъ самъ велѣлъ баню истопить. Царевна истопила баню. Когда Коршунъ съ Царевичемъ пришли въ баню, то Царевичъ вынулъ мечъ и наднесъ его отсѣчь Коршуну-Коршуневичу голову и сказалъ: „если ты не достанешь костей моихъ братьевъ, то я сейчасъ тебѣ голову отрублю“. Тогда Коршунъ-Коршуневичъ взмолился ему. Царевичъ велѣлъ достать ему живой воды. Коршунъ вышелъ изъ бани, свистнулъ. Къ нему прилетѣли вороны. Онъ имъ велѣлъ достать живой воды. Они ему принесли. Онъ пошелъ въ баню и вынулъ кости, сложилъ ихъ Царевичъ и прыснулъ ихъ живой водой—тогда оказалось мертвое тѣло. Въ другой разъ вспрыснулъ, они ожили и встали и сказали: „какъ мы долго спали“. Тогда старшій Царевичъ сказалъ: „еслибъ не я, вы бы навѣчно спали“. Когда они изъ бани вышли и разложили костеръ,

старшій Царевичъ отсѣкъ Коршуну-Коршуневичу голову и бросили его въ огонь. Когда Коршунъ сгорѣлъ, братья взяли Царевну и унесли домой.

Г. Сургутъ. Записано со словъ мальчика Г. Кушникова (90-е годы).

---

324. Вѣдьма.

Жилъ-былъ царь. У этого царя былъ одинъ сынъ — Иванъ Царевичъ. Конь сказалъ Ивану Царевичу: „проси у отца самаго лучшаго коня и уѣзжай скорѣе къ Солнцевой; у твоего отца родится дочь, которая съѣстъ отца и мать". Иванъ-Царевичъ сталъ просить у отца самаго лучшаго коня. Царь ему далъ. Царевичъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ солнцевой сестрѣ. Попадаются ему дорогой двѣ старушки. Иванъ Царевичъ сказалъ: „возьмите меня, старушки, съ собой". Онѣ сказали: „намъ долго не жить, вотъ разорви этотъ ящичекъ, и мы умремъ". Иванъ Царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Попадается ему Вертогоръ. Иванъ Царевичъ сказалъ: „возьми меня къ себѣ". Но Вертогоръ отказался: „сломи только у меня вершину, и я умру". Иванъ Царевичъ поѣхалъ дальше. Попадается ему Вертодубъ. Царевичъ сказалъ: „возьми меня къ себѣ". Но Вертодубъ отказался: „одинъ дубъ у меня, только свороти, я и помру". Царевичъ поѣхалъ дальше и пріѣхалъ къ солнцевой сестрѣ.—Она его приняла и накормила; Царевичъ сталъ жить у нея. Однажды Царевичъ взошелъ на гору и глядитъ на свой городъ, гдѣ жилъ его отецъ, и видитъ, что все съѣдено, только однѣ стѣны остались. Солнцева сестра его замѣтила, что Иванъ Царевичъ пришелъ съ заплаканными глазами. Солнцева сестра спросила: „отчего у тебя заплаканы глаза?" Иванъ Царевичъ сказалъ, что вѣтромъ надуло. Она приказала, чтобы вѣтеръ не дулъ, и вѣтеръ пересталъ дуть. Опять Иванъ Царевичъ взошелъ на гору и смотритъ на свой городъ и видитъ, что все уже съѣдено. Онъ поплакалъ и опять возвратился къ солнцевой сестрѣ. Солнцева сестра спросила его: „отчего ты плачешь?" Онъ ни-

чего не говорилъ, но она допытала его. Онъ ей все разсказалъ. И просилъ ее, чтобы она отпустила его не надолго домой. Она отпустила и дала ему два яблока: кто эти яблоки съѣстъ, тотчасъ же помолодѣетъ. Дала ему щетку: если кинуть ее, то станетъ дремучій лѣсъ. Иванъ Царевичъ поѣхалъ домой. Дорогой онъ бросилъ щетку, и выросъ дремучій лѣсъ и горы. Вертодубъ и Вертогоръ поблагодарили, что онъ далъ имъ лѣсъ и горы. Дорогой ему попались двѣ старушки опять, и онъ далъ имъ съѣсть по яблоку, и онѣ помолодѣли. Пріѣхалъ домой, сестра его встрѣтила и посадила его въ комнату и дала ему гусельцы, а сама сказала, что пойдетъ обѣдъ приготовить для него. Вотъ Царевичъ сидитъ и играетъ на гусляхъ. Изъ норы вылѣзла мышка и говоритъ: „бѣги скорѣй, Иванъ Царевичъ, твоя сестра зубы точитъ“. Онъ пошелъ, сѣлъ на коня и ускакалъ. А мышка стала бѣгать по гусельцамъ и бренчать. Вѣдьма не замѣтила, что Иванъ Царевичъ уѣхалъ. Она вскочила въ комнату и заскырчагала зубами. Видитъ, что никого нѣтъ, только мышь скользнула въ нору. Она побѣжала за Иваномъ Царевичемъ въ погоню. Иванъ Царевичъ оглянулся назадъ и видитъ, что сестра его догоняетъ. Онъ махнулъ платочкомъ, и позади его сдѣлалось такое широкое и глубокое озеро. Вѣдьма стала переплывать его. Покуда она плыла, Царевичъ ускакалъ далеко. Выплывши она побѣжала еще быстрѣе его догонять. Иванъ Царевичъ оглянулся и видитъ, что сестра его догоняетъ, онъ закричалъ Вертогору. Вертогоръ поставилъ гору, а сверхъ ее еще гору. Покуда вѣдьма перелѣзала гору, Иванъ Царевичъ далеко ускакалъ. Она перелѣзла, пустилась за нимъ въ погоню. Иванъ Царевичъ оглянулся назадъ и видитъ, что сестра его догоняетъ. Онъ закричалъ Вертодубу. Вертодубъ накидалъ цѣлую гору лѣсу. Покуда вѣдьма прогрызала эту гору, Иванъ Царевичъ далеко уже ускакалъ. Вѣдьма побѣжала, Иванъ Царевичъ оглянулся и видитъ, что сестра его догоняетъ. Тогда Иванъ Царевичъ закричалъ солнцевой сестрѣ. Солнце отворила двери. Иванъ Царевичъ вскочилъ туда вмѣстѣ съ конемъ, а вѣдьма осталась и говоритъ: „пусть Иванъ Царевичъ идетъ ко мнѣ вѣситься: кто изъ насъ тяжелѣе; ежели онъ меня перетянетъ, пусть отрубитъ голову, а если я его перетяну, то я его

съѣмъ". Когда Иванъ Царевичъ пошелъ съ вѣдьмой, сѣлъ на одну чашку вѣсовъ, а вѣдьма только ноги положила, Иванъ Царевичъ кверху поднялся такъ быстро, что улетѣлъ къ солнцевой сестрѣ, а вѣдьма осталась на землѣ.

Записано со словъ Гавріила Кушникова (90-е г.).

---

325. Портной.

Жилъ-былъ портной. Онъ занимался работой. Онъ часто покупалъ себѣ медъ. Однажды купилъ себѣ меду къ чаю. Когда онъ принесъ домой медъ, то ему на медъ сѣли семь мухъ. Онъ убилъ этихъ мухъ и записалъ на своемъ поясѣ: „семерыхъ убилъ" и сказалъ: „пойду лучше странствовать, чѣмъ мнѣ здѣсь силы растрачивать: семерыхъ великановъ убилъ". Дорогой онъ шелъ черезъ лѣсъ. Въ лѣсу попались ему два великана. Великаны спросили: „есть у тебя сила?" Портной показалъ имъ на поясъ: — „смотрите, я семерыхъ великановъ убилъ". Тогда великаны его взяли съ собой. Портной не могъ итти съ великанами и отсталъ и легъ на поле спать. Охотились солдаты. Они увидали портнаго, прочитали на поясѣ надпись. Пошли и сказали объ этомъ царю. Царь приказалъ не трогать, чтобы великанъ ихъ не убилъ. Портной проснулся, царь послалъ за нимъ солдатъ. Солдаты привели къ царю. Царь спросилъ: „есть ли у тебя сила?" Портной показалъ на поясъ и сказалъ: „я семерыхъ великановъ убилъ". Царь сказалъ: „если ты силенъ, то поди убей двухъ великановъ; если убьешь, я за тебя отдамъ свою дочь". Портной сказалъ: „пойду и убью". Царь послалъ свидѣтелей. Портной пошелъ съ солдатами. Когда они вошли въ лѣсъ, портной ихъ оставилъ тутъ. Наклалъ себѣ за голенища камни, залѣзъ на дерево близъ того мѣста, гдѣ спали великаны, и сталъ въ нихъ кидать камни и попалъ одному великану въ носъ. Великанъ разсердился и толкнулъ своего товарища, сказавъ: „что ты дерешься?" Оба великана подрались и убили другъ другъ (такъ). Портной пришелъ и привелъ свидѣтелей. Солдаты сказали царю, что великанъ убитъ. Тогда царь прика-

залъ портному, чтобы онъ убилъ звѣря, который людей ѣлъ, никто не проѣзжалъ, ни проходилъ. Портной взялъ съ собою двухъ офицеровъ. Когда вошли въ лѣсъ, то увидѣли избушку. Вырыли въ этой избушкѣ яму. Офицеры ушли подальше отъ этой избушки. Портной остался одинъ. Видитъ, что бѣжитъ звѣрь. Портной побѣжалъ въ избушку, сталъ за колоду. Звѣрь прибѣжалъ и упалъ въ яму. Портной привелъ офицеровъ. Офицеры увидѣли, что звѣрь лежитъ мертвый. Портной сказалъ: „я взялъ его за уши и бросилъ туда“. Офицеры пришли и сказали царю, царь выдалъ за него свою дочь. Царевна спросила однажды своего мужа: „изъ какого ты рода“. Онъ отвѣчалъ: „я былъ портной“. „А отчего у тебя написано на поясу: семерыхъ убилъ“. Тогда портной сказалъ: „семь мухъ убилъ“. Царевна пошла сказала слугамъ. Слуги пошли и выгнали портного.

Г. Сургутъ. Записано со словъ Кушникова, слышавшаго отъ солдата Серебрянникова. (90-е годы).

---

326. Волшебница.

Жилъ-былъ царь. У этого царя была дочь, престрастная волшебница. Волшебница умерла. Ея заколотили въ гробъ и унесли въ часовню на кладбище. Царь какъ ни поставитъ караулъ солдатъ — она ихъ съѣстъ. Много она переѣла у царя солдатъ. Близко этого города жила старуха съ тремя сыновьями. Старшій и средній были умные, а младшій — Иванушка дурачекъ. Однажды Иванъ говоритъ: „отпусти меня, маменька, на караулъ къ царю“. Она его отпустила. Когда Иванъ шелъ, то навстрѣчу ему попался старичекъ. Старичекъ его спросилъ: „куда ты, Ванюша?“ Иванъ пошелъ сказать: „я пошелъ караулить царевну въ часовнѣ“. Старичекъ сказалъ: „поди и проси у царя три корабля за одну ночь“. Иванъ такъ и сдѣлалъ. Царь ему далъ три корабля за ночь. Иванъ пошелъ, купилъ мѣшокъ конфектъ. Настаетъ ночь. Иванушка пошелъ въ часовню. Отомкнулъ ее и вошелъ въ нее. Когда пробило первый часъ, тогда волшебница стала изъ гроба и бросилась на него. Онъ ей бросилъ мѣшокъ конфектъ. Она стала ѣсть

эти конфекты. Пока она ѣла эти конфекты, разсвѣтало, и она упала въ гробъ. Иванушка пошелъ къ царю. Царь удивился, что Иванушка живъ. Иванъ нанялся на вторую ночь въ караулъ, тоже за три корабля. Опять купилъ мѣшокъ конфектъ и пошелъ въ часовню. Когда пришелъ въ часовню и пробило полночь, волшебница вышла изъ гроба и бросилась на Ивана. Онъ бросилъ мѣшокъ конфектъ. Пока ѣла, разсвѣтало, и она упала въ гробъ. Иванъ вышелъ изъ часовни и пошелъ къ царю. На дорогѣ ему попался тотъ же старичекъ, старичекъ сказалъ Ивану: „наймись на третью ночь и возьми три корабля, и закажи двадцать прутьевъ мѣдныхъ, двадцать оловянныхъ и двадцать желѣзныхъ. Когда она выйдетъ изъ гроба—ты лупи ее сперва оловянными, потомъ мѣдными, потомъ желѣзными". Иванъ пошелъ, нанялся въ караулъ на третью ночь и заказалъ двадцать прутьевъ мѣдныхъ, двадцать оловянныхъ и двадцать желѣзныхъ. Ему сдѣлали прутья и принесли. Онъ пошелъ въ часовню. Когда пробило первый часъ, она вышла изъ гроба и накинулась на Иванушку. Онъ сталъ ее бить оловянными прутьями, всѣ ихъ изломалъ объ нее, мѣдные также, и наконецъ желѣзными. Когда сталъ ее бить послѣднимъ желѣзнымъ прутомъ, она спокаялась: „не бей меня, Ванюшка, отведи меня къ отцу моему". Иванъ повелъ ее къ царю. Когда Иванушка привелъ ее къ царю, царь удивился и отдалъ ее за него замужъ.

Г. Сургутъ. Записано со словъ Кушникова. (90-е годы).

---

327. Ярахта-Кривой.

Жилъ-былъ крестьянинъ съ крестьянкой. Однажды крестьянинъ пошелъ на охоту. Подошелъ онъ къ озеру и видитъ—плаваетъ Лебедь. Онъ прицѣлился въ этого Лебедя. Тогда Лебедь подплылъ къ берегу и сказалъ: „не бей меня". Крестьянинъ всталъ на ноги, а Лебедь сказалъ ему: „возьми меня и прокорми годъ". Онъ взялъ и прокормилъ годъ. Когда годъ минулъ, то онъ отпустилъ Лебедя. На другой годъ также крестьянинъ пошелъ на охоту, подошелъ къ тому же озеру и увидѣлъ на озерѣ того же

Лебедя и прицѣлился въ него изъ ружья. Лебедь сказалъ: „возьми, не бей меня, и прокорми годъ, я тебѣ пригожусь“. Крестьянинъ взялъ и прокормилъ Лебедя другой годъ и отпустилъ его снова. На третій годъ крестьянинъ пошелъ стрѣлять и подошелъ къ этому же озеру и опять увидѣлъ Лебедя, прицѣлился въ него. А Лебедь взмолился: „не бей меня и прокорми третій годъ, я пригожусь тебѣ. Крестьянинъ прокормилъ и третій годъ. По окончаніи года Лебедь приказалъ крестьянину опутаться крѣпко на крѣпко веревками. Онъ опутался и сѣлъ на Лебедя верхомъ. Лебедь полетѣлъ. Долго они летѣли и спустились на одинъ островъ. Тогда Лебедь сказалъ крестьянину: „поди къ моей старшей сестрѣ и проси у ней золотую прялку, которая принадлежитъ мнѣ. Она будетъ давать тебѣ за прялку возъ серебра и возъ мѣди“. Онъ пошелъ къ сестрѣ и сталъ у нея просить прялку. Та не давала прялку и предлагала за нее возъ серебряныхъ денегъ и возъ мѣдныхъ. Онъ не бралъ. Вышелъ изъ избы и пошелъ къ Лебеди и разсказалъ ей все. Потомъ крестьянинъ сѣлъ на Лебедь и полетѣлъ дальше. Они прилетѣли на второй островъ. Тогда Лебедь послала крестьянина къ своей средней сестрѣ и „проси у нея золотое яблочко. Она тебѣ будетъ давать вмѣсто него два воза серебряныхъ и два воза мѣдныхъ денегъ, но ты не бери“. Крестьянинъ пошелъ къ средней сестрѣ и сталъ просить у нея яблочко. Та не давала и предлагала вмѣсто его два воза серебра и два воза мѣди. Онъ поругался съ нею и пошелъ къ Лебеди. Сѣлъ на Лебедь и полетѣлъ дальше. Когда они прилетѣли на третій островъ, то Лебедь сказала крестьянину: „здѣсь живетъ моя мать. Поди къ ней и проси золотую коробочку“. Крестьянинъ пошелъ къ матери. Когда онъ сказалъ ей, что Лебедь велѣла отдать золотую коробочку, то старуха отдала ему. Пришелъ къ Лебедю, и Лебедь сказала ему: „поди домой и не отворяй коробку до дома“. Крестьянинъ пошелъ. Когда онъ шелъ, ему захотѣлось посмотрѣть, что находится въ коробкѣ. Когда онъ открылъ коробку, то передъ нимъ сталъ домъ. Онъ испугался и сталъ думать: „какъ бы ему собрать обратно въ коробку домъ“. Вотъ видитъ—идетъ Ярахта-Кривой.—„Что думаешь?“, спросилъ онъ у крестьянина.—„Я не могу собрать

домъ". Ярахта сказалъ: „я тебѣ соберу домъ, а ты за это отдай мнѣ то, чего ты не знаешь у себя въ домѣ". Крестьянинъ сказалъ: „ладно". Ярахта собралъ домъ, и крестьянинъ пришелъ домой. Когда онъ подошелъ къ дому, выбѣжалъ къ нему навстрѣчу маленькій мальчикъ. Тогда крестьянинъ сказалъ ему: (это былъ его сынъ, который родился безъ него): „я тебя отдалъ Ярахтѣ-Кривому". Мальчикъ сказалъ: „я пойду". Крестьянинъ перекрестилъ его и отправилъ его. Когда мальчикъ ушелъ, крестьянинъ отворилъ коробку, и передъ нимъ сталъ домъ. Крестьянинъ сталъ жить въ этомъ дому.

Долго шелъ мальчикъ и наконецъ дошелъ до Ярахты-Криваго, вошелъ къ нему въ домъ, поздоровался съ Ярахтой. Ярахта сказалъ: „я тебѣ задамъ задачу: испеки мнѣ булку изъ ничего". Мальчикъ взялся; попрощался съ Ярахтой и пошелъ. Попадается ему Ярахтина дочь, которая повела его къ себѣ въ домъ. Здѣсь она спросила: „какую тебѣ задачу Ярахта задалъ?"

— „Ярахта мнѣ приказалъ изъ ничего испечь булку". Дочь Ярахты велѣла ему лечь спать, а утромъ все будетъ готово. Мальчикъ легъ спать. Утромъ проснулся и видитъ, что на столѣ лежитъ булка. Онъ понесъ булку Ярахтѣ. Ярахта похвалилъ его: „молодецъ", и задалъ ему задачу: „сдѣлай мнѣ, чтобы здѣсь была рѣка и по этой рѣкѣ плавали корабли". Мальчикъ пошелъ къ его дочери. Дочь спросила: „какую тебѣ Ярахта задалъ задачу?" Мальчикъ разсказалъ. Дочь Ярахты велѣла лечь мальчику спать, а утромъ все будетъ готово. Мальчикъ утромъ увидѣлъ рѣку, и на ней плавали корабли. Онъ пошелъ къ Ярахтѣ и показалъ на рѣку съ кораблями. Ярахта сказалъ ему: „выучи мнѣ коня". Мальчикъ пошелъ къ дочери Ярахты и разсказалъ ей объ этомъ. Дѣвица предупредила мальчика, что конемъ будетъ самъ Ярахта, и дала ему молотокъ и прутъ желѣзный: „молоткомъ бей по головѣ, а прутомъ по бокамъ". На другой день мальчикъ пошелъ къ Ярахтѣ. Навстрѣчу попалась ему жена Ярахтина и сказала ему, что конь въ конюшнѣ стоитъ. Мальчикъ пошелъ въ конюшню и вывелъ коня, сѣлъ на него верхомъ, взялъ прутъ и молотокъ. Конь прыгнулъ и поднялся на воздухъ. Мальчикъ сталъ по головѣ бить его молоткомъ, а по бо-

камъ прутомъ, и такъ избилъ прутомъ, что конь опухъ весь—какъ летѣлъ, такъ и палъ на землю. Мальчикъ за шею черезъ плечо втащилъ въ конюшню и пошелъ къ Ярахтѣ. Ярахта обернулся въ человѣка и сидѣлъ дома опухлый и стоналъ. Мальчикъ сказалъ: „я выучилъ коня“, и пошелъ къ дочери Ярахты. Разсказалъ ей все. Дочь ночью убила Ярахту и мать свою, потомъ перевернула себя и мальчика въ пташечекъ, и полетѣли онѣ къ отцу мальчика. Отецъ мальчика въ это время уже сдѣлался купцомъ. Онъ принялъ сына съ дѣвицей. Дѣвица осталась и жила у купца, пока мальчикъ не выросъ. Когда онъ выросъ, женился на ней.

Г. Сургутъ. Записано со словъ мальчика Кушникова. (90-е годы).

---

328. Шайка разбойниковъ.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ братъ съ сестрой. Братъ женился на волшебницѣ. Волшебница была злая. Разъ она послала золовку на рѣку полоскать нитки и дала ей шесть пасемъ нитокъ и наказала ей: „если она хоть одну пасьму утопитъ, то пусть живая не приходитъ домой“. Дѣвочка пошла. Полоскала и утопила нечаянно одно пасьмо. Долго она сидѣла и плакала. Наконецъ сказала себѣ: „пойду, куда глаза глядятъ“. Долго она шла и наконецъ дошла до разбойническаго дома. Вошла въ него и видитъ, что весь полъ смоченъ кровью. Она нашла тазъ и стала смывать кровь. Когда она вымыла полъ, поставила на столъ самоваръ, нарѣзала прикуски, затопила печь, а сама спряталась за бочку. Разбойниковъ дома не было. Когда разбойники пріѣхали и увидѣли, что у нихъ чисто, то стали искать—нѣтъ ли какого нибудь у нихъ человѣка и рѣшили: если мужчина, то онъ будетъ нашимъ братомъ, а если женщина, то будетъ нашей сестрой. Одинъ изъ разбойниковъ нашелъ дѣвочку за бочкой, вывелъ ее и сказалъ: „не бойся, ты будешь нашей сестрой“. На другой день разбойники ушли на охоту, а ей велѣли запереться крѣпко на крѣпко. Вечеромъ дѣ-

вочка увидѣла, что къ дверямъ подходитъ ея сноха волшебница и стучится: „впусти меня, дѣвушка, обогрѣться“. (Волшебница была вся оборванная, какъ нищая). Дѣвочка не знала, что это волшебница, и впустила ее. Волшебница воткнула дѣвочкѣ въ голову иголку. Дѣвочка умерла. Когда разбойники пріѣхали и увидали пріемную сестру мертвую, то стали искать, нѣтъ ли гдѣ на ней ранъ. Одинъ изъ разбойниковъ нашелъ въ головѣ иголку, вынулъ ее, и дѣвочка ожила. На слѣдующій день разбойники опять уѣхали. А волшебница одѣлась еще хуже и стала дѣвочку просить, чтобы она ее впустила. Но дѣвочка не пускала. Наконецъ волшебница достучалась до того, что дѣвочка впустила ее къ себѣ. Волшебница вдернула ей въ ухо серьгу, и дѣвочка опять умерла. А волшебница скрылась. Разбойники пріѣхали и стали опять искать раны, и нашли въ ухѣ серьгу. Они вынули серьгу, и дѣвица ожила. На слѣдующій день разбойники опять уѣхали и оставили дѣвочку одну. Волшебница опять пришла переодѣтая и стала еще сильнѣе стучаться и просилась войти въ домъ. Когда вошла, то надѣла на лѣвую руку дѣвочкѣ кольцо. У дѣвочки на обѣихъ рукахъ были свои кольца. Дѣвочка умерла. Разбойники пріѣхали и, увидѣвъ ее опять мертвою, стали осматривать: нѣтъ ли гдѣ раны. Осмотрѣли и увидѣли, что нигдѣ нѣтъ, и стали снимать съ правой руки кольца. Когда сняли всѣ съ правой руки, а дѣвочка не ожила, они сказали: „она теперь умерла навѣчно“. Сдѣлали ей гробъ, позолотили его и поставили этотъ гробъ въ амбаръ и замкнули амбаръ на аршинный замокъ, а въ двери сдѣлали дырочку. Однажды разбойники уѣхали на добычу, а мимо этого амбара проѣзжалъ Иванъ Царевичъ. Онъ слѣзъ съ своего коня и посмотрѣлъ въ амбаръ. Видитъ, что стоитъ гробъ, онъ оторвалъ замокъ, взялъ гробъ, сѣлъ съ нимъ на коня и поѣхалъ домой. У Ивана Царевича была мать волшебница. Она увидѣла гробъ, отворила его и видитъ, что лежитъ дѣвица. Она сняла у ней съ лѣвой руки кольца, и дѣвица ожила. Иванъ Царевичъ женился на ней.

Г. Сургутъ. (90-е года).

329. Вдова.

Жила-была вдова. У этой вдовы былъ сынъ и трое дядей. Дяди ѣздили на ярмарку и стали просить у матери, чтобы она отпустила сына съ ними на ярмарку: „мы его тамъ обучимъ“. Вдова стала совѣтоваться съ родными. Родные посовѣтовали отдать. На другой день сѣли на корабли и поѣхали. Ѣхали сколько-то времени, мальчикъ уснулъ. Его взяли и положили въ маленькую лодочку (обласъ), лодку отпустили въ море и сами уѣхали. Поднялась большая погода, лодочку разбило, и мальчикъ чуть не утонулъ, но его прибило къ берегу. Онъ вышелъ на берегъ и видитъ—идетъ старичекъ: „откуда ты юноша взялся?“ Мальчикъ отвѣчалъ: „меня взяли дяди и бросили“. Старикъ сказалъ: „иди за мной на гору“. Они поднялись на гору. Дѣдушка разложилъ огонекъ: „грѣйся теперь, маленькій вьюнышъ!“ Вынулъ изъ котомки двѣ просвирки. Мальчилъ съѣлъ ихъ и укралъ у старика третью и эту съѣлъ. Старикъ спросилъ: „согрѣлся ли ты?“ — „Согрѣлся, дѣдушка“. Потомъ они спустились подъ гору. Дѣдушка взялъ себѣ палочку и ему далъ палочку. Старикъ сѣлъ на доску въ рѣкѣ и садитъ мальчика, но тотъ не садится: „ты меня, дѣдушка, утопишь“. — „Садись, дуракъ, не утонешь“. Мальчикъ сѣлъ. На рѣкѣ сдѣлалось такъ тихо, что волоскомъ не задѣнетъ. Стали они палочками грести. Пріѣхали въ тотъ самый городъ, гдѣ торговали его дяди. Пріѣхали къ берегу, дѣдушка сказалъ: „вотъ дядины корабли. Иди въ этомъ домъ—здѣсь живутъ твои дяди. Если они спросятъ тебя, съ кѣмъ ты пріѣхалъ—говори, что пріѣхалъ одинъ. Если тебѣ что-нибудь будетъ надо—выйди на крыльцо, помяни меня — я тутъ и буду“.

Въ томъ городѣ около церкви была похоронена царская дочь волшебница. Каждую ночь ставятъ новый караулъ къ ея могилѣ. Волшебница въ этомъ городѣ почти всѣхъ мужчинъ пріѣла. Царь послалъ солдата къ старшему дядѣ: „становись на караулъ; если не станешь, то голову на плаху“. Этому дядѣ не хотѣлось ставать на караулъ. Нанимаетъ этого мальчика въ караулъ. Мальчикъ сказалъ: „подождите,

я выйду на крыльцо". Когда вышелъ на крыльцо, явился дѣдушка. „Дѣдушка, меня дядя нанимаетъ караулить царскую дочь". — „Ты проси у него сто рублей. Если онъ не будетъ давать, ты не ходи, онъ скажетъ — завтра утромъ отдамъ—ты проси сейчасъ, а то онъ обманетъ тебя". Приходитъ къ дядѣ и говоритъ: „наймусь за сто рублей". — „Что такъ много захотѣлъ?"—„Тогда иди самъ".—„Ну, ступай, завтра утромъ получишь".—„Нѣтъ, отдай мнѣ сейчасъ". Дядя бился, бился—взялъ и отдалъ. Мальчикъ взялъ деньги и пошелъ. Во дворѣ явился дѣдушка и взялъ у мальчика деньги. Пошелъ дѣдушка на базаръ и купилъ для мальчика псалтирь. Отдалъ книгу и сказалъ: „возьми и читай, назадъ не оглядывайся. Ночью царская дочь выйдетъ и будетъ грызть каменную стѣну и говорить тебѣ: „оглянись, мошенникъ, но ты не оглядывайся". Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Ночью въ полночь обручи съ гроба лопнули, и волшебница вышла. Сказала: „я голодна, давно дожидалась тебя, возьму и съѣмъ", и стала каменную стѣну грызть: „оглянись, мошенникъ, я тебя загрызу". Мальчикъ не оглядывался. Дошли часы, и волшебница упала въ гробъ. Трапезникъ утромъ отворилъ церковь и вошелъ съ вѣникомъ подметать кости и удивился, что мальчикъ живъ. „Меня Богъ спасъ", говоритъ мальчикъ. Пришелъ домой, и дяди удивились, что племянникъ еще живъ. „Онъ и въ водѣ не тонетъ, и никто его не ѣстъ".—„Если бы ты самъ пошелъ, тебя бы съѣла, а меня не тронула". Царь послалъ къ среднему брату, чтобы шелъ на караулъ. Тотъ сталъ нанимать мальчика. Мальчикъ нанялся за сто рублей, получилъ деньги, отдалъ ихъ дѣдушкѣ, а тотъ научилъ его читать и назадъ не оглядываться. „Волшебница будетъ грызть чугунный полъ и говорить, что это она тебя грызетъ—ты все не оглядывайся". Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Трапезникъ опять удивился, что мальчикъ живъ. Дяди опять удивились и вознегодовали, что племянникъ еще живъ. Царь послалъ къ младшему дядѣ, чтобы шелъ въ караулъ. Этотъ дядя нанялъ за сто рублей племянника идти въ караулъ. Мальчикъ взялъ деньги, отдалъ старику, а старикъ купилъ ему кольцо и наказалъ, чтобы онъ шелъ опять въ караулъ и читалъ псалтырь, а назадъ не оглядывался. „Волшебница будетъ летать огненной змѣей, и вся церковь будетъ горѣть.

Она будетъ заставлять тебя оглянуться, скажетъ тебѣ, что ты горишь, но ты не оглядывайся. Полетавши она подлетитъ къ тебѣ, и ты старайся наступить ей на мизинецъ правой ноги, а потомъ обручитесь кольцами". Мальчикъ пошелъ и сдѣлалъ такъ, какъ научилъ его старикъ. Волшебница летала, летала и наконецъ стала рядомъ съ мальчикомъ и стала читать. Тотъ наступилъ ей на правый мизинецъ, волшебница закричала, и потомъ они обручились кольцами. Утромъ онъ вышелъ вмѣстѣ съ волшебницей изъ церкви и пошелъ на квартиру къ дядямъ. Тѣ испугались. Но онъ сказалъ, что она ничего имъ не сдѣлаетъ. Волшебница сѣла въ уголъ, а мальчикъ вышелъ на крыльцо, явился къ нему дѣдушка и сказалъ: „закажи истопить баню и поди же съ ней вмѣстѣ баню", и далъ ему три пруточка — прутокъ желѣзный, мѣдный и оловянный, и далъ ему два пузырька съ мертвой и живой водой и велѣлъ ему парить прутьями до пеплу. Затѣмъ вспрысни мертвой водой—будетъ мертвое тѣло, вспрыснешь живой водой—оно оживетъ". Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Вышли они изъ бани и пришли въ ту же квартиру, она сказала: „наймемъ лошадь и поѣдемъ къ моему родителю". И поѣхали къ царю. Царь устроилъ имъ встрѣчи, царь наградилъ мальчика и выдалъ за него эту дочь замужъ и сказалъ, что „будешь сидѣть царемъ на моемъ мѣстѣ".

Вышелъ мальчикъ въ одно время во дворъ, явился къ нему старичекъ и сказалъ: „забылъ ты меня теперь, маленькій вьюнышъ! Пойдемъ со мной теперь твои деньги дѣлить". —„Не пойду, дѣдушка, будетъ съ меня и этихъ". — „Нѣтъ, пойдемъ дѣлить". И пошли. Пришли въ поле, сѣли. Старикъ досталъ деньги и раздѣлилъ на три кучки: „это тебѣ, это мнѣ, а это тому, кто просвирку укралъ". —„Виноватъ, дѣдушка, я укралъ". —„А зачѣмъ же ты скрылъ". — „Возьми себѣ всѣ деньги". Но старикъ отказался. Мальчикъ взялъ себѣ деньги. Старикъ позвалъ его дальше. Пришли они въ часовню. Въ этой часовнѣ стояла икона, и передъ ней горѣла лампада. Дѣдушка подошелъ къ этой иконѣ, и его не стало. Мальчикъ испугался и насилу вышелъ изъ часовни. Приходитъ домой—царь спросилъ его, гдѣ онъ былъ. Онъ царю все объяснилъ. „Когда я вашу дочь караулилъ, этотъ дѣдушка мнѣ помогалъ. Караулилъ

я за триста рублей и отдавалъ ихъ дѣдушкѣ, а теперь дѣдушка эти деньги мнѣ отдалъ назадъ. Увелъ меня въ часовню и скрылся тамъ. Я насилу вышелъ изъ часовни". Царь перенесъ часовню къ своей оградѣ, и каждый день стали молебны служить этому старику. Мальчикъ сталъ отпрашиваться у царя къ своей матери. Сѣлъ съ женой въ дроги, и поѣхали. Пріѣхали домой и стучатся въ сѣняхъ. „Отвори, маменька"! Мать отворила. Сынъ вошелъ въ царской формѣ. Дяди въ это время жили хуже воды. Когда они ѣхали съ ярмарки, поднялась буря, разбила ихъ корабли, и они спаслись на одной дощечкѣ. Приходятъ къ племяннику и просятъ прощенія. Онъ не прощаетъ. Мать говоритъ: „прости ихъ"! Дяди пали на колѣни. „Богъ васъ проститъ", сказалъ племянникъ. „Вы хотѣли меня сгубить, а Богъ васъ наказалъ". Ночевали ночь у матери. На другой день стали звать мать съ собой. Она заперла свою избушку и поѣхала. Пріѣзжаютъ къ царю, стали пировать.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

330. [Оклеветанная сестра].

Сказка.

Жилъ-былъ братъ съ сестрой. У брата была любимая лошадь, собака и уточка. Онъ больше всего на свѣтѣ любилъ ихъ. Онъ женился на волшебницѣ. Однажды уѣхалъ на охоту, а волшебница убила уточку. Когда онъ пріѣхалъ, она сказала, что утку убила сестра. Онъ не обратилъ на это вниманія. На другой день опять уѣхалъ на охоту. Волшебница убила собачку, а когда пріѣхалъ, сказала, что убила сестра,—онъ не обратилъ вниманія. На третій день онъ опять былъ на охотѣ, и волшебница убила послѣднюю лошадь. Онъ пріѣхалъ и узналъ отъ волшебницы, что сестра убила лошадь. Братъ разсердился на сестру. Велѣлъ ей одѣться въ самое дорогое платье, посадилъ ее въ пошевни и повезъ ее въ лѣсъ. Положилъ ей на пень руки и отрубилъ ихъ. А самъ уѣхалъ домой. Царевичъ того государства ходилъ на охоту и въ лѣсу нашелъ эту дѣвицу. Онъ

взялъ и увелъ ее въ свое царство. Женился на ней. Онъ уѣхалъ въ другой городъ, а жена осталась дома. У ней родились два сына—по колѣна золотыя ноги. Царевичу написали объ этомъ и послали съ письмомъ извозчика. По дорогѣ ему попалась волшебница. Она спросила: „куда ты поѣхалъ“? Онъ разсказалъ, что повезъ письмо царевичу. Волшебница попросила письмо. Извозчикъ показалъ. Она переписала письмо, написала, что родились два щенка. Извозчикъ поѣхалъ къ царевичу. Когда царевичъ прочиталъ, то разгнѣвался и приказалъ свою молодую жену вмѣстѣ съ новорожденными заколотить въ бочку и отпустить на море. Извозчику дорогой опять попалась волшебница. Она переписала это письмо и написала, чтобы оставить жену царевича съ дѣтьми до его пріѣзда. Извозчикъ передалъ письмо царю. Такъ и было сдѣлано, какъ написала волшебница. Когда царевичъ пріѣхалъ и увидѣлъ своихъ сыновей, то изумился. Онъ пошелъ спросить отца своего: „почему вы написали, что у нея родились два щенка“? Они пошли спросить у извозчика, не давалъ ли онъ кому письмо. Извозчикъ сказалъ, что давалъ волшебницѣ. Тогда царевичъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ извозчикомъ за волшебницей. Когда пріѣхали къ ея дому, взяли ее, посадили въ карету и повезли къ царю. За ней поѣхалъ и мужъ ея. Когда мужъ подъѣхалъ къ царскому дому, то увидѣлъ сестру свою съ обсѣченными руками. Онъ испугался и упалъ въ обморокъ. Съ нимъ отводились и спросили его: „отчего ты отсѣкъ ей руки“. Онъ показалъ на свою волшебницу: „она меня вынудила“. Волшебницу сказнили, а мужа ея сдѣлали княземъ.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

331. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ.

Жилъ-былъ царь. У этого царя былъ сынъ Иванъ Царевичъ. Однажды Иванъ Царевичъ ѣдетъ на конѣ и видитъ: сидятъ у окна три дѣвицы и гадаютъ. Иванъ Царевичъ спросилъ ихъ: „о чемъ вы гадаете?“ Старшая сказала: „если бы меня кто-нибудь замужъ взялъ, я бы принесла ему скатерть съ приборомъ“. Средняя сестра ска-

зала: „я бы принесла мужу коверъ-самолетъ.“ Иванъ Царевичъ подумалъ: „на что мнѣ кушанья, лучше возьму ту, которая обѣщаетъ коверъ-самолетъ“. А младшая сказала: „я бы принесла трехъ сыновей по колѣно золотыя ноги, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ“. Царевичъ и взялъ младшую сестру за себя замужъ. Когда царевича не было въ городѣ, у жены его родились три сына по колѣно золотыя ноги, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ. Сестры взяли этихъ младенцевъ, спрятали у одной старухи, а вмѣсто ихъ подкинули щенятъ и написали царевичу, что его жена родила трехъ щенятъ. Онъ велѣлъ заковать въ бочку вмѣстѣ съ щенятами. Когда прикатили бочку къ морю, старушка пришла съ царевной проститься и принесла одного мальчика, котораго посадили вмѣстѣ съ царевной въ бочку и отпустили ихъ на море. Долго они плыли. Мальчикъ росъ не по лѣтамъ, а по минутамъ и часамъ. Онъ выросъ такой большой, что ему стало тѣсно въ бочкѣ. Разъ онъ сказалъ матери, что насъ не качаетъ, и потянулся: бочка лопнула на берегу, и мать съ сыномъ очутились на волѣ. Вышли на берегъ и видятъ—дерутся три чорта. На землѣ около нихъ лежитъ топоръ-саморубъ, скатерть съ кушаньями и талинка-самолетка. Онъ спросилъ: „о чемъ вы деретесь?“ Черти отвѣчали: „дѣлимъ-де скатерть“. Царевичъ сказалъ: „бѣгите, и кто изъ васъ дальше убѣжитъ—тому скатерть“. Они убѣжали и больше не возвращались. Мальчикъ приказалъ топору-саморубу срубить дворецъ здѣсь на берегу. Топоръ сталъ рубить, и скоро сдѣланъ былъ домъ лучше царскаго. Мать съ сыномъ вошли въ этотъ домъ, слуги ихъ раздѣли, принесли имъ кушанья, и мать съ сыномъ стали тутъ жить. Вотъ однажды сынъ увидѣлъ—плыветъ корабль изъ того города, въ которомъ жилъ его отецъ. Онъ корабельщиковъ пригласилъ пристать къ берегу. Корабельщики испугались и стали отворачивать дальше. Сынъ приказалъ талинкѣ-самолеткѣ перебить всѣхъ людей на кораблѣ. Люди испугались и стали приворачивать къ берегу. Тогда сынъ велѣлъ талинкѣ людей больше не бить. Сынъ приказалъ корабельщикамъ, что они привезли ему Ивана-Царевича, его отца. Корабельщики поѣхали. Сынъ пошелъ къ матери и разсказалъ ей. Мать ему сказала: „надо достать и твоихъ братьевъ“. Она испекла три булки

и велѣла сыну съ этими булками сѣсть на талинку-самолетку. Онъ полетѣлъ на талинкѣ къ братьямъ. Братья въ это время были въ подпольѣ у старухи. Онъ вошелъ къ нимъ, далъ имъ по булкѣ и велѣлъ вмѣстѣ съ собой сѣсть на талинку-самолетку. Сѣли и полетѣли къ матери своей. На другой день пріѣхалъ Иванъ Царевичъ, отецъ ихъ. Они пошли на корабль встрѣчать отца, взяли подъ руки и повели въ домъ. Мать въ это время была въ особенной комнатѣ. Иванъ Царевичъ спросилъ: „гдѣ же ваша мать?“ Они пошли и вывели мать. Иванъ Царевичъ палъ передъ женой на колѣни и просилъ у ней прощенія. Она его простила. Тогда Иванъ Царевичъ послалъ корабль въ свой городъ и приказалъ, чтобы на воротахъ этого города повѣсили обѣихъ сестеръ его жены и растрѣляли простоквашей.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

332. Медвѣдь.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Разъ къ нимъ зашелъ медвѣдь въ избу. Они его накормили и напоили изъ поганаго корыта. Это былъ не медвѣдь, а оборотень-человѣкъ. Медвѣдь пошелъ и повелъ за собой старика со старухой. Какъ они не остановятся, медвѣдь тотчасъ обернется и закричитъ. Сталъ доводить онъ ихъ до лѣсу. Старикъ и говоритъ промежъ себя: „мы заблудимся“, а старуха говоритъ: „иди, можетъ быть, Богъ насъ и выведетъ“. Когда зашли въ лѣсъ, медвѣдь остановился и манитъ ихъ лапой къ себѣ. Они подошли. Медвѣдь указалъ имъ на яму. Старикъ соскочилъ въ эту яму и видитъ—лежатъ серебряныя деньги. Онъ набралъ ихъ въ сапоги, а старуха набрала полный платокъ. Когда они вылѣзли изъ ямы, медвѣдь далъ имъ ножикъ и показалъ лапой на брюхо и повелъ лапой по брюху, показывая, что надо распластнуть. Старикъ разрѣзалъ ножомъ брюхо медвѣдю. Когда старики ушли, медвѣдь сдѣлался человѣкомъ и ушелъ въ свой городъ. А старикъ сталъ жить побогаче, чѣмъ жилъ раньше.

Разъ онъ поѣхалъ въ городъ за покупкой товару и пріѣхалъ въ лавку къ тому самому купцу, который былъ медвѣдемъ. Старикъ поздоровался съ нимъ. Купецъ сказалъ: „ты не знакомый ли мнѣ. Помнишь, какъ я къ тебѣ приходилъ медвѣдемъ, и ты меня изъ поганаго корыта поилъ“. Старикъ сказалъ: „помню“. А купецъ ему далъ за это товару даромъ.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

333. Золотая свинья.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ царь. Около этого царя невдалекѣ жилъ другой царь. Между столицами ихъ жилъ звѣрь—половина человѣкъ, половина медвѣдь. Послалъ разъ первый царь къ другому письмо съ лакеемъ и корзинку пироговъ. Слуга пошелъ, и на дорогѣ выскочилъ звѣрь и погнался за нимъ. Слуга сталъ кидать по пирогу, а звѣрь сталъ ихъ ѣсть. Когда слуга дошелъ до дворца, звѣрь закричалъ человѣческимъ голосомъ, „стой!“ Слуга остановился. Звѣрь подошелъ къ нему и сказалъ: „покажи, гдѣ тутъ поповскіе амбары и домъ“. Слуга показалъ. А звѣрь сказалъ: „когда ты пойдешь назадъ, пройди мимо амбаровъ и свистни мнѣ: я буду въ этомъ амбарѣ золотой свиньей“. Слуга пошелъ къ царю, а звѣрь въ поповскіе амбары и перевернулся тамъ свиньей. Въ этотъ амбаръ пришли двѣ поповскія сестры. Старшая сказала: „какая славная свинья лежитъ“— и схватила ее и прильнула къ ней, а другая схватилась за сестру и потянула, и обѣ прильнули. Они стали кричать. Пришла матушка и схватилась и тоже прильнула. Пришелъ попъ, сталъ тащить и самъ прильнулъ. Шелъ мимо слуга и свистнулъ. Свинья пошла, и все поповское семейство съ ней въ другой городъ вмѣстѣ со слугой. Дорогой выскочилъ изъ озера чортъ и схватился за нихъ и самъ прильнулъ. Попъ сталъ читать молитвы, но не помогало. Видятъ, что мужикъ молотитъ хлѣбъ. Мужикъ говоритъ: „дай я отрублю чорту пятки“; прибѣжалъ ударилъ по пяткамъ

и самъ прильнулъ. Тогда они пришли ко дворцу. У этого царя была дочь, такая угрюмая, что никогда не смѣялась. Свинья сказала царю: „иди и выведи свою дочь. Если я ее разсмѣшу, ты дай мнѣ три тысячи рублей серебряныхъ денегъ“. Царь пошелъ за нею. Свинья превратилась въ звѣря и сказала: „вотъ двѣ поповскія сестрицы, вотъ попадья, вотъ батюшка, а чортъ зачѣмъ тутъ прильнулъ?“ Царевна разсмѣялась, а царь отдалъ обѣщанныя деньги. Звѣрь ихъ роздалъ между поповскими сестрами, матушкой, батюшкой и мужикомъ и распустилъ ихъ на волю.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

334. Шанпанская королева.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ царь. У него было три сына. Царь захворалъ. Старшій сынъ поѣхалъ доставать живой воды у Шанпанской королевы. Не доѣхалъ до нея. Поѣхалъ средній сынъ и также не доѣхалъ до Шанпанской королевы. Поѣхалъ младшій сынъ. Дорогой заѣхалъ къ одной старухѣ. Когда вошелъ, то она сказала: „фу, фу—давно не слыхала человѣчьяго духу“. Иванъ Царевичъ сказалъ: „не знаешь, гдѣ живетъ Шанпанская королева?“ Старуха сказала: „какая тебя неволя ведетъ къ ней?“ Онъ сказалъ, что поѣхалъ за живой водой для излѣченія отца. Старуха взяла у него его коня и дала ему другаго. Поѣзжай на моемъ конѣ къ другой сестрѣ. Онъ поѣхалъ. Другая старуха перемѣнила у него и этого коня. Онъ поѣхалъ къ третьей сестрѣ. Сестра эта знала, какъ достать у королевы живой воды. Она разсказала Ивану Царевичу: „когда пріѣдешь ко дворцу, то увидишь, что дворецъ обнесенъ каменными стѣнами, на этихъ стѣнахъ проволоки; въ первый разъ ты проскочишь во дворъ; наберй въ этомъ дворѣ молодыхъ яблокъ и живой воды. Королева теперь спитъ и будетъ спать 12 сутокъ. Когда наберешь яблоковъ и воды, то не смотри на нее, а какъ только взглянешь на нее, твой конь, перескакивая стѣну, задѣнетъ проволоку копытомъ, заиграетъ музыка, и

тебя захватятъ". Царевичъ поѣхалъ на новомъ конѣ, котораго дала третья сестра. Перескочилъ черезъ стѣну во двору и набралъ въ пузырекъ живой воды и молодыхъ яблокъ и положилъ все въ сумочку, сѣлъ на своего коня и подъѣхалъ къ Шанпанской королевѣ и взглянулъ и вспомнилъ, что старуха ему запретила смотрѣть. Ударилъ своего коня и перескочилъ черезъ стѣну. Конь задѣлъ за проволоку, и заиграла музыка. Шанпанская королева пробудилась и пустилась за нимъ въ погоню. Иванъ Царевичъ ускакалъ далеко. Прискакалъ къ старухѣ. Она вывела ему свѣжаго коня. Онъ сѣлъ. „Бей его, не жалѣй, до костей, а то Шанпанская королева догонитъ тебя!" Когда Иванъ Царевичъ ускакалъ, пріѣхала къ старухѣ Шанпанская королева и спросила: „не проѣзжалъ ли кто здѣсь изъ принцевъ принцевичей, изъ королей королевичей?" — „Что ты, царевна?! Мы не пропускаемъ муху". Старуха повела ее къ себѣ. Посадила ее и сказала: „сейчасъ я самоваръ согрѣю". А сама поставила самоваръ и, какъ только онъ разгорѣлся, она залила его, подложила огня и снова залила. Старуха три раза самоваръ заливала. Наконецъ поставила на столъ и напоила королеву чаемъ. Напившись чаю, королева поѣхала дальше въ погоню. А царевичъ доскакалъ до послѣдней старухи. Старуха вывела его коня и велѣла гнать коня скорѣе: „когда къ своимъ границамъ подбѣжишь, то тремя ногами поставь коня на свою землю, а одной на нашу". Царевичъ такъ и сдѣлалъ. Къ нему подскакала Шанпанская королева. Она сказала ему: „ты меня дожидайся черезъ двѣнадцать лѣтъ, и я къ тебѣ пріѣду на двѣнадцати корабляхъ". И королева поѣхала назадъ, а царевичъ поѣхалъ къ отцу своему. Отецъ ужъ совсѣмъ умиралъ. Дали ему выпить живой воды, царь выздоровѣлъ. Иванъ Царевичъ далъ съѣсть одно яблоко, и король сдѣлался молодымъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ пріѣхала Шанпанская королева на двѣнадцати корабляхъ съ двумя сыновьями. Пріѣхавши, королева приказала выйти съ розгами на берегъ своимъ сыновьямъ, а сама стала просить виновника. Царь послалъ старшаго сына. Королева приказала своимъ сыновьямъ дать ему двѣнадцать лозъ. Ему дали, отправили домой и сказали:—„подайте виновника". Царь послалъ сред-

няго сына и ему тоже дали двѣнадцать лозъ. Пошелъ младшій сынъ. Сыновья королевы взяли подъ руки и повели на корабль. Шанпанская королева свѣнчалась съ нимъ и увезла въ свой городъ.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

335. Сказка объ Иванѣ-Царевичѣ.

Жилъ-былъ царь. У этого царя былъ сынъ Иванъ Царевичъ. Разъ поѣхалъ Иванъ Царевичъ на кораблѣ. Дорогой онъ сталъ распоряжаться надъ матросами, они не взлюбили этого, зашили въ кожу и бросили въ море. Прилетѣла огромная птица, схватила Ивана Царевича и вынесла на берегъ и стала клевать свою добычу. Иванъ закричалъ. Птица вспорхнула и улетѣла. Онъ увидѣлъ, что надъ его головой проклёвана дырочка. Онъ сталъ раздирать эту дырочку больше и наконецъ вылѣзъ изъ кожи. Видитъ, что идетъ маленькая дорожка. Онъ пошелъ по этой дорожкѣ. Пришелъ къ саду и видитъ—по срединѣ сада стоитъ огромная койка. Онъ прошелъ садъ и пошелъ дальше и увидѣлъ другой садъ. Онъ и этотъ садъ прошелъ мимо. Пришелъ къ третьему саду съ койкой и его также прошелъ мимо и пошелъ дальше. Видитъ, предъ нимъ стоитъ домъ съ двумя крыльцами: серебряное крыльцо и золотое. Онъ подумалъ: „кто тутъ живетъ? по которому крыльцу мнѣ войти? Я царскій сынъ и пойду по золотому крыльцу“. Пошелъ и отворилъ дверь въ первую комнату и увидѣлъ—сидятъ курицы: „неужели здѣсь такіе люди живутъ, какъ наши курицы“. Онъ прошелъ дальше въ слѣдующую комнату. Въ ней кошки да собаки сидятъ. Онъ говоритъ: „неужели и это люди, какъ наши кошки и собаки“. И пошелъ въ третью комнату и видитъ, что въ этой комнатѣ отъ пола до потолка стоитъ портретъ, на которомъ нарисованъ звѣрь. „Неужели въ этомъ домѣ такіе звѣри живутъ“, подумалъ Иванъ Царевичъ. Въ этой же комнатѣ увидѣлъ онъ кровать съ занавѣской. Подошелъ къ ней, отдернулъ занавѣску и увидѣлъ—лежитъ звѣрь, котораго онъ уже видѣлъ на портретѣ. Звѣрь сказалъ ему: „ты зачѣмъ сюда при-

шелъ". Иванъ Царевичъ ему разсказалъ. Звѣрь сказалъ: „будь моимъ сыномъ", и далъ ему ключи отъ двѣнадцати амбаровъ; „въ 11 амбаровъ ходи, а двѣнадцатый не отворяй". На другой день звѣрь ушелъ изъ дома. Иванъ Царевичъ пошелъ ходить по амбарамъ. Въ первомъ амбарѣ онъ не нашелъ ничего. Пусты были и второй и третій, четвертый, пятый и шестой амбары. Въ седьмомъ амбарѣ онъ нашелъ драгоцѣнные камни; въ восьмомъ--кучу человѣческихъ костей; въ девятомъ--кучу серебра, въ десятомъ—кучу золота, а въ одиннадцатомъ—человѣчьи головы. Въ двѣнадцатый онъ не пошелъ, а возвратился въ домъ. Пришелъ звѣрь и спросилъ: „не былъ въ двѣнадцатомъ амбарѣ". И когда узналъ, что не былъ, похвалилъ его. На другой день звѣрь ушелъ. Иванъ Царевичъ пошелъ въ двѣнадцатый амбаръ и видитъ, что въ немъ сидятъ двѣ дѣвицы, каждая прикована двѣнадцатью цѣпями. Онѣ просили Ивана Царевича, чтобы онъ расковалъ ихъ и снялъ по шести цѣпей. Иванъ Царевичъ снялъ съ каждой по 6 цѣпей. Онѣ ударили руками по своимъ платьямъ и улетѣли, какъ птицы. Въ лѣсу онѣ сѣли за кусточекъ, близъ того мѣста, гдѣ ходилъ звѣрь. Онъ увидѣлъ, что сидятъ двѣ дѣвицы съ 6-ю цѣпями каждая. Онъ подкрался къ нимъ и поймалъ ихъ и повелъ ихъ къ себѣ въ амбаръ. А Ивану Царевичу сказалъ: „если бы я ихъ не поймалъ, посадилъ бы тебя на одну руку, другою прихлопнулъ—только бы ты и жилъ". Дѣвицамъ онъ приказалъ снять съ себя волшебныя платья, одѣлъ ихъ въ простыя, а волшебныя сжегъ. Взялъ Ивана Царевича въ амбаръ и сказалъ: „выбирай себѣ жену". Иванъ Царевичъ взялъ младшую сестру. Принесъ звѣрь коверъ-самолетъ, посадилъ ихъ, Ивана Царевича по правую руку. Царевичъ хотѣлъ по лѣвую сѣсть, но звѣрь сказалъ: „если ты сядешь по лѣвую, то коверъ полетитъ водою и она столкнетъ тебя гдѣ нибудь въ воду". Иванъ Царевичъ сѣлъ по правую руку и полетѣлъ къ своему отцу, свѣнчался съ этой дѣвицей. Сады, которые видѣлъ Иванъ Царевичъ, служили для отдыха звѣрю.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

336. Иванушка Дурачекъ.

Жили-были старикъ со старухой. У этого старика было трое сыновей и двѣ дочери. Двое сыновей были умные, а третій—Иванушка дурачекъ. Разъ Иванушка пошелъ по воду на рѣку, почерпнулъ первое ведро съ водой, а въ другое воду зачерпнулъ золотую щуку и говоритъ ей: „вотъ я тебя пойду и съѣмъ“. Но щука сказала: „не ѣшь меня, я тебѣ великую службу сослужу. Что тебѣ надо—только скажи: „какъ по щучьему велѣнью, по моему по прошенью—такъ сейчасъ тебѣ и будетъ“. Иванъ отпустилъ. Пошелъ домой. На другой день онъ сѣлъ въ сани, отвязалъ оглобли. Сестры сказали ему: „отчего ты лошадь то не запряжешь“. Иванушка сказалъ: „по щучьему велѣнью, по моему по прошенью, сани, трогайтесь въ лѣсъ“. Сани поѣхали. Въ лѣсу Иванушка силой щучьяго велѣнья приказалъ топору нарубить возъ дровъ. Когда возъ былъ готовъ, по щучьему велѣнью, по Иванову прошенью сани тронулись впередъ. Дома Иванушка убралъ съ возу дрова. На другой день онъ сѣлъ на бочку и сказалъ: „какъ по щучьему велѣнью, по моему по прошенью, бочка, трогайся къ царю“. Бочка, какъ вѣтеръ, помчалась къ царю. Царь увидалъ, постучалъ Ивану въ окно и сказалъ: „вотъ чудовище: на бочкѣ ѣздитъ“! Иванушка сказалъ царю: „отдай за меня королеву, а я тебѣ за это множество войска дамъ“ Царь согласился. Иванъ отошелъ немного и по щучьему велѣнью, по Иванову прошенью явилось много войска, которое онъ повелъ къ царю. Царь отдалъ за него дочь. Разъ поссорился Иванъ съ своимъ тестемъ. Царь приказалъ Ивана вмѣстѣ съ женой заколотить въ бочку и отпустить на море. Ихъ заколотили и отпустили на море. Долго они плыли, наконецъ Иванушка вспомнилъ и сказалъ: „по щучьему велѣнью, по моему по прошенью, бочка, трогайся на гору и тамъ разбейся“. Такъ и сдѣлалось. Когда они вышли на берегъ, Иванушка пожелалъ имѣть тутъ дворецъ лучше царскаго. Онъ вошелъ въ этотъ дворецъ и сталъ въ немъ жить. Разъ онъ сѣлъ на печку и сказалъ: „по щучьему велѣнью, по моему по прошенью,

печка, трогайся къ царю". Печка помчалась къ царю. Дорогой всякому встрѣчному кричалъ: „дорогу!" Пріѣхалъ къ царю. Царь испугался. Иванъ слѣзъ съ печки и сказалъ: „не бойся, царь, садись со мной на печку и поѣдемъ со мной въ домъ". И поѣхали. Увидѣвъ дворецъ, царь удивился и спросилъ: „гдѣ ты досталъ этакой дворецъ"? Иванушка ему разсказалъ.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

337. Три купца.

(Народная сказка).

Жили-были три купца. Задумали они жениться. Двое женились на богатыхъ, а одинъ на бѣдной. Первые стали смѣяться надъ первымъ, зачѣмъ онъ самъ богатый, а жену взялъ бѣдную. Онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Разъ этотъ купецъ собрался въ дорогу. Товарищъ его и говоритъ: „знаешь ли, вѣдь твоя жена меня любитъ, а не тебя". Купецъ спорилъ, что жена его любитъ, и ударились объ закладъ. Товарищъ сказалъ: „въ доказательство, что твоя жена любитъ меня, я принесу тебѣ ея перстень, а ты отдай мнѣ корабль съ людьми и товаромъ, а если не достану перстень, то я тебѣ отдамъ корабль съ людьми и товаромъ". И пошелъ хвастливый купецъ доставать перстень у жены своего товарища. Но такъ какъ та не хотѣла отдавать кольцо и вовсе купца не любила, то купецъ хотѣлъ силой завладѣть кольцомъ. Но купчиха позвала слугъ и назойливаго купца прогнала вонъ. Пошелъ купецъ домой и голову повѣсилъ: стыдно ему отъ неудачи и жалко товарищу корабль съ людьми и добромъ отдавать. Попалась ему на встрѣчу старуха, низко поклонилась, но купецъ и не посмотрѣлъ на нее; старуха вновь поклонилась, и вновь купецъ не замѣтилъ, старуха въ третій разъ зашла и поклонилась купцу. Купецъ замѣтилъ старуху и поклонился ей. Старуха спросила его: „что ты грустный такой?" Купецъ разсказалъ ей. Тогда старуха сказала: „отдай мнѣ тысячу рублей, тогда я тебѣ перстень достану".

Купецъ согласился и отдалъ старухѣ деньги. Она взяла горшокъ и пошла просить у купчихи капусты. Та пошла сама за капустой въ погребъ, а старуха въ это время схватила кольцо, которое лежало на окнѣ, и побѣжала къ купцу. Тотъ взялъ кольцо, показалъ мужу. Мужъ призналъ, что это его кольцо. Пошелъ къ своей женѣ (а тому купцу отдалъ корабль съ людьми и товаромъ) и приказалъ ей одѣться въ лучшее платье и въ такомъ видѣ повезъ ее съ собой на кораблѣ. Дорогой, когда они гуляли на палубѣ вдвоемъ, купецъ толкнулъ свою жену въ море, а самъ вернулся домой.

Между тѣмъ жена его не утонула. Она пришла въ какой-то городъ и здѣсь встрѣтила солдата. Она предложила ему промѣняться платьемъ, солдатъ согласился, и такимъ образомъ купеческая жена сдѣлалась солдатомъ. Новый солдатъ велъ службу такъ хорошо, что скоро сдѣлался генераломъ. Наконецъ она пожелала ѣхать въ свой городъ.

Мужъ ея былъ живъ. Когда онъ возвратился, его стали допрашивать, гдѣ его жена. Онъ отвѣчалъ, что она утонула. Но его схватили и посадили въ темницу, гдѣ онъ и сидѣлъ все время, пока жена его не пріѣхала въ свой городъ и не велѣла выпустить арестантовъ. Женщина-генералъ остановилась въ домѣ своего мужа. Когда мужъ пришелъ, женщина велѣла выйти всѣмъ изъ дому и стала у него спрашивать, за что онъ сидѣлъ въ темницѣ, зачѣмъ онъ утопилъ жену. Мужъ разсказалъ вину. Генералъ спросилъ: „а что, если бы ты опять увидалъ свою жену передъ собой и узналъ бы, что она ни въ чемъ передъ тобой невиновна“. Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, мнѣ теперь ужъ ее не видать“. Генералъ вышелъ въ другую комнату, снялъ генеральскую одежду и одѣлся въ то самое платье, въ которое одѣвался въ день разлуки со своимъ мужемъ. Когда вышла къ мужу, онъ упалъ отъ испуга. Она его подняла и сказала: „не бойся, я все позабыла. Ты напрасно меня обвинялъ. Тотъ перстень украла у меня старуха и отдала купцу“. И уговорила мужа ѣхать къ царю. Царь сдѣлалъ купца генераломъ вмѣсто его жены.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

338. Народная сказка про мужика и бабу.

Жилъ-былъ мужикъ съ бабой. Баба была злая и мужа своего ненавидѣла. Весной, какъ только снѣгъ стаялъ, баба послала мужика въ лѣсъ за ягодами, и дала такой строгій приказъ: „если ты не наберешь ягодъ, то лучше и домой не ходи“. Мужикъ, нечего дѣлать, пошелъ. Но такъ какъ было рано, то онъ не могъ найти ни одной ягодки. А бродивши по лѣсу, наткнулся на яму, такую глубокую, что и дна не видать. Сверхъ этой ямы онъ наложилъ хворосту, а на хворостъ насыпалъ земли, такъ чтобы нельзя было замѣтить ямы. Потомъ пошелъ домой, а дорогой зашелъ на базаръ и купилъ ягодъ, принесъ ихъ женѣ и сказалъ: „я столько ягодъ нашелъ, что не выберешь; пойдемъ завтра вмѣстѣ ихъ брать“. Баба согласилась. Когда на другой день пришли въ лѣсъ, мужикъ толкнулъ бабу въ яму. А въ этой ямѣ жилъ чортъ. Онъ и бабу сдѣлалъ чортомъ. Новому чорту показалось тѣсно въ ямѣ и онъ сталъ выживать стараго хозяина вонъ. Чортъ вышелъ изъ терпѣнія и вылѣзъ изъ ямы и пошелъ жаловаться къ мужу. „Твоя баба меня выжила изъ ямы; давай жить вмѣстѣ“. Мужикъ согласился. Чортъ сдѣлалъ мужика докторомъ, а самъ сталъ кикиморой. Мужикъ сталъ лѣчить людей. Кикимора залѣзла на колокольню и стала трезвонить. Звонила долго. Звонъ донесся до бабы. Она вышла изъ ямы и пошла къ мужу. Мужъ побѣжалъ на колокольню съ радостной вѣстью о возвращеніи жены. Чортъ испугался и скочилъ прямо съ колокольни на землю и убился. А мужикъ съ бабой стали жить лучше прежняго. Онъ лѣчилъ людей, а баба стала докторшей...

(90-е годы).

---

339. Сказка про змѣя.

Жилъ-былъ крестьянинъ. У него былъ сынъ. Онъ жилъ съ отцомъ, наконецъ ушелъ отъ него на всѣ четыре стороны. Долго онъ шелъ и наконецъ въ лѣсу увидѣлъ трехэтажный домъ. Онъ вошелъ въ него. Видитъ, сидитъ ста-

руха. Она спросила: „зачѣмъ ты сюда, дитятко? змѣй прилетитъ и съѣстъ тебя“. Но парень не испугался: „что будетъ, то и будь“. Старуха спрятала его за печку. Вскорѣ приходитъ змѣй и говоритъ: „фу, фу, русскимъ духомъ несетъ“. — „Ты леталъ по бѣлому свѣту да русскаго духу нахваталъ, а здѣсь и муха не смѣетъ пролетѣть“. Когда змѣй пришелъ въ хорошее состояніе духа, старуха стала просить: „не ѣшь человѣка, пусть онъ будетъ твоимъ меньшимъ братомъ“. — „Если онъ сильнѣе меня, пусть будетъ моимъ старшимъ братомъ, а если слабѣе — пусть будетъ младшимъ братомъ“. Когда крестьянскій сынъ вышелъ изъ за печки, змѣй вступилъ съ нимъ въ борьбу, силы пробовать. Змѣй сразу поборолъ и сказалъ: „будь меньшимъ моимъ братомъ“. И отдалъ ему ключи отъ амбаровъ и приказалъ ему ходить во всѣ амбары, кромѣ трехъ, въ которые змѣй запретилъ входить. На другой день змѣй ушелъ. Крестьянскій сынъ не входилъ въ тѣ амбары, въ которые дозволилъ змѣй, а пошелъ въ запрещенные амбары, сказавъ: „что будетъ, то и будь“. Въ первомъ амбарѣ онъ нашелъ дѣвицу, которая шила рубашку. Дѣвица сказала: „зачѣмъ ты сюда вошелъ, Иванъ Царевичъ, змѣй прилетитъ и съѣстъ тебя“. Дѣвица была одѣта въ тонкую рубашку, сквозь которую было видно ея тѣльцо, а сквозь тѣльцо косточки видно, сквозь косточки мозгъ видно, какъ изъ косточки въ косточку мозгочекъ переливается. Эта дѣвица сидитъ тутъ тридцать лѣтъ. Онъ заперъ и пошелъ въ другой. И въ этомъ амбарѣ оказалась дѣвица, которая шила рубашку. Она задала ему такой же вопросъ, какъ и первая: „чтобы спастись тебѣ, поди въ третій амбаръ — тамъ по правую руку стоитъ сильная вода, по лѣвую слабая. У сильной воды на блюдѣ лежитъ арбузъ сильный, а у слабой воды на блюдѣ лежитъ слабый арбузъ“. Крестьянскій сынъ вошелъ въ третій амбаръ и сталъ пить сильную воду и ѣсть сильный арбузъ. Онъ выпилъ почти всю воду и съѣлъ почти весь арбузъ и сталъ такимъ силачемъ,—что подъ нимъ затрясся амбаръ. Онъ взялъ въ сильную воду налилъ слабой воды, а вмѣсто сильнаго арбуза подложилъ слабый. Затворивъ амбаръ, онъ пошелъ къ старухѣ и палъ ей въ ноги, прося прощенія за то, что онъ выпилъ воду. Старуха не прощала, но наконецъ простила. Онъ вышелъ

изъ дому и пошелъ по двору. По срединѣ двора онъ замѣтилъ чугунную западню. Онъ отворилъ ее и увидѣлъ, что стоитъ конь на двѣнадцати цѣпяхъ и на двѣнадцати замкахъ. Крестьянскій сынъ спустился и пошелъ къ этому коню. Конь сказалъ ему: „зачѣмъ ты вошелъ? змѣй сейчасъ придетъ и съѣстъ тебя“. Парень отвѣчалъ: „я его не боюсь“. Конь попросилъ его отковать цѣпи, отомкнуть замки, посадилъ на себя и сказалъ: „поѣзжай на мнѣ, если ты усидишь на мнѣ, значитъ можешь бороться со змѣемъ; а если не усидишь, я тебя убью“. Крестьянскій сынъ поѣхалъ, но не могъ усидѣть и упалъ, но снова сѣлъ и поскакалъ. Конь уронилъ сѣдока и въ другой разъ, сѣдокъ сѣлъ и въ третій разъ, и такъ крѣпко, что конь скакалъ черезъ лѣса, горы и не могъ сронить ѣздока и сказалъ ему: „ты въ два раза сильнѣе змѣя“, и повезъ его домой къ змѣю. Конь сталъ въ прежнее мѣсто. А парень спустился заперъ коня на двѣнадцать замковъ и приковалъ на двѣнадцать цѣпей. Конь обратилъ парня въ ячменное зернышко и положилъ подъ свое копыто. Прилетѣлъ змѣй, узналъ отъ старухи, что его младшій братъ побывалъ въ запрещенныхъ амбарахъ, и сталъ искать его, но найти нигдѣ не могъ. Змѣй отворилъ западню и вошелъ къ коню. „Скажи мнѣ, вѣрный конь, всю сущую правду, гдѣ мой меньшій братъ“. Конь спросилъ: „не ѣсть ли ты его хочешь“? Змѣй сказалъ: „я его съѣмъ, за то, что онъ меня не слушался“. Конь сказалъ: „онъ тебя сильнѣе въ два раза“, и послѣ этихъ словъ поднялъ копыто, сказавъ: „выходи“. Какъ выскочитъ парень, такъ вся земля задрожала. Змѣй испугался, попросилъ его быть старшимъ братомъ, а себя назвалъ младшимъ.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

340. Пьяница.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ царь. У этого царя потерялись три дочери. Никто этихъ дочерей не могъ отыскать. Однажды къ царю пришелъ пьяница и сказалъ: „я твоихъ дочерей отыщу“.

Царь пообѣщалъ ему, если онъ найдетъ его дочерей, выдать младшую дочь за пьяницу замужъ, а послѣ своей смерти пообѣщалъ сдѣлать его царемъ. Царь далъ пьяницѣ полкъ войска и отправилъ въ путь. Пришли къ колодцу. Пьяница приказалъ достать корзину и веревку. Солдаты достали и по приказанію пьяницы спустили его въ корзинѣ въ колодецъ. Пьяница въ колодцѣ вылѣзъ изъ корзины и сталъ ходить по-подземелью, въ которомъ было заколдованное царство съ дворцомъ. Въ этомъ дворцѣ пьяница нашелъ царскихъ дочерей и сказалъ имъ, что онъ пошелъ разыскивать ихъ. Старшая дочь дала ему золотое яичко, средняя серебряное, а младшая мѣдное. А потомъ взялъ ихъ съ собой, привелъ къ корзинѣ, дернулъ веревку, и солдаты узнали, что онъ пришелъ. Сѣла сначала старшая сестра, потомъ средняя, наконецъ младшая: такъ царскія дочери вышли на свѣтъ. А солдаты не спустили для пьяницы корзину въ четвертый разъ и ушли съ царскими дочерями. Пьяница остался въ подземельѣ и сталъ ходить по нему. Нашелъ онъ чугунную лѣстницу, которая выводила на верхъ, а подъ этой лѣстницей стоялъ огромный чугунный ящикъ. Онъ отворилъ ящикъ и въ немъ увидѣлъ другой ящикъ поменьше. Такъ оказалось нѣсколько ящиковъ. Въ послѣднемъ ящикѣ лежалъ старикъ. Пьяница спросилъ: „зачѣмъ ты тутъ, старичекъ, лежишь?“—„Я, дитятко, заколдованъ“. Пьяница велѣлъ ему выходить, и старикъ вышелъ и спросилъ, какъ онъ сюда попалъ. Пьяница ему разсказалъ все. Старикъ посадилъ его на себя и вынесъ на бѣлый свѣтъ. Они попрощались и пошли въ разныя стороны. Пьяница пришелъ въ свое царство. Махнулъ онъ золотымъ яичкомъ, и передъ нимъ выросъ дворецъ. Онъ пошелъ въ городъ. Что онъ пришелъ—узнали царскія дочери и обрадовались и сказали своимъ женихамъ: „вы сшейте намъ по платью и парѣ башмаковъ безъ матеріи и и кожи безъ мѣрки“. Женихи пошли отыскивать пьяницу. Когда нашли, то сказали ему. Онъ каждаго запросилъ по тысячѣ рублей. Дали ему. Онъ махнулъ серебряннымъ яичкомъ, и у каждаго жениха очутилось въ рукахъ по платью и парѣ башмаковъ. Когда женихи принесли невѣстамъ платья и башмаки, то пожелали, чтобы царь привелъ къ нимъ того, кто сшилъ эти платья и башмаки. Царь послалъ

за пьяницею слугъ. Слуги розыскали и привели къ царю. Царскія дочери сказали царю: „вотъ кто насъ выручилъ изъ заколдованнаго подземелья". Царь отдалъ за пьяницу младшую дочь, а тѣхъ жениховъ приказалъ повѣсить на ворота и разстрѣлять простоквашею.

(90-е годы).

---

341. Чудовище.

(Народная сказка).

У одного царя былъ сынъ, Иванъ Царевичъ. Сталъ просить сынъ отца, чтобы онъ отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Царь отпустилъ. Иванъ пошелъ по бѣлому свѣту. Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ какой-то старушкѣ. „Зачѣмъ ты сюда, Иванъ Царевичъ, спросила старушка, прилетитъ чудовище и тебя съѣстъ". Но Иванъ Царевичъ сказалъ: „что будетъ, то и будь". Старуха обратила Ивана Царевича въ яичко и подложила подъ курицу. Вдругъ прилетаетъ чудовище. „Фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ". Старуха сказала: „что ты, Чудовище, здѣсь и муха не пролетаетъ". Собрала на столъ ѣсть. Чудовище сказалъ: „покажи мнѣ, бабушка, я не буду ѣсть его". Старуха достала яичко, бросила на полъ, и вышелъ Иванъ Царевичъ. Чудовище сказало: „будь моимъ меньшимъ братомъ, только, живя здѣсь, не ходи въ садъ и въ конюшню". На другой день чудовище улетаетъ. Иванъ Царевичъ пошелъ въ садъ, увидѣлъ тамъ красную дѣвицу и поцѣловалъ ее. Въ конюшнѣ онъ нашелъ коня и потрепалъ по крутымъ бедрамъ. Старуха спросила Царевича: „не ходилъ ли ты въ садъ и конюшню". Иванъ Царевичъ сознался. Старуха оборотила его въ булавочку. Вдругъ прилетаетъ чудовище: красная дѣвица жалуется, а конь ржетъ. Чудовище сталъ спрашивать: „покажи мнѣ его, бабушка, я его не буду ѣсть". Она взяла булавочку ударила объ полъ, и вышелъ Иванъ Царевичъ. Чудовище сказала ему: „если ты въ другой разъ пойдешь, я тебя съѣмъ". Но когда Чудовище улетѣлъ, Иванъ Царевичъ опять сходилъ въ садъ

и въ конюшню, а старуха обратила его въ веретено и стала прясть. Чудовище, прилетѣвъ, узнало обо всемъ и опять потребовало Царевича, чтобы съѣсть. Старуха опять сказала, что онъ ушелъ и не приходилъ больше, и накрыла на столъ. Чудовище опять упросило старуху показать Царевича. Чудовище настрого приказало ему, что если онъ еще и въ третій разъ пойдетъ въ конюшню, то обязательно будетъ съѣденъ. А старуха сказала: „мнѣ тебя больше некуда прятать“. Но какъ только змѣй улетѣлъ—онъ пошелъ въ садъ, а потомъ въ конюшню. Конь сказалъ: „чудовище теперь будетъ летать три дня, а ты въ эти дни корми меня овсомъ, тогда я спрячу тебя подъ копыто“. Иванъ кормилъ его три дня. Конь обратилъ его въ ячменное зернышко и спряталъ подъ копыто. Когда прилетѣло чудовище, то дѣвка красная жалуется, а конь молчитъ. Чудовище пошелъ къ старухѣ и сталъ спрашивать, гдѣ находится Иванъ Царевичъ. Старуха сказала: „съ твоего отъѣзда я его не видала“. На другой день змѣй-чудовище улетѣлъ на охоту, а конь сказалъ: „выходи изъ подъ копыта, садись на меня, поѣзжай въ поле. Среди этого поля лежитъ чугунная западня, открой эту западню и войди внутрь“. Сѣлъ Иванъ на коня и поѣхалъ. Поднялъ чугунную западню, натопилъ печь, которая была подъ этой западней. Приходитъ баба-Яга и говоритъ: „какъ ты смѣешь топить мою печку?“ Иванъ Царевичъ ударилъ ее мечомъ. Баба Яга упала, онъ схватилъ ее и бросилъ въ печь, а пепелъ отъ нея сгребъ въ мѣшокъ. Подъ западней онъ увидѣлъ замокъ, онъ сломалъ его, но дальше былъ тоже замокъ. Такъ онъ сломалъ двѣнадцать замковъ и видитъ, что сидитъ дѣвица на двѣнадцати цѣпяхъ. Дѣвица сказала: „зачѣмъ ты сюда? мать придетъ и съѣстъ тебя“.—„Матери твоей нѣтъ, есть только пепелъ“. Онъ изорвалъ двѣнадцать цѣпей. Дѣвица позвала его къ своему отцу. „Когда мы пріѣдемъ къ нему, ты скажи: „у моего отца въ переднемъ углу собака кости ѣла да подавилась“,—онъ сейчасъ же и умретъ“. Вышли изъ подземелья и поѣхали. Пріѣхали къ отцу. Иванъ сказалъ слова, а отецъ дѣвицы умеръ. Они сѣли на коня и поѣхали къ чудовищу. Чудовище встрѣтило ихъ и просило у Ивана Царевича эту дѣвицу. Иванъ отдалъ. Чудовище дало ножичокъ: „поди и лягъ въ садъ, какъ сонной; къ

тебѣ прилетитъ множество лебедей, всѣ на тебя будутъ садиться, но ты никого ножомъ не трогай; когда послѣдняя сядетъ—ты ударь ее". Онъ пошелъ и легъ въ садъ. Къ нему садилось много лебедей, но онъ не задѣвалъ ни одного, наконецъ послѣднюю лебедь онъ ударилъ, и лебедь превратилась въ дѣвицу. Онъ взялъ ее за руку и повелъ къ чудовищу, женился на ней.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

342. Сказка про Ивана Царевича.

Жилъ-былъ царь. У этого царя былъ сынъ Иванъ Царевичъ. Сынъ сталъ проситься у отца, чтобы онъ отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Царь не соглашался его отпустить, но наконецъ не сталъ удерживать. Иванъ Царевичъ поѣхалъ на всѣ четыре стороны. Долго онъ ѣхалъ и пріѣхалъ къ волшебницѣ старушкѣ. „Куда ты, Иванъ Царевичъ, поѣхалъ", спросила старушка.—„Я поѣхалъ на всѣ четыре стороны". Старушка-волшебница дала ему клубочекъ: „куда этотъ клубочекъ покатится, туда и поѣзжай". Иванъ Царевичъ бросилъ клубочекъ, онъ покатился, а Царевичъ за нимъ поскакалъ. Долго онъ скакалъ, наконецъ прискакалъ къ дворцу. Слѣзъ съ коня, вошелъ въ дворецъ и сталъ отворять комнаты. Много онъ комнатъ отворилъ, но никого не нашелъ въ нихъ. Когда отворилъ послѣднюю комнату, то увидѣлъ, что въ ней сидятъ три царевны. Эти царевны спросили: „зачѣмъ ты сюда, Иванъ Царевичъ? Сейчасъ прилетитъ двѣнадцати-главый змѣй и съѣстъ". Но Иванъ Царевичъ сказалъ: „а можетъ, и подавится". Дѣвицы показали ему сильную и слабую воду, а затѣмъ сильную поставили на мѣсто слабой, а слабую вмѣсто сильной. Вдругъ съ шумомъ прилетаетъ змѣй. „Ага, я голоденъ и сейчасъ тебя съѣмъ". Пойдемъ пить воду". Змѣй сталъ по привычкѣ пить слабую воду, а Иванъ Царевичъ сильную и сталъ такимъ силачомъ, что подъ нимъ задрожалъ дворецъ. Они вышли въ садъ биться. Иванъ Царевичъ вынулъ саблю и снесъ ему сразу двѣнадцать головъ, а

самъ пошелъ къ тремъ царевнамъ, посадилъ ихъ на разныхъ коней и повелъ къ своему отцу. На дорогѣ имъ попался шестиглавый змѣй, но Иванъ Царевичъ его побѣдилъ. По пріѣздѣ къ отцу Иванъ Царевичъ женился на младшей сестрѣ.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

343. Жихорко.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ не было дѣтей. Разъ говоритъ старуха своему мужу: „вытеши, старикъ, изъ дерева клинъ и поставь его въ передній уголъ“. Въ переднемъ углу клинъ постоялъ три недѣли и сдѣлался ребенкомъ. Этого ребенка назвали Жихорко. Старикъ сдѣлалъ для него маленькую лодочку съ весломъ. Жихорко сѣлъ въ эту лодочку и поѣхалъ. Увидала его баба-Яга, пришла домой, напекла пироговъ, пошла къ рѣкѣ, сѣла и стала подзывать Жихорка. „Жихорко, Жихорко! подъѣзжай сюда, у меня есть пирожки на маслѣ“. Жихорко подъѣхалъ и сказалъ: „глазъ, спи! и другой, спи!“ Баба-Яга заснула. Жихорко собралъ всѣ пироги, сложилъ въ лодочку и уѣхалъ. Баба-Яга проснулась и видитъ, что пироговъ нѣту, и пошла домой. У бабы-Яги было три дочери. Она велѣла старшей дочери напечь пироговъ. Дочь напекла пироговъ и пошла къ рѣкѣ. Сѣла и видитъ—ѣздитъ Жихарко. Стала она его звать: „Жихорко, Жихорко! подъѣзжай сюда: у меня пироги на маслѣ“. Онъ поѣхалъ и сказалъ: „глазъ, спи! другой, спи! третій, спи“, (такъ какъ у нея было три глаза). Она заснула. Онъ подъѣхалъ, забралъ пирожки и уѣхалъ. Пирожница проснулась и видитъ, что нѣту пироговъ, и пошла. Старуха приказала средней дочери напечь пироговъ и заманивать Жихорку. Средняя дочь напекла и пошла также къ рѣкѣ, сѣла и стала звать Жихорка. Онъ подъѣхалъ и сказалъ: „глазъ, спи! другой-спи“, и когда пирожница заснула, онъ собралъ пирожки въ свою лодочку и былъ таковъ. Теперь стала печь пироги

младшая дочь. Также вышла и сѣла на берегъ рѣки и такъ же стала звать Жихорка. Тотъ подъѣхалъ сказалъ: „глазъ, спи! (у младшей былъ одинъ глазъ) и когда она заснула, собралъ пироги и уѣхалъ. Тогда старуха опять стала сама печь пироги, напекла пироговъ, пошла къ рѣкѣ, легла на берегъ, будто спитъ. Жихорко подъѣхалъ, сталъ брать пироги, а баба-Яга схватила его за руку и повела домой. А дома она приказала старшей дочери истопить печь и изжарить Жихорку, а сама старуха ушла. Старшая дочь истопила печь, положила его на лопату и стала садить въ печь, а Жихорко руки и ноги вверхъ. Дочь бабина спросила его: „развѣ ты не умѣешь на лопатѣ сидѣть?“— „Нѣтъ, не умѣю, поучи меня“. Та сѣла, а Жихорко бросилъ въ печь, изжарилъ ее и приготовилъ бабѣ Ягѣ. Баба Яга пришла и стала ѣсть да хвалить: „шикую, шикую на жихоркиныхъ костяхъ“. А Жихорко ей и говоритъ: „врешь, вѣдьма, ты на дочерниныхъ костяхъ шикуешь“. Баба-Яга велѣла топить печь средней дочери. Та истопила. Жихорко и эту съумѣлъ также обмануть, какъ и первую, и изжарилъ вмѣсто себя, а баба Яга ѣла ее, какъ жихоркино мясо. Тоже самое случилось и съ младшею дочерью. Наконецъ печь стала топить сама старуха. Такъ натопила печку, что нельзя было близко подходить. Положила Жихорку на лопату и стала садить въ печь. Онъ поднялъ ноги вверхъ и руки вверхъ: „бабушка, я не умѣю лежать на лопатѣ“. Старуха легла поучить его, а Жихарко бросилъ ее въ печку и сжегъ. Онъ пошелъ и сталъ въ избѣ искать денегъ и нашелъ сундукъ мѣди, сундукъ серебра и сундукъ золота. Онъ пошелъ въ лодочку и поѣхалъ къ отцу. Велѣлъ отцу запречь шесть лошадей и поѣхали вмѣстѣ къ избушкѣ. Они взяли сундуки, каждый сундукъ на пару лошадей, пріѣхали домой; стали жить да поживать да добра наживать.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

344. Зеленые женихи.

Жилъ-былъ купецъ. У этого купца была дочь. За дочь много сваталось жениховъ. Но она отказывалась и желала зеленыхъ жениховъ. Купецъ, отецъ ея, сталъ ѣздить по городамъ и разсказывать, что дочь желаетъ имѣть зеленыхъ жениховъ. Узнали про это разбойники. Окрасили себя зеленой краской и поѣхали въ этотъ городъ. Пріѣхали и пристали на квартиру къ старушкѣ. Ихъ было двѣнадцать человѣкъ. Старшій изъ нихъ сталъ свататься за купеческую дочь. Она пошла за него. На другой день былъ дѣвишникъ, и невѣста сказала: „какъ бы мнѣ вашъ дворецъ увидать“. Онъ сказалъ: „когда мы поѣдемъ отъ тебя, то будемъ дорогою разсыпать жемчугъ, а ты иди по этому жумчугу“. Женихъ съ товарищами уѣхали. Какъ только настала ночь, она прокралась изъ дому и пошла по дорогѣ, гдѣ былъ разсыпанъ жемчугъ. Она собирала его и набрала цѣлый запонъ. Долго она шла жемчужной дорожкой, наконецъ увидала—стоитъ старичекъ на караулѣ. Старичекъ повелъ въ домъ. Онъ спустился въ подземелье. Въ подземельѣ, куда вошла и дѣвица, полъ былъ изъ хрусталя. Старичекъ показалъ все, что было. Ей понравилось. „Когда это я въ такомъ дворцѣ поживу“. Тогда старикъ повелъ дѣвицу въ амбары показать богатство разбойниковъ. Первый амбаръ оказался полонъ серебра. Второй амбаръ заваленъ былъ золотомъ. А въ третьемъ были человѣческіе трупы. „Здѣсь твоя смерть будетъ“, сказалъ старичекъ и сталъ ее запирать въ амбаръ. Но она упросила, чтобъ онъ не запиралъ ее. Старичекъ спряталъ ее подъ женихову кровать. Вдругъ съ шумомъ и крикомъ вбѣжали двѣнадцать разбойниковъ и притащили двухъ дѣвицъ. Старичекъ поставилъ на столъ. Разбойники спросили про невѣсту, не была ли она здѣсь. Старикъ сказалъ: „не была“. Разбойники посадили дѣвицъ съ собой ѣсть. Но тѣ не ѣли. Разбойники выткнули одной глаза вилкой, содрали съ нея кожу, а другой отсѣкли палецъ, на которомъ былъ золотой перстень. Палецъ отлетѣлъ подъ кровать. Невѣста положила его къ себѣ въ карманъ. Одинъ полѣзъ за перстнемъ. Старикъ отговорилъ: „перстень вашъ

не затеряется, вы перемѣшаете всѣ напитки, которые я тамъ приготовилъ для свадьбы, я завтра буду мести и перстень найду". Разбойники согласились. Послѣ этого разбойники убили вторую дѣвушку. Стали спрашивать у старика, идти намъ или не идти на промыселъ. Старикъ сказалъ: „ступайте". Тѣ спросили: „въ которую сторону идти". Старикъ показалъ идти въ лѣвую сторону. Они пошли. По уходѣ разбойниковъ старикъ сказалъ купеческой дочери: „выходи изъ-подъ кровати". Та вышла. Старикъ велѣлъ ей идти, какъ можно скорѣе, чтобы не попасться разбойникамъ. Она побѣжала. Прибѣжавши домой она упала на кровать и захворала. Утромъ она стала просить, чтобы отецъ къ вечеру поставилъ въ комнатѣ полкъ солдать съ ружьями. Отецъ исполнилъ просьбу. Пріѣхалъ женихъ съ товарищами и, увидѣвъ солдатъ, удивился. Сѣлъ за столъ и спросилъ, гдѣ невѣста. Отецъ отвѣчаетъ, что невѣста больна. Но женихъ требовалъ, чтобы невѣста хоть больная, да вышла къ нему. Невѣста одѣлась въ траурное черное платье, сѣла за столъ къ жениху и стала говорить. „Послушайте, господа, какой я сегодня сонъ видѣла. Будто бы я была у жениха. Шла бы къ нему по какому то жемчугу. Потомъ вошла въ какую то рощу, прошла бы ее и увидѣла старичка на караулѣ". Тогда женихъ сказалъ: „полноте, эти сны одна неправда". Невѣста продолжала: „подошла я къ старичку и спросила жениховъ дворецъ. Потомъ будто отворили мнѣ подземелье, а въ немъ золотая лѣстница и хрустальные полы. Я сказала старику: „какъ я спущусь по этой лѣстницѣ, у меня катятся ноги; потомъ я спустилась и ходила нѣсколько времени по комнатамъ, любовалась ими. Потомъ дѣдушка повелъ меня смотрѣть жениховъ капиталъ. Вышли мы изъ подземелья и пошли въ амбаръ, полный серебра. Я сказала: „какой у меня женихъ то богачъ. Второй амбаръ оказался полный золотомъ. Въ третьемъ амбарѣ сверху до низу набито людьми мертвецами". Женихъ перебилъ: „полноте! можно ли вѣрить снамъ". Невѣста говорила дальше: „дѣдушка сталъ меня запирать и говорить, что здѣсь смерть моя будетъ. Я пала въ ноги и стала просить его спасти меня. Онъ меня повелъ въ подземелье и спряталъ подъ кровать. Только онъ меня заперъ прибѣжали двѣнадцать человѣкъ разбойниковъ и ведутъ двухъ дѣвицъ. Одинъ

изъ нихъ и спросилъ: „не была ли моя невѣста?“ Но старикъ сказалъ: „не была“, и собралъ имъ ѣсть. Дальше она разсказала, какъ убили первую, какъ отрубили палецъ у другой, какъ она спрятала палецъ и какъ спаслась. Женихъ сказалъ: „это вранье“. Невѣста вынула палецъ изъ кармана. Солдаты вывели разбойниковъ и разстрѣляли ихъ. Невѣста повела войско къ старику. Тотъ отворилъ амбары. Солдаты мертвецовъ похоронили, а капиталъ собрали и увезли къ купцу. Старика наградили, а купецъ взялъ его къ себѣ...

(90-е годы).

---

345. Лягушка-потягушка.

Жилъ-былъ царь. У этого царя было три сына. Царевичи пошли стрѣлять и сказали: „у кого куда стрѣла залетитъ, оттуда тому и невѣсту брать“. У старшаго стрѣла залетѣла къ купеческой дочери, у средняго къ крестьянской дочери, а у младшаго стрѣла залетѣла въ море. Изъ моря вылѣзаетъ лягушка-потягушка и говоритъ: „возьми меня, царевичъ, замужъ, я тебѣ стрѣлку отдамъ“. Братья стали надъ нимъ смѣяться. „Мы хотя взяли людей, а ты—лягушку-потягушку“. Иванъ Царевичъ сказалъ: „у меня, можетъ быть, лучше васъ будетъ невѣста“. Братья пошли и разсказали царю. Царь и говоритъ: „пусть каждая невѣста сошьетъ мнѣ по рубашкѣ“. Они пошли и сказали своимъ невѣстамъ. Старшій сынъ пошелъ къ купеческой дочери средній—къ крестьянской, а младшій—къ лягушкѣ-потягушкѣ и говоритъ ей, что отецъ велѣлъ рубашку сшить. Она сказала: „ложись и спи“, и приткнула царевича на булавочкѣ. Какъ онъ заснулъ, лягушка вышла изъ избы, накликала воронъ, тѣ принесли ей полотна, шелку и гарусу и сшили ей такую рубашку, что только въ Христовъ день надѣвать. Лягушка разбудила Ивана Царевича и отдала рубашку. Иванъ пошелъ къ отцу. Старшія братья встрѣтились и сказали: „какую она когтями то сшила тебѣ рубашку“.—„Ладно, братцы, смѣйтесь надо мной“. Старшій поднесъ отцу рубашку; царь сказалъ: „эту мнѣ завсе носить; средній поднесъ—царь тоже сказалъ, а когда поднесъ

младшій, то онъ сказалъ: „это мнѣ въ Христовъ день надѣвать“. Царь приказалъ сыновьямъ, чтобы невѣсты ихъ вышили коверъ ему. Старшій и средній пошли къ своимъ невѣстамъ, а Иванъ Царевичъ къ лягушкѣ-потягушкѣ. Онъ разсказалъ ей. Она уложила его спать и приткнула на бубулавочку, а сама вышла на крыльцо, скликала воронъ. Тѣ вороны принесли такой коверъ, что нѣтъ лучше его на свѣтѣ. Разбудила Иванъ Царевича и отдала коверъ, съ которымъ тотъ пошелъ къ своему отцу и дорогой повстрѣчался съ братьями; тѣ опять стали смѣяться надъ нимъ: „что за коверъ тебѣ вышила невѣста“. Онъ сказалъ: „не смѣйтесь, братцы“! Когда стали ковры царю показывать, то царь про коверъ старшаго и средняго сказалъ: „эти ковры подъ порогъ только стлать“, а про коверъ Ивана Царевича сказалъ: „этотъ коверъ только въ Христовъ день подъ мой тронъ подстилать“. Послѣ этого приказалъ, чтобы невѣсты испекли ему по булкѣ. Братья пошли къ своимъ невѣстамъ и разсказали имъ. Лягушка уложила Ивана Царевича спать, приткнула одежду его на булавочку къ перинѣ и стала стряпать булку. Невѣсты старшаго и средняго сына подошли къ окошку и стали смотрѣть, какъ она будетъ стряпать. Лягушка увидѣла ихъ у окна и навертѣла на печкѣ дыръ, налила въ нихъ тѣсто, которое свалилось въ печь. И вышелъ у ней такой хорошій хлѣбъ, что нѣтъ лучше его на свѣтѣ. Невѣсты старшаго и средняго сдѣлали также. У нихъ тѣсто по печкѣ расплылось и ничего изъ стряпни ихъ не вышло. Тогда купили они на базарѣ по булкѣ и и отдали своимъ женихамъ. Лягушка убрала хлѣбъ конфектами, разбудила Ивана Царевича и послала къ царю. Дорогой онъ встрѣтился съ братьями. Тѣ опять стали смѣяться. Когда старшій поднесъ хлѣбъ, то царь велѣлъ отдать этотъ хлѣбъ на кухню, а средняго—кучеру, а хлѣбъ младшаго оказался такъ хорошъ, что царь сказалъ, что его ѣсть только въ Христовъ день. На другой день царь велѣлъ своимъ сыновьямъ идти въ церковь со своими невѣстами вѣнчаться. Братья пошли каждый къ своей невѣстѣ и повели ихъ въ церковь. Лягушка одѣлась худо, и когда свѣнчались, она отпросилась идти домой одѣться получше. „Когда первый громъ грянетъ, я буду умываться; второй громъ грянетъ, я буду одѣваться, а третій громъ грянетъ, я буду

въ карету садиться и подъѣду къ вашему дворцу". Лягушка-потягушка пошла домой, а Иванъ Царевичъ съ братьями отправился во дворецъ. Когда Иванъ пришелъ, то братья его уже сидѣли съ женами за столомъ. Иванъ сѣлъ на скамейку въ уголъ. Вдругъ грянулъ громъ. Всѣ пали на колѣни и стали молиться Богу. Иванъ Царевичъ сказалъ: „не молитесь, тятенька, это моя жена умывается". Потомъ громъ грянулъ и въ другой разъ. Всѣ снова пали на колѣни. Иванъ Царевичъ сказалъ: „это моя жена одѣвается". Грянулъ третій громъ, и снова опять упали на колѣни и стали молиться Богу. „Не молитесь, тятенька, это моя жена въ карету садится и къ нашему дворцу подъѣзжаетъ". Вдругъ входитъ лягушка-потягушка и садится съ Иваномъ Царевичемъ. Лягушка въ правый рукавъ льетъ щи, а въ лѣвый куски мяса кладетъ. Тѣ смотрятъ и тоже дѣлаютъ. Когда лягушка вышла плясать и махнула правымъ рукавомъ, то передъ ними сталъ садъ, въ которомъ распѣвали птички. Махнула лѣвымъ—стало передъ нею озеро, а около этого озера пляшутъ гуси. Когда лягушка перестала плясать, то всего этого не стало. Пошли плясать жены старшаго и средняго сына. Махнули правыми рукавами и облили всѣхъ щами, а лѣвымъ махнули, по всѣмъ угламъ куски полетѣли. Тогда царь велѣлъ старшихъ невѣстокъ на кухню отправить, а лягушку сдѣлалъ женой царевича.

Потомъ Иванъ Царевичъ нашелъ коробочку, въ которой лежала раньше лягушка-потягушка, и сжегъ ее. Когда лягушка узнала это, то сказала: „ищите теперь меня за 7 морями за 7 горами", и исчезла. Иванъ Царевичъ отпросился у своего отца на всѣ четыре стороны лягушку отыскивать. Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ дворцу. Въ этомъ дворцѣ и жила его жена лягушка-потягушка. Въ этотъ дворецъ лягушку утащилъ дьяволъ. Когда Иванъ Царевичъ увидѣлъ ее, то сказалъ: „я выручать тебя пришелъ". Лягушка сказала: „спрячься, я узнаю, гдѣ у дьявола смерть". Иванъ Царевичъ спрятался. Вдругъ съ шумомъ прилетаетъ дьяволъ. Она стала спрашивать: „гдѣ у тебя смерть". „Моя смерть, сказалъ дьяволъ, за семи горами, за семи морями стоитъ озеро, среди его столбъ, у столба на 12 цѣпяхъ бочка, въ бочкѣ—утка, а въ уткѣ—яицо въ немъ—моя смерть". На другой день дьяволъ улетѣлъ, а лягушка дала

Ивану Царевичу ружье, и тотъ пошелъ. Дорогой ему попалась собака, онъ хотѣлъ убить ее, но она сказала: „не бей меня, я пригожусь; только вспомни меня“. Дальше попался заяцъ, котораго царевичъ хотѣлъ убить. Заяцъ взмолился, и Царевичъ не убилъ. Попался медвѣдь. И его тоже Иванъ Царевичъ не убилъ. Пришелъ къ озеру—стоитъ у берега щука. Онъ хотѣлъ убить ее, но щука сказала: „не бей: я пригожусь тебѣ“. Увидѣлъ Царевичъ столбъ съ бочкой и вспомнилъ медвѣдя. Медвѣдь прибѣжалъ сорвалъ столбъ и вытащилъ съ бочкою на берегъ, разбилъ бочку, изъ нея выбѣжала утка. Онъ вспомнилъ собаку. Собака прибѣжала и задавила утку. Изъ утки выкатилось яицо. Иванъ Царевичъ вспомнилъ зайца, тотъ схватилъ яицо и отдалъ Царевичу. Онъ сталъ обмывать яицо, но уронилъ въ воду. Щука достала. Онъ этимъ яицомъ ударилъ по лбу дьявола, и тотъ умеръ. Лягушку увелъ домой.

(90-е годы).

---

346. Сказка про солдата.

Жилъ-былъ солдатъ. У этого солдата былъ сынъ. Сынъ его такъ хорошо служилъ, что дослужился до генеральскаго чина. Царь далъ денегъ, чтобы онъ роздалъ солдатамъ. Онъ пошелъ и проигралъ эти деньги и сказалъ себѣ: „гдѣ я возьму денегъ солдатамъ. Пойду лучше на всѣ четыре стороны“. Долго онъ шелъ и пришелъ къ помѣщику. „Зачѣмъ ты сюда, спросилъ помѣщикъ. Здѣсь никто не проходитъ: въ сосѣднемъ домѣ поселился нечистый“. Генералъ сказалъ: „дай мнѣ тарелку съ икрой, двѣнадцать бутылокъ съ водкой и оловянныхъ орѣховъ“. Помѣщикъ далъ. Генералъ пришелъ въ домъ. Въ самую полночь вылѣзаетъ нечистый, весь въ шерсти. Генералъ сказалъ ему: „иди сюда закусывать“. Тотъ пришелъ. Генералъ налилъ рюмку и подаетъ, но тотъ не пьетъ. Генералъ далъ икры, но онъ не ѣстъ, сталъ давать оловянные орѣхи—тотъ взялъ орѣхи и бросилъ въ лицо генералу. Генералъ разсердился и вынулъ револьверъ и застрѣлилъ его, отсѣкъ саблей голову и сѣлъ опять закусывать. Вдругъ съ шумомъ вылѣ-

заютъ пять человѣкъ и тащатъ въ гробу человѣка съ длиннымъ носомъ. Онъ сказалъ: „идите сюда закусывать“. Тѣ не идутъ. Генералъ подбѣжалъ и отрубилъ носъ, который лежалъ въ гробу, и положилъ носъ въ карманъ, а чертямъ сказалъ: „сейчасъ я васъ застрѣлю“. Черти сказали: „не стрѣляй“. Генералъ потребовалъ пять мѣшковъ золота и велѣлъ ихъ свезти къ отцу. Черти свезли десять мѣшковъ. Генералъ пошелъ къ помѣщику и разсказалъ ему. У чертей захворалъ дядька. Они пришли къ генералу и сказали: „не вылѣчишь ли ты у насъ дядьку“. Онъ сказалъ: „вылѣчу, а вы давайте пять мѣшковъ золота“. Тѣ согласились. Генералъ пошелъ и преклеилъ носъ, отъ котораго и болѣлъ дядька. Черти дали генералу пять мѣшковъ золота. Генералъ пошелъ къ отцу, роздалъ солдатамъ деньги.

(90-е годы).

---

347. Два брата.

(Народная сказка),

Жили-были два брата. Одинъ былъ богатый, а другой бѣдный. Бѣдный такъ жилъ, что временемъ и есть нечего было. Въ одно такое время онъ сказалъ женѣ: „сведи лошадь брату, пусть онъ дастъ мнѣ муки“. Богатый братъ далъ за лошадь пять пудовъ муки. Они съѣли эту муку. Тогда бѣдный послалъ брату корову. Богатый далъ за корову четыре пуда муки. Когда вышла мука, бѣдный сталъ посылать жену просить милостыню у богатаго. Тотъ далъ полпуда муки. А когда мука вышла, то бѣдный опять послалъ жену просить у богатаго милостыню. Богатый сказалъ: „даромъ вамъ я не буду давать, а пусть онъ отдастъ мнѣ лѣвый глазъ“. Жена сказала объ этомъ мужу. Тотъ вырвалъ глазъ, и жена унесла богатому брату, который далъ четыре пуда муки. Когда мука вышла, то богатый за муку потребовалъ правый глазъ. Бѣдный отдалъ и правый глазъ, за который богатый далъ три пуда муки. И эта мука вышла, бѣдный сталъ говорить своему сыну: „сведи меня къ брату, пусть онъ поставитъ меня къ церкви: я буду про-

сить милостыню". Сынъ свелъ его. А богатый велѣлъ кучеру вывезти въ лѣсъ и посадить къ толстой лѣсинѣ. Кучеръ такъ и сдѣлалъ. Сидитъ онъ и слышитъ, какъ съ шумомъ прилетаютъ двѣ птицы. Эти птицы стали разговаривать. Одна сказала: „у генерала болѣнъ сынъ и ничемъ не могутъ вылѣчить его". А другая говоритъ: „можно его вылечить: нужно только пестраго кота поймать, сварить его въ молокѣ и подать сыну—онъ будетъ здоровъ". Когда птицы улетѣли, онъ сталъ хлопать себѣ вѣткой лѣвую руку, чтобы запомнить это. На другой день птицы опять прилетѣли и стали разговаривать. Первая говоритъ: „у царя больна дочь, ничемъ ее не могутъ излѣчить". А другая сказала: „можно ее вылѣчить тѣмъ же". Онъ чтобы лучше запомнить, сталъ бить вѣткой по правой рукѣ. На третій день опять прилетѣли тѣ же птицы и стали разговаривать. Первая говоритъ: „вотъ старшій братъ выкопалъ за муку младшему брату глаза и посадилъ подъ лѣсину въ лѣсъ". Другая сказала: „глаза можно вылѣчить, только умывать ихъ по утрамъ росою". Птицы улетѣли, а бѣдный, чтобы запомнить это, настегалъ лицо вѣтками. Долго онъ сидѣлъ и наконецъ сталъ шарить землю и ошарилъ росу. Онъ умылъ себѣ лицо этой росой, и глаза его стали видѣть. Онъ всталъ и пошелъ къ генералу лѣчить сына. Когда онъ пришелъ, то сказалъ: „я вашего сына вылечу". Они сказали: „чѣмъ ты можешь вылечить? Его сколько докторовъ лѣчило, вылечить не могло!" Бѣдный сказалъ: „поймайте мнѣ пестраго кота". тѣ достали ему. Тогда бѣдный попросилъ молока и отрѣзалъ половину кота и сварилъ въ молокѣ, и далъ ѣсть генеральскому сыну. Сынъ какъ только съѣлъ, такъ и выздоровѣлъ. Бѣдный сталъ просить сто пудовъ муки и отвезти ее къ женѣ. Слуги отвезли, а самъ онъ пошелъ къ царю. А когда пришелъ, то сказалъ: „Ваше царское величество, я вашу дочь вылечу", и потребовалъ молока. Въ немъ онъ сварилъ вторую половину кота и далъ царевнѣ ѣсть. Когда царевна съѣла, то сразу выздоровѣла. За это царь наклалъ бѣдному цѣлую карету денегъ и отдалъ вмѣстѣ съ каретою и лошадью. Бѣдный поѣхалъ къ своей женѣ. Когда онъ пріѣхалъ, жена обрадовалась. Онъ склалъ всѣ деньги въ сундукъ и пошелъ покупать одежды на дѣтей и на себя. Разъ онъ видитъ четырехъ-этажный домъ на до-

рогѣ. Онъ сказалъ себѣ: „я этотъ домъ куплю“. Взошелъ онъ въ домъ и видитъ—сидитъ хозяинъ. Бѣдный сказалъ: „продай мнѣ этотъ домъ! Сколько рублей за него возьмешь?“ Хозяинъ сказалъ: „семь тысячъ“. Тогда они пошли въ полицію. Хозяинъ сказалъ исправнику: „я продаю домъ“. Исправникъ спросилъ: „а сколько рублей берешь?“—„Семь тысячъ!“ Тогда бѣдный вынулъ изъ кармана деньги и отсчиталъ семь тысячъ. Хозяинъ взялъ деньги и пошелъ въ свой домъ. Бѣдный пошелъ въ свой старый домъ къ женѣ. Перевезли все имущество и стали жить въ этомъ дому. Бѣдный зоветъ своего брата въ гости. Братъ пришелъ и сталъ допытываться: „гдѣ ты взялъ такое богатство?“—„Я въ лѣсу сидѣлъ подъ толстой лѣсиной слушалъ и научился, какъ глаза вылечить, какъ вылечить генеральскаго сына и царскую дочь“. Богатый братъ сказалъ: „увези меня туда же“. Братъ свезъ его и посадилъ подъ ту же лѣсину. Прилетѣли двѣ птицы и стали разговаривать; богатый братъ слушалъ, слушалъ да какъ выскочитъ и закричитъ во все горло на нихъ. Птицы слетѣли и разорвали его.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

348. Сказка про крестьянина.

Жилъ-былъ крестьянинъ. У него были сынъ и дочь. Когда онъ сталъ умирать, то сказалъ: „живите, дѣти мои, въ дружескомъ совѣтѣ и слушайтесь другъ друга; что сестра скажетъ—ты, братъ, слушай; а что скажетъ братъ—ты, сестра, слушай!“ Послѣ смерти отца братъ поѣхалъ на войну. Возвращаясь домой, онъ нашелъ себѣ невѣсту и женился на ней. Жена была злая женщина. Она скоро возненавидѣла золовку. Когда мужъ уѣхалъ изъ дому, она притворилась больной и по возвращеніи мужа разсказала ему, что она видѣла сонъ: „приходилъ старичекъ и сказалъ, что я тогда выздоровѣю, когда у твоей сестры отрубятъ лѣвую руку“. Братъ сказалъ объ этомъ сестрѣ. Сестра согласилась, и невѣстка ея выздоровѣла. Точно также невѣстка добилась того, что у дѣвушки отсѣкли и правую руку и наконецъ для поправленія же здоровья злой бабы братъ вынужденъ былъ выгнать сестру изъ дому. Пошла дѣвица, куда

глаза глядятъ. Долго она шла, наконецъ пришла въ садъ. Этотъ садъ берегъ Иванъ Царевичъ. Она вошла потихоньку въ этотъ садъ и съѣла два яблока, а сама спряталась между деревьями. Скоро пришелъ въ садъ Иванъ Царевичъ и увидалъ, что двухъ яблоковъ нѣтъ. Онъ сказалъ: „если съѣлъ это старичекъ—пусть будетъ моимъ дѣдушкой, если старушка—бабушкой, если красная дѣвица—будь моей навѣчно супругой“. Дѣвица вышла. Иванъ Царевичъ повелъ ее во дворецъ. Привелъ къ отцу; отцу понравилась, и онъ благословилъ ихъ. Иванъ Царевичъ женился. Вскорѣ онъ уѣхалъ на войну. У его жены въ это время родился сынъ. Къ отцу послали гонца. Гонецъ дорогой заѣхалъ къ царевниной золовкѣ, а та напоила его допьяна, а сама вынула у него письмо къ Ивану Царевичу и написала, что родился у него собака или кошка, нельзя разобрать. Когда Иванъ Царевичъ прочиталъ, то написалъ въ отвѣтъ, чтобы новорожденнаго оставить до его пріѣзда. Но дорогой гонецъ опять заѣхалъ къ царевниной золовкѣ, которая также переписала письмо царевича, чтобы выгнать изъ дому мать съ такимъ ребенкомъ. Царь плакалъ, плакалъ, но долженъ былъ отпустить невѣстку съ ребенкомъ. Долго она шла и наконецъ пришла къ морю. Стала она пить и уронила ребенка въ воду. Она испугалась. Но вдругъ у ней явились обѣ руки, и она поймала ребенка и опять пошла. Пришла она въ тотъ самый городъ, гдѣ жилъ ея братъ. Дѣло было ночью. Она стала стучаться. Золовка закричала: „ночью я никого не впускаю“. А въ это время у нихъ былъ Иванъ Царевичъ—съ войны домой возвращался. Онъ сказалъ: „пустите ее, она можетъ сколько лѣтъ странствовала. Золовка впустила ее. Иванъ Царевичъ сразу узналъ свою жену. Онъ сказалъ: „не знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ сказки“. Жена его сказала: „я сказокъ не знаю, я знаю небывальщину“. Иванъ Царевичъ просилъ ее разсказывать. Она стала разсказывать, какъ она съ братомъ и невѣсткой жила, какъ ее выгнали, какъ она за Царевича вышла и какъ оттуда ее удалили. Послѣ разсказа Иванъ Царевичъ приказалъ злую бабу разстрѣлять, а брата своей жены сдѣлалъ генераломъ.

Г. Сургутъ (90-е годы.).

349. Сказка про купца.

Жилъ-былъ купецъ съ женою. Оба они уже дожили до старости и имѣли взрослаго сына, котораго имъ нужно было женить. Купецъ сказалъ: „вотъ у генерала хорошая дочь“. Сынъ на это сказалъ: „мнѣ не нужно ни генеральской ни купеческой дочери, а вотъ есть у вдовы дочь, на ней меня и жените“. Родители согласились на это, и купеческій сынъ женился. Скоро родители его умерли. Мать умирая завѣщала своему сыну листъ: „чтобы не случилось съ табою какого несчастья—держи этотъ листъ при себѣ; если убьютъ тебя, то достаточно кому-нибудь этотъ листъ приложить къ сердцу—и ты оживешь“. Разъ молодой купецъ уѣхалъ лавки повѣрять. Въ это время въ его домѣ остановился полковникъ. Прожилъ онъ цѣлую недѣлю и говоритъ своимъ слугамъ: „что это я столько живу въ домѣ и не видалъ хозяйки“. Слуги позвали хозяйку. Полковникъ сталъ предлагать ей вина. Та отказалась, сказавъ, что никакого не пьетъ. Но полковникъ угощалъ: „выпейте! Это заграничное! хоть въ руки возьмите, хоть къ губамъ поднесите!“ Купчиха поднесла къ губамъ и выпила всю рюмку. Полковникъ сталъ говорить: „уѣдемъ со мной!“—„Какъ я уѣду—завтра пріѣдетъ мужъ“. Тогда полковникъ сказалъ: „я съѣду отъ васъ и остановлюсь на краю города, а ты завтра отпросись вечеромъ въ церковь, я подъѣду къ церкви на глухой кошевѣ и увезу тебя“. Купеческая жена согласилась. На другой день пріѣхалъ купецъ. Жена отпросилась вечеромъ въ церковь и уѣхала съ полковникомъ. Купецъ ждалъ, ждалъ—не дождался жену, потомъ ужъ узналъ, гдѣ она. Тогда съ горя онъ собралъ со всѣхъ городовъ пьяницъ и въ три года все свое добро промоталъ. А потомъ поступилъ въ солдаты въ тотъ городъ, въ которомъ его жена проживала. Онъ жилъ такъ хорошо, что всѣ солдаты его полюбили. Разъ ему пришлось стоять въ крыльцѣ полковника часовымъ. Жена его вышла на крыльцо, увидала его и упала. Выбѣжали слуги, связали часового и посадили въ темницу. Здѣсь пришелъ къ нему старшій солдатъ и говоритъ: „завтра тебя изрубятъ на мелкія части“. „Если изрубятъ, такъ несправедливо—это моя жена. Когда меня изрубятъ, ты возьми вотъ этотъ листъ, при-

ложи его къ моему сердцу и я буду живъ". На другой день купца изрубили, а жена его приказала къ его могилѣ поставить караулъ изъ трехъ солдатъ. Вечеромъ старшій солдатъ пришелъ къ часовымъ и сказалъ: „давайте, ребята, помянемъ его: хорошій былъ солдатъ,—идите, купите ведро вина". Солдаты купили вина и такъ напились, что гдѣ кто сидѣлъ, тутъ и уснулъ. Старшій раскопалъ могилу, приложилъ листъ къ трупу, и купецъ ожилъ, поблагодарилъ солдата и пошелъ, куда глаза глядятъ. А старшій зарылъ могилу попрежнему. Долго шелъ купецъ, наконецъ увидалъ какой то огонекъ. Онъ думалъ—деревня, а это было перо жаръ-птицы. Наконецъ купецъ пришелъ въ столичный городъ. Въ это время умеръ у царя послѣдній водовозъ, и царь взялъ этого купца къ себѣ вмѣсто плохаго водовоза. Въ первое же время новый водовозъ отличился: онъ натеръ своихъ плохихъ лошадей перомъ жаръ-птицы, и лошади его стали гораздо лучше лошадей хорошихъ водовозовъ. Царь замѣтилъ это и похвалилъ новаго водовоза. Старые водовозы возненавидѣли за это своего новаго товарища, и одинъ изъ нихъ донесъ царю, что новый водовозъ хвастается, что онъ вылечитъ царскую дочь. А дочь эта была больна много лѣтъ. Много докторовъ лѣчило ее, но излечить не могли, и за это всѣ сложили свои головы по приказанію царя. Услышавъ о новомъ лекарѣ, царь позвалъ его и велѣлъ ему лѣчить дочь. Хотя водовозъ отказывался отъ хвастовства, но не помогло, и его заперли въ одну комнату съ больной. Тогда онъ сказалъ: „все равно, мнѣ ужъ не жить, такъ убью я и эту дочь". Онъ поднялъ больную, ударилъ ее по спинѣ и она заговорила: „царь, какъ я долго спала". Царь услышавъ, что дочь его выздоровѣла, бросился благодарить водовоза, а потомъ выдалъ за него эту дочь, а его самого сдѣлалъ наслѣдникомъ своимъ. Разъ послалъ онъ его осмотрѣть государство. Тотъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ жила его первая жена. Осмотрѣлъ полкъ и потребовалъ къ себѣ полковницу. Она узнала его. Онъ сказалъ: „ты не удовольствовалась моимъ богатствомъ, и приказалъ ее положить на пять лошадей, и тѣ разнесли ее, а полковника онъ приказалъ разстрѣлять, вмѣсто его сдѣлалъ полковникомъ старшаго солдата, а другого солдата товарища вмѣсто старшаго. Г. Сургутъ. (90-е годы).

350. Два брата.

Жили-были двое братьевъ: одинъ бѣдный, другой богатый. У бѣднаго была только одна корова. Богатый разъ пришелъ къ бѣдному: „убей корову, шкура на базарѣ 15 руб., а мясо ни по чемъ“. Бѣдный обрадовался и убилъ. Мясо оставилъ себѣ, а шкуру пошелъ продавать. За шкуру ему даютъ полтора да два рубля. Въ послѣдней лавочкѣ онъ продалъ за три рубля, при этомъ вырядилъ стаканъ водки. Купецъ послалъ его къ своей женѣ. А у купчихи въ это время сидѣлъ любовникъ. Какъ только бѣдный отворилъ дверь, любовникъ скрылся. Онъ сказалъ купчихѣ, что хозяинъ велѣлъ налить стаканъ водки. Купчиха налила неполный стаканъ на палецъ. Мужикъ выпилъ и сказалъ: „мнѣ хозяинъ велѣлъ полный налить“. Купчиха налила полный. Мужикъ выпилъ. Вдругъ хозяинъ идетъ съ гостемъ. Купчиха мужика вмѣстѣ съ любовникомъ посадила. въ подполье. Купецъ заказалъ самоваръ. Гость напился до пьяна и онъ запѣлъ пѣсню. А бѣдный въ подпольѣ и говоритъ: „я подхвачу эту пѣсню: эта пѣсенка моего родимаго батюшки“. Любовникъ сталъ просить мужика, чтобы молчалъ, и далъ денегъ. Между тѣмъ гость запѣлъ другую пѣсню, эта пѣсня оказалась пѣсней родимой матушки, и мужикъ за молчаніе опять получилъ деньги. Послѣ второй веселый гость затянулъ третью пѣсню. Мужикъ заявилъ, что эта пѣсня его любимая и что онъ непремѣнно запоетъ. Любовникъ заплатилъ еще больше мужику за молчаніе. Гость умолкъ. Мужикъ и говоритъ: „я ѣсть хочу, пора и выходить: до какихъ мы поръ будемъ сидѣть?! иди проси подушку да ведро смолы“. Любовникъ отворилъ западню и сказалъ: „дай ведро смолы и подушку съ перьями“. Она дала. Мужикъ вылилъ смолу на любовника, обвалялъ его въ перьяхъ и сѣлъ верхомъ на него и вывелъ его въ комнаты. Купецъ, увидавъ это, испугался, купчиха говоритъ мужу: „развѣ я тебѣ неправду говорила, что въ подпольи у насъ кикиморы живутъ?! Вотъ кто у насъ и деньги то таскаетъ“. Отворили дверь и тѣ выѣхали на улицу... Мужикъ слѣзъ съ кикиморы, толкнулъ ее и пошелъ домой, и позвалъ къ себѣ богатаго брата. „Смотри, братъ, какъ

дороги шкуры-то! я счету не могу дать деньгамъ". Богатый пошелъ и перебилъ всю свою скотину, мясо оставилъ про себя, а шкуры повезъ на базаръ. Но шкуры совсѣмъ сдѣлались дешевы, и онъ спустилъ ихъ по полтинѣ за шкуру. Оставшись безъ скота и безъ денегъ, онъ совсѣмъ обѣднѣлъ и сталъ хуже, чѣмъ его бѣдный братъ жилъ раньше.

(90-е годы).

---

351. Умъ есть, а денегъ нѣтъ.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ одинъ молодой человѣкъ. Онъ постоянно ходилъ къ тремъ купцамъ богачамъ жаловаться на свою участь. Прійдетъ къ первому и скажетъ: „умъ есть у меня, а денегъ нѣту", и такъ пойдетъ ко второму и къ третьему, ходилъ этотъ молодой человѣкъ такъ два раза. Купцы собрались и сказали: „дадимъ ему денегъ, что онъ будетъ съ ними дѣлать". Когда онъ пришелъ въ третій разъ, купцы дали ему денегъ. Первый купецъ далъ три тысячи, другой—шесть тысячъ, а третій—девять тысячъ. Молодой человѣкъ поблагодарилъ и пошелъ. Нашелъ онъ двѣнадцать сильныхъ мужиковъ и нанялъ къ себѣ въ работники. Потомъ купилъ соломы, наклалъ ею двѣнадцать мѣшковъ и велѣлъ эти мѣшки своимъ работникамъ вывезти на поле и тамъ сжечь, а пепелъ сложить въ мѣшки. Работники сдѣлали, и молодой человѣкъ повелъ ихъ съ мѣшками на берегъ рѣки. Въ это самое время присталъ къ берегу корабль. Богачъ отдалъ приказчику корабля семь тысячъ рублей и просилъ отвезти себя за эти деньги на какой то островъ вмѣстѣ съ работниками. Корабельщикъ свезъ, а богачъ при прощаніи просилъ, чтобы въ обратный путь корабельщикъ заѣхалъ за ними. Первымъ дѣломъ молодой человѣкъ повелъ своихъ рабочихъ на болото, велѣлъ высыпать весь пепелъ на зеленую болотную траву, а потомъ приказалъ имъ идти на берегъ и дѣлать кирпичи—50 паръ. Самъ взлѣзъ на дерево и сидитъ. Вдругъ на болото прибѣгаетъ двѣнадцать коней и стали они щипать зеленую траву, посыпанную пепломъ, и какъ только пепелъ попадетъ

въ носъ, такъ кони и фыркнутъ, и какъ фыркнули,—такъ изъ обѣихъ ноздрей у каждаго вылетѣло по драгоцѣнному камню. Тогда молодой человѣкъ слѣзъ съ дерева и закричалъ на нихъ—лошади убѣжали. Онъ взялъ камни себѣ, а потомъ сдѣлалъ своими руками 12 паръ кирпичей, въ каждый кирпичъ посадилъ по драгоцѣнному камню. Работники по его приказанію сдѣлали 500 паръ кирпичей. Между тѣмъ корабль пришелъ къ этому острову. Прикащикъ спустилъ шлюпку. Работники стали класть кирпичи, а прикащикъ велѣлъ выбрасывать ихъ въ воду. Тогда молодецъ сказалъ: „хотя двѣнадцать паръ примите“. Прикащикъ принялъ. Когда пріѣхали въ городъ, изъ котораго молодецъ уѣхалъ, онъ пошелъ въ полицію, просить на прикащика. Исправникъ сказалъ: „вотъ пустяшное дѣло—кирпичи!“ Молодецъ сказалъ: „вы эдакихъ кирпичей то еше не видали“, и сталъ кирпичи разламывать. Исправникъ испугался, когда увидѣлъ въ каждомъ кирпичѣ по драгоцѣнному камню, и говоритъ: „возьми корабль, домъ его, а его самого куда хочешь“. Молодецъ сказалъ: „пусть онъ беретъ домъ и корабль, а деньги я возьму себѣ“. Онъ взялъ деньги и пошелъ съ ними къ купцамъ. Первому купцу онъ далъ шесть тысячъ, второму — двѣнадцать, а третьему—восемнадцать тысячъ рублей.

Г. Сургутъ. Записано со словъ мальчика Г. Кушникова, слышавшаго отъ сургутскаго казака (90-е годы).

---

352. Сказка про мужика.

Жилъ-былъ мужикъ. Онъ ходилъ все по улицамъ. Пришелъ онъ къ купеческому дому—видитъ, что ходитъ свинья съ поросятами. Сталъ онъ свиньѣ кланяться. Купчиха увидала его и кричитъ въ окно: „что ты кланяешься свиньѣ“? А мужикъ сказалъ: „не отдадите ли мнѣ свинью въ свахи“? Купчиха надѣла на свинью лисью шубу, велѣла запречь пару лошадей въ телѣжку, посадила свинью съ поросятами. Мужикъ сѣлъ и уѣхалъ. Пріѣхалъ купецъ и сталъ спрашивать у жены: „гдѣ у тебя свинья?“ Она ему разсказала, Купецъ пустился въ догоню. Мужилъ услыхалъ, завелъ

лошадей въ лѣсъ, а самъ вышелъ на дорогу, растрепалъ волоса, снялъ кафтанъ и положилъ шапку. Ѣдетъ купецъ и спрашиваетъ: „не видалъ ли, старикъ, кого нибудь проѣзжихъ“. Мужикъ говоритъ: „видѣлъ, сейчасъ какой-то мужикъ на парѣ проѣзжалъ“.— „Нѣтъ я не поѣду: у меня подъ шапкой соколъ сидитъ“. Купецъ сказалъ: „я покараулю его“. Мужикъ сѣлъ на коня и уѣхалъ, взялъ съ собой и прежнюю пару и пріѣхалъ домой. Купецъ сидитъ и говоритъ: „какой у него, у старика, соколъ? Если правда соколъ—воротится, а если нѣтъ ничего—то обманулъ. Поднялъ шапку, видитъ, что ничего нѣтъ, и ушелъ домой.

Г. Сургутъ. Записано со словъ Г. Кушникова (90-е годы).

---

353. Сказка про монаха.

Жилъ-былъ монахъ. Этотъ монахъ все читалъ евангеліе. И какъ только онъ дочитаетъ до трехъ словъ: „стучи—отворятъ, проси—дадутъ, ищи—найдешь“, изумнится. Такъ читалъ онъ нѣсколько разъ, наконецъ въ полночь пошелъ къ царю стучаться. Сталъ стучаться—ему отворили. Онъ говоритъ про себя: „одно слово исполнилось, еще надо два исполнить“. Для испытанія словъ онъ сталъ просить у царя дочь за себя замужъ. Царь сказалъ: „принеси мнѣ отъ ада ключи“. Монахъ вышелъ изъ дворца и пошелъ. Попадается ему старичекъ: „куда ты, монахъ, пошелъ?“— „Я пошелъ искать отъ ада ключи“.—Старичекъ далъ ему дудочку: „куда покатится эта дудочка, туда ты за ней и иди“. Монахъ пошелъ. Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ пропасти. Спустился въ эту пропасть и видитъ адъ. Трубочка покатилась, и люди даютъ проходу монаху. Онъ пришелъ къ самому сатанѣ и сказалп: „дай мнѣ ключи отъ ада“. Сатана далъ и сказалъ: „возьми у меня половину адской силы, а то царь не повѣритъ тебѣ и скажетъ, что кузнецъ сковалъ эти ключи“. Монахъ сказалъ: „я съ этой адской силой не управлюсь“. Но сатана сказалъ: „ты скажи шаршъ-маршъ въ дудку“, и половина адской силы полѣзетъ въ эту дудку“. Монахъ пошелъ и сказалъ. Адская сила пылинками вся залѣзла въ дудку. Монахъ

отправился къ царю. Когда царь увидѣлъ ключи, то сказалъ: „это тебѣ кузнецъ сковалъ“.—„Батюшка царь, если вы не вѣрите, то я вамъ покажу сейчасъ половину адской силы“.—„Ну покажи“. Онъ вышелъ на поле. Люди смотрятъ и говорятъ: „вотъ дуракъ выискался“. Монахъ сказалъ: „шаршъ-маршъ изъ дудки“. Всѣ изъ дудки полѣзли. Царь испугался и закричалъ: „будетъ, будетъ! я отдамъ за тебя дочь“. Монахъ сказалъ: „шаршъ-маршъ въ дудку“, и всѣ улѣзли въ дудку. Повели монаха съ царскою дочерью въ церковь, стали вѣнчать. Монахъ сказалъ: „я не буду вѣнчаться на царевнѣ: я хотѣлъ испытать только три евангельскія слова—я не вѣрилъ, а исполнилось правда“; взялъ онъ отъ царя ключи адовы и вышелъ на поле и сказалъ: „шаршъ-маршъ изъ дудки“. Когда выскочилъ первый, монахъ отдалъ ему ключи и послалъ въ адъ.

Г. Сургутъ. Записано со словъ Гавр. Кушникова. (90-е годы).

---

354. Сказка про купца.

Жилъ-былъ купецъ. У этого купца былъ сынъ. Этого сына взяли въ солдаты. Годъ онъ прослужилъ, а на другой и пишетъ отцу, что онъ ужъ офицеръ. Отецъ ему денегъ прислалъ. Такъ сколько разъ онъ его обманывалъ. Отслужилъ онъ службу и пошелъ домой. Пришелъ онъ въ первую деревню и тамъ женился. Пошелъ съ женою въ другую деревню и купилъ тамъ офицерское платье, а потомъ пошелъ къ какому то мужику и проигралъ эту одежду. Онъ оставилъ свою жену въ этой деревнѣ, а самъ ушелъ къ отцу. Отецъ сказалъ: „ты не будешь моимъ сыномъ, а паси мое стадо“. Солдатъ сталъ пасти и выучилъ коровъ маршировать по солдатски. Какъ только погонитъ стадо домой, такъ закричитъ: „ряды вздвойсь“. Пригонитъ къ воротамъ, закричитъ: „стой“. Отецъ съ матерью и говорятъ: „надо-быть, онъ вправду офицеромъ былъ, эдакъ коровъ выучилъ“. Пріѣхала его жена. Она выиграла его одёжу, которую онъ проигралъ. Онъ надѣлъ офицерскую одёжу и пришелъ съ женой къ отцу.

Записано со словъ Гавр. Кушникова. (90-е годы).

355. Сказка про царя Людоѣда.

Жилъ-былъ царь. У этого царя была дочь. Въ этомъ дворцѣ былъ вѣрная слуга царя. У него былъ сынъ. Сынъ этотъ всѣ языки не русски зналъ. Царь сталъ искать когонибудь въ учители учить его дочь. Вѣрнаго слуги сынъ сказалъ: „я буду твою дочь учить“. Царь его и нанялъ. Вѣрнаго слуги сынъ выучилъ ее на всяки языки. Она дала клятву, чтобы ни за кого не выходить замужъ кромѣ тебя. Сколько на ней жениховъ сватались, но она ни за кого не шла. Она пошла и сказала царю, что я ни за кого не выйду замужъ, кромѣ моего учителя. Отцу тоже онъ поглянулся. Вотъ разъ учитель ея поѣхалъ на кораблѣ. Женихи, которые сватались на царевнѣ, зашили его въ кожу и бросили въ море. Прилетѣла птица Нагай, схватила его унесла на гору и стала клевать. Онъ закричалъ, птица Нагай улетѣла. Онъ вынулъ саблю и разрѣзалъ кожу, вышелъ и пошелъ, куды глаза глядятъ. Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ царю людоѣду. У этого царя людоѣда утерялся сынъ. Пришелъ онъ во дворецъ и видитъ— сидитъ дѣвка чернявка. Дѣвка чернявка и говоритъ: „зачѣмъ ты сюда, Яшинька, пришелъ?“ Онъ ей разсказалъ все. Дѣвка чернявка сказала, что „у царя людоѣда утерялся сынъ, я на тебя надѣну ту одежду, которую носилъ царя Людоѣда сынъ и увезу въ кабинетъ“. Она такъ и сдѣлала. Перевернула у него, у царя людоѣда, книги, и сама ушла. Прилетаетъ царь людоѣдъ, видитъ, что сынъ его нашелся. „Ну-ка, говоритъ, я пойду посмотрю въ книгахъ: ты ли мой сынъ“. Смотритъ въ книгахъ написано: „твой сынъ“. Посмотрѣлъ въ зеркало, и тамъ тоже написано: твой сынъ. Онъ далъ ему ключи: „не ходи въ два амбара, да въ конюшну“. На другой день царь людоѣдъ улетѣлъ. Онъ пошелъ прямо въ тѣ амбары, въ которые онъ не велѣлъ. Онъ въ первый амбаръ вошелъ и видитъ, что дѣвка чернявка на трехъ цѣпяхъ. Онъ изорвалъ эти цѣпи и отпустилъ дѣвку-чернявку. Она хлопнула по платью и улетѣла. Пошелъ въ другой амбаръ. Видитъ, что сидитъ на шести цѣпяхъ Роза прекрасная, заморскаго царя дочь. Изломалъ эти шесть цѣпей и отпустилъ ее. Она хлопнула

по платью и улетѣла. Онъ пошелъ въ конюшну. Стоитъ конь. Конь и говоритъ: „что ты, Яшенька, надѣлалъ: царь людоѣдъ прилетитъ, съѣстъ тебя“. Онъ и говоритъ:—„пускай его ѣстъ“. Конь его обратилъ въ ячменное зернышко и спряталъ подъ копыто. Прилетѣлъ царь людоѣдъ и сказалъ: „гдѣ онъ, я сейчасъ его съѣмъ“. Пришелъ къ коню и сталъ спрашивать его. Конь сказалъ: „я не знаю, гдѣ онъ“. Закричалъ слугамъ: „давайте мнѣ ведро вина“. Слуги притащили вина. Онъ выпилъ это вино и сказалъ: „гдѣ ты, Яша? Выходи, я тебя не буду ѣсть“. Конь поднялъ копыто, и Яша вышелъ оттуда и пошелъ къ царю людоѣду. Царь людоѣдъ и говоритъ: „поди въ садъ, тамока сидятъ дѣвка-чернявка и Роза прекрасная, ты сохватай котору нибудь“. Онъ пошелъ и сохваталъ Розу прекрасну и уташшилъ ее къ царю людоѣду, а дѣвка чернявка улетѣла. Когда онъ привелъ ее къ царю, то царь сказалъ: „свѣнчайся съ ней“. Они свѣнчались. Послѣ царь Людоѣдъ скоро умеръ. Когда царь Людоѣдъ умиралъ, то говорилъ: „ты не давай ее платья, то она улетитъ“. Далъ ему царь людоѣдъ платочекъ: „махни надъ городомъ—онъ будетъ яицомъ“. Царь людоѣдъ умеръ. Онъ выѣхалъ съ Розой прекрасной, махнулъ надъ городомъ платкомъ — городъ сдѣлался яицомъ. Онъ положилъ это яицо въ карманъ. Пріѣхалъ домой и привезъ съ собой ящикъ, въ которомъ было платье Розы прекрасной. Онъ не велѣлъ матери отдавать это платьѣ Розѣ прекрасной. Вотъ Яша ушелъ. Роза прекрасная стала плясать. Мать Яшина и говоритъ: „какъ ты хорошо пляшешь!“ А Роза прекрасная и говоритъ: „вотъ, старушка, отдала бы ты мнѣ платьице, которое въ ящикѣ лежитъ“. Старуха достала и отдала ей платье. Она хлопнула по платью руками и улетѣла. Пришелъ Яша домой. Мать ему сказала, что Роза Прекрасная улетѣла. Онъ сказалъ: „теперь меня вамъ во вѣки не видать“. Помолился Богу и пошелъ, куда глаза глядятъ. Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ заморскому королю. Видитъ, что три царевича пошли свататься на Розѣ Прекрасной. Онъ кричитъ: „дожидайтесь меня, царевичи“. Онъ забѣжалъ въ одну избу и переоболокся старикомъ и пошли четверо. Пришли къ Розѣ Прекрасной. Роза прекрасная узнала этого старика. Вотъ она и говоритъ: „спрячь-

тесь отъ меня, чтобы я васъ не нашла. Тѣ пошли прятаться по лѣсамъ, а старикъ пошелъ къ морскому берегу. Вотъ попадется ему дѣвка чернявка, дала ему орлово перышко, львову шерсточку и китовый хвостъ и ушла. Онъ бросилъ перышко объ землю прилетѣлъ орелъ, унесъ его въ свое гнѣздо и запехалъ въ яицо. Вотъ Роза прекрасная стала смотрѣть въ зеркало: трехъ царевичей сразу нашла, а старика не могла найти. Полетѣла Роза прекрасная искать старика и нашла его. На другой день они опять пошли прятаться. Царевичи запрятались въ подвалъ, а старикъ подошелъ къ морю, ударилъ шерсточку по землѣ—прибѣжалъ Левъ, сглонулъ этого старика и убѣжалъ въ свое гнѣздо. Роза прекрасная нашла трехъ царевичей сразу въ зеркало, а старика не могла найтить. Стала летать и нашла его. На третій день царевичи ушли домой, не стали прятаться. Старикъ одинъ сталъ прятаться. Пришелъ онъ къ морю, бросилъ китовый хвостъ—приплылъ къ берегу китъ и сглонулъ этого старика, и ушелъ въ самую глубину моря. Роза прекрасная опять стала искать въ зеркалѣ его. Въ зеркалѣ нѣтъ его, стала въ книгахъ смотрѣть—и въ книгахъ нѣтъ его. Полетѣла стала искать и нашла его. Пришелъ старикъ къ Розѣ прекрасной; она сказала: „теперь твоя голова на тыну будетъ сидѣть“. Отецъ Розы прекрасной, царь Заморскій сказалъ: „пускай еще въ четвертый разъ спрячется“. Роза прекрасная сказала: „еще поди, въ четвертый разъ прячься“. Онъ пошелъ прятаться. попадатся ему дѣвка чернявка. Она сказала: „куда ты пошелъ?“—„Прятаться пошелъ! не знаю, куды спрятаться“. Она подвела его къ воротамъ, ударила объ вороты—и старикъ сдѣлался булавкой. Дѣвка-чернявка пошла и заткнула эту булавку за зеркало Розы прекрасной. Стала Роза прекрасная въ зеркало смотрѣть, нѣту его. Въ книгахъ стала смотрѣть—тоже нѣту. Полетѣла, летала, летала не могла найти. Она прилетѣла, бросила въ печь книгу, и книга сгорѣла; взяла зеркало и ударила объ полъ, булавочка упала и ударилась объ полъ: онъ сдѣлался молодцомъ, какимъ и прежде былъ. Она пошла и сказала отцу: „вотъ ты велѣлъ въ четвертый то разъ спрятаться ему, а онъ теперь мой мужъ.

Записано буквально со словъ ученика Гавр. Кушникова (90-е годы).

356. Самъ съ ноготь,—борода съ локоть.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ крестьянинъ. Онъ посѣялъ пшенину. У него родилась такая хорошая пшеница, что нѣтъ ни у кого лучше ее. Мимо этой пшеницы ѣхалъ царь. Онъ пріѣхалъ въ деревню и спросилъ: „чья это такая пшеница“. Другіе крестьяне показали того крестьянина. Царь пришелъ къ этому крестьянину и сказалъ: „продай мнѣ эту пшеницу“. Крестьянинъ сказалъ „купите, Ваше Царское Величество!“ Царь ему далъ тысячу рублей. Царь сказалъ: „я тебѣ даю деньги съ тѣмъ уговоромъ, чтобы беречь пшеницу по ночамъ. Если ты не сберегешь, то голова твоя съ плечъ“. Крестьянинъ на это согласился. Царь уѣхалъ домой.

Настала ночь. Крестьянинъ пошелъ беречь пшеницу. Онъ тамъ заснулъ. Утромъ всталъ и видитъ, что одного колоса нѣтъ. Пошелъ, сказалъ старухѣ. На другую ночь также заснулъ и другаго колоса не стало. На третью ночь старуха говоритъ: „пойдемъ вмѣстѣ, сохватамъ вора“. Онъ сказалъ: „пойдемъ“. Старуха пошла съ мѣшкомъ. Пришли къ пшеницѣ, старикъ заснулъ. Видитъ старуха—летитъ камень. Она растворила мѣшокъ, камень этотъ упалъ въ мѣшокъ. Она сейчасъ завязала мѣшокъ и разбудила старика: „пойдемъ старикъ къ царю“. Пришли они къ царю и сказали: „батюшка царь, мы вамъ вора принесли“. Царь и говоритъ: „какого вора?“—„Мы, батюшка царь, и сами то не знаемъ“. Царь и сказалъ: „вытряхните его“. Они вытряхнули. Видятъ, что выпалъ человѣкъ самъ съ нокоть, борода съ локоть. Царь заперъ его въ чугунную клѣтку, а старика со старухой отправилъ домой. Вотъ царь поѣхалъ собирать со всѣхъ земель царей судить человѣка самъ съ нокоть-борода съ локоть.

Послѣ этого сынъ царскій пошелъ стрѣлять и застрѣлилъ стрѣлочку въ клѣтку. Самъ съ нокоть-борода съ локоть и говоритъ: „дай мнѣ ключи отъ этой клѣтки, такъ я тебѣ отдамъ стрѣлку“. Мальчикъ спросилъ: „какъ ихъ достать: они у маменьки въ запазухѣ“. Самъ съ нокоть, борода съ локоть и говоритъ: „ты поди кричи, тебя слуги

будутъ держать, а ты ихъ не слушайся и прямо иди, тогда мать тебя встрѣтитъ. Она тебя станетъ унимать, ты вытащи у ней изъ запазухи ключи". Онъ такъ и сдѣлалъ. Вытащилъ у матери ключи и отперъ эту клѣтку. Самъ съ ноготь-борода съ локоть вышелъ и сказалъ: „я тебѣ когда нибудь пригожусь". Мальчикъ опять пошелъ и сталъ кричать и также опять положилъ ключи въ запазухъ къ матери.

Пріѣхалъ царь, пошелъ въ клѣткѣ смотрѣть и видитъ, что самъ съ нокоть-борода съ локоть нѣтъ въ клѣткѣ. Царь велѣлъ палачамъ положить свою жену на плаху и отсѣчь ей голову. Палачи такъ и сдѣлали. Положили царевну на плаху. Одинъ палачъ поднялъ топоръ, чтобы отсѣчь голову царевнѣ. Мальчикъ сказалъ своему отцу: „вы ее невинно убиваете, это я все сдѣлалъ". И мальчикъ разсказалъ, какъ было дѣло. Царь приказалъ царевну освободить, а мальчика отпустить на всѣ четыре стороны.

Долго онъ шелъ и наконецъ пришелъ къ какому то царству. Около этого царства кругомъ рѣчка. Идетъ старикъ и говоритъ: „давай перемѣня(е)мся одеждами, а если не перемѣняешься—я сейчасъ тебя утоплю". И перемѣнялись. Старикъ перевезъ его черезъ рѣчку, повелъ его въ дворецъ. Онъ одѣлъ мальчика поваромъ (онъ самъ былъ поваръ), а самъ царемъ. Объ этомъ услыхала царевна, царя дома не было. Царевна пошла къ повару (мальчику) и сказала: „ты, однако, Иванъ Царевичъ?" Но мальчикъ ничего не говорилъ. Увидалъ это новый царь и опредѣлилъ мальчика на конюшню. Въ первый разъ мальчикъ погналъ коней на поле. Приходитъ къ нему самъ съ нокоть-борода съ локоть,—лошадей не стало. Самъ съ нокоть-борода съ локоть говоритъ: „пойдемъ теперь ко мнѣ". Царевичъ пошелъ. Самъ съ нокоть привелъ его въ свой домъ, напоилъ чаемъ и далъ ему поясочекъ:—„вотъ держи этотъ поясочекъ,—явятся слуги и будутъ тебя утѣшать". Онъ взялъ этотъ поясочекъ попрощался и пошелъ къ лошадямъ. Пришелъ и видитъ, что они хорошо отъѣлись. Онъ погналъ ихъ домой. Пригналъ и заперъ въ конюшню. Сѣлъ и раздернулъ поясочекъ — явились слуги и стали утѣшать его. Пришла къ нему царевна и говоритъ: „ты Иванъ Царевичъ?" А онъ сказалъ: „уйди пожалуйста, царевна, а то царь меня

еще куда нибудь пошлетъ хуже". Царевна ушла. Онъ завернулъ поясочекъ и никого не стало. На другой день опять онъ погналъ лошадей. Пригналъ лошадей и сѣлъ у дерева. Приходитъ самъ съ нокоть-борода съ локоть. Лошадей опять не стало. Самъ съ нокоть повелъ его къ себѣ. Напоилъ его чаемъ и повелъ въ садъ гулять. Погуляли въ саду и мальчикъ пошелъ къ лошадямъ. Видитъ, что лошади хорошо отъѣлись. Онъ погналъ ихъ въ конюшню и заперъ, а самъ сѣлъ и раздернулъ поясочекъ. Явились слуги и стали утѣшать его. Пришла царевна и стала говорить: „ты Иванъ Царевичъ". Мальчикъ сказалъ: „уйди отъ меня, царевна". Она ушла. Онъ завернулъ поясочекъ, и слуги скрылись.

На третій день снова погналъ лошадей въ поле. Опять явился самъ съ ноготь, лошадей не стало, а мальчика увелъ къ себѣ и сказалъ: „завтра будетъ война, ты выйди за ворота, свисни по-молодецки, гаркни по-словецки—прибѣжитъ къ тебѣ конь, ты влѣзай въ правое ухо, а изъ лѣваго вылѣзь и будешь великимъ богатыремъ. Сядь на этого коня и поѣзжай воевать". Мальчикъ попрощался и пошелъ къ лошадямъ. Лошади хорошо отъѣлись, и онъ погналъ ихъ домой и заперъ въ конюшню, а самъ легъ спать. Утромъ войско пошло воевать. Онъ вышелъ за ворота, свистнулъ по-молодецки, гаркнулъ по-словецки, и и прибѣжалъ къ нему конь. Онъ въ правое ухо влѣзъ, въ лѣвое вылѣзъ и сдѣлался великимъ богатыремъ, поѣхалъ воевать. Люди увидали, стали молиться на него. Онъ сказалъ: „вы чего на меня молитесь? Развѣ я Богъ!" Онъ сталъ воевать и укротилъ всю войну. Домой ускакалъ впередъ всего войска, привязалъ коня къ воротамъ, а самъ пошелъ во дворецъ. Царевна дала ему стаканъ водки, онъ выпилъ. Пошелъ и влѣзъ коню въ лѣвое ухо, изъ праваго вылѣзъ и сдѣлался такимъ же, какъ и прежде былъ. Пошелъ и легъ спать. Пришло войско и стало разсказывать, что какой то богатырь укротилъ всю войну. На другой день войско опять пошло воевать. Мальчикъ опять вышелъ за ворота, вызвалъ коня, сдѣлался богатыремъ и поѣхалъ на войну. Также укротилъ войну и воротился впередъ войска. Привязалъ коня къ воротамъ и пошелъ во дворецъ. Царевна дала ему стаканъ водки.

Онъ вышилъ, пошелъ къ коню, влѣзъ въ лѣвое ухо, изъ правого вылѣзъ, сдѣлался, какъ прежде былъ, и пошелъ спать. Войско пришло и стало разсказывать, что какой то богатырь укротилъ всю войну. На третій день войско опять пошло воевать. Онъ вышелъ за ворота, свистнулъ по-молодецки, гаркнулъ по-словецки — прибѣжалъ къ нему конь. Онъ въ правое ухо влѣзъ, изъ лѣваго вылѣзъ и сдѣлался богатыремъ. Сѣлъ на коня и поѣхалъ воевать. Укротилъ войну, и ему ранили правую руку. Онъ уѣхалъ впередъ войска, привязалъ коня къ воротамъ и пошелъ къ царевнѣ во дворецъ и сказалъ: „дай мнѣ, царевна, какую-нибудь тряпочку завязать рану“. Она дала ему самого дорогаго пол-платка завязать руку. Онъ пошелъ въ лѣвое влѣзъ, изъ праваго вылѣзъ и сдѣлался такимъ же. Отпустилъ коня и легъ спать. Пришло войско и опять стало разсказывать. Царевна повела войско и указала: „вотъ кто укрощалъ войну“. Новаго царя въ шею вытолкали, а мальчика свѣнчали съ царевной. Сдѣлали пиръ. Царевичъ уѣхалъ къ своему отцу съ царевной.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

357. Сказка про попа.

Жилъ-былъ попъ. У этого попа была жена красавица. Попъ и говоритъ: „баба, я тебя запру въ подземелье, а то неравно, кто нибудь тебя утащитъ еще“. Попъ заперъ ее въ подземелье.

Пріѣхалъ въ этотъ городъ корабельщикъ и присталъ къ старухѣ на квартиру. Корабельщикъ и говоритъ: „гдѣ бы мнѣ невѣсту выбрать, старушка?“ Старуха и говоритъ: „у попа есть хорошая жена“. Корабельщикъ и говоритъ: „какъ бы ее достать?“ — „А вотъ завтра, какъ батюшко уйдетъ въ церковь, я пойду къ ней“.—

На другой день старуха пошла къ попу. Пришла. Попъ и говоритъ: „останься съ моей женой—ей скучно“. Старуха согласилась, и попъ заперъ ихъ вмѣстѣ, а самъ ушелъ. Старуха и говоритъ: „матка, на тебѣ женихъ сватается“.

Матка и говоритъ: — „какой?“ — „Корабельщикъ“ — Матка сказала: „ладно“. Пришелъ попъ и отпустилъ старуху домой. Вотъ старуха сказала корабельщику: „прикажи своимъ работникамъ, чтобы они выкопали подземельный ровъ: изъ моего подпола прямо къ попадьѣ подъ кровать. Корабельщикъ приказалъ своимъ работникамъ- тѣ живо выкопали. Вотъ старуха пошла и зоветъ попа къ себѣ „на свиданіе:“ „я въ лѣсу Машеньку нашла, походитъ на твою матку; корабельщикъ женится на ней“. Попъ и говоритъ: „я одинъ себѣ прійду, а матку не приведу: у меня пожалуй кто-нибудь ее сглазитъ“. Попъ пошелъ со старухой на свиданье, а матка переодѣлась и впередъ его ушла. Попъ пришелъ и видитъ, что его жена, онъ и говоритъ: „господа! это моя матка!“ А тѣ и говорятъ: „что ты, батюшка, какая твоя матка!“ Онъ побѣжалъ скорѣй домой. А матка по рву убѣжала впередъ его, переодѣлась. Попъ пришелъ и кричитъ: „матка, ты дома?“ — „А я куды уйду? ты че съ ума сошелъ? я спала, ты меня испугалъ.

На другой день старуха опять приходитъ. „Батюшка, свѣнчайте Машеньку съ корабельщикомъ“. Попъ сказалъ: „ладно, свѣнчаю“, и пошелъ, а матка по подземельному рву впередъ его убѣжала. Одѣлась и пошли въ церковь. Попъ сталъ вѣнчать и говоритъ: „господа, это моя матка“! Корабельщикъ и говоритъ: „какая твоя?“ Свѣнчалъ попъ ихъ, они сѣли въ карету и уѣхали на корабль. Попъ побѣжалъ бѣгомъ домой и сталъ кричать женѣ. Ее ужъ нѣту. Онъ побѣжалъ къ кораблю, но корабль ужъ поѣхалъ. Старуха стоитъ на берегу и раскланивается съ новобрачными. Попъ прибѣжалъ и давай лупить старуху, потомъ бросилъ старуху въ воду, а старуха и его съ собой потащила, и оба утонули.

Г. Сургутъ. (90-е годы). Записано со словъ Гавр. Кушникова.

358. Иванъ Несчастный.

(Народная сказка).

Жилъ-былъ мужикъ. Этотъ мужикъ былъ Иванъ Несчастный. Онъ къ кому ни наймется въ работники, такъ тотъ и обѣднѣетъ. Такъ нанимался Иванъ къ нѣсколькимъ купцамъ въ работники. Наконецъ никто не сталъ его нанимать. Иванъ пошелъ къ царю и сказалъ: „Ваше Царское Величество, меня никто не нанимаетъ въ работники". А царь спросилъ: „почему тебя никто не нанимаетъ?" Иванъ разсказалъ царю, почему его никто не нанимаетъ. Царь призвалъ купца и отдалъ Ивана Несчастнаго въ работники къ нему. Прожилъ онъ у купца недѣлю, и купецъ обѣднѣлъ. Этотъ купецъ отказалъ ему. Иванъ Несчастный опять пришелъ къ царю. Царь сказалъ: „теперь куда я пошлю—если къ себѣ тебя взять, боюсь, неравно царство обѣднѣетъ". Вышла царская дочь и сказала: „если онъ женится, тогда будетъ счастливый". Царю это не поглянулось. Онъ сказалъ дочери: „вотъ ты съ нимъ вѣнчайся". Повели ихъ въ церковь и свѣнчали. Иванъ Несчастный пошелъ со своей женой въ какую то избушку на концѣ города жить. Царю стало жалко и онъ велѣлъ Ивану прити во дворецъ, царевну взялъ во дворецъ, а его сдѣлалъ поваромъ. Иванъ, за что только ни возьмется, все сдѣлаетъ. Умеръ у царя сынъ, и царь поставилъ Ивана Несчастнаго наслѣдникомъ.

Г. Сургутъ. Записано со словъ Гавр. Кушникова. (90-е годы).

---

359. Сказка.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Старикъ посѣялъ просо. Поднялся маленькій вѣтеръ и сдулъ все просо. Тогда старикъ пошелъ жаловаться на маленькаго вѣтра большому вѣтру. Большой вѣтеръ далъ старику молотокъ и сказалъ: „если захочешь чего, постучи только этимъ

молоткомъ“. Дорогой старикъ захотѣлъ ѣсть, постучалъ и передъ нимъ появились всякія кушанья. Старикъ до сыта наѣлся. Пришелъ онъ домой, постучалъ молоткомъ—опять появились всякія кушанья. На другой день старикъ позвалъ къ себѣ гостя. Стукнулъ молоточкомъ по столу, появились всякія кушанья. Гость сталъ торговать молоточекъ, старикъ долго не соглашался, наконецъ продалъ.

На другой годъ опять старикъ посѣялъ просо. Подулъ маленькій вѣтерокъ и сдулъ все просо. Пошелъ старикъ жаловаться къ большому вѣтру. Большой вѣтеръ опять далъ старику молотокъ. Старикъ принесъ домой и постучалъ имъ. Молотокъ выскочилъ и давай старика въ голову колотить. Колотилъ, колотилъ—потомъ наскочилъ на старуху, ее сталъ колотить.

Г. Сургутъ. (90-е годы).

---

360. [„Не любо—не слушай“].

Жили-были три брата. Пришлось имъ въ лѣсъ на работу итти. Пришлось въ лѣсу ночевать, а огня у нихъ не было. Они заставили старшаго брата лѣзти на березу: „не увидишь ли, говорятъ, гдѣ огня, туда и пойдемъ поишемъ“. Онъ залѣзъ на березу и увидѣлъ тамъ, въ которой-то сторонѣ дале-е-ко огонь сверкатъ, и пошелъ.

Шелъ онъ лѣсомъ много-ли мало-ли, дошелъ до избушки. Зашелъ въ избушку—никѣмъ-никого нѣтъ въ этой избушкѣ. Взглянулъ на полати—тамъ старикъ лежитъ изъ стѣны въ стѣну, а носъ въ потолокъ вросъ, по быку зарáзъ съѣдатъ.

„Дѣдушко, говоритъ, дай-ко огонька!“

А старикъ ему и говоритъ: „скажи небылую-небылицу, дакъ дамъ огонька, а не то я вырѣжу у тебя изъ спины ремень“. Мужикъ думалъ, думалъ—не могъ сказать никакую небылую небылицу, и старикъ вырѣзалъ изъ его спины ремень.

Средній братъ залѣзъ на березу и также увидѣлъ огонекъ. Слѣзъ и пошелъ. Пришелъ къ тому же старику—изъ стѣны въ стѣну носъ въ потолокъ вросъ,—и сталъ

просить огня. Старикъ сказалъ: „скажи небылую небылицу, тогда дамъ огонька, а не скажешь—изъ спины ремень вырѣжу!“ Средній братъ думалъ, думалъ—не могъ придумать. Старикъ вырѣзалъ у его изъ спины ремень.

Дошла очередь до младшаго брата. Залѣзъ онъ на березу посмотрѣть: не видать ли гдѣ огня. Увидѣлъ огонь и пошелъ. Пришелъ къ старику и говоритъ: „дѣдушко, дай-ко огонька“.—„А скажи небылую небылицу, дакъ дамъ огонька, а то тоже вырѣжу изъ спины ремень!“—„Ну, слушай. Если ты пересѣкешь мою рѣчь, то я возьму тупичку и ссѣку тебѣ носъ“. И началъ разсказывать. „Шелъ я лѣсомъ, дошелъ, стоитъ дубъ—въ небо вросъ. Мнѣ сказали, что на небѣ мухи и мыши дороги́, а коровы да телята дешевы́. Наималъ я столько этихъ мухъ и мышей и полѣзъ по этому дубу. Даю муху да мышенка, а мнѣ даютъ корову да теленка. Намѣнялъ скота множе́-е-ство, пригналъ этого скота къ дырѣ,—а дубъ ссѣченъ, слазить не́почему. Давай я скота-та ловить, кожи сдирать да ремни сшивать. Сшилъ, всѣ опустилъ и сталъ спускаться. Ремней не хватило до самого низу. По счастью на гумёшкѣ мужикъ овесъ вiелъ. Я сталъ мякину хватать, да веревку вить, да все ниже да ниже спускаться. Вѣтеръ и раздулся. Меня качало да качало, оторвало, да въ болото. Я ускочилъ, одна голова осталась. Утка свила на головѣ гнѣздо и наклала яичекъ. Повадился волкъ утку-ту зорить. Вотъ онъ разъ приходитъ, два приходитъ — я его не пугаю. Въ третей-е́тъ разъ онъ пришелъ, я тихонько взялъ его за хвостъ да ка́къ зъухалъ, онъ хватилъ со всей прыти, изъ кожи выболокся да безъ кожи то ти́рыша отъ меня“... Старикъ слушалъ, слушалъ и говоритъ: „да можетъ ли это быть, чтобы волкъ безъ кожи убѣжалъ?“ Тогда младшій братъ взялъ тупичку и срубилъ старику носъ, взялъ быка, который жарился въ печѣ, огонь и ушелъ.

Тюменскій у., Усть-Ницынская слобода. 1894 г.

361. [Сказка объ Алешѣ Поповичѣ, Усынѣ и Горынѣ].

[Конспективное изложеніе].

Шелъ по дорогѣ Алеша Поповичъ. На встрѣчу ему попался Усыня и спрашиваетъ у Олеши: „какое ремесло ты знаешь?“ Я, говоритъ, Алеша Поповичъ, никакого ремесла не знаю, а ты?“—„Я, отвѣчалъ Усыня, усами рѣки скрѣпляю“. Пошли вмѣстѣ.

Дорогой имъ встрѣтился Горыня. Его спросили: „какое ремесло ты знаешь?“

Горыня отвѣчалъ: „я горы сворачиваю“. Всѣ трое пошли вмѣстѣ и пришли къ какой то избушкѣ. Около избушки было много скота. Они поселились въ этой избушкѣ и стали отсюда ходить на промыселъ.

На первый день на промыселъ ушли Олеша Поповичъ да Горыня, а Усыня остался домовничать. Изжарилъ быка Вдругъ вылѣзъ изъ щели на полу „маленькой коротенькой, самъ съ нокоть, борода съ локоть“ и давай домовника Усыню мять. Мялъ, мялъ его, оставилъ еле живаго и ушелъ. Усыня легъ на печь и вечеромъ товарищамъ ничего не сказалъ.

На другой день двое, Олеша Поповичъ и Усыня, ушли на промыселъ, а домовничать оставили Горыню. Онъ изжарилъ быка. Опять вылѣзъ изъ щели маленькой коротенькой, самъ съ нокоть, борода съ локоть и принялся Горыню мять. Измялъ до полусмерти.

На третій день на промыселъ пошли Усыня и Горыня, а дома остался Олеша Поповичъ. Тѣмъ же порядкомъ явился къ нему маленькой коротенькой, самъ съ нокоть, борода съ локоть и напалъ на Олешу Поповича. Но Олеша управился съ нимъ и выбилъ у него одинъ глазъ, и маленькой коротенькой, самъ съ нокоть, борода съ локоть убѣжалъ отъ Олеши въ щель на полу.

Когда вернулись съ промысла Усыня и Горыня, то Олеша Поповичъ сталъ говорить имъ, что онъ пойдетъ въ погоню за маленькимъ коротенькимъ.

Стали бить скота, сдирать кожи, а изъ кожи дѣлать ремни да сшивать. Сшили долгой ремень и спустили Алешу Поповича.

Олеша Поповичъ въ глубинѣ земной попалъ сначала въ мѣдное царство, но тамъ маленькаго коротенькаго не было. Олеша перешелъ въ серебряное царство, но и тамъ маленькаго коротенькаго не нашелъ: тотъ находился въ золотомъ царствѣ и лѣчилъ свой поврежденный глазъ. Олеша Поповичъ назвался докторомъ и вызвался вылѣчить глазъ у маленькаго коротенькаго. Когда маленькій коротенькій согласился лѣчиться у этого доктора, тогда Олеша Поповичъ взялъ бутылку, выбилъ у ней дно, приставилъ къ здоровому глазу маленькаго коротенькаго, а затѣмъ взялъ раскаленное жига́ло и выжегъ здоровый глазъ.

Тюменскій у., Усть-Ницынская слобода. 1894 г.

---

362. Купецъ Царіонъ.

(Бывальщина).

Жили вдвоемъ съ женой купецъ, дѣтей не было, только одна годовая дѣвушка. Попросились разъ къ купцу Царіону нищіе переночевать. Легли спать. Ночью прилетѣли Ангели-Архангели и спрашивали: „не здѣсь ли батюшка истиной Христосъ? въ такомъ-то-градѣ родился незаконный сынъ у дѣвицы: какимъ счастьемъ его надѣлитъ?“ Отвѣчалъ батюшко истиной Христосъ: „надѣлите его богатствомъ купца Царіона: всѣмъ домомъ, всѣмъ скотомъ и животомъ и деньгами“. Услышалъ это купецъ Царіонъ: „вотъ, говоритъ онъ, добро говоритъ про насъ батюшка истинной Христосъ, только провожу Его, запрягу тройку и поѣду искать, возьму его въ покормленки“. Такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ. Нашелъ мать и говоритъ ей: „отдай мнѣ сына въ покормленки, возьми за его сто рублей“... — „Не надо“, говоритъ дѣвка.—„Возьми 200, только отдай.— „Не возьму и двѣсти—себѣ буду ростить, что—ужъ, Богу согрѣшила, людей насмѣшила—не будетъ ли подъ старость поилецъ-кормилецъ“. Однако отдала купцу. Онъ взялъ его,

посадилъ съ кучеромъ и увезъ отъ матери. Везъ, везъ и дорогой выбросилъ за кустъ и уѣхалъ. Ѣхали по этой дорогѣ вязниковцы съ ярмарки. Дѣло у нихъ шло плохо, совсѣмъ проторговались, и кони еле везутъ. Услышали крикъ. Одинъ и говоритъ: „гдѣ то ребенокъ реветъ-плачетъ“. Доискались, посадили ребенка съ собой, и какъ сѣли, кони такъ побѣжали, какъ будто другихъ запрягли. Эти вязниковцы три года возили его и такъ расторговались, что и богаче-то ихъ не было. Купецъ Царіонъ дознался объ этомъ, пріѣхалъ къ купцамъ и сталъ ребенка просить себѣ въ покормленки; „у меня, говоритъ, нѣтъ сына; я несчетно богатъ, отдайте его“. Купцы согласились. „Ну, сказалъ купецъ Царіонъ, теперь я его упечатаю“. Сдѣлалъ онъ бочку, положилъ на нее желѣзные обручи, посадилъ этого парня въ бочку и отпустилъ на море. Теперь, говоритъ, утопится“. Плавала, плавала эта бочка, доплыла до острова. У берега обручи схлопнули, и парень вышелъ изъ бочки. На берегу была старуха. „Что ты за человѣкъ“. спросила старуха.—„А ты кто“?—„Я змѣя огненнаго мать“, отвѣчаетъ старуха.—„Мнѣ, бабушка, надо за море“. Тотчасъ приплыла лодка съ мужикомъ, который сидитъ въ лодкѣ и мохомъ обросъ. „Садись“, говоритъ мужикъ. Вотъ они сѣли и переплыли на берегъ.—„Пойду, сказалъ парень, въ строкъ наймываться“. И нанялся въ тотъ же городъ, гдѣ купецъ Царіонъ жилъ. Узналъ его Царіонъ, распросилъ, чей онъ, откуда и нанялъ его. „Я тебя, молодецъ, нанялъ, такъ работу дамъ: поди сходи за море къ змѣю огненному по дорогіе камни“. Пошелъ. На встрѣчу идетъ старичекъ въ золотой ризѣ.—„Куда ты, молодецъ, пошелъ?“—„За море, къ змѣю огненному по дороги камни“. Старичекъ далъ ему рукописанье и сказалъ: „иди къ змѣю и неси на правой рукѣ“. Пришелъ парень на берегъ къ морю, лодка съ мужикомъ приплыла. Переплылъ на островъ, идетъ къ змѣю. а змѣя дома нѣтъ, а мать его дома. Дала она парню дорогоцѣнные камни. Идетъ къ морю, лодка съ мужикомъ опять приплыла, перевезла парня на свою сторону съ дорогоцѣнными камнями. Старикъ стоитъ на берегу и говоритъ: „скажи купцу Царіону, что змѣй огненный звалъ его къ себѣ въ гости, и идите оба“. Доходитъ парень до двора и говоритъ: „насъ въ гости звали“. Купецъ Царіонъ от-

казался; „я зачѣмъ тамъ пошелъ“. Бился, бился, нечего дѣлать, пошли съ парнемъ. Пришли къ морю, приплыла лодка съ мужикомъ. Мужикъ сталъ съ кормы и говоритъ: „садись, купецъ Царіонъ“. Купецъ садитъ парня.—„Нѣтъ, говоритъ мужикъ, теперь твоя очередь“. Купецъ Царіонъ сѣлъ да и теперь плаваетъ. А парень ушелъ, женился на его дочери, завладѣлъ всѣмъ добромъ, скотомъ, животомъ и деньгами купца Царіона и сталъ жить да поживать да добра наживать.

Слобода Усть-Ницынская Тюменскаго Округа. Запис. со словъ крестьянки Н. С. Зобниной. (90-е годы).

Акмолинская область.

363. Грошъ.

(Народная сказка).

Жилъ старикъ со старухой въ низенькой избушкѣ, въ землянкѣ. У нихъ вышли дрова. Старуха посылаетъ старика въ лѣсъ за дровами. Старикъ взялъ топоръ и пошелъ. Нашелъ старый столѣтній дубъ. Поколотилъ въ него обухомъ. Выскочилъ грошъ: „чего, дѣдушка, хошь?“ Старикъ разсказалъ, что его послала старуха дровъ нарубить, а силъ нѣтъ. Грошъ сказалъ: „иди, старинушка, домой, напейся квасу, помолися Спасу и ложись спать: утромъ все будетъ готово“. Старикъ такъ и сдѣлалъ. Утромъ оказалось, что цѣлый дворъ заваленъ дровами. Старуха посылаетъ старика: „иди и проси, чтобы Грошъ намъ выстроилъ хорошій домъ, не буду жить въ такой землянкѣ. Старикъ пошелъ въ лѣсъ, стукнулъ о дубъ, выскочилъ Грошъ: „чего дѣдушка, хошь?“ „Старуха приказала мнѣ выпросить у тебя хорошій домъ“—Грошъ сказалъ: „ступай домой, напейся квасу, помолися Спасу и ложись спать: утромъ будетъ готовъ вамъ новый домъ“. На утро старикъ со старухой проснулись въ новомъ домѣ на мягкой перинѣ и пуховикахъ. Старуха сказала: „не хочу я теперь быть мужичкой, проси у Гроша, чтобы ты былъ офицеромъ, а я барыней“. Взялъ старикъ топоръ, пошелъ въ лѣсъ, стукнулъ по прежнему въ дубу. Выскочилъ Грошъ: „чего, дѣдушка, хошь?“ Старикъ объяснилъ, что старуха не желаетъ быть мужичкой, а хочетъ быть барыней, а я офицеромъ и чтобы прислуга за нами ходила. „Ступай домой, напейся квасу, помолися Спасу и ложись спать: утромъ будетъ готово“. На утро на стѣнахъ оказались офицерскій мундиръ и вся одежда, старуха барыней, и имъ прислуживаютъ слуги. Потомъ барыня не удовлетворилась положеніемъ мужа и потребовать, чтобы онъ былъ полковникомъ, генераломъ и наконецъ пожелала, чтобы мужъ былъ Государемъ, она—Государыней и вся бы ходила въ золотѣ. Старикъ пошелъ въ

лѣсъ и со слезами проситъ Гроша. Грошъ выслушалъ старика и выскочилъ въ дубъ. Воротился старикъ къ своей женѣ и увидѣлъ свою старую землянку, а около старуха свиньей, а онъ боровомъ.

г. Омскъ (90-е годы).

---

364. Умный хохолъ.

(Народная сказка).

Шелъ одинъ хохолъ по столичной улицѣ. Около дворца онъ увидалъ много воронъ, остановился и сталъ ихъ считать. Насчиталъ нѣсколько сотъ. Замѣтилъ этого хохла дворникъ. „Ты чего хохолъ дѣлаешь?“ спросилъ онъ.—„Воронъ считаю“.—„Этого дѣлать нельзя, говоритъ дворникъ, это государевы вороны, давай за каждую по рублю. Сколько ихъ ты насчиталъ“—„25“, отвѣчалъ хохолъ и заплатилъ двадцать пять рублей. Встрѣчается съ землякомъ и разсказываетъ: „какъ я надулъ русака, сколько сотъ воронъ насчиталъ, надо за каждую по рублю заплатить, а я заплатилъ только двадцать пять рублей“.

г. Омскъ (90-е годы).

Енисейская губернія.

365. Молодая жена.

Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ единственный сынъ Иванъ. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, они его отдали въ училище учиться. Кончилъ ученіе, отецъ его задумалъ отправить въ городъ на фабрику. На фабрикѣ, конечно, онъ работалъ до 19 лѣтъ; потомъ ему изъ дома пишетъ мать письмо, чтобы пріѣхалъ домой, а то отецъ померъ—некому хозяйствомъ управлять... Вотъ онъ пріѣхалъ домой, мать ему говоритъ, чтобы онъ женился: неженатому нельзя хозяйствомъ управлять.

„Ну“, говоритъ: „я ужъ тебѣ, Ваня, невѣсту-то хорошую подыщу; за тебя“, говоритъ: „пойдетъ всякая, ты у насъ парень ученый“.

Онъ и говоритъ: „нѣтъ“, говоритъ: „мама, я самъ“, говоритъ: „выберу себѣ невѣсту-то“. Она и говоритъ: „нѣтъ“, говоритъ: „по закону-то всегда старики ходятъ выбиратъ невѣсту—то“.

— „Нѣтъ“, говоритъ: „я самъ выберу!“

Ну, мать согласилась.

Затѣмъ онъ услышалъ, что въ одной деревнѣ, у одного богача есть единственная дочь, которая была страшно характерная, любила на своемъ поставить, которую никто не могъ усватать: богатый ее не бралъ, а за бѣдняка сама не шла.

Вотъ вздумалъ нашъ Иванъ сватать эту самую дѣвицу.

Осѣдлалъ коня и поѣхалъ въ эту самую деревню сватать себѣ невѣсту. Заѣхалъ къ одному знакомому старику Ивану; тотъ его спрашиваетъ: „Зачѣмъ, Иванушка, пріѣхалъ?“

Тотъ ему говоритъ, что невѣсту сватать.

Старикъ говоритъ, что это хорошо, уже довольно по городамъ нагулялся, — дѣйствительно, пора жениться, домокъ пріобрѣтать.

„Родъ у васъ хорошій, честный; а какую-же ты, Иванушка, думаешь невѣсту-то сватать, богатая за тебя не пойдетъ, ты — бѣдный, а бѣдную ты и самъ не возьмешь, потому что ты не намъ чета. Ну, а коли богатая пойдетъ,

такъ съ тѣмъ, чтобы взять тебя въ свои руки, чтобы ты ей кланялся. Какую-же ты, все-таки, невѣсту-то думаешь сватать?"

Онъ ему и говоритъ, что вотъ такую-то, у такого-то богача. „О", говоритъ: „мой милый, куда тебѣ, она тебѣ не годится, она любитъ на своемъ поставитъ; и, если пойдетъ за тебя, такъ тебѣ не на радость: она ни шить, ни прясть, ни косить, ни жать не умѣетъ, только любитъ распоряжаться, чтобы всѣ ей кланялись.

А онъ ему и говоритъ: „ничего", говоритъ: „дѣдушка, и богачка будетъ работать, только", говоритъ: „надо взять къ рукамъ".

Старикъ говоритъ: „какъ хочешь, Ваня!"...

Иванъ отъ него пошелъ прямо къ этому богачу сватать себѣ ту невѣсту.

Приходитъ онъ къ этому богачу, начинаетъ говоритъ имъ о дочери, чтобы отдали за него замужъ.

Старикъ и старуха соглашаются, — упрямится только дочь. Старики зачали ее уговаривать, это-де хорошій парень, хотя и бѣднѣе насъ, въ городѣ былъ съ малыхъ лѣтъ, одѣвается чисто; ты, говоритъ, будешь ходить у него, какъ барыня, едва-ли будетъ заставлять что-нибудь работать.

Она предчувствуетъ, что что-то парень-то отчаянный, побывалъ въ городѣ, какъ бы меня къ рукамъ не прибралъ, а все-таки побаивается.

Ей старики и говорятъ: „дура, тебя вѣдь изъ богатыхъ никто не возьметъ, за бѣдныхъ сама не идешь, а это парень ловкій, красивый, лучше этого тебѣ не найти".

Ну, она, конечно, зачала обдумывать планъ: „что-же, говоритъ, мнѣ въ дѣвкахъ не вѣкъ-же сидѣть! Я, говоритъ, богатая: авось, къ рукамъ и этого прибёру; работать я все равно не буду,—будемъ нанимать. Согласилась она за него выйти, просваталась.

Иванъ и говоритъ: „ну, нареченный тесть и нареченная теща, и ты, нареченная невѣста, — нельзя откладывать свадьбу, потому что работа не терпитъ, вотъ въ этотъ мясоѣдъ и сыграемъ свадьбу. Долго откладывать нельзя— черезъ семь дней—вѣнчаніе".

И, конечно, уѣхалъ домой, чтобы приготавливались они къ свадьбѣ. Пріѣзжаетъ онъ домой, мать зачала его спра-

шивать: „ну, какъ говоритъ, сынокъ, гдѣ говоритъ, сосватался?“

Онъ отвѣчаетъ, сосваталъ у такого-то. Она отвѣчаетъ: „охъ, говоритъ, милый мой свѣтъ, я ее знаю, о ней говорятъ по всѣмъ деревнямъ, что любитъ, чтобы ей даже старики шапки снимали, не только молодые; она набалована съ малыхъ лѣтъ, работать не будетъ, а намъ надо, чтобы работала и тебя любила. Онъ ей отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, мама, это—хорошая женщина, она будетъ работать и тебя—мать уважать будетъ, только надо, говоритъ, ее прибрать къ рукамъ, и меня, говоритъ, будетъ любить, только ты, мать, не перечь мнѣ ни въ чемъ, что я буду дѣлать—ты молчи. А теперь, говоритъ, мама, приготавливайся къ свадьбѣ, черезъ семь дней будетъ и свадьба“. Конечно, мать разсказала другимъ, третьимъ... по всему селу разнесся слухъ, что Ѳедосьинъ сынъ женится на богачкѣ, которая — дура, не умѣетъ ни прясть, ни ткать, ни початки мотать. Когда пойдетъ по селу, на него пальцемъ показываютъ: „вонъ, говорятъ, нашъ городской-то пошелъ, который, говорятъ, съ нами, бѣдняками не хочетъ знаться, знается съ богачами. Дѣвицы посмѣиваются: „она, говорятъ, все равно не будетъ съ нимъ жить—броситъ его“.

Прошли, конечно, пять дней, сталъ онъ собираться къ свадьбѣ. Сталъ подбирать гостей, пошелъ къ своей роднѣ, чтобы собирались на свадьбу. Потомъ пошелъ къ двоюродному брату: „Ты, говоритъ, Сережка, будешь у меня дружкомъ!“ Потомъ пошелъ къ двоюродной сестрѣ: „ты, говоритъ, Маша, будешь у меня свахой“.

И всѣ, конечно, съ радостью согласились помогать ему собирать поѣздъ. Онъ на шестой день отправился на базаръ, который находился въ 10 верстахъ отъ ихней деревни, за покупкой. Въ этомъ числѣ купилъ себѣ тройку лошадей, по 3 рубля за каждую. Приводитъ ихъ домой. Мать увидала.

„Зачѣмъ, говоритъ, ты, Ваня, привелъ ихъ, онѣ околѣютъ“. Онъ говоритъ, покуда онѣ нужны, а тамъ пусть околѣваютъ, проживутъ недѣлю и ладно, только корму немного поѣдятъ: онѣ, такъ и такъ, стоятъ по трешницѣ.

Вдругъ прибѣгаетъ къ нему Сережка: „ну, говоритъ: какъ, Ваня, все закупилъ? У меня, говоритъ, все готово,

самыхъ лучшихъ лошадей запрягу для тебя завтра. Это, говоритъ, на что ты клячевъ купилъ?"

„Послѣ, говоритъ, Сережка, узнаешь, на что я ихъ купилъ, а теперь, говоритъ, ступай, приготавливайся; завтра поѣдемъ за невѣстой".

Иванъ на ночь запрягъ тройку клячъ, приходитъ домой и говоритъ: „ну, мать, скажи Сережкѣ, чтобы онъ безъ меня собралъ поѣздъ и ѣхалъ туда за невѣстой безъ меня, а я тамъ буду ихъ ожидать".

Отправился Иванъ на тройкѣ прямо къ дѣду Ивану. Пріѣхали, отпрягъ лошадей, вошелъ къ дѣду въ избу: „ну, говоритъ, дѣдъ, давай мы съ тобой собирать дѣвичникъ.

Ну, значитъ, пришли, собрали дѣвичникъ; на этомъ дѣвичникѣ была и его невѣста, которая все время стояла за столомъ, ничего не говорила.

Кончился дѣвичникъ, всѣ разошлись по домамъ.

Приходятъ и они къ дѣду въ избу.—„Ну, дѣдъ", говоритъ Иванъ: „накорми хорошенько моихъ лошадей, завтра на нихъ поѣдемъ въ поѣздъ.

Дѣдъ подумалъ, что онъ пріѣхалъ на своихъ хорошихъ лошадяхъ, пошелъ давать корму. Когда взошелъ въ конюшню и ужаснулся, для чего Ванюшка пріѣхалъ на клячахъ, которыя скоро сдохнутъ. „Онъ", говоритъ: „не доѣдутъ до церкви, не только кататься на нихъ!"

Входитъ дѣдъ въ избу и говоритъ: „зачѣмъ ты на нихъ пріѣхалъ, онѣ, говоритъ, не довезутъ невѣсту до церкви—околѣютъ". Онъ ему говоритъ: „ничего, довезутъ". Поужинавъ, легли спать. По утру Иванъ запрягъ свою тройку и сталъ дожидаться своего Сережку съ поѣздомъ.

Смотритъ, ѣдетъ Сережка съ поѣздомъ, — онъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу.

Сережка спрашиваетъ: „ну, что, Иванъ, все-ли готово?"

Тотъ говоритъ: „все готово, сейчасъ прямо за невѣстой поѣдемъ".

— „А какъ, говоритъ, твои клячи, живы-ли?"

— „Живы, сейчасъ я на нихъ выѣду".

Выѣхалъ Иванъ изъ воротъ на своихъ клячахъ и вмѣстѣ съ поѣздомъ тронулся по деревнѣ. Народъ со всѣхъ деревень сталъ сбѣгаться смотрѣть поѣздъ, конечно, и въ этомъ числѣ жениха. Народъ промежъ себя сталъ разговоръ

вести: „всѣ, говорятъ, дочиста подобраты лошади, одна одной лучше, одна одной чище: и сбруя, говорятъ, такъ и блеститъ, на всѣхъ бляшки мѣдныя, только ужъ подъ женихомъ, говорятъ, тройка плохая, того и гляди, околѣетъ, а сбруя-то на нихъ хороша, и женихъ чисто одѣтъ“. — „Это онъ, говоритъ, на смѣхъ, парень отчаянный, что-нибудь хочетъ устроить“, говоритъ одинъ изъ парней.

Ну, подъѣхалъ поѣздъ къ дому невѣсты, отецъ невѣсты вышелъ встрѣчать жениха съ поѣзжанами.

Зашли всѣ поѣзжане: зашелъ дружко и сваха—всѣ поѣзжане, въ домъ. Кончился обрядъ, стали выходить изъ дому, размѣщаться по санкамъ. Иванъ подходитъ и говоритъ дружку: „сажай невѣсту на эту тройку, на моихъ клячъ“.

Вдругъ одинъ изъ парней, который говорилъ: „видишь, Гришка, я говорилъ тебѣ, что онъ чего-нибудь сдѣлаетъ, такъ и есть, смотри онъ сажаетъ невѣсту на клячъ, чтобы выморозить изъ нея жиръ“, сталъ подтрунивать надъ стоявшими рядомъ дѣвчатами, вотъ-де какъ вашего брата... .

Тронулся поѣздъ, сваха и дружко сидѣли съ невѣстой, а женихъ отдѣльно на другой лошади. Выѣхали за деревню, остановилъ сразу Иванъ коня своего, и весь поѣздъ остановился. Сережка спрашиваетъ: „что, говоритъ, Иванъ, остановился?“ Онъ и говоритъ ему: „слазь, говоритъ Сережка, я сяду съ невѣстой“.

Невѣста не подозрѣваетъ, что дѣлается, даже не знаетъ, на какихъ лошадяхъ она ѣдетъ. Слѣзъ дружко и сѣлъ со свахой на свою лошадь, а Иванъ сѣлъ съ невѣстой рядомъ. Когда онъ ударилъ возжами по лошадямъ и закричалъ на нихъ: „эй, други удалые“, невѣста въ это время раскрыла свое покрывало, смотритъ—дружка и свахи нѣтъ, а съ ней ѣдетъ женихъ.

Проѣхали сажень 15, вдругъ остановилась одна лошадь—пристяжная. Онъ на нее крикнулъ съ ругательствомъ и еще разъ крикнулъ: „смотри, говоритъ, третій разъ не дожидайся, не то прирѣжу!“

Лошадь ни съ мѣста. Выругалъ Иванъ послѣдній разъ, лошадь не двигается. Слѣзъ онъ съ санокъ, выхватилъ ножъ и зарѣзалъ сразу.

Въ это время кричитъ ему Сережка: „что ты, Иванъ, дѣлаешь?“ Поѣздъ остановился. Иванъ говоритъ: „я знаю,

что дѣлаю, ты, говоритъ, Сережка, ѣзжай къ церкви, скажи священнику, чтобы ждалъ, мы сами пріѣдемъ за вами вскорѣ, что вамъ здѣсь мерзнуть". Невѣста смотритъ на окружающее и даже не знаетъ, что дѣлается вокругъ ея.

Поѣздъ тронулся, они поѣхали на парѣ за поѣздомъ вслѣдъ. Поѣздъ скрылся отъ нихъ изъ виду. Черезъ нѣсколько времени другая пристяжная падаетъ. Иванъ кричитъ: „ну, вставай!" Лошадь не встаетъ, не слушается. Онъ опять,—третій разъ кричитъ: „не дожидайся еще, а то зарѣжу!"

Лошадь опять не обращаетъ вниманія. Слѣзаетъ онъ съ санокъ, выхватываетъ ножъ и рѣжетъ ее наповалъ; беретъ съ нея хомутъ и все прочее и кладетъ въ санки. Остались они на одномъ коренникѣ. Тронулись въ путь. Не доѣзжая до села верстъ 6, гдѣ церковь, упалъ коренникъ. Иванъ опять кричитъ: „ну, вставай!" Конь не слушается, не встаетъ. Иванъ ругаетъ лошадь и кричитъ снова: „вставай, а то прирѣжу!" Конь не встаетъ. Слазитъ онъ съ санковъ, снимаетъ съ него всю сбрую: хомутъ, сѣделку, дугу, возжи уздечку и рѣжетъ послѣдняго коня. Складываетъ всю сбрую въ санки, обращается къ невѣстѣ: „ну, говоритъ, Таня, вылѣзай изъ санокъ!" Она ни съ мѣста, дѣлаетъ опять къ ней обращеніе: „вставай изъ санокъ, третій разъ лучше не ожидай, а то прирѣжу, какъ коня". Она не дождалась третій разъ, вышла изъ санокъ, стала съ нимъ рядомъ. Онъ обращается снова къ ней: „берись за оглобли, вези санки на себѣ!" Она опять молчитъ, не слушается. Онъ опять дѣлаетъ къ ней обращеніе: „говорю тебѣ послѣдній разъ, третій разъ не дожидайся—вези!" Она взялась за оглобли и повезла санки со всѣмъ съ клажемъ. Провезла саженъ 20, ей мѣшаетъ покрывало; онъ дѣлаетъ опять къ ней обращеніе: „сбрось съ себя покрывало, давай-ка я положу его въсанки!"

Она съ перваго-же раза отдала ему покрывало. Потомъ провезла еще саженъ 20, начала пріуставать. Иванъ посмотрѣлъ, что она вся въ поту, потомъ говоритъ: „сбрасывай-ка съ себя шубу—тогда легче будетъ!" Она съ перваго раза сняла съ себя шубу и положила въ санки сама. Еще съ полверсты провезла санки, дѣлаетъ обращеніе къ Ивану сама она: „больше, говоритъ, Ваня, я не могу везти, у меня силы нѣтъ".

Тогда онъ ей и говоритъ: „бросай санки, одѣвайся и пойдемъ съ тобой пѣшкомъ. Она одѣлась и пошли они вмѣстѣ, конечно, въ село. Не доходя до села съ полверсты, онъ ей и говоритъ: „ну, смотри,—когда священникъ въ церкви будетъ тебѣ говоритъ, волей или неволей идешь, ты говори, что волей; скажетъ, за другого не обѣщалась-ли, ты говори, что, кромѣ какъ за этого, ни за кого не обѣщалась идти, а если не скажешь, прирѣжу".

Подходятъ они къ церкви, ужъ ихъ тамъ дожидается дружко, сваха и всѣ поѣзжане.

Теперь онъ обращается: „ну Сережка, все готово у тебя тутъ!" Онъ говоритъ: „все готово, священникъ давно дожидается въ церкви васъ".

Входятъ они въ церковь, тамъ все готово, священникъ стоитъ у налоя. Когда они подошли, священникъ взялъ ихъ за руки и началъ править обрядъ. Потомъ священникъ обращается къ жениху: „какъ, говоритъ, Иванъ, волей берешь или неволей? Онъ говоритъ: „волей".

Онъ обращается къ невѣстѣ: „какъ, Татьяна, волей идешь или неволей?" Она говоритъ: „волей".

И такъ священникъ всѣ три раза повторилъ, и съ обѣихъ сторонъ оказалось, что берутъ другъ друга съ согласія.

Кончился, конечно, обрядъ вѣнчанія; вышли, конечно, изъ церкви. Потомъ Иванъ обращается къ Сережкѣ: „съѣзди, говоритъ, за санками".

Пріѣхали домой, вся съѣхалась родня, отецъ и мать невѣстины уже давно ожидаютъ отъ вѣнца молодыхъ.

Вышла, конечно, мать встрѣчать сына съ хлѣбомъ и солью. Подошелъ, конечно, Иванъ къ матери подъ благословеніе. Послѣ этого зашли въ домъ, началось гулянье. Невѣста съ женихомъ сидѣли въ переднемъ углу, по бокамъ сидѣли сваха и дружко. Кончилась свадьба, разъѣхались всѣ по домамъ. Вотъ, конечно, началась ихъ мирная жизнь въ домѣ у бабки Ѳедосьи. По всей деревнѣ старуха не ухвалится своей молодухой. Народъ сталъ завидовать любовной жизни Ивана съ женой. И старуха всегда говоритъ: „у меня молодуха такая, что не успѣешь глазомъ моргнуть, она все за тебя сдѣлаетъ!"

По всѣмъ деревнямъ разнесся слухъ, что у Ѳедосьи сноха оказалась прекрасная работница. Только и поговари-

ваютъ крестьяне: „ай да Татьяна! Что за работница“. Дошелъ слухъ до ея отца съ матерью. Вздумала старуха провѣдать свою дочь; собралась она къ дочери своей въ гости.

Не доходя, конечно, дочерниной избы, замѣтилъ ее въ окно Иванъ и говоритъ: „ну, Таня, къ тебѣ идетъ, говоритъ, твоя мать“.—„Ну, что-жъ“, говоритъ. Иванъ говоритъ: „ты оставайся, угощай ее, мнѣ некогда“.

Входитъ, конечно, ея мать, здоровкается съ ней: „какъ“, говоритъ, „Таня, поживаешь“. Она ей отвѣчаетъ, что „живу хорошо, очень, говоритъ, Ваня меня любитъ; матушка—тоже, какъ мать родная“... А сама начинаетъ приготавливать для матери чай, самоваръ ставитъ. Въ это время мать и говоритъ ей: „какъ ты, милая, похудѣла, тебя замучали; я слышала, что твоя свекровь ничего не хочетъ дѣлать, ты все за нее дѣлаешь. А вѣдь такъ-же и Иванъ, онъ долженъ Бога благодарить, что ты за него вышла, вѣдь онъ форменный шаболъ, у него ничего нѣтъ, ужъ съ нами нельзя его сравнить. А я слышала, что онъ надъ тобой измывается, всегда посылаетъ тебя; онъ, говоритъ, только краснорѣчивъ, грамотей, а на дѣлѣ его нѣтъ; онъ долженъ тебя жалѣть, работать тебя не заставлять, а самъ работать больше, а онъ дѣлаетъ наоборотъ: вмѣстѣ съ тобой сработаетъ,—садится книжки какія-то читать“.

Въ это время возражаетъ ей Таня: „нѣтъ“, говоритъ: „меня Ваня очень любитъ, и я его люблю, мы должны вмѣстѣ работать,—такъ и дѣлаемъ“.

Ей мать и говоритъ: „брось ты это зря говорить, не слушай его, свекровь не слушай, а если будетъ бить, убѣжи къ намъ отъ него“.

Въ это время входитъ Иванъ въ избу и говоритъ, обращаясь, конечно, къ женѣ: „ну, Таня, неси-ко уздечку!“ Она сразу-же пошла за уздечкой, принесла уздечку и спрашиваетъ: „что, Ваня, съ ней дѣлать?“

Онъ ей говоритъ: „обратывай матери!“ Она съ перваго-же раза начинаетъ обратывать матери. „Ну“, говоритъ: „Таня, веди ее во дворъ, запрягай въ соху“. Теща испужалась, идетъ покорно, какъ теленокъ. Вывела ее дочь на дворъ, Иванъ смотрѣть вышелъ вслѣдъ за ними. Таня запрягла мать въ соху. Иванъ говоритъ: „пойдемъ, Таня, чай пить, а ее привяжи, чтобы не ушла, послѣ чаю будемъ на ней картошку перепахивать“.

Зашли въ избу, сѣли за столъ, начали чай пить. Во время чаепитія Иванъ обращается къ женѣ: „Таня, посмотри-ка, не ушла-ли она!“ Когда Таня вышла на дворъ, смотритъ, мать развязалась и убѣжала. Она возвращается въ избу и говоритъ: „вотъ, Ваня, дьяволъ-то, развязалась и убѣжала,—все побросала“. Онъ ей говоритъ: „чертъ съ ней !“ Опять у нихъ пошла мирная жизнь.

Старуха прибѣгаетъ домой вся растрепанная и все бранится; что старикъ у нея ни спроситъ, она ворчитъ: „вотъ за какого чорта выдали замужъ!“

Тогда рѣшилъ старикъ самъ провѣдать свою дочь, узнать, въ чемъ дѣло. Собрался и пошелъ къ своему зятю и дочери въ гости. И вотъ идетъ онъ по селу, въ это время Иванъ замѣтилъ, что идетъ къ нему тесть въ гости.

Иванъ приходитъ домой: „ну“, говоритъ: „ты угости отца, а я пойду, мнѣ кое-что нужно сдѣлать“. А самъ залѣзъ на потолокъ, сталъ подслушивать, что будетъ говорить отецъ.

Отецъ, конечно, всходитъ въ избу, поздоровкался. „Здорово“, говоритъ, „Таня“. Она говоритъ: „Здраствуй, тятька!“ Ну, сразу давай распрашивать: „какъ живешь, дочка?“ Она говоритъ: „ничего„ — „А какъ“, говоритъ: „Ваня съ тобой обращается“. «Очень“, говоритъ: „хорошо; живемъ мы съ нимъ въ согласіи“.—„А какъ свекровь?“—„Меня“. говоритъ, „матушка очень жалѣетъ“.—„Ты“, говоритъ, „вотъ что, Таня, я вижу, говоритъ, Иванъ — хорошій парень, бывалый, все знаетъ; зря, говоритъ, обижать не будетъ; ты, говоритъ, должна его любить, уважать. Такъ-же и свекровку надо уважать, она старая и умная женщина, зря не будетъ на тебя нападать; гдѣ она хочетъ сдѣлать, ты сама за нее сдѣлай. Такъ-же и съ Иваномъ; онъ подъ конецъ, а ты—подъ другой“.

Она начала его угощать чаемъ. А сходитъ Иванъ, видитъ, что тесть чай пьетъ, обращается тогда къ своей женѣ и говоритъ: „Таня! тащи топоръ!“ Таня, конечно, вышла за топоромъ, а онъ сѣлъ съ тестемъ чай пить. Таня приноситъ топоръ. Онъ говоритъ: „ну, говоритъ, открывай подполье, доставай оттуда боченокъ съ трехгодовалымъ виномъ“. Они зачали выпивать, и старикъ прогулялъ здѣсь цѣлую недѣлю.

Потомъ провожали его домой, налили ему цѣлый графинъ вина. Старикъ пошелъ домой. Ихъ деревня была на горѣ, а эта деревня внизу. Конечно, онъ пьяный качается и пѣсни поетъ. Его старуха увидала въ окно, что мужъ ея качается, чуть не падаетъ, собрала кумушекъ-сосѣдушекъ и говоритъ имъ: „смотрите, говоритъ, запахали, запахали въ отдѣлку“. Когда старикъ сталъ подходить, старуха бросилась ему на шею и стала причитать: „а, мой милый, запахали тебя! И дочка стала такая-же дрянь!“

Старикъ съ сердцемъ оттолкнулъ старуху: „отойди, старый чертъ! Это на тебѣ хотѣли перепахивать картошку, а я цѣлую недѣлю гулялъ“.

Сказка записана со словъ каторжанина, крестьянина Каинскаго у. Андрея Никол. Петрова въ Алгачинской каторжной тюрьмѣ Нерчинскаго округа, Забайкальской области.—1910 г.

---

366. **Удивительный мальчикъ.**

(Народная сказка).

Одна старуха рубила капусту на пироги и отрубила палецъ, бросила за печьку. Изъ того пальца зародись мальчикъ и закричалъ человѣческимъ голосомъ: „мамынька, возми меня, прими!“ Старуха сему гласу удивилась и перекрестясь говоритъ: „чистый или нечистый со мной говоритъ, кто ты такой? святой или лукавый, спрашивала; тогда онъ говоритъ: „я, мамынька, сынъ твой, я родился изъ твоего мизинца, ну, скажи, гдѣ мой батюшка!“ Старикъ этой старухи пахалъ на пашни. Тогда ему говорила, что „какъ тѣ назвать“. Онъ отвѣчалъ, что „какъ тебѣ, мамынька, угодно, такъ ты назови“, и она его назвала Микулка четвертной. При томъ онъ сказалъ: „благодарю, мамынька, только скажи, гдѣ тятинькина пашня?“—„Поди, дитетко, по этой дорогѣ, придешь прямо къ нему, увидишь, гдѣ онъ пашетъ“. Тогда Микулка пришолъ на пашни, сказалъ: „Богъ въ помощь, тятинька, Богъ въ помощь!“—„Гласъ человѣческій слышу, но не вижу, кто говоритъ, святой или лукавый“. Онъ на то отвѣчалъ, что „я, тятинька, сынъ

твой, родился изъ мизинца матушки моей, старушки твоей, она рубила капусту на пироги и отрубила мизинецъ у левой руки, бросила за печьку, я изъ онаго зародился, я пришолъ сюду къ тебѣ помогать и пашню пахать. Ты поди, тятинька, закуси, а я буду пашню пахать". Тогда садился онъ сверхъ сошниковъ на стрелу и бралъ себѣ лукъ и возжи и пахалъ пашню. Нѣкоторый мужикъ заѣхалъ къ этому коню, которой самъ ходитъ, человѣка нѣтъ. Тому онъ удивился, что это значитъ? конь ходитъ, соха оретъ, человѣка нѣтъ. Никулка четвертной на это отвѣчалъ: „что, ты развѣ слѣпой, меня не видишъ, что я самъ пашу? Тогда смотря мужикъ на стрелу и видитъ человѣка усумнилса и обратилъ своего коня къ старику на станъ и говоритъ ему: „дедушко, кто у тебя пашетъ: конь или человѣкъ?"—„Да развѣ ты не видалъ?" Старикъ на это отвѣчалъ, что „у меня сынъ пашетъ". Тогда мужикъ обратился и говоритъ ему: „какъ ты его зовешь?" Тогда Старикъ говорилъ: „какъ ты думаешь, какъ его назвать?"—„Мужикъ отвѣчаетъ: „а я его называю, говоритъ, „самъ съ ноготь, а борода съ локоть". Старикъ говоритъ: „ты врешь,—что у меня Сынъ Никулка четвертной". На то мужикъ говоритъ: „не продажной ли онъ, я бы его купилъ; естли бы ты незадорожился для того, что онъ младъ, и я его къ для посылки и тягости". Старикъ на то отвѣчалъ: „ты, братъ, постой тутъ, а я пойду, его спрошу, велитъ ли онъ продавать себя, или нетъ". Тогда приходитъ старикъ и спрашиваетъ его: „что, Микулка, мужикъ тебя торгуетъ, продавать тебя или нетъ". Тогда Микулка сказалъ: „продавай, батюшко, дороже проси, я буду опять твой". Тогда старикъ оборотился, торговатся съ мужикомъ и запросилъ съ него 50 руб. Мужикъ не редясь и заплатилъ эти деньги, ни говоря ни слова, садитъ Микулку въ сумы. При Микулкѣ никакого не было орудія, кромѣ какъ одинъ перочинный ножичикъ. Тогда, ѣдучи, мужикъ, домой, разсуждалъ себѣ, что „я-дѣ купилъ мальчика выгодно". Слышать этѣ рѣчи Микулка, взявъ и прорежъ сумы и выпалъ, и обростился къ своему отцу назадъ; мужикъ же этотъ приѣхалъ домой, и съ радостію, сидя на конѣ, объявилъ женѣ своей, что „я-дѣ купилъ мальчика выгодно, ни тяжолъ и удалой". Жена говоритъ: гдѣ у тебя онъ?"—„Смо-

три, въ сумахъ посаженъ, гляди его". Жена: „въ сумахъ его нету, только въ одной сумѣ дыра, говоритъ ему, кромѣ дыры нетъ въ сумахъ ничего". Нато мужъ не огорчился и говоритъ: „путемъ гляди! Что, развѣ ты не видишь?"— „Смотри самъ", говоритъ. Хвать мужикъ—въ сумахъ ничего нету, и говоритъ въ горячности, что „это вероятно чортъ мнѣ дьявола продалъ, а не человѣка; недороги деньги, да сумы бесёнокъ испортилъ". Тогда Микулка четвертной обростился къ своему отцу; отъ радости поѣхалъ въ столичной градъ съ хлѣбомъ на базаръ. Ѣдя по дорогѣ, попалъ мужикъ навстрѣчу съ базару съ рыбой. Глядя, глядя на этого старика, удивился, что старикъ лежитъ, а возжи правитъ и конь идетъ, кричитъ: „стой, старикъ, что „у тебя конь ученый или что такое?" Старикъ и говоритъ: у меня правитъ сынъ, а я себѣ покоенъ".—„Гдѣ же онъ у тебя" мужикъ спрашиваетъ. Микулка, слыша рѣчи, отвѣчаетъ: „развѣ ты слѣпой, невидишь?" Мужикъ отвѣчаетъ: „ахъ ты, продай мнѣ этаго мальчика". Старикъ говоритъ: я не знаю, что будѣтъ". Про это мужикъ говоритъ: „ты самъ знаешь: твой ведь сынъ; естли продашь, такъ продай, братъ!" Тогда Микулка четвертной шепчетъ отцу своему подъ ухо: „продавай, батюшка, дороже проси, я опять твой буду". Тогда старикъ продаетъ этому мужику Микулку за 50 рублей. Мужикъ, ни говоря ни слова, отдаетъ ему деньги и садитъ Микулку на телегу, отправляеться домой. Микулка путёмъ прорезалъ телегу и выскочилъ изъ телеги, взялъ мѣшокъ, набралъ въ него эту всю рыбу. Тогда обратился онъ къ матери своей домой и сказываетъ матерѣ: что „я купилъ на дорогѣ рыбу и принесъ тебѣ". Мать этому была безмѣрно рада, что сынъ её пропитываетъ. Мужикъ-то, который купилъ Микулку, пріѣхалъ домой и кричитъ съ телеги женѣ своей: „выходи, жена, встречай меня, я купилъ вещь неоцѣненную", та отъ радости выбегаетъ и спрашиваетъ: „что такое?"—„Ты смотри, въ телегѣ увидишь, что есть человѣкъ!"—„Да что-же я не вижу", говоритъ. „Развѣ ты слѣпа, говоритъ, я человѣка купилъ".—„Да что ты одумался, жена ему говоритъ, развѣ ты пьяный, никого въ телегѣ нѣтъ, что ты меня обманываешъ". Мужикъ осердись да хлобъ бабу по уху, что „ты надо мною смѣёсся". „Да что здурелъ, чортъ или дьяволъ въ телегѣ сидитъ". Тогда

мужикъ глядь въ телегу—ни рыбы ни человѣка. „Что это такое? Я ведь сколько денегъ, баба, издержалъ“.—„А многоли“, говоритъ—„50 руб., баба“.—„Да кто-же такой былъ?“ Онъ ей и разсказалъ, какъ это было. Потомъ говоритъ: „не сколько мнѣ жаль денегъ, баба, да жаль рыбы да испортилъ бесёнокъ телегу“.—„Не правду ли я сказала, что ты здурелъ“. Тогда мужикъ отъ печали выпрегаетъ лошадь и входитъ въ избу, ложится ничкомъ на печь и говоритъ себѣ, что „это за омраченіе на меня пришло, что это такое? Толи мракъ, толи на меня бѣда пришла“. Микулкинъ отецъ съ базара оборотился домой. Старуха съ сыномъ своимъ выбѣгаетъ встречать и спрашиваетъ: „каково, старикъ, торговалъ?“ Онъ ей отвѣчаетъ: „славу Богу! безъ мѣрно радъ, что увидѣлъ сына своего дома“. Старуха и говоритъ: „на многоль-ты продалъ хлѣба? Онъ и говоритъ: „на два рубли на двадцать копѣекъ“. Микулка отвѣчаетъ: „эхъ, батюшко, моя торговля выгодней вашей: я рыбы принесъ больше твоихъ денегъ да еще ты проси, мамынька, за многоль онъ меня продалъ?“ Старикъ отвѣчаетъ: „за 50 руб.“ Старухѣ тогда Микулка четвертной говоритъ: „батюшка, ты не майся, ни ѣзди, ни торгуй съ сего время. Благослови меня итти въ большой градъ, я тебѣ болѣ денегъ натаскаю“. Тогда старикъ говоритъ: „съ Богомъ! съ Богомъ, Микулка, отправляйся“. Тогда отправился онъ въ столичной градъ, и ходитъ по базару, ровно какъ мурашъ. Много люди удивляются: „что такое, небывало за человѣкъ: самъ съ ноготь, а борода съ локоть и доложа обнемъ одному боярину, то бояринъ его призываетъ удивляться, и спрашиваетъ: „что ты за человѣкъ?“ Онъ отвѣчаетъ: „вы сами видитѣ: я двѣнадцати лѣтъ и двухъ мѣсяцовъ“. Тогда баринъ и говоритъ: „чемъ ты занимаесся и пропитываесся?“ Онъ ему отвѣчаетъ: „ворую“. Тогда бояринъ и говоритъ: „что же ты украдешь?“—„А что прикажитѣ“. Бояринъ отъ задумчивости сказалъ: „укради сегодню же ночь изъ поднасъ съ барыней перину“. Онъ сказалъ: „извольтѣ“. Бояринъ согласенъ.—„Что заплатишь, бояринъ, мнѣ за труды?“—„А что возмешъ?“ Никулка отвѣчаетъ: „1000 руб.“ Бояринъ говоритъ ему: „согласенъ, а есть ли не украдешь?“—„Вы сами знаитѣ“, Микулка говоритъ. „Я тебѣ голову отъ секу“.—„Извольтѣ!“ Бояринъ согласенъ.

Тогда они рѣшились условіемъ: бояринъ—осторожность, а Микулка—выдумки. Бояринъ спрашиваетъ: „когда ты украдежъ?“ Микулка говоритъ: „ночью, то тогда какъ крепко уснёшъ“. Тогда бояринъ сказалъ: „хорошо“. И когда приблизилась ночь, тогда бояринъ поставилъ къ себѣ строгій караулъ. И когда толпились караулы, тогда Микулка залесъ къ боярину подъ кровать, невидимъ былъ ни кемъ. Бояринъ съ боярыней не спали до перваго часу ночи и разсуждали съ боярыней: „что это, боярыня, значитъ, толи врогъ, толи человѣкъ со мною заключается“. Бояринъ и говоритъ, „что это, боярыня, пустеки, не можетъ быть, тысяча наша и постель поднамъ“. Микулка всё это слышитъ: боярыня и говоритъ: „несумливайся, бояринъ, лудше, будѣмъ спать, а незаботится объ этихъ пустекахъ“, и потомъ съ покоемъ уснули. Тогда Микулка вылезъ изъ подкровати и залезаетъ къ немя въ серёдку до и на... и на... и убрался въ свое мѣсто подъ кровать, тогда бояринъ пробудился, и говоритъ боярынѣ: ты на...? Боярыня же отвѣчаетъ: „нѣтъ-ты“. Тогда разглядевъ сказали: „ну, боярыня, видно мы оба“, притасовали перину выбросить въ окошко; тогда Микулка четвертной поимался за перину и выпалъ покойно съ нею за окно и съ великими трудами прибравъ её, куда ему надо было; тогда бояринъ спохватился и говоритъ боярынѣ: „боярыня, дѣло то мы неладно сдѣлали; видь мошейникъ Микулка перину украдетъ“. Тогда выскочили на улицу его дворовые люди, хватились—перины нѣту. Бояринъ и говоритъ: „вероятно, пропала тысяча рублей“. Приходитъ день-утра является Микулка, „бояринъ, возмитѣ, говоритъ, перину и отдаитѣ, бояринъ, деньги“. Бояринъ говоритъ: „возми, Микулка, только никому не говори, что мы ок... и, если кому скажешъ, то я прикажу тебя казнить“.—„За вину, бояринъ, умру и безъ вины не накажешъ“. Бояринъ на то и говоритъ: „что ты, Микулка, послѣ этого еще украдешъ. Микулка отвѣчаетъ: „что прикажитѣ бояринъ?“—„Украть ты въ будущу ночь киржатскаго наставника“.—„Бояринъ, что за труды положишъ“. —„А что возьмешь?—„Тысячу рублей“. Бояринъ: „изволь“.—„А если не украдешъ?“—„Судитѣ сами, какъ знаитѣ, я на всё согласенъ“. Тогда бояринъ обратился къ наставнику: „смотри, наставникъ, берегись, стой на молитвѣ всю ночь, берегись отъ

побѣды врага". Тогда наставникъ въ наступающую ночь началъ молиться усердно и говоритъ про себя, что „это бояринъ дѣ мнѣ сказалъ, какъ можно, чтобы живого человѣка украсть". Тогда явился Микулка къ дверямъ кельи наставника со своимъ рогозиннымъ кошелёмъ, сотворивъ молитву и зоветъ наставника на улицу: „достойный наставникъ!" Наставникъ отвѣчаетъ: „кто ты таковъ?"—„Я Ангелъ съ небеси, послалъ Богъ за тобою, что бы унести съ плотію на небо—отъ побѣды мошейника". Тогда наставникъ, поднявъ руки къ верху, воскликнулъ: „благодарю тебѣ, Господи! что еще ты меня хранишь". Тогда Микулка, стоя за дверями, говоритъ: „поскорей, достойный наставникъ, выходи, дабы отъ победы убратца". Тогда отворяетъ наставникъ двери и говоритъ: „ты ли, Святый Ангелъ?"—„Я, я, я, наставникъ". Тогда надставляетъ Микулка свой рогозинный кошель и велитъ наставнику въ него лести, говоря: „смотри, наставникъ, передняя дорога долга, да гладка, аборотисся — будетъ коротка и колотлива". Тогда Микулка потащилъ наставника на церковь на колокольню. Съ великимъ трудомъ поднявся на колокольню, взялъ за поводокъ кошель и побѣжалъ, что есть мочи, по лесницамъ въ низъ. Тогда у наставника отъ перескошу со ступня на ступень только селезенка крахаетъ отъ лёту по лесницѣ, вотъ и говоритъ наставникъ: „правду святой Ангелъ сказалъ, передняя дорога долга, да гладка, а обратная коротка, да колотлива, охти мнѣ! всѣ лёгкія отбило, я еще такой беды на этомъ свѣтѣ не видалъ: что то еще мнѣ тутъ Богъ пошлетъ, куда сказано въ писаніи: терпи—спасенъ будеши, то терпю же и я". Микулка же принесъ наставника къ воротамъ церковной ограды, повеселъ кошель тотъ, въ которомъ находился наставникъ на ворота, поставилъ къ воротамъ два черемуховыхъ прута не тоньше пальца и написалъ на воротахъ: „кто мимо сего кошеля пройдетъ да не стегнетъ по кошелю три раза прутомъ, да будетъ трижды анафема проклятъ". Тогда некоторые люди приходили въ церковь и, видя надпись, берутъ каждый прутъ и дерутъ до трое прутомъ по кошелю. Наконецъ приѣхалъ бояринъ и, видя на воротахъ надпись, деретъ до трое прутомъ по кошелю наставника. Тогда наставникъ возговорилъ: „докуда, Господи, мнѣ этакое мученіе будетъ.

Бояринъ же, услышавъ этому, и спохватился: „да это наставникъ“, и приказалъ этотъ кошель отрезать отъ воротъ. Наставникъ бухнувъ на землѣ, что насилу отдогнулъ отъ упаду, вестимо, не нискъ былъ кошель повешенъ. Потомъ, раздѣрнувъ, бояринъ, кошель и говоритъ къ наставнику: „не чортъ ли тебя тутъ занесъ?“ Наставникъ отвѣчаетъ: „святый Ангелъ суда меня посадилъ“. —„Я тебѣ вчера говорилъ: „берегись!“ что ты не послушалъ? не дорого то, что тебя прутомъ бока отодрали, а то мнѣ дорого, что тысяча рублей изъ за тебя пропала“. Въ тоже самое время является къ церкви Микулка четвертной и говоритъ: „ну, бояринъ, хорошо ли я наставника укралъ, пожалуйка денежки за работу“. На то бояринъ говоритъ: „возми, каналья, да убирайся, изъ моего поместья вонъ“. Микулка получивъ деньги,—на это согласился, и бояринъ строго приказалъ, что бы Микулку изъ граду выгнать, дабы онъ вѣкъ тутъ не бывалъ. Микулка, ни говоря ни слова, отправился съ любезными двумя тысячами къ отцу своему, и жилъ съ капиталомъ тѣмъ вѣкъ свой покойно. Присловье вотъ тебѣ и деньги,—а то нынчѣ баютъ—тысяча не деньги. Мужикъ не братъ, не правда, денежки, какъ въ старину, такъ и теперь камень долбутъ. Конецъ.

Минусинскій у., Абаканская волость. (50-е годы).

---

367. Суженая Невѣста.

Въ некоторомъ царствѣ, въ некоторомъ государствѣ въ городѣ, такъ сказать, въ Мурамѣ у одного приказнаго родился сынъ, по имени Иванъ, и въ этомъ же городѣ у богатаго помещика родилась дочь, Настасья Прекрасная. Родители этѣхъ дѣтей имѣли собой душевную связь и потому въ хожи были одинъ къ другому со своими детьми, такъ сказать, было малюткамъ лѣтъ уже по пяти, и они свыклись одинъ съ другимъ, такъ что не могли другъ безъ друга прожить дня, вместѣ и обучались, и полюбись они одинъ другому несказано. Заметели это родители малютки Ивана и говорили часто, что это будетъ суженая нашему сыну пара, а другіе, т. е. помещикъ и его супруга,

говорили: „надо же разлучить ихъ, что за пара онъ-дѣ нашей дочери“. Но только въ одинъ вечеръ, когда было гулянье у помещика и при этомъ находился тутъ въ гостяхъ приказный, то сильно любовались, что ихъ малютки забавляются между собой, вотъ они въ шуткахъ и говорятъ: „давай мы ихъ обручимъ“, взяли и обручили, помѣняли ихъ колечками и благословили образомъ. Малютки про это ничего не знаютъ, знай только резвяться.—Между прочимъ, когда они были одногодки и когда пришли въ 12-ти лѣтній возрастъ, то какъ то наѣдинѣ и поклялись другъ другу, что бы одному ни на комъ другомъ не жениться, а другой замужъ не выходить. Это слово держали они твердо. Только когда свершилось имъ по 16-ти лѣтъ, то присланы были сваты къ родителямъ помещичьи дочери отъ одного тоже помещика сватать за его сына дочь эту. Услышавъ это, дочь сильно предъ своими родителями расплакалась и говорила: „не вы ли, мои милые тятинька и маминька, обещали отдать меня замужъ за сына приказнаго“. Они же ни хотѣли ее слушать речей, говоря: „что онъ тебѣ за пара? онъ-дѣ еще и чину не имѣетъ, и притомъ же бѣдный, намъ дѣ стыдно будетъ завести съ ними родню“. Нечево дѣлать: больше родителей не будешъ, и она отвѣчала: „будь воля ваша“. Вотъ по рукамъ за свадебку. Послѣ венца, когда положили молодыхъ на ложе вопочивать, то молодая и говоритъ молодому: „другъ мой, я навѣкъ твоя и буду тѣбѣ всегда слушать и почитать, только здѣлай ты мнѣ одну милость, о которой я тебѣ попрошу“.—„Что такое, моя безъцѣнная, изволь просить, я ни въ чемъ тебя не откажу“. Вотъ тутъ она сказала ему о своей младенческой связѣ съ сыномъ приказнаго, какъ ихъ родители обручая и благословили, „мы одинъ другому, говоритъ, дали клятву, и потому прошу тебѣ не нарушать моей невинности, и позволить снести ее къ нему“. Внявъ ее слезамъ, онъ на это согласился и отпустилъ къ нареченному ее жениху. Нареченный женихъ жилъ вверстахъ такъ сказать, въ десяти, она и пошла. Это было ночью. Вотъ на половинѣ дороги попадаются ей навстречу разбойники: „стой, голубушка! отъ куда и куда тебѣ Богъ несетъ! Она и разсказываетъ имъ причину, разбойники ведутъ ее къ своему аттаману. Аттаманъ, видя ея прекрасную красоту

и много добраго на ней изъ уборовъ, воспламенился какъ на ея красоту, такъ и на богатыя уборы, и думалъ было насмѣяться надъ нею и ограбить, только тогда, услышавъ добродѣтельный поступокъ ее мужа, а также и её самой, то сжалился и согласился отпустить — но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути зашла она опять въ ихъ станъ и обсказала, какъ поступитъ съ нею нареченный женихъ. Утромъ приходитъ она къ своему нареченному жениху въ домъ. Онъ весьма былъ этомъ радъ. Послѣ многихъ любовныхъ между ими разговоровъ разсказала она своему жениху о причинѣ своего къ нему прихода. Услышавъ онъ такую её вѣрность, прослезился и сказалъ: „неоцѣненная моя бывшая подруга, я покорно тебя благодарю, также и твоего мужа, что онъ умелъ ценить нашу прежнію любовь, невинность твоя для меня очень дорога, подумай же ты сама, не дороже-ли еще она для твоего мужа. Известно, что онъ послалъ её ко мнѣ по одной твоей убедительной прозбѣ, но каково-же ему будетъ смотреть на тебя, когда ты къ нему обратися, это было бы всё равно, какъ бы я ограбилъ его; довольно тебѣ и того, что даже разбойникъ, въ рукахъ котораго ты была, смягчилъ твое сердце; благодарю прежняго тебѣ за твою обо мнѣ память, благодарю и мужа твоего за его умный поступокъ, то уступаю тебя ему и буду радъ, что будетъ обладать хорошимъ сердцемъ, нѣси невинность твою къ нему и скажи, что я не нашелъ для него больше подарковъ, какъ только подарить его твоею невинностію, отдай разбойникамъ, естли они еще на тебѣ нападутъ, все твои драгіе уборы, только проси, чтобы ни тронули тебя“, и такимъ образомъ распростившись, разстались. Она, исполняя обещаніе свое, заходитъ въ станъ разбойниковъ и является къ атаману. Атаманъ удивился тому, что она съ сѣбѣ все драгоценные уборы и падаетъ атаману. Атаманъ же говоритъ ей: „ненужны мнѣ твои драгоценные уборы, но только раскажи мнѣ, какъ поступилъ съ тобою твой нареченный женихъ?“—Она разсказываетъ ему обо всемъ подробно какъ случилось. Атаманъ, слыша такіе речи, прослезился и воскликнулъ: „Боже мой! что я слышу,-неужели ни всѣ мы равны по сотворенію, смотри-ко, какая существуетъ между людьми благодарность, этакую красавицу передали съ рукъ въ руки и изъ нихъ ни одинъ не

захотелъ ее обидить, и она такъ верна нареченному своему жениху, что упросила мужа позволить невинность свою снести къ нему, онъ опять какъ чужую собственность отсылаетъ обратно, къ чему же мнѣ ее обижать", разсудилъ, и подумавъ немного, поцеловалъ ее и сказалъ: „одна только ты, милая, могла мѣня тронуть до слѣзъ, хвалю тебя за умный поступокъ, возьми свои богатые уборы, иди къ своему мужу, а чтобы кто-нибудь не могъ тебя обидить изъ моей шайки, вотъ тебѣ два мои верные слуги". Такимъ образомъ прибыла къ своему мужу, мужъ весьма обрадовался ея приходу, начали целоваться, миловаться, и когда обо всемъ съ нею случившимся она ему расказала, то онъ послалъ большіе дары къ нареченному ея жениху, и съ того времени стали жить между собою какъ братья.

Минусинскій у., Абаканская волость. (50-е годы).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Схематичное изложеніе и руководящій указатель сказокъ.

1. О Иванѣ-Царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ (стр. 3—12). Аѳанасьевъ, 104. *[О молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ].* Царь Картаусъ, ослѣпшій, посылаетъ сыновей за „молодяжными“ яблоками и „животворной“ водой. Старшіе на Невъ-рѣкѣ застряли [3]. Надоумленный „бабушкой-задворенкой“ собирается третій сынъ; съ помощію старухи, съ которою было обошелся грубо, находитъ богатырскаго коня, получаетъ благословеніе и ѣдетъ [4]. Перескочивъ черезъ Невъ-рѣку, пріѣзжаетъ къ бабкѣ-задворенкѣ, которая даетъ ему крылатаго коня; у второй бабки получаетъ трехкрылатаго коня [5]; третья даетъ четырехкрылатаго коня. Перескочивъ черезъ тынъ въ сады Царь-дѣвицы, Иванъ-Царевичъ набираетъ яблоковъ, черпаетъ живой воды и дѣлаетъ „худо“, [6] пытается бѣжать — конь задѣваетъ за струны. Царь-дѣвица изъ „дѣвицъ, удалыхъ палениць“, снаряжаетъ погоню; бабки спасаютъ Ивана-Царевича, [7] и у камня съ надписью Ивана-Царевича („Если не можете по-одинкѣ поднять плиту, то не гнайтесь“), погоня прекращается. Перескочивъ Невъ-рѣку, Иванъ-Царевичъ отдыхаетъ; братья ему „голову перерѣзали“ и бросили въ Невъ-рѣку. Иванъ-Царевичъ доплылъ до страны, гдѣ „трехглавая змія“ поѣдала людей. Вывезенная Царевна оживила Ивана Царевича [8]. Иванъ Царевичъ побѣждаетъ змѣю, засыпаетъ. „Дробанты“ перерѣзываютъ ему „горло“, бросаютъ въ болото и уводятъ царевну. Царевна отыскиваетъ Ивана-Царевича, „забиходитъ его“ [9]; по ея совѣту онъ является на свадебный пиръ въ числѣ музыкантовъ. Поднося вино музыкантамъ, Царевна узнаетъ Ивана-Царевича; дробантовъ казнятъ [10]. Иванъ-Царевичъ отказывается отъ женитьбы, возвращается домой, а тамъ Царь-Дѣвица подступаетъ, требуетъ виноватаго. Старшаго и средняго дѣти Царь-дѣвицы проводили „камышовками“ [11]. Иванъ-Царевичъ женится на Царь-дѣвицѣ, а меньшого женитъ на спасенной Царевнѣ [12].

---

2. Приключенія двухъ стариковъ (стр. 12 — 20). Аѳанасьевъ, 141. *[Диво].* Старикъ поймалъ щуку; за обѣдомъ оказалось чудо: ушла щука [12]. Пошелъ старикъ разсказывать о чудѣ. Другой старикъ разсказываетъ свое. Жена обратила его кобелемъ, долго била, онъ убѣжалъ въ лѣсъ [13]. Прижился у пастуха, спасъ отъ волка стадо, такъ что слава

пошла [14]. Кобеля купилъ купецъ, привезъ въ городъ лавки стеречь; кобель устерегъ, сохранилъ товаръ отъ „сѣнной кучи“ [15]. Купленный царемъ кобель спасаетъ новорожденнаго младенца отъ „предревней старухи“ [17]. Вызолоченный въ награду царемъ, довольный почетомъ, забѣгаетъ къ своей женѣ; та обернула его воробьемъ [18]. Попадается крестьянину—своему тестю, который, напоминая женѣ, какъ онъ не погубилъ ихъ, оборачивавшихся волкомъ, „сѣнной кучей“ и „старухой“, дѣлаетъ его молодцомъ. По его же наставленію, идетъ и уздой обращаетъ свою жену и ея друга лошадьми, долго мучаетъ, а потомъ снова дѣлаетъ людьми [19].

---

3. Злая невѣстка (стр. 20—25). Аѳанасьевъ, 158. *[Косоручка].* Мать, умирая, наказываетъ сыну повиноваться сестрѣ. Сестра женитъ брата, а потомъ отправляетъ въ иностранную землю торговать [20]. Недовольная невѣстка зарѣзываетъ собаку, корову, а предъ мужемъ обвиняетъ сестру. Извѣщенный наконецъ о смерти сына братъ возвращается, уводитъ сестру въ лѣсъ и отрубаетъ руки. Руки у сестры приросли; она бродитъ въ лѣсу, попадается охотнику, царскому сыну, который на ней женится [22]. Иванъ-Царевичъ, уѣзжая на войну, оставляетъ ее беременной, потомъ проситъ привезти младенца. Царица ѣдетъ; перевозившій ее генералъ, безуспѣшно соблазнявшій, хочетъ бросить въ воду, но спасаетъ солдатъ, высаживаетъ на берегъ [23]. Царица переодѣвается прачкой и попадаетъ къ брату; живетъ, мальчикъ растетъ, учится [23]. Пріѣзжаетъ въ гости царскій сынъ, проситъ разсказать исторійку. Мальчикъ разсказываетъ исторію матери [25].

---

4. Купленная дѣвушка (стр. 25—38). Аѳанасьевъ, 122. *[Пойди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что].* Сынъ богатаго купца (умершаго) ходитъ по міру. Купцы покупаютъ ему ружье, чтобы онъ охотой кормилъ мать [25]. Охотясь въ праздникъ, заблудился; встрѣчный человѣкъ „выше лѣсу стоячаго“, заставляетъ его купить дѣвку. Дѣвица вышиваетъ ширинку [26], Ванюша несетъ царю, царь даетъ за нее изъ банка золота, сколько тотъ хочетъ. Такъ три раза [28]. На третій разъ царь дѣлаетъ его ратманомъ, мѣняется крестами и условливается, чтобы все дѣлать съ взаимнаго согласія [28]. Недовольные его управленіемъ купцы, по совѣту пьянюшки, наговариваютъ царю, что онъ хвалился сдѣлать чудный мостъ и садъ [29]. Дѣвица все дѣлаетъ. Во второй разъ наговариваютъ, что онъ можетъ достать гусли-самоигры [31]. Дѣвица отправляетъ, даетъ именной перстень. Иванушка у мастера, который дѣлаетъ гусли, вытягивая жилы изъ людей [32]. Случайно увидя перстень, мастеръ узнаетъ перстень своей сестры, даритъ гусли. Иванушка, оставивъ спутниковъ, купеческихъ дѣтей, возвращается [33]. Купцы, недовольные отсутствіемъ дѣтей, наговариваютъ о похвальбѣ Иванушки достать чудо и диво [34]. Отправляется, попадаетъ въ чей-то домъ [35]. Приходитъ человѣкъ, котораго кормитъ Страусъ, по условленному выраженію [36]. Ив-ка достаетъ чудо (скатерку), а затѣмъ диво. Возвращеніе и расправа съ царемъ [38].

---

5. О Жаръ-Птицѣ и о царѣ Иродѣ (стр. 38—58). Аѳанасьевъ 125. *[Морской Царь и Василиса премудрая].* Мышь съ воробьемъ' дрались, весь садъ погубили и Жаръ-Птицу ранили. Иванъ-Царевичъ выхаживаетъ [39]. Жаръ-Птица несетъ на себѣ, три раза сбрасываетъ надъ моремъ и подхватываетъ [40]. Мѣдное и серебряное царства горятъ за то, что не отплатили за спасенье Жаръ-Птицы [41]. Въ золотомъ царствѣ получаетъ Ив.-Царевичъ сундучекъ [42]. Старику за помощь закрыть сундучекъ отдаетъ „что дома не знаешь“ [43]. Посуленный Царевичъ идетъ къ царю Ироду [44]. Третья бабушка-задворенка даетъ совѣтъ украсть платье дѣвицы-лебедя-дочери Ирода на озерѣ во время купанья [46]. Выборъ невѣсты и исполненіе задачъ съ помощью царевны [50]. Женитьба, бѣгство, погоня [53]. Возвращеніе домой. Иванъ-Царевичъ не исполняетъ завѣтъ—не цѣловаться съ младшей сестрой; все забываетъ [54]. Дѣвица-просвирня у царя, за которой ухаживаютъ генералы [55]. Прилетѣвшая на свадебный пиръ голубкой царевна напоминаетъ о себѣ, Иванъ-Царевичъ узнаетъ свою невѣсту [57].

---

6. Незнайко (стр. 58—68). Аѳанасьевъ, 165. *[Незнайко].* Царскому сыну-богатырю чернавка даетъ указаніе, гдѣ найти богатырскаго коня [59]. Уѣзжаетъ изъ дому. Въ царствѣ Игримунта живетъ Незнайкой [59] въ поварахъ, конюхахъ, садовникахъ, и вездѣ шутитъ „шутки немалыя“ [60]. Боясь Лукопера, царская дочь выходитъ за него замужъ. Война. Незнайко отдаетъ свою лошаденку на съѣденіе сорокамъ-воронамъ, самъ кличетъ богатырскаго коня [61], побѣждаетъ Лукоперова сына, а послѣ, на пиру, напускаетъ сорокъ и воронъ, тѣ бьютъ посуду и пр. [62]. Во второй и третій разъ то же самое [67]. Во время пира хотятъ посмотрѣть на Незнайко въ конюшнѣ и тамъ находятъ богатыря-побѣдителя Лукопера [68].

---

7. Братъ и сестра-лиходѣйка (стр. 68—77). Аѳанасьевъ, 118. *[Звѣриное молоко].* По требованію мачехи старикъ уводитъ въ лѣсъ мальчика и дѣвочку. Живутъ въ хаткѣ старика; братъ охотится, сестра—за хозяйствомъ [68]. Сестра въ отсутствіе брата любится съ молодымъ человѣкомъ, пряча его отъ брата, обративъ булавкой [69]. Хотятъ извести брата. По совѣту друга, сестра притворяется больной, посылаетъ за волчьимъ, потомъ за медвѣжьимъ [71], за львинымъ молокомъ [72], за соколиными яйцами [74]. Иванушка счастливо возвращается и еще имѣетъ „охоту“ изъ звѣрей, которая всякій разъ враждебно относится къ сестрѣ; братъ едва сдерживаетъ ее. Наконецъ, посылаютъ за мукой съ завода. На заводѣ вся охота, кромѣ сокола, оказалась въ плѣну. Любовникъ сестры хочетъ съѣсть Иванушку; тотъ просится сходить въ баню [75]. Охота освобождается, расправляется съ „молодцомъ“. Сестра жалѣетъ о другѣ, „зубомъ“ губитъ брата и бросаетъ его въ воду [76]; охота достаетъ трупъ, заставляютъ разныхъ звѣрей тащить зубъ. Лисица вытаскиваетъ. Братъ оживаетъ; расправа съ сестрой [77].

---

8. Иванъ Запецинъ (стр. 77 — 86). Аѳанасьевъ. 105. *[Сивкобурко].* Третій сынъ, Ваня дурачекъ ходитъ за братьевъ на могилу къ отцу, отъ котораго получаетъ козу-златорогу, свинку золотую щетинку, а на третью ночь—богатырскаго коня [78]. Кличъ: меньшая царская дочь выйдетъ за того замужъ, кто доскакнетъ до нея на конѣ [79]. Дуракъ, отправившись за грибами, кличетъ коня, преображается молодцомъ [79] и на третій разъ доскакиваетъ до царевны [81]. Находятъ жениха; свадьба [81]. Задачи царя затьямъ: достань козу. Дуракъ съ помощью Сивушка, достаетъ и отдаетъ за пальцы затьямъ [82]. Также достаетъ и отдаетъ за пальцы свинку [84]. На третій разъ достаетъ и отдаетъ за ремень изъ спины кобылицу [85]. На пиру у царя все раскрывается [86].

---

9. Бѣглый солдатъ (стр. 86—101). Аѳанасьевъ, 152. *[Заколдованная королевна].* Два солдата — отпускной и бѣглый идутъ вмѣстѣ и расходятся. Первый живетъ у разбойниковъ. Въ ихъ отсутствіе пришедшая старуха усыпляетъ дѣвушку-работницу. Разбойники, вернувшись, вѣшаютъ ее въ „домовикѣ“ на столбахъ [87]. Этотъ „домъ“ находитъ царевичъ, держитъ у себя въ спальнѣ, а встрѣчная старуха оживляетъ дѣвушку, и царевичъ на ней женится [88]. Другой солдатъ, живя у харчевника, ходитъ за охотой. Однажды заяцъ заводитъ его къ дому, куда пріѣзжаетъ женщина вся въ шерсти, она проситъ ее отчитать. Преодолѣвая страхи—солдату чудится, что его отыскали—[89], онъ отчитываетъ, женщина освобождается отъ шерсти [90]. Выйдя за ворота, солдатъ увлекся зайцемъ; невѣста исчезаетъ, а заяцъ приводитъ его къ бывшему хозяину, который, разсчитывая его, даетъ кошелекъ-самотресъ. Въ поискахъ отчитанной дѣвушки, въ ожиданіи корабля ночуетъ у еврея, тотъ даетъ ему на пристань провожатаго мальчика, который воткнутой булавкой усыпляетъ солдата [91]. Между тѣмъ, пріѣхавшая дѣвушка тщетно старается разбудить его; и такъ три раза; дѣвица уѣзжаетъ въ тридесятое царство [93]. Солдатъ въ тридесятомъ царствѣ; въ сапожникахъ; хоронитъ, благодаря кошельку-самотресу, трехъ богатырей [95]. Ходитъ на могилу къ нимъ и на полученныхъ отъ нихъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ конѣ доскакиваетъ до царевны [97], а заказанные ею сапожнику вѣнчальные башмаки не шьетъ: кожу и мѣрку изорвалъ [97]. Идетъ къ богатырямъ. По брошенной ими на гору цѣпи подымается солдатъ и отъ старика получаетъ башмаки [89]. Также на горѣ подмастерье солдатъ достаетъ подвѣнечное платье, потомъ карету и [99] и золотой домъ [100]. Вдругъ ищутъ людей изъ другихъ земель [100]. Приводятъ солдата; царевна узнаетъ въ немъ человѣка, который спасъ ее отъ нечистаго [101].

---

10. Желѣзный конь (стр. 101—104). [Аѳанасьевъ, 83. Прим.]. Золотарь и кузнецъ заспорили: кто что хитрѣе сдѣлаетъ [101]. Золотарь сдѣлалъ утку, а кузнецъ—желѣзнаго коня [102]. Царевичъ сѣлъ, конь принесъ его въ царство, гдѣ была заперта въ башнѣ царевна [102]. Царевичъ проникаетъ туда; влюбляется. На третій разъ ловятъ его и хотятъ

казнить [103]. Онъ проситъ проститься съ мѣшкомъ, гдѣ былъ сложенъ желѣзный конь, а самъ свинчиваетъ его и улетаетъ, захвативъ и царевну [104].

---

11. Иванъ Покати-Горохъ (стр. 104 — 115). Аѳанасьевъ. 74. *[Покатигорошекъ]*. Два царскихъ сына, гуляя, потеряли сестру; отправились искать [104]. Воронъ Вороновичъ, похититель сестры, губитъ ихъ (и „заспиртовываетъ“) [105], сестрѣ говоритъ, что ему смерть можетъ быть лишь отъ Ивана Гороха, а Иванъ Горохъ, послѣ братьевъ родившійся, по наставленію бабушки, уже идетъ къ нему [106]. Угощается у Ворона Вороновича, ночуетъ. Не исполняетъ завѣта: въ конюшнѣ кормитъ льва и коня, изъ горницы выпускаетъ дѣвицъ [107]. Воронъ по просьбѣ матери прощаетъ его [108]; вмѣстѣ ѣдутъ въ поле и сражаются [108]. Затѣмъ Горохъ освобождаетъ кузнецовъ и дѣвушекъ отъ работы на Ворона: они войско ему дѣлали [109] и губитъ Ворона. Старуха, мать Ворона, требуетъ оживить его, показываетъ живую воду, но и сама отъ него гибнетъ, а Горохъ, ожививъ братьевъ, возвращается домой [110]. Нора. На ремняхъ спускаютъ Ивана [110], тотъ нацѣпляетъ дѣвушекъ; ихъ вытаскиваютъ, а Гороха оставляютъ. У старика на службѣ пасетъ воловъ. Наказъ: не ходить въ завѣтные луга [111]. Не исполняетъ, побѣждаетъ тамъ чудище. Благодарный старикъ помогаетъ ему на Жаръ-Птицѣ вернуться въ Россію [115].

---

12. О томъ, какъ солдатъ снималъ портретъ съ королевы (стр. 115—119). Царь посылаетъ съ тремя кораблями въ тридесятое царство снять портретъ съ королевы, которая въ маскѣ ходитъ; берется солдатъ [115]. За мѣдный корабль король показываетъ половину лица [116], за серебряный больше, при чемъ за золотой королева обѣщаетъ вся показаться и присылаетъ солдату записочку [117], въ которой дастъ совѣты ѣхать сватать и вѣнчаться на дѣвушкѣ, во всемъ на нее похожей, а короля взять тысяцкимъ. Королева стала подъ вѣнецъ, а дѣвушку — во дворецъ. Король во время вѣнчанія догадывается, что это его жена, требуетъ провѣрить, ставя въ закладъ полученные корабли [118], и всякій разъ подставленная дѣвушка увѣряетъ, что королева дома. Солдатъ выигрываетъ корабли и съ самой королевой пріѣзжаетъ къ царю [119].

---

13. Пѣтушокъ и курушка (стр. 119 — 122). Аѳанасьевъ, 34. *[Смерть пѣтушка]*. Пѣтушокъ подавился зерномъ. Курочка идетъ на рѣку просить воды, рѣка посылаетъ у липки просить листу [119], липка посылаетъ къ дѣвкѣ просить нитки, дѣвка посылаетъ къ гребенщикамъ за гребнемъ, гребенщики—къ колачникамъ за колачемъ, колачники—къ Чернонюшкѣ за молочкомъ [120], Чернонюшка—къ сѣнокосамъ за сѣномъ, сѣнокосы—къ кузнецамъ за косой, кузнецы—къ угольщикамъ за угольемъ, угольщики—къ дровосѣкамъ за дровами [121]. Дровосѣки дали дровъ, угольщики дали угля и т. д. и пѣтушокъ поправился [122].

---

14. Иванъ дуракъ (122—123). Аѳанасьевъ, 224. *[Иванушка дурачекъ]* Дуракъ, купивъ горшки, нанизалъ ихъ на палку [122]. Посланный за мясомъ, все отдаетъ по добротѣ собакамъ, а масломъ замазываетъ, проѣзжая по рѣкѣ, щели на льду. На упреки дуракъ всякій повторяетъ: „глупый, дакъ впередъ не посылайте“ [123].

---

15. Медвѣдь и старуха (стр. 124). [Бурцевъ, *„Бытъ Великаго Сѣвера“* II, 56). На бабу въ лѣсу напалъ медвѣдь и хочетъ съѣсть. Она въ первый разъ обѣщаетъ дома дать ему „крѣпушку“, во второй разъ—„теплушку“, въ третій—„потомбалку“. Медвѣдь приходитъ и требуетъ. „Крѣпушка“ оказалась—изба крѣпко заперта, „теплушка“—тепло бабѣ дома, „потомбалка“—потомъ бабка въ лѣсъ не пойдетъ [124].

---

16. Котъ, дроздъ и пѣтухъ (стр. 124—126). Аѳанасьевъ, 17. *[Котъ, пѣтухъ и лиса]*. Котъ и дроздъ уходятъ; не велятъ выглядывать пѣтуху [124]. Лиса уноситъ пѣтуха. Два раза счастливо котъ и дроздъ отнимаютъ его у лисы [125]. На третій разъ лиса уноситъ и уже хочетъ варить пѣтуха дѣтямъ. Котъ и дроздъ поютъ предъ домомъ лисы, смѣются надъ ея дѣтьми. Лиса посылаетъ посмотрѣть. Котъ и дроздъ запираютъ ихъ въ баню, а потомъ и саму лису и всѣхъ сжигаютъ [126].

---

17. Вавило Московскій (стр. 127). Богъ сказалъ св. Антонію, что онъ походитъ въ подвигахъ на Вавилу Московскаго. Антоній идетъ смотрѣть Вавилу. Тотъ положилъ его спать на кровать съ желѣзными гвоздями, а потомъ обуть сапоги, въ которыхъ наколочены гвозди [127].

---

18. Мудрые отвѣты (стр. 127). [Аѳанасьевъ, 188]. Дѣвка сватающему ее жениху на все отвѣчаетъ загадками [127].

---

19. Мудрые отвѣты (стр. 128). [Аѳанасьевъ, 187]. Пашущій въ полѣ старикъ отвѣчаетъ барину на всѣ вопросы загадочными прибаутками. Баринъ тѣ же загадки задаетъ кучеру и лакею. Тѣ, вернувшись, просятъ старика разгадать. Мужикъ за деньги и ремень изъ спины разгадываетъ [128].

---

20. Беззаботный монастырь (стр. 128 — 129). [Аѳанасьевъ, 287 стр.]. Царь грозитъ архимандриту разорить монастырь, если онъ не отгадаетъ три его загадки. Мельникъ отгадываетъ, царь его дѣлаетъ архимандритомъ, а того мельникомъ [129].

---

21. Объ Іудѣ Предателѣ (стр. 129). [Аѳанасьевъ, 173 Прим.]. Мать Іуды увидѣла во снѣ, что рожденный ею сынъ будетъ „всему міру пагуба“. Распоровъ ему брюхо, она спускаетъ въ бочкѣ въ море. Монашенки дѣвичьяго монастыря на Скаріотскомъ островѣ выхаживаютъ младенца. Прогнанный оттуда, служитъ сторожемъ. Охраняя садъ, убиваетъ своего отца, женится на матери; узнавъ про свою судьбу, Іуда убѣжалъ и присталъ къ Христу [129].

---

22. О Царѣ Соломонѣ (стр. 129—130). [Аѳанасьевъ, 180 Прим.]. Двѣ бабы спорятъ о родившемся младенцѣ; царица разсудила, что телѣга ожеребилась. Обруганная бабой царица родила, велѣла ребенка зарѣзать [129]. А ребенокъ (Соломонъ) проситъ бросить мужику въ солому. Мужикъ взялъ себѣ. Мальчикъ растетъ мудрымъ. Дѣти признали его царемъ; судя воровъ, многихъ перевѣшалъ; Соломона изгоняютъ. Онъ въ пастухахъ. Слухъ доходитъ, что Соломонъ живъ. А когда царскіе слуги его находятъ, то пораженные видѣннымъ и слышаннымъ, считаютъ его за „шальнаго“. Царь его беретъ къ себѣ [130].

---

23. Башмачникъ (стр. 135—141). Царь, желая имѣть хорошаго башмачника, мальчика Зорю Кручинина отдаетъ цѣховому мастеру въ ученье [135]. З. К. выучился. Царь, недовольный выполненіемъ заказовъ, выгоняетъ З. изъ царства. Въ кабакѣ незнакомый, оказавшійся чортомъ, утѣшаетъ [136], строитъ для него дворецъ и обѣщаетъ женить—на дочери царя Догадѣ. Сватовство. Чортъ Зорю выдаетъ за князя Дардавана, а самъ за его слугу Притычкина [137]. Но дочь предупреждаетъ царя, что это З. К., а не Дардаванъ. Испытываютъ, оставляютъ ночевать. Притычкинъ раскрываетъ Зорѣ замыслы и даетъ совѣты, какъ вести себя, приказывая постлать 100 пудовую постель и дать камень вмѣсто свѣчъ [138]. Догада посылаетъ служанокъ украсть перстень, но Притычкинъ ловитъ ихъ и отпускаетъ подъ залогъ [139]. То же случилось и съ Догадой [140]. Зоря требуетъ вѣнчаться. Въ загадкахъ Зори обнаруживается все случившееся. Царь выдаетъ дочь за З. К. [141].

---

24. Колдунъ и Анастасія Премудрая (стр. 141 — 145). Аѳанасьевъ, 140. *[Хитрая наука]*. Старикъ и старуха хотятъ отдать мальчика въ ученье. Встрѣчный старикъ беретъ мальчика съ условіемъ: если черезъ 3 года отецъ его не узнаетъ, то теряетъ [141]. Чрезъ три года, прилетѣвъ голубкомъ, молодецъ говоритъ старику, какъ его узнать. Старикъ узнаетъ и увоцитъ. Дорогой разговаривая, обѣщаетъ обогатить отца, обертывается лошадью, велитъ продать, но безъ узды [142]. Колдунъ учитель покупаетъ съ уздою и мучитъ коня. На перепутьѣ, во время остановки у сестры, послѣдняя, жалѣя коня, снимаетъ случайно узду; освобожденный отъ заклятья молодецъ пропадаетъ въ проруби [143]. Колдунъ обернулся

щукой, но не можетъ проглотить обернувшагося ершомъ молодца. Въ видѣ колечка попадаетъ къ Анастасіи Прекрасной, и молодецъ любится съ ней [144]. Колдунъ, напустивъ на нее болѣзнь, является въ видѣ доктора, вылѣчиваетъ и требуетъ въ награду кольцо. Брошенное кольцо разсыпается жемчугомъ; пѣтухъ, въ котораго обратился колдунъ, клюетъ его; молодецъ его губитъ, женится на царевнѣ [145].

---

25. Семенъ Скоробогачъ (стр. 146—151). [Аѳанасьевъ, 201]. Отдѣленный сынъ богатаго мужика Семенъ обѣднѣлъ; однажды въ лѣсу видитъ, какъ разбойники прячутъ наворованное добро, открывая двери подземелья условными словами. Семенъ привозитъ много денегъ [146]. Богатый братъ идетъ тоже за деньгами, но забывъ условныя слова, гибнетъ отъ разбойниковъ [147]. Семенъ разбогатѣлъ. Разбойники ищутъ вора. Подсылаютъ съ разспросами, тайно мѣтятъ домъ Семена, но сноха тѣ же знаки ставитъ на всѣхъ домахъ [148]. Во второй разъ то же. [149]. Самъ атаманъ съ бочками, въ которыхъ были спрятаны разбойники, пріѣзжаетъ къ Семену, останавливается ночевать. Ночью, узнавъ о разбойникахъ, сноха Семена всѣхъ обвариваетъ. Атаманъ сдѣлался купцомъ, хочетъ отомстить Семену, но и его губитъ сноха [151].

---

26. Иванъ Царевичъ (стр. 151—157). [Аѳанасьевъ, 93 b.]. Царь, укачивая сына, приговариваетъ, что, когда онъ выростетъ, женитъ его на Марьѣ-красѣ. Когда царевичъ выросъ, бабушка напоминаетъ ему объ этомъ [151], и онъ ѣдетъ искать невѣсту. Старушка изъ бѣлаго шатра, давая грамотку, указываетъ путь къ другой бабушкѣ [152], вторая къ третьей [153]. Третья даетъ наставленіе, какъ въ церкви объявить Марью-красу своей женой. Иванъ Ц. такъ и дѣлаетъ, царевна велитъ своимъ братьямъ схватить „невѣжену“, но онъ ихъ раскидываетъ. Во второй разъ то же. На третій разъ Марья-краса была милостивѣе [154], даетъ „росписку“, по которой она всегда можетъ къ нему явиться. Явилась по первому призыву, любятся; наѣхавшіе поленицы губятъ Ивана Царевича, а Марья-краса остается вдовой съ двумя сыновьями [155]. Отправляя ихъ на подвиги, даетъ наставленіе, какъ отыскать отца. Иванъ Царевичъ исцѣлился. Сыновья его находятъ [156].

---

27. Ѳедоръ Царевичъ (стр. 157—162). Аѳанасьевъ, 159, *[По колѣна ноги въ-золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ]*. Три служанки предлагаютъ Ѳедору Царевичу взять ихъ замужъ; третья обѣщаетъ родить 9 сыновъ-богатырей. Женится на послѣдней. Мать первой служанки, бабничавшая, подмѣняетъ трехъ дѣтей щенятами [157]. Судятъ. Ждутъ вторыхъ, третьихъ родовъ. Случилось то же. Дѣтей отбираютъ (лишь одного мать припрятала), спускаютъ въ бочкѣ. [158]. Припрятанный царевичъ растетъ; живутъ съ матерью. Калики, зашедшіе къ нимъ, разсказываютъ

послѣ о честной вдовѣ и царевичѣ [159]. Во второй разъ разсказываютъ о свинкѣ, о котѣ-баюнѣ [160], въ третій разъ о кобылицѣ. Царевичъ находитъ своихъ братьевъ; калики разсказываютъ про нихъ Ѳедору Царевичу [161]. Ѳедоръ ѣдетъ. Вторая жена разставляетъ копья, но младшій сынъ проводитъ другой дорогой. Расправа [162].

---

28. Крестникъ (стр. 163—165). Ончуковъ, 119. [*Христовъ крестникъ*]. Къ бѣдному крестьянину никто не идетъ въ кумовья. Встрѣчный старикъ креститъ. Въ Христовъ день крестникъ похристосовался съ крестнымъ [163] и зоветъ его въ гости. Старикъ отказывается, крестникъ идетъ за нимъ. Рощи, сады богатые, домъ. Старикъ, уходя спасать погибающій въ морѣ корабль, не велитъ ходить въ одну комнату. Крестникъ пошелъ, очутился въ преисподней, пытался тамъ вытащить мужчину и женщину—не удалось. Старикъ потомъ отдыхаетъ, мальчикъ, не слушая запрещенія, надѣваетъ шляпу старика и все видитъ во вселенной [164]. Крикнувъ, предупреждая, ворамъ, просыпается; оказывается, проспалъ 1600 лѣтъ [165].

---

29. Ершъ (стр. 165—166). Аѳанасьевъ, 41. [*Сказка о Ершѣ-Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ*]. Ершъ, зайдя въ Ростовское озеро, завладѣлъ имъ. Рыбы жалуются Киту. Ерша велѣно въ судъ притащить, но ерша не нашли [165]. Онъ ушолъ, а дорогой попалъ въ вершу [166].

29а. И на Машку бываетъ промажка (стр. 165). Аѳанасьевъ, 20. [*Лиса и кувшинъ*]. Лиса, просунувъ голову въ кувшинъ съ масломъ, не можетъ ее назадъ вытащить. Идетъ къ проруби застудить. Кувшинъ утянулъ лису на дно [166].

---

30. Мужикъ и чортъ (стр. 166 — 173). Аѳанасьевъ, 122. [*Пойди туда, не знаю куда, принеси то—не знаю что*]. Мужикъ-лѣсникъ, углубляясь въ лѣсъ за охотой [166], видитъ — бьется левъ и чортъ. Помогаетъ чорту, тотъ ведетъ его домой за наградой. Тамъ даютъ ему чудесное кольцо и ставятъ пастухомъ къ царю [167]. Старые пастухи, обиженные на новичка, наговариваютъ, что пастухъ достанетъ дѣвицу отъ бабки-довгоноски. Вспоминаетъ чорта и съ помощію его достаютъ [168]. Царевна требуетъ вѣнчальнаго платья. Съ помощью чорта достаетъ его изъ-подъ престола въ церкви [169]. Невѣста требуетъ коней и карету [170]. Чортъ достаетъ ихъ изъ-подъ каменной плиты на синемъ морѣ. Царевна наконецъ требуетъ отрубить голову, царь отказывается; невѣста его губитъ,

а пастуха объявлятъ своимъ мужемъ [171]. Чортъ предвидитъ бѣду. Дѣйствительно, бабка-довгоноска посылаетъ 3, 6, 12 кораблей силы, чтобы погубить царя, но съ помощью чудеснаго кольца они избавляются отъ бѣды [172]. Жена выпытываетъ тайну о кольцѣ; все царство разоряютъ. Снова чортъ приноситъ мужика къ себѣ домой, помогаетъ ему расправиться съ бабкой-довгоноской и возвращаетъ жену [173].

---

31. Жаръ-Птица (стр. 174—183) Аѳанасьевъ, 71. [*Три царства*]. Жаръ-Птица уноситъ жену царя. [174]. Царевичи идутъ на поиски. Бросаютъ цѣпь на гору. Удается только Ивану Ц-чу; онъ туда и лѣзетъ. Хоромы дѣвицы, дочери Жаръ-Птицы. Ив. Ц-чъ обѣщаетъ жениться; она дастъ ему коня [175]. Тоже у второй и третьей дѣвицы; послѣдняя еще даетъ чудесную ширинку [176]. Съ помощію конька третьей сестры попадаетъ въ царство Жаръ-Птицы, овладѣваетъ конемъ-крылатымъ Жаръ-Птицы и увозитъ мать [177], захватываетъ вмѣстѣ съ царевною и ихъ царства; царевнами завладѣваютъ братья, а Ивана Царевича оставляютъ на горѣ [178]. Въ сновидѣніи Иванъ Царевичъ получаетъ указаніе, какъ проникнуть въ нору. Найденную тамъ клюку обращаетъ въ коня-крылатаго и возвращается домой. Остановился у келейника [179]. Братъ женится; но невѣста требуетъ вѣнчальнаго платья, Иванъ Царевичъ велитъ келейнику взять у царя заказъ и, обернувъ клюку конемъ [180], достаетъ на горѣ, на „фатерѣ“ невѣсты [181]. Также достаетъ карету стеклянную и коня-самолета [182]. Царевна узнаетъ своего жениха Ивана Царевича [183].

---

32. Зорій Царевичъ и Елена Царевна (стр. 184 — 185). Аѳанасьевъ, 147. [*Царевна сѣра-утица*], Царь просваталъ дочь за Зорія Царевича, а баба-яга хочетъ выдать за него свою дочь. Во время переѣзда по морю къ Зорію, баба-яга заставляетъ Елену обернуться щукой; Зорій женится на дочери яги. Корабль не двигается съ мѣста [184]. Сторожатъ—почему? Приплываетъ щука, поетъ, жалуясь на разлучницу. Подслушиваетъ Зорій; женитьба и расправа [185].

---

33. Поповна Машенька и Иванъ Царевичъ (стр. 185—187). Аѳанасьевъ, 164. [*Царевна въ подземномъ царствѣ*]. Дурочка, поповна Машенька, наказываетъ отцу привести изъ города „сосенку“, а сестры—матеріи. Сестры уѣзжаютъ въ церковь [185], а Машенька, оставшись, была у Ивана Царевича, украла платокъ (онъ ее платкомъ прибилъ), а потомъ, нарядившись, на зайчикѣ пріѣхала въ церковь. Поразивъ красотою царевича, она сказала, что она оттуда, гдѣ платкомъ бьютъ; во второй разъ—гдѣ гребнемъ бьютъ [186], а въ третій—гдѣ мыломъ бьютъ. Царевичъ послѣ по платку, перчаткѣ и башмаку находитъ невѣсту и женится, несмотря на коварство сестеръ [187].

---

34. Иванъ купеческій сынъ и царевна Машенька (стр. 187—192), Аѳанасьевъ, 112. [*Волшебное кольцо*]. Купеческій сынъ, платя по 100 рублей, покупаетъ собаку, кошку, змѣю [188]. Змѣя приводитъ Иванушку къ своему дому и заставляетъ мать подарить чудесное кольцо. Иванушка посылаетъ сватать царскую дочь. Условія царя: сдѣлать дворецъ [189], развести сады, достать коней—съ помощью кольца, выполняетъ [190]. Машенька, вывѣдавъ тайну о кольцѣ, похищаетъ его; Иванушку выкидываютъ въ болото, но благодарныя животныя возвращаютъ кольцо [191] и съ нимъ счастье Иванушкѣ.

---

35. Иванъ, крестьянскій сынъ и Марья Царевна. Аѳанасьевъ, 88. [*Шабарша*] Аѳанасьевъ, 112 [*Волшебное кольцо*] (стр. 192—196). Иванъ на берегу рѣки вьетъ веревки: „море морщить, чертей корчить“. Испуганный старый чортъ посылаетъ состязаться съ нимъ въ бѣгѣ, въ киданьѣ, въ силѣ чертенка. Чертенокъ побѣжденъ [192]. Иванъ получаетъ чрезъ разорванную шляпу цѣлую яму золота и чудесное кольцо. Сватаетъ царскую дочь. Условія царя: сдѣлать дворецъ, церковь, мостъ; съ помощью кольца выполняетъ [193]. Машенька, вывѣдавъ тайну о кольцѣ, похищаетъ его и исчезаетъ. Иванъ идетъ на поиски. Баба-яга, направляя его, даетъ скатерку-самолётку [194], другая мечъ-кладенецъ, третья клубочекъ. Третья совѣтуетъ продать эта вещи за то, чтобы ему провести ночь съ Машенькой [195]. Ему уступили это, но всякій разъ Машенька была пьяной; на третій разъ она узнаетъ Ивана [196].

---

36. Солдатъ, Марья царевна и Нехорошій (стр. 196—200). Аѳанасьевъ, 122. [*Пойди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что*]. Солдатъ, которому полковникъ за 25 лѣтъ службы обѣщаетъ дать 25 палокъ, уходя, вспоминаетъ съ горя Нехорошаго [196]. Въ домѣ Нехорошаго входитъ въ запрещенную комнату. Дѣвка, спрятанная тамъ, даетъ совѣтъ, какъ убѣжать. Въ избушкѣ играетъ въ карты съ заѣзжей барыней; затѣмъ ему служитъ Антошка, послѣ того, какъ онъ ударилъ камнемъ о камень [197]. Идетъ потомъ одинъ, пугаетъ разбойниковъ, снимаетъ кольцо съ одного изъ нихъ. Перескинулъ — явилась дѣвица. Живутъ вмѣстѣ. Машенька вышиваетъ, солдатъ продаетъ. Царь, пораженный красотою Машеньки, хочетъ извести солдата, посылаетъ его „невѣдомо куда“ [198]. По клубочку, данному Машенькой, приходитъ къ сестрѣ ея; та посылаетъ къ отцу. Старикъ подарилъ трость, въ которой „невѣдомо кто“ — нехорошій Филинко. По дорогѣ солдатъ, забавляясь, приказывалъ снимать головы, а по приходѣ снялъ головы царю и генераламъ [199].

---

37. Золотые парнеки, (стр. 200—203). [Аѳанасьевъ, 159]. [*По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ*]. Иванушка подслушиваетъ разговоръ трехъ дѣвицъ и женится на той, которая обѣ-

щаетъ родить 9 золотыхъ парнековъ. Баушка, Яга-Бага, подмѣниваетъ ихъ щенками [200]. Машеньку (съ парнекомъ?) спускаютъ въ море. Мальчикъ растетъ, выходятъ на берегъ. Корабельщики разсказываютъ отцу про чудеснаго мальчика [201]. Онъ приноситъ брошеннымъ братьямъ пирожковъ, замѣшанныхъ на молокѣ матери, они узнаютъ другъ друга. Корабельщики, пріѣзжая, разсказываютъ про девять парнековъ. Иванушка ѣдетъ и находитъ свою жену съ сыновьями.

---

38. Иванушка-дурачекъ и Настасьюшка царевна. Аѳанасьевъ, 105. [*Сивко-бурко*]. [*Свинка—золотая щетинка*] 105] (стр. 202—209). Третій сынъ дуракъ ходитъ за братьевъ на могилу отца [203]. Отецъ даетъ сивку-бурку. Царская дочь выбираетъ въ женихи того, кто до окна на конѣ „прискочитъ". Ванюшка, преобразившись молодцомъ, на сивкѣ-буркѣ доскакиваетъ [204]. Царевна ищетъ суженаго; свадьба. Царь обѣщаетъ царство, кто побѣдитъ змѣя. Ванюшка, выѣхавъ на клячѣ, отдаетъ ее воронамъ и сорокамъ [205], а самъ вызываетъ сивку, побиваетъ змѣя и продаетъ побѣду зятьямъ за пальцы отъ ногъ [206]. Во второй разъ побѣждаетъ шестиглаваго, потомъ десятиглаваго змѣя и также продаетъ его за пальцы и за ремень со спины [208]; все раскрывается [209].

---

39. Иванъ купеческій сынъ и царевна (стр. 209 — 212). Аѳанасьевъ, 207 [*Иванъ-купеческій сынъ отчитываетъ царевну*]. Еврей, не получа долга, взятаго мужикомъ за поручительствомъ св. Николая [209], „хлещетъ" икону; Иванушка, сынъ купца, выкупаетъ ее. Сивый старичекъ у нихъ въ работникахъ. Ив-ка ѣдетъ вмѣстѣ съ дядьями торговать, пристаютъ къ городу, гдѣ нужно дежурить у гроба царской дочери, которая всѣхъ заѣдаетъ [210]. Иванушка, по совѣту старика, покупаетъ сначата вару, потомъ сыру и свѣчъ, читаетъ за себя и за дядей въ очерченномъ кругу надъ царевной, кидая ей черезъ правое плечо шарики изъ купленныхъ предметовъ, избѣгаетъ смерти [211]. Царь женитъ Иванушку на дочери. Вернувшись домой, старикъ требуетъ половинную долю отъ всего. Разрубивши жену пополамъ, старикъ оживилъ и отдалъ ее Иванушкѣ въ благодарность, что тотъ выкупилъ икону у еврея [212].

---

40. Митошка. (стр. 213—213). Аѳанасьевъ, 62 [*Ивашко и вѣдьма*]. Митошка ловитъ рыбу; мать приноситъ ему ѣсть. Баба-яга поддѣлывается подъ голосъ матери и похищаетъ Митошку. Работница Бабы-яги пытается его сжарить въ печи, но Митошка, отговариваясь неумѣньемъ, самъ успѣваетъ пихнуть ее въ печь, а потомъ смѣется надъ обманутой Бабой-ягой [213]. Такъ было со второй и третьей работницей, наконецъ и самой Бабой-ягой [214].

---

41. Дѣвушка-рысь. (стр. 215—217). Аѳанасьевъ, 149. [*Арысь-поле*]. Падчерица пасетъ корову, наслѣдство матери, которая ее кормитъ и одѣваетъ. Одноглазка, двуглазка, треглазка за ней подсматриваютъ. Первыхъ двухъ падчерица усыпляетъ, а сама проводитъ время съ барскимъ сыномъ [215]. Трехглазка все подсмотрѣла. Яга-баба требуетъ заколоть корову. Изъ рожекъ выросла яблоня. Только одна падчерица могла сорвать яблоковъ для барскаго сына. Женится; родился мальчикъ. Баба-яга, въ отсутствіе мужа, обращаетъ падчерицу рысью. Младенца носятъ на рѣку, гдѣ рысь кормитъ [216]. Мужъ сжигаетъ кожурину и снимаетъ заклятье [217].

---

42. Мышка. (стр. 217—218). Аѳанасьевъ. 54 [*Дочь и падчерица*]. По требованію мачехи, яги-бабы, старикъ везетъ въ лѣсъ падчерицу. Дѣвушка кормитъ мышку, за что та, когда приходитъ „нехорошій“, прячетъ ее, обернувъ булавочкой [217]. Во второй разъ тоже; „нехорошій“— старикъ оставляетъ падчерицѣ сундуки съ имѣніемъ. Мачехина дочь грубо обошлась съ мышкой; старикъ ее задавилъ [218].

---

43. Горошенько. (стр. 218—220). [Аѳанасьевъ. 6, 146]. Сироты, мальчикъ и дѣвушка, играя, уронили горошину, которая выростаетъ до неба [218]. Дѣвушка, усыпивъ брата, влѣзаетъ на небо и оттуда съ мельницы приноситъ ѣду брату. Такъ и во второй и третій разъ. Мельникъ, бѣгая за дѣвушкой по избушкѣ и приговаривая: „будь, избушка, о три, о два, объ одномъ уголкѣ“, ловитъ ее; беретъ и брата. Дорогой братъ, напившись воды, сталъ козелкомъ [219]. Въ отсутствіе мельника яга-баба подмѣниваетъ дѣвушку своей дочерью; козлика хотятъ зарѣзать. Козликъ бѣжитъ на рѣку, гдѣ была привязана сестра, и причитаетъ. Мельникъ догадывается, возвращаетъ дѣвушку и расправляется съ бабиной [220].

---

44. Настюха. (стр. 220—221). Аѳанасьевъ, 142 [*Диво-дивное, чудо-чудное.*] Иванушка, женатый на Настюхѣ, у которой много дружковъ, пріѣхавъ вслѣдъ за женою въ деревню тестя, останавливается у сосѣда. Тамъ старуха колдунья велитъ ему подсмотрѣть дружковъ и при видѣ каждаго завязать узелокъ на пояскѣ [220]. При завязываніи узла дружки и баба срастаются. Призванные на помощь два колдуна также приростаютъ. Иванушка „учитъ“ ременницей жену и колдуновъ, потомъ освобождаетъ. „Стали жить хорошо“ [221].

---

45. Три брата (стр. 222—223). [Зеленинъ, „*Вятскія сказки*“, № 22]. Три брата, выйдя на огонь послѣ долгаго блужданья по лѣсу, просятъ у старика огня. Старшимъ братьямъ, отрицательно отвѣтившимъ на его вопросъ: вѣрятъ ли они своимъ женамъ, не даетъ огня; младшаго, ска-

завшаго „вѣрю“, заставляетъ прыгать черезъ огонь, обращаетъ козломъ и ведетъ въ его домъ въ деревню [222]. Тамъ козликъ расправляется съ дружкомъ жены. На другой день старикъ опять ведетъ въ лѣсъ, козликъ скачетъ черезъ огонь и становится человѣкомъ и объявляетъ, что женѣ не вѣритъ. Вернувшись, меньшой братъ еще разъ расправляется съ женой и любовникомъ; стали жить счастливо [223].

---

46. Какъ быкъ строилъ избу (стр. 224—225). [Аѳанасьевъ, 30...]. Быкъ, свинья, баранъ и пѣтухъ, боясь быть къ свадьбѣ заколотыми, убѣгаютъ въ лѣсъ. Къ быку, построившему избушку, приходятъ жить остальные. Разбойники, заглянувъ къ животнымъ, разбѣгаются и животныя тоже [224]. Старикъ и старуха предоставляютъ самому сыну искать въ пустой избушкѣ невѣсту. Свадебный поѣздъ, наѣхавъ на горящую колоду, возвращается, невѣста остается ни дѣвкой, ни бабой. Плачась „старухамъ въ кельяхъ“, получаетъ указаніе, что за женихомъ надобно ей, кидая хлѣбъ, лѣзть по огненному столбу; во второй разъ достигаетъ на столбѣ жениха и разомъ оказывается на землѣ; ихъ повѣнчали [225].

---

47. Дѣвка семилѣтка (стр. 225—227). Аѳанасьевъ, 188. [*Мудрая дѣва*]. Два брата отнимаютъ у третьяго корову; пошли на судъ къ царю. Царь даетъ имъ задачи (что на свѣтѣ всего жирнѣе, милѣе, быстрѣе); всѣхъ мудрѣе рѣшаетъ дѣвка-семилѣтка, дочь бѣднаго брата; ему и присуждаетъ царь корову. Узнавъ о мудрости семилѣтки, царь даетъ ей новыя задачи, а потомъ и самъ пріѣзжаетъ ее посмотрѣть [226], плѣняется ея разговорами, угощеніемъ и отвѣтнымъ пріѣздомъ и беретъ къ себѣ жить вмѣстѣ со старикомъ [227].

---

48. Пѣтушокъ и курочка, (стр. 227 — 230). Аѳанасьевъ, 34. [*Смерть пѣтушка*]. Пѣтушокъ подавился бобовымъ зерномъ. Курочка идетъ къ рѣкѣ за водой, къ березѣ за листомъ, къ дубу за видомъ, къ вепрю за клыкомъ [228], къ коровѣ за молокомъ, къ сѣнокосамъ за сѣномъ, къ кузнецамъ за косами, къ угольщикамъ за угольемъ [229], къ дроворубамъ за дровами, къ хлѣбникамъ за хлѣбомъ. Хлѣбники дали хлѣба, дроворубы дровъ и т. д. Отъ живой воды пѣтушокъ воскресъ [230].

---

49. Сказка про нужнаго и про богатаго (стр. 235—238). [Аѳанасьевъ, 130]. Больной братъ, отправляясь за море, беретъ племянника Иванушку; „по край моря фатера и садъ“; въ гостяхъ у старика. Понравившагося Иванушку старикъ оставляетъ у себя [235], ѣдетъ съ нимъ заграницу; съ помощію орла Иванушка нагребастъ цѣлый корабль золота на золотой горѣ, съ которымъ, коварно покидая мальчика, дѣдушка уѣз-

жастъ. Чрезъ нору И. попадаетъ къ другому старику. Въ кручинѣ проситъ у него оружія поохотиться [236]. На охотѣ, похищая платье лебеди, находитъ И. свою богосуженую, а платье ея бережетъ. Соскучился по родинѣ; ѣдутъ домой [237]. Дивясь красотѣ невѣстки, мать И-ки проситъ надѣть спрятанное платье; Машенька, надѣвъ, пропадаетъ. Поиски. И. находитъ; задача—спрятаться. Два раза волшебники находятъ И-ку. На третій разъ онъ счастливѣе. Свадьба [238].

---

50. Богъ и баринъ (стр. 241—246). Аѳанасьевъ, 173]. [*Марко богатый и Василій Безсчастный*]. Богатый баринъ ждетъ въ гости Бога; бѣднаго старика, измаравшаго разостланныя сукна, прогнали слуги [241]. Старикъ (Богъ) ночуетъ съ двумя другими въ курятникѣ и предначертываетъ новорожденному мальчику „замѣстить“ барина, а ягненку быть добычей волка. Узнаетъ баринъ [242], ѣдетъ, выкупаетъ ягненка и мальчика. Ягненка, уже зажареннаго, дѣйствительно, похищаетъ волкъ, а брошеннаго младенца спасаетъ купецъ [243]. Купецъ отдаетъ мальчика барину, тотъ въ бочкѣ спускаетъ въ море: потомъ находитъ его въ монастырѣ и, подъ видомъ раскаянія, проситъ уступить молодого человѣка, а самъ посылаетъ женѣ приказъ сварить его въ котлѣ [244]. Встрѣчный старикъ мѣняетъ чудесно письмо: молодецъ женится на дочери барина. Вернувшись, баринъ приказываетъ рабочимъ бросить въ котелъ, кто вечеромъ придетъ на фабрику [245], и самъ погибаетъ [246].

---

51. Сирота (стр. 246—250). Аѳанасьевъ, 207. [*Иванъ, купеческій сынъ, отчитываетъ царевну*]. Сынъ вдовы выкупаетъ икону св. Николая, поручившагося за долгъ мужика, потомъ даетъ пріютъ старику (св. Николаю), оказавшемуся чудеснымъ помощникомъ [247]. Сдѣлавъ корабль, ѣдутъ за море вмѣстѣ съ другими купцами; кирпичъ, вмѣсто товара, поднесенный царю, оказался, „самоцвѣтнымъ камнемъ“. Приказъ царя вылѣчить больную дочь. [248]. Карауля три ночи, „малецъ“ изгоняетъ „гадье“ изъ царевны и женится на ней [249]. Старичекъ, требуя дѣлить все пополамъ, рубитъ и ее, потомъ оживляетъ и дѣлаетъ лучше прежняго [250].

---

52. Судьба (стр. 250—253). Царевичъ съ дядькой ѣдетъ погулять по бѣлу-свѣту [250], видитъ кузнецовъ, которые кого съ кѣмъ скуютъ, тѣмъ и жениться. Узнавъ отъ нихъ, что его суженая больная купеческая дочь „въ гноищѣ“, царевичъ хочетъ отъ нея избавиться, переодѣвается коноваломъ, по совѣту дядьки [251], а приглашенный лѣчить, ударяетъ по животу тесакомъ и убѣгаетъ. Купеческая дочь вылѣчилась, стала красавицей; царевичу захотѣлось узнать, что стало съ суженой. Плѣненный ея красотой,—женится [253].

---

53. Бѣдный мужичекъ и Николай Чудотворецъ. [Аѳанасьевъ, 246. *Объ отцѣ Николаѣ*] (стр. 253—254). Бѣдный мужикъ, идя воровать, обращается съ молитвой къ св. Николаю, обѣщая свѣчу. Спугнутый во время воровства мужикъ едва спасается, прячась въ трупѣ коровы [253]. Въ встрѣчномъ старичкѣ, раскрывающемъ предъ нимъ всю тайну, мужикъ узнаетъ своего спасителя, св. Николая [254].

---

54. Илья Пророкъ и Николай Чудотворецъ (стр. 254 — 257). [Аѳанасьевъ. *„Русскія народныя легенды"*, стр. 39]. По совѣту св. Николая и Ильи бѣдный братъ разсѣеваетъ только небольшую часть купленныхъ сѣмянъ [254]. Запахавъ на ихъ лошадяхъ поле, онъ хвалитъ больше лошадь Николая. Обиженный Илья хочетъ погубить урожай грозою, но св. Николай предупреждаетъ мужика [255] и такъ нѣсколько разъ [256]. Наконецъ, по совѣту св. Николая, мужикъ свѣчу ставитъ дороже св. Ильѣ [257].

---

55. Мельникъ. [Ончуковъ, 119: *Христовъ Крестникъ*] (стр. 257 — 260). Сынъ мельника даромъ перевозитъ черезъ рѣку (въ надеждѣ перевезти Христа) [257]. Перевезя однажды старика, мальчикъ, несмотря на недовольство матери, ухаживаетъ за нимъ [258]. Старикъ уводитъ мельника, и у него въ кельѣ мальчикъ видитъ мученія грѣшниковъ и свою мать [259], попытки спасти которую оказались напрасными [260].

---

56. [Спящіе отроки] (стр. 260—264). Богатый мужикъ, не признававшій праздниковъ, заставляетъ дѣтей по воскресеньямъ работать. Дѣти засыпаютъ въ лѣсу [261]. Ихъ не находятъ. Проснувшись черезъ 30 л., они возвращаются домой [262]. По таинственному голосу въ томъ же лѣсу, въ срубленной кельѣ засыпаютъ вѣчно [263]. Ихъ находятъ уже прославленными святыми [264].

---

57. Два брата и вѣдьма мать (стр. 264—270). Бѣдный младшій братъ, заколовъ борова старшаго брата, прячетъ его, а потомъ самъ же выпрашиваетъ у него [265]. Мать, подозрѣвая его хитрость, сидя въ сундукѣ, вывѣдываетъ тайну; сынъ узнаетъ мать, обвариваетъ его кипяткомъ, а сундукъ возвращаетъ [266]. Боясь обвиненій въ убійствѣ матери, старшій задабриваетъ младшаго. Покойницу поставили въ незапертомъ амбарѣ [267]. Младшій, наворовавъ въ амбарѣ всякихъ припасовъ, дѣлаетъ такъ, что старшій винитъ во всемъ покойницу [268]. На вторую ночь младшій зарѣзалъ братнину корову, посадилъ на нее мать; и опять ее винитъ въ этомъ старшій братъ. Потомъ младшій братъ подстраиваетъ, что мать гонится на жеребенкѣ за священникомъ, пріѣзжавшимъ ее отпѣвать [269]. Напуганные—стараются скорѣе похоронить покойницу [270].

---

58. Загадка (стр. 270). Загадка, смыслъ которой въ раскрытіи степеней родства [270].

---

59. [Вороватый мужикъ (стр. 271 — 273). [Аѳанасьевъ, 220]. Глупая старуха отдаетъ для своего умершаго мужа хитрому мужику, якобы пришедшему съ того свѣта, много всякаго добра [271]. Сынъ, разсердившись, идетъ искать людей глупѣе; выпрашиваетъ у барыни свинью въ посаженныя матери, а отъ барина хитростью получаетъ тройку лошадей [273].

---

60. Непрощенный сынъ (стр. 273—276). Ворожея посылаетъ принести съ покойника, только что похороненнаго, песку, чтобы имъ приворожить дѣвицу для полковника [274]. Разрывъ могилу, посланный солдатъ находитъ человѣка, котораго не простила мать. По его просьбѣ солдатъ отправляется за прощеніемъ къ матери [275]. Та не прощаетъ и сама гибнетъ отъ его молитвы [276].

---

61. Одна копѣечка (стр. 276—277). Аѳанасьевъ, 247. [*Скряга*]. Бѣдный мужикъ, съ котораго кумъ требуетъ остатокъ долга-копѣечку, притворился мертвымъ [277]. Богатый не вѣритъ и сторожитъ гробъ въ церкви. Спугнувъ нечистую силу, принесшую деньги, онъ дѣлитъ ихъ вмѣстѣ съ ожившимъ должникомъ, а потомъ требуетъ свой долгъ-копѣечку. Бѣдный срываетъ колпакъ съ выглянувшаго въ окно чорта и бросаетъ вмѣсто копѣечки. Оба стали богачами [279].

---

62. Мужъ и жена (стр. 278—279). Мужъ и жена послѣ работы забыли ребенка въ полѣ; вернувшись, мать видитъ, какъ его нянчитъ лѣшій [279].

---

63. Лихой попутчикъ (279—280). Бѣдный мужикъ идетъ воровать къ богатому. Ветрѣчный попутчикъ предлагаетъ — лучше помочь ему: (не здравствуя на чиханье) завладѣть младенцемъ [279]. Мужикъ не исполняетъ; ребенокъ спасается; мужика награждаютъ [280].

---

64. Расправа съ любовниками (стр. 280—282). [Ончуковъ, 82]. Пономарь, дьяконъ и священникъ увлекаются молодухой [280]. Спугнутые въ часы свиданья одинъ другимъ, они прячутся въ ларѣ съ мукой [281], а потомъ облитые смолой и обсыпанные перьями убѣгаютъ [282].

---

65. Сказаніе о Соломонѣ (стр. 282—285). [Аѳанасьевъ, 193. *Дочь пастуха*]. Царь Давидъ, не находя себѣ наслѣдника, по совѣту ворожеи [282], женится на самой бѣдной дѣвушкѣ, отъ которой рождается Соломонъ. Другія жены изъ зависти добиваются того, что Давидъ приказываетъ извести мальчика [283]. Брошеннаго въ пустынѣ ребенка собака приноситъ къ пастуху, у котораго живетъ за сына [284]. Однажды царь, встрѣтивъ пастуха, поражается его мудрыми отвѣтами, беретъ къ себѣ, а мать узнаетъ въ немъ своего сына [285].

---

66. [**Коза** (стр. 286—287). Аѳанасьевъ, 27]. Нѣтъ козы съ орѣхами; козелъ посылаетъ на нее волковъ, на волковъ людей, затѣмъ—медвѣдей, дубье, огонь [286], воду, быковъ, ножи, точи, червей, гусей. Гуси пошли червей клевать... [278].

---

67. [**Лиса и тетеревъ** (стр. 287—288). Аѳанасьевъ, 11]. Тетеревъ хитрѣе лисы [288].

---

68. [**Собака и волкъ** (стр. 288—289). Аѳанасьевъ, 24, 26]. Волкъ уноситъ собаку и отпускаетъ ее съ условіемъ, что она придетъ, когда будетъ жирная, а для этого подстраиваетъ такъ, что за спасеннаго ребенка хозяинъ заботливо кормитъ собаку [288]. Во время свадьбы въ подызбицѣ волкъ съ собакой, напившись, запѣлъ; его убили [289].

---

69. [**Лиса и Журавль** (стр. 289). Аѳанасьевъ, 1, 13]. Лиса и Журавль ходятъ въ гости. Лиса съ кувшиномъ на головѣ прикидывается мертвой. Мужикъ, отбивши кувшинъ, кладетъ лису на возъ съ рыбой. Лиса выкидываетъ рыбу, которой угощаетъ волка [289].

---

70. Дѣтоубійство наказанное змѣями (стр. 290). Дѣвушку, убившую трехъ дѣтей, мучаютъ змѣи, присосавшіяся къ грудямъ несчастной [290].

---

71. Царскія загадки (стр. 291—292). [Аѳанасьевъ, 287]. Дьяконъ Лаврентій за брата священника Лаврентія рѣшаетъ загадки царя. [291].

---

72. Въ ученьи у лѣсового [Аѳанасьевъ, 140. *Хитрая наука*]. (стр. 292—294). Лѣсовой три раза бросаетъ въ печь отданнаго ему въ ученье мальчика, послѣ чего тотъ становится „ученымъ“ [292]. Вынужденный возвратить отцу, лѣсовой покупаетъ его въ видѣ жеребенка и и мучитъ [293]. Послѣ ряда превращеній — ершомъ, кольцомъ, ученикъ женится на царской дочери, потомъ узнаетъ отца по исполненію давняго предсказанія [294].

---

73. Лѣсовой людоѣдъ (стр. 295—296). Крестница идетъ въ гости къ крестному - лѣсовому [295], оказавшемуся людоѣдомъ; онъ съѣдаетъ и крестницу [296].

---

74. Колокольный манъ — красный колпакъ (стр. 296—297). Дѣвушка, изъ-за насмѣшекъ въ трусости, ночью на колокольнѣ срываетъ съ колокольнаго мана колпакъ [296]; тотъ приходитъ за нимъ и разрываетъ дѣвицу пополамъ [297].

---

75. Звѣри въ рѣшетѣ (стр. 297). [Аѳанасьевъ, 43. *Теремъ мухи*]. Въ рѣшетѣ собираются „звѣри“: комаръ, муха, мышь, заяцъ, волкъ и медвѣдь; послѣдній всѣхъ давитъ [297].

---

76. Дѣвка съ лычкомъ и звѣри (стр. 298—300). [Аѳанасьевъ, 1]. *Лисичка-сестричка и волкъ*]. Дѣвка за лычко беретъ сначала ремешокъ, потомъ за ремешокъ барашка, овцу, корову [298], лошадь; ѣдетъ и беретъ къ себѣ въ дровни зайца, лисицу, волка, медвѣдя. Сломалась оглобля; неудачные поиски звѣрей [299]. Пока сама дѣвка ходила, звѣри съѣли лошадь и разбѣжались [300].

---

77. Никола Дуплинскій. (стр. 300 — 301). Аѳанасьевъ, 241. [*Вѣщій дубъ*]. Мужикъ, спрятавшійся въ дуплѣ, даетъ совѣты женѣ, какъ ослѣпить мужа [300], а потомъ застрѣливаетъ ея любовника [301].

---

78. Невѣрная жена (стр. 301—303). Жена купца, которую оживилъ мужъ, читая надъ ней, листомъ (псалтыри), влюбилась въ полковника [301] и уѣзжаетъ къ нему. Мужъ въ деньщикахъ у полковника. Жена обвиняетъ деньщика въ покушеніи на нее и подводитъ его подъ разстрѣлъ [302]. Его оживляютъ тѣмъ же листомъ, а потомъ онъ вылѣчиваетъ Государя, въ благодарность за что тотъ разжаловалъ полковника [303].

---

79. Смерть и солдатъ. (стр. 303 — 306). [Аѳанасьевъ, 16 „*Народныя русскія легенды*“]. Солдатъ получаетъ отъ царя три копѣечки [303] и отдаетъ ихъ встрѣчнымъ старичкамъ (ангеламъ), а самъ терпитъ нужду. Потомъ выгоняетъ чертей изъ дома [304]. Послѣ смерти не хочетъ идти въ рай и изгоняется чертями изъ ада [305]. „Болтаясь“ между адомъ и раемъ, обманываетъ смерть, сообщая ей якобы приказаніе Божіе — дубы грысть вмѣсто того, чтобы морить людей. [306]. Обманъ раскрывается; солдатъ носитъ смерть на плечахъ въ наказаніе, потомъ захлопываетъ ее въ табакерку. [307].

---

80. Баринъ и Климко. (стр. 307 — 308). Аѳанасьевъ, 219 [*Воръ*]. Климка-воръ хитростью уводитъ у барина лошадей, увозитъ перину, а потомъ и саму барыню [307].

---

81. Баринъ и заброшенная старуха (стр. 308—309). Больному барину приснилось, что онъ выздоровѣетъ, если возьметъ, вмѣсто матери, старуху, съ которой дурно обращаются дѣти [308]. Баринъ такъ и дѣлаетъ, а когда старуха, соскучившись по дѣтямъ, ѣдетъ навѣстить ихъ, она не находитъ и слѣдовъ дома [309].

---

82. Протопопова дочь (стр. 309—311). Мужъ, по наущенію злой жены, протопоповой дочери, убивъ отца и матерь, ищетъ, кто бы разрѣшилъ его грѣхъ. Въ церкви, за огненной рѣкой, убитые даютъ ему прощеніе, а отецъ и мать жены оказались въ горящей смолѣ [310].

---

83. Бѣсъ и два брата. (стр. 311—312). Аѳанасьевъ, 66 [*Правда и кривда*]. Бѣдный братъ проигрываетъ богатому въ спорѣ о томъ, сами ли они окончили дѣло или имъ Богъ помогъ. Подслушавъ затѣмъ бѣсовъ [311], спрятавшихъ деньги брата, онъ ихъ находитъ; побратски дѣлятся. [312].

---

84. Морской царь и купеческая дочь. (стр. 312—314). Аѳанасьевъ, 129 [*Перышко финиста—ясна сокола*]. Купецъ ищетъ аленькій цвѣточекъ для младшей дочери [312] и отдаетъ за него ее морскому царю [313]. Постепенно привыкая, дѣвушка становится морскою царицей [314].

---

85. Никитка и водяной дѣдъ—золотые волосы (стр. 314—316) Аѳанасьевъ, 133 [*Вѣщій сонъ*]. Младшаго сына Никитку, не разсказавшаго сна, отецъ оставляетъ въ лѣсу; находитъ королевичъ. [314]. Служа ему, Никитка, съ помощью саноговъ-скороходовъ и шапки-невидимки, отнятыхъ у чертенковъ, достаетъ золотые волосы съ водяного, безъ чего не можетъ быть свадьбы [315]. Невѣста пытается перехитрить Никитку, но неудачно. Свадьба королевича. Къ Никиткѣ приходитъ жить отецъ; сонъ исполняется [316].

---

86. Царевнины загадки и добрый духъ (стр. 316—319). Крестьянскій сынъ, заплативъ за похороны безпріютнаго человѣка, находитъ (чудеснаго) товарища, съ которымъ приходятъ въ царство къ царевнѣ, загадывающей загадки [317]. Любовникъ ея рекомендуетъ сдѣлать загадки хоть о „его перчаткѣ“, потомъ о туфлѣ [318], о головѣ, и всякій разъ, съ помощію товарища, крестьянскій сынъ рѣшаетъ. Онъ женится на царевнѣ [319].

---

87. Злая женщина и добрый духъ (стр. 319—321). Ончуковъ, 119 [*Христовъ крестникъ*]. Въ Христовъ день сынъ (вдовы) ухаживаетъ за грязнымъ старикомъ [319], потомъ идетъ вмѣстѣ и видитъ наказанныхъ—женщину, разбавлявшую молоко, дѣтей дурно воспитанныхъ, курильщиковъ и, наконецъ, свою мать [320].

---

88. Обиженный солдатъ и добрый духъ (стр. 321—322). Сыну вдовы, незаконно отданному въ солдаты, встрѣчный странникъ открываетъ въ церкви [321] примиряющую его печальную судьбу дѣтей старостина сына, за котораго онъ служилъ [322].

---

89. Судьба доброй дѣвицы (стр. 322). Пьяные парни обругали нищихъ (Бога и Христа), а дѣвица обошлась привѣтливо, ей назначаютъ въ судьбу (для испытанія) замужество за однимъ изъ парней, а потомъ—счастье [322].

---

90. Легенда о двѣнадцати братьяхъ (стр. 323). Одиннадцать братьевъ за постройку церкви взяли царство небесное, а двѣнадцатый—олото; раскаявшись, принятъ и онъ братьями [323].

---

91. Три брата (стр. 323—324). Аѳанасьевъ, 105 [*Сивка-бурка*]. Третій сынъ „благой“, поминая на могилѣ родителя, получаетъ отъ него деньги [324].

---

92. Небывальщина (стр. 324 — 326), [Аѳанасьевъ]. *Не любо — не слушай*]. Третій сынъ въ уплату за постой разсказываетъ, счастливѣе братьевъ, хозяину постоялаго двора небывальщину [325].

---

93. Дѣвица и разбойникъ (стр. 326). Разбойникъ, переодѣвшись монахиней, изнасиловалъ и ограбилъ дѣвицу; та его обварила до смерти кипяткомъ, покаялась во всемъ предъ народомъ и священникомъ и вскорѣ умерла [326].

---

94. Сестры убійцы (стр. 327), Аѳанасьевъ, 137. [*Чудесная дудка*]. Дудочка съ могилы убитой сестры изобличаетъ сестеръ-убійцъ [327].

---

95. Двоеженецъ (стр. 327—329). Женатый офицеръ, на сторонѣ женившись на дѣвицѣ [327], привозитъ ее домой въ видѣ служанки. Ребенокъ отъ нея, котораго отравляетъ „законная“ жена, и сама отравляется соперницей. Послѣдняя, закопанная съ своей жертвой въ могилу, чудесно переносится въ церковь, гдѣ вѣнчалась [328], а потомъ — живетъ съ своей матерью. Офицеръ, случайно встрѣтивъ ее живою, помѣшался [329].

---

96. Злая свекровь (стр. 329 — 330), Аѳанасьевъ, 159. [*По колѣна ноги въ золотѣ*]. Жену Ивана Царевича, родившую сына, „по локоть руки въ золотѣ“, злая свекровь въ бочкѣ спускаетъ въ море [329]. Мать съ сыномъ живутъ на островѣ. Иванъ Царевичъ ѣдетъ, по разсказамъ заморскихъ купцовъ, и узнаетъ сына [330].

---

97. Водяной и его дочь (стр. 330—332), Аѳанасьевъ, 125. [*Морской царь и Василиса Премудрая*]. „Отсуленный“ молодецъ похищаетъ рубашку дѣвицы-уточки; сталъ суженымъ. Вернулся домой; мать велитъ свататься за дьячковыхъ дочерей [331]. Сдѣлавши изъ тѣста голубковъ, невѣста напоминаетъ о себѣ молодцу, и тотъ женится [332].

---

98. Сказаніе о томъ, какъ мужикъ съ Николой путешествовали и что они видѣли. (стр. 332—334). Мужика, молившаго открыть ему будущую судьбу, ведетъ св. Николай [332]. Лѣсъ; горница, а въ ней лампадки — жизни людей. Мужикъ, завидуя, переливаетъ изъ женіной лампады въ свою [333], потомъ перетаскиваетъ угли изъ-подъ своего котла къ женіному. Св. Николай внушаетъ ему „горючими“ слезами загладить грѣхи, пока не поздно [334].

---

99. [Мальчикъ, отгадывающій сны] (стр. 337—339). Мужикъ ѣдетъ къ барину, отгадывающему сны; встрѣчный мальчикъ совѣтуетъ не отдавать ему, что видѣлъ во снѣ, — находятъ деньги [337]. Баринъ завидуетъ, хочетъ отравить мальчика, а потомъ приказываетъ вынуть сердце, но поваръ сжалился—не тронулъ [338]. Присылаетъ за бариномъ царь съ требованіемъ разгадать сонъ. Баринъ (съ помощью мальчика) разгадываетъ. Фрейлина государыни, отданная за мальчика, оказалась мужчиной—въ этомъ былъ сонъ царя [339].

---

100. Воръ Ворыга. (стр. 340 — 341). Аѳанасьевъ, 219. [*Воръ*]. Воръ украдываетъ у барина быка, затѣмъ жеребца [340] и деньги [341].

---

101. Афинистъ князь, (стр. 341—343). Аѳанасьевъ, 70. [*Купеческая дочь и служанка*]. Купеческій сынъ выдаетъ за Афиниста князя сестру, которая если заплачетъ—жемчугъ посыплется, засмѣется—золото [341]. Сестру подмѣниваютъ, а брата сажаютъ въ тюрьму. Сестра ходитъ къ брату, здѣсь ее узнаетъ князь [342], снимаетъ колдовство [343].

---

102. Людоѣдка (стр. 343—344). Дѣвка, отданная замужъ, идетъ къ маткѣ. Заяцъ, потомъ лисица, волкъ, медвѣдь не совѣтуютъ ей идти. Матка, дѣйствительно, оказалась людоѣдкой [343].

---

103. [Старая хлѣбъ-соль забывается], (стр. 344). Аѳанасьевъ, 8. Мужикъ расправляется съ лисой, которая спасла его отъ волка [344].

---

104. [Оклеветанная сестра]. (стр. 344—348). Аѳанасьевъ, 158. [*Косоручка*]. Жена клевещетъ мужу на сестру (которую тотъ любитъ), бьетъ посуду съ виномъ, сваливая на сестру, губитъ жеребца и ребенка. [345]. На безрукой царевнѣ женится царевичъ; родился сынъ „по локоть въ золотѣ“ [346]. Вслѣдствіе подмѣненнаго невѣсткой письма ее выгоняютъ; она роняетъ ребенка въ озеро, но тотъ чудесно возвращается къ ней и сама она становится здоровой. Бродя нищенкой [347], разсказываетъ офицеру сказку; царевичъ узнаетъ свою жену [348].

---

105. [Мужикъ, медвѣдь у лиса]. (стр. 348—350), Аѳанасьевъ, 7. Мужикъ и медвѣдь сѣютъ рѣпу и пшеницу [348]. Лисицу, спасшую мужика отъ медвѣдя, травятъ собаки, полученныя ею вмѣсто куръ [349].

---

106. [**Лгала и Полыгала**] (стр. 350—351). Лгала разсказываетъ о необыкновенной величины яйцѣ, Полыгала — о пѣтухѣ, склевавшемъ половину мѣсяца [350], потомъ о необыкновенной капустѣ и хоромахъ [351].

---

107. Сказка о Ершѣ (стр. 352 — 253). Аѳанасьевъ, 41. [*Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Шетинниковѣ*]. Рыбы собираются жаловаться сому на ерша, захватившаго озеро Ораско, но всѣ отказываются [352], кромѣ карася. Сомъ даетъ совѣтъ извести ерша [353].

---

108. Иванъ Пантелеичъ (стр. 353 — 359). Аѳанасьевъ, 94. [*Марья Моревна*]. Сестры Ивана Пантелеича вышли замужъ. Отправляясь за ними, Иванъ Пантелеичъ въ мѣдномъ царствѣ женится, но, освободивъ въ „заповѣдной комнатѣ“ змѣя, теряетъ жену [354]. Ласково принятый зятьями Громомъ [355], потомъ Молніей и Агей-птицей, получаетъ отъ послѣдняго перо и клубочекъ. По дорогѣ, несмотря на голодъ, не трогаетъ волка, рака, щуку и пчелъ [356], похищаетъ жену. Убитый змѣемъ оживляется Агеемъ по „смороду“ отъ зажженнаго пера [357]. Счастливо пасетъ лошадей у бабы-вѣдьмы [358], за что получаетъ жеребенка, вырастающаго въ богатырскаго коня; съ его помощью возвращаетъ жену и побѣждаетъ змѣя [359].

---

109. Агафонъ—синій балахонъ (стр. 360—361). Аѳанасьевъ, 235. [*Ѳома Беренниковъ*]. Агафонъ-синій балахонъ, убивъ 700 слѣпней, съ косой и косаремъ за поясомъ выѣзжаетъ на подвиги какъ богатырь. По надписи къ нему съѣзжаются богатыри [360], которые побѣждаютъ враждебныхъ богатырей, а самъ Агафонъ, случайный побѣдитель, наводитъ страхъ на выславшаго ихъ чужого царя [361].

---

110. Дурачекъ (стр. 361—362). Дуракъ, посланный воровать рѣпу, пугаетъ своимъ приговариваніемъ бабу, пришедшую за тѣмъ же [361]. Владѣлецъ рѣпы, услыхавъ и подозрѣвая чорта, насильно притаскиваетъ ночью священника, но тотъ, напуганный, убѣгаетъ, а дуракъ набираетъ много рѣпы [362].

---

111. Сказка (объ Иванѣ Царевичѣ) (стр. 362—363). Иванъ Царевичъ, съ помощію шапки-невидимки и драчуна-дубинки, неодолимаго змѣя [362] доводитъ до такого остервѣненія, что тотъ разрываетъ самъ себя [363].

---

112. Лисица и дроздъ. (стр. 363—364). [Аѳанасьевъ, 12] Дроздъ, желая спасти дѣтей, помогаетъ лисѣ выбраться изъ ямы, кормитъ, поитъ и смѣшитъ лисицу; [363] недовольная хвостомъ, послѣдняя гибнетъ отъ собакъ [364].

---

113. Иванушка-Дуранюшка. (стр. 365—365). [Аѳанасьевъ, 100 *Емеля дуракъ.*] По щучьему велѣнью ведра съ рѣки, дрова изъ лѣса сами идутъ къ дураку [364], дубинка расправляется съ народомъ; дуракъ женится на царской дочери [365].

---

114. [О смѣлой дѣвицѣ] (стр. 365—366). Королевскую дочь, не знавшую горя, служанки оставляютъ въ лѣсу. Встрѣчный охотникъ заставляетъ спать съ нимъ [365]; дѣвица, отрѣзавъ косу, уходитъ. Охотникъ (княжескій сынъ), притворившись больной дѣвицей, сзываетъ на прощанье всѣхъ дѣвицъ и находитъ королевскую дочь. Свадьба [366].

---

115. Московскій портной. (стр. 369). Аѳанасьевъ, 185 [*Загадки.*] Портной даетъ царю мудрые отвѣты, смысла которыхъ не могутъ разгадать бояре. Солдатъ, узнавъ объ нихъ отъ портного, кажется царю мудрымъ, хитро обираетъ посланныхъ къ нему генераловъ [369].

---

116. Бѣдный и богатый. (стр. 370). Аѳанасьевъ, 188 [*Мудрая дѣва.*] Бѣдному брату помогаетъ его дочь отвѣтить на вопросы царя и сама съ нимъ мудро ведетъ бесѣду [370].

---

117. Мотросилко. (стр. 370—371). Аѳанасьевъ, 219 [*Воръ.*] Мотросилко, бросивъ сапогъ (на дорогѣ), крадетъ быка, потомъ у судьи — перину, кушанье со стола при гостяхъ; дурачитъ набожнаго человѣка, посадивъ его въ коробъ съ сажей и бросивъ съ колокольни [371].

---

118. Какъ жена хотѣла взять верхъ надъ мужемъ. (стр. 372—373). Аѳанасьевъ 239 [*Головиха.*] Мужикъ, при содѣйствіи кума, отбиваетъ у жены охоту брать верхъ надъ мужемъ. Сначала, якобы отъ правленія, даютъ ей „большину“, потомъ кумъ-выборный требуетъ подати и бьетъ ее, спрятавшуюся отъ него въ мѣшкѣ [373].

---

119. [О лѣнивой женѣ] (стр. 373). Лѣнивая жена, собираясь на праздникъ, проситъ у сосѣдей нарядовъ; тѣ, ругая, отказываютъ. Мужъ доволенъ народнымъ приговоромъ [373].

---

120. Липунюшка. (стр. 373—376). Аѳанасьевъ, 62 [*Ивашко и вѣдьма.*] Мать приноситъ на рѣку Липунюшкѣ ѣду [373]. Егибица (медвѣдица) поддѣлывается подъ голосъ матери, обманываетъ его и съѣдаетъ [374]. Старикъ и старуха отрубили ей ногу; старуха прядетъ шерсть егибицы. По указанію пѣтушка егибица ихъ находитъ и съѣдаетъ [375].

---

121. Двѣ Марьи Царевны. (стр. 376). [Аѳанасьевъ, 117] Зайчикъ, потомъ овечки неудачно ведутъ заблудившихся въ лѣсу двухъ царевенъ, и только быкъ, спасая ихъ отъ медвѣдицы, счастливо приводитъ домой. [376].

---

122. [Въ богатствѣ правды нѣтъ] (стр. 377). Святые отцы просятъ Господа дать плотнику за милосердіе къ бѣднымъ богатство. Но сдѣлавшись богатымъ, онъ прогоняетъ и ихъ, явившихся въ видѣ нищихъ [377].

---

123. [Какъ мужикъ перехитрилъ чорта] (стр. 377—378). Мужикъ перехитрилъ чорта, кинувши чурку... за себя [378].

---

124. Откуда медвѣди пошли. (стр. 378). Злой помѣщикъ и его жена, желая навести больше страху на крестьянъ, прикинулись невиданными звѣрями. Мужики всей деревней пришли смотрѣть ихъ и, увидѣвъ, какъ они лѣзли за медомъ, назвали ихъ медвѣдями [378].

---

125. О томъ же (стр. 378—380). Аѳанасьевъ, 40 [*Жадная старуха*] Береза, прося старика не рубить ее, исполняетъ всѣ капризы старухи: даетъ богатство, дѣлаетъ старика старостой, дворяниномъ [379], даетъ чины, губернаторство, но за желаніе быть царемъ дѣлаетъ ихъ медвѣдями [380].

---

126. Объ Иванѣ, сынѣ крестьянскомъ, и Марьѣ царевнѣ. (стр. 381—391). Аѳанасьевъ, 125 [*Морской царь и Василиса Премудрая*] За Иваномъ Царевичемъ, котораго, по невѣдѣнію, „отсулилъ„

царь Шумчело, прилетаютъ птицы съ булатными крыльями [381]. Наконецъ, родители отпускаютъ. Три старухи-сестры указываютъ путь [382] и направляютъ къ дочери Шумчело, Марьѣ Царевнѣ, которая помогаетъ исполнить задачи [383]: колодецъ вырыть, построить амбаръ (и хлѣбъ уже убранъ) [384], церковь; помогаетъ выбрать невѣсту [385]. Свадьба, бѣгство [386], погоня; посланные встрѣчаютъ голубковъ, другой разъ пономаря и просвирню [387]. Самъ Шумчело гонится; кладутъ другъ на друга заклятье [388], потомъ снимаютъ и разъѣзжаются. Молодые ѣдутъ къ Шумчело; Иванъ Царевичъ не исполняетъ завѣта, цѣлуетъ „сѣдуна“ и позабываетъ Марью Царевну [389]. Ивана Царевича женятъ, Марья Царевна прилетаетъ голубкомъ и напоминаетъ о себѣ [390].

---

127. [Дѣвица и разбойники. (стр. 391—393). Аѳанасьевъ, 200] Дѣвица отсѣкла руки парню, пришедшему ночью съ мужиками ее ограбить. Разбойники сватаютъ дѣвицу (одинъ въ перчаткѣ) [391]; увозятъ. Узнавъ, что ее хотятъ погубить, дѣвица убѣгаетъ, прячется на ели. Разбойники ее тамъ пиками искололи, во второй разъ, когда ее старикъ спряталъ въ сѣнѣ; дѣвица стерпѣла [392], вернулась домой. [393].

---

128. [О нечистой силѣ] (стр. 393). Парни и дѣвки, „слушая о Рождествѣ“ въ пустомъ домѣ, счастливо отгадываютъ загадки бѣса и едва отъ него спасаются. [393].

---

129. Мужикъ и запойщикъ. (стр. 393—396). Ончуковъ, 82 [*Поповна и монахи.*] Мужу сплетничали на жену [393]. Вернувшись неожиданно изъ города, онъ находитъ спрятанныхъ любовниковъ, убиваетъ ихъ; пьяница уноситъ ихъ и бросаетъ въ прорубь, заявляя сторожевымъ солдатамъ: „чортъ монаха несетъ“ [394]. Пошли толки, розыски. Пьяница грозитъ выдать и все требуетъ денегъ [395]. Мужика, притворившагося мертвымъ, снесли въ церковь, а тотъ тамъ пугаетъ разбойниковъ, вымазавъ лицо (фосфорными) спичками, и возвращается съ деньгами [396].

---

130. [Мачеха и пасынокъ.] (стр. 396—402). Аѳанасьевъ, 128 [*Царь-Дѣвица.*] Богъ велитъ Ивану Царевичу, жаловавшемуся на мачеху, что та его не женитъ, посѣять пшеницы, поймать куницу, заколдованную дѣвицу, и женится на ней. Такъ и дѣлаетъ Иванъ Царевичъ, дѣвица отпрашивается за имѣніемъ [396]. Иванъ Царевичъ сторожитъ, но егибабинъ сынъ булавкой его усыпляетъ [397]. Невѣста исчезаетъ. Иванъ Царевичъ ищетъ [398], находитъ въ избушкѣ третьей старухи; жалуясь на Ивана Царевича [399], та разсказываетъ, какъ приворожить ея сердце. Оно въ яйцѣ утки. Попски; не трогаетъ волка, коршуна, щуки. Съ ихъ помощію [400], достаетъ сердце, снова соединяются [401], пріѣзжаютъ домой съ богатствомъ [402].

---

131. [По колѣна ноги въ золотѣ. (стр. 402—405). Аѳанасьевъ, 159 [*По колѣна ноги въ золотѣ.*] Бабушка Еги-баба подмѣниваетъ новорожденныхъ царевичей поросенкомъ, щененкомъ [402], лягушенкомъ; ихъ въ бочкѣ съ царицею пускаютъ въ море. Черезъ три года выходятъ [403] и въ богатомъ домѣ находятъ мальчиковъ - братьевъ. По колобкамъ, замѣшаннымъ на молокѣ матери, дѣти узнаютъ мать. [404]. Всѣ возвращаются домой [405].

---

132. Маерша. (стр. 405—407). Ончуковъ, 82 [*Поповна и монахи*] Къ маершѣ приходятъ татаринъ [405], потомъ дьяконъ, попъ. Возвращается мужъ.—Татаринъ убѣгаетъ. дьякона застрѣливаютъ въ коробѣ, а попа дурачатъ предъ попадьей [407].

---

133. [Какъ крѣпостной живописецъ рисовалъ барину чорта] (стр. 407—408). Крѣпостной живописецъ молитъ Бога, научить его исполнить приказъ жестокаго барина — нарисовать ему чорта. Наставленный свыше — рисуетъ въ банѣ [407]. Не смотря, какъ приказано, отдаетъ портретъ барину, котораго потомъ нашли мертвымъ. [408].

---

134. Какъ царь Соломонъ изъ ада вышелъ. (стр. 408). Царь Соломонъ, благодаря мудрости, самъ выходитъ изъ ада [408].

---

135. Лѣшій въ благодарность за услугу служитъ мужику. (стр. 409—411). Крестьянинъ вынулъ изъ петли чорта; тотъ идетъ служить за него въ солдаты, а его посылаетъ къ своему отцу [409]. Кузьма живетъ у чорта; вернувшійся лѣшій сообщаетъ о выходѣ за мужъ жены мужика. Чортъ несетъ Кузьму домой [410]. По перстню жена узнаетъ мужа [411].

---

136. Теремъ мухи. (стр. 411). Аѳанасьевъ, 43. Въ рукавицѣ живутъ муха, комаръ, мышка, зайчикъ, волкъ; медвѣдь—всѣмъ гнѣтышъ [411].

---

137. [Не любо—не слушай]. (стр. 411—412) Аѳанасьевъ, 231. Отрывокъ изъ сказки.

---

138. [Лисица и дроздъ]. (стр. 412—413). Аѳанасьевъ, 12. Воробышекъ отдалъ лисѣ всѣхъ дѣтей [412], накормилъ, напоилъ, насмѣшилъ лису, а потомъ натравилъ собакъ [413].

---

139. [Семь Агафоновъ безтолковыхъ] (стр. 414—415). Аѳанасьевъ, 227 [*Лутоня.*] Семь Агафоновъ боятся спать—ногами смѣшаются [413]; потомъ своей Вятки не узнали; спускались съ дерева, защемивъ въ щель голову одного Агафона, а его жена не знала, была ли у него голова [414].

---

140. [Коза]. (стр. 414—416) Аѳанасьевъ, 27. Козелъ посылаетъ на козу волка, на волка людей, затѣмъ медвѣдя, ножикъ „точи", огонь [414], воду, быковъ, гору, червей. Черви пошли гору точить и т. д. [415].

---

141. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ. (стр. 416—418). Аѳанасьевъ 147, 58. Иванъ-царевичъ, по указанію старухи, достаетъ богатырскаго коня и оружіе [416]. Побѣдивъ силу несмѣтную, Иванъ-Царевичъ сватаетъ Марью-Царевну, а Еги-боба, обративъ ее „сѣрой птицей", заставляетъ Ивана-Царевича женится на ея дочери; Иванъ-Царевичъ тоскуетъ [417]. По совѣту старика стрѣляетъ въ стадо сѣрыхъ утицъ; раненая оказалась Марьей Царевной. Ее дочь Еги-бобы заставляетъ ходить за коровушками (медвѣдями), за овечками (волками); въ рыбѣ находитъ перстень, и все открывается [418].

---

142. Сказка о Марьѣ прекрасной. (стр. 418—419.) Аѳанасьевъ 207. [*Иванъ, купеческій сынъ, отчитываетъ царевну*]. Иванъ, крестьянскій сынъ, при помощи старика, изгоняетъ изъ Марьи Прекрасной нечистую силу [419].

---

143. Сказка объ Иванушкѣ и Оленушкѣ. (стр. 419—420.) Аѳанасьевъ, 62. [*Ивашка и вѣдьма*]. По горошинѣ Иванушка и Оленушка лѣзутъ на небо и тамъ мелютъ горошекъ на меленкѣ Еги-бабы [419]. Она хочетъ ихъ изжарить, но вмѣсто того ея дочерей и ее самое Иванушка и Оленушка запихиваютъ въ печь.

---

144. Сказка объ Иванушкѣ дурачкѣ. (стр. 420—421). Аѳанасьевъ 105. [*Сивка-бурка*]. Дуракъ „караулитъ" на могилѣ отца [420], за что получаетъ коней... [421].

---

145. [Ѳома и Ерема]. (стр. 421—423). Аѳанасьевъ, 229. Два „братенника" Ѳома да Ерема собираются домъ заводить, пашню пахать, рожь засѣвать [421], потомъ солодъ продавать, на охоту ходить, затѣмъ „богомольничать" и „рыболовничать" —все у нихъ выходитъ плохо [422].

---

146. [О чудесной уткѣ]. (стр. 423.) Старикъ привезъ изъ лѣса золотое яичко, а потомъ и уточку, старуха ее заколола, за что была „наказана“ царемъ [423].

---

147. Споръ мороза съ морозомъ. (стр. 424.) Морозъ не могъ заморозить бурлака [424].

---

148. Сказка о Маркѣ богатомъ. (стр. 424—426.) Аѳанасьевъ, 173 [*Марко Богатый и Василій Безчастный*]. Господь въ нищенскомъ платьѣ не принятъ Маркомъ Богатымъ; онъ обрекаетъ его богатство вдовину сыну [424]. Желая погубить его, Марко пускаетъ его въ бочкѣ въ море; найдя въ монастырѣ, онъ посылаетъ молодца къ женѣ съ намѣреніемъ погубить, но вмѣсто того его женятъ [425], а потомъ самъ Марко гибнетъ въ котлѣ [426].

---

149. [Золотая рыбка]. (стр. 429—430). Аѳанасьевъ 40. Птичка, по требованію старухи, поправляетъ избу, даетъ богатство [429], чины, дѣлаетъ старика царемъ; на требованіе старухи сдѣлать ихъ Христомъ и Богородицей птичка обращаетъ одного—быкомъ, другую—свиньей [430].

---

150. [Котъ Котовичъ, Волъ Воловичъ и Иванъ Царевичъ]. (стр. 431—434.) Аѳанасьевъ, 77. [*Иванъ Быковичъ*]. Отъ чудесной рыбки [430] родятся богатыри Котъ—Котовичъ, Иванъ Царевичъ и Волъ Воловичъ. У Крашенаго моста, на сторожкѣ за Ивана Царевича, Волъ Воловичъ побѣждаетъ змѣя [431] и въ шкурѣ Котища появляется и сообщаетъ самой Ягѣ Ягинишнѣ; также и во второй разъ [432] и въ третій. Наконецъ, сама Яга вызываетъ сражаться; Волъ Воловичъ побѣждаетъ [433], подъ видомъ постели, яблони, колодца губитъ дочерей Яги; возвращаются домой [434].

---

151. [Баба-яга]. (стр. 434—435). Аѳанасьевъ, 59. [*Василиса Прекрасная*]. Дѣвушка идетъ къ крестной Ягѣ-Ягинишнѣ, оказавшейся людоѣдкой [435].

---

152. [Мужикъ, медвѣдь и лиса]. (стр. 435—436). Аѳанасьевъ, 7. Старикъ, при помощи лисы, убиваетъ медвѣдя [435], а собаки, вытащивъ за хвостъ лису изъ норы, приносятъ ее на воротникъ къ шубѣ [436].

---

153. [Не любо — не слушай]. Аѳанасьевъ, 231. Отрывокъ изъ сказки [437].

---

154. [Варіантъ]. Тоже. [437].

---

155. О Священникѣ. (стр. 437—441) Ончуковъ, 41. [*Николай Чудотворецъ*]. Бѣдный священникъ молитъ Миколу о счастьѣ [437]; встрѣчаетъ двухъ „ворожецовъ“ (Христа и Миколу), они вылѣчиваютъ дочь барина, разрѣзавъ ее на части и вымывъ [438]. Раньше попъ у Христа просвирку съѣлъ и не сознался, а теперь набралъ денегъ больше, вопреки уговору, и едва не утонулъ. Дѣлятъ деньги [439], щедро одѣляя попа. Попъ неудачно лѣчитъ самъ [440], и опять его едва спасаютъ „знахари“ [441].

155а Лошадиная голова. (стр. 445). Аѳанасьевъ, 55. [*Лошадиная голова*]. Лошадиная голова дѣлаетъ свезенную въ лѣсъ падчерицу царицей, а мачехину дочь—цыганкой [445].

---

156. Баринъ и кучеръ. (стр. 441 — 442.) Баринъ и кучеръ заночевали въ дорогѣ; кучеръ ѣстъ колачъ, обернувъ сѣномъ [441], а барину предлагаетъ сѣно. Накормленный потомъ киселемъ, баринъ велитъ кучеру твердить это слово; также заставляетъ твердить „тюкъ-тюрюрюкъ“ [442].

156а. Воры-разбойники. (стр. 445 — 446). Аѳанасьевъ, 199. [*Разбойники*]. Дѣвка расправилась съ разбойниками, ее сватаютъ, увозятъ, хотятъ сварить въ котлѣ. Дѣвка убѣгаетъ прячется на деревѣ, и „разстрѣляная“ счастливо возвращается домой. Разбойниковъ переловили [446].

---

157. Три сестры. (стр. 447). Аѳанасьевъ, 159. [*По колѣно ноги въ золотѣ*]. Три сестры: повариха, служанка и царица. Рожденныя царицей дѣти подмѣнены, а царица посажена въ каменный столбъ. Во время одного пира выпущенная царица узнаетъ пришедшихъ на пиръ своихъ дѣтей [447].

---

158. Пѣтушокъ. (стр. 447—448). Аѳанасьевъ, 110. [*Пѣтухъ и жорновки*]. Пѣтушокъ возвращаетъ украденные бариномъ жорновки [448].

---

159. Желѣзный воръ. (стр. 448—449). Аѳанасьевъ, 67. [*Королевичъ и его дядька*]. Вора, кравшаго золотыя яблоки, посадили въ каменный столбъ [448]. Царевичъ выпустилъ; его выгнали съ дядькой, который заставляетъ помѣняться ролями, желѣзный воръ его права возстановляетъ [449].

---

160. Три солдата. (стр. 450—451). Аѳанасьевъ, 80. [*Зорька, Вечорка и Полуночка*]. Три солдата идутъ на поиски похищенныхъ царскихъ дочерей. Избушка; Мужичекъ съ ноготокъ. Мужичка, разсѣченнаго третьимъ солдатомъ, увозятъ [450], а за нимъ на ремняхъ спускаются солдаты, освобождаютъ похищенныхъ царевенъ; двое солдатъ гибнутъ, а храбрый съ царевнами возвращаются [451].

---

161. Старикъ и старуха. (стр. 451 — 452). Аѳанасьевъ, 240. [*Мужъ да жена.*] Старуха выпроводивъ старика, приглашаетъ попа и гуляетъ; знакомый мужикъ, завернувъ старика въ солому, приноситъ домой; тотъ расправляется съ женой [452].

---

162. Домокъ. (стр. 453—454). Аѳанасьевъ, 43. [*Теремъ мухи*]. Въ корчажкѣ живутъ муха, комаръ, заяцъ, лиса [453], волкъ; медвѣдь всѣхъ давитъ [654].

---

163. Медвѣдь и лиса. (стр. 454—455). Аѳанасьевъ, 2. [*Лиса-повитуха*]. Лиса-повитуха съѣла весь медъ у медвѣдя [455].

---

164. На судѣ. (стр. 455 — 456). Аѳанасьевъ, 184. [*Шемякинъ судъ*]. Мужикъ продаетъ тремъ покупателямъ быка; идутъ въ судъ [455]. Мужикъ, наученный чиновникомъ, отдѣлывается выраженіями: „ну такъ что?“ „Вотъ еще!“ [456].

---

165. Прибаутка. (стр. 459—460). Аѳанасьевъ, 221. [*Солдатская загадка*]. Старикъ дурачитъ бабу, загадавшую ему загадку о журавлѣ и горошинѣ [459].

---

166. Сказка о жорновкахъ. (стр. 460—461). Аѳанасьевъ, 110. [*Пѣтухъ и жорновки*] На горошинѣ выросли „чудные жорновка“; баринъ укралъ ихъ [460]. Пѣтушокъ (съ помощью волка и медвѣдя) возвращаетъ [461].

---

167. Глиняный Иванушка. (стр. 462 — 463). Ончуковъ, 102. [*Глиняный паренекъ*]. Глиняный Иванушка съѣдаетъ клубочекъ, веретенце, Катьку, мужиковъ, бабъ; лишь козелъ разбиваетъ его рогами и всѣхъ освобождаетъ [462].

---

168. Вотъ клубокъ. (стр. 463). Мужика, притворившагося мертвымъ, лѣнивая жена обматываетъ нитками; мужъ ее „учитъ“ [463].

---

169. [Царевна, разгадывающая загадки]. (стр. 464 — 466). Аѳанасьевъ, 132. Отставной капитанъ, убивъ змѣю плетью, выгналъ изъ овса быка [464], загадываетъ царевнѣ загадки, которыя она не въ состояніи рѣшить [465], потомъ онъ смѣшитъ ее [466].

---

170. [Волкъ дурень]. (стр. 466—467). Аѳанасьевъ, 24. Голодному волку „Егорей“ даетъ жеребенка, но тотъ бьетъ его по зубамъ, потомъ портного [466], но тотъ „вывертываетъ“ всѣ кишки изъ волка [467].

---

171. [Волкъ]. (стр. 467—468). Аѳанасьевъ, 21. Волкъ съѣдаетъ у старика семь овечекъ [467], жеребенка, мальчика, дѣвушку; но старуху старикъ не отдалъ, волкъ пересталъ ходить [468].

---

172. [Мальчикъ съ пальчикъ]. (стр. 469—472). Аѳанасьевъ, 60. [*Баба-яга и заморышекъ*]. Изъ отрубленнаго пальца сталъ мальчикъ съ пальчикъ [468]. Свезенныхъ въ голодный годъ въ лѣсъ дѣтей онъ одинъ разъ выводитъ [469], другой разъ спасаетъ отъ людоѣда, надѣвъ шапочки, снятыя съ его дѣтей [470]. Набравъ золота, въ сапогахъ-скороходахъ дѣти возвращаются домой [471].

---

173. Лиса и волкъ. (стр. 475). Аѳанасьевъ, 1. Лиса учитъ волка хвостомъ ловить рыбу; волка убили [475].

---

174. [Коза]. (стр. 475—477). Аѳанасьевъ, 27. Козелъ посылаетъ на козу волковъ, на волковъ—людей, затѣмъ медвѣдей [475], огонь, воду, быковъ, тростникъ, топоръ, камень, червей, гусей, дѣвокъ, парней; парни пошли дѣвокъ гнать [476]... вотъ коза съ орѣхами [477].

---

175. Сказаніе о сынкѣ Иванушкѣ. (стр. 477—478). Аѳанасьевъ 227. *[Лутонюшка].* Иванушка, недовольный житьемъ дома, въ чужихъ краяхъ видитъ, какъ быка на крышу тянутъ, бревно растягиваютъ [477], время мѣряютъ; вернулся домой.

---

176. [О калиновой дудкѣ]. (стр. 478 — 480). Аѳанасьевъ, 137. [*Чудесная дудка*]. На могилѣ убитаго брата выростаетъ „дягилекъ“ [478]; сдѣланная изъ него дудка обличаетъ убійцъ [479].

---

177. [Чудесная птица]. (стр 483 — 488). Аѳанасьевъ, 115. [*Чудесная курица*]. Въ отсутствіе мужа жена купца изжарила чудесную птицу [483], дѣти съѣли ее; повару приказано зарѣзать дѣтей, но онъ выпускаетъ ихъ [484]. Старшій сдѣлался царемъ, а младшій, отнявъ у разбойниковъ чудесный кошелекъ, боченокъ, коверъ, у принцесы — въ кучерахъ [485]. Онъ увозитъ принцесу, но та отбираетъ всѣ диковинки. Съ помощью чудесныхъ ягодъ [486], онъ дѣлаетъ ее старухой, а потомъ кобылицей. Осужденный на смерть, встрѣчается съ братомъ; женится на царь-дѣвицѣ [488].

---

178. [Хитрая жена]. (стр. 488—493). Аѳанасьевъ, 130. [*Елена Прекрасная*]. Сынъ бѣднаго крестьянина сватается — вездѣ отказъ [438]. По совѣту пустынника на озерѣ онъ похищаетъ платье дѣвицы-голубицы [480]; пустынникъ ихъ вѣнчаетъ. Надѣвъ вѣнчальное платье, дѣвица улетаетъ. Мужъ ищетъ [490], оказываетъ услуги льву, орлу, киту. По указанію кита находитъ [491], а съ помощью льва и орла прячется, но неудачно; горничная скрываетъ его подъ кроватью жены [492], царь-дѣвица признаетъ его мужемъ [493].

---

179. Какъ царская дочь захотѣла нужду узнать. (стр. 497—499). Царская дочь ищетъ и все не находитъ нужду. Живетъ въ чужомъ дворцѣ [497], читаетъ книгу надъ заколдованнымъ царевичемъ (въ надеждѣ оживить). Наученная ею читать дѣвочка-морячка оживляетъ, царевичъ на ней женится, и тогда царевна узнаетъ нужду [498], потомъ все открывается: морячку разстрѣляли, а на той царскій сынъ женился [499].

---

180. [Мужъ, обращенный собакой]. (стр. 503 — 504). Аѳанасьевъ, 141. [*Диво*]. Сынъ вдовы женился на дочери вѣдьмы; она стала „оборачиваться“, мужъ—учить [503]. Жена и теща обернула его собакой, долго онъ служилъ собакой у мельника, у купца, пока другая колдунья снова не сдѣлала его человѣкомъ; жену свою онъ обратилъ кобылицей [504].

---

181. Объ Иванѣ царевичѣ и водовозѣ Александрѣ Александровичѣ (стр. 507—511). Аѳанасьевъ, 67. [*Королевичъ и его дядька*]. Царя Невидима, заключеннаго въ острогъ, выпускаетъ Иванъ-царевичъ [507]. Отправленный съ водовозомъ, у колодца, гдѣ онъ узнаетъ о царевнѣ [508], отказывается отъ своего царскаго имени, становится слугою, а потомъ кучеромъ, но „княгиня“ (царевна) видитъ въ немъ царскаго сына и посылаетъ противъ враговъ [509]. На конѣ-невидимкѣ три раза Иванъ-царевичъ побѣждаетъ богатырей, но никто и не подозрѣваетъ, что это онъ [510]. На третій разъ самъ Невидимъ ему помогаетъ. Царевна находитъ его окровавленнаго. Правда открывается [511].

---

182. Богатый купецъ. (стр. 511 — 515). Аѳанасьевъ, 158. [*Косоручка*]. Купеческій сынъ женился, жена не взлюбила золовку: зарѣзавъ собаку, жеребца, мальчика, клевещетъ на нее. Ей отрѣзали руки и выгнали. Дѣвица въ запретномъ саду [512]; выходитъ замужъ. По письму, подмѣненному коварной невѣсткой, ее выгоняютъ съ ребенкомъ [513]. Живетъ въ родномъ городѣ. Братъ хочетъ сказку послушать, приглашенная сестра разсказываетъ всю свою исторію [515].

---

183. Иванъ, кобылинъ сынъ, (стр. 515—516). Аѳанасьевъ, 77. [*Иванъ Быковичъ*]. Отъ чудесной рыбки родились три богатыря [515], „ѣдутъ себѣ имѣніе розыскивать“. У моста ночью Иванъ кобылинъ сынъ побиваетъ змѣя о трехъ головахъ [516], о шести, о двѣнадцати, братья не помогаютъ; на третью едва разбудилъ. Затѣмъ Иванъ подслушиваетъ разговоры трехъ змѣевыхъ дочекъ [517], спасается въ кузницѣ и убиваетъ змѣю. Отправляясь сватать для кузнеца „княгиню“, кормитъ волка, муху, старика; тѣ ему помогаютъ въ поискахъ невѣсты [518]. Иванъ проходитъ черезъ яму съ углями, а кузнецъ въ ней гибнетъ [519].

---

184. Про сиротскихъ дѣтей. (стр. 519—523). Принесъ старикъ изъ лѣсу яичекъ; изъ нихъ вывелись дѣти, десятый—Искорка-паробокъ [519]. Онъ достаетъ для царя жеребенка [520], чудеснаго зайца [521], скатерть, Елену Прекрасную [522], наконецъ живой воды, которою его оживляютъ, когда царь снялъ съ него голову [523].

---

185. О бѣдномъ мужикѣ. (стр. 523 — 526). Аѳанасьевъ, 7. [*Мужикъ, медвѣдь и лиса*]. 2. [*Лисичка сестричка и волкъ*]. Мужикъ и медвѣдь сѣютъ рѣпу и пшеницу. Лиса спасаетъ мужика отъ медвѣдя [524]. Обманутая—лиса таскаетъ сельди у мужика, а волка учитъ хвостомъ въ проруби ловить рыбу [525]; „битый небитаго везетъ“ [526].

---

186. Про купецкаго сына. (стр. 526—528). Аѳанасьевъ, 173. Беременная женщина слышитъ крикъ своего ребенка: „я на маткѣ женюсь, отца убью“; родившагося Андрея Критскаго спустили въ рѣку [526]. Выросшенный въ монастырѣ, онъ живетъ у купца, убиваетъ его и женится на его женѣ [527], оказалось—на матери. Присудили посадить въ колодезь, пока Богъ проститъ. Богъ простилъ [528].

---

187. Сколько я горя перелѣзъ. (стр. 528 — 531). Аѳанасьевъ, 184. [*Шемякинъ судъ*]. Мужикъ, отправившись въ извозъ [528], погнался за бѣлкой, полѣзъ на дерево и провалился въ дупло. Освобожденный другимъ мужикомъ, пріѣхавшимъ за дровами, ночуетъ у попа [529]. Посланный за бабкой, нечаянно скатываетъ ее въ рѣку, потомъ убиваетъ младенца, а у лошади командира вырываетъ хвостъ [530]. Далѣе рѣшеніе суда наподобіе суда Шемяки [531].

---

188. Солдатъ и смерть. (стр. 532 — 534). Аѳанасьевъ, 16. „*Русскія народныя легенды*“. Солдатъ не допускаетъ Смерть до Бога, направляя ее глодать лѣсъ вмѣсто того, чтобы людей морить [532]. Въ наказаніе носитъ Смерть на плечахъ, потомъ запираетъ ее въ табакеркѣ, но все-же въ концѣ становится ея жертвой [533]. Отказавшись отъ рая, солдатъ въ аду ведетъ себя такъ, что отъ него насилу избавляются [534].

---

189. О богачѣ Маркѣ. (стр. 534 — 536). Аѳанасьевъ, 173. [*Марко Богатый и Василій Безсчастный*]. У богача Марка ночуетъ старичекъ [534], предрекающій богатство Марка бѣдному мальчику. Маркъ пытается его извести [535]. Спасенный—мальчикъ въ приказчикахъ у Марка. Маркъ хочетъ его сварить въ котлѣ, но самъ гибнетъ [536].

---

190. Дѣдъ и внукъ. (стр. 536—538). Аѳанасьевъ, 230. [*Хорошо, да худо*]. Дѣдъ и внукъ посѣяли горохъ—рѣдокъ, да стручистъ; повадились свиньи—есть скоромина; повадились коты—котъ въ сторожахъ [537], котъ рожь подмочилъ—есть солодъ, пиво; сдѣлали балъ и т. д. [538].

---

191. Про в'умнаго Ивана. (стр. 538—541). Аѳанасьевъ, 227. [*Лутонюшка*]. Иванъ, недовольный домашними, въ чужихъ людяхъ видитъ, какъ сапоги надѣть не умѣютъ, солнце въ избу загоняютъ [539], быка на крышу тянутъ, жать не умѣютъ [340], серпъ топятъ; вернулся домой [541].

---

192. О царскомъ сынѣ. (стр. 541 — 545). Аѳанасьевъ, 188. [*Мудрая дѣва*]. Царь задаетъ сынку загадку; царевичъ находитъ мудрую дѣвицу [541], которая ему помогаетъ [542]. Царевичъ женится и еще не разъ убѣждается въ ея мудрости [543].

---

193. Дѣвичій вечеръ. (стр. 543—544). Дѣвушка-сиротка, на святкахъ, въ овинѣ ночью, затягивая разсказъ, избавляется отъ нечистаго [543], и еще приноситъ наряды, а мачехина дочь гибнетъ [544].

---

194. О попѣ. (стр. 544—546). Кучеръ и баринъ на постояломъ дворѣ производятъ переполохъ, когда къ „постояльчихѣ“ приходитъ любовникъ [545].

---

195. Какъ у'сваты ѣздятъ. (стр. 546—548). [*Лгала и Полыгала*]. Три вора такъ обкрадываютъ барина, что онъ самъ опредѣляетъ, кому изъ нихъ отдать шубу [546]. Они сватаютъ ему невѣсту, разсказывая о его необыкновенномъ богатствѣ [548].

---

196. Какъ солдатъ вѣдьму мѣдной пуговицей убилъ. (стр 548—550). Царь Петръ долго не могъ взять Риги изъ-за Королевы-вѣдьмы [548]. Помогъ солдатъ, убивши ее мѣдной пуговицей. Она не разъ за крестомъ къ нему ходила [549]; съ тѣхъ поръ у часовыхъ въ Ригѣ запасные кресты. Народный разсказъ о достопримѣчательностяхъ Риги [549-550].

---

197. Про вѣдьму (стр. 550—553). [Зеленинъ „*Вятскія сказки*“]. № 15. Вѣдьма ѣду отнимаетъ у солдата [550]; ночью пугаетъ; намазавшись „изъ пузырька“, улетаетъ въ трубу [551]. Тоже было съ солдатомъ; лишь, подъ условіемъ тайны, вѣдьма сняла съ него заклятье [552]. Вѣдьма переноситъ тосковавшаго по роднымъ солдата домой [553].

---

198. О дѣдахъ и бабкахъ. (стр. 554 — 555). Даже самъ попъ сталъ почитать бабку Акулину (колдунью), когда она избавила его отъ крысъ [554]. Другой разъ „дѣдъ“ указалъ, кто испортилъ мальчика [555].

---

199. Солдатъ Сироткинъ. (стр. 556—558). Аѳанасьевъ, 187. [*Мудрые отвѣты*]. Любимецъ царя Петра, солдатъ Сироткинъ, загадываетъ царю загадки [556], а Петръ ихъ—сенаторамъ; тѣ рѣшаютъ, при

помощи Сироткина, который обираетъ ихъ [557]. Желая ему отомстить, сенаторы такъ подстраиваютъ, что Сироткинъ долженъ ударить царя, но тотъ хитро вывертывается [558].

---

200. Какъ одинъ богачъ хотѣу своего сына женить. (стр. 558—561). Женихъ, которому дали наставленіе быть смѣлѣе и проворнѣе [558], неудачно сватается: самъ поѣдаетъ все угощеніе, колетъ ножемъ орѣхи, поддерживая вилкой [559], кисель горстями беретъ [560].

---

201. Лгунъ и Полыгала (стр. 561 — 563). Лгунъ и мальчикъ Полыгала собираются „міръ лганьемъ околпачивать“ [561]. Они разсказываютъ про дома [562], про капусту, про горохъ [563].

---

202. Бабка Мауруха (стр. 564—565). Дѣти гонятъ мать въ церковь, говѣть. Принявши мельницу за церковь, она молится [564]. Мельникъ издѣвается надъ ней, вымазывая ее дегтемъ (вмѣсто причастія).

---

203. Перегонъ солдатскій (стр. 565—569). Аѳанасьевъ, 249. www „*Народные анекдоты*“. Хозяйка, на постоѣ солдатамъ, задаетъ загадки [565] объ огнѣ, водѣ, о кошкѣ; солдатъ не угадываетъ — хозяйка пошла за розгами [566]. Тѣмъ временемъ солдатъ зажигаетъ домъ и издѣвается надъ загадками бабы [567].

---

204. Лакей и баринъ (стр. 567—569). Солдаты посылаютъ товарища, любимаго лакея барина, по подложному письму получить съ послѣдняго деньги [567]. При помощи попугая, котораго лакей зналъ, онъ получаетъ деньги. Попугай обѣщаетъ барину узнать солдата [568]. Командиръ выстраиваетъ для барина солдатъ, но попугай не можетъ узнать виновнаго [569].

---

205. Какъ хохоу задумау продать вола и корзину коршункоу (стр. 569—570). (Аѳанасьевъ, 249ііі „*Народные анекдоты*“). Хохолъ предупреждаетъ жену дальше прятать деньги за проданыхъ куръ; на базарѣ мужикъ, заговоривъ бабу, крадетъ куръ [569], а у мужа вырѣзываетъ карманъ, гдѣ были деньги за проданнаго вола. И онъ, оказывается, плохо спряталъ [570].

---

206. Мужикъ и цыганъ (стр. 571—572). (Аѳанасьевъ, 248 m „*Разсказы объ инородцахъ*“). Мужикъ и цыганъ идутъ вмѣстѣ въ городъ. цыганъ хочетъ поживиться припасами мужика [571]; условливаются: тому поросенка, кто увидитъ лучше сонъ. Мужикъ дурачитъ цыгана [572].

---

207. Алхирей (стр. 572—573). Бѣдный и богатый попъ судятся у архіерея [572]. Богатый не умѣетъ отвѣтить на вопросъ архіерея, бѣдный отвѣчаетъ дерзко и грубо; въ его пользу и рѣшаетъ дѣло архіерей [573].

---

208. Какъ наша Хруза думаетъ молитву у'зять (стр. 573 — 574). Молодуха Хруза не различаетъ обѣдни и утрени [573], вѣритъ дьячку, что всѣ молитвы въ церкви разобраны, находитъ въ церкви лишь „брыканцы“ да „ножное трясеніе“ [574].

---

209. Почему Московскіе жулики (стр. 574—576). Московскій и Варшавскій купецъ ѣдутъ по желѣзной дорогѣ [574], въ отдѣльномъ купе. Варшавскій нѣсколько разъ ночью пытается украсть часы у Московскаго, но тотъ оказывается хитрѣе и смѣется надъ нимъ [575], а потомъ среди дня самъ выкрадываетъ часы у Варшавскаго [576].

---

210. Попоу работникъ (стр. 576—577). Поповъ работникъ, однажды „хорошо позавтракавши“, „шабашъ чужого добра по много ѣсть“ [577].

---

211. Солдатъ и смерть (стр. 577—582). (Аѳанасьевъ, „*Русскія народныя легенды* № 16). Солдатъ въ раю, за требованіе вина [577] и табаку, выгнанъ изъ рая. Стоя на часахъ у рая, направляетъ смерть лѣсъ глодать [578], въ наказаніе носитъ смерть на плечахъ, потомъ запираетъ ее въ табакерку [579]. Когда смерть предлагаетъ ему лечь въ гробъ, онъ самъ ее, запертую въ гробу, спускаетъ въ озеро, пока Богъ не велитъ ѣе выпустить [580]. Обиженный солдатомъ св. Илья хочетъ истребить его посѣвъ, но солдату помогаетъ св. Николай, такъ что несчастья ему только приносятъ выгоду [581]. Наконецъ, св. Николай учитъ, какъ поставить свѣчу св. Ильѣ; солдатъ получаетъ прощеніе [582].

---

212. Водка и горохъ (стр. 583—584). Обѣднѣвшаго отъ пьянства мужика вразумилъ гость разсказомъ о водкѣ и горохѣ [583]. Мужикъ оправился, сталъ жить хорошо [584].

---

213. Про Яурея, какъ іонъ ночевау у мужика (стр. 584—587). Еврей, на пути въ городъ зайдя къ крестьянину, вынужденъ голодать, такъ какъ его угощаютъ кушаньями изъ свинины [585]. Еврей въ домѣ, гдѣ были богатыя поминки [586]. Какъ смѣялись надъ евреемъ, что онъ „боится мужицкаго духу“ [587].

---

214. Грязнаука (стр. 587—590). Купеческая дочь идетъ испытать, что такое горе на свѣтѣ [587]. Читаетъ псалтырь надъ заклятымъ царевичемъ. Выкупленная ею грязнаука оживляетъ и становится женою [588], а прислугѣ — купеческой дочери дарятъ три куколки [589]; имъ она разсказываетъ про свое горе. Царевичъ подслушиваетъ и все узнаетъ [590].

---

215. Сказка про священническаго сына (стр. 591—597). Сына священника, пьяницу и картежника, къ радости отца, взяли въ солдаты. Сынъ вскорѣ проситъ, чтобы ему прислали на первый чинъ, потомъ на федфебеля, на прапорщика, на полковника [591], наконецъ на генерала. Получивъ такъ до тысячи — всѣ проигрываетъ. За обманъ его прогоняютъ изъ полка [592]. По дорогѣ на постояломъ дворѣ обыгрываетъ генерала [593] и на его тройкѣ пріѣзжаетъ къ отставному генералу, гдѣ женится на его дочкѣ. Отправляясь къ отцу, на постояломъ дворѣ все проигрываетъ и домой возвращается „нищимъ“ [594]. Жена, отыгравъ проигранное, ищетъ мужа [595], и тотъ снова за генерала. Ѣдетъ на войну [596], а своего адреса не оставляетъ. Жена ищетъ, находитъ среди рядовыхъ [597].

---

216. Жидъ, покупающій иконы (стр. 601 — 602). Жидъ покупаетъ иконы св. Георгія, Николая и Божьей Матери [601]. Убѣдившись въ ихъ помощи, жидъ крестится [602].

---

217. Лихо одноглазое (стр. 602 — 604). (Аѳанасьевъ 170). Плотникъ, кузнецъ и портной хотятъ узнать нужду [602]. Одноглазый старикъ съѣдаетъ плотника и портного, а кузнецъ, ослѣпившій „нужду“ [603], едва спасается выброшенный вмѣстѣ съ быкомъ [604].

---

218. Сказка о Донѣ Ивановичѣ и Шатѣ Ивановичѣ (стр. 604—605). [Аѳанасьевъ 51. *Вазуза и Волга*]. Разсказъ о томъ, какъ непокорный Шатъ-рѣка, шатаясь, попалъ въ Упу, а Донъ—въ море [604].

---

219. [Наказаніе за жадность] стр. 605—607. (Живая старина 1911 г.). Содержатель постоялаго двора, соблазненный деньгами старика-постояльца, собирается его ограбить [605]; но тотъ жестокимъ вразумленіемъ [606] навсегда его исправляетъ [607].

---

220. Еруслань Лазаревиць стр. 611—613. [Аѳанасьевъ 441 стр.]. Богатырь Еруслань Лазаревиць, съ помощью „пастыря Ивашки", достаетъ коня богатырскаго [611], побѣждаетъ змѣя. По указанію Расланѣевой головы — женится; вернувшись находитъ братьевъ и отца ослѣпленными [612]—исцѣляетъ жолчью змѣя [613].

---

221. [Ванюшка-дурацокъ] стр. 613 — 615. (Аѳанасьевъ 112: *Волшебное кольцо*). Старичекъ берется воспитать Иванушку-дурачка. Работаютъ вмѣстѣ, а потомъ заупрямившагося Иванушку старикъ заваливаетъ въ ямѣ [613]. Иванушка находитъ тамъ чудесный перстень, съ помощью котораго возвращается домой, затѣмъ, посватавшись къ царской дочери, исполняетъ разныя задачи царя [614] и женится [615].

---

222. Иванушка стр. 615 — 618. [Аѳанасьевъ 106 *Свинка — золотая щетинка, утка — золотыя перышки*]. Третій сынъ Иванушка-дурачокъ ходитъ на могилу отца „постоять" [615]. Отецъ даетъ ему оленя, свинку, кобылицу. Царевна кладетъ затѣмъ перстнемъ клеймо, но не желаетъ идти за него—требутъ достать оленя золотогрива [616], свинку золотую щетинку, кобылицу-латицу; Ванюшка за пальцы и ремни отдаетъ женихамъ [617], а потомъ все открывается [618].

---

223. [Ершъ] стр. 618. (Аѳанасьевъ 41: *Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ*). На ерша бѣлугѣ жалоба; рыба — бѣлуга велитъ привести ерша на сходку — щука, линь, плотица отказываются. Пошелъ Никонъ, Богданъ и т. д. [618].

---

224. [Лисичка-сестричка и волкъ] стр. 619. (Аѳанасьевъ 1а) Лисичка мѣняетъ лапотки на курочку, курочку на гуся, на баранчика, бычка, ѣдетъ и поетъ пѣсню [619].

---

225. [Лисичка-сестричка и волкъ] стр. 619—622. (Аѳанасьевъ 1). Лиса учитъ волковъ [619] хвостомъ ловить рыбу. Потомъ, ночуя въ деревнѣ, за лычко требуетъ ремешокъ [620], за ремешокъ курочку, гуська,

бычка. Ѣдетъ въ саняхъ; сломалась оглобля [621]. Пока она за ней ходитъ, волки съѣдаютъ бычка. Взявшись за новое „рукамесло“, лисица гибнетъ вмѣстѣ съ кувшиномъ [622].

---

226. [Мужикъ, медвѣдь и лиса] стр. 622—623. Лиса избавляетъ мужика отъ волка [622]. Собаки, вытащивши за хвостъ, разорвали лису [623].

---

227. [Расправа съ любовниками] стр. 623 — 624. (Ончуковъ 82: *Поповна и монахи*). Мужикъ убиваетъ любовниковъ жены поповъ, носитъ и бросаетъ ихъ въ рѣку [623].

---

228. [Петръ I и разбойники] стр. 624. (Аѳанасьевъ 197: *Солдатъ и царь въ лѣсу*). Царь Петръ и солдатъ у разбойниковъ на сѣновалѣ; расправляются съ ними, когда тѣ хотѣли ихъ убить [624].

---

229. [Звѣриное молоко] стр. 624—629. (Аѳанасьевъ 118). Охотникъ, Иванъ-дуракъ, въ лѣсу, въ разбойничьемъ домѣ перебилъ всѣхъ разбойниковъ [625]. Атаманъ спрятался. Братъ и сестра живутъ въ разбойничьемъ домѣ [626]. Атаманъ—любовникъ научаетъ, чтобы сестра потребовала отъ брата достать „заграничныхъ яблоковъ“; достаётъ, при этомъ освобождаетъ отъ разбойниковъ дѣвицу [637]. Коварная сестра, при помощи атамана, хочетъ извести брата, дѣвица спасаетъ [628].

---

230. О купцѣ (стр. 629). [Аѳанасьевъ 158, 200]. Купецъ послалъ сына зарѣзать дочь; братъ ее отпустилъ. Ее нашли охотники въ дуплѣ. Приведя въ мужской одеждѣ къ отцу, заставляютъ ее разсказывать свою исторію въ видѣ сказки [629].

---

231. Про Хихилюшку и Бабу-Ягу (стр. 630). [Аѳанасьевъ 62: *Пѣвица и вѣдьма*]. Хихилюшку, дважды спасеннаго котомъ, уноситъ Баба-яга, велитъ дочери его изжарить, но Хихилюшка самъ ее изжарилъ, а Бабу Ягу столкнулъ съ чердака [630].

---

232. [Солдатъ и баринъ] стр. 631. Солдатъ хитро показываетъ барину, какъ надо пользоваться солдатскою шинелью [631].

---

233. [Оклеветанная сестра] (631—634 стр.). [Аѳанасьевъ 158: *Косоручка*]. Отецъ отвезъ дѣтей въ лѣсъ [631]. Братъ и сестра живутъ у старушки, братъ женится. Жена, чтобы извести золовку, даже „раздернула“ ребенка и оклеветала ее. Братъ отсѣкъ ей руки, она вышла замужъ за перевозчика. Родила младенца „во лбу мѣсяцъ“, она посылаетъ письмо мужу [632], но его перехватываетъ сноха и посылаетъ приказъ изгнать изъ дому. Приходитъ въ домъ брата, гдѣ ея мужъ былъ рабочимъ, и разсказываетъ въ видѣ сказки всю свою исторію [633—624].

---

234. [По колѣна ноги въ золотѣ] стр. 635—638. (Аѳанасьевъ 159). Царь, по клеветѣ любовницы, приказываетъ засмолить жену и царевича въ бочку и пустить въ рѣку. Вышли на берегъ. Чрезъ старцевъ царь узнаетъ о нихъ, собирается навѣстить, но любовница отговариваетъ [635], разсказывая, что у нихъ есть больше диво, первый разъ—садъ, потомъ кобылица-табуница, быкъ съ двѣнадцати рогами [636], „птицы жарскія“, мостъ чудный [637]. Царь пріѣзжаетъ и узнаетъ жену и сына [638].

---

235. [Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка] стр. 638—639. (Аѳанасьевъ 146). Братъ не послушался сестры, выпилъ изъ „лошадинаго копытца“, сталъ „казельцикомъ“; сестра вышла замужъ за „царева сына“ [638]. Въ его отсутствіи жену „изистожыли“, а перерядившаяся женой подруга требуетъ зарѣзать козла. Мужъ подслушиваетъ на рѣкѣ разговоры брата и сестры. Жены своей „незля ему взять“, онъ „рѣшылъ сваю жысть [639].

---

236. [Морской царь] стр. 639—642. (Аѳанасьевъ 125). Возвращающійся со службы солдатъ отдаетъ, самъ того не зная, сына болотному дѣду — „морскому царю“ [639]. Ванюша приходитъ, тотъ предлагаетъ ему выбирать невѣсту, но предварительно задаетъ задачи: церковь построить, колодезь вырыть, рожь обмолотить и испечь; съ помощью Аленушки Ванюша все исполняетъ [640]. Женитьба, бѣгство, погоня [641]. Дома Ванюша „забылъ“ свою жену, но та, явившись голубкой, напоминаетъ о себѣ, но навсегда остается кукушкой [642].

---

237. Дѣвица и разбойники стр. 642—643. (Аѳанасьевъ 200: *Королевна и разбойники*). Дѣвица съ братомъ заблудились въ лѣсу, попали въ избушку. Дѣвицу сватаетъ молодецъ, зоветъ къ себѣ въ домъ. Придя, дѣвица догадывается, что попала къ разбойникамъ [642], видитъ, какъ они убиваютъ другую невѣсту, убѣгаетъ и объявляетъ пріѣхавшимъ сватамъ-разбойникамъ, что она ихъ откроетъ [643].

---

238. [Баба-яга] стр. 643. Братъ и сестра заблудились. Избушка бабы-яги. Дѣвочка няньчитъ ея ребенка. Дѣвку увозитъ быкъ; баба-яга догоняетъ и возвращаетъ [643].

---

239. Каждому своя доля (стр. 644). Мужикъ ищетъ счастье, встрѣчаетъ человѣка, который судьбу людей строилъ (палочки клалъ парами). Заставляя мужика въ видѣ мѣшка „по силамъ“ выбрать свою долю, этотъ человѣкъ отправляетъ его дѣлать свое обычное дѣло [644].

---

240. О медвѣдѣ стр. 644—645. (Аѳанасьевъ 40). Недовольнаго мужика барыня (судьба) сдѣлала бариномъ; тотъ захотѣлъ быть царемъ— судьба его сдѣлала медвѣдемъ [645].

---

241. Сказаніе о птицѣ небесной о двухъ тѣлесной стр. 649—650. (Аѳанасьевъ 38: *Орелъ и ворона*). Птицы ссорятся и судятся у царя-орла [649—650].

---

242. Мѣстная сказка стр. 653—656. (Аѳанасьевъ 158: *Косоручка*). Братъ дружно живетъ съ сестрою. Невѣстка, ненавидя ее, убиваетъ лошадь и своего ребенка и обвиняетъ золовку [653]. Братъ отсѣкъ руки сестрѣ. Въ саду барина она съѣдаетъ яблоко; выходитъ за „барича“ замужъ [654]. Мужъ на службѣ у царя. Письмо о рожденіи сына перехватила сноха и написала, чтобы золовку изгнали. Странствуетъ. Сынъ выросъ [655], поступаетъ въ войско, удивляетъ всѣхъ геройскимъ подвигомъ. Разсказываетъ полководцу (своему отцу) о судьбѣ [656]; тотъ ищетъ „безрукую“, а она, перерядившись, оказываетъ помощь раненымъ. Когда стали всѣмъ раздавать награды, отецъ, мать и сынъ находятъ другъ друга [657].

---

243. Иванъ, дѣвичій сынъ стр. 661 — 662. Дѣвица, которую отецъ, по навѣтамъ, приказалъ сыну убить, отпущенная имъ, живетъ въ лѣсу у братьевъ (охотниковъ), убиваетъ змѣя [661]; выпивъ изъ ключа, родила Ивана, дѣвичьяго сына. Сынъ выросъ. Возвратились домой. Во время охоты Иванъ освобождаетъ дѣвицу отъ змѣя, печень и сердце змѣя приноситъ матери. Та оживляетъ (?) другого богатыря, который идетъ биться съ Иваномъ, но тотъ его убиваетъ.... [663].

---

244. Незнакомый кузнецъ, передѣлывающій старыхъ людей на молодыхъ стр. 663 — 664. (Аѳанасьевъ, *Русскія народныя*

легенды № 31). Кузнецъ, съ помощью своего работника, въ кузницѣ на наковальнѣ „передѣлалъ“ стараго барина молодымъ. Разсорившись изъза платы, разстались. Кузнецъ, дѣйствуя одинъ [663], губитъ другого барина, его ссылаютъ. Работникъ былъ чертъ [664].

---

245. Жуликъ Московскій (стр. 664—665). Аѳанасьевъ, 220. *[Вороватый мужикъ]*. Жуликъ Московскій даетъ барину вмѣсто лѣкарства глины. Вразумленный батракомъ, баринъ посылаетъ привезти жулика. Жуликъ, у барыни выпросивъ свинью-мать крестную [664], уѣзжаетъ на тройкѣ барина, котораго оставляетъ стеречь шляпу съ птичкой [665].

---

246. Ненасытный волкъ (стр. 665). Аѳанасьевъ, 89. *[Волкъ]*. Жилецъ отдаетъ волку всѣхъ овецъ, а потомъ пугаетъ волка [665].

---

247. Иванъ, медвѣжье ушко (стр. 665—667). [Аѳанасьевъ, 89, Ончуковъ, 34]. Старуха, въ берлогѣ у медвѣдя, родила сына. Выросъ, возвратились домой. Отецъ сдѣлалъ для него богатырскую дубину; Иванъ сталъ ходить на охоту. Игрой на скрипкѣ привлекаетъ къ себѣ зайца, лисицу, волка, медвѣдя [666]. Насытили медомъ воду въ озерѣ; стала вода пропадать. Стерегутъ. Баба-Яга бьетъ всѣхъ караульщиковъ, только Иванъ расправляется съ ней своей дубинкой [667].

---

248. Лисица и заяцъ (стр. 668—669). [Аѳанасьевъ, 3, 110]. Лисица выгнала зайца изъ избы; ни волкъ, ни лисица (?), ни заяцъ (?)— и только пѣтухъ выгоняетъ лисичку. Живутъ съ пѣтушкомъ, нажили жернова [668]. Баринъ ихъ укралъ, пѣтухъ возвращаетъ [669].

---

249. Антонъ Запрутскій (стр. 669—670). Аѳанасьевъ, 75. *[Иванъ Попяловъ]*. Антонъ Запрутскій съ братцемъ Иванушкою ѣдутъ доставать солнце, луну и звѣзды. Иванушка въ избушкѣ. Антонъ борется со змѣями (3) и уже полна чашка крови [669], а Иванушка спитъ. Антонъ бросаетъ сапогомъ, конь добиваетъ змѣя. Антонъ приноситъ солнце [670].

---

250. Бурая Яга, костяная нога (стр. 670—672). Аѳанасьевъ, 61. [*Баба Яга и Жихарь*]. Яга уноситъ Ванюшку [670]. Два раза отецъ съ матерью возвращали, на третій Яга уноситъ [671], велитъ изжарить, но находитъ изжаренными своихъ дочерей [672].

---

251. Изъ зернышка ветла (стр. 672). Аѳанасьевъ, 6. [*Лиса-плачея*]. Зерно гороховое изъ подполья проросло черезъ крышу, расцвѣло, и птицы запѣли. Старикъ тащитъ въ мѣшкѣ старуху на потолокъ слушать птичекъ. Старуха упала, убилась; старикъ привелъ плакальщицу-бирюка [672].

---

252. [Отецъ и дочь] (стр. 675—677). Отецъ требовалъ отъ дочери выйти за него замужъ, дочь спряталась въ столбѣ, столбъ спустили въ воду. Иванъ Королевичъ находитъ [675], открываетъ въ немъ царевну. Въ его отсутствіе сестры ее находятъ, велятъ слугѣ зарѣзать. Слуга приноситъ кровь зайца, а дѣвицу выпускаетъ. Живетъ въ хижинѣ [676], гдѣ ее и находитъ королевичъ [677].

---

253. Сказка о Иванѣ Царевичѣ (стр. 681—683). Царь, отпустивъ старшихъ сыновей на войну, не пускаетъ Ивана Царевича; но тотъ тайно въ уродливой маскѣ уѣзжаетъ, побѣждаетъ врага и получаетъ печать въ лобъ отъ царевны [681]. Царевну хотятъ выдать за старшаго брата, но объявляется истинный герой, Иванъ Царевичъ [682], и онъ женится [683].

---

254. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и о царевнѣ въ свиной шкуркѣ (стр. 683—686). Аѳанасьевъ, 161. [*Свиной чехолъ*]. Царевна должна выйти замужъ за отца, такъ какъ кольцо матери, пришлось по рукѣ только дочери. Дочь плачетъ на могилѣ матери [683]. По ея совѣту, дочь получаетъ отъ отца разныя платья, а потомъ уходитъ въ свиной шкуркѣ, живетъ у царевича. Онъ бьетъ ее чайникомъ [684], потомъ тазомъ по головѣ, о чемъ она намекаетъ ему, когда онъ восхищается ея красотой въ церкви [685]. На пиру у ней оказался подарокъ царевича. Свадьба [686].

---

255. Богъ далъ (стр. 689—690). Аѳанасьевъ, 66d. [*Правда и кривда*]. Два крестьянина поспорили, кто помогъ въ ихъ заработкѣ: одинъ сказалъ—Богъ, другой — чортъ. Встрѣчный чортъ подтверждаетъ второе мнѣніе, первый лишается денегъ и руки [689]. Подслушавъ чертей, послѣдній вылѣчивается и богатѣетъ, а второй гибнетъ.

---

256. Два умныхъ, а третій дуракъ (стр. 691—692). [Аѳанасьевъ, 224b]. Въ изданіи А. Аѳанасьева: дуракъ поймалъ въ капканъ мать; ѣдетъ изъ города, солитъ воду въ озерѣ, воронамъ бросаетъ говядину и т. д., дома выпускаетъ квасъ изъ бочки. Продолженіе: Чтобы

избавиться отъ дурака, братья хотятъ уйти, но сами его уносятъ [691]. Посланный за огнемъ только дуракъ сумѣлъ разсказать старику небылицу [692].

---

257. [Козьма Сарафанычь] (стр. 695—696). Аѳанасьевъ, 235. [*Ѳома Беренниковъ*]. Козьма Сарафанычь, побивъ голицей мухъ, вызжаетъ богатыремъ; два другихъ присоединяются къ нему. Богатыри побѣждаютъ войско принца Силы [695], а самъ Козьма случайно косой срѣзаетъ голову враждебному богатырю. Женится на дочери принца, та надъ нимъ смѣется, но и это служитъ къ славѣ Козьмы [696].

---

258. [Не любо не слушай] (стр. 696—698). [Аѳанасьевъ, 231]. Варіація сказки безъ вступленія.

---

259. [Набитый дуракъ] (стр. 698—699). [Аѳанасьевъ, 226]. Дуракъ высказываетъ неудачныя пожеланія по поводу пшеницы, покойника [698], свадьбы, пожара, паленья свиньи [699].

---

260. [У Бабы-Яги] (стр. 700—701). Аѳанасьевъ, 181. [*Василиса Поповна*]. Дочери идутъ за отца служить къ Бабѣ-Ягѣ. Отецъ, обернувшись медвѣдемъ, пугаетъ ихъ, такъ что двѣ возвращаются, а третья вышибаетъ у него стрѣлой глазъ [700]. Переодѣвшись солдатомъ, служитъ у Бабы-Яги. Та хочетъ ее положить спать или отправить въ баню съ сыномъ, но дѣвица хитро уклоняется и счастливо убѣгаетъ домой [701].

---

261. [Загадки] (стр. 702). Аѳанасьевъ, 185. [*Загадки*]. Пастухъ отвѣчаетъ царю загадками на вопросы о томъ, куда онъ деньги дѣваетъ. Эти загадки царь задаетъ сенаторамъ. Пастухъ имъ разгадываетъ и хитро вывертывается предъ государемъ [702].

---

262. [Богатый мужикъ] (стр. 705). Св. Николай проситъ Бога сдѣлать бѣднаго мужика богатымъ. Богъ не совѣтуетъ. И дѣйствительно, сдѣлавшись богатымъ, онъ прибилъ пришедшаго къ нему нищимъ св. Николая [705].

---

263. [Бѣдный мужикъ просвирку съѣлъ] (стр. 706). Ончуковъ, 41. [*Попъ и Николай Чудотворецъ*]. Бѣдный мужикъ съ горя идетъ Бога бить. Идя со встрѣчнымъ (Христомъ), съѣлъ у него просвирку и заклялся, что не онъ. Христосъ исцѣлилъ царскаго сына, а мужикъ не сумѣлъ и даже на висѣлицѣ не сознался, что онъ просвиру взялъ. Лишь, когда увидѣлъ деньги раздѣленными на три кучи, сознался [706].

---

264. Ѳома и Ерема (стр. 709). [Аѳанасьевъ, 229]. Ѳома и Ерема неудачно принимаются пахать, торговать, охотиться, рыбу ловить [706].

---

265. Быкъ, баранъ, боровъ, гусь и пѣтухъ (стр. 709—711). Аѳанасьевъ, 19. [*Напуганные медвѣдь и волки*]. Быкъ, баранъ, боровъ, гусь и пѣтухъ, уйдя въ лѣсъ [709], живутъ въ избушкѣ быка. Перепугавъ пришедшихъ волковъ [710], они возвратились домой [711].

---

266. Макаръ дуракъ (стр. 711—713). Аѳанасьевъ, 225. [*Дуракъ и береза*]. Дуракъ, рубя въ лѣсу дрова, срубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ, и упалъ [711]. Легъ, ожидая смерти; велитъ матери хоронить. Снесенный въ погребъ, онъ захватываетъ добро, спрятанное тамъ ворами. Выкопавъ кладъ, дуракъ убилъ человѣка, отнимавшаго у него деньги [712]. Мать вмѣсто убитаго человѣка показываетъ козла [713].

---

267. Солдатская школа (стр. 713—714). Старуха отдала солдату бычка пристроить къ дѣлу. Солдаты его съѣли [713], а когда черезъ годъ старуха пришла за нимъ, ее направили къ купцу Бычкову, откуда ее выгнали [714].

---

268. Красная головка (стр. 714—717). Аѳанасьевъ, 109. [*Двое изъ сумы*]. Старуха посылаетъ старика къ Красной головкѣ за разсчетомъ за взятую рѣпу [714]. Та дала ему скатерку, но ее подмѣнила кума [715]. Во второй разъ Красная головка дала „корзинку нерукодѣльную“. Плети изъ нея расправляются сначала съ кумой, потомъ со старухой [716].

---

269. Дѣдушка-школьникъ (стр. 717). Дѣдушка за дѣтей сходилъ въ школу, нашелъ на дорогѣ деньги, а когда онъ разсказывалъ, всѣ думали, что онъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, и предоставили ему находку [717].

---

270. Сказка о попѣ и странникѣ (стр. 717—718). Ончуковъ, 41. [*Попъ и Николай Чудотворецъ*]. Бѣдный священникъ у встрѣчнаго старика на пути (св. Николая) [717] съѣлъ просвирку и не сознался даже, когда едва не утонулъ. Лишь когда странникъ вылѣчилъ чудесно больного и получилъ за это деньги, лишняя кучка денегъ тому, кто просвирку съѣлъ, заставила священника сознаться [718].

---

271. Солдатъ и старуха (стр. 719). Аѳанасьевъ, 220. [*Вороватый мужикъ*]. Старуха посылаетъ съ солдатомъ мужу Дорону на тотъ свѣтъ денегъ и холста [719].

---

272. Какъ мужикъ бабу голосить училъ (стр. 719—720). Мужъ притворился мертвымъ, жена на радости подняла веселье [719]. Мужъ учитъ жену голосить по настоящему [720].

---

273. Какъ старуха замужъ выходила (стр. 720). Солдатъ обѣщаетъ взять старуху замужъ, забираетъ все ея добро, оставляетъ ее въ нежилой избушкѣ, а самъ съ добромъ уѣзжаетъ [720].

---

274. Сказка о глупыхъ людяхъ (стр. 721). Аѳанасьевъ, 227. [*Лутонюшка*]. Иванушка, недовольный своими родными, въ поискахъ людей глупѣе, видя, какъ дерево растягиваютъ, свѣтъ рѣшетомъ носятъ, куръ доятъ, возвращается домой [721].

---

275. Иванъ дуракъ (стр. 722). Аѳанасьевъ, 226. [*Набитый дуракъ*]. Иванъ дуракъ приглашаетъ на свадьбу мужиковъ безъ бабъ, бабъ безъ дѣтей; дѣтей потомъ привозитъ мертвыхъ [722].

---

276. Страда (стр. 722). Старикъ не даетъ старухѣ денегъ до „страды“. Старуха отдаетъ ихъ солдату, назвавшемуся „Страдой“ [722]. Старикъ бранитъ старуху, ищетъ вора, но самъ же по глупости лишается лошади [723].

---

277. Пѣтуханъ Куриханычъ (стр. 723—724). Аѳанасьевъ, 221. [*Солдатская загадка*]. Солдаты въ отвѣтъ на загадку старухи о пѣтухѣ въ печи [723] загадываютъ о лаптѣ [724].

---

278. Дешевый работникъ (Аѳанасьевъ, 87, 89]. Работникъ дуракъ, исполняя наказъ хозяина [724], всѣхъ овецъ перебилъ, у дѣтей Луки и Анисьи пальцы отрубилъ и амбаръ не устерегъ [725].

---

279. Воронъ Вороновичъ (стр. 725—728). [Аѳанасьевъ, 71b]. Царевну, унесенную людоѣдомъ, Ворономъ Вороновичемъ [725], пдутъ искать братья, съ помощію Бабы Яги находятъ [726], но ихъ съѣдаетъ изжаренныхъ въ банѣ людоѣдъ Воронъ [727], а третій самъ его сжигаетъ въ банѣ [728].

---

280. Водяной и мужикъ (стр. 728—729). Аѳанасьевъ, 192. *[Доброе слово]*. Бѣдный мужикъ три раза отдаетъ деньги, полученныя за ширинку жены, водяному. Съ горя уѣзжаетъ за море [728]. На пути корабль останавливается, по жребію бросаютъ мужика-кочегара. Водяной его возвращаетъ. Въ камнѣ водяного, поднесенномъ заморскому царю, оказался рѣдкій алмазъ. Мужикъ возвращается домой богатымъ [729].

---

281. Водяной царь (стр. 730—733). Аѳанасьевъ, 125. *[Морской царь и Василиса Премудрая]*. Иванъ, купеческій сынъ, отданный водяному царю по условію: „отдай, чего дома не знаешь“, отправляется изъ родительскаго дому [730]. По совѣту Бабы-Яги украдываетъ сорочку дѣвицы-уточки, а та даетъ указаніе, какъ узнать ее на выборѣ невѣсты [731]. Иванъ удачно выбираетъ, царь задаетъ задачу. Молодые убѣгаютъ. Погоня. Бѣглецы счастливо „оборачиваются“ [732]. Самъ водяной въ погонѣ гибнетъ, а Иванъ съ Марьей царевной возвращаются [733].

---

282. Братъ и сестра (733—735). Аѳанасьевъ, 158. *[Косоручка]*. Злая невѣстка извела любимую собаку мужа, лошадь [733], погубила ребенка, чтобы клеветою погубить золовку. Выгнанная братомъ сестра попадаетъ во дворецъ и выходитъ замужъ за царевича. Мужъ уѣзжаетъ. Грамоту о рожденіи сына подмѣниваетъ коварная невѣстка. Возвращеніе царевича [734] и расправа [735].

---

283. Сказка объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ (стр. 735—739). Аѳанасьевъ, 112. *[Волшебное кольцо]*. Иванушка покупаетъ на базарѣ собаку, кошку, а потомъ находитъ золотой перстенекъ [735]. Сватаетъ царскую дочь, причемъ съ помощью кольца исполняетъ задачи царя: проводитъ чудесную рѣку [736], строитъ дворецъ, дѣлаетъ чудесное платье. Свадьба. Жена выпытываетъ: въ чемъ у Иванушки сила [737] и улетаетъ къ прежнему жениху. Собака и кошка возвращаютъ кольцо Иванушкѣ, избавляютъ его отъ казни [738]. Иванушка прощаетъ жену [739].

---

284. Костерко (стр. 739). Мужикъ Костерко съ Кама-Камыкой такъ обкрадываютъ барина, что онъ самъ присуживаетъ, кому изъ воровъ должна принадлежать шуба [740].

---

285. Семилѣтка (стр. 739—740). Аѳанасьевъ, 188b. *[Мудрая дѣва].* Богатый и бѣдный братъ заспорили: кобыла или телѣга принесла жеребенка. Судятся у губернатора. Узнавъ, что бѣдному въ отвѣтахъ помогаетъ дочь, губернаторъ задаетъ ей вопросы. Отвѣчая, она поражаетъ его своею мудростію [740].

---

286. [Правда и кривда] (стр. 740—742). Аѳанасьевъ, 66. Бѣдный братъ, прогнанный съ пирушки богатымъ „къ чорту", прыгнулъ въ бучило. Тамъ подслушавъ чертей, помогаетъ потомъ мельнику укрѣпить мельницу, за что получаетъ возъ денегъ, которыя мѣряетъ „четухой" брата [741]. Богатый братъ гибнетъ [742].

---

287. [Приключенія солдата] (стр. 742—745). Аѳанасьевъ, 113. [*Рога*]. Солдатъ, подговоривъ товарищей, ушелъ со службы бродяжить. Въ кельѣ [742] монашенки подарили имъ кисетъ съ золотомъ, халатъ-невидимъ и тросточку. Марѳа царевна хитро отбираетъ у солдата всѣ эти вещи, а его всякій разъ выкидываетъ изъ окна. Отнявши у чертей въ лѣсу коверъ-самолетъ, скатерку-самолетку, сапоги-скороходы, солдатъ на коврѣ увозитъ Марѳу царевну [744]; она спихиваетъ его съ ковра. Идя топиться, онъ съѣдаетъ ягодъ, отъ которыхъ дѣлается съ рогами, старымъ; потомъ топится [745].

---

288. Воевода и мужикъ (стр. 745—747). Аѳанасьевъ, 185b. [*Загадки*]. Мужикъ отвѣчаетъ воеводѣ загадками на вопросъ, куда онъ деньги дѣваетъ [745]. Запретивъ кому-либо о нихъ говорить, воевода задастъ ихъ боярамъ, тѣ за деньги узнаютъ ихъ разгадку, а мужикъ легко вывертывается предъ воеводой [746].

---

289. Колобокъ (стр. 747—748). [Аѳанасьевъ, 16]. Колобокъ, убѣжавшій изъ дому, спасается отъ зайца, волка, медвѣдя [747]; лисица его съѣдаетъ [748].

---

290. Теремъ мухи (748—749). [Аѳанасьевъ, 43). Въ горшкѣ живутъ муха, мышка, заяцъ, лисица, волкъ [748]; медвѣдь всѣхъ давитъ [749].

---

291. Ершъ (стр. 749—750). [Аѳанасьевъ, 43]. Разсказъ про ерша въ перечнѣ риѳмованныхъ именъ Перша, Богданъ, Нѣстеръ и т. п. [749].

---

292. О лѣшакѣ (стр. 750—751). Лѣшій на войнѣ съ Бусарманомъ лишился глаза; сынъ лѣшаченокъ, силачъ, идетъ помогать отцу, но тотъ привязалъ его къ дереву [750]. Мужикъ освободилъ его. Въ новой войнѣ лѣшаченокъ снова помогаетъ русскимъ, встрѣчается съ мужикомъ, его освободившимъ, въ кабакѣ съ нимъ пьетъ водку ведромъ [751]. Лѣшаченокъ несетъ мужика-солдата домой, гдѣ его жена выходитъ замужъ [752].

---

293. Сказка о лисицѣ и волкѣ (стр. 753—754). [Аѳанасьевъ, 1]. Лисица, выбросивъ у мужика съ воза рыбу, учитъ волка ловить рыбу хвостомъ въ прорубп [753]. Волкъ, избитый бабой, везетъ лисицу, вымазавшуюся тѣстомъ; потомъ лисица заговариваетъ раны волка [754].

---

294. Василиса Прекрасная (стр. 755). [Аѳанасьевъ, 59]. Дѣвушка, посланная за огнемъ, встрѣчаетъ краснаго, потомъ бѣлаго и бураго мужика, которые не совѣтуютъ ей идти, такъ какъ ее „хамъ съѣстъ“. Дѣвушка попадаетъ къ „людоѣду“ хаму; онъ ее съѣдаетъ [755].

---

295. Лисица и пѣтухъ (стр. 756). [Аѳанасьевъ, 4: *Лиса исповѣдница*]. Лисица коварными рѣчами увлекаетъ пѣтуха; и ужъ схватила его вострыми когтями, пѣтухъ счастливо освобождается и смѣется надъ лисой [756].

---

296. Живалко-бывалко (стр. 756). [Аѳанасьевъ, 231]. Балагурная прибаутка „Не любо—не слушай“.

---

297. Загадки и Акирь премудрый (стр. 757—758). [Аѳанасьевъ, стр. 286]. Пріемный сынъ Акиря наговариваетъ царю на отца. Акиря велѣно казнить, но палачи его посадили въ темницу. Враждебный царь требуетъ разгадать его загадки о кобылахъ и жеребцахъ, о деревинкѣ (какой конецъ каменный) [757], Акирь помогаетъ разгадать. При третьей задачѣ—новый городъ построить—премудрый Акирь открывается царю [758].

---

298. Булдакъ Борисовичъ (стр. 759—763). [Аѳанасьевъ, 180: *Балдакъ Борисьевичъ*]. Князь Владиміръ хочетъ достать коня бѣлогубова, суку съ уключиной, сокола съ укрючиной и убить кота-разсказчика. Такъ какъ, по мнѣнію Ильи, это могъ сдѣлать одинъ пьяница Булдакъ, то Владиміръ посылаетъ за нимъ сначала Алешу, потомъ Илью [759]. Булдакъ съ молодцами въ султановомъ царствѣ. Обернувшагося муравьемъ его не могутъ найти тамъ, несмотря на всѣ предостереженія кота. Исполнивъ порученіе [760], Булдакъ получаетъ право пить вино безденежно. Снова требуетъ султанъ „виноватова разгреживать“. Булдакъ съ молодцами въ султановомъ царствѣ. Султанова дочь даритъ Булдаку рубашку [761], по которой она хочетъ узнать виноватова, но Булдакъ дѣлаетъ всѣ рубашки у молодцовъ одинаковыми. Третья дѣвица вшила въ рубецъ булавку. Булдаку грозитъ казнь, но по его знаку молодцы начинаютъ „пластать“ съ краю всѣхъ [762]. Пощаженный султанъ клянется не воевать больше, но узнавъ о смерти Булдака, идетъ съ войскомъ, но напуганный вырытымъ изъ могилы и посаженнымъ на коня Булдакомъ, удаляется [763].

---

299. Сказка о Ѳомѣ и Еремѣ (стр. 763—764). [Аѳанасьевъ, 229]. Ѳома и Ерема неудачно принимаются пашню пахать [763], торговать, въ церковь ходить, рыбу ловить [764].

---

300. Смерть крестная (стр. 767). Смерть, взятая въ крестны, дѣлаетъ своего крестника богатымъ, а когда крестникъ пошелъ противъ своей крестной, самъ погибъ отъ нея [767].

---

301. Сказка объ Иванѣ Дуракѣ (стр. 771—774). [Аѳанасьевъ, 112: *Волшебное кольцо*]. Дуракъ сватаетъ царевну; царь требуетъ достать „нешитое“ платье. Дуракъ идетъ на базаръ, но тамъ покупаетъ кошку, собаку, потомъ змѣю, которыхъ потомъ выгоняетъ [771]. Змѣя приноситъ кольцо, изъ котораго 12 молодцовъ достаютъ платье, дѣлаютъ мостъ, карету. Дуракъ женится [772]; царевна выкрадываетъ перстень, исчезаетъ. Благодарныя животныя, послѣ долгихъ трудовъ и хлопотъ [773], возвращаютъ кольцо. Расправа съ женою [774].

---

302. Сказка про Ивана Дурака (стр. 775—776). [Аѳанасьевъ, 225: *Дуракъ и береза*]. Дуракъ продалъ корову собакѣ, идетъ за деньгами; убивъ собаку, подъ кочкой находитъ деньги. Разсказалъ дядѣ, тотъ выгребаетъ деньги, дуракъ его убилъ [775], принесъ домой въ мѣшкѣ. Мать замѣнила его козломъ. Дуракъ сознается въ преступленіи и показываетъ козла [776].

---

303. [Птица-помощникъ] (стр. 776—779). [Аѳанасьевъ, 67: *Королевичъ и его дядька*]. Младшій сынъ приноситъ съ охоты птицу, кормитъ ее [776]. Царь дѣлитъ царство—отдастъ тому, кто найдетъ пулю, выпущенную (изъ ружья). Младшій, съ помощію птицы, приноситъ, но отъ царства отказывается, беретъ лишь тройку лошадей и кучера. У колодца кучеръ заставляетъ царевича перемѣниться ролями [777]. Царевичъ въ кучерахъ у царя, въ него влюбилась царевна; мнимый царевичъ заключаетъ его въ тюрьму. Прилетаетъ птица, приноситъ чудесное зеркало [778], а потомъ и его уноситъ и дѣлаетъ богатыремъ. Возвратившись, онъ поражаетъ своей силой и побѣждаетъ богатырей [779].

---

304. Запечный Искръ (ст. 780—786). [Аѳанасьевъ, 75: *Иванъ Попяловъ*]. Запечный Искръ идетъ доставать ключи отъ солнца и мѣсяца [780]. На мосту бьется за младшаго, потомъ за второго брата со змѣями [781]. На третью ночь бьется (уже крови полна чашка), снова побѣдилъ змѣя [782], у Б.-Яги отнялъ ключи; затѣмъ губитъ ея дочерей и саму Бабу-Ягу въ кузницѣ [783], обративъ кобылицей. Достаетъ для короля Елену прекрасную. Мальчики—чудесные помощники [784]. Испытанія [785]. Елену Прекрасную, дважды улетавшую, Искръ привозитъ королю. Оклеветанный готовится къ казни; все открывается [786].

---

305. Иванъ Купеческій сынъ (стр. 787—791). [Аѳанасьевъ, 165: *Незнайко*]. Отъ яблока рождаются конь и ребенокъ. Возвратившись изъ школы, мальчикъ находитъ коня въ слезахъ, опечаленнаго требованіемъ любовника-змѣя извести мальчика [787]. Два раза Иванъ вскрываетъ отраву матери, на третій разъ, притворившись больною, она требуетъ въ видѣ лекарства — сердца коня [788]. Иванъ уѣзжаетъ, живетъ въ пастухахъ „незнайкой“ [789], бьется и побѣждаетъ змѣевъ. Побѣдителя находятъ по платку царевны [790]. Незнайко открывается [791].

---

306. [Мертвое тѣло] (стр. 791—793). [Аѳанасьевъ, 224Ь: *Иванушка дурачекъ*. 225: *Дуракъ и береза*]. Мать, убившуюся въ ямѣ, дуракъ везетъ (хоронить). Съ исправника, вывалившаго мертвое тѣло, беретъ сто рублей [791], съ губернатора—двѣсти. Дразня братьевъ выгодной продажей, побуждаетъ ихъ убить женъ; ихъ берутъ подъ судъ. Дуракъ приводитъ корову на могилу матери и по ея голосу идетъ черезъ три дня за деньгами [792]. Дуракъ убилъ попа; братья завернули его въ козлиную шкуру. Его находятъ, братьевъ арестовываютъ [793].

---

307. Воробей (стр. 793—794). [Аѳанасьевъ, 12: *Лиса и дятелъ*]. Воробей накормилъ, напоилъ собаку; изъ за-него мужикъ убилъ двухъ лошадей [793], а когда пойманнаго воробья захотѣли убить, то отрубили мужику руку [794].

---

308. [**„Двое изъ сумки“**] (стр. 794). [Аѳанасьевъ, 109]. Пойманный старикомъ журавль даетъ ему сумку, изъ которой, по словамъ старика—яства, а по словамъ другихъ—побои [794].

---

309. Побывальщина: чему быть, того не миновать (стр. 795—796). [Аѳанасьевъ, 173: *Марко Богатый и Василій Безсчастный*]. Сыну бѣднаго крестьянина странникъ (Богъ) обрекаетъ наслѣдство богатаго купца, а въ замужество — его дочь. Купецъ увозитъ мальчика, бросаетъ въ снѣгъ, но его находятъ другіе купцы, которые послѣ того богатѣютъ [795]. Купецъ его выкупаетъ, посылаетъ домой съ тайнымъ приказомъ сварить въ салотопнѣ, но его вмѣсто того вѣнчаютъ съ дочерью. Снова пытается сварить, но гибнетъ самъ [796].

---

310. Чудо-чудное, диво-дивное (стр. 797—801). [Аѳанасьевъ, 122: *Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что*]. Купеческій сынъ, увлеченный, несмотря на завѣщаніе отца, пьянчужкой на пьянство, пропился, идетъ искать счастья. У озера похищаетъ платье дѣвицы-уточки [797]. Анастасія Прекрасная вышиваетъ платокъ, за который царь даетъ купеческому сыну право даромъ брать товаръ у купцовъ. Обиженные они подговариваютъ царя, чтобы купеческій сынъ досталъ ковры [798], потомъ „гусли-самогуты“; онъ достаетъ [799], наконецъ—„чудо-чудное, диво-дивное“, чудесный ящичекъ, который кормитъ и поитъ [800]. Царь усыновляетъ купеческаго сына [801].

---

311. Безстрашный дворянинъ (стр. 801—802). Аѳанасьевъ, 204: *Безстрашной*]. Безстрашный дворянинъ ѣдетъ съ мертвецомъ; пугаетъ имъ разбойниковъ [801]. У царя караулитъ дочь, одержимую нечистой силой; оживляетъ ее, читая молитвы. Выйдя за него замужъ, царевна, по совѣту знахаря, отвлекаетъ его отъ желанія искать страхи [802].

---

312. [Мужикъ и Николай угодникъ] (стр. 803 — 804). Мужикъ разбогатѣлъ съ помощію св. Николая. Пустивъ его къ себѣ въ видѣ странника ночевать, мужикъ заставляетъ св. Николая и Бога работать. Повторяя чудесные пріемы работы странниковъ, мужикъ сжигаетъ весь овинъ [803]. Обращенный лошадью, мужикъ работаетъ на бѣднаго мужика, потомъ прогоняется собственными дѣтьми и умираетъ [804].

---

313. Сынъ купца (стр. 803—806). Купецъ, построившій на свои средства мостъ, посылаетъ подслушать, что будутъ говорить о немъ [804]. Услыхавъ предсказаніе о чудесномъ сынѣ, работникъ похищаетъ его, а мать обвиняетъ въ томъ, что она съѣла сына. Работникъ разбогатѣлъ благодаря мальчику, но потомъ, узнавъ тайну, мальчикъ работника и жену дѣлаетъ псами и доказываетъ невинность матери [805]. Все раскрывается [806].

---

314. Безпечальный монастырь (стр. 806—807). [Аѳанасьевъ, 287]. Царь задаетъ три загадки игумену безпечальнаго монастыря (сколько звѣздъ на небѣ, что я стою, что я думаю) [806], которыя разрѣшаетъ монастырскій поваръ [807].

---

315. [Мужикъ обманьщикъ]. Мужикъ продаетъ за двѣсти рублей палку, якобы выколачивающую изъ пней пироги; у попа ничего не выходитъ [807]. Тоже и съ плеткой-живулькой. Въ третій разъ мужикъ, показывая свои деньги, совѣтуетъ на фунты продавать „матку“ [808].

---

316. Солдатъ (стр. 809—812). [Аѳанасьевъ, „Русскія легенды“. № 16: *Солдатъ и смерть*]. Солдатъ освободилъ царскую дочь отъ нечистаго. Полученныя въ награду деньги пропилъ [809], а остатки отдаетъ ангелу для Бога, а у Бога только проситъ табачку да денежекъ на проходъ. Потомъ солдатъ освобождаетъ помѣстье купца отъ чертей [810]. Попавши послѣ смерти въ царство небесное, закуриваетъ „отъ святыхъ“, за что его выгоняютъ въ адъ, оттуда снова въ рай. Стоя на караулѣ, посылаетъ смерть то корешки, то „стары ветлины“ копать [811], а потомъ запираетъ ее въ табакеркѣ.

---

317. Сказка объ Иванѣ дурачкѣ (стр. 812—814). [Аѳанасьевъ, 226: *Набитый дуракъ*]. Дуракъ въ гостяхъ у тещи, слѣдуя наставленію жены, блины облупливаетъ какъ яйца [812], полушубкомъ макаетъ въ масло, овцу вѣшаетъ на вѣшалку, гостьѣ даетъ сѣна, свинью сажаетъ за столъ [813].

---

318. Солдатъ (стр. 814—815). Солдатъ отъ встрѣчныхъ стариковъ получаетъ чудесные карты, сапоги и сумку [814]. Въ домѣ, гдѣ жила нечистая сила, обыгрываетъ чертей въ карты, забираетъ чертей и даже саму смерть въ суму [815].

---

319. Сказка о трехъ братьяхъ (стр. 816—817). [Аѳанасьевъ]. Три брата идутъ искать счастья. Двое, найдя деньги, вернулись. Младшій находитъ чудесную скатерку, которую продаетъ за рожокъ, молодцы изъ рожка отнимаютъ скатерку [816]. Также мѣняетъ, а потомъ отнимаетъ чудесную дудку, шляпу, расправляется съ братьями [817].

---

320. Сказка о двухъ братьяхъ и сорока разбойникахъ (стр. 817—821). [Аѳанасьевъ, 201: *Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ*]. Алибаба находитъ въ пещерѣ разбойниковъ деньги, подслушавъ условное: „кунжутъ, отворись“ [818]. Узнаетъ объ этомъ богатый братъ [819], но, забывъ условныя слова, гибнетъ [820]. Алибаба привозитъ тѣло брата и переселяется въ его домъ [821].

---

321. Сказка объ Иванѣ-Семистарцевомъ сынѣ. Семь старцевъ наконецъ крестятъ Ивана [821]. По желанію царя идетъ узнавать, отчего солнце меркло 3 дня, 3 часа, 3 минуты. На пути оберегаетъ дѣтей Ногай-птицы, та въ благодарность несетъ въ избушку къ первой сестрѣ [822], приходитъ братъ ея — Солнце, но онъ ничего не говоритъ. Идетъ ко второй — тоже. Третьей Солнце разсказываетъ [823], какъ Марья-Марьянка ударила его весломъ. Царь требуетъ достать Марьянку, Иванъ достаетъ. Посылаютъ за подвѣнечнымъ платьемъ [824], потомъ за кольцомъ. Съ помощью Ногай-птицы приноситъ. Марьянка требуетъ искупаться въ молокѣ. Царь сварился [825].

---

322. Отъ худа пошелъ, да хуже нашелъ (стр. 826—827). [Аѳанасьевъ, 227: *Лутонюшка*]. Сынъ идетъ искать глупыхъ людей и видитъ, какъ дымъ изъ дома лукошками таскаютъ, свѣтъ — въ новый домъ, мужики съ разбѣга кафтаны одѣваютъ [826], получаетъ отъ попадьи свинью въ свахи съ лошадьми и каретой; возвращается домой [827].

---

323. Воронъ Вороневичъ и Коршунъ Коршуневичъ (стр. 827—830). Царь, оберегая царевну, посадилъ ее въ тюрьму [827]. Ее уноситъ Воронъ Вороневичъ. Идетъ старшій братъ на поиски; Коршунъ-Коршуневичъ его съѣдаетъ [828] и второго также. Третій побѣждаетъ, заставляетъ оживить братьевъ, сжигаетъ Коршуна [829].

---

324. Вѣдьма (стр. 830—831). Конь, предупреждая Ивана царевича, что сестра, которая родится, съѣстъ отца и матерь, совѣтуетъ уѣхать къ Солнцевой сестрѣ. Встрѣчи старушекъ, Вертогора, Вертодуба. Царевичъ плачетъ, видя съѣденное царство, проситъ домой [831]. Получаетъ молодяжныя яблоки и ѣдетъ. Услуги прежнимъ встрѣчнымъ. Дома. Мышка сообщаетъ, что сестра точитъ зубы для него. Бѣгство. Помощь старушки, Вертогора и Вертодуба. Иванъ царевичъ у Солнцеваго дома едва спасается [831].

---

325. Портной (стр. 832—833) *[„Храбрый портняжка“]*. Портной, убившій семь мухъ, счастливо побѣждаетъ великановъ [832], звѣря, женится на царевнѣ. Та, узнавъ его тайну, выгоняетъ его [833].

---

326. Волшебница (стр. 833—834). [Аѳанасьевъ, 207: *Иванъ, купеческій сынъ, отчитываетъ царевну*]. Иванушка-дурачекъ идетъ караулить въ часовнѣ царскую дочь-волшебницу [833]. Бросая ей конфекты, три раза отъ нея спасается; прутьями выбиваетъ нечистую силу, женится [834].

---

327. Ярахта Кривой (стр. 834—837). [Аѳанасьевъ, 125: *Морской царь и Василиса Премудрая*]. Крестьянинъ кормитъ пойманнаго на охотѣ лебедя [834], летитъ съ нимъ. Лебедь посылаетъ къ сестрамъ за подарками, но тѣ ничего не даютъ, лишь мать даетъ коробочку. Крестьянинъ открываетъ вопреки наказу, закрыть не можетъ [835]. Встрѣчный Ярахта предлагаетъ услуги, требуя отдать, „что дома не знаешь“. Отсуленный мальчикъ идетъ къ Ярахтѣ, тотъ задастъ ему задачи; съ помощію дочери Ярахты, мальчикъ рѣшаетъ [836]. Дѣвица убиваетъ Ярахту, и они улетаютъ [837].

---

328. Шайка разбойниковъ (стр. 837—838). [Аѳанасьевъ, 121: *Волшебное зеркальце*]. Дѣвица, уйдя изъ дома отъ снохи волшебницы, попала въ лѣсу къ разбойникамъ [837]. Приходитъ волшебница и усыпляетъ ее иголкой, серьгой, наконецъ кольцомъ. Поставленную въ гробу въ замкѣ дѣвицу находитъ Иванъ царевичъ; мать его оживляетъ, онъ женится [838].

---

329. Вдова (стр. 839—842). [Аѳанасьевъ, 207: *Иванъ, купеческій сынъ, отчитываетъ царевну*]. Сынъ вдовы, отправившись съ дядями торговать, брошенъ на морѣ. Съ встрѣчнымъ старичкомъ пріѣзжаетъ чудесно въ тотъ же городъ. Дяди нанимаютъ мальчика на караулъ къ царской дочери волшебницѣ [839]; тотъ счастливо караулитъ [840], обручается съ нею, прутьями „паритъ до пепла“, потомъ оживляетъ. Старикъ дѣлитъ деньги и исчезаетъ въ часовнѣ въ иконѣ [841]. Дяди просятъ прощенія [842].

---

330. [Оклеветанная сестра] (стр. 842—843). [Аѳанасьевъ, 158: *Косоручка*]. Жена волшебница убиваетъ любимую лошадь, собаку и уточку мужа, обвиняетъ золовку. Братъ отрубилъ руки, выгналъ. Нашелъ царевичъ [842], женится. Получивъ извѣстіе, по кознямъ волшебницы, что родились два щенка, приказываетъ „отпустить на море“. Возвратившись, отыскиваетъ жену. Расправа съ волшебницей [843].

---

331. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ (стр. 843—845). [Аѳанасьевъ, 159: *„По колѣна ноги въ золотѣ“*]. Царевичъ женится на дѣвицѣ, обѣщавшей родить сыновей „по колѣна ноги въ золотѣ“. Сестры подмѣниваютъ дѣтей, царицу бросили въ море. Выйдя на берегъ, Царевичъ отнимаетъ у чертей топоръ, скатерть, талинку, приглашаетъ черезъ корабельщиковъ отца [844], возвращаетъ братьевъ. Расправа съ сестрами [845].

---

332. Медвѣдь. Старикъ, разрѣзавъ брюхо медвѣдю, освободилъ его отъ заклятья; получаетъ отъ него деньги [845].

---

333. Золотая свинья (стр. 846—847). [Аѳанасьевъ, II, 140]. Звѣрь — половина человѣкъ, половина медвѣдь, — обернулся свиньей, къ ней прильнули поповскія сестры, потомъ матушка, попъ, чортъ [846], мужикъ; угрюмая царская дочь разсмѣялась, царь даетъ всѣмъ деньги [847].

---

334. Шампанская королева (стр. 847—849). [Аѳанасьевъ, 104: *О молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ*]. Царевичъ, вслѣдъ за братьями, ѣдетъ доставать живой воды; старухи направляютъ [847]. Доставъ воды у Шампанской королевы, не исполнилъ завѣта. Погоня. Спасаютъ старухи. Черезъ 12 лѣтъ требуютъ виноватаго [848]. Свадьба.

---

335. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ (стр. 849—850). Иванъ Царевичъ, брошенный въ море и спасенный птицей, попадаетъ въ домъ (страшнаго) звѣря [849]; тотъ оставляетъ его сыномъ, запрещаетъ ходить въ 12-й амбаръ. Иванъ Царевичъ выпускаетъ дѣвицъ, онѣ улетаютъ, но звѣрь ловитъ, а потомъ на одной изъ нихъ женитъ [850].

---

336. Иванушка-дурачекъ (стр. 851—852). [Аѳанасьевъ, 100: *Емеля дуракъ*]. Дуракъ поймалъ щуку. По щучьему велѣнью привозитъ изъ лѣсу дрова, для царя дѣлаетъ солдатъ. Поссорившись, царь опустилъ въ бочкѣ въ море [851], но по щучьему велѣнью дуракъ снова пріѣзжаетъ къ царю [852].

---

337. Три купца (стр. 852—853). Купецъ побился объ закладъ съ товарищемъ, что принесетъ перстень его жены. Помогаетъ старуха [852]. Мужъ, видя въ этомъ невѣрность жены, столкнулъ ее въ море. Жена служитъ солдатомъ, потомъ сдѣлалась генераломъ, а мужа осудили. Мужъ и жена встрѣчаются; правда раскрывается [853].

---

338. Народная сказка про мужика и про бабу (стр. 854). [Аѳанасьевъ, 236: *Сказка о злой женѣ*]. Мужикъ, прогнанный ранней весной злой бабой за ягодами, заманиваетъ ее въ яму къ чорту. Чортъ, выгнанный бабой, съ мужикомъ лѣчатъ людей. Баба возвращается; „стали жить лучше прежняго“ [854].

---

339. Сказка про змѣя (стр. 855—856). Крестьянскій сынъ попадаетъ въ домъ змѣя, становится меньшимъ братомъ, ходитъ въ три запрещенные амбара [855], достаетъ коня. Змѣй уже находитъ его богатыремъ и самъ становится младшимъ братомъ [856].

---

340. Пьяница (стр. 856—858). [Аѳанасьевъ, 71: *Три царства*]. Пьяница идетъ на поиски потерявшихся царскихъ дочерей. Оставленный въ подземельѣ возвращается съ помощію старика, достаетъ невѣстамъ башмаки и платья [857]. Правда раскрывается [858].

---

341. Чудовище (стр. 858—860). Иванъ Царевичъ, живя у Чудовища за младшаго брата, зашелъ въ запрещенные садъ и конюшню; оберегаетъ старушка [858]. Такъ во второй разъ. Затѣмъ, благодаря чудесному коню, освобождаетъ прикованную дѣвицу; привозитъ ее чудовищу [859], а тотъ даетъ невѣсту [860].

---

342. Сказка про Ивана Царевича (стр. 860—861). Иванъ Царевичъ, по клубочку старушки, приходитъ къ змѣю. Дѣвицы показываютъ ему сильную воду [860]. Сдѣлавшись сплачемъ, побѣждаетъ змѣя.

---

343. Жихарко (стр. 861—862). [Аѳанасьевъ, 62: *Ивашко и вѣдьма*]. Баба-Яга и дочери нѣсколько разъ пирогами пытаются привлечь къ себѣ Жихорко—неудачно [861]. Пойманный Жихорко изжариваетъ всѣхъ дочерей и саму Бабу-Ягу. Возвращается домой съ деньгами [862].

---

344. Зеленые женихи (стр. 863—865). [Аѳанасьевъ, 200: *Королевна и разбойники*]. Къ купеческой дочери, требовавшей „зеленыхъ жениховъ“, пріѣзжаютъ сваты-разбойники. Идетъ въ ихъ домъ, видитъ въ подземельѣ трупы. Спрятавшись, видитъ мученья другой привезенной невѣсты [863] и съ ея перстенькомъ убѣгаетъ. Вновь пріѣхавшихъ сватовъ встрѣчаютъ солдаты; дѣвица разсказываетъ свою исторію [864].

---

345. Лягушка-потягушка (стр. 865—868). [Аѳанасьевъ, 150: *Царевна-лягушка*]. Царевичъ беретъ замужъ лягушку. Задачи царя: рубашку сшить [865], коверъ, булку испечь [866]. Свадьба. Три грома гремятъ: „это моя жена умывается", „это моя жена одѣвается". На пиру лягушка дѣлаетъ чудеса. Когда сожгли платье, исчезаетъ: ее утащилъ дьяволъ. Иванъ Царевичъ ищетъ смерть дьявола [867]. Благодарныя животныя помогаютъ; царевну возвращаютъ [868].

---

346. Сказка про солдата (стр. 868—869). Солдатскій сынъ (генералъ) проигралъ казенныя деньги, уходитъ; въ помѣщичьемъ дому стрѣльбой изъ револьвера и саблей [868] нагоняетъ страху на нечистую силу; та даетъ ему денегъ, которыми онъ и расчитывается [869].

---

347. Два брата (стр. 869—871). [Аѳанасьевъ, 66: *Правда и кривда*]. Богатый братъ, давая бѣдному муку, выкалываетъ ему глаза [869]. Подслушавъ птицъ, бѣднякъ вылѣчивается самъ, вылѣчиваетъ генеральскаго сына и царскую дочь и богатѣетъ [870]. Богатый братъ гибнетъ [871].

---

348. Сказка про крестьянина (стр. 871—872). [Аѳанасьевъ, 158: *Косоручка*]. Коварная невѣста возненавидѣла золовку. Притворившись больною, требуетъ отсѣчь руки и выгнать изъ дому. Выгнали [871]. Дѣвица вышла замужъ за Царевича. Изъ-за новаго коварства снова выгоняютъ съ ребенкомъ. Приходитъ въ домъ брата. Тамъ же оказался и Иванъ Царевичъ. Расправа [872].

---

349. Сказка про купца (стр. 874—875). Молодой купецъ получилъ отъ матери оживляющій листъ. Жену купца увлекъ и увезъ полковникъ Купецъ въ солдатахъ, на часахъ у полковника [873]. Жена, увидѣвъ мужа, упала въ обморокъ. Часовой осужденъ. Его оживили. Служитъ у царя въ водовозахъ, вылѣчиваетъ его дочь и дѣлается наслѣдникомъ. Расправа съ женой и любовникомъ [874].

---

350. Два брата (стр. (875—876). Бѣдный братъ, продавши задешево шкуру коровы, посланный купцомъ въ домъ, застаетъ тамъ любовника. Идетъ хозяинъ; жена прячетъ мужика и любовника. Мужикъ нѣсколько разъ пытается запѣть, но любовникъ проситъ молчать—даетъ деньги. Любовникъ проситъ у бабы ведро смолы и подушку. Обвалявъ въ перьяхъ, мужикъ выѣзжаетъ на „кикиморѣ" [875]. Богатый братъ, завидуя бѣдному, перебилъ скотину, шкуры продалъ еще дешевле и обѣднѣлъ [876].

---

351. Умъ есть, а денегъ нѣтъ (стр. 876—877). Молодому человѣку, жаловавшемуся, что „умъ есть, а денегъ нѣтъ“, купцы дали денегъ. Онъ купилъ соломы, сжегъ, пепелъ высыпалъ на болото [876]. Прибѣжавшіе щипать траву кони фыркаютъ— выплстаютъ драгоцѣнные камни. Задѣлавъ ихъ въ кирпичи, молодецъ поражаетъ своимъ богатствомъ; расплачивается съ купцами [877].

---

352. Сказка про мужика (стр. 877—878). [Аѳанасьевъ, 220: *Вороватый мужикъ*]. Мужикъ выманиваетъ у купчихи свинью въ свали [877], а у купца тройку лошадей [878].

---

353. Сказка про монаха. (878—879). Монахъ идетъ испытывать силу слова Евангелія: „стучи—отворятъ, проси—дадутъ“ и т. д. Достучавшись до царя, проситъ въ замужество дочь. Царь посылаетъ его достать ключи ада. Съ помощію старика достаетъ и въ доказательство приноситъ въ дудкѣ половину адской силы [878]. Царь пораженъ, отдаетъ дочь, но монахъ заявляетъ, что онъ только испыталъ силу трехъ словъ Евангелія [879].

---

354. Сказка про купца (стр. 879). Купеческій сынъ-солдатъ пишетъ домой о своихъ чинахъ. Получаетъ деньги. Идетъ домой. Дорогой женился, переодѣлся офицеромъ, а потомъ проигрался. Дома пасетъ скотъ; выучилъ маршировать коровъ. Пріѣхала жена, привезла офицерскую одежду.

---

355. Сказка про царя людоѣда (стр. 880—882). Сынъ слуги царя попалъ къ людоѣду; тотъ призналъ его за сына. Изъ запрещенныхъ амбаровъ выпустилъ дѣвицъ [880]. По приказанію Людоѣда Розу прекрасную вернулъ назадъ и женился, но она, надѣвши свое платье, улетаетъ. Идетъ искать [881]. Находитъ. Задачи—спрятаться. На четвертый разъ не находятъ, признаетъ мужемъ.

---

356. Самъ съ ноготь—борода съ локоть. (883—886). [Аѳанасьевъ, 67: *Королевичъ и его дядька*]. Старикъ и старуха поймали старика „самъ съ ноготь“, воровавшаго царскую пшеницу [883]. Царевичъ выпустилъ, его выгнали. Перемѣнившись съ старикомъ одеждою, живетъ въ поварахъ, въ конюхахъ. „Самъ съ ноготь“ ему помогаетъ [884]. Царевна признаетъ въ немъ богатыря. Онъ дѣйствительно нѣсколько разъ „укротилъ войну“ [885]. На третій разъ по платку царевны узнаютъ спасителя [886].

---

357. Сказка про попа (стр. 886—887). Попъ прячетъ жену въ подземельѣ. Корабельщикъ, съ помощью старухи [886], беретъ ее замужъ. Попъ два раза сомнѣвается: не жена ли это его, идетъ домой смотрѣть, а жена перебѣгаетъ раньше тайнымъ ходомъ. Корабельщикъ ее увозитъ [887].

---

358. Иванъ Несчастный (стр. 888). Къ кому ни наймется Иванъ Несчастный, всякій обѣднѣетъ. Царевна говоритъ, что ему надо жениться. Женился на царевнѣ, сталъ счастливымъ [888].

---

359. Сказка (стр. 888—889). [Аѳанасьевъ, 109: *Двое изъ сумы*]. Старикъ пошелъ жаловаться на маленькій вѣтеръ, что онъ сдуваетъ просо, большому. Тотъ далъ ему чудесный молотокъ [888]. Старикъ его продалъ. Во второй разъ получилъ молотокъ-колотушку [889].

---

360. „Не любо — не слушай“ (стр. 889—890). [Аѳанасьевъ, 231]. Третій братъ удачнѣе другихъ братьевъ разсказываетъ старику небылицу [890].

---

361. [Сказка объ Алешѣ Поповичѣ, Усынѣ и Горынѣ] (стр. 891—892). [Аѳанасьевъ, 78: *Иванъ, крестьянскій сынъ, и мужичекъ самъ съ перстъ, усы на семь верстъ*]. Богатыри Алеша Поповичъ, Усыня, Горыня въ избушкѣ. Домовничаютъ по очереди. „Маленькій, коротенькій“ помялъ двопхъ, отъ Алеши убѣжалъ [891]. Спущенный „въ глубину земную“ Алеша выжегъ маленькому коротенькому единственный здоровый глазъ [892].

---

362. Купецъ Царіонъ (стр. 892—894). [Аѳанасьевъ, 173: *Марко Богатый и Василій Незсчастный*]. Нищіе странники—Христосъ и ангелы — обрекаютъ богатство Царіона „незаконному сыну дѣвицы“. Царіонъ покупаетъ его [892], дорогой выбросилъ. Подобрали купцы — разбогатѣли. Взявъ его снова, бросаетъ въ бочкѣ въ море. Мать змѣя огненнаго вывозитъ на берегъ. Снова у Царіона. Опъ посылаетъ мальчика къ змѣю огненному за драгоцѣнными камнями. Привозитъ и передаетъ приглашеніе Царіону отъ змѣя огненнаго [893]. Царіонъ идетъ и погибаетъ.

---

363. Грошъ (стр. 897—898). [Аѳанасьевъ, 40: *Жадная старуха*]. Грошъ, изъ дуба, обѣщаетъ старику сдѣлать, что угодно. У старика явились дрова,—по требованію старухи,—хорошій домъ, старуха становится барыней, а онъ офицеромъ, затѣмъ полковникомъ [897]. На требованіе быть государыней—грошъ дѣлаетъ ихъ свиньями [898].

---

364. Умный хохолъ (стр. 898). [Аѳанасьевъ, 249 t: *Народные анекдоты*]. Хохолъ доволенъ, что надулъ „русака", заплативъ по рублю за сосчитанныя вороны [898].

---

365. Молодая жена (стр. 901—910. [Цейтлинъ, „Извѣстія Арханг. Общества Изуч. Сѣвера" *Мать и дочь*]. Ловкій, бывалый молодецъ ѣдетъ самъ свататъ невѣсту [901]. Вопреки общественному мнѣнію, выбралъ богатую, гордую, неработницу [902]. Приготовляется къ свадьбѣ: купилъ трехъ клячъ [903]. Ѣдетъ съ невѣстой въ церковь. Отставши отъ поѣзда, прирѣзываетъ трехъ лошадей [905], заставляетъ напуганную невѣсту везти сани [906]. Дѣвица оказалась работящая, послушливая [907]. Приходитъ мать и настраиваетъ противъ мужа. Тотъ, подслушавъ, велитъ женѣ запрячь ее въ соху [908]. Мать убѣжала. Приходитъ посмотрѣть на дочь отецъ и даетъ другіе совѣты. Мужъ, услыхавъ, досталъ боченокъ съ виномъ и недѣлю угощалъ тестя [909]. Баба, увидѣвъ навеселѣ качающагося мужа, собрала кумушекъ и кричала: „запахали, запахали!" [910].

---

366. Удивительный мальчикъ (стр. 910). [Аѳанасьевъ, 168: *Мальчикъ съ пальчикъ*. 219: *Воръ*]. У старухи изъ отрубленнаго пальца зародился мальчикъ, Микулка четвертной. Мальчикъ помогаетъ на пашнѣ отцу [910]. Встрѣчный мужикъ его покупаетъ, но Микулка, прорѣзавъ суму, уходитъ [911]. Также во второй разъ [912]. Микулка идетъ на промыселъ въ городъ. Бояринъ предлагаетъ Микулкѣ украсть изъ-подъ него перину. Ночью Микулка дѣлаетъ такъ, что перину выбрасываютъ за окно. Микулка получаетъ деньги. Далѣе Микулка дурачитъ „киржатскаго" наставника.

---

367. Суженая невѣста. Мальчика и дѣвочку обручили въ дѣтствѣ, но взрослую дѣвицу выдали за другого. Дѣвица проситъ мужа разрѣшить ей снести невинность къ нареченному жениху. Мужъ въ слезахъ соглашается. На пути дѣвица попадаетъ къ разбойникамъ. Атаманъ пораженъ разсказомъ, отпускаетъ, прося зайти на обратномъ пути. Нареченный женихъ, тронутый случившимся, возвращаетъ ее законному мужу. На обратномъ пути атаманъ разбойниковъ, выслушавъ разсказъ дѣвицы, восхищенъ существующею среди людей благодарностью и не хочетъ брать предлагаемыхъ драгоцѣнностей. Дѣвица вернулась къ мужу: они стали жить какъ братья.

Областныя слова, встрѣтившіяся въ сказкахъ.

Абаить 357—избавить.
Абароцынъ 359—видъ, поступь.
Аддажный 617—въ смыслѣ завѣтный.
Аднава 655—однажды.
Ально 111—даже.
Апчикатурить 622—оштукатурить.
Арски пѣсни 404—райскія.
Бадожье 370—бадогъ, палки; наказаніе палками.
Баженый—(131).
Базанить 750—сильно кричать.
Баско 403—краса—баса. (131).
Бастрыгъ(къ) 722—длинная, толстая жердь для придавливанія воза съ сѣномъ.
Батайцовать,—(645).
Батманъ 412—четыре пудовки.
Баять 485—говорить.
Верчатый—(231).
Бесѣдка—(131).
Бидь 146—чистое мѣсто въ лѣсу.
Бирюкъ 672—волкъ.
Благой, 323 благинькой 359—своенравный неугомонный.—Убогій.
Блажничать 503—блаженствовать.
Блябля—(231).
Божатка—(231).
Болты 514—болтовня.
Вольшенный, большаханскій—(131).
Большина 373—главная власть и право распоряжаться въ семьѣ.
Брань 216—узорчатая ткань.
Брателко 20—брательникъ 446—братъ.
Брыкать, брыканцы 574—прыгать, лягая ногами.
Брякотокъ 16—удары звенящихъ предметовъ.
Букля—(231).
Булгачить—тревожить, безпокоить.
Буракъ 451—посуда изъ бересты въ видѣ цилиндра.
Бурчага 453—бурчашка—воркотунъ.
Бухать 405—сильно стучать.
Бучило—(764).
Быча! 224—кличка быка; 280—обращеніе къ нечистому.
Вага 613—бревно—родъ рычага при подъемѣ тяжестей.
Валовка 432—ласковое обращеніе, производное отъ слова волъ.
Варка 365—варево, похлебка, всякое горячее блюдо.
Ватажиться 221—возиться.
Вахлакъ 29—простакъ, олухъ.
Веретеный 382—изъ веретена.
Вершной 763—верховой.
Взаболь 393—въ самомъ дѣлѣ, по правдѣ.
Взбутетенить 373—бить.
Вздуть (огонь) 281—зажечь.
Взмырчать 224—мычать, ревѣть.
Височникъ 319—отъ стараго пріема пытки: „на високъ“.
Вихлина 363—насмѣшка.
Вица, вичка 400—молодой прутъ, розга.
Войской 417—воинскій.
Вокшаться 395—возиться.
Волокуша 698, 711—двѣ тонкихъ березы, при помощи которыхъ, какъ въ оглобляхъ, везутъ сѣно.
Волонка542—волна, овечья шерсть.
Ворожецъ 438—знахарь.
Ворыга 340—воръ.
Вощаный 446—восковой.
Втютюрить 110—впихнуть.
Выпарить 412—высидѣть цыплятъ.
Выпатраться, опатраться 374—загрязниться.
Выскирь—(231).
Выторокать—(231).
Выть—(131).
Выходъ 581, 409—1) всходъ, ростаніе растенія, 2) западъ.
Выщерить 672—оскалить.
Вѣжливецъ 752—вѣдунъ, знахарь.

Вѣнцы 79 — каждый „срубъ“ дома состоитъ изъ ряда вѣнцовъ, по четыре связанныхъ бревна.
Вѣстунокъ 359—вѣстникъ.
Вѣхаться 363 — вѣшаться, приставать.
Вѣшало 813 — жердь для развѣшиванія ч. л.
Гаведа 404—гадость.
Гайкать 446—неистово кричать.
Галить—(131).
Гамить 23—шумѣть.
Гантъ 353—снурокъ, на которомъ вѣшаютъ крестъ.
Гвоздить 363—бить.
Гладаться 356—грызться.
Гнётышъ 411 — тяжесть, употребляемая для придавленія ч. л.
Гобецъ 295, 726—голбецъ 213—небольшія палатцы между печью и палатями, надъ подпольемъ.
Гобзить 247 — тащить, съ трудомъ нести.
Голица 695—рукавица.
Голяшка 431 — ножная икра.
Горюшечка 655 — горемыка.
Грабарь 556—землекопъ.
Грабать 8—грести, сгребать.
Граять 293—каркать.
Грезить, разгреживать 761—сниться, сны разгадывать.
Дворникъ 534—содержатель постоялаго двора.
Дворница 351 — служительница, присматривающая за чистотою двора.
Дворной 512—(о собакахъ) живущій на дворѣ.
Деревинка 575—дерево въ значеніи единицы.
Дежка 526—квашня.
Дёръ 238—дернъ.
Дидилекъ 327 — дягиль, сорочій щавель.
Доброхотъ 19—доброжелатель.
Довести 224—до гибели извести.
Долонь—(131).
Домашница 84—горничная.
Домовище—(131).
Доступить 824—достать.
Драла-задувала 752 — ускользнуть, убѣжать.
Дробантъ 9—тѣлохранитель, вожатый.
Дубасить 716—бить.
Дуплинскій 300—изъ дупла.
Егибица 375—баба-яга.
Езъ—(131).
Елозить 406—ползать.
Едрёный—(231).
Жалиться 572—жаловаться, стонать.
Жареха 400—кушанье изъ свѣжихъ грибовъ.
Живалко 756—вм. жили-были.
Животъ 3—движимое имущество.
Жижлуха—(131).
Жило 222—жильё; житье-бытье отдѣльнаго человѣка.
Жировать—(131).
Жиръ 171—жизнь, домашнее житье, бытъ.
Жихарь 509—житель.
Забречать 7—бряцать, бренчать.
Забросокъ 308 — заброшенный на произволъ судьбы.
Забулдыга 466 — бездѣльникъ, безпутный, кутила.
Забѣдно—(764).
Загнѣтка 672 — горнъ, куда сгребаютъ угли съ золою, чтобы сохранить жаръ.
Задаваться 175 — пойти къ кабалу (стар.), здѣсь—влюбиться.
Задворенка 3—живущая въ задворкахъ.
Заздынуть 61—поднять.
Заклевъ 753—дѣйствіе по значенію гл. заклевывать (о рыбѣ).
Заложать 88—запирать.
Залюбить 309—взлюбить.
Залязготать 552—лязгать—стучать.
Замкать 512—замкнуть, запереть.
Заобушить 394—ударить обухомъ, убить.
Запасть—(764).
Запецинъ 78—Запечникъ.
Заплотъ 756—преграда, запруда на рѣкѣ.
Заполекъ—(131).
Запикать 499—въ смыслѣ: добиться своего, упечь.
Запойщикъ 394 — пьяница, пьющій запоемъ.
Запорный 359—спорный, условленный.
Запустить 810—пустить.
Запрежа 393—прежде.
Запырять 402—бодать, толкать.
Запѣснячить 289—запѣть пѣсни.
Засарпать 521—сопѣть.
Засона 373—соня, сонливый.
Застата—(131).
Заторнуть 360—заткнуть.
Затошновать 522—затошнить.
Затюхать 564—шлепать по грязи
Зацвирить 516 — заворчать.
Заюкотать 277—зашумѣть.
Здобляться 314—приготовляться.
Здынуть 236—поднимать, кинуть,

Зипунъ 409—верхнее платье, кафтанъ.
Зник(у) 289—знаку, признаковъ.
Зобенка 79—сума.
Зобиходить 9—ухаживать.
Зоблиться 247 — хлопотать, заботиться.
Зорить 890—слѣдить.
Ильно 439—такъ что.
Именитый 25—знатный, богатый.
Кавырка — заковырка 499 — затрудненіе, помѣха.
Какоръ 753—пень на днѣ рѣки.
Калякать 558—болтать.
Камеди 386 — балаганное представленіе.
Карцы 345—карчаги.
Кастить 754—пакостить.
Кастраватый 340—костоватый 294—костистый.
Кёрста—(131).
Киршунки 570—куры.
Кма-ли—(426).
Козельцикъ 638—козелъ, козленокъ.
Козенки—(131).
Колдовщица 357—колдунья.
Коловатый 618—колючій.
Коломажка 570 — колымага 732—карета, коляска.
Колосникъ 543 — жерди въ овинѣ для просушиванія сноповъ.
Комелекъ 786 — толстый, нижній конецъ дерева.
Копылокъ 462 — копылъ — нижняя часть прялки, на которую садятся.
Корга 416—старая баба.
Корежить 554—коробить, сгибать.
Коробица 378—коробейка, 237—кузовка изъ лубка.
Короченый 477—укороченный.
Корчинъ 749—отъ гл. корчить.
Костры 343—груды.
Коты 227—обувь.
Коточигъ 223—родъ широкаго изогнутаго шила для плетенія лаптей.
Кочубы 113—клубки бересты.
Кошевка 720—широкія и глубокія сани, обтянутыя войлокомъ или рогожей.
Коштовать, коштоваться 521—угощаться.
Крестить 38—рубить на крестъ.
Крехтить—(231).
Кросна 544—ткацкій станокъ, матеріалы для тканья.
Крошни—(231).
Крукишки 362—за спиной.
Крысаться 394—царапаться.
Кряжъ 524 — твердый, крѣпкій; здѣсь—дерево.
Кстить 295—крестить.
Кубъ 150 — чанъ для разведенія краски, для кипяченія воды, масла.
Кубыть 682—будто, похоже на то.
Куделя 173 — чесанный приготовленный ленъ.
Куксы 514 — обрубленныя, отмороженныя руки, безпалый.
Курушенки 696—индюшата.
Куликать 402—хромать, шататься.
Куляшъ 583—малороссійское блюдо.
Курва 413 — руг. сл. распутная женщина.
Кутъ 412—уголъ.
Кышъ 413—кличка птицъ, животныхъ.
Ладить 157—пытаться, стараться.
Латица 617—(?) златица.
Латка—(131).
Лаушка 626—лачужка.
Ледникъ 801—мѣсто, куда складывали зимой покойниковъ.
Ленёкъ—(131).
Лепесье—(131).
Литки 485—угощеніе.
Лобузы 575 — названіе воровъ, мошенниковъ.
Лывы 413 — лужа дождевой или весенней воды.
Лѣсовать 414—охотиться.
Лѣсина 750—стволъ дерева и древесныхъ растеній вообще, бревно.
Лѣшакъ 750—лѣшій.
Людененочекъ 343—человѣчекъ.
Любезница 503—охотница любезничать.
Лядина 263, 528—сухое мѣсто, гдѣ растетъ крупный лѣсъ.
Ляснуть 551—ударить.
Ляга—(131).
Ляха—(131).
Мазурикъ 136—нахалъ, наглецъ, мошенникъ.
Малёнка—(231).
Манъ 196—лѣсной человѣчекъ, лѣшій.
Маськи, мась 418 — кличка козъ, овецъ.
Мача куча—(231).
Меженовыя 343—длинныя дрова.
Міркуша 565—нищій.
Младень 17—младенецъ.
Млиться 381—чудиться, думаться.
Морда, марда—(131).
Морячка 498—дѣвушка съ моря.
Мотросилко 370—прозвище.
Моховѣть 53—покрывать мохомъ,

Мычка 543—прядь шерсти, надѣтая на гребень.
Мѣсь 477—мѣсто.
Мякушить (131).
Мятина 348 — ботва отъ овощей корнеплодовъ.
Нагнётъ 297 — жердь для придавливанія воза съ сѣномъ.
Награять—(231).
Назорой 246—насильно.
Назриться 650—опомниться.
Назюзгаться 754—наѣсться.
Накидка 536—притѣсненіе, задача.
Накостышекъ 744 — набалдашникъ трости.
Налаить 235—обругать.
Налупиться 586—здѣсь—наѣлся.
Налётье 558—грядущій годъ.
Наметка 61—ударъ.
Наотпашку 4—наотмашь.
Нападкой 330, 730—пить припавши къ водѣ устами.
Нарѣшеченъ 548—домъ балками, но еще не покрытъ.
Насосить 216—накормить.
Нашаль 223—нахальное.
Невѣжена 154 — невѣжа, ведущій себя неприлично.
Нежелобна—(131).
Незгода—(131).
Неладно 376—нехорошо, неудачно.
Немоглый 223—больной.
Неумѣха 332—нерукодѣльница, непряха. Ничего не умѣющая.
Новина 463—новый холстъ.
Новь 279—новая распашка.
Нужной 235—бѣдный, нуждающійся.
Обабокъ—(131).
Обжорина 579—обжора.
Обложиться 139—ошибиться.
Обликовать 395—опубликовать, объявить.
Обночать 488—переночевать.
Обночлежиться 539—зайти на ночлегъ, переночевать.
Обозлѣть 512—разсердиться, разозлиться.
Обрадѣть 17—обрадоваться.
Огошекъ 184—огонь.
Одержать 163 — держать (при купели).
Околпачивать 561—обманывать.
Окольницы 62—окна.
Окрачены глаза 249—рачьи глаза.
Окурнуться у курицы 46 — окунуться.
Окухнать—(131).
Опатраться 384—загрязниться.
Опока—(131).
Оправить 350—выручить.
Опредать 524—отрывать.
Орать 348—пахать.
Оселъ 503—веревка.
Оснимать 753—снимать.
Особникъ 653—участокъ земли, не входящій въ составъ общей крестьянской земли.
Осопатѣть 449—заразиться сапомъ.
Остойся 6—остановись.
Осѣкъ—(231).
Отбарахтаться 92—отдѣлаться.
Отопокъ (471).
Отсулить 381—посулить.
Отурить 412—податься назадъ.
Охрястать 420—съѣсть, сожрать.
Пабѣдѣ 278—послѣ обѣда.
Падина—(131).
Падогъ 395—палка.
Паленица 8 - богатырь, наѣздникъ.
Палевать 357—охотиться.
Паросникъ 525—паруснякъ—мелкій лѣсъ.
Парянина 262—сырое мѣсто, низина.
Пасьма 837—мотокъ нитокъ.
Паужинъ—(131).
Пелеговать 243—пеленать.
Пельмени 725 — пермени, мѣстное кушанье пермяковъ (вареные пирожки съ рубленымъ мясомъ).
Пентюхъ 411 — вялый, неуклюжій. Невѣжа.
Перебодѣть 512—преодолѣть.
Перепаласе—(231).
Перша 353—першъ—первый.
Пестерь—(131).
Пищеляга 297—пищага, 454 пичуга, птичка.
Площаточка—(131).
Плеха 352 — ругат. безсовѣстная женщина.
Плюха 762—тоже.
Плѣнница 794— силокъ.
Побавиться 557 — погостить, побывать.
Побы(о)томъ 191—способомъ.
Побуркивать 525—пѣть про себя (мурлыкать).
Повостъ 413—погостъ.
Повыздынуть, 763—поднять.
Погомонить 559—говорить.
Погрызуха 749—грызунья.
Подволока—(131).
Поймѣть—(764).
Показаковать 59—идти въ казаки.
Покатиться 174—окатиться (водой).
Покормленокъ 757—воспитанникъ.
Поквартерничать 595—остановиться на квартиру.
Покласться 578 — положиться, сдѣлать договоръ.

Покруче 297—сильнѣе и рѣзче.
Полетуха 297—летунья, кто скоро летаетъ.
Полица 406 — балка, на которой кладутся полати.
Полыгала 350—привычный лгунъ.
Помельцы 257—пріѣхавшіе на мельницу молоть.
Понафидникъ 577 — хлѣбъ послѣ панихидъ, собираемый духовенствомъ.
Попандерить—(426).
Порадѣть 194—постараться.
Поразъ 209—однажды.
Порато (131).
Порозъ 279—боровъ.
Посидѣнокъ 752—сборище молодежи осенними вечерами.
Поскотина 713—выгонъ скота, гдѣ пасется скотъ на подножномъ кормѣ.
Послухмянье 84—слухъ.
Постояльчиха 544 — содержательница постоялаго двора.
Посулить 43—пообѣщать.
Посыпка 406—мука въ качествѣ приправы къ корму скота.
Потаиться 40—утаить, скрыть.
Потва медвяныя 794—питье медовое.
Поторнуть 525—тоже.
Поторчины 165—сучья, коряги въ водѣ.
Поточка 405—птичка.
Пошто 397—зачѣмъ.
Поѣзжій 57—дорожный,
Праздничать — проводить время праздно.
Прегти 747—жарить, печь.
Престрашонный 315 — очень страшный.
Пригустить 754—сгустить, (приправить).
Приплавить 396—доставить.
Присѣстка 382—мѣсто для сидѣнья.
Притулиться 642—найти убѣжище.
Пришавелось—(132).
Пришипиться 392—притихнуть.
Провинка 361—вина.
Проворой 235—ловкій, расторопный.
Прозвоны 388 — колокольный перезвонъ.
Прозерный 320—приозерный.
Пропитонство 41—пропитанье.
Пролыга 530—лгунъ.
Прорѣчье—(132).
Просторство 109—просторъ.
Просужій 185, 227—проворный, досужій, ловкій.
Проториться 754—издержаться
Профатиться 236—издержаться.
Проходецъ 520—идущій проходомъ.
Прядышъ 411—отъ прянуть, прыгнуть.
Пульга 258—буря.
Пульку отлить 136—сдѣлать что то особенное.
Пунька 354—небольшой сарайчикъ близъ избы.
Пустошь 24—пустое.
Пѣваки 126—пѣвцы.
Пялы 109—пяльцы.
Разболокаться 409—раздѣться.
Размыхстать 401—размыкать, растеребить.
Разыскные 395 — полицейскіе, сыщики.
Ражій—(231).
Раменье 744—высокое, сухое мѣсто.
Распазить 547—распластать.
Распроназить 392—пронзить.
Растрястись 402—родить.
Ратманъ 34—членъ ратуши.
Ращеніе 613—растеніе.
Рѣмбать—(132).
Ременница 221 — ременный кнутъ, плеть.
Рощамага 414—щель въ деревѣ расколотомъ.
Рукамесло 622—ремесло.
Рундукъ 744—длинный сундукъ.
Рыбаковничать 764—заниматься рыболовствомъ.
Рыбникъ 13—пирогъ съ рыбой.
Рѣжанечь—жилечь 383—въ смыслѣ жизнь или смерть!
Сарга—(132).
Сацы—(366).
Свадебничать 88—играть свадьбу.
Свершить домъ 548—приготовить его для покрышки.
Своробливый 780—хилый, больной.
Сдогануться 392—догадаться.
Середнякъ 263—середній братъ.
Серёдовый 355—средній.
Сестреница 87—сестра.
Сзычать 364 — кричать, метаться
Складеникъ 421—складни—липовыя чашечки, вкладывающіяся одна въ другую; здѣсь же близкія одинъ другому лица.
Склеписто 247—складно, удачно.
Сколыбаться 722—всколебаться.
Скокуха—(132).
Скрой—(231).
Скупердяй 276—скупой.
Слабогузъ 649—слабый.
Смахать 377—сбѣгать, быстро сдѣлать.
Смередушка 277—смерть.
Смоктышъ 411 — смокотать—шибко, поспѣшно бѣжать.

Смотать 247—обмануть.
Смыкать 635—въ смыслѣ измыкаться.
Смякать 166—съѣсть.
Соломата 187—горячее кушанье изъ муки на коровьемъ маслѣ.
Сохитить 331—похитить.
Споркость 256—изобиліе.
Спукать 425—лопнуть.
Ссарапаться 753—сцѣпиться.
Станковая 508—лошадь, изъ стана.
Стебенить 754 — стебать — ѣсть жидкое кушанье.
Стежка 602—дорожка.
Столовать 50—обѣдать.
Стопка 412—правильно сложенная куча.
Стропъ 353 — стропила, бревна, на которыя опирается крыша.
Стукотокъ 7—стукъ.
Ступни 224—носки.
Сугорье 179—пригорокъ.
Сугоненье 751—гоненье.
Суземокъ—(132).
Суслонъ—(764).
Сухомослый 578—сухой, тощій.
Сучья—рячья 649—присловье.
Суша—(231).
Сѣдунъ 389 — ребенокъ, долго не ходящій.
Сѣца—(645).
Сыпуха 503—сыпь.
Счалить 277—украсть.
Талинка 786—вѣтка ивы.
Тарабанить 21—разглашать вѣсти.
Ташки, подташки 76—подъ пазуху.
Торица (764).
Торочайка 297—отъ гл. торопиться.
Точи 414—орудія для востренія ножей, топоровъ.
Трапляться 559 — собираться, случаться.
Трахнуть 574—ударить.
Трухавый 18 — трухлякъ — слабый, дряблый.
Туисокъ—(132).
Тулунить 758—тулыснуть—бить.
Тумаромъ 245—быстро, тотчасъ.
Тупичка 890 — тупой топоръ (колунъ).
Турить 397—гнать.
Тяпышъ 411—отъ глаг. тяпать.
Угоръ 33—холмъ.
Угрузить 753—погрузить.
Удавочка 735—веревочка.
Укабарило—(231).
Укурнуть—(231).
Улетъ 238—быстрый.
Умирало 326—смерть.
Урма—уйма! (132).
Устатокъ 207, 751—усталость.
Уторнуть 517—воткнуть.
Уходить 76—убить.
Ухожи—(231).
Фуркнуть (764).
Хамъ—(764).
Халепнуть 424—выпить водки.
Харьчаить—(132).
Хватовщиной 762—хватая поспѣшно.
Ховать 570—прятать.
Храпье 249—синон.: старье.
Чаруша—(426).
Чернядь 157—черный народъ, чернь.
Чежалчешка 424—чежелко верхняя обыкновенная одежда.
Четуха—(764).
Чубурахнуть 76—броситься.
Шабура 421—верхняя, старая, обыденная одежда.
Шаминка 218—соринка.
Шанежка, шаньги 223 — большая ватрушка изъ кислаго тѣста.
Щарба 749—уха изъ сухой, соленой рыбы.
Шастнить 504 — отъ слова: шасть, какое либо быстрое дѣйствіе.
Шатина, шать 406 отъ глаг. шататься.
Швыкнуть 279—швырнуть, шмыгнуть.
Шипялюнъ 353—лѣнивый, медлительный.
Ширмованье—(232).
Шкода 552—вредъ.
Шлыкъ 733 — войлочная остроконечная шапка.
Шорнуть—(132).
Шумпало—(426).
Шурупъ—(232).
Шухома—(232).
Щепетко 421—осторожно, манерно.
Щипаникъ 583 — отъ выраженія: „щипать горохъ".
Ѣжа 218, 450—ѣда, процессъ ѣды.
Эсколь 399—вотъ сколько.

СОДЕРЖАНІЕ.

Распредѣленіе сказокъ по губерніямъ.

Выпускъ I.

	стр.
Отъ Сказочной Комиссіи.	
Архангельская губернія	1—132
Вологодская губернія	133—232
Олонецкая губернія	233—238
Новгородская губернія	239—334
Псковская губернія	335—366
Вятская губернія	367—426
Казанская губернія	427—442
Нижегородская губернія	443—456
Ярославская губернія	457—471
Владимирская губернія	473—480
Тверская губернія	481—493
Московская губернія	495—504

Выпускъ II.

Смоленская губернія	505—597
Тульская губернія	599—607
Рязанская губернія	609—645
Орловская губернія	647—650
Воронежская губернія	651—657
Тамбовская губернія	659—672
Пензенская губернія	673—677
Саратовская губернія	679—686
Астраханская губернія	687—692
Самарская губернія	693—702
Уфимская губернія	703—706
Пермская губернія	707—764
Оренбургская губернія	764—767
Сибирь. Тобольская губернія	769—894
Акмолинская область	895—898
Енисейская губернія	899—919
Схематическое изложеніе и руководящій указатель сказокъ	921—984
Областныя слова, встрѣтившіяся въ сказкахъ.	985—990